ЗВЁЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ · КОЛЛЕКЦИЯ

ПИТЕР УОТТС

ОГНЕПАД

ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА · ЗЕРО
БОГИ НАСЕКОМЫХ · ПОЛКОВНИК
ЭХОПРАКСИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 2082 году человечество убедилось, что оно не одиноко во Вселенной. Бесчисленные разведывательные зонды пришельцев светящейся паутиной окутали Землю. Сгорев в атмосфере, они успели передать сигнал за пределы Солнечной системы. Два корабля, «Тезей» и «Терновый венец», отправляются выяснить, кто же стоит за всеми этими сигналами, и, возможно, впервые в истории человечества установить контакт с внеземной цивилизацией. Один из них летит в глубины пояса Койпера, другой, спустя 14 лет после первой экспедиции, – к Солнцу. Но ни знания, ни новейшая техника, ни кардинальные изменения в мозге не способны подготовить их к тому, насколько иным может быть нечеловеческий разум…

- Питер Уоттс
  - ○
  - ○ Ложная слепота
    - ■ Пролог
    - ■ Тезей
    - ■ Роршах
    - ■ Харибда
    - ■ Послесловие
    - ■ Заметки и примечания
  - ○ Зеро
    - ■
    - ■ Пять лет
    - ■ Машина спасения
    - ■ От станции к станции
    - ■ Герои
    - ■ Где мы сейчас
    - ■ Мы – мертвецы
    - ■ Рикошет
    - ■ Леди с ухмыляющейся душой
    - ■ Оглянись в гневе
    - ■ Берегись этого человека
    - ■ Подземные жители
    - ■ Провал памяти
    - ■ Без контроля
    - ■ Лазарь
  - ○ Боги насекомых
  - ○ Полковник
  - ○ Эхопраксия

-
- Прелюдия
- Примитив
- Паразит
- Добыча
- Хищник
- Пророк
- Постскриптум
- Благодарности
- Примечания и ссылки

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165

- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209

- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253

- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297

- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341

- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385

- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419

Питер Уоттс
Огнепад: Ложная слепота. Зеро. Боги насекомых. Полковник. Эхопраксия

Peter Watts
Blindsight
Zeros
Insect Gods
The Colonel
Echopraxia

Blindsight © 2006 by Peter Watts
Zeros © 2017 by Peter Watts
Insect Gods © 2015 by Peter Watts
The Colonel © 2014 by Peter Watts
Echopraxia © 2014 by Peter Watts
© Даниэль Смушкович, перевод, 2015
© Николай Кудрявцев, перевод, 2019
© Данил Криворучко, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Ложная слепота

Сильнее всего поражает меня в мире явственная необходимость воображать то, что в действительности уже существует.

Филипп Гуревич[1]

Ты сдохнешь попусту, как собака.

Эрнест Хемингуэй[2]

Посвящается Лизе
Если нам не больно – значит, мы умерли.

Пролог

Попробуй коснуться прошлого.
Попробуй бороться с прошлым.
Его нет. Оно – просто фантазия.

Тед Банди[3]

Все началось раньше. Не с шифровиков или «Роршаха», не с Большого Бена, «Тезея» или вампиров. Большинство сказало бы, что все началось со светлячков, но и это неправда: ими все закончилось.

Для меня все началось с Роберта Паглиньо. В школе он был моим лучшим и единственным другом. Нас, собратьев-изгоев, связывали похожие несчастья. Но если мое состояние оказалось приобретенным, то его – наследственным: естественный генотип наградил Пага близорукостью, прыщами и (как выяснилось позднее) склонностью к наркомании. Родители не стали его оптимизировать. Редкие обломки XX века, сохранившие веру в Бога, они полагали, что не стоит исправлять плоды трудов Его. Привести в норму могли нас обоих, но случилось это лишь со мной.

Я вышел на детскую площадку и увидел, что Пага окружили шесть пацанов. Те, кому удалось прорваться в первый ряд, методично били его по голове; остальные в ожидании своей очереди обзывали «ублюдком» и «убогим дебилом». Я наблюдал, как он неуверенно, словно сомневаясь, поднимал руки, пытаясь заслониться ими от самых болезненных ударов. Видел, что творится у него в голове, и ощущал его мысли яснее собственных: Паг боялся, что мучители могут подумать, будто он отбивается, усмотрят в этом акт сопротивления и возьмутся за него всерьез. Даже тогда – в нежном возрасте восьми лет, управляясь лишь половиной головного мозга, я проявлял задатки идеального наблюдателя. Вот только не понимал, что делать.

В последнее время я редко виделся с Пагом. Почти уверен, что он меня избегал. Но все же, если лучший друг в беде, ему нужно помочь, так? Даже если все против тебя (кстати, много ли восьмилетних мальчишек ради приятеля по играм сцепятся с шестью здоровыми парнями?), надо хотя бы позвать на помощь. За охранниками сбегать. Ну, что-нибудь!

А я застыл на месте: мне не особо хотелось его выручать.

Нелепо… Даже если бы Паг не был моим лучшим другом, я мог бы ему посочувствовать. Из-за припадков дети меня боялись и

держались на расстоянии. В минуты полного бессилия я страдал от открытого насилия меньше Роберта, но тоже натерпелся оскорблений, насмешек и подножек, которые ни с того ни с сего прерывали мой путь из точки А в точку Б. Мне были знакомы его чувства…

Прежде. Но эту часть меня хирург вырезал вместе с глючными цепями. Я все еще прорабатывал алгоритмы, чтобы вернуть ее, учился на новом опыте. Стадные животные всегда убивают слабаков в своих рядах. Это знает и инстинктивно чувствует каждый ребенок. Может, следовало позволить процессу идти естественным путем и не мешать природе? С другой стороны, родители Пага не стали перечить естеству, и вот что из этого получилось: их сын лежит, свернувшись клубком, на земле, а шестеро модифицированных «суперпацанов» бьют его по почкам.

В конце концов, там, где потерпело поражение сочувствие, сработала пропаганда. В те дни я, скорее, наблюдал, чем думал; не столько делал выводы, сколько вспоминал. А мозг сохранил множество вдохновляющих баек, восхвалявших заступников униженных и оскорбленных. Поэтому я подобрал булыжник размером со свой кулак и треснул двух обидчиков Пага по затылкам, прежде чем кто-то из них понял, что я вступил в бой.

Третий обернулся на шум – и нарвался на удар такой силы, что его скуловая кость явственно хрустнула. Помню, меня удивило, насколько равнодушно я отнесся к этому звуку: лишь отметил, что стало одним противником меньше. Остальные, увидев кровь, перепугались. Самый храбрый, правда, пообещал, что мне «хана», и, пятясь за угол, крикнул: «Сраный зомбак!»

Только через тридцать лет я уловил в этих словах иронию судьбы.

Двое парней извивались под моими ногами. Одного я пинал в лицо, пока он не перестал шевелиться; повернулся к другому. Кто-то схватил меня за плечо, и я замахнулся – не глядя, не думая, – и Паг с визгом отскочил в сторону.

– Ой, – едва успев остановиться, произнес я. – Извини.

Одно тело лежало без движения. Второе стонало, держалось за голову и завязывалось узлом.

– Ой, блин, – пропыхтел Паг. Из его носа хлестала кровь, заливая рубашку. На скуле наливался лилово-желтый синяк. – Блин-блин-блин…

Я сообразил, что сказать:

– Ты в порядке?

– Ой, блин, ты… то есть ты же не… – Он утер рот. На запястье

осталась кровь. – Ой, ну все, нам конец.

– Они сами начали.

– Да, но ты… блин! Посмотри на них!

Тот, который стонал, пытался уползти на четвереньках. Я прикинул в уме, сколько времени у него уйдет, чтобы вернуться с подкреплением. Может, убить прямо сейчас?

– Прежде ты таким не был, – прошептал Паг.

Он хотел сказать – до операции. Тогда я и почувствовал что-то внутри – слабое, едва уловимое, но живучее. Это была злость.

– Они же сами начали…

Паг шарахнулся от меня, выпучив глаза.

– Ты чего? Перестань!

Я обнаружил, что стою с поднятыми кулаками. Не помню, когда и как это сделал. Разжал руки, но не сразу: пришлось долго и старательно буравить их взглядом.

Булыжник упал наземь, отблескивая лаковой кровью.

– Я хотел помочь.

До меня никак не доходило, почему Пагу это непонятно.

– Ты… стал другим, – прошептал он с безопасного расстояния. – Ты больше не Сири.

– Сири – это я. А ты – дурак.

– Тебе мозги вырезали!

– Только половину. Из-за припа…

– Знаю я про твою эпилепсию! Думаешь, я тупой? Но ты остался в той, вырезанной половине. Типа, кусок тебя, что… – он не мог справиться ни со словами, ни с понятиями, стоявшими за ними. – Короче, ты теперь совсем другой. Будто тебя папа с мамой зарезали и…

– Папа с мамой, – неожиданно просипел я, – спасли мне жизнь. Я бы помер.

– По мне, ты уже помер, – отрезал мой лучший и единственный друг. – Сири мертв, его выковыряли ложкой и спустили в унитаз. А ты какой-то левый пацан, который нарос на его месте. Ты не Сири! С того самого дня стал другим.

До сих пор не могу решить, понимал ли Паг на самом деле, что бормочет. Может, мамаша выдернула сетевой шнур и вытащила сынка из игрушки, которой тот был занят предыдущие восемнадцать часов, прогуляться на свежий воздух? Или он так долго отстреливался в виртуальном пространстве от людей-стручков [4], что те начали ему мерещиться в реале? Может быть…

Однако отмести его слова с ходу не получалось. Помню, Хелен мне втолковывала, как ей было трудно привыкнуть. «Тебе словно новую душу пришили», – говорила она. И, правда, похоже.

Недаром операция называется «радикальная гемисферэктомия»: половина мозга отправляется вслед за протухшими креветками, а оставшаяся начинает пахать за себя и почившего товарища. Представьте, как должно перекорежить несчастное одинокое полушарие, чтобы оно работало за двоих. Очевидно, мое справилось. Мозг – очень пластичный орган: поднатужился и приспособился. В смысле, я приспособился. И все же… Прикиньте, сколько всего выдавилось, деформировалось и перепрофилировалось, когда перепланировка закончилась. Можно смело утверждать, что я стал другим человеком, по сравнению с тем, кто занимал мое тело прежде.

Потом, разумеется, прибежали взрослые: раздали лекарства, вызвали скорую. Родители бесновались, обменивались дипломатическими залпами, но сложно вызвать сочувствие к несчастному раненому ребенку, когда камеры наблюдения под тремя разными углами записали, как милая кроха с пятью дружками пинала инвалида ногами. Моя мать воспользовалась подержанными аргументами про трудное детство и вечно отсутствующего отца, который снова улетел на другой конец света. Пыль улеглась довольно быстро. Мы с Пагом даже остались приятелями – после недолгой паузы, напомнившей обоим о том, насколько узок круг общения для школьных изгоев, если те перестанут держаться друг друга.

Я пережил и тот случай, и еще миллион других испытаний детства. Вырос и приспособился. Наблюдал, запоминал, выводил алгоритмы, имитировал приемлемое поведение. Правда, без особой страсти. Как у всех, у меня появились друзья и враги. Я их выбирал, просеивая составленные за годы наблюдений списки моделей и обстоятельств.

Пускай я вырос сухарем, но объективным сухарем, и за это должен благодарить Роберта Паглиньо. Меня сформировало его ключевое наблюдение, оно привело в синтеты, обрекло на губительную встречу с шифровиками и избавило от той судьбы, что постигла Землю. Хорошо это или плохо, зависит от точки зрения. Точка зрения определяет восприятие. Особенно отчетливо я это понимаю теперь – слепой, лежа в гробу, пролетая сквозь рубежи Солнечной системы. Разговариваю сам с собой и впервые с того дня вижу, что избитый в кровь приятель по детским войнушкам уговорил меня отказаться от собственной точки зрения.

Может, ошибался он. Вероятно, я. Но отстраненность – постоянное чувство того, что ты чужой для представителей своего собственного вида – не всегда плоха.

Она приходится как никогда кстати, если на голову

сваливаются настоящие инопланетяне.

Тезей

Кровь шумит.

Сюзанна Вега[5]

Представь себе, что ты – Сири Китон. Ты приходишь в себя от мук воскрешения, захлебываясь воздухом после побившей все рекорды стосорокадневной задержки дыхания. Чувствуешь, как загустевшая от добутамина и лейэнкефалина кровь проталкивается сквозь сморщившиеся от многомесячного простоя артерии. Тело надувается болезненными толчками: расширяются кровеносные сосуды, плоть отделяется от плоти, и ребра оглушительно трещат с непривычки, разгибаясь на вдохе. Суставы от неподвижности закостенели. Ты – палочник, застывший в противоестественном нетрупном окоченении.

Крикнуть бы, но не хватает воздуха.

«Вампиры такое испытывают постоянно», – вспоминаешь ты. Для них это норма, неповторимый подход к экономии ресурсов. Они могли бы научить твое племя сдержанности, если бы на заре цивилизации их не сгубило нелепое отвращение к прямым углам. Может, еще не поздно? В конце концов, вампиры вернулись, восстали из могил благодаря чудесам палеогенетического вуду: сшиты из спящих генов и окаменевшего костного мозга, выварены в крови социопатов и гениальных аутистов. Один из них командует твоим кораблем. Щепотка его ДНК вошла в твое тело, чтобы и ты смог восстать из мертвых – здесь, на краю межзвездного пространства. Еще никому не удалось забраться дальше орбиты Юпитера, не став капельку упырем.

Боль начинает отступать – чуть-чуть. Ты запускаешь имплантаты, запрашиваешь собственную биометрию: пройдет не одна минута, прежде чем тело начнет откликаться на моторные сигналы, и не один час, пока утихнет боль. Мучения – неизбежный побочный эффект. Так бывает, когда человеческий генокод соединяют с вампирскими подпрограммами. Ты как-то спрашивал про болеутоляющие, но любая синаптическая блокада «нарушает восстановление метаболизма». Прикуси пулю, солдат!

Пытаешься представить, не так ли чувствовала себя Челси перед смертью, но эта мысль вызывает боль иного рода. Ты подавляешь ее и следишь за тем, как жизнь проталкивается в самые дальние уголки тела. Страдаешь молча, сосредоточенно проверяя биометрические показатели.

А потом думаешь: «Это какая-то ошибка…» Ведь если все

правильно, тебя выбросило на другом краю Вселенной. Ты не в поясе Койпера, куда направлялся, а высоко над эклиптикой и глубоко в облаке Оорта, царстве долгопериодических комет, раз в миллион лет осеняющих Солнце своими хвостами. Ты в межзвездном пространстве, а значит (вызываешь системные часы) твоя несмерть продлилась тысячу восемьсот суток.

Ты проспал лишних пять лет.

Крышка гроба соскальзывает в сторону. В зеркальной переборке отражается мумифицированное тело – высохший протоптер в ожидании дождей. На руках повисли пузыри с физраствором, как раздутые антипаразиты, пиявки наоборот. Ты вспоминаешь, как входили в тело иглы, прежде чем ты потерял сознание, когда вены еще не превратились в тонко и криво нарезанную бастурму.

Из камеры справа на свое отражение глядит Шпиндель. Его лицо такое же мертвенное и бескровное. Запавшие глаза перекатываются в глазницах, пока он восстанавливает связь. В его распоряжении настолько обширный сенсорный интерфейс, что, по сравнению с ним, действия твоих стандартных имплантатов больше напоминают театр теней.

Краем глаза ты замечаешь неясные отражения чужих судорог, слышится чей-то кашель и треск костей.

– Ччт… – твой голос едва сильнее сиплого шепота. – Слч?..

Шпиндель шевелит челюстью. Явственно щелкают суставы.

– …Нсс… поиимли, – хрипит он.

Ты еще не встретил инопланетян, а они уже обвели тебя вокруг пальца.

* * *

Вот так мы и вылезли из гробов: пять трупов на полставки – голых, иссохших, едва способных шевелиться даже в невесомости. Мы поднимались из саркофагов точно бабочки, вырванные до срока из коконов и наполовину оставшиеся гусеницами: одинокие, затерявшиеся в пространстве, беспомощные. В таком состоянии с большим трудом вспоминаешь, что никто не стал бы рисковать нашими шкурами, если бы это не было так важно.

– С добрым утром, комиссар.

Исаак Шпиндель потянулся дрожащей, нечувствительной рукой к сенсорным перчаткам в основании своей капсулы. Сьюзен Джеймс в следующем гробу разговаривала вполголоса сама с собой, свернувшись в эмбриональный клубок. Условная подвижность вернулась только к Аманде Бейтс: та уже оделась и

под хруст суставов раз за разом выполняла набор изометрических упражнений. Время от времени она бросала в переборку резиновый мячик, но даже ей не удавалось поймать его на отскоке.

Годы пути свели нас к единому шаблону. Мясистые щеки и бедра Джеймс, высокий лоб и долговязая фигура Шпинделя, армированный карбоплатиновый дот, который считала своим телом Бейтс, – все усохло до стандартного набора обезвоженных жил и костей. Даже наши волосы за время перелета, казалось, странным образом выцвели, хотя я знал, что это невозможно. Скорее, просвечивала бледная кожа головы. До смерти у Джеймс они были русыми, у Шпинделя – настолько темными, что казались черными, а сейчас их черепа покрывали однообразные бурые водоросли. Бейтс голову брила, но и ее брови лишились памятного мне ржавого окраса.

Скоро мы придем в себя: «Просто добавь воды!» А пока старая злая шутка про живых мертвецов наполнялась новым смыслом: они действительно похожи друг на друга, если не знать, куда смотреть. Разумеется, если знать – забыть о внешности и следить за движениями, закрыть глаза на плоть и осмысливать топологию – перепутать их невозможно. Каждый мимический мускул служит датчиком, каждая пауза в беседе сообщит больше, чем слова обоих спорщиков. Я видел, как личности Джеймс рассыпаются и собираются вновь в мгновение ока. Уголки рта Шпинделя вопили о безмолвном недоверии к Аманде Бейтс. Каждое изменение фенотипа о многом говорило тому, кто знал язык тела.

– Где?.. – прохрипела Джеймс, закашлялась и махнула тощей рукой в сторону гроба Сарасти, зияющего распахнутой крышкой.

Губы Шпинделя искривились в слабой усмешке.

– К фабрикатору пошел? Может, приказал кораблю сделать себе земельки, а то ему спать негде?

– Вероятно, совещается с Капитаном.

Бейтс больше хрипела, чем говорила; ее гортань сухо шелестела, еще не осмыслив заново идею дыхания.

Снова Джеймс:

– Можно было и здесь.

– Здесь и отлить можно, – скрипнул Шпиндель. – Не все стоит делать на людях, а?

И не все стоит выносить на люди. Немногие исходники способны без трепета скрестить взгляды с вампиром – неизменно вежливый Сарасти именно по этой причине избегал смотреть собеседнику в лицо. Но в его топологии были и другие грани, общие для всех млекопитающих, а значит, прозрачные для синтета. Если он скрылся с глаз, то, возможно, что и с моих. Или

хотел сохранить тайну.

В конце концов, «Тезей» свою хранил.

* * *

Корабль пролетел добрых пятнадцать а. е.[6] по направлению к цели, прежде чем нечто его спугнуло. «Тезей» взбесившимся котом метнулся на север и начал долгий подъем. Вначале – бешеный отжиг с ускорением в три «же» по направлению к эклиптике, когда тринадцать сотен тонн инерциальной массы бунтовали против первого закона Ньютона. Корабль опустошил баки, истек субстратом, за несколько часов промотал стосорокадневный запас горючего. Потом – долгое падение через стылую бездну и годы бухгалтерского крохоборства, когда тягу с каждого потраченного антипротона приходилось сравнивать с затратами на его отсев из вакуума. Телепортация – не волшебство: луч «Икара» не мог переправить нам реальную антиматерию, лишь квантовые спецификации. Сырье «Тезею» приходилось добывать из пространства, ион за ионом. Долгие, бессветные месяцы корабль двигался по инерции, сохраняя в себе каждый проглоченный атом. Затем – кувырок; ионизирующие лазеры полосуют пространство впереди, тормозная воронка Бассарда [7] широко раскинута. Вес триллиона триллионов протонов замедлил «Тезей», заполнил его чрево, а нас так и вовсе чуть не расплющил. С того момента корабль неустанно шел на двигателях почти до самого нашего воскрешения.

Восстановить ход событий было легко: курс открывался каждому через КонСенсус. А вот почему корабль шел таким странным маршрутом, это другое дело. В ходе послереанимационного совещания все обязательно выяснится. Мы – далеко не первая экспедиция, изменившая направление, повинуясь секретным приказам. И если бы нам требовалось знать почему, мы бы уже об этом знали. Но все равно мне было очень интересно, кто же закодировал логи связи с Землей. Может, ЦУП? Или Сарасти. Сам «Тезей», если на то пошло. Легко забыть, что в сердце корабля прячется квантовый ИскИн: он благоразумно держался в тени, лелеял нас, нес и пронизывал все наше существование, как ненавязчивый Господь Бог. И, подобно Богу, никогда не отвечал на наши молитвы.

Официальным посредником между нами был Сарасти. Когда корабль подавал голос, он разговаривал с вампиром, а тот называл его Капитаном. Как и мы все.

* * *

Он дал нам четыре часа, чтобы прийти в себя. У меня ушло больше трех только на то, чтобы выбраться из склепа. К этому времени мозги уже размяли большую часть синапсов, хотя тело, все еще поглощавшее жидкость, точно пересохшая губка, болело, не переставая. Я заменил опустевшие пакеты с физраствором на новые и двинулся на корму.

Пятнадцать минут до раскрутки, пятьдесят – до первого инструктажа после воскрешения. Тем, кто предпочитал спать в объятиях тяготения, как раз хватило времени, чтобы перетащить личные вещи в вертушку и занять 4,4 квадратных метра, отведенных на одного члена экипажа.

Меня тяготение – или его центробежный эрзац – не привлекало. Я свое пристанище разбил в невесомости, как можно дальше к корме, у передней стенки челночного ангара по правому борту. Палатка гнойником вздулась на хребте «Тезея» – крошечный пузырек кондиционированного воздуха в темной пещере пустоты под панцирем корабля. Личных вещей у меня почти не было; чтобы налепить их на стенку, ушло ровным счетом полминуты и столько же – на программирование климат-блока.

Затем я отправился на прогулку: после пяти лет анабиоза хотелось размяться.

Ближе всего находилась корма, и я начал оттуда – с экрана, защищавшего грузовой отсек от двигательного. Точно по центру кормовой переборки бугром торчал единственный задраенный люк. За ним, мимо устройств, которые не стоило трогать грубыми людскими руками, вился служебный тоннель. Там лежал жирный сверхпроводящий бублик Бассардова кольца; следом тянулись лепестки антенн, развернутые в нерушимый мыльный пузырь, способный накрыть целый город. Его центр был направлен к Солнцу, улавливая слабый квантовый блеск от потока антиматерии с «Икара». За ним – еще один радиационный щит и реактор теленигиляции, где из сырого водорода и рафинированной информации волшебным образом рождалось пламя в триста раз жарче солнечного. Я, конечно, знал заклинания – крекинг антивещества, деконструкция, телепортация квантовых чисел. Но для меня наш стремительный полет оставался волшебством. Для любого остался бы. Кроме, может быть, Сарасти.

Вокруг та же магия трудилась при менее высоких температурах и для целей не столь неуловимых. Переборку усеивало множество люков и дозаторов. В некоторые не пролез бы и мой кулак, в один-два меня удалось бы пропихнуть целиком.

Фабрикаторы «Тезея» могли воспроизвести что угодно – от ложки до рубки управления. Если дать им достаточный запас сырой материи, они могли бы построить второй корабль, правда, по кусочкам и далеко не сразу. Кое-кто интересовался, не способны ли они и новый экипаж построить, хотя нас уверяли, что такое невозможно. Даже у машин-сборщиков не настолько ловкие пальцы, чтобы воспроизвести несколько триллионов синапсов человеческого мозга. Пока – не настолько.

Я в это верил. Нас не стали бы перевозить в собранном состоянии, если бы существовала менее дорогостоящая альтернатива.

Я обернулся. Прислонившись спиной к запертому люку, просматривал «Тезей» насквозь, до самого носа. Все равно, что глядеть на огромную текстурированную черно-белую мишень: концентрические круги, люки в последовательно разделяющих внутренности корабля переборках, точно на одной линии, до крошечного «яблочка» в тридцати метрах впереди. Все распахнуты в равнодушном пренебрежении к правилам техники безопасности предыдущих поколений. Ради собственного спокойствия мы могли их закрыть, но эффект был бы сугубо психологическим: наши шансы на выживание это не повысило бы ни на гран. В случае аварии люки захлопнулись бы на несколько миллисекунд раньше, чем человеческий мозг осознал бы сигнал тревоги. Ими управлял даже не центральный компьютер, а безусловные рефлексы «Тезея».

Я оттолкнулся от кормовой переборки – поморщился от хруста и боли в отвыкших от движения сухожилиях – и поплыл вперед, оставив фаб за спиной. Проход стискивали шлюзовые камеры, ведущие к челнокам, «Сцилле» и «Харибде»; за ними хребет корабля расширился в телескопическую рифленую трубу диаметром в два метра и длиной около пятнадцати. Вдоль нее тянулись лестницы, одна напротив другой, а по сторонам пунктиром выпирали крышки люков. Большинство из них вели в пустой трюм, один-два были универсальными шлюзами на случай, если кому-то придет в голову прогуляться под панцирем. Один открывался в мою палатку, другой, в четырех метрах дальше к носу, – в палатку Бейтс. Из третьего, у самой носовой переборки, выползал Юкка Сарасти, похожий на тощего белого паука. Будь он человеком, я бы мгновенно осознал, кто передо мной: от его топологии несло убийством. Но я не смог бы оценить число его жертв, ведь раскаяние в числе реакций этого существа отсутствовало. Убийство сотни людей оставило бы на его поведении не больше следа, чем раздавленный таракан; вина скатывалась с твари бусинками, как вода по воску. Только

Сарасти принадлежал к совершенно другой породе, не человеческой, и исходившие от него смертоубийственные импульсы значили всего-навсего, что он – хищник. Он был прирожденным человекоубийцей: поддавался ли вампир когда-либо своей природной склонности, знал только он сам. А еще ЦУП.

«Может, тебе дадут поблажку, – промолчал я. – Может, это лишь цена сотрудничества. В конце концов, без тебя миссия не состоится. Почем мне знать, может, ты договорился. Ты ведь настолько умен, что понимаешь: мы не подняли бы тебя из мертвых, если бы ты не был нам так нужен. С той минуты, когда тебя вытащили из чана, ты знал, что сила на твоей стороне. Какой у тебя с ними договор, Юкка? Ты спасешь мир, а парни, держащие тебя на поводке, на какое-то время отвернутся?»

В детстве я читал, что хищники в джунглях «замораживают» жертву взглядом, но только повстречав Сарасти, понял, каково это. Правда, сейчас он на меня не смотрел, а устанавливал свою палатку и даже если бы повернулся в мою сторону, я увидел бы лишь темные очки на пол-лица, которые Юкка носил из вежливости, чтобы не пугать хомосапиенсов. Я протиснулся мимо него. Вампир не обратил на это внимания.

Я был готов поклясться, что у него изо рта несет сырым мясом!

Дальше – вертушка (технически даже две, потому что обод медотсека вращался на собственных опорах). Я пролетел сквозь центр цилиндра диаметром в шестнадцать метров. Вдоль оси проходил спинной мозг «Тезея», а вдоль лестниц по сторонам выпирали трубопроводы и плексиглас. Чуть дальше, в закутках на противоположных сторонах мира, бугрились палатки Шпинделя и Джеймс. Сам Исаак болтался в воздухе за моим плечом, голый, если не считать перчаток. По движениям его пальцев я мог прочесть, что любимый цвет биолога – зеленый. Он зацепился за одну из трех лестниц в никуда, расположенных по окружности вертушки: по крутым узким ступеням можно было подняться на пять метров от палубы – и там застрять.

Следующий люк зиял точно в центре передней стенки барабана; трубы и провода проходили через переборку. Я уцепился за подвернувшуюся скобу, чтобы сбросить скорость, – снова стиснул зубы от боли – и проплыл через него.

Т-образный перекресток. Главный коридор шел дальше, но от него отходил короткий дивертикул к ВКД-от-секу [8] и переднему шлюзу. Я не свернул. Впереди сверкала гробница, зеркально-светлая, меньше двух метров в высоту. По левую руку зияли опустевшие саркофаги, по правую теснились занятые (мы были

так незаменимы, что каждому полагалась запаска). Дублеры безмятежно спали. С тремя я встречался на тренировках. Будем надеяться, что возобновить знакомство ни с кем не придется. Однако по правому борту – всего четыре капсулы. Сарасти замены нет…

Еще один люк, совсем маленький. Я протиснулся на мостик. Сумрачно; беззвучно плывут иконки, мозаика индикаторов итерирует отражениями в тёмном стекле. Не столько рубка, сколько кокпит, и притом тесный. Я выполз между двумя противоперегрузочными ложами; перед каждым – подковообразный пульт. На самом деле, никто не собирался ими пользоваться: «Тезей» превосходно управлял собой сам, а в нестандартной ситуации мы могли рулить кораблем через имплантаты; если не сработают они, то, скорее всего, мы сыграем в ящик. И все-таки, если другого варианта не останется, в случае астрономически малой вероятности неустрашимые исследователи могут отсюда положить корабль на обратный курс, к дому.

Между приступками для ног инженеры втиснули последний люк и последний лаз – в смотровой блистер на носу «Тезея». Ссутулившись (суставы хрустели, жилы ныли), я протолкнулся… в темноту. Снаружи блистер плотно сжатыми веками накрывали щитки-раковины. Слева от люка на сенсорной панели слабо светилась единственная иконка; из корабельного хребта через люк тянулись тонкие лучики, бессильными пальцами оглаживая вогнутую стену и окрашивая ее несчетными оттенками серого и сизого, по мере того как мои глаза приспосабливались к мраку. На задней стенке от легких дуновений ветерка колыхались крепежные ремни. От застоявшегося воздуха во рту сразу появился привкус смазки и металла. Пряжки еле слышно побрякивали на сквозняке, будто маленькие китайские колокольчики.

Я протянул руку и коснулся хрусталя: внутреннего слоя из двух. Между ними шел теплый воздух, отсекая стужу. Но не до конца, так что пальцы мгновенно застыли. Снаружи – космос.

Может, на пути к нашей первоначальной цели «Тезей» обнаружил что-то такое, отчего с перепугу ломанулся за пределы Солнечной системы. Но, скорее всего, корабль летел не от чего-то, а к чему-то такому, о чем не было известно, когда мы умерли и попали на небеса. А в таком случае…

Я потянулся назад и коснулся панели. Почти ожидал, что ничего не случится; закрыть окна «Тезея» на замок было так же просто, как убрать логи связи подальше от посторонних глаз. Но купол передо мной растворился сразу – вначале трещина, затем полумесяц, потом выпученный глаз, чьи радиозащитные веки

втянулись в корпус. Мои пальцы рефлекторно вцепились в комок ремней. Бездна распростерлась во все стороны, безжалостная и голая. Было не на что опереться, кроме металлического диска меньше четырех метров в диаметре.

Звезды повсюду. Столько звезд, что, хоть убей, я не мог понять, как они умещаются на небе, когда оно остается таким черным. Звезды и… ничего больше.

«А чего ты ожидал? – укорил я себя. – Корабль чужаков справа по курсу?»

Почему бы нет? Ведь мы зачем-то сюда прилетели.

По крайней мере, остальные члены экипажа. Они оставались критически важными для успеха миссии, где бы мы ни оказались. А вот синтет, как я теперь понял, находился в совсем ином положении. Моя полезность уменьшалась с расстоянием. Нас же занесло за половину светового года от дома.

* * *

Когда стемнеет, станут видны звезды.

Ральф Уолдо Эмерсон[9]

Где я был, когда на землю обрушились огни? Выходил из небесных врат, оплакивая отца, который, по его мнению, все еще был жив.

С тех пор как Хелен ушла под капюшон, минуло почти два месяца. Это по нашему счету два месяца. Она могла прожить день, а могла и лет десять: виртуальные боги, кроме всего прочего, настраивали часы субъективного времени. Возвращаться мать не собиралась. С мужем соизволяла встречаться только на условиях, равнозначных пощечине. Он не жаловался и навещал ее всякий раз, когда жена позволяла: дважды в неделю, потом раз в неделю, затем – раз в две недели. Их брак распадался с экспоненциальной обреченностью радиоактивного изотопа, и все же отец тянулся к Хелен и принимал ее условия.

В день, когда на Землю рухнули огни, я вместе с ним стоял у ложа матери. Случай особый – последний раз, когда мы могли увидеть ее во плоти. Два месяца ее тело, вместе с пятью сотнями другими новопоступившими в приют, лежало в приемной, доступное для обозрения родственникам. Конечно, контакт оставался иллюзией, как и должен был: тело не могло с нами общаться, но мы все еще на него смотрели: плоть была теплой, а простыни – чистыми и глаженными. Из-под капюшона выглядывала нижняя челюсть Хелен, глаза и уши закрывал шлем. К ней можно

было прикоснуться. Отец часто так и делал. Возможно, некая частичка ее сознания это ощущала.

Тем не менее, в конце концов, кому-нибудь придется захлопнуть гроб и сплавить останки: потребуется место для новоприбывших. Мы пришли, чтобы провести с матерью последний день. Джим еще раз взял жену за руку. С ней по-прежнему можно будет общаться – в ее мире и на ее условиях, – но к вечеру остов упакуют в хранилище, слишком эффективно утрамбованном, чтобы принимать посетителей из плоти и крови. Нас уверяли, что тело останется в целости: тренировка мышц электростимуляцией, регулярное питание и обогрев. Оболочка будет готова вернуться к работе, если рай вдруг пострадает в неподдающейся воображению катастрофе. Все обратимо, объясняли нам. Но восходящих стало так много, а никакие катакомбы не могут расширяться до бесконечности. Ходили слухи о расчленениях и усечении несущественных частей согласно алгоритму оптимальной упаковки. Вероятно, к следующему году от Хелен останется один торс, а еще через год – лишь отрубленная голова. А может, ее тело срежут до самого мозга прежде, чем мы выйдем из здания, да так и оставят ждать последнего технологического прорыва, который возвестит начало Великой цифровой перезаписи.

Слухи! Лично я не встречал никого, кто вернулся бы после восхождения. Хотя, кто захотел бы? Даже Люцифер покинул небеса, только когда его с них сбросили.

Папа, возможно, знал точно – он всегда был в курсе того, о чем большинству людей знать не положено, но никогда не болтал лишнего. Если отец и мог что-то рассказать, его откровенность, очевидно, не заставила бы Хелен передумать, а для Джима этого было достаточно.

Мы накинули капюшоны, служившие невключенным разовыми пропусками, и встретили маму в по-спартански обставленной гостиной, которую она придумала для наших встреч. Окон в ее мир не предусматривалось – ни намека на утопию, созданную ею для себя. Хелен даже не воспользовалась препрограммированными гостевыми средами с целью уменьшить неудобства гостей. Мы оказались в безликой бежевой сфере диаметров метров в пять. И никого, кроме нее. «Возможно, – подумал я, – в ее представлении такая обстановка не слишком отличается от утопии».

Отец улыбнулся.

– Хелен.

– Джим.

Она была на двадцать лет моложе оболочки, лежавшей на

кровати, но от ее вида у меня все равно поползли мурашки по спине.

– Сири! И ты пришел!

Она всегда обращалась ко мне по имени. Не припомню, чтобы мать когда-нибудь называла меня сыном.

– Ты все так же счастлива здесь? – спросил отец.

– Невероятно. Как бы я хотела, чтобы ты присоединился к нам.

Джим улыбнулся.

– Кому-то надо поддерживать порядок.

– Ты же знаешь, мы не прощаемся, – возразила она. – Вы можете навещать меня, когда захотите.

– Только если ты сменишь обстановку.

Джим не просто шутил, а откровенно врал. Он пришел бы по зову Хелен, даже если бы идти пришлось босиком по битому стеклу.

– И Челси пусть приходит, – продолжала она. – Было бы здорово после стольких месяцев познакомиться с ней.

– Челси не придет, Хелен, – пробормотал я.

– Ну, да. Я знаю, вы общаетесь. Понимаю, у вас были особые отношения, но то, что вы разошлись, не значит, что она не…

– Ты же знаешь, она…

Я замолчал на полуслове. В голове родилась неприятная мысль: может, я действительно им не сказал?

– Сынок, – вполголоса промолвил Джим, – может, оставишь нас на минутку?

Я бы с радостью оставил их на всю жизнь. Поэтому вернулся обратно в палату, глядя на труп матери и слепого, парализованного отца, слыша, как тот забивает информационный поток соответствующими случаю банальностями. Пусть играют, завершат свою, так называемую связь, как сочтут нужным. Может, они хоть раз в жизни заставят себя быть честными друг с другом; хотя бы там, в ином мире, где все прочее – иллюзия. Может быть…

Смотреть на это мне в любом случае не хотелось. Но пришлось исполнить кое-какие формальности. Я последний раз сыграл роль в семейном спектакле и причастился привычной лжи. Мы пришли к согласию, что восход Хелен на Небеса по сути ничего не меняет, а потому никто не отклонялся от сценария и не пытался открыть другим правду. В конце концов, напомнив себе сказать «до свиданья» вместо «прощай», мы распрощались с мамой. Я даже подавил рвотный рефлекс и обнял ее.

* * *

Когда мы вынырнули из темноты, в руке у Джима был ингалятор. Мы еще не миновали вестибюль, я вяло надеялся, что он сейчас швырнет пшикалку в мусорник, но отец поднес руку ко рту и вкатил себе дозу вазопрессина, чтобы избежать искушения.

Верность в баллончике!

– Он тебе больше не нужен, – сказал я.

– Пожалуй, – согласился отец.

– К тому же это все равно не сработает. Нельзя сконцентрироваться на том, кого нет рядом, сколько бы гормонов ты ни вынюхал. Просто…

Джим промолчал. Мы прошли мимо охранников, высматривавших реалистов-инфильтраторов.

– Ее больше нет, – выпалил я. – Ей все равно, даже если ты найдешь себе кого-то. Она даже будет счастлива.

Хелен сможет делать вид, что баланс восстановлен.

– Она моя жена, – ответил Джим.

– Эти слова потеряли смысл. Да и никогда его не имели.

Отец слабо улыбнулся.

– Мы говорим о моей жизни, сынок. Меня она устраивает.

– Папа…

– Я не виню ее, – проговорил он. – И ты не вини.

Ему легко говорить. Легко даже принять боль, которую она причиняла ему все эти годы. Жизнерадостная маска не заслоняла бесконечных желчных упреков, которые отец сносил, сколько я себя помню. Думаешь, это легко, когда ты исчезаешь на целые месяцы? Легко гадать, с кем ты, где и жив ли вообще? Думаешь, легко растить одной такого ребенка?

Она винила отца во всем, а он безропотно сносил ее выходки, потому что понимал: все – ложь. Знал, что его отсутствие было лишь предлогом. Мать ушла не из-за его измены или постоянных отлучек, решение было вообще с ним не связано. Дело во мне: Хелен покинула мир, потому что больше не могла смотреть на существо, заменившее ее сына.

Я бы продолжил спор и попытался еще раз уговорить отца понять, но к этой секунде мы миновали врата Небес и вышли на улицы чистилища. А там прохожие, раскрыв рты, пялились на небо и изумленно бормотали. Вслед за ними я тоже поднял глаза к полоске нагих сумерек между вершинами небоскребов – и подавился словами…

Звезды падали! Зодиак перекрыла ровная сетка пламенных точек с сияющими хвостами. Будто всю планету поймали в частую сеть, чьи узлы сверкали огнями Святого Эльма. Это было прекрасно. И жутко.

Я отвел глаза, чтобы перенастроить зрение и дать

обнаглевшей галлюцинации шанс вежливо сгинуть, прежде чем переключу свой опытный взгляд на дальний свет. В ту минуту я заметил вампира, женщину: она шла среди нас, как архетипический волк в овечьей шкуре. На улицу их практически не выпускали, и до сих пор мне не приходилось сталкиваться с ними во плоти.

Вампирша вышла из здания напротив. Она была выше всех на голову, а ее желтые глаза, как у кошки, светились в сгущающихся сумерках. Я наблюдал, как она замечает – что-то не так. Оглянулась, посмотрела в небо и двинулась своей дорогой, безразличная к суете добычи вокруг, заворожившему земной скот небесному знамению. Безразличная к тому, что мир в эту самую минуту вывернуло наизнанку.

Было 10.35 по Гринвичу, 13 февраля 2082 года.

* * *

Они стиснули планету, как пальцы огромной руки, черные, словно изнанка горизонта событий, – до последней секунды, когда все вспыхнуло разом. Горело и визжало. Все радиоприемники ниже геостационарной орбиты застонали в унисон, а инфракрасные телескопы скрутила снежная слепота. Пепел на недели замарал небеса; мезосферные облака высоко над конденсационными следами самолетов каждый рассвет сияли ржавью. Судя по всему, объекты, в основном, состояли из железа. Что это может означать, не понимал никто.

Наверное, впервые за свою историю мир узнал о случившемся прежде, чем ему сообщили: если ты видел небо, то причастился сенсации. Эксперты по важности новостей, лишенные привычной возможности фильтровать реальность, поневоле удовлетворились тем, что дали сенсации имя. Чтобы сговориться на светлячках, потребовалось девяносто минут. Полчаса спустя в ноосфере появились первые трансформанты Фурье [10], и никто не удивился, когда оказалось, что светлячки потратили последний вздох не на белый шум. В их предсмертном хоре был заложен паттерн, загадочный шифр, противостоявший любым попыткам анализа. Неукоснительно прагматичные эксперты гадать отказывались: признали лишь, что светлячки передали куда-то какую-то информацию. Но какую именно, они не знали.

Зато догадывались все остальные. Как еще объяснить 65 536 зондов, равномерно распределенных по долготам и широтам, не оставивших без покрытия ни одного квадратного метра планетной поверхности? Очевидно, светлячки нас

сфотографировали. Мир застукали со спущенными штанами на сложносоставном панорамном стоп-кадре. Нас изучили – в качестве прелюдии то ли к официальному знакомству, то ли к военному вторжению. Точно никто сказать не мог.

Отец, скорее всего, был знаком с людьми, которые знали что-то наверняка. Но к тому времени он давно исчез, как это с ним всегда случалось в смутные времена. Располагал информацией Джим или нет, мне оставалось искать ответы вместе со всем человечеством.

Версий было хоть отбавляй. Ноосфера бурлила от самых разных сценариев в диапазоне от утопических до апокалиптических. Светлячки засеяли область струйного течения смертоносной чумой. Светлячки вышли полюбоваться природой. «Икар» перенастраивают, чтобы показать пришельцам, каково соваться к нам без спроса. «Икар» уже уничтожили. У нас есть десятки лет, чтобы принять решение; даже пришельцы из другой системы не в силах пробить световой барьер. Нам осталось жить несколько дней; боевые биокорабли уже миновали пояс астероидов и через неделю дезинфицируют всю планету.

Как и все, я наблюдал за говорящими головами и слушал панические вопли. Шлялся по болтосайтам, пропитывался чужими мнениями, но ничего нового не слышал. Я всю жизнь провел в роли некоего пришельца-этнолога: наблюдал, как ведет себя мир, по крупицам собирал протоколы и схемы поведения, законы и правила, которые позволили бы мне просочиться в людское сообщество. Раньше у меня все получалось, но присутствие настоящих инопланетян добавило в уравнение новое неизвестное. Простое наблюдение больше не удовлетворяло меня, как будто из-за появления внешней группы я волей-неволей слился с родным таксоном. Моя отстраненность от мира внезапно показалась натужной и капельку нелепой.

Правда, способа преодолеть ее я так и не нашел, хоть убей.

Челси всегда говорила, что телеприсутствие выхолостило человеческие взаимоотношения. «Говорят, никакой разницы, – как-то заявила она мне. – Все равно, что собраться семьей, в тесном кругу, когда все друг друга видят, толпятся и пахнут. Ан нет! Они – лишь тени на стене пещеры. Само собой, интерактивные, трехмерные, цветные и с силовой обратной связью. Им под силу обмануть цивилизованный рассудок, но нутром ты чуешь, что это не люди, хотя понять, с чего ты так решил, естественно, не можешь. Не воспринимаются они как настоящие. Понимаешь, что я хочу сказать?»

Я не понимал. В те дни я представления не имел, о чем она говорит. Но теперь мы все снова превратились в троглодитов,

прячущихся под скалой: молния раскалывает небеса, а огромные бесформенные чудовища, чьи тени едва уловимы в стробоскопическом мелькании зарниц, ревут и мечутся вокруг. Одиночество перестало приносить утешение, интерактивность тоже не помогала. Был нужен кто-то настоящий, кто-то, в кого можно вцепиться, с кем разделить пространство, страх, надежду и неуверенность.

Я представил рядом товарищей, которые не исчезают, если выйти из сети. Но Челси больше не было, и Пага. Те немногие, кому я мог позвонить, – коллеги и бывшие клиенты, с которыми я особенно убедительно поддерживал видимость взаимопонимания, – не стоили усилий. Плоть и кровь по-своему соотносятся с реальностью: они необходимы, но не достаточны.

Пока я отстранённо смотрел на мир, меня озарило: я совершенно точно знал, что имела в виду Челси со своим луддитским бредом о разбавленном человечестве и бесцветных связях в виртуальном пространстве. Все время знал! Просто не видел никакой разницы по сравнению с реальностью.

* * *

Представь себе, что ты – машина.

Да, я все понимаю. Но представь, что ты – не биологическая машина, а построенная из металла и пластика, спроектированная не случайным естественным отбором, а инженерами и астрофизиками, ни на миг не упускающими из виду конечную цель. И что твоя задача – не воспроизводиться и даже не выжить, а собирать информацию.

Я с легкостью могу себе такое представить. Это намного проще, чем те имитации, которые мне приходится играть ежедневно.

Я плыву сквозь бездну за орбитой Нептуна и для любого наблюдателя в видимой области спектра существую как небытие: асимметричная тень, заслоняющая звезды. Лишь временами в бесконечном вращении я сверкаю тускло отраженным светом. Если ты застанешь меня в этот миг, тебе, вероятно, удастся отчасти распознать мою истинную природу: сегментированное создание в шкуре из фольги, ощетинившееся суставами, плоскостями и остриями антенн. Тут и там сочленений и швов коснулась легкая изморозь – застывшие клочья газа, скопившегося, быть может, в окрестностях Юпитера. Повсюду микроскопические трупы земных бактерий, с беспечной страстью процветавших на броне орбитальных станций или плодоносной

лунной поверхности, но обратившихся в лёд на расстоянии от Солнца, вполовину меньшем моего нынешнего. Сейчас, на вздохе от абсолютного нуля, они могут рассыпаться от прикосновения единственного фотона.

Но сердце у меня теплое. В груди пылает крошечный ядерный пожар, даря неуязвимость от внешнего холода. Если не случится несчастья, огонь не погаснет еще тысячу лет, и я буду прислушиваться к слабым голосам из ЦУПа и следовать их указаниям. До сей поры они приказывали лишь изучать кометы. Все полученные мною инструкции содержат четкие и недвусмысленные уточнения этой основополагающей цели моего существования.

Вот почему последние директивы настолько сбивают с толку. Я не нахожу в них смысла. Неверная частота, неправильная мощность сигнала. Я не могу распознать даже протоколы установления связи. Запрашиваю разъяснения, а в ответ тысячу минут спустя приходит невероятная смесь приказов и запросов. Я отвечаю, как могу: вот направление, на котором мощность сигнала была максимальной. Нет, это не стандартный азимут ЦУПа. Да, могу воспроизвести; вот так как было. Да, перехожу в режим ожидания.

Жду дальнейших указаний. Они приходят 839 минут спустя и, согласно им, я должен немедленно прекратить изучение комет и войти в управляемую прецессию с периодом в 94 секунды, меняя направление основных антенн с шагом в 5 минут по всем трем осям. Уловив любые данные, сходные с теми, что прежде так сильно меня озадачили, я обязан сориентироваться по азимуту максимальной мощности передачи, вычислить набор параметров, а также ретранслировать ее в ЦУП.

Повинуюсь. Долгое время не слышу ничего, но я бесконечно терпелив и не способен на скуку. В конце концов, афферентных решеток касается мимолетный знакомый сигнал. Возвращаюсь, отслеживаю источник, для описания которого у меня есть все необходимое. Транснептунианская комета в поясе Койпера около 200 км в диаметре. С периодом в 4,57 секунды она обводит небосвод направленным радиолучом на волне 21 см. Тот ни в одной точке не пересекается с координатами ЦУПа и направлен, судя по всему, на другую цель.

Земля необычно долго молчит. Когда ответ приходит, от меня требуют изменить курс. Центр сообщает, что отныне моя цель – комета Бернса-Колфилда. Учитывая текущий вектор импульса и запасы топлива, я достигну ее не раньше, чем через тридцать девять лет.

Во время полета ни на что другое отвлекаться нельзя.

* * *

Я работал в Университете Курцвейла [11] – связным в расколотой группе самых передовых ученых, убежденных, что они находятся на грани разрешения квантово-глиального парадокса. Исследователи в области искусственного интеллекта не один десяток лет бились лбами об эту стену; эксперты обещали, что, когда ее пробьют, до первой загрузки личности останется полтора года и не больше двух – до первой надежной эмуляции человеческого сознания в программной среде. Решение этой задачи возвестит конец плотской истории и выведет на сцену Сингулярность, нетерпеливо переминающуюся за кулисами без малого полвека.

Через два месяца после Огнепада институт разорвал контракт.

Я, признаться, был удивлен, что они столько тянули. Мгновенная смена приоритетов и головокружительные перемены в попытке вернуть утраченную инициативу дорого нам обошлись. Даже новая постдефицитная экономика не могла выдержать такого катастрофического перелома, не скатившись к банкротству. Станции в глубоком космосе, долгое время считавшиеся защищенными благодаря своей удаленности, внезапно стали уязвимы по той же причине. Обиталища в точках Лагранжа пришлось переоснащать для обороны от неведомого врага. Грузовые корабли снимали с Марсианской петли, вооружали и командировали на новые посты: одни прикрывали плацдарм около Марса, другие отправились к Солнцу для охраны «Икара».

Неважно, что светлячки не произвели по этим мишеням ни одного выстрела. Мы просто не могли позволить себе рисковать.

Естественно, все человечество оказалось в одной лодке, в отчаянии готовое любыми средствами вернуть гипотетическое превосходство. Короли и гендиректора строчили долговые расписки на салфетках и обещали расплатиться сполна, когда вопли уймутся. Тем временем на перспективу утопии из ближайшего будущего надвинулась тень Армагеддона. В Университете Курцвейла, как у всех, внезапно обнаружились другие срочные проблемы.

Так что я вернулся домой, откупорил пузырь «Гленфиддича» и лепестками расположил в голове виртуальные окошки. Люди на иконках спорили со всех сторон, обсуждая объедки, чей срок годности вышел две недели назад.

Позорный крах глобальной системы безопасности.

Нам не причинили никакого вреда.

Спутники связи уничтожены. Тысячи погибших.

Это были случайные столкновения. И непреднамеренные жертвы.

(Кто их послал?)

Мы должны были их засечь. Почему мы…

Дальний космос. Закон обратных квадратов. Считай сам.

Они замаскировались!

(Что им нужно?)

Нас изнасиловали!

Господи Иисусе! Просто сфотографировали.

Почему они молчат?

Луна в порядке. Марс в порядке.

(Где они?)

Почему они не пошли на контакт?

О'Нилы [12] не пострадали.

Технология подразумевает агрессию!

(Они вернутся?)

Нас никто не атаковал.

Пока.

Это не вторжение.

Еще нет.

(Но где они?)
(Они вернутся?)
(Эй, кто-нибудь?)

Джим Мур,
голосовой вызов с шифрованием
{Принять?}

Окошко расцвело под самым моим носом, заслонив спор. Я дважды прочел текст. Попытался вспомнить, когда отец звонил с выезда в последний раз, и не смог.

Остальные окна заглушил.

– Папа?

– Сынок, – отозвался он, промедлив. – Ты как?

– Как все. Никак не решим, праздновать или в штаны наложить.

Отец ответил не сразу.

– Да, вопрос серьезный, – сказал он, наконец.

– Дать мне совет ты, конечно, не можешь? Нас, простецов, держат в неведении.

Вопрос был риторический. Чтобы подтвердить это, отцовского молчания не требовалось.

– Знаю, – добавил я секунду спустя. – Просто ходят слухи, что «Икар» рухнул, и…

– Ты знаешь, что я не… – Джим умолк. – Чушь собачья. «Икар» в порядке.

– Правда?

Отец, казалось, взвешивал каждое слово.

– Светлячки, скорее всего, его даже не заметили. Когда станция не работает, следового излучения нет, а в блеске короны ее не разглядеть. Если только не знаешь, где искать.

Пришла моя очередь умолкнуть: этот разговор внезапно начал действовать мне на нервы.

Когда отец уходил на задание, он не звонил домой. А когда он возвращался с задания, никогда ни о чем не рассказывал. Неважно, работает «Икар» или его разнесло в клочья, швырнув на Солнце тысячей километров рваных оригами. Так или иначе, отец не сказал бы ни слова, если только не появилось бы официального заявления. Чего – я на всякий случай обновил справочное окошко – еще не случилось.

К тому же хоть отец всегда был немногословен, прежде частых нерешительных пауз я за ним не замечал, а в нынешнем разговоре он медлил перед каждой репликой.

Я чуть поддернул леску:

– Но корабли туда отправили.

И начал считать. Тысяча-раз, тысяча-два…

– Обычная предосторожность. «Икару» давно требовался осмотр. Ты же не станешь врубать машину на полную, не попинав хотя бы шины для порядка?

Чуть меньше трех секунд на ответ!

– Ты на Луне. Пауза.

– Почти.

– Что ты… пап! Зачем ты мне все рассказываешь? Разве это не нарушение секретности?

– Тебе позвонят, – сообщил он.

– Кто? Зачем?

– Собирают команду. Из… людей, с которыми ты имеешь дело, – отец слишком рационален, чтобы оспаривать достижения реконструктов и гибридов, но никогда не скрывал своего недоверия к ним. – Им нужен синтет.

– Как удачно, что в твоей родне затесался один. Радио играет в пинг-понг.

– Это не кумовство, Сири. Я очень хотел, чтобы они выбрали другого.

– Спасибо за дове…

Но он все сразу понял и предугадал мои слова, прежде чем они преодолели разделявшее нас расстояние.

– Я не ставлю под сомнение твои способности, и ты это знаешь. Просто ты – самый подходящий исполнитель для жизненно важного задания.

– Тогда поче… – начал я и осекся.

От работы в какой-нибудь теорлабе западного полушария отец не стал бы меня удерживать.

– К делу, пап.

– Светлячки. Мы кое-что нашли.

– Что?

– Радиосигнал. Пояс Койпера. Мы отследили координаты.

– Они заговорили?

– Не с нами, – он откашлялся. – Нам просто повезло, что мы перехватили их передачу.

– Тогда с кем?

– Мы не знаем.

– Сообщение дружеское? Враждебное?

– Сынок, мы не знаем. Система шифрования вроде бы та же, но даже в этом мы не уверены. У нас есть лишь местоположение.

– И вы посылаете команду.

Посылаете меня… Прежде люди никогда не долетали до пояса Койпера. Последние роботы отправились туда десятки лет

назад. Не то чтобы у нас не было технической возможности – пропало желание. Все, в чем нуждалось человечество, можно найти ближе к дому. Эпоха межпланетных перелетов запнулась на поясе астероидов.

Но теперь что-то затаилось на границе нашей лужайки и взывало к бездне. Может, говорило с другой звездной системы? А может, с чем-то поближе, на подлете.

– Мы не можем игнорировать подобную ситуацию, – заключил отец.

– Как насчет зондов?

– Разумеется. Но мы не можем ждать от них ответа. Экспедиция пойдет по их следам, обновления будет получать по пути.

Он дал мне несколько секунд, чтобы переварить информацию, и продолжил:

– Ты должен понять. По нашим предположениям, Бернс-Колфилд не знает, что мы его засекли. На данный момент это наше единственное преимущество. Мы надо извлечь как можно больше из этой возможности.

Но комета Бернса-Колфилда скрывалась от нас. Ей может не понравиться принудительное знакомство.

– Что, если я откажусь?

Задержка с ответом, кажется, говорила вообще о Марсе.

– Я тебя знаю, сынок. Ты не откажешься.

– А если? Если я лучший кандидат и задача так важна…

Ему не надо было отвечать, а мне не стоило спрашивать. При таких ставках люди, критически важные для миссии, лишаются права выбора. У меня не будет возможности даже с детской мелочностью задержать дыхание и выйти из песочницы: воля к сопротивлению – дело столь же механическое, как и необходимость дышать. С подходящими нейрохимическими отмычками можно подавить и то и другое.

– Это вы разорвали мой контракт с институтом, – сообразил я.

– Это самое малое из того, что мы сделали. Какое-то время говорил лишь разделяющий нас вакуум.

– Если бы я мог вернуться в прошлое и исправить то… что сделало тебя таким… – признался отец, сделав паузу, – я бы так и сделал. Не раздумывая.

– Ага.

– Мне пора. Просто не хотел держать тебя в неведении.

– Спасибо.

– Я люблю тебя, сынок.

«Где ты? Домой-то успеешь вернуться?»

– Спасибо, – повторил я. – Приятно слышать.

* * *

Вот чего мой отец изменить не мог. Того, кто я есть.

Я – мост между передним краем технологии и неподвижным центром, я стою между волшебником Изумрудного города и фокусником из Канзаса, который спрятался за занавесом. Я и есть этот занавес.

Такие, как я, появились давно. Наши корни у истоков цивилизации, но мои предшественники исполняли иную, менее почетную роль. Они лишь смазывали колеса общественной стабильности: подслащали горькие истины, ради политических выгод растили воображаемых чудовищ. По-своему они были незаменимы. Даже вооруженное до зубов полицейское государство не может постоянно использовать грубую силу против каждого из своих подданных. Меметический контроль тоньше: подкрашенное розовым отражение реальности, данной нам в ощущениях, и заразный страх перед угрожающими альтернативами. Всегда существовали те, кому доверено преобразовывать информационную конфигурацию, но на протяжении большей части истории никто не имел дела с ее упрощением.

С приходом нового тысячелетия все изменилось. Мы превзошли самих себя, ступили на территории за пределами человеческого понимания. Порой даже в обычном пространстве ландшафт оказывался настолько прихотлив, что наш рассудок просто не мог его охватить. Иногда сами координаты уходили в измерения, непредставимые для мозгов, приспособленных драться и спариваться в допотопной саванне. Слишком многое ограничивает нас со всех сторон. Самые устойчивые философские основы бескорыстия рушатся под натиском грубых эгоистических императивов спинного мозга. Изящные и стройные уравнения предсказывают поведение квантового мира, но не помогают его объяснить. За четыре тысячи лет мы даже не смогли доказать себе, что реальность существует вне наблюдателя.

Мы слишком нуждаемся в интеллекте, превосходящем наш собственный, но не очень хорошо умеем его создавать. Насильственное скрещивание разума и электронов оказывается удачным и провальным с одинаково впечатляющими результатами. Наши гибриды становятся похожими на гениальных аутистов. Мы насаживаем плоть на протезы, заставляем перегруженные моторные извилины жонглировать

мускулами и механизмами, а когда пальцы подергиваются и язык заплетается, качаем головой. Компьютеры загружают своих отпрысков, множатся, обретают мудрость столь непредставимую, что их отчеты несут явную печать маразма – едва разумным тварям, оставшимся позади, они кажутся рассеянными и бессмысленными.

И когда ваши собственные творения, что намного вас превосходят, находят нужные ответы, вы не в силах понять их выкладки и не можете проверить решения. Приходится принимать слова на веру. Или воспользоваться теорией информации, сплющить полученные выводы, сделать из тессеракта двухмерную игрушку, а бутылку Клейна представить в простом 3Д – одним словом, упростить реальность. Попутно лучше помолиться богам, пережившим второе тысячелетие, ведь искажая истину, пусть и с самыми лучшими намерениями, можно попутно снести пару несущих стен, на которых держалась вся теория. Приходится нанимать таких, как я: гибридных потомков профайлеров, технических редакторов и спецов по теории информации.

В официальной обстановке нас называют синтетами, на улице кличут жаргонавтами или «попугаями». Мудрецы, чьи кровью политые открытия лоботомируют и холостят ради могущественных невежд, заинтересованных исключительно в рыночной прибыли, могут обозвать кротом или шапероном [13]. Исаак Шпиндель нарек меня «комиссаром», и пусть подколка была дружелюбной, в каждой шутке есть доля истины.

Мне так и не удалось убедить себя, что мы, люди, сделали правильный выбор. Я даже во сне могу перечислить стандартный набор оправданий, бесконечно долдонить о ротационной топологии информации и неуместности семантического понимания. Но когда все слова сказаны, остаюсь один на один со своей неуверенностью. И не знаю никого, кто бы от нее избавился. Может, все наши старания – афера, в которой заодно и мошенники, и их жертвы? Мы не готовы признать, что наши собственные творения нас превзошли: пускай они говорят на неведомых языках, но наши жрецы умеют толковать знаки. Боги высекают алгоритмы на горных склонах, зато скрижали народу приношу я, маленький, жалкий и совсем нестрашный.

Возможно, сингулярность случилась много лет назад. Мы просто боимся признать, что отстали.

* * *

…Ведь всякие звери приходят сюда,
И демоны изредка тоже.

Иэн Андерсон. Поднимается сом[14]

Нас назвали «третьей волной». Загнали в одну лодку и отправили в бесконечную тьму – спасибо передовому прототипу корабля, который спустили с симуляторов, опередив график на целых восемнадцать месяцев. В другой экономике, не столь объятой страхом, такое насилие над расписанием разорило бы четыре страны и пятнадцать мультикорпораций.

Первые две волны спустили на воду еще более поспешно. О том, что случилось с ними, я узнал за полчаса до инструктажа, когда Сарасти сбросил телеметрию в КонСенсус. Я полностью раскрылся, и данные хлынули в имплантаты, расплескались по теменным долям коры сверкающим потоком сверхплотной информации. Даже сейчас я помню данные так же ясно, как в тот день, когда их записали.

Я там. И я – это они.

Я – «пушечное мясо», беспилотник, одновременно улучшенный и ободранный до костей, теленигиляционный реактор с камерами, привинченными к носу; выдаю ускорение, которое размазало бы плоть в студень. Я радостно мчусь во тьму, а мой стереоскопический брат-близнец несется в сотне километров по правому борту. Двойные реактивные струи пионов разгоняют нас до субсветовой прежде, чем бедный старый «Тезей» доковылял до марсианской орбиты.

Но когда за кормой уже шесть миллиардов километров, ЦУП перекрывает кран и мы летим по инерции. Комета растет в объективах – замороженная загадка, расчерчивающая небо направленным сигналом, как прожекторным лучом. Мы наводим на нее рудиментарные органы чувств и разглядываем в излучении на тысяче частот.

Мы жили ради этой секунды.

Мы видим беспорядочные колебания, которые говорят о недавних столкновениях. Видим шрамы – гладкие ледяные просторы там, где прыщавая шкура расплавилась и замерзла вновь совсем недавно, бессильное солнце за нашими спинами в таком преступлении не обвинить.

Мы видим невозможное: комету с ядром из чистого железа.

Плывем мимо, а комета Бернса-Колфилда поет. Не для нас; она игнорирует наш пролет, как игнорировала приближение. Поет для кого-то другого. Возможно, когда-нибудь мы встретим ее слушателей. Вероятно, они ждут впереди, в бесплодной пустыне пространства. ЦУП переворачивает нас вверх ногами, заставляет

держать камеру на цели даже тогда, когда любые возможности захвата потеряны. Шлет отчаянные указания, пытается выжать из наших гаснущих сигналов, из помех последние биты информации. Я чувствую его разочарование, Земля не хочет нас отпускать; пару раз даже спрашивает, не позволит ли тщательно отмеренный тормозной импульс задержаться еще ненадолго.

Торможение – для сосунков, мы направляемся к звездам. Пока, Бернси… Чао, ЦУП! Прощай, Солнце. Свидимся при тепловой смерти.

* * *

К цели мы приближаемся с опаской.

Нас трое во второй волне, и мы не спешим, как наши предшественники, но все равно летим гораздо быстрее механизмов, скованных грузом плоти. Нас сдерживает груз, дарующий виртуальное всеведение: мы зрим на всех длинах волн, от радио до вибрации субатомных струн. Автономные микрозонды готовы измерить все, что предусмотрели хозяева, а крошечные бортовые сборщики способны лепить инструменты атом за атомом, чтобы уловить непредусмотренное. Атомы, собранные по дороге, соединяются с ионами, догоняющими нас из точки старта: в чреве каждого из нас копятся топливо и снаряжение.

Лишняя тяжесть задерживает, но еще больше замедляют маневры торможения на полпути. Вторую половину странствия мы неустанно боремся с инерцией, накопившейся с начала полета. Не самый эффективный способ путешествовать. В менее отчаянной ситуации мы сразу набрали бы оптимальную скорость и, вероятно, подтолкнули бы себя, обернувшись вокруг подвернувшейся планеты; большую часть пути продрейфовали бы. Но время поджимает, поэтому идем под тягой всю дорогу. Нужно достичь цели, мы не можем позволить себе ее миновать и решиться на самоубийственное мотовство первой волны. Они лишь набросали контуры ландшафта, а нам нужно заснять все до мелочей.

Приходится вести себя ответственно.

Теперь, выходя на орбиту, мы видим все, что рассмотрели они, и даже более: ледяные струпья и невозможное железное ядро. Еще мы слышим песнь и под мерзлой коркой кометы распознаем формы: архитектуру, прорастающую сквозь геологию. Мы слишком далеко, чтобы прищуриться, а радар подслеповат, мелких деталей не видит. Но мы умные, и нас трое, разделенных огромными пространствами. Длины волн трех радаров можно подогнать так,

чтобы они сошлись в заранее предусмотренной точке – и полученный голографический ремикс тройного эха увеличит разрешение в двадцать семь раз.

Комета Бернса-Колфилда замолкает в ту самую секунду, когда наш план вступает в действие. А потом я слепну.

Это временная неполадка: из-за перегрузки рефлекторно напряглись фильтры. В следующую секунду системы возвращаются в рабочий режим, а диагностика дает зеленый свет. Я связываюсь с товарищами, подтверждаю аналогичные неполадки восстановления. Мы в полном порядке, вот только внезапно увеличилась плотность ионизированного газа вокруг. Может, какой-то сенсорный сбой. Мы готовы изучать объект Бернса-Колфилда дальше.

Единственная проблема заключается в том, что он исчез…

* * *

Экипажа как такового на «Тезее» не было – ни пилотов, ни механиков, ни матросов, чтобы драить палубу; смысл тратить мясо на работу, которую на порядок меньшие машины выполняют на порядок лучше. Если еще не ушедшим на Небеса массам требуется придать своим жизням иллюзию смысла, то пусть другие корабли тонут под тяжестью лишних вахт. Пусть людишки кишат на судах, ведомых коммерческими интересами. Нас пустили на борт лишь потому, что для Первого контакта еще не разработали специальных программ. «Тезей» мчался за пределы Солнечной системы и нес в себе судьбу мира, тратить массу на самоуважение ему было не с руки.

Вот все мы, напитанные влагой и отмытые до скрипа: Исаак Шпиндель, чья задача – изучать инопланетян; Банда четырех – Сьюзен Джеймс и ее дополнительные личности – чтобы общаться с ними; майор Аманда Бейтс – чтобы драться, если потребуется; Юкка Сарасти – чтобы властвовать над всеми нами и двигать, словно шахматные фигурки на многомерной игровой доске, видимой лишь вампирам.

Он посадил нас за стол, который ловко кривился посреди рекреации, незаметно поддерживая постоянное расстояние до прогнувшейся палубы под ногами. Вертушка была обставлена в стиле раннего сводизма, заставлявшего похмельные, непривычные мозги верить, что смотришь на мир сквозь широкоугольный объектив. Из уважения к суставам недавно воскресших живых мертвецов вертушку раскрутили всего на одну пятую «же», но только для разогрева: через шесть часов тяготение

доведут до половины земного, и две трети каждых суток оно будет оставаться на этом уровне, пока корабль не решит, что мы полностью оправились. На ближайшие дни невесомость превратится в редкую роскошь.

Над столом повисли световые скульптуры. Сарасти мог передать данные в наши имплантаты напрямую и вообще провести собрание через КонСенсус; необходимости физически собираться в одном месте не было. Однако если хочешь привлечь чье-то внимание, говорить нужно лицом к лицу.

Шпиндель заговорщицки склонился ко мне:

– А может, наш кровосос просто возбуждается, глядя на такую уйму мяса перед собой?

Если Сарасти и услышал, то не подал вида, даже мне. Он указал на темное сердце в центре экрана. Его глаза прятались за черным забралом очков.

– Объект Оаса. Инфракрасный эмиттер, метановая группа.

Объект на экране не потрясал воображение: предположительная цель казалась черным диском, круглым провалом среди звезд. В жизни он весил как десять Юпитеров и в талии был шире этого гиганта процентов на двадцать. Лежал прямо по курсу: слишком маленький, чтобы гореть; слишком одинокий, чтобы отражать свет далеких звезд; слишком тяжелый для газового гиганта; слишком легкий для коричневого карлика.

– Когда эта штука проявилась?

Бейтс одной рукой тискала свой резиновый мячик, до белизны в костяшках.

– В 2076 на микроволновой съемке засекают рентгеновский пик. – «За шесть лет до Огнепада, значит». – Сигнал не повторяется, подтвердить его не могут. Судя по спектру, торсионная вспышка на карлике L-класса [15], но с таким эффектом мы должны бы увидеть что-то большое, а небо в этом направлении чистое. В результате Международный астрономический союз отправляет сигнал в артефакты статистики.

Брови Шпинделя сползлись вместе – точно гусеницы поцеловались.

– Что изменилось?

Сарасти усмехнулся, не разжимая губ.

– После Огнепада в метабазе начинает рыться куча народа. Все суетятся, ищут хоть какие-то улики. Когда комета Бернса-Колфилда взрывается… – он пощелкал языком, – становится ясно, что субкарликовый объект может давать такие вспышки, если магнитосфера у него достаточно взбаламучена.

Бейтс:

– Взбаламучена чем?

– Не знаем.

Пока Сарасти обрисовывал ситуацию, на столе слой за слоем громоздились статистические подсчеты. Объект удалось отыскать лишь с помощью невероятно интенсивного поиска, и это при неимоверно пристальном внимании всей планеты и заранее известном направлении. Тысячу моментальных снимков с разных телескопов наложили друг на друга и прогнали сквозь дюжину фильтров, прежде чем что-то прорезалось из помех где-то между трехметровым диапазоном и порогом чувствительности. Долгое время оно даже толком не существовало, больше напоминая вероятностного призрака, пока «Тезей» не подобрался достаточно близко и не увидел очевидное: квантовую частицу, тяжелую как десять Юпитеров.

Земные картографы окрестили его Большим Беном. «Тезей» едва миновал орбиту Сатурна, когда объект нашли в статистических погрешностях. Для любой другой экспедиции такое открытие ничего не значило бы: новость пришла бы по дороге, но горючего хватило бы только на унылое возвращение домой. А у «Тезея» бесконечно тонкий топливопровод тянулся к самому Солнцу, и корабль мог буквально развернуться на пресловутом пятачке. Мы сменили курс, не просыпаясь, и луч «Икара» следовал за нами на световой скорости, словно кошка за добычей.

И вот – приехали.

– К вопросу о малых вероятностях, так сказать, – проворчал Шпиндель.

Сидевшая по другую сторону стола Бейтс взмахнула рукой, и ее мячик проплыл над моей макушкой; я слышал, как он ударился о палубу («не о палубу, – поправило что-то во мне, – о поручень»).

– Значит, предполагаем, что комета была задумана как ложная цель?

Сарасти кивнул. Мячик рикошетом вернулся в мое поле зрения откуда-то сверху и на миг скрылся за становой жилой, петляя в слабом тяготении вертушки по эксцентричным, опровергающим подсказки интуиции траекториям.

– Значит, они хотят, чтобы их не трогали. Сарасти сложил пальцы домиком и повернулся к Бейтс:

– Это ваши рекомендации?

Это было ее желание.

– Нет, сэр. Я имею в виду, что на отправку объекта Бернса-Колфилда ушло, должно быть, немало сил и средств. Тот, кто его построил, очевидно, высоко ценит свою анонимность и обладает

достаточно высокими технологиями, чтобы ее защитить.

Мячик срикошетил в последний раз и поковылял обратно через рекреацию. Бейтс привстала с кресла, всплыв на миг, и едва успела поймать его на лету. В ее движениях чувствовалась неуклюжесть новорожденной зверушки: действие силы Кориолиса пополам с трупным окоченением. Для пятого часа – отличный результат. Мы, остальные хомосапиенсы, едва встали на ноги.

– А может, для них это было не так уж и сложно? – размышлял вслух Шпиндель. – Раз плюнуть!

– Тогда не важно, враждебны они или нет. В этом случае перед нами цивилизация, которая по уровню технического развития на голову выше человечества. Если так, нам точно не стоит к ним торопиться.

Сарасти вернулся к бурлящим диаграммам.

– И?

Бейтс тискала в пальцах добытый мячик.

– Сыр достается второй мыши. Пусть наша супероснащенная разведка в поясе Койпера пошла коту под хвост, но ломиться вслепую необязательно. Надо отправить дронов по разным векторам, а с тесным контактом обождать, по крайней мере, до того момента, когда выясним, насколько враждебный прием нас ждет.

Джеймс мотнула головой:

– Если бы они были настроены враждебно, то могли бы зарядить светлячки антиматерией. Или вместо шестидесяти тысяч крошечных объектов послать один большой. Нас вынесло бы при столкновении.

– Светлячки не говорят ни о чем, кроме изначального любопытства, – парировала Бейтс. – Понравилось им увиденное или нет, кто знает?

– А что если теория отвлекающего маневра – дерьмо собачье?

Я обернулся, вздрогнув. Звуки доносились изо рта Джеймс, но говорила Саша.

– Если хочешь остаться незамеченным, не устраиваешь фейерверк в полнеба, – продолжила она. – Если тебя никто не ищет, нет смысла прятаться, а никто не станет искать, если о тебе не знают. Если им было просто интересно, могли снять все по-тихому.

– Риск обнаружения, – вполголоса напомнил вампир.

– Не хочу вас расстраивать, Юкка, но светлячки тоже не на цыпочках…

Сарасти открыл рот. И закрыл. Мелькнули и отчетливо щелкнули, смыкаясь, едва видные острые зубы. В очках вампира отражались диаграммы с рабочего стола – корчащаяся

многоцветная полоса на месте глаз.

Саша заткнулась.

– Они платят скрытностью за скорость, – продолжил Сарасти. – К тому времени, как вы среагируете, они уже получат своё.

Он говорил терпеливо и негромко: сытый хищник, объясняющий добыче правила игры, которые та должна бы знать сама: «Чем дольше я буду тебя выслеживать, тем легче тебе уйти от погони».

Но Саша уже исчезла. Ее грани разлетелись как стая испуганных скворцов, и на следующем слове голосом Сьюзен Джеймс заговорила сама Сьюзен.

– Юкка, Саша знакома с текущей парадигмой. Она просто беспокоится, что парадигма может оказаться неправильной.

– У вас есть другая? – поинтересовался Шпиндель. – Основательнее? Шире?

– Не знаю, – Джеймс вздохнула. – Нет, пожалуй. Просто… странно, если они действительно решили отправить нас по ложному следу. Я надеялась, они просто… ладно, – она развела руками. – Думаю, ничего страшного… Уверена, если мы правильно представимся, они пойдут на контакт. Возможно, нам следует быть немного осторожнее…

Сарасти встал из кресла, выпрямившись во весь рост, и навис над нами:

– Мы идем на сближение. Последние данные не оставляют времени для проволочек.

Бейтс нахмурилась и вновь отправила мячик на орбиту.

– Сэр, все, что мы знаем с уверенностью, – это то, что объект Оаса находится прямо по курсу. Нам даже неизвестно, есть ли там кто-нибудь.

– Есть, – отозвался Сарасти. – И они нас ждут.

Несколько секунд все молчали. В тишине хрустнули чьи-то суставы.

– Э… – начал Шпиндель.

Сарасти, не глядя, поднял руку и поймал в воздухе вернувшийся мячик Бейтс.

– «Тезей» отпингован [16] лидаром [17] четыре часа сорок восемь минут назад. Мы отвечаем идентичным сигналом. Реакции нет. Зонды отправлены за полчаса до нашего пробуждения. Вслепую ломиться мы не станем, но ждать нельзя. Нас уже видят, и чем дольше мы медлим, тем выше риск противодействия.

Я смотрел на темное, безликое пятно над столом: оно было больше Юпитера, и все же мы до сих пор его не видели. Скрываясь в тени этой громады, что-то с невероятной и

непринужденной точностью щелкнуло нас по носу лазерным лучом.

Не получится у нас диалога на равных.

– Вы знали об этом с самого начала? – озвучил общее мнение Шпиндель. – И говорите только сейчас?

Сарасти широко и зубасто улыбнулся, будто располосовал себе нижнюю половину лица.

Возможно, хищник просто не мог не играть с едой.

* * *

Дело не во внешнем виде. Удлиненные конечности, бледная кожа, клыки, выпирающая челюсть, конечно, заметны и непривычны, но они не отпугивают, не устрашают. Дело не в глазах: у кошек и собак они светятся в темноте, но у нас это не вызывает дрожь.

Вся загвоздка в движениях. Что-то на уровне рефлексов. Он держал конечности так, что походил на богомола, и ты постоянно думал только об одном: эти длинные суставчатые штуки могут протянуться и схватить тебя на другом конце комнаты в любой момент, когда заблагорассудится хозяину. Стоило Сарасти взглянуть на меня – по-настоящему, невооруженным глазом, без очков, – полмиллиона лет куда-то испарялись. То, что он вымер, ничего не значило. Как и то, что мы прошли долгий путь, набрали достаточно сил и воскресили собственные кошмары себе на потребу. Гены не обманешь, они знают, чего бояться.

Конечно, испытать такое надо самому и вживую. Роберт Паглиньо знал вампиров до последней молекулы – теоретически, но так и не понял их, хотя держал в голове все биотехнические параметры. Он позвонил мне перед отлетом, чем немало меня удивил. Когда объявили состав экспедиции, надсмотрщики блокировали все личные вызовы, кроме внесенных в «белый список». Я забыл, что Паг в него входит. После Челси мы не общались, и я уже оставил надежду когда-нибудь снова с ним встретиться. Но он позвонил.

– Стручок, – Паг неуверенно улыбнулся, вызывая на разговор.

– Рад тебя видеть, – ответил я. Ведь в подобных ситуациях принято так говорить.

– Ну… я видел твое имя на плахе. Для исходника ты здорово поднялся.

– Не слишком.

– Твою мать, да ты теперь – авангард человечества! Наша первая, последняя и единственная надежда перед лицом

неведомого. Ты их всех сделал! – Паг с постановочным восторгом вскинул сжатый кулак.

Краеугольным камнем в жизни Роберта Паглиньо стало желание всех сделать, и, надо сказать, оно пошло ему на пользу, а недостатки естественного происхождения он преодолел с помощью модификаций, хирургических улучшений и невероятной безжалостности. В мире, где человечество беспрецедентными темпами становилось излишним, мы оба хранили статус другой эпохи: профессиональных работников.

– Теперь тобой будет командовать вамп, – прокомментировал он. – Как говорится, клин клином вышибают.

– Наверное, хотят, чтобы мы попрактиковались. Ну, чтобы с настоящими чужаками было полегче.

Паг рассмеялся. Понятия не имею почему. Но на всякий случай я улыбнулся в ответ. Мне было приятно снова его видеть.

– Ну, и какие они в жизни? – спросил Паг.

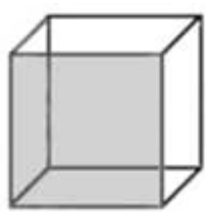
– Вампиры? Не знаю. Вчера первого увидел.

– И?

– Трудно читается. Порой кажется, что он не осознает происходящее вокруг, словно… уходит в свой воображаемый мирок.

– Еще как осознает! Эти твари такие сообразительные, что дрожь пробирает. Ты знаешь, что они могут одновременно удерживать в сознании оба аспекта кубов Неккера?

Термин показался знакомым. Я запросил подсказку и увидел миниатюру знакомой проволочной рамки.



Теперь я вспомнил: классическая зрительная иллюзия. Иногда заштрихованной кажется передняя сторона, иногда – задняя. Куб переворачивается в зависимости от взгляда.

– Мы с тобой видим куб или так, или иначе, – продолжил Паг. – Упыри видят его обоими способами одновременно. Представляешь, какое это им дает преимущество?

– Недостаточное.

– Туше! Но, послушай, они не виноваты, что в малых популяциях нейтральные признаки фиксируются.

– Я бы не назвал крестовый глюк нейтральным признаком.

– Поначалу он был именно таким. Много ли прямых углов ты видишь в природе? – Паг махнул рукой. – Хотя не в них дело. Суть в том, что они способны на то, что для нас, людей, неврологически невозможно. Скажем, одновременно воспринимать множественные картины мира. То, что мы вынуждены прорабатывать шаг за шагом, вампы замечают с первого взгляда, им не нужно об этом думать. Ты ведь знаешь, что ни один обычный человек из исходников не сможет с ходу перечислить все простые числа между единицей и миллиардом? В старые времена на такое были способны только редкие аутисты.

– Он никогда не пользуется прошедшим временем, – пробормотал я.

– А? Это… – Паг кивнул. – Вампиры не воспринимают прошедшего времени. Для них это другая ветка реальности. Они не вспоминают прошлое, а переживают его заново.

– Вроде явственных воспоминаний после травмы?

– Только без травмы, – Роберт поморщился. – По крайней мере для них.

– Выходит, это твой нынешний конек? Вампиры?

– Стручок, вампиры сейчас – Конек с большой буквы «ка» для любого, у кого в резюме есть хотя бы одна приставка «нейро». Я лишь делал пару статей по гистологии. Рецепторы распознавания образов, светоизбирательные фоторецепторы, фильтры информационного приоритета [18]. В общем, про их глаза.

– Ага, – я поколебался. – Выводят из равновесия, знаешь ли.

– А то! – Паг понимающе кивнул. – Это их тапетум [19] дает такой отблеск… Жуть!

Он помотал головой, явно впечатленный моим замечанием.

– Ты не видел их живьем, – заключил я.

– В смысле, во плоти? Да я бы отдал за это левое яйцо. А что?

– Дело не в свечении. А в… – я поискал подходящее слово, – в отношении.

– Ага, – согласился Паг, помолчав. – Пожалуй, иной раз своими глазами не увидишь – не поймешь, да? Поэтому я тебе и завидую, Стручок.

– Зря.

– Не зря! Даже если ты не встретишься с теми, кто послал светлячков, у тебя будет возможность понаблюдать этого… Сарасти, да?

– Впустую. В моем резюме все «нейро» стоят в графе «история болезни».

Роберт рассмеялся.

– Ну, в общем, как я сказал – увидел твое имя в заголовках и решил: старику через пару месяцев вылетать, и, наверное, не

стоит ждать, что он сам позвонит.

С нашего последнего разговора прошло больше двух лет.

– Не думал о том, что пробьюсь, кстати. Решил, ты занес меня в «черный список».

– Нет. Мысли такой не было, – уверил его я.

Паг опустил глаза, затих, но потом пробормотал:

– Мог бы ей позвонить.

– Знаю.

– Она умирала. Ты бы мог…

– Не было времени.

Паг решил проглотить мое неприкрытое вранье и просто сказал:

– В общем, я хотел пожелать тебе удачи. Что тоже не до конца было правдой.

– Спасибо. Ценю.

– Надери пришельцам задницы! Если они у них есть.

– Нас будет пятеро, Паг. Вместе с дублерами девять человек. На армию не похоже.

– Просто фигура речи, мой млекопитающий брат. Тогда зарой топор войны. Не пускай торпеды. Успокой дракона.

«Подними белый флаг», – подумал я.

– Ты, наверное, очень занят, – заметил он, – я…

– Слушай, хочешь встретиться? В реале. Я давно не был в «КуБите».

– Я бы с радостью, Стручок. Только сейчас в Манкойе, на семинаре по углубленному анализу.

– Ты хочешь сказать физически?

– Передовые разработки. Старая школа, привычка…

– Жалко.

– В общем, оставлю я тебя. Просто хотел… ну, понимаешь…

– Спасибо, – повторил я.

– Ну, ты понял. Пока, – заключил он.

Для чего, если разобраться, Роберт Паглиньо мне и звонил: он не рассчитывал на «следующий раз».

* * *

Паг винил меня за то, что с Челси так вышло. И поделом! Я винил его за то, что с ней все началось.

Он занялся нейроэкономикой, как минимум, потому, что друг детства прямо у него на глазах превратился в человека-стручка. Я подался в синтез примерно по той же причине. Наши пути разошлись, и мы не часто встречались во плоти, но и через

двадцать лет после того, как я ради него избил тех пацанов, Роберт Паглиньо оставался моим лучшим и единственным другом.

– Тебе надо оттаять, – как-то сказал он мне. – И я знаю женщину с подходящими прихватками для духовки.

– Это, пожалуй, самая скверная метафора в истории человеческого языка, – заметил я.

– Серьезно, она тебе под стать. Вроде противовеса – сдвинет ближе к статистической норме, понимаешь?

– Нет, Паг, не понимаю. Кто она, тоже нейроэкономист?

– Нейрокосметолог, – поправил он.

– На них еще есть спрос? – я бы сильно удивился: зачем платить за то, чтобы увеличить совместимость со своей «второй половиной», когда само понятие «второй половины» вышло из моды?

– Небольшой, – признался Паг. – Вообще-то она сидит почти без работы. Но инструменты еще при ней, старина! Очень тигмотактичная [20] девочка. Предпочитает общаться лицом к лицу и во плоти.

– Не знаю, Паг. Слишком смахивает на работу.

– Это не твоя работа. С ней всяко будет полегче, чем с этими чертовыми композиторами, которых ты переводишь. Умница, красавица, да и вполне нормальная, если не считать заморочек по поводу личного общения. А это не столько извращение, сколько милый фетиш. И в твоем случае он может дать лечебный эффект.

– Если бы я хотел лечиться, то обратился бы к психиатру.

– По правде сказать, этим она тоже подрабатывает.

– Да? – и, против воли: – Получается?

Паг смерил меня взглядом.

– Тебе не поможет. Да и не в том дело. Я просто прикинул, что вы двое должны сойтись. Челси – одна из немногих, кого с ходу не оттолкнут твои интимные проблемы.

– В наше время у всех интимные проблемы, если ты не заметил.

Как тут не заметишь: население уменьшается не первый десяток лет.

– Это был эвфемизм. Я имел в виду твою антипатию к контакту с людьми вообще.

– Называть тебя человеком – уже эвфемизм?

Он ухмыльнулся:

– Тут другое. Мы с тобой давно друг друга знаем.

– Спасибо, но нет.

– Поздно, она уже едет на место вашей встречи.

– Место на… Паг, ты жопа!

– Глубокая.

В результате неожиданно для себя я оказался на свидании, такая неприятная близость совсем не радовала. В коктейль-баре отеля «Бесс и медведь» слабое рассеянное сияние сочилось из-под кресел и столешниц; цветовая гамма сползала – по крайней мере тем вечером – в длинные волны. В таких местах исходники могут делать вид, что видят инфракрасный свет. Так поступил и я, разглядывая женщину за столиком в углу: долговязую и роскошную. С полдюжины кровей слилось в ней так, что ни одна не забивала остальные. На щеке что-то мерцало слабым изумрудным стаккато на плавном фоне красного смещения. Волосы угольным облаком колыхались в воздухе. Подойдя, я заметил в толще нимба металлические искры и нити электростатического генератора, создающего иллюзию невесомости. В нормальной обстановке ее кроваво-красная кожа приобрела бы модный карамельный оттенок бесстыдного смешения племен.

Она была привлекательна, но в таком освещении это нетрудно: чем длиннее световые волны, тем более размыто изображение. На траходромах нарочно не ставят флуоресцентные лампы.

«Ты на это не купишься», – сказал я себе.

– Челси, – представилась она. Ее мизинец упирался в зарядник, встроенный в столешницу. – Бывший нейрокосметолог, а ныне паразит на теле мировой экономики – спасибо генетике и чудесам новых технологий.

На ее щеке лениво взмахивал яркими крыльями отсвет: биолюминесцентная татуировка-бабочка.

– Сири, – отозвался я. – Синтет-фрилансер, крепостной на службе генетики и технологий, превративших тебя в паразита.

Она взмахом руки указала на пустовавшее рядом сиденье. Я принял приглашение, оценивая представшую передо мной систему и прикидывая лучший способ быстро, но дипломатично разорвать контакт. Изгиб ее плеч подсказывал, что она обожает светопись и стесняется в этом признаться. Любимым художником Челси был Монаган. Она считала себя «естественной» девушкой, потому что много лет сидела на химических либидниках, хотя проще было бы сделать нейрокорректуру. Втайне она наслаждалась своей противоречивостью: на работе Челси правила людям мысли, но одновременно верила в дегуманизирующее влияние телефонов. От рождения Челси была привязчива и страшно боялась безответной привязанности, хотя упрямо отказывалась поддаться своим страхам.

Ей нравилось то, что она увидела во мне. И немного пугало.

– Хорошая здесь дурь, – Челси показала на мой край стола. В кровавом свете тачпады мерцали нестройной синевой, будто отпечатки распластанных ладоней. – Лишняя феноксигруппа или что-то в этом роде.

Типовые нейропрепараты на меня почти не действуют: они оптимизированы для людей, у которых в черепе больше серого вещества. Я для виду потыкал тачпад и едва ощутил приход.

– Итак, синтет. Значит, объясняем безразличным непостижимое.

Я послушно улыбнулся:

– Скорее, наводим мосты. Между теми, кто совершает открытия, и теми, кто получает за это награду.

Она улыбнулась в ответ.

– Как это у вас получается? У ваших подопечных и лобные доли оптимизированы, модернизаций куча… Я хочу сказать, если они непостижимы, то как же вам все-таки удается их понять?

– Помогает, когда не понимаешь вообще всех. Набираешься опыта.

Вот так, это должно немного увеличить дистанцию.

Не помогло… Она решила, что я шучу. Я видел, как ей хочется узнать подробности о моей работе, потом обо мне, а это могло привести…

– Расскажи, – вкрадчиво поинтересовался я, – каково это – зарабатывать на жизнь перепайкой чужих мозгов.

Челси поморщилась; бабочка на щеке нервически затрепетала, ее крылья разгорелись.

– Господи, ты так говоришь, будто мы из них делаем зомби или что похуже. Так, мелкая корректировка, в основном: поменять музыкальные или кулинарные пристрастия, оптимизировать супружескую совместимость. Все обратимо.

– Таблетками не получается?

– Нет. Слишком много приобретенных отличий в строении нервной системы. Мы делаем очень тонкую настройку. И не всегда занимаемся микрохирургией или синапсы поджариваем. Удивишься, сколько всего можно перепаять без всяких операций. Можно запустить самые разные каскады, проигрывая определенные звуки в нужной последовательности или показывая изображения в сочетании правильной геометрии и эмоций.

– Новая методика, полагаю?

– Не совсем. Ритм и музыка опираются на тот же принцип. Мы просто превратили искусство в науку.

– Да, но когда?

Без сомнения, недавно. Максимум лет двадцать назад.

– Роберт рассказывал мне о твоей операции. – Она внезапно

понизила голос. – Какая-то форма вирусной эпилепсии, правильно? Когда ты был совсем малышом.

Я никогда не просил его держать мою историю в тайне. Какая разница, в конце концов? Я ведь полностью выздоровел. Кроме того, Паг до сих пор убежден, что она случилась с кем-то другим.

– Я подробностей не знаю, – мягко продолжила Челси, – но, судя по всему, неинвазивные методы не сработали бы. Я уверена, у врачей не было другого выхода.

Я попытался подавить мысль и не смог: «Она мне нравится». И тогда почувствовал какое-то незнакомое ощущение, как будто спина расслабилась. Кресло почему-то показалось мне удобнее.

– В общем… – мое молчание выбило ее из колеи. – Я почти не работаю с той поры, как из-под рынка вышибли опору. Зато из-за профессии приобрела устойчивую привычку к личным контактам, если понимаешь, о чем речь.

– Ага. Паг рассказывал, что ты занимаешься сексом не в виртуале.

Она кивнула.

– Да, я очень старомодная. Ты против?

Я не был уверен. В реале я оставался девственником. Хоть что-то еще связывало меня с цивилизованным обществом.

– В принципе, нет, наверное. Просто мне это кажется… Слишком большие усилия ради незначительной выгоды, понимаешь?

– Еще бы не понять, – она улыбнулась. – Любителей настоящего секса не заретушировать. У них есть всякие потребности и желания, которые не подкорректируешь. Можно ли винить людей, если они отказываются от такого теперь, когда появился выбор. Порой диву даешься, как наши родители вообще сошлись друг с другом…

«Порой диву даешься, почему они сразу не разбежались». Я все глубже погружался в кресло, изумляясь странному и непривычному ощущению. Челси говорила, что дофамин здесь модифицированный. Наверное, дело в нем.

Она склонилась вперед – без жеманства и кокетства, ни на миг не сводя с меня глаз. В длинноволновой мгле я чувствовал лимонный запах от смеси феромонов и химикатов на ее коже.

– Но есть и свои преимущества, когда освоишь азы, – проговорила она. – У тела долгая память. И… ты понимаешь, что у тебя под правой рукой ничего нет, а, Сири?

Я опустил глаза. Указательный палец левой руки поглаживал капельную губку с легким наркотиком, впитывающимся в кожу; правая же, стоило отвести взгляд, повторила это движение, бессмысленно постукивая ногтем по голой столешнице.

Я отдернул руку и признался:

– Небольшой двусторонний тик. Когда отвлекаюсь, тело принимает симметричную позу.

Я ждал шутки или хотя бы недоуменного движения брови. Но Челси кивнула и продолжила:

– Так что, если ты готов, я – тоже. Никогда раньше не путалась с синтетом.

– Можно и с жаргонавтом. Я не гордый.

– Ты всегда точно знаешь, что сказать, – она склонила голову к плечу. – А что значит твое имя?

«Расслабленным» – вот правильное слово. Я чувствовал себя расслабленным.

– Не знаю. Просто имя.

– Этого мало. Если мы собираемся долго обмениваться жидкостями, тебе нужно осмысленное имя.

А мы, как я понял, собираемся. Это решила Челси, пока я витал в облаках. Можно было осадить ее, сказав, что это скверная идея, и извиниться за недопонимание. Но тогда начнутся оскорбленные взгляды, раненые чувства и обиды. В конце концов, если я не был готов, за каким чертом приперся?

Она показалась мне милой, и я не хотел ее обижать. «Ненадолго, – сказал я себе. – Это будет интересный опыт».

– Я буду звать тебя Лебедем, – решила Челси.

– Как большую белую птицу? – уточнил я.

Немножко претенциозно, но могло быть хуже.

Она покачала головой:

– Как черную дыру «Лебедь X-1».

Я специально нахмурился, но совершенно точно понял, что она имеет в виду: темный массивный предмет, пожирающий свет и разрушающий все на своем пути.

– Спасибо огромное, блин. За что?

– Не знаю. В тебе есть что-то мрачное, – Челси пожала плечами и широко улыбнулась. – Но привлекательное. А если дашь чуть-чуть себя подкорректировать, зуб даю, вся твоя суровость исчезнет.

Позднее Паг с неохотой признал, что от этих слов мне стоило насторожиться. Век живи – век учись.

* * *

> Вожаки – это фантазеры со слаборазвитым инстинктом самосохранения и полным отсутствием адекватной оценки ситуации.

Роберт Джарвик[21]

Наш разведчик падал на орбиту, неотрывно глядя на Большого Бена. Мы летели по той же траектории с отставанием на несколько дней, не сводя глаз с зонда. И все мы сидели в чреве «Тезея», пока система закачивала данные телеметрии к нам в имплантаты. Незаменимые, важнейшие, критически необходимые – в ходе первого подлета нас с таким же успехом мог заменить балласт.

Мы пересекли рэлеевскую границу. «Тезей» прищурился и в слабом эмиссионном излучении различил блудный объект галактического гало – ошметок давно забытой галактики Большого Пса, которую Млечный Путь затянул под колеса и размазал по «асфальту» несчетные миллиарды лет назад. Мы приближались к небесному телу, зародившемуся за пределами нашей звездной системы.

Зонд несся вниз и вглубь. Он подобрался к планете достаточно близко, чтобы задействовать усиление четкости. Поверхность Бена высветлилась бурлящим парфе сверхконтрастных полос на алмазно-четком звездном фоне. Что-то посверкивало внизу: слабые искры среди бесконечных туч.

– Молнии? – предположила Джеймс.

Шпиндель покачал головой:

– Метеориты. Должно быть, в окрестностях полно гальки.

– Цвет не тот, – возразил Сарасти.

Физически его не было с нами: вампир сидел в своей палатке, подключившись к Капитану. Но КонСенсус позволял ему присутствовать в любом помещении корабля.

В мои имплантаты лилась морфометрия: масса, диаметр, средняя плотность. Сутки Бена длились семь часов двенадцать минут. Вокруг экватора, в полумиллионе километров над верхушками облаков, начинался массивный и протяженный аккреционный пояс [22], по форме напоминавший скорее бублик, чем плоское кольцо: вероятно, перемолотые тушки раскрошенных в пыль лун.

– Метеориты, – Шпиндель ухмыльнулся. – Я же говорил.

Похоже, что он был прав. От приближения булавочные искорки размазались в яркие эфемерные дефисы, расчертившие атмосферу. Ближе к полюсам в облачных слоях изредка тускло вспыхивали электрические разряды.

Слабое радиоизлучение, пики на волнах 31 и 400 метров. Экзосфера из метана и аммиака; в изобилии литий, вода, угарный газ. В рваных тучах с ними смешиваются сульфид аммония и галиды щелочных металлов. В верхних слоях атмосферы –

атомарные щелочные металлы. К этому времени такие детали улавливал даже «Тезей», но зонд подобрался так близко, что можно было различить подробности: бурыми пластами туч под ним клубился уже не диск, а темная выпуклая стена, в толще которой просвечивали слабые линии антрацена и пирена.

Мириады огненных следов от метеоров опалили лик Большого Бена прямо на наших глазах. На миг показалось, что в центре огонька я вижу крошечную черную пылинку, но изображение внезапно исполосовали помехи. Бейтс вполголоса выругалась. Картинка размазалась, но, когда зонд перешел на другие частоты, стала отчетливее: не в силах перекричать длинноволновой гам, система переключилась на лазерную связь.

И все равно сигнал заикался. По идее держать его на одной линии было очень просто: «Тезей» и зонд двигались по одинаковым параболическим траекториям, а их взаимное положение можно было точно предсказать в любой момент времени. Однако инверсионный след метеора плясал и скользил по экрану, будто прицел лазерного луча постоянно сбивали крошечные толчки. Раскаленный газ размывал детали. Сомневаюсь, что даже на совершенно неподвижной картинке человеческий глаз мог бы заметить тут какие-то четкие контуры. И все же… Было что-то неправильное в этой крошечной черной точке в сердце гаснущего огонька. Почему-то примитивный отдел моего мозга отказывался признать ее естественной.

Изображение снова дернулось, захлебнулось темнотой и не вернулось.

– Зонд сдох, – сообщила Бейтс. – Поджарило последним пиком. Похоже, натолкнулся на спираль Паркера [23], еще и на сильном ветру.

Мне даже подсказки не понадобилось вызывать. По выражению ее лица и внезапно прорезавшим переносицу складкам было ясно: речь идет о магнитных полях.

– Это… – начала она и осеклась, когда в КонСенсусе выскочили цифры: 11,2 тесла [24].

– Твою мать, – прошептал Шпиндель. – Точно, что ли?

Сарасти издал несколько щелчков – из глубины глотки и корабельных недр. Спустя мгновение, он передал нам повтор последних секунд телеметрии: увеличенных, приглаженных, с усиленной контрастностью во всех диапазонах, от видимого света до инфракрасной области. Вот тот же темный осколок, окутанный огнем, а вот полыхающий за ним инверсионный след. Пламя угасало по мере того, как объект отскочил от плотных слоев атмосферы внизу и стал снова набирать высоту. За несколько секунд тепловой след полностью погас. Горевший в центре него

предмет тлеющим угольком поднимался обратно на орбиту. На его носу, точно пасть, зияла гигантская воронка. Распухшее брюхо уродовали куцые плавники.

Бен колыхнулся, и все повторилось.

– Метеориты? – сухо съязвила Бейтс.

Никакого понятия о масштабе происходящего картинка не давала.

Эта штука могла быть величиной с муху, а могла – с астероид.

– Размер? – прошептал я за полсекунды до того, как ответ появился перед глазами: четыреста метров по большой оси.

Мы снова смотрели на Большой Бен с безопасного расстояния – темный, мутный диск в носовом видоискателе «Тезея». Но я помнил крупный план: шар, искрящийся черно-серыми огнями; исполосованное шрамами, рябое лицо, бесконечно истерзанное и постоянно исцеляющееся.

Этих штуковин там были тысячи.

«Тезей» содрогнулся по всей длине. То был всего лишь тормозной импульс, но на секунду мне показалось, что я понимаю, каково ему.

* * *

Мы с огромной осторожностью двигались вперед.

С помощью импульса, длящегося девяносто восемь секунд, «Тезей» оторвался от сосца и вышел на широкую дугу, которая при незначительном усилии могла превратиться в замкнутую орбиту или в спешный облет по гиперболе – если местность окажется слишком недружелюбной. Незримый луч «Икара» уплывал прочь по левому борту, расточая неистощимый поток энергии в пустоту. Наш зонтик толщиной с молекулу и размером с город свернулся и сам себя упаковал – до поры, когда корабль снова проголодается. Запасы антиматерии тут же начали таять, и в этот раз мы были живы, пришлось наблюдать за процессом. Пусть потери оказались незначительными, но убывающие цифры на экране все равно тревожили.

Мы могли остаться на помочах и подвесить буек в телепортационном луче, чтобы тот ретранслировал энергию прямо на корабль.

Сьюзен Джеймс поинтересовалась, почему мы так не сделали.

– Слишком рискованно, – ответил Сарасти, но уточнять не стал.

Шпиндель наклонился к Джеймс.

– Ну, зачем подставлять им лишнюю мишень, а?

Но мы отправляли вперед зонд за зондом, быстро, с силой сплевывали их, не давая горючего ни на что, кроме торопливого пролета и самоуничтожения. Разведчики не сводили глаз с круживших над Большим Беном аппаратов. «Тезей» издалека рассматривал их собственными немигающими и острыми очами. Если ныряльщики, которых мы засекли, и ведали о нашем присутствии, то напрочь его игнорировали: мы следили за ними с дистанции подлета; наблюдали, как они петляют и пикируют по миллиону парабол, под миллионом разных углов. Они никогда не сталкивались – ни друг с другом, ни с каменной лавиной, рокочущей по экватору Бена. На каждом перигее окунались в атмосферу, там вспыхивали, сбрасывали скорость и на ракетной тяге вылетали обратно в космос, сияя остаточным жаром на воздухозаборниках.

Бейтс выхватила кадр из КонСенсуса, отчеркнула главное на переднем конце объекта и вынесла приговор:

– Скрэмджет [25].

Меньше чем за два дня мы насчитали больше четырехсот тысяч аппаратов и, судя по всему, засекли почти всех, так как потом частота появления новых объектов сошла на нет, а их общее количество приблизилось к некой асимптоте. Большинство вращались на короткопериодических орбитах, но Сарасти спроектировал модель частотности распределения, согласно которой дальние объекты добирались чуть ли не до Плутона. Даже если бы мы болтались в окрестностях годы, то все равно временами сталкивались бы со свежими брюхоглотами, вернувшимися из затяжной командировки в бездну.

– Самые быстрые на крутом повороте держат за полсотни «же», – обратил внимание Шпиндель. – Мясу такое не сдюжить. Беспилотники.

– Мясо можно укрепить, – заметил Сарасти.

– Если в органике будет столько арматуры, то можно не заниматься казуистикой и честно назвать это техникой.

Морфометрические показатели оказались абсолютно идентичны. Четыреста тысяч совершенно одинаковых ныряльщиков. Если в этом стаде и заправлял свой альфа-самец, на вид его было не отличить.

Однажды ночью – в том смысле, в каком на борту могла быть ночь, – я вышел к наблюдательному блистеру на слабый вой терзаемой электроники. Там парил Шпиндель, наблюдал за скиммерами [26], так мы их прозвали. Он затворил броневые створки, скрыв звезды, и на их месте построил маленькую аналитическую берлогу: по внутренней поверхности свода

рассыпались графики и окошки, будто не вмещаясь в виртуальное пространство под черепом Шпинделя.

Тактические диаграммы освещали биолога со всех сторон, превращая тело в яркий витраж из мерцающих татуировок. Человек в картинках.

– Заглянуть можно? – спросил я.

Он хмыкнул: мол, да, но особо не настаивай. В пузыре как будто шуршал проливной дождь помех, заглушаемый привлекшим меня визгом.

– Что это?

– Магнитосфера Бена, – он не оглянулся. – Здо́рово, а?

Синтеты на работе своего мнения не имеют; это сводит к минимуму влияние наблюдателя. В тот раз я позволил себе маленькую слабость.

– Помехи хорошо шумят. А без скрипа можно обойтись?

– Шутишь? Это же музыка сфер, комиссар. Она прекрасна как старый джаз!

– Джаз я тоже никогда не понимал.

Шпиндель пожал плечами и убил верхние частоты, оставив только шорох дождя. Подергивающийся от тика глаз Исаака задержался на замысловатой диаграмме.

– Хочешь ударную тему для своих заметок?

– Конечно.

– Лови.

Он ткнул пальцем, и свет радугой блеснул на сенсорной перчатке, словно на крыле стрекозы: спектр поглощения, раз за разом выводимый на дисплей. Яркие пики взмывали и опадали с пятнадцатисекундным интервалом.

Подсказки не дали ничего, кроме длин волн в ангстремах.

– Что это?

– Скиммеры, когда ныряют, пускают газы. Эти сволочи сбрасывают в атмосферу сложную органику.

– Насколько сложную?

– Пока трудно сказать. Следы слабые, рассеиваются в два счета. Но, как минимум, сахара и аминокислоты. Может, белки. Или еще что посложнее.

– Может, жизнь? Микробы? Инопланетный проект терраформирования…

– Смотря как определять жизнь, – заметил Шпиндель. – Там даже дейнококк [27] долго не продержится. Но атмосфера большая. Если ребята решили переработать ее с помощью прямых прививок, то, надеюсь, они не очень торопятся.

А если торопятся, работа шла бы намного быстрее с использованием саморазмножающейся затравки.

– На мой взгляд, смахивает на жизнь.

– Больше похоже на распыление удобрений. Засранцы превращают всю планету в рисовое поле размером с Юпитер, – он жутковато ухмыльнулся. – У кого-то ба-а-а-альшой аппетит, а? Невольно начинаешь думать, может, нас уже взяли числом.

* * *

На следующем собрании обсуждали только информацию Шпинделя. Итог подвел вампир.

– Самореплицирующиеся фон-нейманы, r-селекция[28], – наглядные пособия плясали на столе. – Семена всплывают и прорастают скиммерами, те, в свою очередь, собирают сырье в аккреционном поясе. Орбиты плывут немного, пояс еще не устоялся.

– А где первоисточник? – заметил Шпиндель. – Никаких следов фабрики по их производству?

Сарасти покачал головой:

– Может, она разбирается. Идет на материалы. Или стадо прекращает размножение, достигнув определенной численности.

– Это всего лишь бульдозеры, – напомнила Бейтс. – Будут и жильцы.

– И, похоже, немало, – добавил Шпиндель. – Мы тут, если чего, и пикнуть не успеем.

– Да они могут еще лет через сто прилететь, – вставила ноту скепсиса Джеймс.

Сарасти пощелкал языком.

– По-вашему, именно эти устройства строят светлячков? Объект Бернса-Колфилда?

Вопрос был риторический, но Шпиндель все равно ответил:

– Не представляю как.

– Значит, этим занимается кто-то другой. И он уже здесь.

Все замолчали. Графы Джеймс плыли и тасовались в тишине; когда она снова открыла рот, на поверхность сознания загадочным образом всплыла ее более молодая ипостась:

– Если они решили устроиться в таком месте, их среда обитания совершенно не похожа на нашу. Это обнадеживает.

Синестет по имени Мишель.

– Белки, – глаза Сарасти скрывались за черным визором. – Биохимическая совместимость. Они могут нами питаться.

– Кем бы ни были эти существа, они даже не нуждаются в солнечном свете. Нет соперничества за территории и ресурсы, а значит, и основы для конфликта. Нет никакой причины, по

которой мы не смогли бы договориться!

– С другой стороны, – заметил Шпиндель, – технология предполагает агрессию.

Мишель тихо фыркнула:

– Если верить хунте историков-теоретиков, которые никогда в жизни не встречали инопланетян, то да. Может, сейчас нам удастся посадить их в лужу.

В следующий миг она исчезла, проявление смело, как листья на ветру, и его место заняла Сьюзен Джеймс со словами:

– Почему бы нам просто не спросить у них?

– Спросить? – повторила за ней Бейтс.

– Внизу четыреста тысяч роботов. Откуда мы знаем, что они не умеют разговаривать?

– Мы бы услышали, – объяснил Шпиндель. – Это беспилотники.

– Пингануть можно. Особого вреда от этого не будет. Уверенности ради.

– Даже если они разумны, нет ни малейшего повода ждать, что они ответят. Язык и интеллект не так четко коррелируют даже на Зе…

Джеймс закатила глаза.

– Ну, почему хотя бы не попробовать?! Мы же явились сюда ради этого. Во всяком случае, я. Дать этот чертов сигнал, и все!

После недолгой паузы эстафету подхватила Бейтс:

– Сюз, с точки зрения теории игр, затея скверная.

– С точки зрения теории игр! – в устах Джеймс это прозвучало как ругательство.

– Лучшая стратегия – зуб за зуб. Они пингуют нас – мы пингуем в ответ. Сейчас мяч на их стороне поля, и если мы отправим еще один сигнал, то можем слишком много выдать.

– Я знаю правила, Аманда. По ним выходит, что если другая сторона не возьмет инициативу на себя, мы будем игнорировать друг друга до конца миссии, потому что теория игр запрещает унижаться.

– Это правило работает, только когда имеешь дело с неизвестным игроком, – объяснила майор. – Чем больше мы узнаем, тем больше у нас появится вариантов.

Джеймс вздохнула.

– Просто… вы все почему-то предполагаете, что они враждебны. Словно нам достаточно что-нибудь передать им по радио, и они на нас набросятся.

Бейтс пожала плечами:

– Осторожность вполне уместна. Пускай я вояка, но не хочу сердить ребят, которые скачут от звезды к звезде и

терраформируют коричневые карлики. Никому здесь не надо напоминать, что «Тезей» – не боевой корабль.

Она сказала «никому», а имела в виду Сарасти. Тот, сосредоточившись на своих целях, не ответил. По крайней мере вслух. Его профили изъяснялись другим, неслышным, языком и говорили: «Пока нет».

* * *

Бейтс, кстати, была права. Официально «Тезей» проектировался для разведки, не для боя. Несомненно, наши хозяева предпочли бы нагрузить его не только научным оборудованием, но и ионными пушками да ядерными бомбами, но даже теленигилянионный топливопровод не мог нарушить третий закон Ньютона. Вооруженный прототип пришлось бы разрабатывать очень долго; из-за тяжелой артиллерии, более массивный, он бы разгонялся намного дольше. «Время важнее оружия!» – решили наши господа. Если будет время, то фабрикаторы при необходимости могут построить почти все, что нам нужно. Правда, с нуля воссоздать ионное орудие быстро не получится, и сырье, возможно, придется добывать на астероиде поблизости. Но мы справились бы. Если наши противники согласятся обождать – ради честной игры.

Однако каковы шансы, что наше лучшее оружие окажется эффективным против интеллекта, сотворившего Огнепад? Если неведомые создатели светлячков враждебны, нам конец, как ни старайся. Пришельцы технологически развиты, и были те, кто заверял, что это по определению делает их враждебными. Технология подразумевает агрессию.

Здесь, пожалуй, требуется пояснение, хотя сейчас оно к делу не относится. После стольких лет не мудрено и забыть, с чего все началось…

Жили-были три племени. Оптимисты, чьими святыми покровителями были Саган и Дрейк, верили во Вселенную, кишащую благодушными аборигенами; в духовное братство, которое выше и просвещеннее нас; в великое Галактическое содружество, куда когда-нибудь войдем и мы. «Без сомнения, – говорили Оптимисты, – космические перелеты предполагают миролюбие, ибо требуют контроля над разрушительными силами. Любая раса, не способная подняться над собственными скотскими инстинктами, самоуничтожится задолго до того, как ей будет под силу преодолеть межзвездные бездны».

Напротив Оптимистов жили Пессимисты, преклонявшие колена пред идолищем святого Ферми и сворою его малых присных. Им виделась безлюдная Вселенная, полная мертвых скал и прокариотической слизи. «Шансы очень малы, – настаивали они. – Слишком много блудных планет, слишком высока радиация, а эксцентриситет огромного количества орбит

слишком велик. Сам факт существования Земли – это исключительное чудо. Надеяться на их множество – значит оставить рассудок и предаться шаманскому безумию». В конце концов, Вселенной четырнадцать миллиардов лет: если бы в Галактике зародился не один разум, разве его представители не были бы уже рядом с нами?

На равном отдалении от тех и других обитали Историки. Они не слишком задумывались над возможным появлением разумных инопланетян из дальнего космоса. «Если такие и существуют, – говорили Историки, – пришельцы будут не просто умны, а опасны». Такой вывод может показаться очевидным. Что есть история человечества, как не последовательное движение новых технологий, попирающих старые железной пятой? Но в данном случае речь шла не об истории человечества и не о бесчестных преимуществах, которые орудия давали одной из сторон; угнетенные подхватывают совершенное средство уничтожения так же охотно, как угнетатели – дай им только полшанса! Вопрос заключался в том, откуда вообще взялись орудия и для чего они нужны.

С точки зрения Историков, орудия создавались с единственной целью: придать сущему противоестественные формы. С природой обращались как с врагом, орудия по определению – мятеж против натуры вещей. Технология не выживает и не развивается в благоприятной среде и в культурах, основанных на вере в естественную гармонию. Зачем изобретать термоядерные реакторы, если климат прекрасен, а пища изобильна? Зачем строить крепости, когда нет врагов? Зачем насиловать мир, не представляющий угрозы?

Не так давно человеческая цивилизация могла похвастаться множеством ветвей. Даже в XXI веке отдельные изолированные племена едва додумались до каменных орудий. Некоторые застопорились на сельском хозяйстве. Другие не унимались, пока не покончили с самой природой, третьи – пока не построили города в космосе.

Однако все мы рано или поздно успокаивались. Каждая новая технология стаптывала менее совершенные, карабкаясь к некоей асимптоте довольства, пока не замирала – пока моя родная мать не улеглась личинкой в медовые соты под уход механических рук, лишенная воли к борьбе из-за собственной удовлетворенности.

Вот только история не утверждала, что все должны остановиться вместе с нами. Она лишь предполагала, что остановившиеся переставали бороться за выживание. Могут быть и другие, адские миры, где лучшие творения человечества рассыпались бы, а среда продолжала оставаться врагом; где

выживали те, кто сопротивлялся ей острой лопатой и прочной державой. Угроза, которую представляет такая среда, не может быть примитивной. Суровый климат и стихийные бедствия или убивают тебя, или нет, но если их себе подчинить или же к ним приспособиться, они уходят с повестки дня. Единственные факторы среды, которые никогда не теряют значения, – это те, что сопротивляются: новым подходам противопоставляют наиновейшие, заставляют противника брать невероятные вершины исключительно ради выживания. В конечном итоге, единственный настоящий враг – враг разумный.

А раз лучшие игрушки оказываются в руках у тех, кто никогда не забывает, что жизнь – это война против наделенного разумом противника, что это говорит о племени, чьи машины путешествуют меж звезд?

Резонный довод. Вероятно, он даже принес бы Историкам победу в споре, если бы такие дискуссии когда-либо разрешались на основе аргументов. Заскучавшая аудитория присудила Ферми победу по очкам. Но парадигма Историков была слишком страшна и дарвинистична для народа. Кроме того, интерес пропал. Даже запоздавшие сенсации обсерватории Кэссиди ничего не изменили. Ну и что, если на каком-то шарике в окрестностях Большой Медведицы атмосфера содержит кислород? До него сорок три световых года, и планета молчит! Если тебе нужны летающие шандалы и мессии со звезд, на Небесах этого добра навалом. Если нужен тестостерон и стрелковая практика, можно выбрать посмертие, полное злобных инопланетных тварей со сбитым прицелом. Если же сама мысль о нечеловеческом разуме угрожает твоему мировоззрению, можно исследовать виртуальную галактику бесхозной недвижимости, только и ждущей случайно проходящих мимо богобоязненных паломников с Земли.

И все это рядом, по другую сторону спинномозговой розетки, которую легко вставить за четверть часа. Зачем тогда терпеть тесноту и вонь в реальном космическом перелете, чтобы навестить прудовую слизь на Европе? Так и случилось неизбежное: зародилось четвертое племя, небесное войско, восторжествовавшее над всеми. Племя, которому На Все Класть С Прибором. И когда на Землю обрушились светлячки, оно не знало, что делать.

Поэтому послали вперед «Тезей» и – в запоздалом почтении к мантрам Историков – вместе с нами отправили солдата (на всякий случай). Было крайне маловероятно, что хотя бы одно дитя Земли выстоит перед теми, кто преодолел межзвездные пространства, если пришельцы окажутся враждебны. И все же я

чувствовал, что присутствие Бейтс успокаивает, по крайней мере, человеческую часть команды. Если придется идти врукопашную с недружелюбным тираннозавром, чей интеллект измеряется четырехзначными числами, не помешает иметь под рукой опытного солдата.

В худшем случае, она сможет вырубить копье из ветки соседнего дерева.

* * *

– Богом клянусь, если нас всех сожрут инопланетяне, спасибо за это надо сказать секте теории игр, – выпалила Саша.

Она перекусывала на камбузе брикетом кускуса. Я наведался туда за кофеином. Мы остались более-менее наедине: остальной экипаж разметало от купола до фабрики.

– Лингвисты ею не пользуются?

Некоторые, я знал, не испытывали по этому поводу проблем.

– Мы – нет. – «А остальные – шарлатаны». – Беда с ней в том, что теория игр предполагает рациональную заинтересованность игроков. Но люди не ведут себя рационально.

– Раньше предполагала, – подтвердил я. – Сейчас учитывается влияние нейросоциологии.

– Нейросоциологии человека, – Саша отгрызла угол брикета и продолжила с набитым ртом: – Теория игр годится только на рациональных игроков вида Homo sapiens. Подумай, относится ли она хоть к кому-нибудь из наших новых знакомых?

Саша махнула рукой в сторону таящихся за корабельной обшивкой архетипических пришельцев.

– У нее есть ограничения, – признал я. – Но приходится пользоваться тем, что имеешь.

Саша фыркнула.

– То есть, если у тебя нет папки с чертежами, то дом своей мечты ты будешь строить по книге неприличных частушек?

– Может, и нет. Но мне теория игр пригодилась, – добавил я, поневоле оправдываясь. – В самых неожиданных областях.

– Да? Например.

– Дни рождения, – ответил я и сразу пожалел об этом.

Саша перестала жевать. В ее глазах что-то мимолетно блеснуло, словно другие личности навострили уши.

– Продолжай, – заинтересовалась она, и я почувствовал, что ко мне прислушивается вся Банда.

– Ничего особенного. Просто пример.

– Расскажи! – Саша вскинула голову Сьюзен.

Я пожал плечами. Не было смысла раздувать проблему.

– Ну, согласно теории игр, никому нельзя говорить, когда у тебя день рождения.

– Не понимаю.

– Проигрышная ситуация. Нет выигрышной стратегии.

– Что значит «стратегии»? Это же просто день рождения.

Челси, когда я пытался ей объяснить, сказала то же самое.

– Смотри, – говорил я, – предположим, ты всем рассказала, когда у тебя день рождения, и ничего не произошло. Это же оскорбительно.

– Или, предположим, тебе закатили вечеринку, – отозвалась тогда Челси.

– Но ты не знаешь, сделано это искренне, или ты своим сообщением пристыдил знакомых, заставил отметить дату, на которую они иначе забили бы. Но если ты никому не скажешь, и никто не отметит твой день рождения, причин обижаться не будет, потому что никто ничего не знал. А если кто-нибудь все же поставит тебе выпивку, ты поймешь: это от чистого сердца. Ведь никто не станет тратить силы на то, чтобы выяснить, когда у тебя день рождения – а потом еще и отмечать его, – если только ты этим людям в самом деле небезразличен.

Конечно, Банда лучше воспринимала такие вещи. Мне не требовалось объяснять все словами, я мог просто обратиться к КонСенсусу и расчертить таблицу результатов: «сказать/не сказать» в столбцах, «отмечали/не отмечали» в строках, неоспоримая черно-белая логика затрат и выгод в самих ячейках. Расчет был неопровержим – единственной выигрышной стратегией являлось умолчание. Только дураки рассказывают про свой день рождения.

Саша покосилась на меня.

– Ты это еще кому-нибудь когда-нибудь показывал?

– Конечно. Своей девушке.

Ее брови поползли вверх.

– У тебя была девушка? Серьезно?

Я кивнул:

– Когда-то.

– В смысле, после того, как ты ей это показал?

– Ну… да.

– М-м-м, – взгляд Саши скользнул обратно на таблицу результатов. – Чисто из любопытства, Сири: как она к этому отнеслась?

– Никак на самом деле. Поначалу. Потом… долго смеялась.

– Славная женщина. Лучше меня, – Саша покачала головой. – Я бы тебя тут же бросила.

* * *

Моя еженощная прогулка вдоль хребта корабля: восхитительный, дивный полет с единственной степенью свободы. Я проплывал сквозь люки и коридоры, раскидывал руки и кружил в ласковых циклонах вертушки. Бейтс носилась вокруг меня, отбивая отлетающий от переборок и контейнеров мячик, изгибаясь, чтобы поймать каждый крученый рикошет в кривом поле псевдотяготения. Потом ее игрушка отскочила от лестницы куда-то в сторону, и майорская ругань до самого игольного ушка из склепа в рубку.

Я затормозил у самого порога, меня остановили негромкие звуки голосов.

– Конечно, они прекрасны, – пробормотал Шпиндель. – Это же звезды.

– И, подозреваю, ты хотел бы любоваться ими не в моем обществе, – отозвалась Джеймс.

– Твой номер второй. Но у меня свидание с Мишель.

– Она не предупредила.

– Она не обязана тебе докладывать. У нее спроси.

– Эй, это тело исправно принимает антисекс. А вот про твое не знаю.

– Не надо пошлить, Сюз. Эрос – не единственный вид любви, а? Древние греки признавали четыре.

– То-очно, – определенно сказал уже не Сьюзен. – Бери пример с компании педерастов.

– Саша, твою мать! Я всего-то прошу пару минут наедине с Мишель, пока надсмотрщик отвернулся…

– Изя, это и мое тело тоже. Хочешь и мне пыль в глаза пустить?

– Я хочу поговорить! Наедине. Я так много прошу?

Я услышал, как Саша втянула воздух. И как Мишель выдохнула.

– Извини. Ты знаешь Банду.

– Слава Богу! Всякий раз, как я прошу тебя отпустить, то как будто медосмотр прохожу.

– Тогда тебе повезло, ты им нравишься.

– По-моему, тебе пора устроить переворот.

– Ты всегда можешь подселиться к нам.

Послышался шорох нежного прикосновения.

– Ты как? – спросил Шпиндель. – В порядке?

– Неплохо. Кажется, привыкла заново жить. А ты?

– Я, сколько ни пролежу в гробу, так и останусь калекой.

– Ты молодец.

– Да ну? Мерси… Стараюсь.

Короткая пауза. Тихонько бурчит себе под нос «Тезей».

– Мама была права, – проговорила Мишель. – Они прекрасны.

– Что ты видишь, когда смотришь на них? – и, спохватившись: – Я хочу сказать…

– Они… колючие, – отозвалась Мишель. – Поверну голову – и словно ленты тоненьких иголочек прокатываются по коже. Но не больно, только щиплет. Почти как электричество. Приятно.

– Жалко, я так не умею.

– У тебя есть интерфейс. Просто подключи камеру вместо зрительной коры к теменной доле.

– И узнаю, как ощущает зрение машина, так? Не то, как его ощущаешь ты.

– Исаак Шпиндель, ты – романтик.

– Не-а.

– Ты не хочешь знать, ты хочешь сохранить тайну.

– Если ты не заметила, у нас на руках уже больше тайн, чем мы в состоянии удержать.

– Да, но с этим ничего не поделаешь.

– Как сказать… Глазом моргнуть не успеешь, и у нас будет работы по уши.

– Думаешь?

– Об заклад бьюсь, – отозвался Шпиндель. – Пока же мы только издалека подглядывали, так? А вот когда спустимся и поворошим палкой, начнется самое интересное.

– Для тебя – может быть. В этой каше должно быть что-то живое, раз там столько органики.

– Само собой. Ты будешь с ними болтать, я – брать у них анализы.

– Может, и нет. Я что хочу сказать: мамуля в этом не признается никогда, но насчет языка ты в чем-то прав. По сути он – уловка, трюк. Все равно, что описывать сновидения дымовыми сигналами. Язык великолепен, благороден – ничего лучше человеческое тело, наверное, не может совершить. Однако нельзя без потерь превратить закат в цепочку похрюкиваний. Язык ограничивает. Может, те, кто обитает внизу, им вовсе не пользуются?

– Куда же они денутся?

– С каких пор такие мысли? Ведь ты обожаешь нам указывать, насколько неэффективная штука язык.

– Только когда пытаюсь тебя достать. Или достать до твоих прелестей. – Он усмехнулся собственной шутке. – А серьезно, чем еще они могут пользоваться? Телепатией? Мне кажется, ты охнуть не успеешь, как тебя иероглифами засыплет с головой. И что еще

лучше, ты расколешь их в два счета.

– Ты такой милый… но вряд ли. Я даже Юкку через раз не могу расшифровать, – Мишель примолкла на секунду. – Временами он меня… ну… доводит.

– Тебя и еще семь миллиардов человек.

– Ага. Знаю, это глупо, но когда его нет рядом, я краем глаза постоянно высматриваю, где он прячется. А когда он стоит прямо передо мной, мне хочется куда-нибудь убежать.

– Он же не виноват, что у нас от него мурашки по коже.

– Знаю. Но боевого духа это не прибавляет. Какому такому гению пришла в голову идея поставить тут главным вампира?

– А куда его еще девать? Или ты хочешь им командовать?

– Дело даже не в том, как он двигается, а в том, как говорит. Как-то совершенно неправильно.

– Ты же знаешь, он…

– Я не про настоящее время или смычные звуки. Юкка… ты же слышал, как он изъясняется. Кратко.

– Так эффективнее.

– Это напускное, Исаак. Он умнее всех нас, вместе взятых, а выражается порой так, будто его словарный запас состоит из полсотни слов, – она тихо фыркнула. – Одно-два прилагательных в месяц его не убили бы.

– А-а! Ты так говоришь потому, что ты – лингвист и не понимаешь, как можно не погрязнуть в красотах языка, – Шпиндель откашлялся с напускной серьезностью. – А вот я – биолог, и для меня все очевидно.

– Да ну? Тогда объясни мне, о, мудрый и всеславный потрошитель лягушек!

– Все просто. Кровосос – мигрант, а не резидент.

– Что за… А, ты про касаток, да? Диалекты языка свистов?

– Я сказал – забудь про лингвистику и подумай об образе жизни. Резиденты питаются рыбой, так? Они тусуются большими стаями, на одном месте и постоянно треплются, – я уловил шорох движения и представил, как Шпиндель, склонившись, кладет руку на плечо Мишель. Как сенсоры в перчатках подсказывают ему, какова она на ощупь. – А вот мигранты жрут млекопитающих: тюленей, морских львов – сообразительную добычу. Достаточно сообразительную, чтобы смыться, услышав всплеск плавника или серию щелчков. Поэтому мигранты хитрят, охотятся маленькими группами по всей территории, а пасть держат на замке, чтобы никто не услышал их загодя.

– И Юкка – мигрант?

– Инстинкты этого парня требуют, чтобы он скрывался от добычи. Всякий раз, когда он открывает рот и позволяет себя

заметить, ему приходится воевать с собственным спинным мозгом. Может, не стоит быть слишком суровыми к старику лишь потому, что он не лучший в мире демагог, а?

– Всякий раз на инструктаже он борется с желанием нас сожрать? Очень обнадеживает.

Шпиндель тихо рассмеялся.

– Не так все страшно. Думаю, наевшись, даже касатки расслабляются. Зачем таиться на полный желудок?

– Значит, он не сражается с собственным спинным мозгом, а просто не голоден.

– Одно другого не исключает. Знаешь, мозг никогда не спит. Но я тебе вот что скажу, – игривые нотки в голосе Шпинделя пропали. – Если Сарасти решает провести совещание из своей каюты, меня это не напрягает. Но если мы вообще перестанем с ним сталкиваться, тогда наступит пора держаться спиной к стене.

* * *

Вспоминая тот эпизод, могу, наконец, сознаться: я завидовал способности Шпинделя обращаться с дамами. Битый-резаный, неуклюжее чучело из судорог и спазмов, едва чувствующее собственную кожу, он каким-то образом ухитрялся оставаться… обаятельным. Это самое точное слово! Данное качество устарело с точки зрения социальной необходимости, сошло «на нет» вместе с парным невиртуальным сексом. Но последним даже я занимался, и было бы здорово при необходимости владеть самоуничижительным даром Шпинделя. Особенно, когда наши с Челси отношения стали трещать по швам.

Конечно, у меня был свой стиль, я пытался казаться обаятельным на свой лад. Как-то после очередной ненужной ссоры по поводу честности и эмоциональной манипуляции, я подумал, что легкое чувства юмора поможет загладить разрыв. Мне уже приходило в голову, что Челси просто не разбирается в межполовых отношениях. Да, она зарабатывала на жизнь коррекцией мозгов, но, скорее всего, лишь заучила схемы проводки, не задумываясь, откуда те появились и какие правила естественного отбора их сформировали. Возможно, Челси искренне не понимала, что мы с ней – эволюционные враги, и любые связи обречены рваться. Если бы я мог вложить это озарение в ее голову – очаровав, проскользнуть сквозь ее защиту – вероятно, мы смогли бы удержаться вместе.

Поразмыслив, я придумал идеальный способ просветить Челси. Написал сказку на ночь, обезоруживающую весельем и

глубоким чувством, и назвал ее

Книга овогенеза.

В начале были гаметы. И хотя уже явилось половое размножение, пола не существовало, всякая жизнь пребывала в равновесии.

И сказал Бог: «Да будет Сперматозоид!» – и усохли одни половые клетки, и стали дешевы, и заполонили рынок.

И сказал Бог: «Да будет Яйцеклетка!» – и великим множеством напали Сперматозоиды на другие половые клетки. И плоды из них приносили немногие, ибо не заботился Сперматозоид о пропитании зиготы малой, и только самые запасливые Яйцеклетки были способны возместить недостачу. С течением времен они становились все больше.

И поместил Господь Яйцеклетки в утробу, и заповедовал: «Здесь пребывайте, ибо на недвижимость обрекла вас величина ваша. Так пусть же Сперматозоид стремится к вам в палатах ваших. Отныне да будете вы оплодотворяться внутренне», – и стало так.

И сказал Господь гаметам: «Плоды слияния вашего да обитают пусть во средах всяких и облик всякий принимают. Пусть дышат они воздухом, и водою, и сернистой грязью источников гидротермальных. Но заповеди моей единственной не забывайте, неизменной от начала времен: распространяйте гены свои».

Так явились в мир Сперматозоид и Яйцеклетка. И сказал Сперматозоид: «Мал я, и многочислен, и заповедь Господню исполню верно, коли рассеюсь повсюду. Стану я вечно искать новых партнеров и оставлять их в тягости, ибо многочисленны чрева, а время быстротечно». Но молвила Яйцеклетка: «Бремя размножения тяготит меня. Суждено мне вынашивать плоть, лишь наполовину мою, нести и кормить ее, даже когда та покинет палаты мои», – ибо к тому часу многие тела Яйцеклетки наделены были теплой кровью и мягкой шерстью. «Малочисленны дети мои, и должна я посвятить им себя и защищать от напасти. Так пусть же поможет мне в том Сперматозоид, ибо в том его вина. И пускай он стремится от объятий моих, не дозволю я ему блудить и возлежать с конкурентками моими».

И не понравилось то Сперматозоиду.

И улыбнулся Господь, ибо заповедь его вовлекла Сперматозоид и Яйцеклетку в войну друг с другом, коя не прекратится до того дня, когда оба они станут рудиментами.

Однажды сумрачным вечером, во вторник я подарил Челси

цветы. Припомнил нелепую старинную традицию – преподносить в качестве совокупительного дара отрезанные гениталии другого вида. А когда мы собрались заняться сексом, рассказал ей эту историю. По сей день не знаю, что пошло не так…

* * *

Стеклянный потолок всегда в тебе.
Стеклянный потолок – это сознание.

Джейкоб Хольцбринк. Ключи к планете[29]

До нашего отлета с Земли ходили слухи о четвертой волне: будто за нами по пятам следует флот космических дредноутов – на случай, если пушечное мясо в авангарде столкнется с чем-то скверным. Или посольский фрегат с кучей политиков и бизнесменов, готовых орудовать локтями, но пробиться в первые ряды, если инопланетяне окажутся дружелюбными. Неважно, что на Земле не было ни космических дредноутов, ни посольских кораблей; «Тезея» до Огнепада тоже не существовало. Никто не сообщал нам о таких планах, но ведь солдатам на передовой никогда не объясняют общую картину: чем меньше они знают, тем меньше могут выдать.

Я до сих пор не в курсе, существовала ли четвертая волна. Никаких признаков ее приближения я не замечал, если мои наблюдения, конечно, чего-то стоят. Может, мы оставили их барахтаться по дороге к объекту Бернса-Колфилда. А может, они следовали за нами до самого Большого Бена, подкрались достаточно близко, чтобы понять, с чем мы столкнулись, и унесли ноги, когда стало жарко.

Мне любопытно, что случилось на самом деле, и добрались ли они до дома.

Оглядываюсь – и надеюсь, что нет.

Под ребра «Тезею» врезалась желейная туша. Низ качнулся точно маятник. Шпиндель в другом конце вертушки вскрикнул, словно обжегшись. Я едва не ошпарился – вскрывал в кубрике грушу с горячим кофе.

«Ну, началось! – подумал я. – Мы подошли слишком близко, и они открыли огонь».

– Какого?..

На общей линии вспыхнул огонек – Бейтс подключилась из рубки.

– Только что врубился маршевый. Меняем курс.

– Куда? Зачем? Кто приказал?

– Я, – ответил Сарасти, показавшись в дверях.

Все замолчали. Сквозь кормовой люк в вертушку просачивался скрежет. Я пинганул систему промразверстки «Тезея»: фабрика перенастраивалась на массовое производство легированной керамики.

Радиационная защита. Твердый, плотный материал, массивный и очень простой, в отличие от управляемых магнитных полей, на которые мы обычно полагались.

Из своей палатки, моргая спросонья, выбралась Банда.

– Какого хрена? – проворчала Саша.

– Смотрите!

Сарасти потянулся к КонСенсусу и встряхнул его.

Не инструктаж – ураган: гравитационные колодцы и орбитальные траектории, симуляции касательного напряжения в аммиачно-водородных грозовых тучах; стереоскопические ландшафты, погребенные под фильтрами всех длин волн, от радио до гамма-излучения. Я видел точки излома, точки перегиба и нестабильные равновесия; складки катастроф в пятимерном пространстве. Наращивания с трудом переваривали такой объем информации, а биологический полумозг с трудом осознавал краткое резюме.

Там, внизу, на самом виду, что-то пряталось.

Аккреционный пояс Бена вел себя скверно, но простым глазом его хулиганство было не заметить. Сарасти пришлось проанализировать траектории чуть ли не всех планетезималей [30], камней и крупинок. И ни он, ни их с Капитаном совместный интеллект не могли назвать эту круговерть следствием некоего давнего возмущения. Пыль не оседала; ее часть маршировала по указке чего-то, что даже сейчас протягивало невидимую руку с вершин облачного слоя и срывало обломки с орбиты.

Не все обломки находили цель. Экваториальный пояс Бена постоянно мерцал практически мимолетными метеорными вспышками, гораздо более слабыми, чем яркие следы скиммеров. Однако все упавшие камни не вписывались в распределение частот. Казалось, временами отдельные куски орбитального мусора просто выпадают в параллельную Вселенную, или что-то проглатывает их в нашей. Объект вращался вокруг Бена с периодом в сорок часов; так низко, что едва не касался атмосферы, и не был заметен ни в видимом свете, ни в инфракрасном, ни в радиодиапазоне. Он остался бы нашей фантазией, если бы один из скиммеров огненным следом не прожег под ним атмосферу прямо на глазах у «Тезея».

Этот кадр Сарасти зафиксировал и увеличил: яркий инверсионный след пересекал наискось вечную ночь Бена, на полпути неожиданно сползал на пару градусов левее и возвращался в прежнее положение, практически выходя из поля зрения корабля. На снимке виднелся луч застывшего света, а посередине хорошо просматривался сегмент. Там, где скиммер отклонился в сторону примерно на ширину волоса.

Сегмент длиной девять километров.

– Вот замаскировался, – ошарашенно пробормотала Саша.

– Не слишком удачно, – Бейтс вынырнула из переднего люка и поплыла по ходу вращения корабля. – В отраженном свете предмет вполне прилично виден, – на полпути к палубе она зацепилась за перила лестницы, по инерции развернулась ногами вниз и опустилась на ступеньки. – Почему мы не засекли его раньше?

– Слабая освещенность, – предположил Шпиндель.

– Но дело же не только в инверсионных следах. Посмотри на тучи, – действительно, на облачном покрове Бена можно было различить такие же еле заметные искажения.

Бейтс ступила на палубу и шагнула к столу:

– Следовало раньше заметить.

– Остальные зонды артефакта не наблюдают, – отметил Сарасти. – А этот приближается под более широким углом: двадцать семь градусов.

– Углом к чему? – переспросила Саша.

– К линии, – пробормотала Бейтс, – между ними и нами.

На тактической диаграмме все видно: «Тезей» падал к планете по предсказуемой дуге, но сброшенные нами зонды не заморачивались гомановскими орбитами [31] – они мчались отвесно вниз, всего на пару градусов отклоняясь от гипотетической линии, соединяющей корабль с центром Большого Бена.

Кроме одного. Он зашел со стороны и разоблачил фокус.

– Чем дальше от нашего курса, тем очевиднее расхождение, – нараспев произнес Сарасти. – Полагаю, в плоскости, перпендикулярной траектории движения «Тезея», объект виден отчетливо.

– Значит, мы в слепом пятне? Увидим его, если сменим траекторию?

Бейтс покачала годовой.

– Это слепое пятно движется, Саш. Оно…

– Отслеживает нас, – Саша втянула воздух сквозь зубы. – С-сука.

Шпиндель вздрогнул.

– Так что это такое? Наша фабрика скиммеров?

Пиксели стоп-кадра зашевелились. Из буйных вихрей и облачных завитушек атмосферы прорезалось нечто зернистое и невнятное. Всюду кривые, шипы, и ни одной ровной линии; не определить, что в форме объекта настоящее, а что – фрактальное влияние облачного слоя внизу. Общими очертаниями он походил на тор или сборище мелких угловатых предметов, нагроможденных неровным кольцом. К тому же пришелец обладал колоссальными размерами: девять километров поплывшего инверсионного следа едва коснулись периметра объекта, срезав сорок или пятьдесят градусов дуги. Эта штуковина, скрытая в тени десяти Юпитеров, имела в диаметре почти тридцать километров.

Корабль прекратил ускорение где-то посреди доклада Сарасти. Низ и верх вернулись на свои места. А мы – нет. До этого еще сомневались, думали, может надо, может нет, но теперь это осталось в прошлом; мы взяли курс на цель и плюнули на возможные опасности.

– Э, оно размером тридцать кэмэ, – напомнила Саша. – И невидимое. Разве нам не стоит вести себя осторожнее?

Шпиндель пожал плечами.

– Если бы мы могли предугадывать решения вампиров, они бы нам не потребовались, так?

Пакет данных развернулся новой гранью. Гистограммы частотного распределения и спектральные гармоники раскрылись плывущими горными хребтами, целым оркестром видимого света.

– Модулированный лазерный луч, – доложила Бейтс.

Шпиндель поднял голову:

– Оттуда?

Бейтс кивнула:

– Сразу, как мы его раскололи. Интересное совпадение.

– Устрашающее, – пробормотал Шпиндель. – Как они узнали?

– Мы сменили курс. Идем прямо на них.

Световое шоу стучалось к нам в окна.

– Что бы это ни было, – вымолвила Бейтс, – оно с нами разговаривает.

– Ну, тогда, – заметил приятный голос, – без сомнения, нам следует поздороваться.

У руля вновь стояла Сьюзен Джеймс.

* * *

Я остался единственным наблюдателем.

Остальные занимались делом, каждый своим. Шпиндель прогонял отслеженный Сарасти смутный силуэт через серию фильтров, надеясь выжать из вида техники хоть какие-то сведения о биологии ее создателей. Бейтс сравнивала морфологию замаскированного объекта и скиммеров. Сарасти наблюдал за всеми нами с высоты и думал свои вампирские думы; столь глубокие, что мы даже не надеялись с ним сравняться. Но все это была суета, ведь к рампе вышла Банда четырех под талантливым руководством Сьюзен Джеймс.

Она подхватила ближайшее кресло, опустилась в него и подняла руки, будто собралась дирижировать. Ее пальцы метались в воздухе, играя на виртуальных иконках; губы и челюсть подергивались от непроизнесенных команд. Я подключился к ее каналу и увидел, как сигналы чужаков обрастают текстом:

«„Роршах“ вызывает судно, приближающееся с азимута 116˚, склонение 23˚ сообщ.: «Привет, „Тезей“».

«„Роршах„вызывает судно, приближающееся с азимута 116˚, склонение 23˚ сообщ.: «Привет, „Тезей“».

«„Роршах“ вызывает судно, приближа…»

Она расшифровала чертов сигнал. Уже! И даже ответила:

«Тезей» – «Роршаху»: «Привет, „Роршах“».

«Привет, „Тезей“. Добро пожаловать в наши края».

Она раскололa его меньше, чем за три минуты. Или, вернее, они раскололи его меньше, чем за три минуты: четыре расщепленных личности, полностью независимых друг от друга, и несколько дюжин подсознательных семиотических модулей; все – действующие параллельно и высеченные с дивной ловкостью из одного куска серого вещества. Я даже стал понимать, почему кто-то сознательно идет на такое насилие над собственным рассудком. Какие результаты! До этого момента я не был уверен, что согласился бы на подобное даже ради спасения собственной жизни.

«Просим разрешения на сближение», – отправила сообщение Банда четырех. Просто и открыто: только факты и данные, больше ничего, как можно меньше места для двусмысленности и недопонимания. Причудливые концепции, вроде «мы пришли с миром», подождут. Первый контакт – не время для культурного

обмена.

«Вам стоит держаться подальше. Серьезно. Это опасное место».

Это привлекло внимание. Бейтс и Шпиндель после минутного колебания выглянули из своих рабочих пространств в виртуальность Джеймс.

«Запрашиваем данные о характере опасности», – отправила сообщение Банда. Мы по-прежнему держались конкретных тем.

«Слишком близко и опасно для вас, трудности на низких орбитах».

«Просим информацию по трудностям на низких орбитах».

«Обстановка летальная. Метеориты и радиация. Как хотите. Я справляюсь, но нам так нравится».

«Нам известно о метеоритной угрозе. Мы оснащены средствами защиты против радиации. Просим информацию о других опасностях».

Не удовлетворившись переводом, я решил посмотреть на оригинал. Судя по цветовой кодировке, «Тезей» преобразовал часть входящих сигналов в звуковые волны. Значит, голосовая связь. Они с нами разговаривали! Под бегущими символами таились нагие звуки инопланетной речи.

Конечно, я не устоял.

– Между друзьями – сколько угодно. Вы тут из-за праздника?

Английский. Мужской голос. Старческий.

– Мы – исследователи, – ответила Банда, хотя голос принадлежал «Тезею». – Должны установить диалог с существами, направившими объекты в околосолнечное пространство.

– Первый контакт – подходящая причина для праздника.

Я дважды проверил источник информации. Нет, это был не перевод. Я слышал реальный, необработанный сигнал, исходящий с… «Роршаха», как оно себя называло. Во всяком случае, часть передачи, поскольку луч содержал и другие, неакустические, элементы. Я проглядывал, какие именно, когда Джеймс заговорила:

– Запрашиваем информацию о вашем празднике. Стандартный межкорабельный протокол установления связи.

– Вам интересно? – теперь голос стал сильнее, моложе.

– Да.

– Правда?

– Да, – терпеливо повторила Банда.

– Кто ты? Мимолетное колебание.

– Говорит «Тезей».

– Это я знаю, исходник, – теперь по-китайски. – Кто ты? – голос не изменил тональность, но каким-то образом стал неуловимо жестче.

– Говорит Сьюзен Джеймс. Я…

– Тебе здесь не понравится, Сьюзен. Все дело в фетишистских религиозных верованиях. Тут проводят опасные ритуалы.

Джеймс пожевала губу.

– Просим разъяснений. Ритуалы представляют для нас опасность?

– Безусловно, могут.

– Просим разъяснений. Опасны ритуалы или среда на низких орбитах?

– Среда нарушений. Следует быть внимательнее, Сьюзен. Невнимательность подразумевает безразличие, – передал «Роршах». И миг спустя добавил: – Или неуважение.

* * *

У нас оставалось четыре часа, прежде чем Большой Бен заслонит объект. Четыре часа непрерывного, безостановочного общения, оказавшегося гораздо проще, чем мы предполагали. Оно говорило на земном языке и регулярно выражало вежливую озабоченность нашим благополучием. И все же, несмотря на бойкую речь, практически ничего о себе не рассказало. За четыре часа объект умудрился не дать прямого ответа ни на один вопрос ни по одной теме, если не считать крайнее нежелание вступать с нами в тесный контакт. К моменту, когда наступило затмение, мы так и не выяснили почему.

В середине разговора на палубу свалился Сарасти. Его ноги не касались лестницы. Вампир протянул руку и вцепился в поручень, чтобы избежать падения; слегка пошатнулся. Если бы такой трюк вздумал провернуть я, закончил бы плачевно, летал бы по отсеку, как галька в бетономешалке.

Он же замер статуей до конца сеанса связи. Лицо каменное, глаза скрыты за обсидиановым забралом очков. Когда сигнал с «Роршаха» оборвался на полу фразе, вампир жестом созвал нас к общему столу.

– Оно разговаривает, – произнес он.

Джеймс кивнула:

– Объект практически не дает нам информации, лишь просит держаться на расстоянии. До сих пор голос принадлежал взрослому мужчине, хотя его возраст несколько раз менялся.

Это Сарасти и сам слышал.

– Структура сигнала?

– Межкорабельные протоколы выполнены идеально. Словарный запас объекта довольно обширный, такой не реконструируешь, подслушав стандартный пилотский треп за несколько рейсов. Скорее всего, они отслеживают весь наш внутрисистемный трафик – я бы сказала, в течение нескольких лет. С другой стороны, наблюдая за средствами массовой информации, они могли бы накопить словарный запас побольше. Поэтому, вероятно, прибыли к нам уже после эпохи радиовещания.

– Насколько уверенно они пользуются нашим языком?

– Владеют грамматикой, строят фразы, поддерживают внутритекстовую зависимость. Глубина рекурсии по Хомскому [32] – не меньше четырех, и я не вижу причин, по которым она не может стать еще больше при продолжительном контакте. Они не попугаи, Юкка, знают правила. Взять хотя бы имя…

– «Роршах», – пробормотала Бейтс, под хруст костяшек стискивая свой любимый мячик. – Интересный выбор.

– Я проверила список кораблей. На марсианской петле есть анкат [33] – грузовик с таким названием. То, что говорило с нами, должно быть, относится к своему объекту, как мы – к космическому кораблю, и название подобрало соответствующее.

В соседнее со мной кресло рухнул Шпиндель, только что с камбуза. Груша с кофе колыхалась в его руке, точно желе.

– Именно это название из всех кораблей в Солнечной системе? Слишком символично для случайно выбранного имени.

– Не думаю, что их выбор случаен. Необычное название вызывает комментарии; пилот «Роршаха» выходит на связь с другим кораблем, в ответ слышит: «Ничего себе! Интересное у тебя имечко», – и начинает импровизировать, попутно вспоминая историю происхождения имени, а сам разговор продолжается в эфире. Тот, кто слышит эту болтовню, может не только уловить название и предмет, к которому оно относится, но и по контексту отчасти понять значение. Вероятно, наши инопланетные друзья перебрали таким образом половину реестра и решили, что для неведомого объекта лучше подойдет название «Роршах», чем, допустим, космолет «Джейми Мэтьюз».

– Территориальны и умны. – Шпиндель поморщился,

вытаскивая кружку из-под кресла. – Шикарно!

Бейтс пожала плечами.

– Территориальны – может быть. Но не обязательно агрессивны. Я вообще сомневаюсь, что они смогут причинить нам вред. Даже если захотят.

– А я нет, – отрубил Шпиндель. – Эти их скиммеры…

Майор отмахнулась:

– Большие суда маневрируют медленно. Если они решат поиграть с нами в бильярд, мы узнаем об этом заранее. – Она окинула нас взглядом. – Послушайте, неужели только мне одной это кажется странным? Они обладают технологиями межзвездного масштаба, позволяющими проводить косметический ремонт газовых гигантов и строить метеориты как цирковых слонов, и тем не менее прячутся? От нас?

– Если только рядом нет кого-то еще, – неуверенно предположила Джеймс.

Бейтс покачала головой:

– Маскировка была направленной. Пришельцы прятались именно от нас, а не от кого-то другого.

– И даже мы их раскусили, – добавил Шпиндель.

– Именно! Так что они переходят к плану «Б», который пока сводится к блефу и невнятным угрозам. Я хочу сказать, что они ведут себя явно не как великаны. Поведение «Роршаха» кажется… импровизацией. По-моему, они нас не ждали.

– Ну, да, конечно! Объект Бернса-Колфилда был…

– Пока не ждали.

– А, – выдавил Шпиндель, переваривая ее слова.

Майор провела ладонью по бритому затылку.

– С какой стати им считать, будто мы просто так повернем назад, узнав, что нас надули? Конечно, мы начнем поиски. Объект Бернса-Колфилда, скорее всего, задумывался как временная мера; на их месте я бы сразу планировала, что мы сюда доберемся рано или поздно. Но они, по-моему, просчитались. Мы явились раньше предполагаемого времени и застали врага со спущенными штанами.

Шпиндель вскрыл грушу и вытряхнул ее содержимое в кружку.

– Для таких умников не слишком ли большой просчет, а? – От соприкосновения с дымящейся жидкостью на кружке расцвела голограмма, слабым сиянием поминая Эпицентр атомного взрыва в Газе. Вертушку заполнил аромат пластифицированного кофе. – Особенно после того, как они нас картировали с точностью до метра.

– Ну, и что они видели? Анкат-приводы? Солнечные паруса?

Корабли, которые будут годами добираться до пояса Койпера и лишены запасов топлива, чтобы отправиться дальше. Теленигиляция на тот момент существовала только на симуляторах «Боинга» и в виде полудюжины прототипов. Заметить нелегко. Должно быть, они решили, что одной обманки хватит, и теперь у них столько времени, сколько нужно.

– Для чего? – спросила Джеймс.

– Для чего нужно, – отрезала Бейтс. – Так что мы оказались в первых рядах.

Шпиндель отсалютовал ей кружкой в нетвердой руке и сделал глоток. Кофе колыхался в темнице, под квёлым тяготением вертушки коричневая поверхность шла волнами и горбами. Джеймс еле заметно, но неодобрительно поджала губы. Технически открытые сосуды для жидкостей в зонах переменной гравитации запрещались даже людям, не страдавшим, как Шпиндель, проблемами с координацией.

– Значит, они блефуют, – протянул он наконец.

Бейтс кивнула.

– Я считаю, «Роршах» еще не достроен. Возможно, мы имеем дело с автоматической защитной системой.

– Значит, на таблички «По траве не ходить» можно не обращать внимания? Ломиться напрямую?

– Мы можем дождаться удачного момента и не давить на них.

– А… То есть сейчас мы могли бы с ним управиться, но ты хочешь подождать, пока «Роршах» из незаметного превратится в неуязвимого. – Шпиндель вздрогнул и отставил кофе. – Где тебе погоны давали? В академии равных возможностей?

Бейтс пропустила подкол мимо ушей.

– Лучшей причиной оставить «Роршах» в покое может быть именно то, что он до сих пор растет. Мы понятия не имеем, как может выглядеть… взрослая, наверное… да, взрослая форма объекта. Да, он скрывался от нас. Многие животные, вполне безобидные, прячутся от хищников. Особенно детеныши. Да, он… отвечает уклончиво. Не дает ответов, которых мы ждем. А вам не приходило в голову, что он не знает ответов? Вы смогли бы допросить человеческий эмбрион? Взрослая особь может вести себя совсем иначе.

– Взрослая особь может нам жопу на уши натянуть.

– Эмбрион с тем же успехом может навалять «Тезею» по полной. – Бейтс закатила глаза. – Господи, Исаак, ты же биолог! Не мне тебе напоминать, сколько пугливых зверюшек огрызается, если загнать их в угол. Дикобраз на ссору не напрашивается, но если пропустишь предупреждение мимо ушей, получишь полную морду иголок.

Шпиндель молча отодвинул кружку в сторону по вогнутому столу, так далеко, как мог дотянуться. Жидкость не выливалась: темный кружок остался параллелен кромке поверхности, только слегка наклонился в нашу сторону. Мне даже показалось, что я могу уловить еле заметный прогиб поверхностной пленки. Исаак слегка улыбнулся, глядя на произведенный эффект.

Джеймс откашлялась:

– Я ни в коей мере не преуменьшаю твоих опасений, Исаак, но мы еще не исчерпали все возможности дипломатического пути. «Роршах», по крайней мере, согласен общаться с нами, хотя и не так откровенно, как хотелось бы.

– Ну, да, он разговаривает, – согласился Шпиндель, не отрывая глаз от перекошенной кружки. – Но не как мы.

– Нет, конечно. Есть некоторые…

– Он не просто увиливает от ответов, а временами жутко косноязычен. Заметила? И путается в местоимениях.

– Ну, если учитывать, что язык он освоил исключительно методом пассивного подслушивания, «Роршах» на удивление красноречив. По моим наблюдениям, они обрабатывают речевые сигналы гораздо эффективнее, чем мы.

– Это точно! Чтобы так юлить, чужой язык надо знать в совершенстве.

– Будь они людьми, я бы с тобой согласилась, – ответила Джеймс. – Но то, что нам кажется обманом или уловкой, так же легко объясняется опорой на малые концептуальные единицы.

– Концептуальные единицы?

Бейтс, как я начал понимать, никогда не требовала пояснений от КонСенсуса, если этого можно было избежать. Джеймс кивнула.

– Все равно, что обрабатывать строку текста слово за словом, а не рассматривать фразу целиком. Чем меньше единицы, тем быстрее они перестраиваются; на выходе это дает молниеносные семантические рефлексы. С другой стороны, становится труднее поддерживать уровень логической связности: при перетасовке связи в масштабных структурах теряются.

– Оп-па! – Шпиндель выпрямился, забыв о жидкости и центробежной силе.

– Я лишь хочу сказать, что мы не обязательно имеем дело с сознательным обманом. Существо, которое обрабатывает информацию в одном масштабе, может не замечать нестыковок в другом. Оно может вообще не воспринимать этот масштаб сознательно!

– Это не все, что ты хочешь сказать.

– Исаак, нельзя применять человеческие нормы к…

– А я-то все гадал, к чему ты клонишь…

Шпиндель нырнул в стенограммы и миг спустя выдернул оттуда отрывок:

«Запрашиваем информацию о среде, которую вы считаете летальной.

Запрашиваем информацию о вашем отклике на неизбежное попадание в летальную среду».

«Рады исполнить. Но ваше понимание летального отличается от нашего.

Существует немало переменчивых обстоятельств».

– Ты его испытывала! – воскликнул Шпиндель и причмокнул губами. Его челюсть подергивалась. – Рассчитывала на эмоциональную реакцию.

– Просто идея. Она ничего не доказывает.

– Была разница? Во времени отклика?

Джеймс чуть помедлила с ответом, затем покачала головой:

– Идея дурацкая. Слишком много переменных, и мы понятия не имеем, как они… Я хочу сказать, они же – не люди…

– Классическая патология.

– Какая патология? – спросил я.

– Это ничего не значит, кроме того, что они не вписываются в человеческий стандарт, – настаивала Джеймс. – Сам по себе этот факт – не повод смотреть на них сверху вниз, особенно здесь присутствующим.

Я попробовал снова:

– Какая патология?

Джеймс покачала головой.

– Есть один синдром, ты мог о нем слышать, – подсказал Шпиндель. – Говорливые, бессовестные, склонные противоречить самим себе и играть словами. Лишенные сочувствия.

– Речь идет не о человеческих существах, – вполголоса повторила Джеймс.

– Но если бы шла, – возразил Шпиндель, – то «Роршаха» можно было бы назвать клиническим социопатом.

На протяжении всего разговора Сарасти не издал ни звука. Теперь, когда слово повисло в воздухе, я заметил, что остальные стараются на него не смотреть.

* * *

Конечно, мы все знали, что Юкка Сарасти – социопат. Но большинство из нас не упоминало об этом в приличном обществе.

Шпинделя вежливость никогда не сдерживала. А может, казалось мне, он почти понимал вампира; мог смотреть сквозь чудовище и видеть организм, такой же продукт естественного отбора, как человеческая плоть, которой за прошедшие эпохи монстр сожрал немало. Эта перспектива как-то успокаивала Шпинделя. Он смотрел, как Сарасти наблюдает за ним, и не ежился.

– Жалко мне сукина сына, – признался он однажды, еще во время тренировок.

Некоторым такая реакция показалась бы нелепой. Человек, сращенный с машиной настолько сильно, что его собственные двигательные навыки разрушались при недостаточном уходе и техобслуживании; человек, слышавший рентген и видевший в оттенках ультразвука, настолько искалеченный модификациями, что не мог даже кончики своих пальцев чувствовать без посторонней помощи, способен жалеть кого-то другого, не говоря о хищнике, созданном убивать людей без малейшего угрызения совести?

– Сочувствие к социопатам – не самая распространенная черта, – заметил я.

– Может, и зря. Мы, по крайней мере, – он взмахнул рукой, какой-то дистанционно управляемый блок датчиков в другом конце симулятора рефлекторно загудел и повернулся, – сами выбрали свои модификации. А вампирам приходится быть социопатами. Они слишком похожи на свою добычу, многие систематики даже в подвид отказываются их записывать. Они так и не отошли от нас достаточно далеко для полной репродуктивной изоляции. Так что вампир – это скорее синдром, чем другая раса. Просто банда каннибалов поневоле с характерным набором отклонений.

– И каким образом это…

– Если твоя единственная пища – собственные сородичи, от сочувствия ты избавишься первым делом. Для них психопатия – не расстройство, понимаешь? Лишь стратегия выживания. Но у нас от них до сих пор мурашки по коже, поэтому мы их… сковываем.

– Думаешь, стоило исправить крестовый глюк?

Все знали, почему этого никто не сделал. Только дурак может воскресить чудовище, не поставив предохранитель. У вампиров он встроенный: без антиевклидиков Сарасти рухнет в эпилептическом припадке, стоит ему увидеть первую же оконную раму на четыре створки.

Но Шпиндель покачал головой.

– Мы не могли его исправить. Вернее, могли, – поправился он, – но ведь глючит зрительная кора, так? Дефект связан с их универсавантизмом [34]. Исправь его и отключишь их способности к распознаванию образов. Тогда какой смысл их вообще воскрешать?

– Не знал.

– Ну, это официальная версия, – он замолчал на секунду и криво ухмыльнулся. – Хотя, с другой стороны, метаболизм протокадеринов мы им подправили без труда.

Пришлось заполнять пробел в образовании. Ориентируясь на контекст, КонСенсус выбрал протокадерин e-Y: волшебный белок мозговой ткани у высших приматов, который вампиры разучились синтезировать. Та самая причина, по которой упыри не переключались на бородавочников или зебр в отсутствии человеческой плоти, и которая обрекла их на гибель, стоило людям открыть страшную тайну Прямого Угла.

– В общем, мне кажется, он… потерянный какой-то. – Уголок рта Шпинделя подергивался от нервного тика. – Волк-одиночка в компании овец. Тебе не было бы грустно так жить?

– Они компанию не любят, – напомнил я ему. Вампиров одного пола вместе лучше не сводить, если только вы не готовы делать ставки на исход кровавой бани. Они – охотники-одиночки и очень территориальны. Когда минимально приемлемое соотношение численности добычи и охотников составляло десять к одному, а люди встречались на просторах плейстоцена крайне редко, главной угрозой для выживания упырей становилась внутривидовая конкуренция. Естественный отбор никогда не учил их уживаться вместе.

Шпинделя это не смутило.

– Это не значит, что ему не может быть одиноко, – настаивал он. – Только Сарасти никогда этого не изменить.

* * *

Они знают мелодию, но не слова.

Роберт Хэйр. Лишенные совести[35]

Мы воспользовались зеркалами – огромными круглыми и невозможно тонкими параболоидами; каждый – в три человеческих роста. «Тезей» штамповал их пачками и прикалывал к хлопушкам, заряженным антиматерией из наших убывающих запасов. За двенадцать часов до контакта корабль разметал

зеркала как конфетти по точно рассчитанным баллистическим траекториям и, когда они отлетели достаточно далеко, поджег. Хлопушки полетели во все стороны, рассыпая гамма-лучевые искры, пока не выгорели дотла. А потом плыли в бездне, раскрыв текучие стрекозиные крылья.

На огромном расстоянии от них четыреста тысяч инопланетных машин кружились и горели, будто ничего не замечая.

«Роршах» летел по орбите Бена всего в полутора тысячах километров над атмосферой, выписывая бесконечный торопливый круг, отнимавший сорок часов на один оборот. К тому времени, пока он опять не попал в наше поле зрения, все зеркала уже вышли из зоны полной слепоты. В КонСенсусе висел увеличенный снимок экваториальной области планеты. Вокруг него взорвавшейся диаграммой искрились символы зеркал, словно рассыпанные фасетки титанического, всеохватного сложного глаза. Тормозов у них не было. Долго на высоте они продержаться не могли.

– Вот оно, – первой отреагировала Бейтс.

У левой кулисы плыла фата-моргана, клочок кипящего хаоса размером в полногтя, если разглядывать его на расстоянии вытянутой руки. Этот мираж ничего не мог нам подсказать, но десятки далеких отражателей отбрасывали к нам световые лучи, и пусть каждый видел немногим больше последнего зонда – полоску темных туч, слегка перекошенную невидимой призмой, – каждое зеркало отражало сигнал по-своему. Капитан просеивал отсветы небес и «шил» из них мозаичное панно.

Постепенно проявлялись детали. Вначале – еле видный осколок тени, ямочка, почти затерявшаяся в кипящих облачных поясах экватора. Вращение планеты только-только выкатило ее из-за края диска – камушек в ручье, невидимый палец, промявший облака, и по обе стороны от него пограничные слои рвались от касательного напряжения и турбулентности.

Шпиндель прищурился:

– Эффект, как от флоккулов.

Компьютер подсказал, что речь идет о чем-то, вроде солнечных пятен, узлах в магнитном поле Большого Бена.

– Выше, – произнесла Джеймс.

Что-то плыло над этой вмятиной в облаках; так лайнер-экраноплан парит над водой, проминающейся под его давлением. Я дал увеличение: рядом с субкарликом Оаса, вдесятеро тяжелее Юпитера, «Роршах» казался крошечным. Но в сравнении с «Тезеем» он был огромен.

Не просто бублик – узел, комок стекловолокна размером с

гору; сплошь петли, мосты и тонкие шпили. Текстура поверхности была, разумеется, условной; КонСенсус просто «завернул» загадочный предмет в отражение фона. И все же… на свой мрачный, пугающий лад он был красив: клубок обсидиановых змей и дымных хрустальных башен.

– Оно снова подает голос, – доложила Джеймс.

– Ответить, – приказал Сарасти и оставил нас.

* * *

Она ответила, и пока Банда общалась с объектом, остальные за ним шпионили. Зрение со временем мутилось – зеркала уходили с расчетных траекторий, и с каждой таявшей секундой видимость ухудшалась. В КонСенсус тем временем лилась информация. «Роршах» весил $1{,}8 \times 10^{10}$ кг, имел общий объем $2{,}3 \times 10^{8}$ кубометров. Судя по радиовизгу и эффекту флоккулов, его магнитное поле по силе в тысячи раз превосходило солнечное. К нашему изумлению, композитное изображение местами оказалось достаточно четким, чтобы различить тонкие спиральные борозды, прочертившие объект. («Последовательность Фибоначчи [36] – доложил Шпиндель, на миг пронзив меня взглядом одного подергивающегося глаза. – По крайней мере они нам не совсем чужды».) На кончиках, по меньшей мере, трех из бесчисленных шипов «Роршаха» болтались уродливые шаровидные наросты; в этих местах борозды проявлялись реже, словно кожу раздуло и растянуло нарывом. Прежде чем уплыть из поля зрения, очередное бесценное зеркало засекло еще один шпиль – расколотый вдоль на треть длины. Рваные края вяло и неподвижно висели в вакууме.

– Пожалуйста, – пробормотала Бейтс вполголоса, – скажите мне, что это не то, на что похоже.

Шпиндель ухмыльнулся.

– Семенная коробочка… Почему нет?

Может, «Роршах» и не размножался, но в том, что он растет, не оставалось никаких сомнений. Его питал непрерывный поток обломков, выпадавших из аккреционного пояса. Мы подобрались достаточно близко, чтобы наблюдать их парад: скалы, горы и мелкая галька, словно мусор, стекали в раковину. Частицы, столкнувшиеся с объектом, прилипали; «Роршах» обволакивал свою добычу как огромная злокачественная опухоль. Поглощенная масса, вероятно, перерабатывалась внутри и перетекала в апикальные [37] зоны роста; судя по микроскопическим изменениям в аллометрии объекта, кончики

его ветвей росли.

Процесс не прекращался ни на секунду – «Роршах» был ненасытен.

Объект служил странным центром притяжения в межзвездной бездне. Траектории падения обломков были хаотичны, но создавалось впечатление, что некий сэнсэй орбитальной механики создал систему – заводной планетарий, который пинком привел в движение, а все прочее оставил на долю инерции.

– Не думала, что такое возможно, – заметила Бейтс.

Шпиндель пожал плечами.

– Да ладно, хаотические траектории детерминированы ничуть не меньше других.

– Это не значит, что их можно предсказать. Уже не говоря о том, чтобы так распланировать, – майорская лысина отсвечивала разведданными. – Для этого нужно знать начальные условия миллиона разных переменных с точностью до десяти знаков. Буквально!

– Ага.

– Даже вампиры так не могут. Квантовые компьютеры тоже.

Шпиндель пожал плечами, как марионетка.

Все это время Банда то входила в роль, то выходила из нее, танцуя с невидимым партнером, который, несмотря на все ее усилия, так ничего нам и не сообщил, кроме бесконечных вариаций на тему «вам не стоит здесь находиться». На любой вопрос он отвечал вопросом, при этом ухитряясь каким-то невероятным образом создать иллюзию ответа.

– Это вы послали светлячков? – спрашивала Саша.

– Мы многое отправляли в самые разные места, – отвечал «Роршах». – Что показали их технические характеристики?

– Их характеристики нам неизвестны. Светлячки сгорели в земной атмосфере.

– Тогда не стоит ли вам поискать там? Когда наши дети улетают, они от нас не зависят.

Саша отключила микрофон.

– Знаете, с кем мы разговариваем? С Иисусом, блин, из Назарета.

Шпиндель глянул на Бейтс. Та пожала плечами и подняла руки вверх.

– Не въехали? – Саша мотнула головой. – Последний диалог – информационный эквивалент «кесарю кесарево». Нота в ноту!

– Спасибо, что выставила нас фарисеями, – проворчал Шпиндель.

– Ну, еврей у нас есть…

Шпиндель только глаза закатил.

Тут я впервые заметил мельчайший изъян в Сашиной топологии; щербинку сомнения, исказившую одну из ее граней.

– Никакого прогресса, – проговорила она. – Попробуем зайти с черного хода.

Саша скрылась: снова включала наружную связь уже Мишель.

«„Тезей“ – „Роршаху“. Принимаем запросы на информацию».

«Культурный обмен. Мы согласны».

Бейтс нахмурилась.

– Это разумно?

– Если оно не желает давать сведений, возможно, захочет их получить. А мы можем многое узнать по тем вопросам, которые объект задаст.

– По…

– Расскажите нам о доме, – попросил «Роршах».

Саша вынырнула из глубины ровно настолько, чтобы бросить:

– Вольно, майор. Никто не обещал давать им верные ответы.

Пятно на гранях Банды замерцало, когда к рулю встала Мишель, но не исчезло. Оно даже слегка разрослось, пока синестет обтекаемыми фразами описывала некий умозрительный городок, не упоминая ни единого предмета меньше метра в поперечнике. (КонСенсус подтвердил мою догадку: теоретическая предельная разрешающая способность зрения светлячков.) А когда к рулю изредка вставал Головолом…

– Не у всех есть родители или кузены, у некоторых их никогда не было. Некоторые рождаются в чанах.

– Понимаю. Печально. «Чаны» звучит так бесчеловечно.

…пятно темнело и расползалось по их граням, как разлитая нефть.

– Слишком многое он принимает на веру, – констатировала Сьюзен пару секунд спустя.

К тому времени, когда Сашу опять сменила Мишель, мысль была уже не просто сомнением и даже не подозрением, она превратилась в озарение: крошечный темный мем, поражавший по очереди расщепленные личности тела.

Банда напала на след, но пока не понимала, на чей.

А я понимал.

– Расскажите мне больше о своих кузенах, – затребовал «Роршах».

– Наши кузены лежат вокруг генеалогического дерева, – ответила Саша, – вместе с племянницами, племянниками и

неандертальцами. Мы недолюбливаем навязчивую родню.

– Мы бы хотели побольше узнать об этом дереве.

Саша выключила микрофон и взглянула на нас, словно говоря: «Ну, куда уж яснее?»

– Оно не могло не проанализировать эту реплику. Там три двусмысленности на две фразы. А оно их все просто проигнорировало!

– Ведь «Роршах» запросил разъяснений, – указала Бейтс.

– Он задал вопрос! Это не одно и то же.

Бейтс все еще не догадывалась, а вот до Шпинделя начало доходить.

Еле заметное движение привлекло мой взгляд: вернулся Сарасти. Он плыл над сияющими вершинами рабочего стола. При каждом движении головы на черном забрале крутился неоновый калейдоскоп. Я чувствовал, как его глаза за стеклом пристально изучают все вокруг. Позади вампира находился кто-то еще.

Я не мог сказать кто, поскольку не заметил ничего необычного, кроме смутного ощущения неправильности. Что-то по другую сторону палубы выглядело не так, как следовало. Нет, поближе, вдоль оси барабана. Однако там ничего не было – лишь голые трубы да кабели сшитого нерва, петляющие сквозь щели. И…

Внезапно чувство неправильности пропало. Я наконец сосредоточился: исчезновение аномалии, возвращение к норме привлекло мое внимание не хуже слабого движения. Я мог точно указать, в каком месте на пучке кабелей произошла перемена, и сейчас не видел ничего особенного. Но она была! Осталось практически бессознательное впечатление, какой-то зуд, находящийся так близко к поверхности под кожей, что я мог бы вернуть его, увидеть, надо было лишь сконцентрироваться.

Саша разговаривала с инопланетным объектом на другом конце лазерного луча. Она сводила разговор к родственным отношениям, семейным и эволюционным: неандертальцы, кроманьонцы и внучатые племянники со стороны матери. Вела беседу не первый час, и ей не было конца и края. Сейчас болтовня меня отвлекала, поэтому я постарался ее отсечь и сосредоточиться на дразнившем память полувоспринятом образе. Секунду назад я что-то видел перед собой. На одной из труб… Точно, слишком много сочленений! Прямая и гладкая, она каким-то образом отрастила сустав. Но нет, дело не в трубе… Вспомнил: там притаилось что-то лишнее, что-то… костлявое.

Безумие! Нет там ничего. Мы в половине светового года от дома, разговариваем с невидимыми инопланетянами о семейных отношениях, а меня стало обманывать зрение.

Если это повторится, надо поговорить со Шпинделем.

* * *

Я пришел в себя от того, что стих шум голосов. Саша замолчала. Вокруг нее грозовым облаком повисли потемневшие грани. Я выдернул из памяти последнюю фразу разговора: «Обычно мы находим племянников с помощью телескопов. Они жесткие, как гобблиниты».

Опять сознательная двусмысленность, а слова «гобблиниты» вообще нет. В глазах лингвиста отражалось неизбежное решение. Саша застыла на краю обрыва, прикидывая глубину омута внизу.

– Вы забыли упомянуть своего отца, – заметили на другом конце линии связи.

– Верно, «Роршах», – вполголоса согласилась Саша, переводя дыхание…

И продолжила:

– Так почему бы тебе не пососать мой жирный лохматый хер?

В вертушке воцарилось молчание. У Бейтс и Шпинделя отпали челюсти.

Лингвист оборвала связь и повернулась к нам, так широко ухмыляясь, что я подумал: «У нее сейчас верхняя часть головы отвалится».

– Саша, – выдохнула Бейтс. – Ты рехнулась?

– А какая разница? Этой штуке все равно. Она понятия не имеет, о чем я говорю.

– Что?

– И понятия не имеет о том, что отвечает, – добавила Саша.

– Погоди. Ты… нет, Сьюзен говорила, что «Роршах» – не попугай, он знает правила.

К рулю встала Сьюзен:

– Да, и это так. Но сопоставительный анализ не требует понимания.

Бейтс покачала головой:

– Ты имеешь в виду, что мы разговаривали с… Оно даже не разумное?

– Может, и разумное. Только мы не общались с ним в привычном значении этого слова.

– И что это такое тогда? Голосовая почта?

– Вообще-то, – медленно произнес Шпиндель, – это называют «китайской комнатой».

«Давно пора!» – подумал я.

* * *

О «китайских комнатах» я знаю все. Сам был таким и никакого секрета из этого не делал, рассказывал любому, кто проявлял интерес.

Задним числом теперь понимаю, что иногда этого делать не стоило.

– Как ты можешь пересказывать людям суть всех этих передовых достижений, если сам ничего в них не понимаешь? – потребовала ответа Челси.

Тогда между нами все было прекрасно. Она еще меня не узнала.

Я пожал плечами:

– Это не моя работа – понимать. Для начала, если бы я мог их понять, это были бы не слишком передовые достижения. Я просто, как бы сказать – проводник.

– Да, но как можно перевести то, чего не понимаешь?

Обычный вопрос дилетанта. Люди не в силах принять тот факт, что у формы есть собственный смысл, отличный от налипшего на ее поверхность семантического содержания. Если правильно манипулировать топологией, это самое содержание определится само собой.

– Никогда не слышала про «китайскую комнату»?

Челси покачала головой:

– Краем уха. Какая-то старая идея, да?

– Ей не меньше сотни лет. По сути, разновидность софизма – аргумент, предположительно опровергающий верность теста Тьюринга. Ты запираешь человека в комнате. Через щель в стене он получает листы, покрытые странными закорючками. В его распоряжении есть огромная база данных с такими же закорючками и набор правил, указывающих, как те должны сочетаться.

– Грамматика, – догадалась Челси. – Синтаксис.

Я кивнул.

– Суть в том, что наш подопытный не имеет понятия о значении закорючек или той информации, которую они могут нести. Он знает только, что, получив, допустим, символ «дельта», он должен извлечь пятый и шестой символы из папки «тета» и сложить их с «гаммой». Подопытный выстраивает цепочку знаков, переносит их на лист и опускает его в щель, а сам ложится спать до следующей итерации. Все повторяется, пока парень вконец не съедет от бесполезной и нудной работы.

– Так он поддерживает беседу, – закончила Челси. – На китайском, полагаю, наш опыт назвали бы Испанской

инквизицией.

– Именно! Суть в том, что можно общаться, используя простейшие алгоритмы сопоставительного анализа и не имея ни малейшего представления о том, что говоришь. Если пользуешься достаточно подробным набором правил, можешь пройти тест Тьюринга. Прослыть острословом и балагуром, даже не зная языка, на котором общаешься.

– Это и есть синтез?

– Та его часть, что касается упрощения семиотических протоколов. И только в принципе. Строго говоря, я получаю ввод на кантонском диалекте, а отвечаю по-немецки, потому что, скорее, выступаю в роли проводника, нежели участника беседы. Но суть ты уловила.

– Как ты не путаешься во всех правилах и протоколах? Их же, наверное, миллионы.

– Как во всем остальном: стоит приноровиться – и действуешь по наитию. Все равно что ездить на велосипеде или пинговать ноосферу. Даже не вспоминаешь о протоколах, просто… представляешь, как себя ведут твои объекты.

– М-м-м… – В уголках ее губ заиграла хитрая полуулыбка. – Но тогда о софизме речь не идет. Ты ведь не понимаешь ни кантонского, ни немецкого.

– Понимает система. Вся комната, сумма ее частей. Парень, который переписывает закорючки, – только один из компонентов. Ты же не ждешь, что единственный нейрон в твоей голове будет понимать английский, так?

– Иной раз я не могу выделить под это дело больше одного, – Челси покачала головой. Она не собиралась отступать. Я видел, как она сортирует вопросы в порядке важности и как они становятся все более… личными.

– Возвращаясь к текущим делам, – я поспешно сменил тему беседы, – ты собиралась показать мне, как это делается пальцами.

Озорная улыбка стерла с ее лица все вопросы.

– О-о, ну, как же…

Привязываться рискованно – слишком много сложностей. Стоит спутаться с наблюдаемой системой, и весь рабочий инструмент ржавеет и тупится.

Но если подопрет, им можно воспользоваться.

* * *

– Сейчас оно прячется, – проговорил Сарасти. – И уязвимо.

– Пора!

Это была не столько новость, сколько оценка. Мы уже несколько дней мчались прямо на Большого Бена. Но гипотеза «китайской комнаты», похоже, укрепила нашу решимость. В любом случае, мы готовились вывести свою навязчивость на новый уровень, покуда «Роршах» скрывала от нас громада планеты.

«Тезей» постоянно пребывал в тягости: в его фабрикаторе зрел многоцелевой зонд, чье производство притормозили перед самым появлением на свет на случай, если от него потребуется еще какие-то пока непредвиденные функции. Где-то между инструктажами Капитан принял роды, модифицировав зонд для близкого контакта и полевой работы на объекте. За добрых десять часов до появления «Роршаха» на горизонте аппарат завершил разгон вниз по гравитационному склону, встроился в метеоритный поток и впал в спячку. Если мы не просчитались, его не должно было разнести шальным обломком, прежде чем он проснется. И если все пойдет по плану, существа, безупречно руководившие многомиллионным кордебалетом, не заметят лишнего танцора на орбитальной сцене. Возможно, нам тупо повезет и мириады скиммеров, находившихся в это время в поле зрения, не окажутся запрограммированными доносчиками.

Приемлемый риск. Если бы мы не были к нему готовы, то с тем же успехом могли остаться дома.

Оставалось ждать: четырем оптимизированным гибридам, едва ступившим за порог банального понятия человечества, и одному вымершему хищнику, который предпочел командовать нами, а не сожрать живьем. Мы ждали, когда «Роршах» вывернет из-за угла. Зонд, наш посол к изоляционистам или, если Банда не ошиблась, мелкий взломщик, нанятый, чтобы проникнуть в пустую квартиру, плавно скользил по гравитационной воронке. Шпиндель прозвал его «чертиком из коробочки», вспомнив детскую игрушку, такую древнюю, что она не удостоилась даже строчки в КонСенсусе. Мы падали ему вслед по почти баллистической траектории, тщательно рассчитав импульс и инерцию, чтобы проскользнуть сквозь бешеное минное поле аккреционного пояса.

Но Кеплер в одиночку не справился бы; время от времени «Тезей» рычал – по хребту корабля прокатывался рокот маневровых двигателей, когда Капитан корректировал спуск в водоворот.

«В бою первым гибнет план боя», – пришло в голову изречение, но я не смог вспомнить, откуда взял цитату [38].

– Есть! – вскрикнула Бейтс. Из-за края Бена показалась крошечная точка, и дисплей сразу же дал увеличение. – Запуск по

сигналу.

Как ни близко мы подкрались, «Роршах» все еще оставался невидим. Но параллакс отчасти сдвинул шоры с глаз зонда, открывая поминутно выпадавшие из виду иглы и спирали дымного стекла. Сквозь прозрачную толщу оставался полувиден бесконечный плоский горизонт Бена. Изображение подрагивало, по КонСенсусу ходили волны.

– Ничего себе магнитосфера, – заметил Шпиндель.

– Тормозим, – доложила Бейтс.

«Чертик» плавно развернулся назад и запустил движок. Индикатор смены скорости на тактическом дисплее покраснел.

В эту смену телом Банды командовала Саша.

– Входящий сигнал, – доложила она. – Формат тот же.

Сарасти пощелкал языком:

– Соединить!

– «Роршах» – «Тезею». Привет, «Тезей». – На сей раз голос оказался женский, немолодой.

Саша ухмыльнулась:

– Видали? Она совсем не обиделась. Даже на «жирный лохматый хер».

– Не отвечать, – распорядился Сарасти.

– Тяга отключена, – доложила Бейтс.

Летевший по инерции «чертик»… чихнул. Серебряные чешуйки швырнуло в бездну с такой скоростью, что «Тезей» по сравнению с ними неподвижно висел на месте: миллионы ослепительно блестящих компасных стрелок. Миг – и они исчезли. Зонд наблюдал за падением дипольных отражателей, обводя лазерным лучом небесную сферу, дважды в секунду ощупывая им небеса и аккуратно отмечая каждую отраженную вспышку. Лишь поначалу иглы мчались по прямой; затем они скручивались в спирали Лоренца, их сносило по странным дугам и выводило в штопор, чтобы швырнуть по новым, прихотливым траекториям на почти релятивистских скоростях. В КонСенсусе начали проявляться контуры магнитного поля «Роршаха», на первый взгляд, напоминавшие уплотненные слои стеклянной луковицы.

– Бздынннь, – высказался Шпиндель.

Луковица оказалась червивой: в ней стали видны полости, длинные извилистые тоннели в силовом поле, фрактально ветвящиеся на всех уровнях.

– «Роршах» – «Тезею». Привет, «Тезей». Вы на связи?

Голографическая врезка рядом с центральным дисплеем показывала углы постоянно плывущего треугольника: «Тезей» – на острой вершине, «Роршах» и «чертик» определяли узкое

основание.

– «Роршах» – «Тезею»: я вас ви-ижу…

– Легкомысленная манера разговора у нее получается лучше, чем у него.

Саша покосилась на Сарасти и не стала добавлять: «Продолжаем?» Но сомнения появились и у нее. Теперь, когда отступать оказалось поздно, она начала продумывать возможные последствия ошибки. Для трезвой переоценки время вышло, но для Саши и это было достижением.

Кроме того, решал все равно вампир.

Тем временем в магнитосфере «Роршаха» проявились колоссальные петли. Невидимые человеческому глазу, они даже на тактической диаграмме оставались исчезающе тонкими; серебряные чешуйки разметало по небу так широко, что даже Капитану приходилось гадать. Новообразования висели в магнитном поле как вложенные друг в друга карданы огромного призрачного гироскопа.

– Вижу, вы не сменили вектор, – заметил «Роршах». – Мы серьезно советуем сменить курс. Правда-правда. Для вашей же безопасности.

Шпиндель покачал головой.

– Эй, Мэнди, а «Роршах» с «чертиком»-то говорит?

– Если да, то я этого не замечаю. Никаких отсветов, вообще никакого направленного излучения, – Бейтс мрачно усмехнулась. – Похоже, мы проскочили незамеченными. И не называй меня Мэнди!

«Тезей» со стоном содрогнулся. Я покачнулся, чуть не упал в низкой псевдогравитации; пришлось держаться, чтобы устоять.

– Коррекция курса, – доложила Бейтс. – Метеоритные рифы.

– «Роршах» – «Тезею». Просим ответа. Ваш текущий курс неприемлем. Повторяю, ваш текущий курс неприемлем. Категорически рекомендуем изменить направление.

К этому моменту зонд плыл уже в нескольких километрах от ведущего края «Роршаха». В такой близости можно было различить не только магнитные поля: яркими красками цветовой кодировки в КонСенсусе представал сам объект. Незримые обводы и шипы переливались множеством условных палитр: тяготение, альбедо, температура абсолютно черного тела. Колоссальные электрические разряды, бьющие с острых шипов, отображались пастельно-лимонными полосами. Дружественный интерфейс КонСенсуса превращал «Роршаха» в мультяшку.

– «Роршах» – «Тезею». Просим ответа.

Корабль зарычал маневровыми движками по левому борту, завилял. На тактическом дисплее еще один, только что

засеченный, обломок прошел мимо «Тезея» на безопасном расстоянии шести километров.

– «Роршах» – «Тезею». Если не можете ответить, пожалуйста… твою мать!

Мультик моргнул и погас.

Но я заметил, что случилось в последнюю секунду: вот «чертик» минует одну из гигантских призрачных петель, и внезапно, будто лягушка открыла рот, вырвалась стрела энергетического языка. Сигнал пропал.

– Теперь я вижу, что вы затеяли, суки! Кретины, думаете, мы совсем тупые?

Саша стиснула зубы.

– Мы…

– Нет, – отрезал Сарасти.

– Но оно…

Сарасти зашипел, звук шел из самой глубины глотки. Никогда не слышал, чтобы млекопитающие издавали такие звуки. Лингвист тут же замолкла.

Бейтс боролась с управлением.

– Я все еще… сейчас…

– Уберите эту хрень прямо сейчас, твари! Вы меня слышите? Сейчас же!

– Есть! – проскрежетала Бейтс, когда сигнал вернулся. – Только лазер перенацелить пришлось.

Зонд снесло в сторону – словно человека, переходящего реку вброд, захватило внезапное течение и швырнуло в водопад. Но он остался на связи и не потерял подвижность.

Почти… Бейтс с трудом удерживала его на курсе. Спотыкаясь, «чертик» продирался сквозь тугие витки магнитосферы «Роршаха». Объект громоздился в его окулярах. Изображение подмигивало.

– Продолжать сближение, – спокойно распорядился Сарасти.

– Я бы с радостью, – прохрипела Бейтс. – Пытаюсь.

«Тезей» вновь пошатнулся, входя в штопор. Я был готов поклясться, что слышу, как скрежещут опоры вертушки. На тактическом дисплее мимо проплыл еще один метеорит.

– Я думал, вы эти штуки заранее засекли, – проворчал Шпиндель.

– Хотите затеять войну, «Тезей»? Вы об этом мечтаете? Думаете, силенок хватит?

– Оно не нападает, – взял решающее слово Сарасти.

– Может, и нападет. – Бейтс не повышала голос, но я видел, чего ей это стоит. – Если «Роршах» может управлять траекториями этих…

– Распределение нормальное. Коррекции незначительные.

Он, очевидно, имел в виду статистику, потому что корабль серьезно болтало и корежило.

– А, ну да, – внезапно произнес «Роршах». – Теперь понятно. Вы думаете, здесь никого нет? Вам какой-то консультант на большом окладе подсказал, что волноваться не из-за чего.

«Чертик» забрался в самую чащу. Большую часть тактических оверлеев мы потеряли из-за зауженного канала связи. В тусклом видимом свете кошмарный ландшафт со всех сторон разрубали чудовищные ребристые гребни «Роршаха»; каждый – размером с небоскреб. Сигнал заикался, Бейтс изо всех сил пыталась удержать зонд в луче. КонСенсус раскрашивал стены и воздух колдовскими знаками телеметрии. Я понятия не имел, что они означают.

– Вы решили, что мы всего лишь «китайская комната» – глумился «Роршах».

«Чертик» шел на таран, нашаривая, за что бы уцепиться.

– Это была ошибка, «Тезей».

Нащупал. Прилип. И внезапно «Роршах» проявился у нас перед глазами – не контуры, не модели искусственных цветов и не упрямые комбинированные изображения. Он, наконец, предстал обнаженным перед людским взглядам.

Вообразите терновый венец: кривой, черный, матовый и слишком запутанный, чтобы примоститься на человеческой макушке. Запустите его на орбиту недоделанной звезды, чей отраженный полусвет едва очерчен силуэтами ее спутников. Редкие кровавые отсветы тусклыми углями вспыхивают в расселинах и на извивах, лишь подчеркивая царящую повсюду темноту.

Представьте себе объект, воплотивший само понятие страдания, нечто до такой степени искореженное и увечное, что даже сквозь бессчетные световые годы и непредставимые бездны биологических различий ты не можешь не ощутить, что предмет будто корчится от боли.

Теперь увеличьте его до размеров города.

Он сверкал на наших глазах. На кривых километровых шипах играли молнии. КонСенсус раскинул перед нами осененный зарницами ландшафт ада: бесконечного, мрачного и мучительного. Синтезированные модели лгали, в нем не было и грана красоты.

– Слишком поздно, – сообщило нечто изнутри «Роршаха». – Теперь вы все покойники. И… Сьюзен, ты слышишь? Мы начнем с тебя.

* * *

Жизнь слишком коротка для шахмат.

Лорд Байрон

Они никогда не закрывали за собой люк. Слишком легко затеряться в зияющей бесконечности, разверзшейся по всем осям координат. Им нужно было и то и другое: не только пустота, но и якорь посреди нее: слабые отсветы с кормы, незаметный ветерок из вертушки, дыхание людей и шорох машин рядом.

Я лежал в засаде. Прочитав десятки очевидных намеков в их поведении, я уже втиснулся в передний шлюз, когда они пролетали мимо. Выждал пару минут и пополз вперед, к погруженной в темноту рубке.

– Конечно, они обратились к ней по имени, – говорил Шпиндель. – Никакого другого имени они не знали. Она сама им сказала, помнишь?

– Ага, – Мишель это не успокаивало.

– Это ваша команда утверждала, что мы болтаем с «китайской комнатой». Хочешь сказать, вы ошиблись?

– Мы… нет! Нет, конечно.

– Ну, тогда получается, «Роршах» Сьюзен не угрожал. Так? Он вообще никому не угрожал и понятия не имел, о чем говорил.

– Он руководствуется правилами, Исаак. «Роршах» следует функциональной схеме, которую начертил, наблюдая в действии человеческое общение. По этим правилам в данных обстоятельствах ему зачем-то понадобилось отреагировать угрозой насилия.

– Но если он даже не понимает, что говорит…

– Не понимает. Не может. Мы разбирали его речь так и этак, брали концептуальные единицы самой разной длины… – Долгий-долгий вздох. – Но он атаковал зонд, Исаак!

– «Чертик» просто слишком близко подобрался к одному из этих… электродов. Ну, и замкнуло.

– Ты не считаешь, что «Роршах» враждебен?

Длинная пауза, слишком длинная. Я уже заподозрил, что меня обнаружили.

– Враждебен, – повторил, наконец, Шпиндель. – Дружелюбен. Мы выучили эти слова на Земле. Не знаю, можно ли применять их здесь, – он причмокнул. – Но он, полагаю, вроде как враждебен, да.

Мишель задумалась.

– Исаак, нет причины… Я хочу сказать, что это бессмысленно.

У нас не может быть ничего, что им нужно.

– Он хотел, чтобы его оставили в покое, – заметил Шпиндель. – Даже если сам не понял, что сказал.

Некоторое время они парили за переборкой в тишине.

– По крайней мере радиационная защита выдержала, – подвел итог биолог. – Уже что-то.

Он имел в виду не только «чертика». Наша собственная броня была покрыта слоем того же материала. Это истощило корабельные запасы сырья на две трети, но никто не собирался полагаться на обычное поле корабля перед лицом сил, с такой легкостью игравших с электромагнитным спектром.

– Если они нападут, что мы будем делать? – спросила Мишель.

– Выясним, что сможем, пока будет поступать информация. Станем отбиваться, пока хватит сил.

– Если хватит… Оглянись, Исаак. Мне плевать, насколько эта штука недоразвита. Просто скажи мне, что мы не безнадежно отстали.

– Отстали – само собой. Насчет безнадежно сомневаюсь.

– Раньше ты пел по-другому.

– Ну и что? Всегда есть способ выиграть.

– Если бы это сказала я, ты бы уже кричал про розовые очки.

– Тогда бы так и было. Но сейчас это говорю я, поэтому перед нами теория игр.

– Опять теория игр? Господи, Исаак…

– Нет, послушай. Ты думаешь об инопланетянах, как если бы это были млекопитающие. Существа, наделенные чувствами, которые заботятся о потомстве.

– Откуда ты знаешь, что нет?

– Потому что нельзя заботиться об отпрысках, которые находятся в световых годах от тебя. Они сами по себе, а мир огромен, безразличен и опасен, и большинство из них не выживет, понимаешь? Лучшее, что ты можешь сделать, – наплодить миллионы детишек и искать слабое утешение в том, что по слепой случайности хоть кому-нибудь из них повезет. Млекопитающие так не мыслят, Мишель. Хочешь земных аналогий, вспомни семена одуванчика. Или селедку.

Слабый вздох.

– Значит, они межзвездные селедки. Только это не значит, что им не под силу нас раздавить.

– Но они-то про нас ничего не знают – заранее, по крайней мере. Семя одуванчика понятия не имеет, с чем ему придется столкнуться, когда прорастет. Может, вокруг ничего не будет. Может, полудохлая лебеда, которая тут же зачахнет. А может, ему

дадут такого пинка, что оно долетит до Магеллановых облаков. Семя не знает, а универсальной стратегии выживания в природе нет. То, что против одного игрока – козырь, против другого – шестерка. Поэтому приходится тасовать стратегии согласно вероятностям. Это игра краплеными картами, и в целом она дает наилучший средний выигрыш. Но, по крайней мере, пару раз ты обязательно лоханешься и выберешь неверное решение. Такова цена игры. А это значит, что слабые игроки не просто могут выиграть у сильных; по статистике, они иногда обязательно выигрывают.

Мишель фыркнула.

– И это твоя теория игр? Камень-ножницы-бумага со статистикой?

Может, Исаак не уловил отсылки, потому задержался с ответом – как раз настолько, чтобы обратиться к КонСенсусу за ссылкой, – а затем расхохотался.

– Камень-ножницы-бумага! Точно!

Несколько секунд лингвист переваривала его реакцию:

– Очень мило с твоей стороны, но это сработает, если противник слепо перебирает варианты. А это совсем необязательно, если знать заранее, с чем будешь иметь дело. Господи ты боже мой! Они столько знают о нас…

Они угрожали Сьюзен. Причем конкретно ей.

– Они не могут знать все, – настаивал Шпиндель. – И принцип действует в любом сценарии, связанном с неполной информацией, не только в предельном случае невежества.

– Но не так хорошо.

– Хоть как-то действует, и это наш шанс. Пока карты не сданы, неважно, насколько хорошо ты играешь в покер, а? Вероятность получить хорошую сдачу не меняется.

– Так вот, во что мы играем. В покер.

– Скажи спасибо, что не в шахматы. Тогда бы нам точно пришел конец.

– Эй, из нас двоих мне полагается быть оптимисткой.

– Ты и есть оптимистка. Это у меня юмор висельника прорезался. Мы все вошли в историю на полдороги, играем свои роли, как можем, и все умрем до конца представления.

– Узнаю моего Исаака, мастера боев без победителя.

– Победить можно: победителем будет тот, кто точнее угадает, чем обернется дело.

– Значит, ты просто гадаешь?

– Угу. Только без информации невозможно толково гадать. И мы можем оказаться первыми, кто выяснит, что случится с человечеством. Пожалуй, по одному этому факту нам уже

обеспечен проход в полуфинал.

Мишель долго не отвечала. Когда она снова заговорила, я не смог разобрать слов. Шпиндель тоже.

– Извини?

– Ты тогда сказал «из незаметного в неуязвимого». Помнишь?

– Угу. Выпускной бал «Роршаха».

– Как думаешь, скоро?

– Понятия не имею. Но вряд ли мы прозеваем этот момент. Вот почему мне кажется, что он не нападал на нас.

Должно быть, Мишель вопросительно на него взглянула.

– Потому что, если он за нас возьмется, это будет не ласковый шлепок по заднице, – объяснил он. – Когда эта сволочь очнется, мы заметим.

Краем глаза я уловил за спиной какое-то движение, развернулся в тесном проходе и еле сумел проглотить вскрик: что-то едва различимое, многорукое вывернулось из-под взгляда и нырнуло за угол, тут же сгинув.

Да не было его там! Не могло быть. Померещилось…

– Ты слышала? – спросил Шпиндель, но я сбежал на корму, прежде чем Мишель успела ответить.

* * *

Мы спустились так низко, что невооруженный глаз больше не видел диска, едва замечал кривизну поверхности. Мы летели прямо в стену, в бескрайний сумрачный простор кипящих грозовых туч, растянувшийся во все стороны до бесконечно далекого горизонта. Бен заполнил половину Вселенной.

А мы продолжали падать.

Далеко внизу «чертик» уцепился колючими кранцами, похожими на лапы геккона, за ребристую шкуру «Роршаха» и разбил там лагерь. Он облучал поверхность рентгеном и ультразвуком, простукивал ее пытливыми пальцами и слушал отзвуки, ставил крошечные заряды взрывчатки и отмерял эхо взрывов. Он рассеивал семена как пыльцу: тысячи крошечных зондов и датчиков – автономных, близоруких, придурковатых и одноразовых. Большинству предназначалась роль жертвы, умиротворяющей слепой случай; лишь один из сотни продержался достаточно долго, чтобы передать по телеметрии полезные данные.

Покуда наша передовая разведка вела съемку окрестностей, «Тезей», падая с небес, рисовал масштабные карты. Он уже в свой черед сплюнул тысячи одноразовых зондов, распределил их в

пространстве и теперь собирал стереоскопическое изображение с тысячи точек зрения одновременно.

В жилых отсеках корабля собирался лоскутный образ. Шкура «Роршаха» на шестьдесят процентов состояла из сверхпроводящих углеродных нанотрубок. Его внутренности оказались, в основном, пусты, но в некоторых полостях даже была атмосфера. Никакая форма земной жизни не продержалась бы там и секунды: радиационные пояса и электромагнитные поля прихотливым образом обвивали конструкцию, просачиваясь внутрь. Местами радиация была настолько мощной, что вмиг обратила бы в пепел обнаженную плоть. Более спокойные заводи за то же время просто убивали: заряженные частицы с субсветовыми скоростями мчались по невидимым трекам, хлестали из зияющих дыр, вертелись в объятьях магнитных полей, какими не погнушалась бы и нейтронная звезда, вырывались на открытое пространство и вновь ныряли в черную тушу. Изредка на поверхности набухали и лопались нарывы, выпуская облака микрочастиц, которые, будто споры, засеивали пояса Ван Аллена [39]. Больше всего «Роршах» напоминал гнездо свившихся друг с другом не до конца разобранных циклотронов.

Ни «чертик» внизу, ни «Тезей» с орбиты не смогли обнаружить вход, если не считать непроходимые жерла то извергавших потоки заряженных частиц, то глотавших их обратно. Даже при максимальном приближении не нашлось ни люков, ни шлюзов, ни иллюминаторов. То, что нам угрожали по лазерной связи, подразумевало наличие каких-то оптических антенн или фазовых решеток, но даже их мы не смогли обнаружить.

Определяющим свойством фон-неймановских машин является самовоспроизводство. Подходит ли «Роршах» под этот критерий, будет он давать семена, или делиться, или рожать, преодолев некий критический порог (если уже не сделал этого), – вопрос оставался открытым.

Один из тысячи вопросов. В конечном итоге, после всех наблюдений и раздумий, рассуждений и догадок мы вышли на орбиту, узнав миллион несущественных мелочей и не получив ни одного ответа на главные вопросы. С уверенностью можно было сказать одно: пока «Роршах» огня не открывал.

* * *

– Мне показалось, «Роршах» знал, о чем говорит, – заметил я.

– В этом-то и загвоздка, – отозвалась Бейтс.

Ей было некому довериться: она не вела интимных бесед, которые можно подслушать. С ней я использовал прямой подход.

«Тезей» все рожал, выдавая на свет двойню за двойней мерзостных тварей: бронированных, приплющенных овоидов вдвое больше человеческого торса, утыканных всякими разными садовыми принадлежностями: антеннами, оптическими портами, втяжными пилами. И оружейными дулами.

Бейтс созывала своих солдат. Мы с ней парили перед главным выходом фаба, в основании корабельного хребта. С тем же успехом фабрикатор мог извергнуть войско в трюм под панцирем – там оно в любом случае будет покоиться, пока не придет пора, – но Бейтс осматривала каждого пехотинца лично, прежде чем отправить к воздушному шлюзу, располагавшемуся в паре метров выше по коридору. Ритуал, надо полагать, армейская традиция: глазами она не могла обнаружить ничего такого, чего не показала бы базовая диагностика.

– Это будет сложно? – спросил я. – Управлять ими без помощи интерфейса?

– Они сами прекрасно управятся. Без спама в сети время реакции ускоряется. Я здесь исполняю, скорее, роль предохранителя.

«Тезей» зарокотал, набирая высоту. Кормовая броня дрогнула. Еще один обломок местного мусора миновал нашу траекторию. Мы выходили на экваториальную орбиту всего в нескольких километрах над объектом, в безумной отваге пробивая аккреционный пояс.

Никого, кроме меня, это не волновало.

– Это как переходить скоростное шоссе, – с пренебрежением отмела Саша мои тревоги. – Попробуй ползком, и тебя на шину намотает. Прибавь ходу – и плыви по течению.

Но в потоке возникали завихрения. С тех пор как «Роршах» замолк, пяти минут не проходило без очередной коррекции курса.

– Так что, ты согласна? – спросил я. – Распознавание образов и пустые угрозы? Волноваться не о чем?

– Пока по нам огня не открывали, – отозвалась Бейтс.

Это значило: ничего подобного.

– Как ты относишься к доводам Сьюзен? Разные среды обитания, нет причин для конфликта…

– Пожалуй, это имеет смысл.

Читай: полная фигня.

– Ты можешь назвать причину, по которой существа, так сильно отличающиеся от нас, решат напасть?

– Вполне возможно, – заметила она, – для атаки хватит и этих самых различий.

Я видел, как в ее графах преломляются поля детсадовских боев. Вспомнил собственные и попытался представить, бывают ли другие.

Хотя, по сути, в этом и смысл. Люди воюют не из-за цвета кожи или идеологии: и то и другое – лишь удобные метки для отбора сородичей. В конечном итоге все сводится к генетическим линиям и дефициту ресурсов.

– Исаак сказал бы, что это другое дело, – заметил я.

– Пожалуй.

Бейтс отправила очередного солдатика в трюм; на его место с гудением заступили двое, плечом к плечу. Броня блестела в свете ламп.

– Сколько пехотинцев тебе нужно?

– Сири, мы готовимся к грабежу со взломом. Оставлять самим дом без присмотра было бы глупо.

Я изучал ее топологию так же тщательно, как она осматривала броню роботов: внутри бурлили сомнение и гнев.

– Ты в сложном положении, – заметил я.

– Как и все мы.

– Но ты отвечаешь за нашу оборону против врага, о котором мы пока ничего не знаем, можем лишь гадать.

– Сарасти не гадает, – поправила Бейтс. – Его не случайно поставили командиром. Не вижу особого резона оспаривать его распоряжения, когда нам всем не хватает по сотне пунктов IQ, чтобы понять их смысл.

– Тем не менее о его хищнической натуре все предпочитают молчать, – заметил я. – Ему тоже нелегко: такой интеллект сосуществует с инстинктивной агрессией. Важно, чтобы победила верная сторона.

В этот момент ей пришло в голову, что Сарасти может подслушивать. Но в следующую секунду она решила, что это неважно: какое ему дело до мнения скотины, если та исполняет приказы?

– Я думала, – произнесла Бейтс вслух, – что вам, жаргонавтам, не положено иметь собственное мнение.

– Оно не мое.

Майор замолчала и вернулась к осмотру.

– Ты же знаешь, чем я занимаюсь, – напомнил я.

– Угу, – один из двух роботов прошел поверку и отправился вверх по хребту. Бейтс повернулась ко второму. – Упрощаешь. Чтобы народ, оставшийся на Земле, понял, чем тут занимаются специалисты.

– Отчасти.

– Мне не нужен переводчик, Сири. Если все пройдет гладко,

то я спокойно выполню роль консультанта. Если нет – телохранителя.

– Ты офицер и военный эксперт. Я бы сказал, что для оценки возможной угрозы со стороны «Роршаха» это достаточная квалификация.

– Я – грубая сила. Разве Юкку или Исаака не надо упрощать?

– Именно этим я и занимаюсь.

Она обернулась.

– Вы взаимодействуете, – пояснил я. – Все компоненты системы влияют друг на друга. Обрабатывать Сарасти, не учитывая тебя, – значит рассчитывать ускорение, забыв о массе.

Бейтс опять вернулась к своему выводку. Еще один робот прошел осмотр.

Она ненавидела не меня, а то, что подразумевалось под моим присутствием.

«Они не доверяют нам и не дают говорить за себя, – молчала она. – Как бы мы не были ловки, как бы далеко не обогнали остальную стаю. Может, именно поэтому. Мы для них как зараженные. Мы субъективны. Поэтому с нами послали Сири Китона, который перескажет, что мы имели в виду на самом деле».

– Понимаю, – сказал я через минуту.

– Да ну?

– Это вопрос не доверия, майор, а местоположения. Нельзя рассмотреть систему изнутри, кем бы ты ни был. Пропорции искажаются.

– А для тебя – нет?

– Я вне системы.

– Сейчас ты общаешься со мной.

– Только как наблюдатель. Совершенство недостижимо, но досягаемо, понимаешь? Я не участвую в исследованиях и не принимаю решений; не вмешиваюсь в те аспекты миссии, которые призван изучать. Но, естественно, я задаю вопросы. И чем больше информации в моем распоряжении, тем точнее анализ.

– Я думала, тебе и спрашивать не надо. Считала, ты по губам читаешь или вроде того.

– Важна каждая мелочь, все идет в котел.

– И ты этим занимаешься прямо сейчас? Синтезируешь?

Я кивнул.

– Без всякого специального образования?

– Я такой же специалист, как и ты. Специалист по обработке информационных графов.

– Но ты ни черта не смыслишь в их содержании.

– Достаточно понимать форму.

Бейтс, кажется, нашла мелкий изъян в боевом роботе, которого разглядывала, и поскребла броню ногтем.

– А софт без твоей помощи не справился бы?

– Софт многое может, но кое-что мы предпочитаем делать сами, – я мотнул головой в направлении солдатика. – Визуальный осмотр, например.

Она усмехнулась, признав поражение.

– Так что, прошу, говори свободно. Я обязан обеспечивать конфиденциальность, ты же знаешь.

– Спасибо, – произнесла она, имея в виду: «На борту корабля такой штуки просто не существует».

«Тезей» зазвенел. Вдогонку раздался голос Сарасти:

– Выход на орбиту через пятнадцать минут. Через пять всем собраться в вертушке.

– Ну, вот, – пробормотала Бейтс, отправляя в путь последнего солдатика, – поехали.

Она оттолкнулась и поплыла вверх по хребту. Новорожденные машины-убийцы угрожающе пощелкивали в мою сторону. От них пахло новыми автомобилями.

– Кстати, – бросила Бейтс через плечо, – ты пропустил самое очевидное.

– Что-что?

В конце прохода она развернулась вверх ногами и как гимнастка приземлилась рядом с люком вертушки.

– Причину. Зачем кому-то нападать, если от нас им ничего не нужно.

– Если они на самом деле не нападают, – прочел я на ее лице. – Если они защищаются.

– Ты спрашивал насчет Сарасти. Крепкий парень, волевой лидер. Мог бы больше времени проводить с рядовым составом.

Вампир не уважает подчиненных. Не прислушивается к советам. Постоянно прячется. Я вспомнил косаток-мигрантов.

– Может, он щадит наши чувства?

Он знает, что заставляет нас нервничать…

– Разумеется, – отозвалась Бейтс.

Вампир даже себе не доверяет.

* * *

И это касалось не только Сарасти. Они все скрывались от людей, даже когда сила была на их стороне. Всегда жили на грани легенды.

Началось все как обычно: вампиры далеко не первые

обнаружили преимущества сохранения энергии. Землеройки и колибри, обремененные крошечными тельцами и форсированным метаболизмом, за ночь умирали бы от голода, если бы не впадали в оцепенение на закате. Коматозные морские слоны, бездыханные, таились на дне морском, поднимаясь только в погоне за добычей или когда содержание лактата достигало критического уровня. Медведи и бурундуки снижали энергетические расходы, отсыпаясь голодными зимними месяцами, а двоякодышащие рыбы – существа родом из Девона, владеющие настоящим «черным поясом» по искусству спячки – могли лечь и сдохнуть на долгие годы, ожидая дождей.

С вампирами было немного иначе. Им мешал не метаболический разгон, недостаток кислорода или накрывающий кладовку снежный полог. Для них проблема заключалась не в малом количестве добычи, а в том, что они сами не слишком от нее отличались, так как совсем недавно отошли от базовой линии гоминидов. Наши темпы размножения совпадали. Обычная динамика типа «волк – заяц», когда на одного хищника приходится сотня жертв, здесь не подходила. Вампиры питались добычей, которая размножалась немногим быстрее их, и выжрали бы собственную кормовую базу в мгновение ока, если бы не научились давать по тормозам.

Эволюция вынесла им смертный приговор, когда они уже могли отключаться на десятки лет. В этом был двойной смысл. Анабиоз не только срезал их метаболические потребности, пока корм размножался до уровня потребления. Он давал на время забыть, что мы – их добыча. К плейстоцену люди сильно поумнели, даже могли позволить себе легкий скептицизм; если за годы жизни в саванне ты не сталкивался с ночными демонами, с чего тебе верить болтовне дряхлой бабки за трапезой у костра?

Сон вампиров был смертью для наших предков, пускай даже именно эти вражеские гены – ныне присвоенные людьми – спустя полмиллиона лет хорошо нам послужили, когда мы покинули Солнечную систему. Меня ободряла мысль о том, что Сарасти, скорее всего, сам чувствовал власть инстинктов, врожденное отвращение к собственной видимости, вылепленное поколениями в ходе естественного отбора. Быть может, каждую минуту, проведенную в нашем обществе, он сопротивлялся голосам, требовавшим от него скрыться, спрятаться и позволить добыче успокоиться. Вероятно, он уходил, когда становилось невмочь им сопротивляться. Вдруг мы его нервировали не меньше, чем он нас. Могли же мы на это надеяться, правда?

* * *

Наша окончательная траектория в равной мере сочетала элементы осторожности и отваги.

«Роршах» нарезал идеальные круги по экватору Большого Бена, на расстоянии 87 900 км от центра тяжести. Сарасти не желал выпускать объект из поля зрения: не надо быть вампиром, чтобы не доверять ретрансляционным спутникам в радиоактивной пурге из песка и роботов. Очевидной альтернативой стало согласование орбиты.

Спорить о том, всерьез ли «Роршах» грозил нам – и понимал ли, о чем говорит, – уже было явно не к месту. Так или иначе, мы могли столкнуться с защитными мерами, и длительное сближение только увеличивало риск. Поэтому Сарасти пришел к оптимальному компромиссу: умеренно эксцентричная орбита практически касалась объекта в перигее и держала нас на отдалении все остальное время. Траектория получалась длиннее, чем у «Роршаха», и выше – на нисходящей дуге приходилось идти на тяге, чтобы синхронизировать вращение, – но в итоге мы не упускали объект из вида ни на минуту, а на дистанции поражения находились лишь в течение трех часов до и после нижней точки.

Нашей дистанции поражения, естественно. Насколько мы знали, «Роршах» был способен, например, протянуть руку и прихлопнуть нас еще до того, как мы покинули пределы Солнечной системы.

Сарасти командовал из своей палатки. КонСенсус принес его голос в вертушку, когда «Тезей» проходил апогей:

– Пора.

«Чертик» воздвиг над собой купол – пузырь, приклеенный к корпусу «Роршаха» и надутый в вакууме одним выдохом азота. Теперь зонд навел лазеры на цель и принялся сверлить. Если сонар не ослышался, толщина поверхности под его ногами составляла всего тридцать четыре сантиметра. Несмотря на шесть миллиметров усиленной радиозащиты, лазерные лучи постоянно заикались во время работы.

– Сучий потрох, – пробормотал Шпиндель. – Это же надо, получается.

Мы прожгли прочный волокнистый эпидермис и изоляционные жилы какого-то материала, вроде управляемого асбеста. Слой за слоем сверхпроводящей сетки, перемежавшейся слоистыми углеродными пленками.

Мы пробились внутрь.

Лазеры тут же погасли. За несколько секунд кишечные газы «Роршаха» надули палатку как барабан. В загустевшей атмосфере клубилась и плелась черная сажа.

Никто по нам не стрелял и никак не отреагировал. Вообще! В

КонСенсусе начали копиться парциальные давления газов: метан, аммиак, водород. Много водяного пара, вымерзавшего быстрее, чем приборы успевали его регистрировать.

Шпиндель хрюкнул.

– Восстановительная атмосфера. Доснежковая фаза [40].

В его голосе звучало разочарование.

– Может, они еще не закончили работу, – предположила Джеймс. – Как и над всем объектом.

– Может…

«Чертик» высунул язык – огромный механический сперматозоид с оптомышечным хвостом. Головой ему служил толстокожий ромб, половину поперечного сечения которого занимала керамическая броня. Крошечный ганглий датчиков в его сердцевине был рудиментарным, но настолько маленьким, что мог просочиться в просверленную лазером узкую дырочку диаметром с карандаш. Зонд просунулся внутрь, облизывая свежепрорванное отверстие «Роршаха».

– Темно там, – заметила Джеймс.

– Зато тепло, – ответила Бейтс.

Двести восемьдесят один кельвин [41]. Выше точки замерзания.

Эндоскоп нырнул во тьму. В тепловом спектре прорезалась зернистая черно-белая картинка – что-то вроде тоннеля, заполненного туманом, с причудливыми каменными наростами. Стены гнулись как соты или окружности окаменевшей кишки. Тут и там от центрального прохода ответвлялись тупички и боковые коридоры. Судя по виду, основным материалом служило плотное слоеное «тесто» из углеродного волокна. Местами в зазор между слоями едва можно было просунуть палец, а в некоторые щели удалось бы пропихнуть труп.

– Дамы и господа, – вполголоса произнес Шпиндель. – Кушать подано – чертова пахлава.

Я был готов поклясться, что заметил какое-то очень и очень знакомое движение. Камера сдохла.

Роршах

Матери любят своих детей больше, чем отцы, так как они более уверены в том, что это именно их дети.

Аристотель

Попрощаться с отцом я не смог; даже не знаю, где он был в то время.

Прощаться с Хелен я не хотел, не желал туда возвращаться. Только проблема была в том, что теперь я мог вообще никуда не ехать: на планете не осталось места, где бы Гора ни взяла и ни пришла к Магомету. Небеса были лишь очередным районом глобальной деревни, и та не оставляла мне выбора.

Я связался с матерью прямо из своей квартиры. Новые имплантаты – заточенные под экспедиционные нужды и всего неделю назад вставленные под череп – навели мост в ноосферу и постучались во врата рая. Некий ручной призрак, столь же бесплотный, как Петр-ключник, хотя более правдоподобный, принял записку и умчался.

Меня пустили внутрь.

Ни передней, ни комнаты свиданий: Небеса не предназначались для досужих зевак; любой рай, в котором бы себя уютно чувствовали скованные плотью, оказался бы нестерпимо прозаичен для бестелесных душ. Гость и хозяин могли видеть совершенно разные обстановки. Если бы я захотел, то мог бы снять с полки любой стандартный пейзаж и обставить это место, как мне заблагорассудится. Сами взошедшие, конечно, не поддавались изменению. Хотя одно из преимуществ посмертия – возможность самому выбирать себе лица.

То, чем предстала моя мать, лица не имело. И черта с два, я стану прятаться перед ней за какой-то маской.

– Привет, Хелен.

– Сири! Какой чудесный сюрприз!

Она была абстракцией абстракции: нереальным пересечением десятков ярких стекол, словно засветился изнутри и ожил рассыпавшийся витраж. Она кружилась передо мной, как стая рыбок. Ее мир был отдаленным эхом телесного существования Хелен: огоньки, острые углы и трехмерные эшеровские парадоксы, громоздившиеся сияющими тучами. И все же почему-то я узнал бы ее в каком угодно виде. Небеса – это сон: только

проснувшись, понимаешь, что люди, которых ты там видел, совсем не похожи на тех, с кем ты сталкивался в реальной жизни.

В сенсорном поле я нашел лишь один знакомый ориентир – рукотворный рай моей матери пропах корицей.

Я смотрел на сияющую аватару и представлял себе тело, отмокающее в чане с питательным раствором глубоко под землей.

– Как поживаешь?

– Прекрасно… Прекрасно! Конечно, не сразу привыкаешь к тому, что твой разум принадлежит не тебе одной. (Рай не только питал мозги своих обитателей, но и кормился ими – использовал резервные мощности незадействованных синапсов, поддерживая собственную инфраструктуру.) Тебе обязательно надо сюда перебраться, и чем быстрее, тем лучше. Ты не захочешь уходить.

– Вообще-то я улетаю, – отозвался я. – Завтра старт.

– Улетаешь?

– Пояс Койпера. Ты знаешь. Светлячки.

– Ах, да… Кажется, я что-то слышала. Понимаешь, новости из внешнего мира к нам почти не поступают.

– В общем, я хотел попрощаться.

– Я рада. Надеялась увидеть тебя без… ну, ты понимаешь…

– Без чего?

– Ты знаешь. Не хочу, чтобы твой отец подслушивал. Опять…

– Хелен, отец на задании. Межпланетный кризис. Может, ты слышала хоть какие-то новости?

– Разумеется. Ты знаешь, я не всегда терпеливо переносила длительные командировки твоего отца. Но, вероятно, все к лучшему: чем меньше времени он проводил с нами, тем меньше мог сделать.

– Сделать?

– С тобой, – призрак застыл на несколько секунд, изображая неуверенность. – Никогда тебе этого прежде не говорила, но… нет. Не стоит!

– Не стоит что?

– Вспоминать… старые обиды.

– Какие обиды?

Точно по звонку, привычка въелась слишком глубоко. Я ничего не мог с собой поделать – всегда тявкал по команде.

– Ну, – начала она, – иногда ты возвращался – когда был совсем маленький, – и у тебя было такое лицо… напряженное и застывшее, что я думала: почему ты так сердишься, малыш? На что может злиться такая кроха?

– Хелен, о чем ты? Возвращался откуда?

– Оттуда, куда он тебя водил, – на ее гранях мелькнуло что-то вроде дрожи. – Тогда твой отец еще не так часто уезжал, не был

такой важной персоной – просто помешанным на карате бухгалтером, готовым болтать о криминалистике, теории игр и астрономии, пока не вгонит собеседника в сон.

Я попытался себе представить: мой отец – болтун.

– Это не похоже на папу.

– Само собой! Тогда ты был слишком мал, чтобы запомнить, а он был просто маленьким человеком. Им и остался, несмотря на все тайные задания и засекреченные инструкции. Никогда не понимала, как люди этого не замечают. Но даже в те времена твой отец предпочитал… ну, это все же не его вина, наверное. У него было трудное детство, он так и не научился решать проблемы, как взрослый. Предпочитал давить и использовать свое положение, можно так сказать. Я узнала об этом после того, как мы поженились. Если бы раньше, я… но я приняла этот груз и не бросила его.

– Хочешь сказать, что он издевался над тобой? – «Оттуда, куда он тебя водил». – Ты… хочешь сказать, что и надо мной?

– Сири, издевательства бывают разные. Порой слова ранят больнее пуль. А бросить ребенка…

– Он не бросал меня, а оставлял с тобой.

– Твой отец бросал нас, Сири! Порой на целые месяцы, и я… мы не знали, вернется ли он. Это был его выбор! Он не нуждался в этой работе, имел массу других специальностей, которые много лет назад ушли в прошлое.

Я недоверчиво покачал головой, не в силах произнести вслух услышанное: мать ненавидела отца за то, что у того не хватило любезности устареть.

– Отец не виноват, что мировая служба безопасности по-прежнему необходима, – произнес я.

Она продолжала, будто не слыша меня:

– Были времена, когда нашим ровесникам приходилось работать, чтобы свести концы с концами. Но даже тогда люди предпочитали проводить время с семьей, позволяли себе такую роскошь. А сознательно оставаться на работе, без особой на то необходимости – это… это… – Она разбилась и собралась вновь уже рядом со мной. – Да, Сири, я считаю это издевательством. И если бы твой отец был верен мне хотя бы вполовину, как я ему…

Я вспомнил Джима и нашу последнюю встречу: как он нюхал вазопрессин под тревожными взглядами роботов-охранников.

– По-моему, отец нас не предавал.

Хелен вздохнула:

– Я и не надеялась, что ты поймешь. Я не такая уж дура, видела, чем все обернулось. Все эти годы мне фактически пришлось растить тебя одной, пришлось быть строгой,

заниматься твоим воспитанием. Ведь отец опять укатил на очередное секретное задание! Он возвращался на неделю-другую, и ты смотрел на него влюбленными глазами лишь потому, что папа соизволил явиться. Я виню тебя в этом не больше, чем его, вина уже ничего не решает. Я просто думала… решила, что тебе стоит знать. Как хочешь, так и понимай.

Непрошеное воспоминание: мне девять лет, и Хелен зовет меня лечь рядом с ней; гладит ладонью мой шрам, несвежее сладковатое дыхание касается моей щеки. «Ты – единственный мужчина в семье, Сири. На твоего папу больше нельзя положиться. Только ты да я…»

Я ничего не ответил, но спросил:

– Неужели совсем не помогло?

– Ты о чем?

Я обвел взмахом руки созданную на заказ абстракцию, самоподдерживающийся осознанный сон.

– Здесь ты всемогуща. Пожелай что хочешь, вообрази что угодно, – и вот оно. Я думал, ты сильнее изменишься.

Радужные витражи аккомпанементом заиграли под натянутый смешок.

– Для тебя это – недостаточная перемена?

Нет.

Небеса оказались с изъяном: сколько бы аватар и големов ни строила здесь Хелен, сколько бы скудельных сосудов ни пели ей осанну и ни сострадали несправедливости, которую она претерпела, в конечном итоге все сводилось к разговору с самой собой. Существовала иная реальность, над которой мать не властвовала, и другие люди, которые не подчинялись ее правилам и думали о ней, как заблагорассудится. Если вообще думали. Она могла провести всю жизнь, не встретившись с ними. Но она знала об их существовании, и это сводило ее с ума. Когда я покидал Небеса, мне пришло в голову, что при всем всемогуществе мать стала бы абсолютно счастливой в собственном раю лишь в одном случае – если бы вся остальная вселенная сгинула без следа.

* * *

– Этого не должно было случиться! – отчеканила Бейтс. – Защита держалась.

Банда сидела в своей палатке по другую сторону вертушки и с чем-то возилась. Сарасти в тот день держался за кулисами и отслеживал происходящее из своего логова. В общей комнате

остались я, Бейтс и Шпиндель.

– Против чистого ЭМ-поля – может быть. – Шпиндель потянулся, подавляя зевок. – В живых тканях ультразвук проталкивает магнитные поля через оболочки. Могло такое случиться с вашей электроникой?

Бейтс развела руками.

– Кто ее разберет? С тем же успехом там могли поработать эльфы и черная магия.

– Ну, это был не полный провал. Можно сделать несколько интересных предположений.

– Например?

Шпиндель поднял палец:

– Слои, которые мы прорезали, не могли появиться в ходе естественных метаболических процессов, по крайней мере, я таких представить не могу. Так что эта штука не живая в биологическом смысле слова. Если, конечно, в наши дни это что-то значит, – добавил он, окидывая взглядом чрево нашего кита.

– Как насчет жизни внутри объекта?

– Бескислородная атмосфера. Сложную многоклеточную жизнь, скорее всего, можно исключить. Микробы – вероятно, хотя, если они там есть, я жажду увидеть это чудо. Но любой достаточно сложный организм, способный мыслить, не говоря о том, чтобы построить вот это, – Шпиндаль указал на изображение в КонСенсусе, – требует высокоэнергетического метаболизма, а значит, кислорода.

– Ты думаешь, что «Роршах» пустой?

– Этого я не говорил. Инопланетянам положено быть загадочными, и все такое, но я не понимаю, зачем кому-то строить заповедник космических масштабов для анаэробных бактерий.

– В этой штуке кто-то должен обитать. Зачем тогда вообще атмосфера, если мы имеем дело просто с терраформирующим автоматом?

Шпиндель ткнул пальцем в сторону палатки.

– Как сказала Сьюзен: атмосфера еще строится. Так что можем потусить в пустом доме, пока хозяева не явились.

– В пустом?

– Типа того. Я прекрасно понимаю, что мы видели лишь крохотную долю от всего объекта. Но кто-то же видел, как мы приближаемся! И, насколько помню, очень сердился. Если они разумны и враждебны, почему не стреляют?

– А может, уже выстрелили.

– Если что-то внутри и расстреляло твоих роботов, оно поджарило их не быстрее обычной естественной среды.

– То, что ты называешь «обычной естественной средой», может оказаться активной защитой. Иначе, почему орбитальная станция настолько необитаема?

Шпиндель закатил глаза.

– Ладно, я ошибся. Для предположений мы знаем недостаточно.

Нельзя сказать, что мы не пытались раздобыть больше информации. Когда сенсорная головка «чертика» напрочь сгорела, мы разжаловали его в землекопы; зонд по волоску расширял шахту, терпеливо выжигая края проделанной первоначально замочной скважины, покуда та не достигла метра в диаметре. Тем временем мы переделывали пехотинцев Бейтс – навесили столько защиты, что те не отказали бы и в ядерном реакторе, и внутри циклотрона, – и в перигее сбросили их на «Роршах», словно камушки с опушки в зачарованный лес. Каждый из них по очереди прошел воротца «чертика», разматывая за собой нити оптоволокна для передачи данных в ионизированной атмосфере.

Мимолетный взгляд – вот и все, чего им удалось добиться. Мы получили несколько эпизодических сцен. Видели, как шевелятся стены «Роршаха»: волны перистальтики лениво колыхали его внутренности. Видели, как из стен в мучительных спазмах вылезают похожие на патоку новообразования, которые с течением времени должны были совершенно перекрыть проход. Сквозь некоторые помещения наша пехота проплывала с легкостью, в других спотыкалась и с трудом находила дорогу среди магнитного шума. Роботы пролезали сквозь странные пасти, ощеренные бритвенно-острыми зубами, тысячами спирально изогнутых треугольных лезвий, выложенных параллельными рядами. Они осторожно обходили облака тумана, слепленные в абстрактные фрактальные фигуры, смещающиеся, бесконечно повторяющие себя, чьи заряженные капли были нанизаны на мириады сходящихся линий электромагнитного поля.

Рано или поздно каждый солдат сгорал. Или мы теряли с ним связь.

– Можно улучшить радиационную защиту? – полюбопытствовал я.

Шпиндель взглянул на меня.

– Мы и так уже замуровали все, кроме датчиков, – объяснила Бейтс. – Если закрыть и их, мы ослепнем.

– Но видимый свет относительно безопасен. Как насчет чисто оптическо…

– Мы уже пользуемся оптической связью, комиссар, – отрезал Шпиндель. – Мог бы заметить, что всякая хрень все равно

просачивается.

– Но есть же эти… как их… – я поискал слова, – полосовые фильтры? И приспособления, которые будут пропускать видимые частоты, срезая смертельное излучение?

Шпиндель фыркнул.

– Ага! Такая штука называется «атмосферой», и если бы мы приволокли ее с собой – раз в пятьдесят толще земной, – она могла бы частично отфильтровать эту кашу. Правда, Земле еще здорово помогает магнитное поле, но я не стал бы полагаться на нашу ЭМ-защиту.

– Если мы и дальше будем сталкиваться с такими всплесками, – уточнила Бейтс. – Настоящая проблема в них.

– Они повторяются со случайными интервалами? – поинтересовался я.

Шпиндель пожал плечами, как вздрогнул:

– Не думаю, что в здешних местах есть что-то случайное. Хотя кто знает? Нужно больше данных.

– Которые мы вряд ли получим, – закончила Джеймс, подползая к нам по потолку, – если зонды и впредь будет коротить.

Условное наклонение оказалось чистой фигурой речи. Мы рискнули, жертвовали зондами одним за другим – в надежде, что хотя бы одному повезет. Чем дальше они уходили от базы, тем быстрее их шансы на выживание стремились к нулю. Мы пытались экранировать оптоволокно для уменьшения протечек; замотанный в несколько слоев феррокерамики кабель получался настолько жестким и несгибаемым, что мы фактически размахивали зондом на палочке. Решили обойтись без помочей и отправляли роботов на самостоятельную разведку в радиоактивный буран, надеясь потом скачать данные – но ни один не вернулся. В общем, испробовали все.

– Мы можем отправиться туда сами, – сказала Джеймс.

Ну, все, приехали…

– Ага, – выдавил Шпиндель голосом, который мог значить только «нет!».

– Это единственный способ выяснить что-то дельное.

– Например, за сколько секунд твои мозги превратятся в циклотронное рагу.

– Скафы можно экранировать.

– В смысле – как зонды Мэнди?

– Не надо меня так называть, пожалуйста! – вмешалась Бейтс.

– Суть в том, что «Роршах» тебя убьет, будь ты из мяса или металла.

– Суть в том, что мясо он убивает иначе, – отозвалась

Джеймс. – Медленнее.

Шпиндель покачал головой.

– Через пятьдесят минут тебе все равно каюк. Несмотря на защиту. Даже в так называемых «холодных зонах».

– Три часа лучевая болезнь протекает бессимптомно. Смерть наступает лишь через несколько дней, но мы успеем вернуться на «Тезей», и корабль подлатает нас в два счета. Это даже мы знаем, Исаак! Все – в КонСенсусе. А если это знаем мы, ты точно в курсе. Так что спорить не о чем.

– Такая у тебя идея? Каждые тридцать часов накачиваться жестким излучением, а мне потом вырезать опухоли и по клетке склеивать всех заново?

– Капсулы работают автоматически, тебе даже пальцами шевелить не придется.

– Не говоря о фокусах, которые выделывают с мозгом магнитные поля. Мы начнем галлюцинировать с первой секунды, как…

– Отфарадеить скафандры.

– Ага, то есть мы полезем туда глухими и слепыми. Здорово!

– Пусть только свет проходит. Инфракрасное…

– Сюзи, это все излучение! Даже если мы замажем шлем черной краской и будем ориентироваться по видеосигналу, радиация просочится через кабельное гнездо.

– Немного, да. Но это все же лучше, чем…

– Господи! – от тремора из уголка губ Шпинделя брызгала слюна. – Дай мне поговорить с Ми…

– Я обсудила это с остальной Бандой, Исаак! Мы все согласны.

– Все согласны? Сюз, вы решаете не большинством голосов. Оттого, что ты порезала мозг на мелкие кусочки, каждый из них не получает избирательного права.

– Не понимаю, почему нет. Каждый из нас, как минимум, столь же разумен, как и ты.

– И все они – ты. Только распараллеленная.

– Ты, кажется, без труда воспринимаешь Мишель как отдельную личность.

– Мишель, она… Я хочу сказать – да, вы все – совершенно разные грани, но оригинал один. Твои альтер э…

– Не называй нас так, – вмешалась Саша. Ее голос был холоден словно жидкий кислород. – Никогда!

Шпиндель попытался отступить.

– Я не имел в виду… ты же понимаешь…

Но Саша ушла.

– И что ты имел в виду? – поинтересовался вместо нее мягкий

голос. – Ты думаешь, что я просто… ипостась Мамочки? Что когда мы вместе, ты наедине с ней?

– Мишель, – жалким голосом пробормотал Шпиндель. – Нет. Я хотел сказать…

– Не важно, – перебил Сарасти. – Мы не голосуем.

Вампир парил над нами в центре вертушки, скрытый непроницаемым забралом. Никто не заметил его появления. Он медленно поворачивался вокруг своей оси, не выпуская нас из виду, пока мы вращались вокруг него.

– Запускаем «Сциллу». Аманде нужны два солдата без привязи с вооружением только для защиты. Камеры с диапазоном от одного до миллиона ангстрем, экранированные микрофоны без автономного контроля. К 13.50 всем принять тромбоцитарный стимулятор, дименгидринат [42] и йодистый калий.

– Всем? – переспросила Бейтс.

Сарасти кивнул.

– Окно открывается на четыре часа двадцать три минуты.

Вампир снова повернулся к хребту.

– Кроме меня, – сказал я.

Сарасти замер.

– Я не участвую в полевых работах, – напомнил я.

– Теперь участвуешь.

– Я синтет.

Он это знал, как и все остальное: нельзя наблюдать систему изнутри.

– На Земле ты синтет, – отчеканил вампир. – В Койпере ты синтет. А здесь – балласт. Делай, что говорят.

Сарасти исчез.

– Добро пожаловать в общую картину, – пробормотала Бейтс.

Остальные уже расходились. Я взглянул на нее:

– Ты же знаешь, я…

– Мы очень далеко забрались, Сири. Нельзя ждать решений твоего начальства четырнадцать месяцев, и ты это знаешь.

Она подпрыгнула с места и пронеслась сквозь голограммы в невесомость, царящую в центре вертушки. Там остановилась, будто отвлекшись на внезапное озарение, и, ухватившись за спинной хребет, развернулась ко мне лицом:

– Тебе не стоит себя недооценивать. Как и Сарасти. Ты наблюдатель, верно? Могу держать пари, внизу будет, за чем понаблюдать.

– Спасибо, – отозвался я.

Но я уже знал, зачем Сарасти отправил меня на «Роршах», и наблюдение не являлось главной причиной. Трое ценных работников – под огнем, а подсадная утка хоть немного

увеличивала шанс на то, что первый раз выстрелят не по ним.

* * *

И найдет на тебя Дух Господень, и ты будешь пророчествовать с ними, и сделаешься иным человеком.

Первая книга Царств, 10:6[43]

– Вероятно, на протяжении почти всей эволюционной истории мы были раздробленными, – сказала мне Джеймс, когда мы еще только знакомились, и постучала себя по виску. – Там, внутри, места много. Мозг современного человека без всякой перегрузки может вести десятки мыслительных процессов одновременно. А параллельная многозадачность имеет очевидное преимущество в плане выживания.

Я кивнул.

– Десять голов лучше одной.

– Наша интеграция могла произойти совсем недавно. Некоторые эксперты считают, что в определенных обстоятельствах и сейчас мы можем вернуться к множественным личностям.

– Само собой. Ты – живой пример.

Она покачала головой.

– Я не о физическом разделении. Конечно, мы – почти произведение искусства, но теоретически хирургия не нужна. Достаточно сильного стресса, причем в раннем детстве.

– Шутишь?

– Это в теории, – призналась Джеймс и мутировала в Сашу:

– Хрена с два «в теории». Отдельные случаи фиксировали еще полвека назад.

– Правда? – Я устоял перед искушением воспользоваться имплантатами; рассеянный взгляд мог меня выдать. – Не знал.

– Сейчас те времена вспоминать не принято. В те времена с многоядерниками поступали по-варварски – считали это «расстройством» и лечили как болезнь: оставляли одно из ядер, а остальных кончали. Естественно, убийством такие действия не называли, говорили «интеграция» и прочая хрень. Люди создавали других людей, обрекали их на пытки и мучения, а затем, когда отпадала нужда, убивали.

Обычно таким тоном при первом знакомстве не разговаривают. Джеймс аккуратно выпихнула Сашу с водительского места, и беседа понемногу вошла в пристойное русло.

Однако мне не приходилось слышать, чтобы кто-то из Банды называл других «альтер эго» – ни тогда, ни теперь. В устах Шпинделя это прозвучало почти безобидно. Я удивился, почему они так оскорбились; и теперь, пока я парил в пустой палатке, убивая минуты одиночества перед вылетом, никто не видел, как остекленели мои глаза после подключения к КонСенсусу.

Понятие «альтер эго» больше ста лет несет на себе груз отрицательных ассоциаций, сообщил он мне. Саша не ошибалась: было время, когда комплекс многоядерной личности считали расстройством, болезнью, и его никогда не вызывали намеренно. Специалисты тех лет считали, что множественные личности рождаются спонтанно, в невообразимых котлах насилия – осколки индивидуумов приносили в жертву, именно на них сваливались изнасилования и побои, пока дитя пряталось в неведомом приюте среди мозговых извилин. Стратегия выживания и одновременно ритуальное самоубийство: бессильные души рвались на куски, возлагая на алтарь трепещущие куски себя в тщетной надежде умилостивить мстительных, ненасытных богов – Маму и Папу.

Все это оказалось вымыслом. Во всяком случае, подтверждения теории не нашлось. Тогда специалисты были, по сути, шаманами, исполнявшими импровизированный танец с бубном: петлистые извивы свободных бесед, полные наводящих вопросов и невербальных символов; возня падальщиков в помойке переваренного детства. Иногда – доза лития или галоперидола (если бубен с погремушкой оказывались бессильны). Технология картографирования разума только начиналась, до уровня коррекции оставались годы. Психотерапевты и психиатры докапывались до своих жертв и придумывали названия тому, чего не понимали, ведя диспуты над алтарями Фрейда, Кляйна и древних астрологов; изо всех сил делали вид, что они тоже – Наука.

В конечном итоге, именно Наука и размазала их по асфальту. Расстройство множественной личности оставалось полузабытой фантазией до появления синаптической корректуры. Но оборот «альтер эго» сохранился, и его значение не изменилось. Среди тех, кто помнил историю, это выражение стало синонимом предательства, человеческих жертвоприношений и пушечного мяса.

Представив себе топологию сосуществующих душ Банды четырех, я понял почему Саша поддалась этому мифу, и почему Сьюзен позволила ей такое поведение. В конце концов, ничего невозможного в самом понятии не было – его доказывало само существование Банды. А когда тебя отшелушили от уже существующей личности и вызвали из небытия прямо во взрослую

жизнь – осколок личности, лишенный полноценного собственного тела, – можно понять и простить некоторую озлобленность. Да-да, вы все равны и одинаковы, ни одна не превосходит другую. Но фамилия есть у одной Сьюзен.

Лучше направить эту злобу на старые обиды, реальные или вымышленные. Это конструктивнее, чем срывать гнев на тех, кто делит с тобой одну плоть.

И в тот момент, когда вокруг сияли диаграммы, документировавшие непреклонный рост левиафана в глубине, я понял еще одно. Не только, почему Саше было так не по душе это слово, но и почему Исаак Шпиндель бессознательно его произнес.

С точки зрения Земли, все мы на борту «Тезея» были альтер эго.

* * *

Сарасти остался на корабле (для него сменщика не предусмотрели).

В челнок набились мы, все остальные: в переделанных скафандрах, так обвешанных радиационной защитой, что они походили на старинные водолазные костюмы. Здесь следовало соблюдать тщательный баланс, слишком сильное экранирование могло навредить больше, чем его полное отсутствие, так как расщепляло первичные частицы на вторичные корпускулярные – столь же смертоносные, но более многочисленные. Придется терпеть невысокий уровень излучения, иначе оставалось только нырнуть в свинец и застыть, как комару в янтаре.

Мы отбыли за шесть часов до перигея. «Сцилла» мчалась вперед с детским нетерпением, оставив позади родителя. На лицах за моей спиной особого энтузиазма не было за одним исключением: Банда четырех едва не мерцала за забралом шлема.

– Волнуешься? – спросил я.

– Еще бы, твою мать! – отозвалась Саша. – Это ж полевые исследования. Китон. Первый контакт.

– А если там никого нет?

Или есть, но мы им не понравимся?

– Тем лучше! Почитаем их дорожные знаки и этикетки от печенья без присмотра местной полиции.

Мне стало интересно, выражает ли она общее мнение. В том, что Мишель считает иначе, я не сомневался.

Иллюминаторы «Сциллы» были задраены. Наружу не выглянуть, внутри смотреть не на что, кроме роботов, тел и корявого контура, что разрастается на дисплее внутри шлема. Но

я чувствовал, как радиация пронизывает броню, точно бумажную салфетку. Ощущал узловатые гребни и вмятины магнитного поля «Роршаха». Чуял, как он приближается: как обугленный полог выгоревшего инопланетного леса; скорее пейзаж, чем предмет. Я представлял, как титанические разряды проскакивают между его ветвями и себя на их пути.

Какие существа согласятся жить в подобном месте?

– Ты правда считаешь, что мы договоримся? – пробормотал я.

Джеймс пожала плечами – под броней было едва заметно.

– Может, не сразу. Может, мы не с того начали. Скорее всего, придется распутывать массу недопониманий. Но, в конце концов, мы друг друга поймем.

Очевидно, она решила, что ответила на мой вопрос.

Челнок заложил вираж, и мы повалились друг на друга, словно кегли. Тридцать секунд микроманевров ушли на торможение. На внутришлемном дисплее засветилась веселая картинка в сине-зеленых тонах: шлюзовой рукав проталкивался сквозь мембрану, служившую проходом в надувную прихожую «Роршаха». Даже в виде мультяшки это выглядело слегка порнографически.

Бейтс заранее пристроилась у шлюза. Она отодвинула внутреннюю дверь.

– Берегите головы.

Это не так просто, когда ты закутан в феррокерамику и костюм жизнеобеспечения. Шлемы колыхались и сталкивались. Пехотинцы, распластанные по потолку, как гигантские смертоносные тараканы, с гудением пробудились к жизни и оторвались от поверхности. Протолкнулись в тесную щель над головами, загадочно покивали хозяйке и скрылись за кулисами.

Бейтс затворила внутреннюю дверь. Шлюз вдохнул-выдохнул и открылся снова, уже пустой.

Если верить приборам, все в норме. Зонды терпеливо ждали в прихожей, на них никто не набрасывался. Майор последовала за ними.

Картинки пришлось ждать целую вечность. Сквозь каналы связи просочились лишь капли информации. Речь проходила туда и обратно без проблем, но каждый кадр весил больше миллиона слов.

– Пока никаких сюрпризов, – доложила Бейтс голосом поврежденного варгана [44].

Вот оно: глазами второго пехотинца мы увидели первого. Тот стоял неподвижный на зернистой черно-белой картинке. Это была открытка из прошлого: слух, обращенный в зрение, отражение неуклюжих вибраций густой метановой атмосферы о корпус.

Чтобы каждый испещренный помехами кадр дополз до внутришлемного дисплея, нужно было несколько секунд: вот пехотинцы спускаются в яму, вползают в кишку «Роршаха», вот мерными шагами продвигаются через загадочный, враждебный мир. В нижнем левом углу каждой картинки стояло время снимка и показатель мощности магнитного поля.

Когда не доверяешь ЭМ-спектру, многое теряется.

– На вид все в порядке, – отчиталась Бейтс. – Захожу.

В менее враждебной Вселенной роботы катились бы по главной улице, отсылая нам кристально-четкую картинку в идеальном разрешении. Шпиндель и Банда потягивали бы кофе в вертушке, указывая пехотинцам здесь взять пробу, а тут сделать снимок крупным планом. В менее враждебной Вселенной меня бы тут вообще не было…

На открытке появилась Бейтс: она вылезала из фистулы. На следующей – повернулась спиной к камере – очевидно, осматривала периметр. На следующей – глядела прямо на нас.

– Н… нормально, – выдавила она. – Сп… спускайтесь.

– Не так быстро, – упредил Шпиндель. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Немного… странно, но…

– В каком смысле «странно»?

Первый признак лучевой болезни – тошнота, но если расчеты верны, он должен проявиться не раньше, чем через час-другой. Когда мы хорошенько «прожаримся» под излучением.

– Легкая дезориентация, – отозвалась Бейтс. – Тут жутковато малость, но… Должно быть, «синдром зеленых человечков». Терпимо.

Я покосился на Банду. Лингвист посмотрела на Шпинделя. Тот пожал плечами.

– Лучше не станет, – донесся издалека голос Бейтс. – Часы… часики тикают, ребята. Спускайтесь.

Мы спустились.

* * *

На жилой дом «Роршах» не походил. Вообще. Скорее на обиталище призраков.

Даже когда стены замирали, они все равно двигались: уголком глаза ты постоянно замечал ползучее шевеление. А спиной всегда чувствовал, как за тобой наблюдают, испытывал жуткую уверенность в том, что где-то сидят недобрые чужие наблюдатели и следят за тобой. Я оборачивался, надеялся застать

призраков врасплох, но не видел ничего, кроме полуслепого пехотинца, плывущего вдоль тоннеля, или нервозного испуганного коллеги, пялящегося на меня. Стены из блестящей черной лавы прорастали сотнями глаз, которые захлопывались за миг до того, как их могли заметить. Наши фонари разгоняли тьму метров на двадцать, дальше царили туман и тени. И еще звуки – «Роршах» поскрипывал, словно древний парусник, затертый в паковых льдах. Гремучими змеями шипели разряды.

Говоришь себе, что это иллюзия. Напоминаешь, что такие симптомы уже давно исследованы – неизбежные последствия слишком тесного контакта плоти с высокоэнергетическими полями, которые пробуждают призраков и кошмары в височных долях, вызывают из среднего мозга парализующий ужас и пропитывают им сознание. Они путают двигательные нервы и заставляют спящие имплантаты петь, подобно хрупким звонким кристаллам.

Артефакты, вот что они такое! Ты повторяешь это про себя так часто, что мантра теряет даже подобие смысла, вырождаясь в магическое заклинание, абракадабру против злых сил. Голоса, шепчущиеся за броней шлема, и полузаметные твари, видимые лишь искоса, ненастоящие. Они – обман разума, нейрологический балаган, который на протяжении веков убеждал людей, что их мучают призраки, похищают пришельцы, преследуют…

…вампиры…

И начинаешь думать, остался Сарасти на борту или все это время был тут, рядом, и ждал тебя.

– Очередной пик, – предупредила Бейтс, когда на моем дисплее начали зашкаливать теслы и зиверты [45]. – Держитесь!

Я ставил колокол Фарадея [46]. Точнее говоря, пытался: уже протянул от входа главную растяжку к вялому мешку, повисшему посреди тоннеля, и вдруг все вылетело из головы. Да, что-то насчет якорного каната… Чтобы… отцентровать колокол.

В свете нашлемного фонаря стена поблескивала мокрой глиной. В моих глазах вспыхивали сатанинские руны.

Я налепил якорную пластину на стенку. Готов был поклясться, что материал передернуло! Пальнул из реактивного пистолета, отступив к середине прохода.

– Они здесь, – прошептала Джеймс.

Что-то было рядом. Я чувствовал за спиной чужое присутствие, куда бы ни повернулся. Ревущая тьма клубилась на краю поля зрения: жадная пасть, широкая как тоннель. Она была готова в любой миг с невероятной быстротой надвинуться и поглотить нас.

– Они прекрасны… – прошептала Джеймс.

В ее голосе не было страха, только изумление.

– Что? Где? – Бейтс не переставала крутиться на месте, пытаясь смотреть сразу на все четыре стороны. Зонды, похожие на бронированные фигурные скобки, под ее управлением беспокойно ворочались, туда-сюда тыкая пушками. – Что ты заметила?

– Не там, здесь. Повсюду! Разве вы не видите?

– Ничего не вижу, – дрожащим голосом выдавил Шпиндель.

– Это электромагнитные поля, – произнесла Джеймс. – Вот как они общаются. Конструкция полна языков, это…

– Я ничего не вижу, – повторил биолог. Его дыхание громко и часто отдавалось в наушниках. – Я ослеп.

– Черт. – Бейтс повернулась к нему. – Как оно может… радиация?

– Н-не думаю, что д-дело в ней.

Девять тесла, и призраки повсюду. Пахло жимолостью и асфальтом.

– Китон! – окликнула Бейтс. – Ты с нами?

– Д-да, – едва-едва.

Я снова стоял рядом с клеткой, сжимая в руке вытяжной трос. Пытался игнорировать то, что похлопывало меня по плечу.

– Бросай! Вытаскивай Шпинделя!

– Нет! – Тот беспомощно болтался посреди коридора. Пистолет мотало на поводке. – Нет! Брось мне что-нибудь!

– Что?!

Это все у тебя в голове. Все у тебя в…

– Брось мне что-нибудь! Что угодно!

Бейтс заколебалась.

– Ты сказал, что ослеп…

– Давай!

Бейтс сорвала с пояса запасную батарею и швырнула ее Исааку. Шпиндель потянулся за ней, достал, но та выскользнула из его пальцев и отскочила от стены.

– Я в порядке, – выдохнул он. – Только запихните меня в палатку.

Я рванул шнур. Клетка надулась, словно огромный бронзовый попкорн.

– Все внутрь! – Бейтс одной рукой палила из газового пистолета, а другой тащила Шпинделя. Она толкнула его ко мне и налепила на шкуру колокола короб с датчиками. Я сорвал экранированный клапан с входа, как струп с раны. Под ним мыльной пленкой блестела и вихрилась единственная, бесконечно длинная, навитая сама на себя молекула.

– Тащи его внутрь. Джеймс, давай сюда!

Я протолкнул Шпинделя сквозь мембрану. Та смыкалась

вокруг скафа с неприличной теснотой, обнимая по мере прохождения каждую вмятину и щелочку.

– Джеймс! Ты…

– Уберите это от меня! – Грубый голос, напуганный и пугающий. Настолько мужской, насколько позволяли женские голосовые связки. Головолом у руля. – Уберите это от меня!

Я обернулся. Тело Сьюзен Джеймс медленно кувыркалось посреди тоннеля, обеими руками сжимая правую ногу.

– Джеймс! – Бейтс подплыла к ней. – Китон! Помоги! – Она схватила Банду за руку. – Головолом? Что случилось?

– Это! Ты чего, ослепла?

Он не просто держал себя за ногу, сообразил я, а дергал ее. Пытался оторвать.

Кто-то истерически расхохотался у меня под шлемом.

– Держи его за руку, – приказала Бейтс, стискивая лингвиста за запястье и пытаясь отодрать пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в бедро. – Лом, пусти! Сейчас же!

– Уберите это от меня!

– Это твоя нога, Головолом.

Мы боролись всю дорогу до колокола.

– Это не моя нога! Вы гляньте, как оно… оно дохлое. Прилипло ко мне…

Почти добрались.

– Лом, слушай меня! – рявкнула Бейтс. – Ты меня сл…

– Уберите!

Мы затолкнули Банду под купол. Бейтс отступила, когда я нырнул следом. Поразительно, как она держалась. Ей каким-то образом удавалось не подпускать демонов к себе и загнать нас в безопасное убежище, работала, как овчарка в шторм. Она…

Майор не последовала за нами – Аманда Бейтс исчезла. Обернувшись, я увидел ее тело рядом с палаткой: рука в перчатке сжимала край полотнища; даже сквозь слои каптона, хромеля и поликарбоната [47], сквозь искаженные блики на забрале шлема я увидел, чего не хватало – ее грани рассеялись.

Это не Аманда Бейтс! У существа передо мной было не больше графов, чем у манекена.

– Аманда?

Банда тихонько бредила у меня за спиной.

– В чем дело? – вдруг спросил Шпиндель.

– Я остаюсь, – ответила майор. Без всякого выражения. – Я все равно мертва.

– Что?.. – У Шпинделя не хватало слов. – Сейчас будешь, если не…

– Оставьте меня! – отрезала Бейтс. – Это приказ.

Она запечатала нас в палатке.

* * *

Для меня такое было не впервой. Невидимые пальцы и прежде ковырялись в моем мозгу, взбаламучивая грязь и срывая струпья. Воздействие «Роршаха» оказалось намного мощнее, но Челси действовала… точнее. Наверное, так.

Она называла это «макраме»: глиальные замыкания, каскадные эффекты, шинковка критических ганглиев. Если я зарабатывал на жизнь чтением мозговой архитектуры, Челси ее ремонтировала – находила критические узлы, бросала гальку у истоков памяти и наблюдала, как круги на воде превращаются в волны и сливаются в рокочущий поток где-то в низовьях психики. Она могла за час впаять тебе в мозг счастье, а за три – примирить с тяжелым детством.

Процесс перепайки научился обходиться без людей, как и многие другие области человеческой деятельности до него. Человеческую природу поставили на конвейер, и само человечество из производителя все больше становилось продуктом. И все же искусство Челси озаряло странный старый мир новым светом – верстка мысли не ради всеобщего блага некоего абстрактного общества, а ради простых эгоистичных стремлений индивида.

– Позволь мне подарить тебе счастье, – сказала она.

– Я вполне счастлив.

– Я сделаю тебя еще счастливее. ВКУ, за счет фирмы.

– ВКУ?

– Временную корректировку установок. У меня остались права доступа в «Саксе».

– Меня и так достаточно корректировали. Переправь еще хоть синапс, и я могу превратиться в не пойми что.

– Глупости, и ты это понимаешь. Иначе ты от каждого переживания становился бы другим человеком.

Я поразмыслил над ее словами.

– Наверное, так и есть.

Но она настаивала, и даже самые убедительные аргументы против счастья со временем перестают работать. В общем, однажды вечером Челси порылась в ящике и вытащила сетку для волос, облепленную жирными серыми шайбами. Сетка оказалась сверхпроводящей паутиной, тонкой, словно туман, чтобы ловить колебания мысли; шайбы – керамическими магнитами, омывавшими мозг собственным полем. Имплантаты Челси были

завязаны на базовую станцию, игравшую на интерференционных узорах между этими устройствами.

– Раньше только для размещения магнитов требовалась машина размером с ванну, – Челси уложила меня на диван и расправила сетку на волосах. – Это единственное чудо, которое позволяет совершить такая портативная штуковина. Можно найти горячие точки и даже тряхнуть их как следует, если нужно, но эффекты ТКМС [48] со временем стираются. Для долговременной корректуры придется идти в клинику.

– И что же мы ищем? Подавленные воспоминания?

– Таких не бывает. – Она широко улыбнулась, ободряя меня. – Есть только воспоминания, которые мы предпочитаем игнорировать или обходить, как бы мыслить вокруг них, понимаешь?

– Я думал, ты собиралась подарить мне счастье. Почему…

Челси приложила палец к моим губам.

– Веришь или нет, Лебедь, люди временами предпочитают игнорировать даже счастливые воспоминания. Например, если им понравилось что-то, что они считают неприличным. Или, – она поцеловала меня в лоб, – если думают, что недостойны быть счастливыми.

– Так мы будем…

– Тянуть фанты. Пока не вытянешь, не узнаешь, что попалось. Закрой глаза.

Где-то между ушами зародилось тихое гудение. Голос Челси вел меня в темноте.

– Только имей в виду: память – не исторический архив. На самом деле, это… импровизация. Многое из того, что у тебя ассоциируется с определенным событием, может быть фактически неверно, как бы ясно тебе оно ни вспоминалось. У разума есть странная привычка клеить коллажи, вставлять подробности постфактум. Но это не значит, что память тебе врет. Она честно отражает то, что ты видел мир, и каждое воспоминание влияет на то, как ты видишь его прямо сейчас. Но это не фотографии. Больше похоже на импрессионистские картины. Хорошо?

– Хорошо.

– О! – воскликнула она. – Что-то есть…

– Что?

– Функциональный узел. Задействован постоянно, но несильно, до сознательного восприятия не добирается. Посмотрим, что будет, если…

Мне десять лет, я рано пришел домой и заглянул на кухню, где пахло подгоревшим маслом и чесноком. В соседней комнате

ругались папа и Хелен. Откидная крышка кухонного мусоропровода была открыта – временами этого хватало, чтобы мама завелась. Но ссорились они по другой причине. Мать «просто хотела, чтобы всем стало лучше», а папа говорил, «есть же пределы» и «так нельзя». Она отвечала: «Ты не знаешь, на что это похоже», «Ты едва его видишь». Тогда я понял, что родители ссорятся из-за меня. В чем вообще-то не было ничего необычного.

А вот по-настоящему меня испугало то, что папа впервые стал огрызаться.

– К такому нельзя принуждать. Тем более, не сказав ни слова. – Отец никогда не кричал: его голос был, как всегда, негромким и ровным, но холоднее, чем я когда-либо слышал, и твердым будто железо.

– Ерунда, – ответила Хелен. – Родители всегда принимают решения за детей, в их интересах, особенно когда дело касается медицинских во…

– Это не медицинский вопрос, – теперь отец повысил голос. – Это…

– Не медицинский вопрос?! О, ты сейчас сам себя превзошел! Глаза открой! Если ты не заметил, ему вырезали половину мозга. Думаешь, он сможет оправиться без нашей помощи? Опять суровая отцовская любовь засвербела? Может, и кормить-поить его запретишь, раз начал?

– Если бы ему требовались мюопы, врач их прописал бы.

Я чувствовал, как морщусь от незнакомого слова. Из распахнутого мусорного ведра выглядывало что-то маленькое и белое.

– Джим, будь благоразумен! Сири замкнулся в себе, едва со мной разговаривает.

– Они предупреждали, что потребуется время.

– Два года! Ничего дурного в том, чтобы слегка помочь природе. Это ведь не черный рынок! Таблетки продают без рецепта, Господи ты мой!

– Дело не в этом.

Пустая склянка из-под таблеток. Вот, что выбросил один из них, прежде чем оставить распахнутой крышку. Я выудил ее из кухонных отбросов и про себя прочел этикетку:

Bondfast_TN Тип IV
Усилитель м-опиоидных рецепторов
Стимулирует зависимость от матери
«Мы укрепляем связь между матерью и ребенком с 2042 года»

– Значит, теперь мужику, который бывает дома всего три

месяца в году, хватает, блин, наглости судить о моих родительских способностях? Если хочешь решать, как надо воспитывать сына, то для начала поучаствуй в процессе! А до тех пор – отвали.

– Ты больше не станешь пичкать моего сына этой дрянью, – отчеканил отец.

– Да? И как ты собираешься меня остановить, ботанишка? Ты даже не можешь выкроить время на то, чтобы выяснить, что творится в твоей семье, а теперь, значит, решил, что можешь мной крутить с орбиты? Думаешь…

Внезапно из гостиной перестали доноситься голоса, осталось только слабое бульканье. Я заглянул за угол: отец держал Хелен за горло.

– Думаю, – прорычал он, – я могу остановить тебя и защитить Сири, если придется. И думаю, ты это понимаешь.

Потом она увидела меня. Он тоже.

Отец убрал руки с шеи матери. Его лицо осталось непроницаемым. А на лице Хелен было трудно не заметить торжество.

* * *

Я слетел с дивана, стискивая в руке сетку. Челси смотрела на меня огромными глазами; бабочка на ее щеке застыла как мертвая.

Челси взяла меня за руку.

– Господи… Прости.

– Ты… это видела?

– Нет, конечно. Я не читаю мысли. Но это явно было невеселое воспоминание.

– Не так все страшно.

Где-то поблизости я ощутил острую, непонятную боль, как пятно чернил на белой скатерти. Миг спустя зафиксировал ее: оказывается, прикусил губу.

Челси погладила меня по плечу.

– Тебя здорово выбило из колеи. Ты в порядке?

– Да, ничего, – снова привкус соли. – Но мне кое-что интересно.

– Спрашивай.

– Зачем ты так со мной поступила?

– Потому что мы можем это убрать, Лебедь. В этом смысл. Что бы там ни было, что бы тебя не расстраивало, теперь мы знаем, где оно сидит, можем вернуться и пригасить его, раз – и

все! А потом у нас будет несколько дней, и мы удалим это воспоминание навсегда. Если захочешь. Просто надень сетку, и…

Она обняла меня и привлекла к себе. От нее пахло песком и потом; мне нравился этот запах. На какой-то миг я почувствовал себя в безопасности. Сделал вид, что земля на месте и не может уйти из-под ног в любой момент. Когда я был с Челси, становился значимым.

Я хотел, чтобы она обнимала меня вечно.

– Не думаю, – ответил я.

– Нет? – она моргнула и уставилась на меня. – Почему?

Я пожал плечами.

– Знаешь, что говорят о людях, которые не помнят свое прошлое?

* * *

Хищник бежит за едой.
Жертва бежит от смерти.

Старая поговорка экологов

Мы были беспомощны и слепы, втиснулись в хрупкий пузырек безопасности во вражеском тылу. Но шепоты, наконец, смолкли. Чудовища остались за пологом.

И Аманда Бейтс с ними.

– Вот хрень, – выдохнул Шпиндель.

Его взгляд за смотровым стеклом был ясен и внимателен.

– Видеть можешь? – спросил я.

Он кивнул.

– Что случилось с Бейтс? Скаф пробило?

– Не думаю.

– Тогда почему она сказала, что мертва?

– Она имела в виду – буквально, – пояснил я. – Не в смысле «мне конец» или «я умираю». Мертва сейчас, как говорящий труп.

– Откуда… – Ты знаешь? Дурацкий вопрос. Лицо Шпинделя подергивалось и кривилось за стеклом. – Это же безумие.

– Дай определение безумия.

Банда молча висела в воздухе, едва не прижимаясь в тесноте к спине биолога. Стоило нам задраить клапан, и Головолома отпустило. Или его просто оттеснили: мне показалось, что в спазмах пальцев, скованных перчатками, я вижу топологию мыслей Сьюзен.

Дыхание Шпинделя сдвоенным эхом отдавалось в динамиках.

– Если Бейтс мертва, нам конец.

– Может, и нет. Переждем всплеск и выберемся. Кроме того, – добавил я, – она не мертва, а лишь так сказала.

– Блин. – Протянув руку, биолог прижал перчатку к полотнищу палатки. Пощупал что-то за пленкой. – Кто-нибудь поставил приемник?

– На восемь часов, – подсказал я, – метром ниже.

Ладонь Шпинделя легла на стену напротив. Поток чисел с чужого плеча хлынул вверх по его руке, ринулся в наши скафы и затопил мой дисплей.

Снаружи было еще пять тесла, но напряжение поля спадало. Палатка то раздувалась вокруг нас, то опадала, будто дыша, когда мимо проходили волны низкого давления.

– Когда к тебе вернулось зрение? – поинтересовался я.

– Как только мы забрались внутрь.

– Раньше. Ты видел батарею.

– Но упустил, – он хмыкнул. – Хотя я и зрячий, еще тот паралитик, а? Бейтс! Ты там?

– Ты потянулся к ней и почти поймал. Это была не слепая случайность.

– Нет. Это была ложная слепота. Аманда? Отзовись, пожалуйста.

– Ложная слепота?

– С рецепторами все в порядке, – рассеянно проговорил он. – Мозг обрабатывает изображение, но не имеет к нему доступа. Управление перехватывает ствол мозга.

– То есть ствол видит, а кора нет?

– Что-то вроде того. Заткнись и дай мне… Аманда, ты меня слышишь?

– …Нет…

Голос не принадлежал никому в палатке. Едва слышный, он вместе с остальными данными пришел снаружи и скользнул по руке Шпинделя.

– Майор Мэнди! – воскликнул Шпиндель. – Живая!

– …Нет… – шепот, как белый шум.

– Ну, раз разговариваешь, точно не дохлая.

– …Нет…

Мы со Шпинделем переглянулись.

– В чем проблема, майор?

Молчание. Банда легонько прислонилась к стене за нами. Все ее грани были мутными.

– Майор Бейтс? Слышишь меня?

– Нет. – Мертвый голос – спокойный и безразличный, как после препаратов, пойманный в банку, переданный сквозь плоть и свинец на скорости в три бода. Но это определенно была Бейтс.

– Майор, тебе нужно забраться внутрь, – предложил Шпиндель. – Можешь залезть в палатку?

– …Нет…

– Ты ранена? Тебя что-то держит?

– …Н-нет…

Может, это не она, а только ее голосовые связки?

– Слушай, Аманда. Это опасно. Снаружи слишком жарко, понимаешь? Ты…

– Меня здесь нет, – ответил голос.

– Где ты?

– …Нигде.

Я взглянул на Шпинделя. Он посмотрел на меня. Все молчали.

Заговорила Джеймс – не сразу и очень тихо:

– Аманда, где ты?

Нет ответа.

– Ты – «Роршах»?

Здесь, во чреве зверя, в это было легко поверить.

– Нет…

– Тогда что?

– Н… ничто. – Голос ровный, механический. – Я ничто.

– Ты говоришь, что тебя не существует? – протянул Шпиндель.

– Да.

Палатка вокруг нас вздохнула.

– Тогда как ты можешь говорить? – спросила у голоса Сьюзен. – Если тебя не существует, с кем мы разговариваем?

– С кем-то еще, – дыхание. Шорох помех. – Не со мной.

– Черт, – пробормотал Шпиндель. Его графы вспыхнули решимостью и внезапным прозрением. Он отнял ладонь от стены, и мой дисплей тут же поблек. – У нее мозги варятся. Надо затащить ее внутрь.

Биолог потянулся к клапану. Я тоже.

– Всплеск…

– Уже проходит, комиссар. Худшее позади.

– Хочешь сказать, это безопасно?

– Это смертельно опасно. Там всегда смертельно, и она снаружи, может сильно пострадать в своем нынешнем со…

Что-то врезалось в палатку снаружи, ухватило внешний клапан и потянуло.

Наше убежище распахнулось как глаз: из открывшегося зрачка на нас смотрела Аманда Бейтс.

– У меня по датчикам уровень три и восемь десятых, – проговорила она. – Это же терпимо, да?

Никто не пошевелился.

– Давайте, ребята. Перекур окончен.

– Ама… – Шпиндель уставился на нее. – Ты в порядке?

– Здесь? Черта с два. Но нас работа ждет.

– Ты… существуешь? – спросил я.

– Что за дурацкие вопросы? Шпиндель, как насчет напряженности поля? Работать можно?

– Э… – Он отчетливо сглотнул. – Возможно, нам стоит прервать работу, майор. Этот пик…

– По моим данным, пик почти прошел. У нас меньше двух часов на то, чтобы разбить лагерь, установить наземный контроль и унести отсюда ноги. Справимся без галлюцинаций?

– Не думаю, – признался Шпиндель, – что мы до конца придем в себя. Но об… экстремальных проявлениях не стоит беспокоиться до новой волны.

– Хорошо.

– Которая может накатить в любой момент.

– Мы не галлюцинировали, – тихо заявила Джеймс.

– Обсудим позже, – перебила Бейтс. – Сейчас…

– Там была система, – настаивала Джеймс. – В магнитном поле. И в моей голове. «Роршах» разговаривал. Может, не с нами, но разговаривал.

– Хорошо, – Бейтс отплыла, пропуская нас. – Может, теперь мы научимся отвечать.

– Может, научимся слушать, – отозвалась Джеймс.

* * *

Мы бежали с «Роршаха», как испуганные дети, состроив храбрую мину. Бросили базовый лагерь: «чертика», чудесным образом до сих пор работающего на входе; тоннель в дом с привидениями; оставили на погибель одинокие магнитометры в смутной надежде, что им удастся ее избежать. Грубые актинометры и термографы, старомодные радиоустойчивые устройства, измерявшие мир через изгибы металлических трубок и высекавшие свои летописи на рулонах пленки. Лампы, водолазные колокола, связки направляющих канатов. Мы оставили все – и обещали вернуться через тридцать шесть часов, если выживем.

Внутри каждого из нас мельчайшие раны превращали ткани в кашу. Клеточные мембраны текли от бессчетных щелей. Замученные ремонтные ферменты в отчаянии цеплялись за рваные гены, едва оттягивая неизбежное. Оболочка кишечника

отслаивалась клочьями, решив покинуть хозяина первой, пока остальные не выстроились в очередь, когда начнет умирать остальное тело.

К моменту стыковки с «Тезеем» меня и Мишель уже подташнивало. Остальную Банду, как ни странно, нет; понятия не имею, как такое возможно, но им предстояло испытать то же самое через несколько минут. Без медицинской помощи нас бы выворачивало наизнанку в течение двух следующих суток. Потом тело сделало бы вид, что поправляется; примерно неделю не чувствовало бы боли и не имело будущего. Мы бы ходили, разговаривали, двигались как живые и, вероятно, убедили бы себя, что бессмертны. А затем схлопнулись бы внутрь и сгнили бы изнутри. Истекли бы кровью из глаз, десен, задниц, и если хоть один Бог милосерден – умерли бы до того, как лопнуть, словно перезревшие плоды.

Но искупитель «Тезей» избавит нас от такой незавидной судьбы. Из челнока мы цепочкой проследовали в огромный надувной шар, который Сарасти установил для хранения личных вещей; сбросили там зараженные скафы, одежду и нагими вынырнули в хребет корабля. Чередой летающих мертвецов проследовали через вертушку. Вампир ждал в благоразумном отдалении, пока мы пройдем; затем подскочил и скрылся на корме – пошел скармливать наши радиоактивные обноски декомпилятору.

В склеп! Гробы стояли распахнутыми у кормовой переборки, и мы с облегчением опустились в их объятья. Когда крышка опускалась, Бейтс уже начала кашлять кровью.

Капитан запустил процесс, и мои кости тут же загудели. Я заснул мертвецким сном. Лишь теория да обещания наших братьев-механизмов убеждали в том, что впереди меня ждет возрождение.

* * *

Восстань, Китон.

Я очнулся от дикого голода. Из вертушки доносились слабые голоса. Несколько секунд я парил в своем стручке, закрыв глаза, наслаждаясь отсутствием боли и тошноты. Исчез подсознательный ужас от мысли, что тело постепенно превращается в кашу. Слабость и голод – всё остальное в порядке.

Я открыл глаза.

Надо мной нависло что-то вроде руки. Серое, блестящее и слишком тощее для человеческой конечности. Без кисти. С

невероятным количеством сочленений: кость словно перебита в десяти местах. Тело, с которым соединялась рука, едва виднелось из-за края саркофага намеком на темную тушу, шевелились вывихнутые щупальца. Оно парило передо мной неподвижно, будто я застал его за каким-то непристойным занятием.

Я не успел набрать в грудь достаточно воздуха, чтобы закричать, как существо метнулось прочь.

Я выскочил из гроба, выпучив глаза. Вокруг никого: покинутый склеп с голым летописцем. В зеркальной переборке отражались пустые капсулы, стоявшие по сторонам. Я вызвал КонСенсус: все системы в норме.

Оно не отражалось, вспомнил я. Не отражалось в зеркале!

Я отправился на корму. Сердце колотилось. Передо мной отворилась вертушка. Шпиндель вполголоса беседовал о чем-то с Бандой. При виде меня он помахал дрожащей рукой.

– Меня надо проверить, – сказал я совсем не так уверенно, как хотел бы.

– Первый шаг – признать, что с тобой не все в порядке, – бросил Шпиндель в ответ. – Только не жди от меня чудес.

Он снова повернулся к Банде, сидевшей в диагностическом кресле; у руля стояла Джеймс, но тестовые таблицы, мерцавшие на кормовой переборке, они изучали вместе.

Я ухватился за верхнюю ступеньку и притянул себя к полу. Сила Кориолиса сдувала меня вбок, точно флаг на ветру.

– Или я брежу, или на борту что-то есть.

– Ты бредишь.

– Я серьезно.

– Я тоже. Бери номерок, становись в очередь.

Он не шутил. Я с трудом успокоился, прочитал его и понял, что мои слова Шпинделя не слишком удивили.

– Небось, изрядно проголодался, утомившись от лежания, а? – Шпиндель махнул рукой в сторону камбуза. – Перехвати что-нибудь. Я займусь тобой через пару минут.

Пока ел, я с немалым трудом, но все-таки поработал над очередным конспектом; правда, это заняло только одну половину мозга; вторая все еще дрожала, не вырвавшись из-под ига примитивных инстинктов, которые призывали то ли бежать, то ли драться. Я попытался развеяться, подключившись к потоку данных из медотсека.

– Оно было реальным, – волновалась Джеймс. – Мы все видели.

Не может быть!

Шпиндель прокашлялся.

– Эту попробуй.

В потоке было видно, что он ей показывал: черный треугольник на белом фоне. В следующий миг тот разбился на десяток идентичных копий, потом на сотню. Метастазирующий рой крутился в центре экрана, как на балу геометрических фигур – танцуя в строю, отращивая по углам крохотных собратьев, фрактализуясь, эволюционируя в бесконечный, причудливый узор…

Шпиндель держал в руках скетчпад, на котором интерактивная реконструкция увиденного, без пустой болтовни – программы распознавания образов в мозгу Сьюзен, реагировали на то, что она видит: нет, их было больше, и ориентация неправильная; да, так, но побольше – а машина Шпинделя выхватывала реакции прямо из ее мыслей и в реальном времени корректировала изображение. Большой шаг вперед, по сравнению с бестолковым эрзацем под названием «язык». Впечатлительные даже могли бы назвать это «чтением мыслей».

Ничего похожего, конечно. Просто обратная связь и корреляция. Чтобы преобразовать один набор структур в другой, телепат не нужен. К счастью.

– Вот оно! Вот! – воскликнула Сьюзен.

Треугольники видоизменились до самоуничтожения. Теперь дисплей наполняли переплетающиеся асимметричные пентаграммы – паутина из рыбьей чешуи.

– И не говори, что это случайные помехи, – триумфально произнесла она.

– Нет, – скучно ответил Шпиндель. – Это форма Клювера [49].

– К…

– Это была галлюцинация, Сюз.

– Конечно! Но кто-то подсадил ее к нам в голову, так? И…

– Она всегда была там. С того дня, как ты появилась на свет.

– Нет!

– Это артефакт глубинных структур мозга. Его даже слепые от рождения иногда видят.

– Никто из нас раньше их не видел. Никогда!

– Верю. Но никакой информации в них не содержится, понимаешь? Это не разговоры «Роршаха», а просто… интерференция. Как и все остальное.

– Но оно было такое яркое! Не мерцание, которое постоянно маячит на краю поля зрения. И такое плотное. Реальнее настоящего.

– Это и доказывает, что оно ненастоящее. Поскольку ты на самом деле ничего не видишь, разрешение не ограничивается мутной оптикой.

– О, – выдавила Джеймс и шепотом добавила: – Твою мать.

– Ага. Извини, – и потом: – Закончишь – подходи.

Я взглянул наверх: Шпиндель махал мне рукой. Джеймс поднялась из кресла, но это Мишель приобняла его с несчастным видом, а Саша, ворча, проплыла мимо меня в сторону палатки.

К тому времени, когда я добрался до биолога, Шпиндель развернул кресло в полукушетку.

– Ложись.

Я подчинился.

– Тут такое дело, но я говорил не о «Роршахе». Мне что-то померещилось здесь прямо сейчас, когда я очнулся.

– Подними левую руку, – проговорил он. Потом: – Только левую, а?

Я опустил правую и поморщился от укола.

– Немного примитивно.

Он покатал в пальцах наполненную кровью пробирку, дрожащую рубиновую слезу размером с ноготь.

– Для некоторых целей тканевая проба подходит лучше всего.

– Разве капсулы не должны справляться сами?

Шпиндель кивнул.

– Считай это проверкой качества. Чтобы корабль не зазнавался. – Он уронил образец на ближайший лабораторный стол. Слезинка растеклась и лопнула; поверхность впитала мою кровь, будто страдала от жажды. Шпиндель причмокнул губами. – Повышенный уровень ингибиторов холинэстеразы в ретикулюме. Вкуснотища.

Не удивлюсь, если мои анализы и вправду казались ему вкусными. Шпиндель не просто считывал результаты – он их ощущал, видел, нюхал и перекатывал каждый бит данных на языке как лимонные леденцы. Весь биомедицинский отсек был частью протеза Исаака: расширенное тело с десятками разных органов чувств, вынужденное мириться с мозгом, который знает лишь пять. Неудивительно, что он связался с Мишель. Биолог был почти синестетом.

– Ты провалялся в капсуле чуть дольше остальных, – заметил он.

– Это важно?

Шпиндель как-то дергано пожал плечами.

– Может, твои внутренности прожарились чуть больше наших. Может, у тебя просто конституция хлипкая. Капсула выловила все… неизбежное, так что, думаю… А!

– Что?

– Отдельные клетки в основании мозга перешли на форсаж. И еще больше – в почках и мочевом пузыре.

– Опухоли?

– А ты чего ждал? «Роршах» – не курорт.

– Но капсула…

Шпиндель поморщился; это было что-то вроде обнадеживающей улыбки в его исполнении.

– Ну, да, исправляет девяносто девять и девять десятых процента повреждений. К тому времени, когда добираешься до последней одной десятой, эффективность системы начинает падать. Опухоли мелкие, комиссар. Скорее всего, тело само с ними справится. Если нет – мы знаем их адреса.

– А те, что в мозгу… они не могут вызывать?..

– Шансов мало. – Он пожевал нижнюю губу. – Правда, рак – не единственное, чем нас наградила эта штука.

– То, что я видел. В склепе. У него были… многосуставчатые щупальца, отходящие от центрального узла. Существо было размером, наверное, с человека.

Шпиндель кивнул.

– Привыкай.

– Остальные тоже видят такое?

– Сомневаюсь. У каждого свой взгляд, как… – «Сказать ли?» – передало его подергивающееся лицо, – …на пятна «Роршаха».

– Там галлюцинации понятны, – признался я, – но здесь!

– Это эффекты от магнитной стимуляции. – Шпиндель прищелкнул пальцами. – Они прилипчивые, а? Нейроны как войдут в одно состояние, потом долго не могут прийти в себя. ВКУ тебе никогда не делали? Такому уравновешенному да отлаженному?

– Пару раз было, – ответил я. – Наверное.

– Тот же принцип.

– Мне и дальше будет мерещиться эта ерунда?

– Если официально, то со временем глюки сходят «на нет». Неделя-другая, и по идее ты должен прийти в норму. Но здесь, с этой штуковиной… – Он пожал плечами. – Слишком много переменных. К тому же, полагаю, мы будем туда возвращаться, пока Сарасти не скажет «хватит».

– То есть, по сути, это влияние магнитного поля.

– Вероятно. Хотя, что касается этой хрени, я бы не поручился на сто процентов.

– А что-то еще может вызывать галлюцинации? – спросил я. – На борту.

– Например?

– Ну, не знаю. Протечки в магнитозащите «Тезея», например.

– В норме – нет. Только у нас всех в голове по маленькому компьютеру. А у тебя вообще целое полушарие протезов. Кто знает, какие побочные эффекты могут возникнуть. А что,

«Роршаха» в качестве причины тебе недостаточно?

«Я их и раньше видел», – хотел сказать я. Но тогда Шпиндель спросил бы: «О, и когда? Где?» И я бы, может, ответил: «Когда шпионил за тобой и Мишель», – и любые шансы продолжать бесконтактное наблюдение разнесло бы на атомы.

– Да нет, ничего, просто я в последнее время… нервничаю. Померещилось, будто видел что-то странное в хребтовой шахте, еще до высадки на «Роршахе». Всего на секунду, и оно пропало, стоило мне сосредоточить взгляд.

– Многосуставчатые лапы и центральный узел?

– Господи, нет! Просто мелькнуло что-то. Если там и был какой-то предмет, то, скорее всего, это Аманда опять упустила свой мячик.

– Возможно, – Шпинделя мои слова почти позабавили. – Но защиту нужно проверить на предмет протечки. На всякий случай. Нам лишние глюки без надобности, а?

Я покачал головой, вспоминая увиденный кошмар.

– Как остальные?

– Банда в порядке, только разочарована немного. Майора пока не видел, – он пожал плечами. – Может, она меня избегает.

– Ей здорово досталось.

– Не сильнее, чем нам, правду сказать. Она могла даже не запомнить случившееся.

– Как… может человек поверить, что его не существует?

Шпиндель покачал головой.

– Бейтс не верила. Знала. Как факт.

– Но как?..

– Представь индикатор заряда на приборной панели автомобиля. Иногда контакты ржавеют. Индикатор стоит на нуле, и ты думаешь, что аккумулятор сел. А как иначе? Ты же не можешь вручную пересчитать электроны.

– Хочешь сказать, в мозгу стоит экзистенциометр?

– В мозгу стоят самые разные индикаторы. Ты можешь знать, что слеп, когда на самом деле видишь; и можешь знать, что видишь, когда слеп. И – да, ты можешь знать, что тебя не существует, когда это не так. Список длинный, комиссар. Синдром Котара, синдром Антона-Бабинского, «дамасская болезнь». Это для начала.

Он не сказал о ложной слепоте.

– На что это было похоже? – спросил я.

– Что? – хотя Шпиндель прекрасно понял, что я имею в виду.

– Твоя рука… словно действовала сама по себе. Когда потянулась к батарее.

– О, нет. Ты сознания не теряешь, просто… чувствуешь, и все.

Чуешь, куда потянуться. Отделы мозга играют друг с другом в шарады, а? – он махнул рукой в сторону кушетки. – Слезай. Я уже насмотрелся на твои гнилые кишки. И пригони сюда Бейтс, если найдешь, где она прячется. Должно быть, строит новые полки на фабрике.

Дурные предчувствия мелькали на его лице, словно блики.

– Ты ей не доверяешь.

Он хотел возразить, но вспомнил, с кем говорит.

– Не лично ей. Она – просто… человеческий центр управления механической пехотой. Электронные рефлексы, подчиненные синапсам. Догадайся сам, где находится слабое звено.

– По-моему, там, внизу, на «Роршахе», все звенья слабые.

– Я не о «Роршахе», – уточнил Шпиндель. – Мы спускаемся туда. Что помешает им подняться сюда?

– Им?

– Может, они еще не приехали, – согласился он. – Но когда появятся, держу пари, мы столкнемся с чем-то покрупнее анаэробных микробов.

Я промолчал, а он продолжил, понизив голос:

– И в любом случае, ЦУП в принципе не знал о «Роршахе». Они думали, что отправляют нас туда, где всю грязную работу можно поручить роботам. Но дело в том, что не переносят, когда некем покомандовать, понимаешь? Не могут признать, что пехтура умнее генералов. Так что ради политики в нашей обороне проделали дыру – это не то, чтобы свежая новость, – и хоть я не солдат, но мне такая стратегия разумной не кажется.

Я вспомнил, как Аманда Бейтс принимала роды своих дронов. «Я скорее предохранитель…»

– Аманда… – начал я.

– Мэнди мне нравится, славная зверюшка. Но если мы идем полным ходом на поле боя, я не хочу, чтобы мою жопу прикрывала сеть со слабым звеном.

– Если тебя окружает рой машин-убийц – может…

– Да, это я слышал много раз. Нельзя доверять машинам! Луддиты обожают талдычить о компьютерных сбоях и о том, сколько нечаянных войн можно было бы предотвратить, если бы окончательное решение принадлежало человеку. Но вот что забавно, комиссар: никто не вспоминает, сколько войн было начато намеренно и именно по воле человека. Ты все пишешь свои открытки в вечность?

Я кивнул, даже не поморщившись про себя. Таков уж он есть.

– Можешь к следующей приколоть эту беседу. Может, от нее даже будет прок.

* * *

Представь себе, что ты в плену.

Придется признать – сама напросилась. Ты ломала «железо» и рассеивала биозоли восемнадцать месяцев подряд; это по любым меркам достижение. Карьера реалиста-саботажника долгой не бывает, рано или поздно всех ловят.

Так было не всегда. Когда-то у тебя теплилась надежда тихо выйти на пенсию, но потом из плейстоценовой эпохи вытянули вампиров и – силы небесные! – поставили баланс сил с ног на голову. Эти суки любого опережают на десять шагов. Что неудивительно: в конце концов, кровососы рождены для охоты на людей.

В старом учебнике по популяционной динамике, совсем древнем, чуть ли не XX века, есть одна запомнившаяся тебе строчка. В твоем ремесле эта фраза является чем-то вроде мантры, почти молитвы. «Хищник бежит за едой, – гласит она. – Жертва бежит от смерти». Вывод напрашивается следующий: обычно добыча ускользает от хищника за счет лучшей мотивации.

Может, это и было правдой, пока соревнования проходили по бегу. Но если стратегия выживания включает тактическое предвидение и трехслойное очковтирательство, деваться некуда – вампиры неизменно выигрывают.

Теперь ты в плену, и, хотя ловушку расставили монстры, на спусковой крючок нажимали обыкновенные исходники, предатели. Ты уже шестой час висишь, прилепленная к стене безымянной и неведомой подземной тюрьмы, глядя, как люди забавляются с твоим парнем и созаговорщиком. Забавляются изощренно: в ход идут кусачки, раскаленная проволока и части тела, которые в норме не должны отделяться от туловища. Сейчас ты уже мечтаешь о том, чтобы твой любовник умер, как те двое в камере, чьи ошметки разбросаны по полу. Но они не позволят ему умереть, ведь им так весело!

Это же не допрос, и есть менее инвазивные способы добывать более достоверные ответы. Тут просто развлекаются очередные зверовидные садисты, облеченные властью; убивают время и не только его, а тебе остается рыдать, зажмуриваться и хныкать, как животному, хотя к тебе еще не притронулись. Ты мечтаешь лишь о том, чтобы тебя не оставили напоследок, так как понимаешь, что это значит.

Внезапно мучители останавливаются посередь игры и склоняют головы, будто прислушиваясь к коллективному внутреннему голосу. Тот не иначе как приказывает им снять тебя со стены, перетащить в соседнюю комнату и усадить в одно из

двух кресел с гелевыми подушками по разные стороны «умного» стола, потому что именно так они и поступают – гораздо аккуратнее, чем ты ожидаешь, – прежде чем удалиться. Похоже, тот, кто распоряжается ими, могуществен и недоволен, весь садистский кураж и гонор слетают с их морд в одно мгновение.

Ты сидишь и ждешь. Стол тускло светится таинственными знаками, но тебе не до них, даже если бы ты их понимала, даже если бы они скрывали самую главную вампирскую тайну. Где-то глубоко внутри разума начинает еле заметно теплиться надежда, но разум не осмеливается ей верить. Ты ненавидишь себя за то, что думаешь о жизни, когда куски тел твоих друзей еще не остыли за стеной.

В комнату входит крепко сбитая женщина с явными индейскими корнями в неопределенно-полевой форме. Ее волосы острижены под ноль, на горле просвечивает мелкая сетка подкожной антенны. Твоей подкорке кажется, что она около десяти метров высотой, хотя обнаглевшая студенистая кора головного мозга настаивает, что женщина среднего роста.

Бирка на левой груди вновь прибывшей гласит: «Бейтс». Знаков различия нет.

Бейтс вытаскивает оружие из кобуры на бедре. Ты вздрагиваешь, но ствол нацелен не на тебя. Она бросает оружие на стол, к тебе, и садится напротив.

Микроволновой пистолет. Полностью заряжен и снят с предохранителя. На минимальной мощности вызывает ожоги и тошноту, на максимальной – кипятит мозги в черепе, на промежуточных значениях причиняет боль и увечья, степень которых зависит от воображения владельца.

Твоя фантазия по этой части сорвала все барьеры. Ты тупо пялишься на пистолет, пытаясь найти подвох.

– Двое твоих друзей мертвы, – говорит Бейтс таким тоном, словно ты не наблюдала за процессом. – Необратимо.

«Необратимо мертвы». Хороший оборот.

– Мы можем восстановить тела, но повреждения мозга… – Бейтс прокашливается, словно ей неуютно и… стыдно. Неожиданно по-человечески для такого чудовища. – Последнего мы пытаемся спасти. Не обещаю.

– Нам нужна информация, – переходит она к делу. (Конечно, все, что было до того, – психология, подготовка. Бейтс – «хороший коп».)

– Мне нечего вам сказать, – удается выдавить тебе.

Десять процентов упрямства, девяносто – логики: они не смогли бы тебя поймать, если бы уже не знали все.

– Тогда нам нужно прийти к соглашению, – говорит Бейтс. – К

некой договоренности.

Она издевается! Похоже, твое недоверие заметили. Бейтс обращает на него внимание.

– В каком-то смысле я вас понимаю. Мне далеко не по нутру идея менять настоящую жизнь на симуляцию, и меня трудно купить на всякую мишуру, вроде постоянных вопросов «что есть реальность», которые нам втюхивает нынешняя телоэкономика. Может, для страха действительно есть повод. Это не моя проблема и не моя работа, а лишь мое мнение, и не обязательно верное. Но если мы тем временем поубиваем друг друга, то правды не узнаем. Это непродуктивно.

Ты видишь расчлененные тела своих друзей и ошмётки на полу, в которых еще теплится жизнь, а у этой суки хватает наглости говорить о продуктивности.

– Не мы начали убивать, – говоришь ты.

– Не знаю. И знать не хочу. Повторю: это не моя работа. – Бейтс тычет пальцем через плечо, в сторону двери за спиной, через которую она вошла в комнату.

– Там, – говорит она, – убийцы твоих друзей. Они безоружны. Когда ты войдешь внутрь, камеры уйдут в оффлайн и включатся только через шестьдесят секунд. За все, что случится в этот отрезок времени, ты ответишь перед своей совестью.

Подвох… Тут должен быть подвох!

– Что ты теряешь? – интересуется Бейтс. – Мы и так можем сделать с тобой все, что заблагорассудится. Нам даже причина не нужна.

Ты нерешительно берешь пистолет. Бейтс тебя не останавливает.

«Она права, – понимаешь ты. – Терять совершенно нечего».

Ты встаешь на ноги и, забыв о страхе, тычешь ей дулом в лицо.

– Зачем мне уходить? Тебя я могу пристрелить и здесь.

Она пожимает плечами.

– Попробуй. По мне, так ты упустишь шанс.

– Значит, я захожу, выхожу через минуту – и что тогда?

– Тогда поговорим.

– Мы просто…

– Считай это жестом доброй воли, – говорит она. – Или даже возмещением.

Дверь открывается перед тобой и закрывается позади. Вот и они, все четверо, распластаны по стене, точно кордебалет распятых Иисусов. Их глаза больше не сияют. В них плещется только животный ужас и отражения изменившихся судеб. И когда ты смотришь на них, двое палачей марают штаны.

Сколько осталось? Секунд пятьдесят?

Немного… Будь у тебя чуть больше времени, ты бы много успела наворотить. Но хватит и того, не хочется злоупотреблять любезностью этой… Бейтс.

Похоже, с ней можно договориться.

* * *

В других обстоятельствах лейтенанта Аманду Бейтс отдали бы под трибунал и в течение месяца расстреляли. Неважно, что четверо погибших были виновны в многочисленных случаях изнасилований, пыток и убийств – на войне люди всегда так поступают, нет никакой порядочности и кодекса чести, кроме командной цепочки и боевого строя. Разбирайся с опрометчивыми, если положено; карай виновных, если должен, хотя бы для пущей видимости. Но ради всего святого – закрой дверь и никогда не позволяй врагу видеть раздоры в твоих собственных рядах, не доставляй ему такого удовольствия. Ему положено лицезреть лишь единство и стальную уверенность. Среди нас могут быть насильники и убийцы, но, Господь свидетель, это наши насильники и наши убийцы. И уж точно не годится давать право на месть какой-то террористской мочалке с сотней наших скальпов за поясом.

Но с результатом не поспоришь: договор о прекращении огня с третьей по численности фракцией реалистов в западном полушарии. Немедленное сокращение террористической активности на сорок шесть процентов по всей задействованной территории. Безоговорочное прекращение нескольких кампаний, способных серьезно подорвать работу трех крупных хранилищ тел и полностью вынести Дулутскую зону предподготовки. Все потому, что лейтенант Аманда Бейтс в поисках решения первого боевого задания рискнула воспользоваться сочувствием как оружием.

Это было сотрудничество с врагом, измена и предательство товарищей. Такие вещи положено делать дипломатам и политикам, а не солдатам.

Однако какой результат!

Все это можно было прочесть в личном деле: инициатива, воображение, готовность победить любыми средствами и любой ценой. Возможно, такие склонности следовало пресечь или смягчить. Спор продолжался бы до бесконечности, но тут история просочилась в прессу, и у генералов на шее оказалась героиня.

Где-то посреди трибунала смертный приговор Бейтс сменился

оправданием; оставался вопрос, куда отправить преступницу – в тюрьму или на офицерские курсы. Оказалось, в Ливенворте [50] есть и то и другое; база так туго стиснула отступницу в объятьях, что повышение в звании ей было почти гарантировано, Аманде оставалось только выжить. Три года спустя майор Бейтс отправилась к звездам, где отметилась странной фразой: «Сири, мы готовимся к грабежу со взломом…» В ней сомневался не только Шпиндель. Другие тоже интересовались, чем объясняется ее назначение: превосходной подготовкой или удачным разрешением пиар-кризиса. Я, разумеется, своего мнения не имел, но прекрасно понимал, отчего некоторым Бейтс казалась обоюдоострым оружием. Когда судьба мира висит на волоске, поневоле внимательно приглядишься к солдату, который начал свою карьеру, сотрудничая с врагом.

* * *

> Если вы это видите – оно, скорее всего, не существует.
>
> *Кейт Кио. Основания для самоубийства*[51]

Мы пять раз отправлялись в путь: на протяжении пяти оборотов подряд бросались в пасть чудовища, и оно пережевывало нарушителей триллионом микроскопических зубов, покуда «Тезей» не выдергивал нас на поверхность, чтобы склеить заново. Спотыкаясь и вздрагивая, мы ползали по кишкам «Роршаха», сосредотачиваясь на ближайших задачах и стараясь забыть о призраках, щекотавших нам средний мозг.

Временами стены вокруг начинали шевелиться, а порой нам это лишь мерещилось, иногда мы прятались в колоколе, пока ионные и магнитные вихри лениво проплывали мимо, точно капли эктоплазмы в кишечнике бога-полтергейста.

Временами нас накрывало на открытом месте. Банда начинала вздорить сама с собою, не в силах отличить одну личность от другой. Я как-то провалился в нечто вроде осознанного паралича, и чужие руки волокли мое тело вдаль по коридору; но, к счастью, другие руки вернули меня домой, а голоса, нагло заявлявшие о своей реальности, уверяли, что мне все привиделось. Аманда Бейтс дважды обретала Бога: видела его прямо перед собой и была уверена, что Творец не просто существует, а говорит с ней, причем только с ней одной. Оба раза она теряла веру, стоило нам затащить ее под колокол, но до того ситуация была не из приятных. Ее солдатики, пьяные от

электричества, однако по-прежнему управляемые по линии визирования, покидали свои посты и неуверенно водили стволами по сторонам, заставив нас понервничать.

Пехота умирала быстро: некоторые не выдерживали и одной вылазки, парочка и вовсе вырубилась за пару минут. Самые стойкие оказывались самыми неторопливыми, полуслепыми, туповатыми; каждую команду и ответ они протискивали через экранированные микрофоны пронзительным высокочастотным скрипом. Иногда мы укрепляли ряды тугодумов дронами, говорившими на оптических частотах: быстрыми, но нервозными и еще более уязвимыми. Вместе они охраняли нас от противника, до сих пор не показавшего своего лица.

Да ему и не нужно было. Наши солдаты гибли без всякого вражеского огня.

Мы работали, несмотря ни на что, невзирая на приступы, галлюцинации и, временами, на судороги. Мы пытались присматривать друг за другом, пока магнитные щупальца хватали за внутреннее ухо и доводили до морской болезни. Порой нас рвало в шлемы; тогда мы, бледные, просто висели, втягивая кислый воздух сквозь стиснутые зубы, пока воздухоочиститель убирал с лица комочки пищи и слизь, и молча благодарили небеса за маленький дар антистатических, самоочищающихся смотровых стекол.

Вскоре стало очевидно, что мне уготовили роль не только пушечного мяса. Да, я не владел языковыми способностями Банды и не знал биологию, как Шпиндель, но был лишней парой рук там, где каждый мог выпасть из строя в любой момент. Чем больше народу Сарасти отправлял на «Роршах», тем выше становились шансы, что хотя бы один из нас в ответственный момент сможет остаться на плаву. Но даже так мы все находились в ужасном состоянии, а работа шла из рук вон плохо. Мы безрассудно рисковали в каждой вылазке, но все равно шли туда, иначе могли собирать вещички и мотать домой.

Работа двигалась бесконечно малыми шагами: наши старания напоминали ковыляние охромевшего на обе ноги человека. Банда не могла обнаружить в шуме никаких признаков знаковой системы или речи, поддающейся расшифровке, но общее развитие объекта бросалось в глаза без всяких теорий. Временами «Роршах» членился, выдавливал поперек тоннелей перегородки, похожие на хрящевые кольца человеческой трахеи. Некоторые из них на протяжении часов лениво текли расплавленным воском и превращались сначала в сужающуюся диафрагму, а потом и вовсе в плотные мембраны. Мы словно наблюдали прирост объекта отдельными сегментами. В основном, конечно, «Роршах»

увеличивался за счет кончиков шипов. Мы проникли внутрь за сотни метров от ближайшей зоны активных изменений, но, очевидно, отголоски докатывались и сюда.

Если это было частью нормального процесса роста, то мы видели лишь слабое эхо того, что творилось в сердце апикальных зон. Наблюдать за ними напрямую, изнутри мы не могли: уже в ста метрах от шпиля в тоннеле становилось слишком опасно даже для самоубийц. Но за пять оборотов «Роршах» вырос еще на восемь процентов, механически и бездумно, как кристалл.

В ходе вылазок я пытался делать свою работу: собирал и склеивал, вымучивал данные, которые никогда не смогу понять. В меру своих возможностей наблюдал за системами вокруг, учитывал каждую причуду и особенность. Одна часть моего рассудка выдавала конспекты и обобщения, другая, невежественная, просто в недоумении глазела по сторонам. Ни та ни другая не понимали, откуда к ним приходит озарение.

Но было трудно. Сарасти не позволял мне покинуть систему. Каждое наблюдение оказывалось загрязнено моим собственным губительным присутствием. Я старался как мог, не вносил предложений, способных влиять на принятие критических решений, во время вылазок делал, что приказано, и ни граном больше; старался походить на одного из пехотинцев Бейтс – простое орудие, лишенное инициативы и влияния на психодинамику группы. Думаю, по большей части мне это удавалось.

Мои непонимания копились и, неотправленные, по графику ложились в пакет передачи (из-за обилия помех «Тезей» не мог транслировать сигнал на Землю).

* * *

Шпиндель был прав: призраки последовали за нами. Мы уже на корабле начали слышать шепчущие голоса, не принадлежавшие Сарасти. Порой даже ярко освещенный кольцевой мирок вертушки плыл и колыхался, стоило взглянуть на него краем глаза – я не раз замечал костлявые, безголовые и многорукие миражи среди балок. Они казались вполне реальными, если смотреть на них искоса, исподволь, но стоило сосредоточиться – и существа превращались в тени, в черные прозрачные пятна на фоне металла. Такие хрупкие, что их можно было просверлить насквозь одним взглядом.

Шпиндель сыпал диагнозами как градом. Правда, в основном, всем ставил разные синдромы и помешательства. За

просвещением я обратился к КонСенсусу и обнаружил целое иное «я», захороненное под лимбической системой, задним мозгом и мозжечком. Оно обитало в стволе мозга, оказалось старше самого подтипа позвоночных и было самодостаточным: слышало, видело и щупало независимо от всех прочих частей, наслоившихся последышей эволюции. Это «я» стремилось только к собственному выживанию, ничего не планировало, не анализировало абстракций, а тратило усилия лишь на минимальную обработку сенсорной информации. Но оно действовало быстро, не отвлекалось и реагировало на угрозы быстрее, чем его умные соседи успевали их осознать.

И даже когда оно не срабатывало – упрямый, несговорчивый неокортекс отказывался спустить его с поводка, – то все равно пыталось передать увиденное, и тогда неведомое чутье подсказывало Исааку Шпинделю, куда протянуть руку. У него в голове обитала своего рода усеченная версия Банды. Как и у всех нас.

Я шагнул дальше и нашел в мозговой плоти самого Господа источник помех, погружавший Бейтс в экстаз, а Мишель – в судорожный припадок. Проследил синдром Грея до его истоков в височной доле. Слушал голоса, что шепчут на ухо шизофреникам. Находил очаговые инсульты, принуждавшие людей отвергать собственные конечности, и представлял, как их заменяли магнитные поля в тот раз, когда Головолом пытался саморасчлениться. В полузабытой чумной могиле историй болезни из XX века, под шапкой «синдром Котара», я нашел Аманду Бейтс и ей подобных, чьи мозги вывихнулись в отрицании самих себя. «У меня было сердце, – безвольно шептал из архива один пациент. – Теперь на его месте бьется что-то неживое». Другой требовал похоронить себя, так как его труп смердел.

И дальше – целый каталог хорошо темперированных расстройств, которыми «Роршах» нас еще не наградил. Сомнамбулизм. Агнозии. Одностороннее игнорирование. КонСенсус демонстрировал цирк уродов, при виде которого любой рассудок повредился бы от одного сознания своей хрупкости: женщина, умирающая от жажды рядом с водой не потому, что не может увидеть кран, а потому, что не может его узнать; человек, для которого левая сторона Вселенной не существует, который не может ни воспринять, ни представить левую сторону своего тела, комнаты, строки в книге – для него само понятие «левизны» стало буквально немыслимым.

Временами мы можем представлять себе предметы и все же не видеть их, хотя они находятся прямо перед нами. Небоскребы возникают ниоткуда, наш собеседник меняет обличье, стоит

отвлечься на секунду. А мы не замечаем! И это не волшебство, даже не обман зрения в полном смысле слова. Это явление называют перцептивной слепотой, и о нем известно уже более ста лет: склонность взгляда не останавливаться на том, что эволюционный опыт считает невероятным.

Я нашел антипод ложной слепоты Шпинделя, болезнь, при которой зрячие уверены, что слепы, а слепые настаивают, будто могут видеть. Сама идея была нелепа до безумия, и все же вот они, пациенты – отслоенные сетчатки, выжженные зрительные нервы, всякая возможность видеть отнята законами физики, – которые врезаются в стены, бьются о мебель, изобретают бесконечные смехотворные оправдания своей неуклюжести. Кто-то неожиданно выключил свет. Пестрая птаха пролетела за окном и отвлекла от преграды. Я превосходно вижу, спасибо! У меня с глазами все в порядке.

«Индикаторы в голове», – говорил Шпиндель. Но в мозгу прячутся не только измерительные приборы. В нем есть образ мира, и мы не глядим вовне; наше сознательное «я» видит лишь модель, интерпретацию реальности, которая постоянно обновляется в соответствии с информацией, поступающей с органов чувств. Что случится, если они откажут, а модель, поврежденная травмой или опухолью, не сможет обновиться? Долго ли мы будем пялиться на устаревшую картинку, пережевывая и вымучивая одни и те же мертвые данные в отчаянном, подсознательном, совершенно искреннем отрицании реальности? Скоро ли нас озарит, что мир, который мы видим, больше не отражает мира, в котором мы обитаем, что мы слепы?

Если верить историям болезни, – через месяцы. Одной несчастной понадобилось больше года.

Обращения к логике безуспешны. Как можно увидеть птицу, когда перед тобой нет окна? Как ты решаешь, где кончается видимый тобою полумир, если не видишь вторую, уравновешивающую его половину? Если ты мертв, то почему обоняешь смрад собственного гниения? Если тебя не существует, Аманда, токто разговаривает с нами?

Бесполезно. Когда человека порабощает синдром Котара или одностороннее игнорирование, аргументами его не высвободить. А когда ты во власти инопланетного артефакта, то просто знаешь, что твое «я» мертво, а реальность кончается посередине, причем с той же непоколебимой уверенностью, с какой любой человек ощущает расположение собственных конечностей – намертво впечатанным в мозг чувством, не нуждающимся в дополнительных подтверждениях. Что против этой убежденности разум? Что ему логика?

Им не место на «Роршахе».

* * *

На шестом обороте он нанес удар.

– Оно с нами разговаривает, – неожиданно выдала Джеймс.

Ее глаза за стеклом были широко раскрыты, но не сияли, в них не полыхал огонь безумия. Вокруг нас внутренности «Роршаха» сочились, корчились где-то на периферии зрения; чтобы стряхнуть наваждение, приходилось постараться. Я сосредоточился на колечке пальцевидных наростов, торчавших из стены, а в стволе моего мозга зверюшками копошились нечеловеческие слова.

– Оно не разговаривает, – перебил висевший напротив Шпиндель. – Это ты опять бредишь.

Бейтс промолчала. Посреди прохода висели двое пехотинцев, ведя наблюдение сразу по трем осям разом.

– Сейчас все по-другому, – настаивала Джеймс. – Геометрия… оно не настолько симметрично. Похоже на Фестский диск, – она неторопливо повернулась, указывая вдоль прохода. – Кажется, в той стороне сильнее…

– Дай Мишель порулить, – предложил Шпиндель. – Может, она ума одолжит.

Джеймс тихо рассмеялась.

– Ты никогда не сдаешься, да? – она настроила газовый пистолет и поплыла в темноту. – Да, тут определенно сильнее. В этих узорах есть содержание, и оно наложено на…

«Роршах» отсек ее в мгновение ока. Я никогда прежде не видел, чтобы что-то двигалось так быстро. Ни томного шевеления перепонок, к которому мы успели привыкнуть, ни ленивых, постепенных сокращений; диафрагма захлопнулась разом. Внезапно сосуд перекрыло в трех метрах впереди матово-черной мембраной, изукрашенной тонким спиральным узором.

И Банда четырех осталась по другую сторону.

Пехотинцы разом набросились на преграду. Местный воздух захрустел под лазерными лучами, Бейтс орала: «Назад! К стенам!», кувыркаясь, словно гимнастка на ускоренном просмотре, и занимая некую, очевидную, по крайней мере для нее, тактическую высоту. Я прижался к стене. Сверкающие нити перегретой плазмы пластали атмосферу. Краем глаза я видел, как притиснулся к противоположной стороне коридора Шпиндель. Стены шевелились. Я видел, как действуют лазеры: перегородка от их прикосновения рассыпалась горящей бумагой; черный маслянистый дым клубился над подгоревшими краями, и…

Внезапная вспышка всюду, разом. Воздушную жилу затопило лавиной битого света, тысячью осыпающихся осколков, вспышек и отражений. Мы как будто попали в калейдоскоп, направленный на солнце. Свет… И бритвенно-острая боль в боку, в левом плече. Запах жареного мяса. Оборвавшийся вопль.

Сьюзен? Ты там, Сьюзен?

Мы начнем с тебя.

Сияние вокруг меня погасло; пятна перед глазами мешались с хроническими полувидениями, которые «Роршах» уже подсунул в мою голову. Раздражающе чирикали сигналы тревоги – пробой, пробой, пробой! – пока умная ткань скафа не размягчилась и не заклеила отверстия. Левый бок мучительно жгло. Ощущение было, как будто мне поставили клеймо.

– Китон! Проверь Шпинделя!

Бейтс отключила лазеры. Пехтура перешла в рукопашную, огневыми соплами и алмазными когтями впиваясь в радужно сверкающие пятна под сожженной шкурой.

«Волоконный отражатель, – понял я. – Он разбил лазерные лучи, превратив их в световую шрапнель и швырнув нам в лица. Умно…»

Поверхность еще светилась, хотя лазеры были отключены, – рассеянным, неровным и тусклым мерцанием, сочащимся с дальней стороны преграды, пока зонды упрямо жевали ближайшую к нам стенку. Не сразу, но я сообразил – нашлемный фонарь Джеймс.

– Китон!

Точно. Шпиндель.

Его смотровое стекло было целехонько. Лазер расплавил сетку Фарадея, которой ламинирован хрусталь, но скаф уже заделывал пробоину. Вот только другая осталась – аккуратная дырочка прямо во лбу биолога. Глаза Исаака за стеклом смотрели в бесконечность.

– Ну? – спросила Бейтс.

Она видела жизненные показатели так же ясно, как и я, но «Тезей» мог провести посмертную реконструкцию.

Если не поврежден мозг.

– Нет.

Гул сверл и резаков стих, посветлело. Я отвернулся от останков Шпинделя. Пехотинцы пробили дыру в волокнистой подложке, один протолкнулся на другую сторону.

Сквозь шум прорезался новый звук: тихий звериный вой, пронзительный и жуткий. На миг мне показалось, что «Роршах» снова нашептывает нам; стены словно сжались вокруг.

– Джеймс? – рявкнула Бейтс. – Джеймс!

Не Джеймс. Маленькая девочка в женском теле, заключенная в бронированный скафандр и напуганная до полусмерти.

Дрон вытолкнул к нам ее свернувшееся в клубок тело. Бейтс бережно взяла лингвиста на руки.

– Сьюзен? Возвращайся, Сьюзен. Все в порядке.

Пехотинцы беспокойно кружились в воздухе, делая вид, что все под контролем и под прицелом. Аманда бросила взгляд на меня: «Бери Исаака», – и снова повернулась к Джеймс.

– Сьюзен?

– Н… не-ет, – тихо прохныкал девчоночий голосок.

– Мишель? Это ты?

– Там было оно, – прошептала девочка. – Оно меня схватило за ногу.

– Уматываем. – Бейтс потащила Банду за собой через туннель. Один пехотинец остался позади, на страже у дыры; другой шел ведущим.

– Его больше нет, – мягко проговорила Бейтс. – Тут больше никого нет. Видишь?

– Его не-нельзя увидеть, – прошептала Мишель. – Оно не… не… невидимое.

Мы отступали, и диафрагма скрывалась за поворотом. Пробитая в ее центре дыра смотрела на нас, как рваный зрачок огромного немигающего глаза. Пока она оставалась в поле нашего зрения, отверстие пустовало. Нас никто не преследовал. По крайней мере мы никого не увидели. В голове родилась фраза для какой-то бестолковой надгробной речи; выдернутая из подслушанной исповеди, она все вертелась в мыслях, и, как ни старался, я не мог ее прогнать.

Исаак Шпиндель все же не прошел в полуфинал.

Сьюзен Джеймс пришла в себя на обратном пути. Исаак Шпиндель – нет.

В дезинфекционный купол мы заходили молча. Бейтс первой выбралась из скафа и потянулась к биологу, но Банда остановила ее взмахом руки и покачала головой. Они разоблачали тело; личности сменяли друг друга. Сьюзен сняла шлем, рюкзак и кирасу. Головолом отшкурил серебряную освинцованную пленку, покрывавшую все тело, от воротника до пят. Саша стянула комбинезон, оставив нагой бледную плоть. Только перчатки они не тронули: навеки чувствительные кончики пальцев поверх онемевшей кожи. И все это время Шпиндель остекленевшими глазами, не мигая, смотрел на далекие квазары. Я ожидал, что Мишель появится в свой черед и опустит ему веки, но она так и не вышла.

* * *

Имея очи, не видите.

Иисус Назарянин[52]

«Не знаю, что надо чувствовать», – подумал я. Он был добрым достойным человеком. Хорошо ко мне относился, даже когда не знал, что я его слышу. Мы познакомились недавно, нельзя сказать, чтобы особенно сдружились, и все же… Я должен был тосковать по нему. Скорбеть.

Мне следовало чувствовать нечто большее, чем тошнотворный, обессиливающий страх оказаться следующим.

Сарасти не тратил времени попусту. Свежеоттаявший дублер Шпинделя встретил нас, когда мы вышли из люка. От него несло никотином. Регидратация еще не завершилась – на бедрах нового биолога колыхались мешки с физраствором, – но смягчить жесткие черты его лица она не сможет. При каждом движении слышался хруст суставов.

Он посмотрел сквозь меня и принял тело.

– Сьюзен… Мишель, я…

Банда отвернулась.

Он прокашлялся и стал натягивать на тело мешок-кондом.

– Сарасти вызывает всех в вертушку.

– Мы светимся, – напомнила Бейтс.

Даже прервав вылазку до срока, мы набрали летальную дозу зивертов. Слабая тошнота уже покалывала в горле.

– Потом дезактивируем, – один взмах руки, и Шпинделя скрыл маслянисто-серый саван. – Ты, – он обернулся ко мне, ткнул пальцем в прожженные дыры в комбинезоне. – Со мной.

Роберт Каннингем, еще один архетип. Темные волосы, впалые щеки, челюсть можно использовать в качестве линейки. Он был спокойнее своего предшественника и жестче. Если Шпинделя дергали тики и спазмы, будто от электрического разряда, лицо Каннингема обладало выразительностью восковой маски. Комплекс, управляющий мимическими мышцами, забрили в другую армию. Даже судороги, сотрясавшие его тело, сглаживал никотин, который биолог впитывал на каждом втором вдохе.

Сейчас у него не было сигареты. Только мертвое тело неудачливого коллеги и свежеоотаявшая неприязнь к бортовому синтету. Пальцы биолога дрожали.

Бейтс и Банда поднимались по хребту молча. Мы с Каннингемом ползли следом, направляя труп Шпинделя. После напоминания у меня снова заболели нога и бок. Хотя помочь мне

Роберт ничем не мог: лучи прижгли плоть, а если бы задели какой-то жизненно важный орган, я бы уже умер.

У люка нам пришлось выстроиться цепочкой: первым Шпиндель, в ногах у него – Каннингем. К тому времени, как в вертушку пробрался я, Бейтс и Банда уже спустились на палубу и заняли свои обычные места. С дальнего конца стола на них взирал Сарасти, во плоти.

Он снял очки. С того угла, где стоял я, приглушенный белый свет смывал блеск из его глаз. Если не приглядываться внимательно, их почти можно было принять за человеческие.

Медотсек к моему прибытию затормозили. Каннингем ткнул пальцем в сторону диагностической кушетки на участке застывшего пола, служившего нам лазаретом. Я подплыл туда и пристегнулся. В двух метрах от нас, за проросшими из палубы перилами высотой до пояса, катилась мимо основная часть вертушки. Бейтс, Банда и Сарасти кружились передо мной, точно грузики на леске.

Чтобы их слышать, я подключился к КонСенсусу. Говорила Джеймс, тихо и без выражения:

– Я заметила новый узор среди постоянных форм. Где-то в решетке. Он походил на сигнал. Чем дальше я уходила по коридору, тем сильнее он становился. Я пошла за ним и отключилась. Больше ничего не помню до нашего возвращения. Мишель мне рассказала, что случилось. Насколько могла. Это все, что я знаю. Извините.

В ста градусах дуги от меня, в зоне невесомости, Каннингем укладывал своего предшественника в саркофаг, выполняющий иные функции, нежели стоявшие ближе к носу корабля. Я сразу задумался, начнет ли машина вскрытие прямо во время разбора полетов. И услышим ли мы при этом какие-то звуки.

– Саша… – сказал Сарасти.

– Ага, – отозвался голос с фирменной Сашиной растяжкой. – Я висела на шее у Мамочки. Когда та вырубилась, я оглохла и ослепла нафиг. Пыталась встать к рулю, но что-то мне мешало. Мишель, должно быть. Не подумала бы, что у нее сил хватит. Я даже не видела ничего.

– Но ты не теряешь сознания.

– Сколько мне помнится, я все время была в себе. Но в полной темноте.

– Обоняние? Осязание?

– Когда Мишель обоссалась в скафе, я почувствовала. И только.

Вернулся Каннингем. В зубах у него торчала непременная сигарета.

– Тебя никто не трогает, – предположил вампир. – Никто не хватает за ногу.

– Нет, – отозвалась Саша.

Она не верила в байку Мишель о невидимых чудовищах. Никто из нас не верил. Зачем, когда все, что мы испытали, легко объяснялось безумием?

– Головолом.

– Ничего не знаю, – я так и не привык слышать, как мужской голос слетает с губ Джеймс.

Лом был трудоголиком. В смешанной компании он обычно не выходил на свет.

– Ты на месте, – напомнил ему Сарасти. – Ты должен помнить…

– Мамуля передала мне данные для анализа, и я их обрабатывал. Обрабатываю до сих пор, – добавил он с намеком. – Ничего не заметил. Это все?

Я никогда не мог его хорошенько прочесть. Временами казалось, что у Головолома больше общего с десятками бессознательных модулей, работающих в голове Джеймс, чем у разумных ядер, составляющих остальную Банду.

– Ничего не чувствуешь? – настаивал Сарасти.

– Только данные.

– Что-то существенное?

– Обычная феноматика, спирали и решетки. Но я еще не закончил. Могу быть свободен?

– Да. Позови Мишель, пожалуйста.

Что-то бормоча про себя, Каннингем обкалывал мои раны анаболиками. Между нами висел синеватый дымок.

– Исаак нашел несколько опухолей, – заметил он. Я кивнул и закашлялся. Саднило в горле. Тошнота отяжелела настолько, что начала продавливать диафрагму.

– Мишель, – повторил Сарасти.

– Я обнаружил еще несколько, – продолжал Каннингем. – В основании черепа. Всего пара десятков клеток, не стоит пока выжигать.

– Здесь, – голос Мишель был едва слышен даже через КонСенсус, но, по крайней мере, она снова стала взрослой женщиной. – Я здесь.

– Что ты помнишь, расскажи нам, пожалуйста.

– Я… почувствовала… я просто висела у Мамули на шее, а потом она ушла, и никого больше не было, так что мне пришлось… взять управление…

– Ты видишь, как закрывается диафрагма?

– Нет. Я заметила, что потемнело, но когда обернулась, мы

уже были в ловушке. А потом я почувствовала, что у меня за спиной кто-то есть: бесшумно, несильно оно просто толкнуло и схватило меня, и… и… Извините, – пробормотала она после некоторой задержки. – Меня немного… ведет…

Сарасти ждал.

– Исаак, – прошептала Мишель. – Он…

– Да, – пауза. – Нам очень жаль.

– Может… можно его починить?

– Нет. Мозговая травма.

В голосе вампира прозвучала нота, похожая на сочувствие, – заученное притворство опытного лицедея. И сквозило что-то еще: почти неуловимый голод, слабая тень искушения. Правда, вряд ли кто-то, кроме меня, это заметил.

Мы были неизлечимо больны, а хищников тянет к слабым и раненым.

Мишель замолчала. Когда она заговорила снова, ее голос лишь чуть дрогнул:

– Много не расскажешь. Оно меня схватило и отпустило. Я сошла с катушек и не могу объяснить, если не считать того, что это проклятое место достает тебя до печенок… Я… не справилась. Простите. Больше нечего сказать.

– Спасибо, – после долгой паузы проговорил Сарасти.

– Могу я… если можно, я бы хотела удалиться.

– Да, – отозвался вампир.

Мишель ушла на дно. Кубрик вращался, и я не увидел, кто занял ее место.

– Пехотинцы ничего не видели, – заметила Бейтс. – К тому времени, когда мы пробили перегородку, тоннель за ней был пуст.

– За такое время любой домовой уже сделал бы ноги, – заметил Каннингем. Он опустил ноги на палубу и уцепился за поручень: вертушка тронулась с места. Меня повело, я наискось повис на ремнях.

– Не спорю, – отозвалась Бейтс. – Но стопроцентно мы знаем об этом месте лишь то, что не можем верить там собственным чувствам.

– Поверьте чувствам Мишель, – отчеканил Сарасти.

Я чувствовал, как с каждой секундой становлюсь все тяжелее. Вампир открыл окошко: кадры, заснятые пехотинцем. За полупрозрачными волокнами ошкуренной перегородки, как за вощеной бумагой, колыхалось яркое расплывчатое пятно – фонарь Джеймс, видимый сквозь преграду. Изображение дернулось, когда робот пошатнулся на магнитной кочке, потом все повторилось. Качнулось и повторилось. Шестисекундная петля.

– Видите объект рядом с Бандой?

Невампиры ничего не увидели. Сарасти, очевидно, это понял и остановил картинку.

– Дифракционные узоры не согласуются с единственным источником света в пустом пространстве. Я вижу более тусклые, отражающие элементы. Два темных предмета, близких по размеру и находящихся недалеко друг от друга, рассеивают свет здесь, – курсор указал на две непримечательные точки в кадре, – и здесь. Один – это Банда, сведений о втором у нас нет.

– Погодите, – вмешался Каннингем. – Если вы это раскусили, почему Сью… почему Мишель ничего не видела?

– Синестезия, – напомнил ему Сарасти. – Ты видишь. Она чувствует.

Медотсек слегка вздрогнул, синхронизировав вращение с большой вертушкой; ограждение втянулось обратно в палубу. Из дальнего угла что-то слепое следило за тем, как я наблюдаю за ним.

– Черт, – прошептала Бейтс. – Значит, дома кто-то есть.

* * *

К слову сказать, они вовсе не так разговаривали. Если бы я передавал их настоящие голоса, вы бы слышали белиберду – полдюжины языков, вавилонское столпотворение личных диалектов.

Конечно, причуды попроще пробивались и в их беседу: добродушная воинственность Саши и неприязнь Сарасти к прошедшему времени. Каннингем из-за непредвиденного сбоя при операции на височной доле потерял большую часть гендерных местоимений. Но отличия лежали глубже. Команда через фразу мешала английский с хинди и хадзани [53]; ни один настоящий ученый не позволит концептуальным ограничениям единственного языка стреножить свои мысли. Временами они вели себя почти как синтеты, общаясь ворчаньем и жестами, бессмысленными для любого исходника. Дело даже не в том, что сингулярникам недостает социальных навыков, а в том, что после определенной границы грамматически правильная речь становится слишком медленной.

Но только не для Сьюзен Джеймс. Это ходячее противоречие: женщина, настолько преданная идее Общения как Объединяющей силы, что ради нее она раскромсала собственный мозг на отдельные куски. Похоже, ей одной был небезразличен собеседник. Остальные говорили сами с собой, даже когда

обращались к другому. Более того, даже другие личности в мозгу Джеймс вели себя так же, предоставляя окружающим право переводить, как могут. Никаких проблем – на борту «Тезея» каждый мог понять любого. А для Сьюзен Джеймс это просто не имело значения: она каждое слово предназначала конкретному адресату, приспосабливала фразу под реципиента.

Я – проводник, существую, чтобы наводить мосты, но никакого моста не получится, если я передам лишь то, что говорил экипаж «Тезея». Поэтому я рассказываю, о чем он говорил, а вы черпайте столько смысла, сколько в состоянии воспринять. За одним исключением: Сьюзен Джеймс, лингвисту и вожаку Банды, я доверяю говорить за саму себя.

* * *

Пятнадцать минут до апогея; максимально безопасное расстояние на случай, если «Роршах» решит нанести ответный удар. Далеко внизу магнитное поле объекта продавливало атмосферу планеты, словно мизинец Господень. Под ним собирались тяжелые, темные грозовые тучи, а по его следам клубились вихри размером с Луну.

Пятнадцать минут до апогея, а Бейтс еще надеялась, что Сарасти передумает.

В каком-то смысле это была ее вина. Если бы она отнеслась к новому испытанию как к очередному кресту, который придется нести, возможно, все пошло бы более-менее по накатанной. Еще жила слабая надежда, что Сарасти позволит нам стиснуть зубы и продолжить, включив в список напастей не только зиверты, магниты и чудовищ из подсознания, но и двери-капканы. Но Бейтс подняла шум: для нее этот случай стал не очередным куском дерьма в канализации, а шматом, который забил трубу.

«Мы ходим по краю, мы едва выживаем в среде, которая обычна для этой штуковины. Но если она начнет сознательно с нами бороться… Мы не можем так рисковать».

Четырнадцать минут до апогея, и Аманда Бейтс до сих пор жалела об этих словах.

За время предыдущих вылазок мы обнаружили двадцать шесть переборок на разных фазах развития. Мы просвечивали их рентгеном и пробовали ультразвуком. Наблюдали, как ими заплывают коридоры и как они неторопливо втягиваются обратно в стены. Диафрагма, захлопнувшаяся за спиной у Банды четырех, была совершенно иной породы.

«Какова вероятность, что первая же мембрана на спусковом

крючке будет с противолазерным отражателем? Мы столкнулись не с обычным процессом роста – эту штуку подготовили специально для нас».

А значит, ловушку кто-то расставил.

Вот и еще одна причина для беспокойства. Тринадцать минут до апогея, а Бейтс волновалась за обитателей «Роршаха».

Конечно, любая наша вылазка была ничем иным как кражей со взломом. Тут ничего не изменилось. Но, вскрывая замок, мы считали, что вторгаемся в пустой недостроенный дом. Думали, о его жильцах можно еще долго не беспокоиться, и не ждали, что один из них выйдет за полночь отлить и застанет нас с поличным. И теперь, когда он скрылся в лабиринте, мы крепко задумались, какой пистолет спрятан у него под подушкой…

«Эти перегородки могут изолировать нас в любой момент. Сколько их? Они перемещаются или привязаны к одному месту? Мы не можем двигаться дальше, не выяснив этого».

Поначалу Бейтс удивилась и обрадовалась от того, что Сарасти с ней согласился.

Двенадцать минут до апогея. Отсюда, с высоты, куда не доходили помехи, «Тезей» вглядывался в изломанные, перекрученные очертания «Роршаха», не сводя стального взора с крошечной ранки, которую мы прожгли в боку зверя. Палатка-прилипала закрыла ее, словно волдырь; изнутри «чертик» передавал нам картину разворачивающегося эксперимента в другой перспективе – от первого лица.

«Сэр, мы знаем, что „Роршах“ обитаем. Готовы ли мы рисковать дальше, провоцируя его жителей и подвергая их жизнь опасности?»

Сарасти не то чтобы посмотрел на нее, и не то чтобы ответил. Но если бы ответил, то, скорее всего, сказал бы что-то вроде: «Не понимаю, как такое мясо доживает до взрослых лет».

Одиннадцать минут до апогея, и Аманда Бейтс в очередной раз пожалела, что экспедиция находится не в военной юрисдикции.

Прежде чем приступить к эксперименту, мы дождались максимального отдаления. «Роршах» мог воспринять наши действия как враждебные – с этим Сарасти согласился без тени иронии в голосе. Сейчас вампир стоял перед нами, глядя, как на столешнице разворачивается изображение. Блики отражались в его глазах, не до конца скрывая глубокий блеск зрачков.

Десять минут до апогея. Сьюзен Джеймс мечтала, чтобы Каннингем затушил свою чертову сигарету. Дым вонял, втягиваясь в вентиляцию, и никакой необходимости в нем не было. Всего лишь манерный анахронизм, способ привлечь

внимание; если биологу так требовался никотин, то пластырь легко подавил бы судороги, но без дыма и запаха.

Однако лингвист думала не только о курении. Она размышляла, зачем в начале вахты Сарасти вызвал к себе Каннингема, и почему тот после разговора с вампиром так странно на нее поглядывал. Меня это тоже интересовало. Пробежавшись по меткам времени в КонСенсусе, я обнаружил, что в тот же самый момент кто-то заглядывал в ее историю болезни. Я проверил статистику, образы сновали между полушариями; внимание сосредоточилось на повышенном уровне окситоцина как вероятной причине разноса. Вероятность того, что Джеймс стала, на вкус Сарасти, слишком доверчива, – восемьдесят два процента.

Понятия не имею, как я это подсчитал. И никогда не имел.

Девять минут до апогея.

Пока «Роршах» не потерял по нашей вине и пары молекул воздуха, но сейчас все изменится. Картинка базового лагеря разделилась, точно бактерия: одно окошко показывало палатку-ракушку, другое – широкоугольную панораму поверхности вокруг нее с тактическими диаграммами.

Восемь минут до апогея. Сарасти выдернул пробку.

Внизу, на «Роршахе», наша палатка лопнула, словно жук под каблуком. Из раны хлестнул гейзер; по его краям бушевала пурга, вывязывая заряженные кружева снега. Атмосфера рвалась в вакуум, рассеялась, кристаллизовалась. Космос вокруг базового лагеря наполнили искры. Это выглядело почти прекрасным.

Только не для Бейтс! Она наблюдала за кровоточащей раной, и ее лицо было не выразительнее, чем у Каннингема; лишь челюсть свело столбняком. Взгляд перебегал с одного окошка на другое, высматривая существ, задыхающихся в тени.

«Роршах» дернулся.

Вздрогнули колоссальные вены и артерии, по ветвям прокатилась сейсмическая судорога. Эпицентр начал проворачиваться: огромный кусок пробитого отростка вращался вокруг своей оси. По оконечностям вращающегося участка, там, где он касался неподвижной части «Роршаха», пролегли морщины; материал размягчался тянучкой и стягивался, будто кто-то перекручивал длинный воздушный шар, превращая его в нитку сарделек.

Сарасти пощелкал глоткой. Кошки порой так делают, заметив птицу за окном…

КонСенсус застонал от грохота сталкивающихся миров: телеметрии с полевых датчиков, припавших ушами к земле. Камера на «чертике» опять потеряла управление. Изображение с

нее шло обрезанное, зернистое. Объектив тупо пялился на край пробитой нами дыры в преисподнюю.

Стон прекратился, и последняя хилая тучка хрустальной пыли рассеялась в пространстве, едва видимая даже при максимальном разрешении.

Трупов нет. По крайней мере видимых.

Внезапное движение в базовом лагере. Вначале мне померещилось, что сигнал «чертика» забивают помехи, размывая самые контрастные детали. Но нет! Что-то определенно шевелилось и копошилось по краям прожженного нами отверстия, тысячи серых волокон прорастали сквозь разрез и медленно шевелились в темноте.

– Ничего себе, – пробормотала Бейтс. – Должно быть, их провоцирует падение давления. Вот так способ конопатить пробоину…

«Роршах» принялся заживлять рану – через две недели после того, как мы ее нанесли.

Апогей миновал. Дальше путь шел только вниз. «Тезей» начал долгое падение на вражескую территорию.

– Не пользуется диафрагмами, – констатировал Сарасти.

* * *

Гены хитрый развод учинили мозгам,
Сделав траханье слаще всего.
Эти мелкие твари замыслили план,
Размножаться во время него.
Но мозги развели их шикарно в ответ.
Комом выпекся хитрый блин.
Вазэктомия – и всем привет —
Гены могут сосать бензин.[54]

R-отборники. Усеклада[55]

Секс от первого лица – настоящий, как настаивала Челси, – требует привычки: рваные вздохи, грубые шлепки, потная вонь от кожи, испещренной норами и оспинами, целый партнер с набором прихотей и капризов. Определенная животная притягательность в этом присутствовала, не поспоришь. В конце концов, именно так мы делали миллионы лет. Но в этой… местечковой похоти всегда была доля вражды, нестыковки асинхронных ритмов. Ни взаимодействия, ни взаимопроникновения. Лишь перестук сталкивающихся тел в борьбе за господство, где каждый пытается навязать другому свой

ритм.

Челси относилась к сексу как к высшему воплощению любви. Я в конце концов начал воспринимать его как рукопашный бой. Прежде, трахая созданий из моего собственного меню или пользуясь моделями из чужих, я всегда мог выбрать контрастность и разрешение, текстуру и позу. Телесные отправления, противодействие несовместных желаний, бесконечные ласки, от которых язык стирается до корня и клейко блестит лицо, – ныне они стали капризами. Опциями для мазохистов.

Но у Челси не было опций, только стандартный набор.

Я ей потакал. Подозреваю, я был не более терпелив к ее извращениям, чем она к моей неловкости. Мои усилия оправдывало совсем другое. Челси любила спорить обо всем на свете, лукавая, вдумчивая, любопытная, точно кошка, и била без предупреждения. Низведенная до уровня избыточного большинства, она продолжала простодушно и ярко наслаждаться жизнью. Взбалмошная и вспыльчивая, Челси была неравнодушна. К Пагу. Ко мне. Хотела узнать меня ближе. Проникнуть внутрь.

Это становилось серьезной проблемой.

– Мы могли бы попробовать снова, – сказала она однажды, когда пот и феромоны еще не рассеялись. – И ты даже не вспомнишь, отчего так мучился. Если захочешь, не вспомнишь, что вообще мучился.

Я с улыбкой отвернулся; грани ее лица внезапно показались мне грубыми и непривлекательными.

– Это уже который раз? Восьмой? Девятый?

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив, Лебедь. Настоящее счастье – огромный дар, и я могу его тебе дать, если позволишь.

– Ты не хочешь, чтобы я был счастлив, – любезно ответил я. – Ты хочешь меня наладить.

Она промычала что-то мне под кадык. Потом:

– Что?!

– Ты просто хочешь переделать меня во что-нибудь более… уживчивое.

Челси приподняла голову:

– Посмотри на меня.

Я обернулся. Она отключила хроматофоры на щеке, трепетавшая татуировка теперь переехала на ее плечо.

– Посмотри мне в глаза.

Я вглядывался в неровную кожу век, в сетку капилляров, вьющихся по склерам, и испытывал отстраненное недоумение от того, что подобные несовершенные, ветшающие органы все же способны временами меня зачаровывать.

– Так, – проговорила она. – Ты что имеешь в виду?

Я пожал плечами:

– Ты продолжаешь делать вид, что это симбиоз. Но мы оба знаем, что это конкуренция.

– Конкуренция?

– Ты пытаешься вынудить меня действовать по твоим правилам.

– Каким правилам?

– По которым хочешь строить наши отношения. Я не виню тебя, Челси, ни капельки. Мы пытаемся манипулировать друг другом с тех пор, как… Черт, это даже не в человеческой натуре, а в натуре млекопитающих.

– Просто не верится, – она покачала головой. Перед моими глазами закачались спутанные щупальца прядей. – На дворе середина XXI века, а ты втираешь мне очки про войну полов?

– Ну, да. Твои корректировки – новое слово в отношениях. Проникни внутрь и перепрограммируй партнера на максимальную покорность.

– Ты правда думаешь, что я пытаюсь тебя… выдрессировать? Вышколить, как щенка?

– Ты поступаешь естественным образом.

– Не могу поверить, что ты говоришь мне подобную чушь.

– Я думал, в наших отношениях ты ценишь честность.

– Каких отношениях? Послушать тебя, их вовсе нет. Просто… взаимное изнасилование или что-то вроде.

– В этом и смысл отношений.

– Вот только лапшу мне не надо вешать. – Она села на краю кровати, свесив ноги и спиной ко мне. – Я знаю, что я чувствую. Это единственное, в чем я уверена. Я всего лишь хотела сделать тебя счастливым.

– Я понимаю, ты в это веришь, – ласково отозвался я. – Понимаю, это не кажется тебе стратегией поведения. Так бывает с глубоко прописанными инстинктами. Все кажется естественным, правильным. Это обман природы.

– Нет, черт возьми, вполне человеческий.

Я сел рядом с ней, коснувшись плечом ее плеча. Она отстранилась.

– Я знаю, – проговорил я чуть погодя. – Знаю, как работает мозг. Это моя работа.

И ее тоже, если на то пошло. Человек, который зарабатывает на жизнь корректировкой мыслей, не может не знать основы проводки под «капотом». Челси всего лишь сознательно их игнорировала, иначе ее праведный гнев лишился бы всякого смысла.

Я мог бы и об этом упомянуть, но понимал, какую нагрузку способна выдержать система, и не был готов к разрушающим испытаниям. Не хотел ее терять, как и ощущение безопасности, чувство, что кому-то небезразлична моя жизнь и смерть. Я хотел лишь немного отстранить Челси и передохнуть.

– Временами ты бываешь такой холодный, как ящерица, – пробормотала она.

Цель достигнута.

* * *

Во время первой высадки мы «дули на воду» и выверяли каждый свой шаг. На этот раз мы действовали как спецназ.

«Сцилла» жгла на двух «же» по направлению к «Роршаху», следуя по предсказуемой, плавной дуге, упирающейся в разрушенный базовый лагерь. Возможно, она там и села – не знаю. Сарасти вполне мог убить двух зайцев одним выстрелом, запрограммировав челнок самостоятельно собирать образцы. Если и так, людей на борту к тому времени уже не осталось. «Сцилла» выплюнула нас в пространство за пятьдесят километров до нового плацдарма, бросив нагими кувыркаться на каркасе ракеты, которому едва хватало реактивной массы для мягкой посадки и спешного взлета. Мы даже управлять им не могли: успех зависел от непредсказуемости, а есть ли лучший способ быть непредсказуемым, чем не знать самому, что делаешь? Логика Сарасти, вампирская. Мы могли хотя бы отчасти проследить за ходом его умозаключений: колоссальный вывих, закрывший пробоину в борту «Роршаха», был гораздо медлительнее и расточительнее капкана, в который попалась Банда. К тому же «Роршах» не задействовал диафрагмы, а значит, им требовалось время для развертывания – то ли для перераспределения массы, то ли для взвода рефлективной пружины. Это давало нам «окно»: мы могли забраться в львиное логово, покуда его хозяева не в силах предсказать наше появление, расставить ловушки и унести оттуда ноги, прежде чем поставят капканы.

– Тридцать семь минут, – сказал Сарасти.

Никто не понял, как он пришел к такому выводу. Спросить осмелилась только Бейтс. Вампир лишь глазами сверкнул.

– Вам не понять.

Логика нежити: от очевидных посылок к непостижимым выводам. И от нее зависела наша жизнь.

Тормозные двигатели следовали заложенному алгоритму, в

котором законы Ньютона скрещивались с бросками костей. Наша цель была выбрана не случайно – мы отсекли зоны роста и отводные каналы; места, лишенные близких путей к отступлению, тупики и неразветвленные сегменты («Как скучно», – пожаловался Сарасти, вычеркивая их). В нашем распоряжении осталось около десяти процентов объекта. Сейчас мы падали в восьми километрах от места первоначальной высадки, прямо в терновый куст. Здесь, на полпути к цели, даже мы сами не смогли бы точно предсказать место приземления.

Если «Роршах» мог, то он заслуживал победы. Мы летели. Куда ни глянь, пространство раскалывали ребристые шпили и корявые ветви, рассекая звездную даль и близкий газовый гигант на исчерченные черными жилами витражные осколки. В трех километрах от нас, а может, в тридцати, вздувшийся кончик отростка лопнул неслышным взрывом заряженных частиц, затуманив даль застывающим, рвущимся газом. Прежде чем тот рассеялся, я заметил, как завиваются сложными спиралями клочья и струи: магнитное поле «Роршаха» превращало само дыхание объекта в радиоактивный град.

Я никогда не видел его невооруженным глазом и сам себе казался пролетающей сквозь старое пожарище мошкой в звездной зимней ночи.

Включились тормозные двигатели. Меня швырнуло назад, на ремни упряжи, и ударило о бронированное тело, мотавшееся рядом. «Саша», – вспомнил я. Остальных Каннингем усыпил, оставив в общем теле единственное одинокое ядро. Я даже не подозревал, что при раздвоении личности такое возможно. Она смотрела на меня сквозь смотровое стекло шлема. Скаф полностью скрывал ее графы, и в глазах я ничего не мог прочесть. В последние дни это случалось часто. Каннингема с нами не было, и никто не спросил почему, когда Сарасти раздавал задания. Биолог оказался первым среди равных; дублер, которого некому заменить. Второй по незаменимости в нашей незаменимой команде.

Это увеличило мои шансы: ставки повысились до одного к трем.

Каркас спускаемого аппарата неслышно содрогнулся. Я снова посмотрел вперед, через плечо Бейтс, лежащей на противоперегрузочной койке впереди, мимо принайтовленных пехотинцев по сторонам. Наш автомат запустил боевую часть – сборный надувной тамбур на установке взрывного бурения, который пробьет шкуру «Роршаха», точно вирус клеточную мембрану. Тонконогое устройство уменьшалось, пока не скрылось из виду. Миг спустя на фоне смоляного пейзажа внизу рассвело и

погасло крохотное натриевое солнце – вколоченный прямо в броню заряд антиматерии; мизерный, хоть атомы считай. Намного грубее, чем робкие ласки нашего первого свидания.

Мы совершили жесткую посадку (пока тамбур надувался). Пехотинцы слетели с нарт за миг до столкновения, извергая из сопел тонкие струйки газа, и окружили нас охранным кольцом. Бейтс последовала за ними, выскочив из креплений, и поплыла прямо к распухающему куполу. Мы с Сашей выгрузили катушку оптоволокна – складной барабан толщиной в полметра и диаметром в человеческий рост – и покатили ее вдвоем. Один из роботов проталкивался через шлюзовую мембрану тамбура.

– Пошевеливаемся. – Бейтс цеплялась за поручень надувной палатки. – Тридцать минут до…

Она осеклась. Мне не пришлось спрашивать почему: передовой солдатик разместился над свежепробитым отверстием и прислал нам первую открытку.

Свет из глубины.

* * *

Вы можете подумать, что нам стало легче. Человеческое племя всегда боялось темноты: миллионы лет мы ежились в пещерах и норах, пока невидимые твари рычали, сопели или просто ждали в ночи за порогом, молча и тихо. В идеале любой свет, даже очень слабый, должен разогнать хотя бы часть тьмы, оставив разуму меньше простора для страшных фантазий.

Но мысль – штука неподконтрольная.

Мы последовали за пехотинцем вниз, в тускло мерцающую муть, напоминающую простоквашу с кровью. Поначалу казалось, что горит сам воздух, светящийся туман, в котором тонет все, расположенное на расстоянии больше десяти метров. Но это было иллюзией. Тоннель, в который мы выбрались, имел метра три в ширину и освещался рядами дефисов, размером и формой примерно с оторванный палец, расчертивших стены широкой тройной спиралью. Похожие выступы мы зафиксировали на месте первой высадки, хотя они не светились, и пробелы между ними были не так сильно выражены.

– Видимость лучше в околоинфракрасном спектре, – доложила Бейтс, переключив всем дисплеи в новый режим.

Для гремучей змеи атмосфера казалось бы прозрачной. А для сонара она такой и была: передовой дрон плюнул во мглу цепочкой щелчков и обнаружил, что в семнадцати метрах впереди тоннель выходит в какое-то помещение. Прищурившись, я

разглядел сквозь мглу очертания пещеры. Чуть ли не заметил зубастых тварей, словно разбегающихся от взгляда.

– Пошли, – скомандовала Бейтс.

Мы подключили пехотинцев: одного оставили охранять выход, остальных разобрали в качестве передовых ангелов-хранителей. С внутришлемными дисплеями роботы сообщались по лазерной связи; друг с другом переговаривались по негнущемуся кабелю из экранированного оптоволокна, который разматывался с катушки по нашим следам. В среде, где оптимальных выходов нет, это был наилучший из возможных компромиссов. Наши телохранители на поводках позволят держать связь во время одиноких прогулок по тупикам и закоулкам.

Да, именно одиноких. Мы должны были либо действовать поодиночке, либо исследовать меньшую территорию, а потому решили разделиться, словно блиц-картографы в поисках Эльдорадо. Все наши действия основывались исключительно на вере – в то, что общие принципы внутренней архитектуры «Роршаха» можно извлечь из снятых на бегу мерок; в то, что «Роршах» в принципе представляет собой единое целое. Предыдущие поколения поклонялись злобным и непостоянным духам. Наше уверовало в упорядоченность мира. Здесь, в чертовой пахлаве, поневоле задумаешься, не подобрались ли предки ближе к истине…

Мы шли вдоль тоннеля. Наша цель была различима простым человеческим глазом: не столько зал, сколько перекресток, свободное пространство на стыке дюжины проходов, расходящихся в разные стороны. Кое-где на глянцевых поверхностях мерцали рваные сетки ртутных капель; сквозь материю стен прорывались блестящие выступы, как горсть крупной дроби, вмятой в мокрую глину.

Я взглянул на Бейтс и Сашу:

– Панель управления?

Майор пожала плечами. Ее роботы «обнюхивали» провалы тоннелей вокруг, осыпая их сонарными импульсами. Отзвуки расчерчивали на моем дисплее клочковатую трехмерную карту: цветные кляксы, размазанные по невидимым стенкам. Мы были точками в центре нервного узла, стайкой паразитов, обсевших огромного и выеденного изнутри хозяина. Коридоры изгибались плавными спиралями, каждый в своем направлении. Сонар заглядывал в их глубину лишь на пару метров дальше наших взглядов. И ни зрение, ни ультразвук не позволяли с ходу отличить один туннель от другого.

Прежде чем уйти собственной непроторенной тропой, Бейтс

ткнула в сторону одного из проходов:

– Китон!

И другого:

– Саша!

Я нервно заглянул во тьму.

– Какие-то особые…

– Двадцать пять минут, – отрезала она.

Я развернулся и медленно поплыл по указанному пути. Тоннель загибался по часовой стрелке пологой, непримечательной спиралью; даже без тумана метре на двадцатом из-за кривизны входа в коридор было бы не видно. Зонд плыл впереди; тысячей крошечных челюстей стучал сонар, с далекой катушки на перекрестке разматывался фал.

Поводок меня успокаивал, хоть он и был короткий: пехотинцы действовали в радиусе девяноста метров, не больше, а мы получили строгий приказ прятаться под их «крылом». Эта мрачная, чумная нора может вести в самый ад, но никто не ждет, что я полезу далеко – мою трусость одобрили сверху.

Еще пятьдесят метров. Пятьдесят, и я смогу развернуться и драпануть, поджав хвост. А до тех пор надо лишь стиснуть зубы, сосредоточиться и записывать. «Все, что видишь! – приказал Сарасти. – И чего не видишь. Насколько это возможно». И надеяться, что новый, сокращенный лимит времени истечет прежде, чем «Роршах» очередным пиком отправит нас в слюнявый маразм.

Стены вокруг сотрясались, будто плоть свежей добычи. Что-то промелькнуло мимо с тихим хихиканьем…

Сосредоточиться. Записывать. Если робот этого не видит, оно не существует.

На шестьдесят пятом метре очередной призрак забрался ко мне под шлем. Я пытался его игнорировать, пытался отвернуться. Но фантом колыхался не на краю поля зрения, а плыл прямо посереди смотрового стекла комком клубящейся тошноты, застывшей между мной и дисплеем. Я стиснул зубы и постарался отвести взгляд, глядя в глухую кровавую мглу по сторонам, наблюдая за судорожно разворачивавшимися траверсами в маленьких окошках, подписанных «Бейтс» и «Джеймс». Там – ничего. А тут, прямо под носом, очередной роршаховский мозгоед заляпал грязными пальцами экран сонара.

– Новый симптом, – сообщил я. – Неперифферические галлюцинации, стабильные, но практически бесформенные. Пика нет, насколько могу…

Вкладку с ярлычком «Бейтс» резко занесло.

– Кит…

Голос оборвался, окно погасло.

И не только окно Бейтс. Вкладка Саши и сонар зонда моргнули и погасли в тот же момент, дисплей опустил, если не считать внутренней телеметрии скафа и мерцающего красного индикатора «Связь прервана». Я резко обернулся – пехотинец висел на своем месте, в трех метрах за моим правым плечом. Я хорошо видел оптический порт – вделанный в кирасу рубиновый ноготок.

А оружейные порты нацелились прямо на меня.

Я застыл. Робот, словно от ужаса, трясся на магнитном ветру. Ужаса передо мной. Или… чем-то за моей спиной.

Я начал разворачиваться. В глазах зарябило от помех, откуда-то – тихо-тихо – донесся вроде бы голос:

– …думай шевели… Кит… не…

– Бейтс? Бейтс?!

На месте «Связь прервана» расцвел новый индикатор. По неизвестной причине пехотинец переключился на радиосвязь, и, хотя мы находились на расстоянии вытянутой руки, я едва мог разобрать его слова.

Фарш из слов:

– …у тебя… прямо перед то…

И Саша, чуть яснее:

– …ак он не видит?..

– Вижу что? Саша! Кто-нибудь! Чего я не вижу?

– …прием? Китон, ты меня слышишь?

Бейтс каким-то образом усилила сигнал. Помехи гремели, словно океан, но теперь я мог разобрать слова на их фоне.

– Да! Что?..

– Не шевелись, ты понял? Замри! Подтверди.

– Подтверждаю, – зонд неуверенно держал меня на прицеле. Темные зрачки стереокамер судорожно моргали, стягиваясь в точки. – Что…

– Китон, прямо перед тобой что-то есть. Между тобой и солдатом. Неужели ты не видишь?

– Н-нет. Дисплей сдох…

– Как он может не видеть, – вмешалась Саша, – когда оно прямо…

– Размером с человека, – Бейтс повысила голос, – радиально-симметричное, восемь-девять конечностей. Вроде щупалец, но… сегментированных. Шипастых.

– Ничего не вижу, – проговорил я.

Но я видел, как что-то тянулось ко мне – в саркофаге, на борту «Тезея». Видел, как оно неподвижно лежало, свернувшись клубком в корабельном хребте, наблюдая, как мы выкладываем

свои планы.

Я видел, как сжималась в комочек синестет Мишель. Его нельзя увидеть. Оно не… невидимое…

– Что оно делает? – спросил я.

Почему я его не вижу?

– Просто… висит в воздухе. Руками помахивает. О, ч… Кит!..

Пехотинцу как будто отвесил пощечину великан, и робота снесло в сторону, приложив о стену. Внезапно вернулась лазерная связь, напитав дисплей данными: взгляд из глаз Бейтс и Саши, несущихся по инопланетным тоннелям, и сигнал с камеры зонда, чей объектив уперся в скафандр с надписью «Китон», накарябанной на кирасе по трафарету. И рядом с ним что-то наподобие морской звезды, бьющей воздух лишними руками.

Банда вывалилась из-за поворота, и теперь я почти увидел нечто, трепещущее как воздух от жара. Существо было огромное и шевелилось, но всякий раз, когда я пытался остановить на нем взгляд, тот будто соскальзывал. «Оно не настоящее, – с истерическим облегчением подумал я. – Это очередная галлюцинация!» Вдруг появилась Бейтс, и тварь оказалась прямо передо мной – без всякого мерцания и абсолютно реальная; ничего, кроме схлопнувшейся волны вероятности и неоспоримой массы. Обнаруженная, она метнулась к ближайшей стене и промчалась над нашими головами. Суставчатые щупальца хлестали воздух бичами. Короткий гулкий стрекот за спиной, и создание повисло посреди туннеля, обугленное и дымящееся.

Неровный перестук. Вой замирающих подшипников. Три пехотинца висели в строю посреди прохода; один смотрел на инопланетянина. Я заметил, как втягивается под корпус кончик смертоносного хоботка. Бейтс отрубила солдата прежде, чем тот закрыл пасть.

Через оптический линк три пары легких наполняли внутренность моего шлема тяжелым дыханием.

Отключенный робот парил в мутном воздухе. Труп инопланетянина слабо бился о стену, чуть подергиваясь: гидра из позвоночных столбов, обожженная и костлявая. На то, что мне померещилось на борту «Тезея», она походила мало.

Меня это даже обнадежило, хотя я бы не смог ответить почему.

Двое активных пехотинцев сканировали взглядами мглу, пока Бейтс не дала им новый приказ: один взялся за труп, а другой поддержал павшего товарища. Бейтс ухватилась за дохлый зонд и вырвала фал из разъема.

– Отступаем. Медленно. Я за вами.

Я запустил реактивные двигатели в ранце. Саша промедлила.

Витки экранированного кабеля пуповиной плыли вокруг нас.

– Пошли! – скомандовала Бейтс, подсоединяя отключенного робота прямо к своему скафу.

Лингвист двинулась за мной. Майор замыкала процессию. Я вглядывался в дисплей, ожидая, что к нам вот-вот нагрянет свора многоруких чудищ.

Не нагрянула. Но почерневшая тварь на брюхе робота была вполне реальна. Не галлюцинация. Даже не поддающийся осмыслению плод синестезии и ужаса. «Роршах» оказался обитаем, и его обитатели были невидимы.

Временами. Типа того…

И одного из них мы только что убили.

* * *

Бейтс вышвырнула отключенный зонд в пространство, как только мы выбрались в вакуум. Пока пристегивались, собратья дрона использовали его вместо мишени, не прекращая стрелять, покуда от бедолаги не осталось ничего, кроме стынущего пара. Даже эту разреженную плазму «Роршах» заплетал в кружева, прежде чем она рассеялась.

На полдороге к «Тезею» Саша обернулась к Бейтс.

– Ты…

– Нет.

– Но… они ведь могут действовать самостоятельно, да? Автономно.

– Не на ручном управлении.

– Повреждение? Пик?

Бейтс не ответила.

Она послала сообщение на корабль. К тому времени, как мы добрались до «Тезея», Каннингем вырастил на хребте «Тезея» еще один метастаз – дистанционно управляемый секционный зал, набитый манипуляторами и датчиками. Стоило нам забраться под броню, выживший пехотинец подхватил тело и сорвался с места, доставив груз до цели, пока мы только заканчивали стыковку.

После очередного возрождения нас уже ждали плоды предварительного вскрытия. Голографический призрак расчлененного инопланетянина восстал из КонСенсуса, словно освежеванная туша на каком-то чудовищном банкете. Раскинутые щупальца напоминали человеческие позвоночники. Мы сидели вокруг стола и ждали, когда кто-нибудь приступит к пиршеству.

– Обязательно было палить по нему из микроволновки? –

съязвил Каннингем, барабаня по столу пальцами. – Вы его напрочь сварили, клетки изнутри полопались.

Бейтс покачала головой.

– Это был сбой.

Биолог взглянул на нее с кислой миной.

– Сбой, который совершенно случайно не затронул алгоритмы прицеливания по движущейся мишени. Как-то странно.

Майор невозмутимо взглянула на него в ответ.

– Автономное целеуказание включилось самопроизвольно. И случайно.

– Случайность – это…

– Остынь, Каннингем! Только твоего нытья мне сейчас не хватало.

Глаза на мертвенном полированном лице биолога закатились, внезапно узрев что-то под потолком. Я проследил за его взглядом: сверху нас разглядывал Сарасти, неспешно дрейфуя на кориолисовом сквозняке, точно неясыть над полевками.

Опять без забрала. И очки он явно не потерял.

Вампир остановился на Каннингеме:

– Ваши результаты.

Тот сглотнул, пробежав пальцами по столу. Ошметки инопланетных внутренностей расцветились пестрыми метками.

– Ну, хорошо. Боюсь, на клеточном уровне рассказывать не о чем: внутри мембран почти ничего не осталось. Если на то пошло, и мембран-то почти нет. В терминах базовой морфологии образец имеет, как видите, радиальную симметрию и сплюснут по спинно-брюшной оси. Известковый экзоскелет, кератинизированный пластиковый эпидермис. Ничего особенного.

– Пластиковая шкура – «ничего особенного»? – скептически переспросила Бейтс.

– В такой среде я ожидал и плазмоидов Сандуловичиу [56] увидеть. А пластик – лишь очищенная нефть, органический углерод. Эта штука основана на углероде и даже на белках, хотя ее белки намного устойчивее наших. Многочисленные серные мостики дают латеральную фиксацию, насколько я смог выяснить по остаткам, которые не денатурировала ваша пехота, – Каннингем смотрел мимо нас. Очевидно, его мысли витали очень далеко, в телеметрических датчиках. – Ткани насыщены магнетитом. На Земле такое вещество находят в мозгу дельфинов, перелетных птиц и в некоторых бактериях – у всех, кто ориентируется по магнитному полю. Перейдем к макроструктурам: мы имеем пневматический эндоскелет, он же, насколько можно понять, исполняет роль мышечной системы.

Контрактильные ткани выжимают газ через систему пузырей, которые напрягают или расслабляют отдельные сегменты щупалец.

В глаза Каннингема вернулась жизнь – ровно настолько, чтобы сосредоточить взгляд на сигарете: он поднес ее к губам и глубоко затянулся.

– Обратите внимание на инвагинации в основании каждой конечности. – На виртуальном трупе загорелись оранжевым сдувшиеся воздушные шарики. – Их можно назвать клоаками. Туда открываются все системы: они питаются, дышат и испражняются через одну и ту же небольшую камеру. Других естественных отверстий нет.

Банда состроила гримасу, выражая Сашино омерзение.

– А они не… забиваются? Неэффективно как-то.

– Забьется одно – в той же системе остается еще восемь проходов. В следующий раз, когда поперхнешься куриной косточкой, можешь помечтать о такой неэффективности.

– Чем оно питается? – спросила Бейтс.

– Понятия не имею. Вокруг клоак я обнаружил сократительные ткани вроде глоток, что подразумевает питание – сейчас или же в эволюционном прошлом. Сверх того… – Он развел руками, и сигарета оставила слабую струйку дыма. – Кстати, если надуть эту сократительную ткань, образуется герметичная перегородка. В сочетании с эпидермисом это, скорее всего, позволяет организму какое-то время находиться в вакууме. И мы уже знаем, что они переносят радиационный фон. Только не спрашивайте меня как. То, что заменяет им гены, должно быть намного прочнее наших.

– Значит, они могут жить в космосе, – задумчиво пробормотала Бейтс.

– В том же смысле, в каком дельфин живет в воде. Ограниченное время.

– Долго?

– Не уверен.

– Центральная нервная система, – сказал Сарасти. Бейтс и Банда внезапно неуловимо застыли. Заменив манеры Саши, тело лингвиста приняло позу Сьюзен. Вокруг губ и ноздрей Каннингема клубился дым.

– В ней нет ничего центрального: ни цефализации, ни даже сосредоточения органов чувств. Тело покрыто чем-то вроде глазок или хроматофоров, или тем и другим разом. Всюду сплошные реснички. И насколько я могу судить – если эти тоненькие вареные волоконца, которые я собрал после вашего «сбоя», действительно нервы, а не что-то иное, – каждое из этих

образований управляется независимо.

Бейтс вскинулась:

– Серьезно?

Каннингем кивнул.

– Все равно, что независимо управлять движениями каждого волоска на голове, только это существо покрыто щетинками до кончиков щупалец. С глазами – то же самое: сотни тысяч глаз по всей шкуре, и каждый не больше камеры-обскуры, но способен фокусироваться независимо, и, подозреваю, где-то сигналы с них интегрируются. Все тело действует как большая сетчатка. Теоретически это дает существу потрясающую зоркость.

– Распределенный интерферометрический телескоп, – пробормотала Бейтс.

– Под каждым глазком лежит хроматофор – пигмент напоминает криптохром [57]. Вероятно, он имеет отношение к зрению, но параллельно способен распространяться по окружающим тканям или, наоборот, концентрироваться. Это подразумевает динамические пигментные пятна, как у хамелеона или каракатицы.

– Имитация фона? – спросила Бейтс. – Это может объяснить, почему Сири его не видел?

Каннингем открыл новое окно и запустил закольцованный видеоролик: крупнозернистый Сири Китон и его невидимый партнер. Для камер тварь, которую я не видел, была зловеще реальна: парящий диск вдвое шире моего торса, по краям обвешанный щупальцами, как узловатыми канатами. По ее шкуре бегали пестрые волны, точно свет и тени играли на мелководье.

– Как видите, узор не соответствует фону, – отметил Каннингем. – Даже отдаленно.

– Можете объяснить избирательную слепоту Сири? – спросил Сарасти.

– Нет, – признался биолог. – Обычной маскировкой – нет. Но «Роршах» заставляет нас видеть много такого, чего не существует на самом деле. По сути, здесь тот же процесс – не видеть то, что есть.

– Еще одна галлюцинация? – спросил я.

Каннингем пососал сигарету и пожал плечами.

– Есть много способов обмануть человеческий глаз. Любопытно, что иллюзия рассеялась в присутствии нескольких свидетелей. Но если вам нужен конкретный механизм, дайте мне больше материала для работы, а не только это, – он ткнул окурком в сторону подгоревших останков.

– Но… – Джеймс перевела дыхание, собираясь с силами. – Мы говорим о системе… как минимум, высокоразвитой, очень

сложной, с огромной вычислительной мощностью.

Каннингем снова кивнул:

– По моим прикидкам, нервная ткань составляет почти тридцать процентов массы тела.

– Значит, оно разумно, – почти прошептала Сьюзен.

– Никоим образом.

– Но… тридцать процентов…

– Тридцать процентов моторной и сенсорной проводки. – Еще одна затяжка. – Почти как у осьминога: нейронов огромное количество, но половина уходит на тонкое управление присосками.

– Насколько мне известно, осьминоги умны, – заметила Джеймс.

– По меркам моллюсков – безусловно. Но ты представляешь, сколько потребуется дополнительных проводников, если фоторецепторы в твоем глазу раскиданы по всей поверхности тела? Для начала понадобятся триста миллионов удлинителей от полумиллиметра до двух метров длиной. Это приведет к рассинхронизации сигналов, и потребуются миллиарды дополнительных логических вентилей для согласования входа. А в результате вся система даст тебе всего один неподвижный кадр, без фильтров, опознания и последовательной интеграции.

Судорога. Затяжка.

– Теперь прибавь дополнительную проводку, чтобы сфокусировать на цели все эти глазки или переслать информацию отдельным хроматофорам. И еще вычислительные мощности для запуска хроматофоров по одному. Возможно, тридцати процентов массы тела на это хватит, но я сильно сомневаюсь, чтобы там осталось место на философию и науку, – он махнул рукой куда-то в сторону трюма. – Это…

– Шифровик, – подсказала Джеймс.

Каннингем покатал слово на языке.

– Очень удачно. Этот шифровик – абсолютное чудо эволюционной инженерии. И он туп как пробка.

Краткая пауза.

– Тогда, что они такое? – спросила наконец Джеймс. – Домашние зверюшки?

– Канарейки на руднике, – предположила Бейтс.

– Может, и меньше того, – отозвался Каннингем. – Вероятно, это лишь лейкоцит с манипуляторами. Робот-ремонтник, дистанционно управляемый или действующий инстинктивно. Но мы упускаем более важные вопросы. Как анаэроб может развиться в сложный многоклеточный организм и тем более – двигаться настолько быстро, как это существо? Подобный уровень

активности жрет массу АТФ.

– Может, они не используют АТФ, – предположила Бейтс, пока я полез за справкой в КонСенсус: аденозинтрифосфат, источник энергии для клетки.

– АТФ из него просто льется, – сообщил биолог. – Это видно даже по останкам. Вопрос в том, как оно успевает синтезировать трифосфат настолько быстро, чтобы поддерживать активность. Чисто анаэробного метаболизма недостаточно.

Предположений ни у кого не оказалось.

– В общем, – подвел он итог, – на сем урок закончен. Кому нужны неаппетитные детали – обращайтесь в КонСенсус, – Каннингем пошевелил пальцами свободной руки; вскрытый призрак рассеялся. – Продолжаю работать. Но если вам нужны серьезные ответы, притащите мне живой образец.

Он затушил окурок о переборку и вызывающе оглядел вертушку.

Остальные едва отреагировали; их графы еще плыли под тяжестью недавних откровений. Возможно, показное раздражение Каннингема было важнее для общей картины, или в редукционистской Вселенной биохимия существа всегда имеет приоритет над надстройкой межвидового этикета и проблемами внеземного разума. Но Бейтс и Банда отстали от времени, еще не переварив предыдущие откровения. Они в них погрязли, цеплялись за открытия биолога, как смертники, недавно узнавшие, что могут выйти на свободу из-за судебной ошибки.

Мы убили шифровика, в этом никаких сомнений. Но он не был инопланетянином, не обладал разумом. Лейкоцит с манипуляторами, тупой как пробка. И все.

Гораздо легче жить, когда у тебя на совести порча имущества, а не убийство.

* * *

> Проблемы невозможно решать на том же уровне компетентности, на котором они возникают.
>
> *Альберт Эйнштейн*

С Челси меня познакомил Роберт Паглиньо. Возможно, когда наши отношения пошли под откос, он почувствовал себя ответственным. А может, Челси, любительница клеить битые чашки, попросила его вмешаться. Как бы то ни было, с той минуты, как мы сели за столик в «КуБите», мне стало ясно, что пригласил он меня не только ради компании.

Паг заказал коктейль из нейротропов на льду. Я ограничился «Рикардсом» [58].

– Все так же старомоден, – начал Паг.

– Все так же ходишь кругами, – заметил я.

– Так очевидно, да? – Он сделал глоток. – Поделом мне водить за нос профессионального жаргонавта.

– Жаргонавтика тут не при чем. Ты бы и колли не обманул.

По правде сказать, графы Пага никогда не подсказывали мне то, о чем бы я уже не знал. Но, понимая его, я не получал форы. Может, потому, что мы с ним слишком хорошо друг друга знали?

– Ну, – сказал он, – колись.

– Нечего рассказывать. Она познакомилась со мной настоящим.

– Скверно.

– Что она тебе рассказала?

– Мне? Ничего.

Я взглянул на него поверх бокала.

Паг вздохнул.

– Она знает, что ты ей изменяешь.

– Я что?!

– Изменяешь. С моделью.

– Это же ее модель!

– Но не она сама.

– Нет, не она. Модель не пускает газы, не скандалит и не закатывает истерики всякий раз, когда я отказываюсь волочиться на встречу с ее семьей. Я нежно люблю эту женщину, но послушай… ты когда в последний раз трахался вживую?

– В семьдесят четвертом, – признался он.

– Шутишь, – я думал, у Пага вообще не было такого опыта.

– В промежутках между контрактами работал в медицинских миссиях, колесил по странам третьего мира. В Техасе трахи и охи еще в ходу, – Паг глотнул тропа. – Мне в общем-то понравилось.

– Экзотика приедается.

– Не поспоришь.

– И, Паг, я же не делаю ничего необычного. Это у нее особые запросы. И дело не только в сексе. Она же постоянно меня расспрашивает… все хочет чего-то разузнать.

– Например?

– Да ненужные какие-то расспросы. О моем детстве. О семье. А это мое личное дело, что, так сложно понять?

– Ей просто интересно. Знаешь, не все считают детские воспоминания запретной темой.

– Спасибо, просветил!

Можно подумать, раньше никто мною не интересовался.

Например, Хелен еще как интересовалась, перешаривала мой шкаф, фильтровала почту и ходила за мной из комнаты в комнату, расспрашивая мебель и занавески, почему я вечно мрачный и замкнутый. Ей было так интересно, что она не выпускала меня из дому без исповеди. В возрасте двенадцати лет у меня хватило дурости отдаться ей на милость. Это личное, мам! Я бы не хотел об этом говорить. А потом долго прятался в ванной, когда она начала допрос: а может, у меня проблемы в сети, или с девочкой, или… с мальчиком; и что случилось, и почему я не могу просто довериться родной матери – разве я не знаю, что во всем могу на нее положиться? Я переждал и непреклонный стук в дверь, и настойчивые озабоченные вопросы, и наконец, озлобленное молчание, пока абсолютно не был уверен в том, что она ушла. Пять часов сидел там, прежде чем выйти, а Хелен все еще стояла в коридоре, сложив руки на груди; ее глаза тлели разочарованием и укором. В тот же вечер она сняла замок с двери ванной, потому что родным незачем друг от друга запираться. Ей было очень интересно!

– Сири, – вполголоса окликнул меня Паг.

Я перевел дух и попробовал снова:

– Она не просто хочет поговорить о моей семье, она желает с ней познакомиться. И постоянно старается вытащить меня к своим родителям. Знаешь, я думал, что лишь встречаюсь с Челси, меня никто не предупреждал, что придется делить место с…

– Вытащила?

– Один раз, – цепкие руки, жадные пальцы, фальшивая приязнь, лживое дружелюбие. – Было очень мило, если тебе нравится, когда тебя ритуально лапает толпа незнакомых лицедеев, которых тошнит от твоей рожи, но кишка тонка в этом сознаться.

Паг без всякого сочувствия пожал плечами.

– Похоже, типичное семейство старой закалки. Ты же синтет, приятель! И с более шизовыми раскладками работал.

– Я имею дело с чужими данными и не выблевываю личную жизнь на всеобщее обозрение. С какими бы гибридами и конструктами я ни работал, они меня не…

– Не касаются?

– Не допрашивают, – закончил я.

– Ты с самого начала знал, что Челси – девочка старомодная.

– Когда это ее устраивает. – Я глотнул эля. – Но со сплайсером в руке она сразу забывает о своей консервативности. Но над стратегией ей стоит поработать.

– «Стратегией».

«Это не стратегия, твою мать! Ты что, не видишь, как мне

больно? Я уже не сопротивляюсь, лежу, свернувшись эмбрионом, на полу, а ты только и можешь, что критиковать мою стратегию? Что мне еще прикажешь – вены перерезать?!»

Я пожимал плечами и отворачивался. Уловки природы.

– Она рыдает, – констатировал я. – Ей плакать легко: высокий уровень лактата в крови, просто химия. А она прикрывается этим так, словно я ей чего-то должен.

Паг поджал губы:

– Не значит, что это напускное.

– Все напускное. Любое поведение – лишь стратегия. Ты же знаешь, – я фыркнул. – А она дуется от того, что я сделал по ней модель?

– Полагаю, дело не в самой модели, а в том, что ты не рассказал ей об этом. Ты же знаешь, как она ценит честность в отношениях.

– Само собой! Она просто не хочет о ней слышать.

Он посмотрел на меня.

– Отдай мне должное, Паг. Ты действительно считаешь, что я должен сказать Челси, как временами меня передергивает от ее вида?

Система по имени Роберт Паглиньо сидела молча, потягивала наркотик и приводила в порядок несказанные слова. Переводила дыхание.

– Поверить не могу, что ты можешь быть таким тупым, – выжал из себя он.

– Да? Просвети.

– Конечно, она хочет услышать, что ты не сводишь с нее глаз, что ты любишь ее оспинки и запах изо рта и согласен не только на одну корректировку, а на все десять. Но это не значит, что она ждет от тебя вранья, идиот этакий! Она хочет, чтобы все это оказалось правдой. И… ну, почему так не может быть?

– Потому что это не так, – ответил я.

– Господи, Сири! Люди не ведут себя разумно. Даже ты. Мы – не мыслящие машины, а… чувствующие машины, которые по случайности умеют думать, – он перевел дыхание и хлебнул еще. – И ты это сам знаешь, иначе не смог бы работать. Или, по крайней мере… – он поморщился, – система знает.

– Система!

Я и мои протоколы – вот что он имел в виду. Моя «китайская комната».

Я вздохнул:

– Она не работает со всеми.

– Заметил. Нельзя читать систему, к которой слишком привязан, да? Эффект наблюдателя.

Я пожал плечами.

– Вот и хорошо, – заключил Паг. – Не думаю, что мне понравилось бы общаться с тобой в этой комнате.

– Челси говорит, – вырвалось у меня прежде, чем я успел себя одернуть, – что она предпочла бы настоящую.

Паг поднял брови.

– Настоящую что?

– «Китайскую комнату». Говорит, та поняла бы ее лучше.

Несколько мгновений вокруг нас бормотал и шумел «КуБит».

– Могу понять, почему она так сказала, – произнес Паг в конце концов. – Но ты… ты справился, Стручок.

– Не знаю…

Он напористо кивнул:

– Знаешь, что говорят о непроторенных дорогах? Ну, вот ты сам прокладываешь себе путь. Не знаю почему… Это как учиться каллиграфии без рук. Или… жить с проприоцептивной полинейропатией. Если бы у тебя просто получалось сосуществовать с людьми, это было бы чудо; но у тебя-то все хорошо получается, – и вот это вообще за гранью вообразимого.

Я нахмурился:

– Проприо…

– Раньше была такая болезнь, при которой люди не чувствовали… собственного тела. Вот! Они не воспринимали положение в пространстве, понятия не имели, в какой позе находятся и есть ли у них конечности. Некоторые утверждали, что чувствуют себя парализованными. Или будто их лишили тела. Их мозг посылал сигнал руке и полагался на веру, что тот дошел. Взамен такие больные использовали глаза: смотрели на руки при каждом движении, заменяли зрением нормальную обратную связь, которую мы с тобой воспринимаем как данность. Они могли ходить, но не отрывали взгляда от ног, обдумывали каждый шаг. У них неплохо получалось, но даже после нескольких лет тренировок стоило их отвлечь на полушаге, и они падали, как орбитальный лифт без противовеса.

– Хочешь сказать, я такой же?

– Ты пользуешься своей «китайской комнатой», как они зрением. Ты заново, почти с нуля, изобрел эмпатию, и твой способ в некоторых отношениях – неочевидных, иначе мне не пришлось бы тебе объяснять, – лучше оригинала. Поэтому ты такой талантливый синтет.

Я покачал головой.

– Всего лишь наблюдатель. Я наблюдаю за действиями людей и пытаюсь представить, что могло заставить их так поступить.

– По мне, это и есть сочувствие.

– Нет. Сочувствуя, ты воображаешь не то, что чувствует другой, а что бы ты сам чувствовал на его месте. Так?

Паг нахмурился.

– И?

– А если бы ты не знал, как себя чувствовать?

Он посмотрел на меня. Его грани были торжественны и кристально прозрачны.

– Ты не такой, приятель. Ты лучше. Может, на вид этого не скажешь, но… я тебя знаю. И давно.

– Ты знал кого-то другого. Я же Стручок, забыл?

– Да, то был другой человек. И, может, я его помню лучше тебя. Но одно скажу точно… – Паг подался вперед. – Вы оба помогли бы мне в тот день. Он, может, справился бы добрым старомодным сочувствием, а тебе пришлось из запчастей наскоро сварганить блок-схему человеческих отношений. Но от этого твое достижение лишь значительнее. Вот почему я с тобой, старина! Пускай даже у тебя в жопе штык длиной с башню Рио.

Он поднял бокал, и я послушно с ним чокнулся. Мы выпили.

– Я его не помню, – сказал я немного погодя.

– Другого Сири? До появления Стручка?

Я кивнул.

– Совсем ничего?

Я напряг память:

– Его же регулярно било припадками, да? Постоянная боль. А я не помню никакой боли, – бокал почти опустел. – Но… временами я вижу сны о нем. О том, как я им был.

– И на что это похоже?

– Это ярко. Все такое насыщенное, понимаешь? Запахи, звуки. Сильнее, чем в жизни.

– А теперь?

Я взглянул на него.

– Ты говоришь «было ярко». Что изменилось?

– Не знаю. Может, и ничего. Я теперь… ничего не помню, просыпаясь.

– Тогда откуда ты знаешь, что видишь сны? – спросил Паг.

«Все, хватит!» – подумал я и в один глоток прикончил свою пинту.

– Знаю.

– Откуда?

Я нахмурился, запнувшись. Несколько секунд подумал, прежде чем вспомнить, и ответил:

– Я просыпаюсь с улыбкой.

* * *

> Рядовой смотрит врагу прямо в глаза. Рядовой понимает, что поставлено на карту. Рядовой знает цену скверной стратегии. А что видят генералы? Лишь тактические схемы и диаграммы. Вся структура командования перевернута вверх ногами.
>
> *Кеннет Лабин. Кто кого*

С момента высадки все пошло наперекосяк. По плану мы должны были устроить на плацдарме хорошо организованный хаос и отловить несколько лейкоцитов-с-манипуляторами, пока те устраняют повреждения. Поставить капкан и отступить, доверившись обещаниям Сарасти, что ждать придется недолго.

Ждать вообще не пришлось. Как только мы пробили обшивку, что-то зашевелилось в клубах пыли – змеистое движение, мгновенно врубившее на форсаж знаменитую инициативность Аманды Бейтс. Солдатики нырнули в пробоину, и у них на прицеле замаячил шифровик, вцепившийся в стену тоннеля. Наверное, его оглушило взрывом (классический пример того, как оказаться в неудачном месте и в неудачное время). Майор за долю секунды оценила ситуацию, и план испарился в плазму.

Я моргнуть не успел, как один из пехотинцев пробил существо иглой для биопсии. Мы бы упаковали зверюшку целиком, если бы магнитосфера «Роршаха» не выбрала ту самую секунду, чтобы швырнуть нам песка в лицо. Поэтому, когда наши солдатики доковыляли до поля боя, добыча скрылась за углом. Бейтс была пристегнута к своим бойцам; в то мгновение, как она дала им волю, фал утащил её в кроличью нору (майор только и успела крикнуть Саше: «Готовь ловушку!»)

Я находился в одной связке с Бейтс. Меня резко сорвало с места, и я смог лишь обменяться с Сашей перепуганными взглядами, а потом опять погрузился во внутренности «Роршаха»; сытая биопсическая игла отскочила от забрала и пролетела мимо, волочась на многометровом обрывке моноволокна. Будем надеяться, лингвист ее подберет, пока мы с Бейтс охотимся; если не вернемся, хоть какой-то толк будет от миссии.

Солдатики волокли нас, будто наживку на крючке. Майор дельфином плыла передо мной, редкими реактивными импульсами удерживая положение по центру тоннеля. Я поплавком болтался у нее за спиной, стараясь выровнять траекторию полета и сделать вид, что тоже чем-то управляю. Это была важная задача: смысл жизни подсадной утки в том, чтобы изобразить настоящую. Мне даже выдали пистолет – исключительно ради предосторожности – больше для душевного спокойствия, нежели для защиты. Он стиснул мне предплечье и

стрелял пластиковыми пулями, не подвластными индукционным полям.

Только я с Бейтс, солдат-пацифист и орел-решка вероятности.

Как всегда, по коже бегали мурашки и уже ставшие привычными призраки суетливо когтили рассудок. Но в этот раз ужас казался приглушенным, далеким. Вероятно, дело в экспозиции, или мы так быстро мчались сквозь магнитный ландшафт, что фантомы не успевали зацепиться. Существовал и третий вариант: возможно, я меньше боялся призраков, потому что на сей раз мы охотились на настоящих чудовищ.

Шифровик словно сбросил путы, которые сковали его после взрыва; извивающийся силуэт во мгле, он на полной скорости метнулся по стене, выстреливая вперед щупальца очередью жалящих кобр – так мотая туловищем, что дроны едва удерживали его на прицеле. Внезапно он кинулся в сторону, пересек тоннель и нырнул в узкий боковой проход. Пехотинцы свернули за ним, ударяясь о стены, кувыркаясь, и вдруг остановились; Бейтс резко затормозила, а я по инерции обошел ее, пока ковырялся с пистолетом. В следующий миг я обогнал и роботов; поводок натянулся и рванул меня обратно, оставив дрейфовать. На секунду-другую я оказался прямо на передовой – Сири Китон, стенографист, крот, профессиональный непониматель. Я планировал в воздухе, мое дыхание ревело в ушах, а в нескольких метрах передо мной корчились стены…

«Перистальтика», – подумалось мне поначалу. Но это движение не напоминало неспешные, вялые волны, обычно прокатывавшиеся по тоннелям «Роршаха». Я решил: «Галлюцинация», – пока шевелящиеся стены не выплеснулись тысячей извилистых, костяных языков, вцепившихся в нашу добычу со всех сторон и разорвавших ее на клочки.

Что-то вцепилось в меня и развернуло. Меня прижал к груди один из солдатиков, он палил из хвостовых орудий, покуда мы полным ходом отступали по тоннелю. В лапах второго висела Бейтс. Кишение схлынуло, но его образ, галлюцинаторно-яркий в своей отчетливости, сложно выжгло мне на сетчатке.

Шифровики – повсюду. Ползучая чума корчилась на стенах, тянулась к новоприбывшему, взмывала в просвет тоннеля, чтобы напасть в свой черед.

Не на нас. Они набросились на одного из своих. Я успел заметить, как оторвались три щупальца, прежде чем беглеца захлестнуло извивающимся клубком посреди коридора.

Мы кинулись бежать. Я обернулся к Бейтс: «Ты видела…» – но прикусил язык. Даже сквозь два смотровых стекла и три метра метана можно было различить убийственную сосредоточенность

на ее лице. Судя по данным на дисплее, она лоботомировала обоих пехотинцев, обойдя все замечательные автономные алгоритмы выбора. Майор управляла обеими машинами сама, вручную, как марионетками.

В окошке заднего сонара показались зернистые, взбаламученные отражения. Шифровики покончили со своей жертвой и следовали за нами. Мой пехотинец пошатнулся, стукнувшись о стену тоннеля. Изломанные ошметки инопланетного декора процарапали параллельные шрамы на смотровом стекле, сквозь экранированную ткань скафа отбили мне бедро. Я еле сдержался, но не крикнул, правда, получилось не до конца. Вместо меня какой-то нелепый встроенный зуммер возмущенно зачирикал еще до того, как у меня под носом словно разбилась дюжина тухлых яиц. Я закашлялся. От вони слезились и болели глаза; я едва мог разглядеть, как на дисплее разом взлетели в красную зону зиверты.

Бейтс гнала нас дальше, не говоря ни слова.

Шлем зарос достаточно, чтобы отключить зуммер. Воздух начал очищаться. Шифровики настигали. К тому моменту, как я проморгался, они были всего в паре метров от нас. Впереди из-за поворота вывернула Саша, у которой не оказалось поддержки, чьих сожителей ввели в кому по приказу Сарасти.

Поначалу Сьюзен протестовала: «Если возникнет шанс установить связь…»

– Не возникнет, – отрубил он.

И теперь Саша, по какому-то критерию, которого я так и не понял, «более устойчивая к влиянию „Роршаха“», свернулась в позе эмбриона, стиснув перчатками шлем, и мне оставалось лишь молить траченных молью божков, что лингвист установила капкан прежде, чем магнитное поле ее скрутило. А шифровики настигали, и Бейтс орала: «Саша-твою-мать-с дороги!» – тормозя слишком рано и слишком сильно. Бормочущая орда быстриной хватала нас за пятки, майор надсаживалась: «Саша!!!» – пока та, наконец, не сдвинулась с места, приходя в себя, и не оттолкнулась от ближайшей стены, скрываясь в пробитом нами отверстии. Бейтс рванула воображаемый рычаг в голове, и наши воинственные скакуны повернули, опроставшись искрами и пулями, а потом метнулись за ней.

Саша все-таки установила капкан при входе в пробоину. Бейтс включила его хлопком ладони, пролетая мимо. Остальное должны были сделать датчики движения – но враг наступал нам на пятки, и места для маневра не оставалось.

Западня сработала, когда я вылетел в тамбур. Сеть выстрелила за моей спиной, расходясь роскошной воронкой,

поймала что-то, втянулась в кроличью нору и хрястнула сзади по моему солдатику. Отдача швырнула в потолок с такой силой, что я решил: «Сейчас ткань лопнет». Но материал выдержал и отбросил нас назад, к извивающимся тварям в ловушке.

Всюду корчились хребты. Суставчатые щупальца хлестали костлявыми бичами. Одно оплело мою ногу и стиснуло точно удав из кирпичей. Бейтс взмахнула руками в лихорадочной пляске, и оно распалось на разлетающиеся по сторонам обрезки.

Все не так: они должны были попасться в ловушку и утихомириться…

– Саша! Запускай! – рявкнула Бейтс.

Еще одно щупальце отделилось от тушки и врезалось в стену, сплетаясь и расплетаясь.

Стоило нам сорвать сеть, как пробоину залила аэрозольная пробка. Запоздавший на каких-то полсекунды шифровик бился, полузамурованный в пене; его центральный узел выпирал как огромная круглая опухоль, обросшая чудовищными червями.

– САША!!!

Залп. Диафрагма в полу тамбура захлопнулась точно капкан и врезала по нам всем: роботам, людям, целым и расчлененным шифровикам. Я не мог вздохнуть. Каждая щепотка мяса весила центнер. Что-то ударило сбоку – великанская длань прихлопнула комара. Может, коррекция курса. А может, столкновение. Но десять секунд спустя мы снова плыли в невесомости, и нам ничто не угрожало.

Мы колыхались как мошка в теннисном мячике, в переплетении машин и шевелящихся ошметков тел. Того, что сошло бы за кровь, почти не было; немного пролитого вещества плыло вокруг прозрачными трепещущими шариками. Между нами астероидом в целлофане парила сеть. Твари в ней оплели друг друга и себя щупальцами, свернувшись в дрожащий, неподвижный ком. Вокруг них шипела сжатая метано-аммиачная смесь, консервируя в долгом пути домой.

– Твою мать, – выдохнула Саша, глядя на них. – Кровосос всё просчитал.

Не все. Он не предвидел, что толпа многоруких инопланетян растерзает одного из своих у меня на глазах. Или, по крайней мере, не упомянул об этом.

Меня уже подташнивало. Бейтс осторожно свела запястья. На секунду я почти сумел различить между ними темную натянутую нить мураволоки – призрачную, как дым. Осторожность майора была вполне оправдана: эта дрянь могла отсечь конечность человеку так же легко, как и шифровику. Над ее плечом шевелил жвалами солдатик, отчищая с мандибул кровь.

Мураволока пропала из виду. В глазах у меня темнело. Меркли потроха свинцового дирижабля на моих плечах. Мы шли по баллистической траектории. Приходилось надеяться, что «Сцилла» спикирует и подхватит нас, когда мы достаточно удалимся от места преступления. Приходилось надеяться на Сарасти…

Это становилось все труднее с каждым часом. Но пока вампир оставался прав. В основном.

– Откуда ты знаешь? – спросила Бейтс, когда он в первый раз изложил свой план.

Сарасти не ответил. Скорее всего, просто не мог – только не нам, как исходник не в силах объяснить теорию бран [59] обитателям Флатландии. Но Бейтс спрашивала не о тактике. Возможно, ее интересовала причина, оправдание бесконечных вылазок на вражескую территорию, убийств и пленения туземцев.

Разумеется, на глубинном уровне она уже знала причину. Как и все мы. Мы не могли себе позволить только реагировать. Риск слишком велик, его приходится предупреждать. Сарасти мудрее всех, вместе взятых, и он понимал это яснее нас. Умом Аманда Бейтс осознавала, что он прав, – но, скорее всего, сердцем не принимала. Когда зрение отказало, мне пришла в голову мысль, что она просила Сарасти убедить ее.

Но не только.

* * *

Представь себе, что ты – Аманда Бейтс.

У генералов прошлого были бы кошмары и поллюции при одной мысли о той власти над солдатами, которой ты обладаешь. Ты можешь в мгновение ока вломиться в сознание любого из подчиненных, увидеть поле боя с множества точек зрения. Каждый солдат бесконечно тебе предан, не задает вопросов, исполнит любой приказ с расторопностью и упорством, каких не в силах добиться ничтожная плоть. Ты не просто уважаешь структуру командования – ты ее воплощаешь.

Ты немножко опасаешься собственной власти и того, что уже сделала с ее помощью.

Выполнять приказы для тебя так же естественно, как отдавать их. Да, временами ты подвергала сомнению текущие установки или интересовалась картиной более широкой, нежели требовалось для выполнения задачи. Твоя инициатива на поле боя стала легендой. Но прямых распоряжений ты не оспаривала никогда. Когда спрашивали твое мнение, выдавала его без

обиняков и экивоков – пока решение не принято и не получен приказ. Тогда ты исполняла его, не раздумывая. И даже если возникали вопросы, не тратила на них время, если только не ждала полезного ответа.

Зачем требовать подробного анализа от вампира? Не информации ради: с тем же успехом можно требовать от зрячих, чтобы они объясняли увиденное слепцам. И не ради уточнений: выводы Сарасти были недвусмысленны. Даже не ради бедного туповатого Сири Китона, который мог упустить некий ключевой момент, но постеснялся сам поднять руку.

Причина подобных вопросов могла быть лишь одна: вызов. Мятеж в той ничтожной доле, где допустимо неповиновение после отданного приказа.

Пока Сарасти интересовался чужим мнением, ты спорила и изо всех сил отстаивала свою точку зрения. Но он игнорировал ее, оставил все попытки наладить связь и превентивно вторгся на вражескую территорию. Вампир знал, что на «Роршахе» могут обитать живые существа, и все же вскрыл обшивку, не заботясь об их благополучии. Он мог убить беспомощных и невинных созданий, пробудить злого великана. Ты же ничего не знаешь наверняка. Понимаешь только, что помогала ему.

Ты сталкивалась с подобной гордыней среди своих соплеменников и надеялась, что более умные существа окажутся мудрее. Скверно видеть, как от самонадеянной дури страдают беспомощные, но поддаваться ей, когда ставки настолько высоки, – ни в какие ворота не лезет. Гибель невинных сейчас – это наименьшее из зол; мы играем с судьбами миров, провоцируя конфликт с расой звездоплавателей, чье единственное преступление – без разрешения сделанный фотоснимок.

Твое несогласие ничего не меняет, приходится загнать его подальше. Теперь наружу прорываются редкие бессмысленные вопросы без надежды на ответ, присущая вызову непокорность погребена так глубоко, что ты сама ее не замечаешь. Если бы заметила, то вовсе смолкла бы – не хочется напомнить Сарасти, что ты считаешь его неправым. Не стоит наводить начальство на такие мысли и давать ему почву для подозрений.

Потому что есть, в чем подозревать. Даже если ты не готова сама себе в этом признаться.

Аманда Бейтс начинает размышлять о смене командования.

* * *

Пробоина в моем скафе выбила немало шестеренок: чтобы

вернуть меня к жизни, «Тезею» потребовалось целых три дня. Но смерть – не повод отставать от графика; я воскрес с имплантатами, полными новых данных.

Спускаясь в вертушку, я читал экран за экраном. Банда четырех сидела подо мной на камбузе, рассматривая нетронутую порцию сбалансированной и питательной слякоти у себя в тарелке. Каннингем в своих наследных владениях при моем появлении хмыкнул и вернулся к работе; его пальцы навязчиво барабанили по столешнице.

В мое отсутствие орбита «Тезея» увеличилась в диаметре, зато почти потеряла эксцентриситет. Теперь мы наблюдали за целью с более-менее постоянной дистанции в три тысячи километров. Период нашего обращения по орбите на час превосходил период «Роршаха» – объект неуклонно обгонял нас по своей, более низкой, траектории, но чтобы удержать его в поле зрения, хватило бы дополнительного импульса каждую пару недель. К тому же у нас имелись образцы, которые можно исследовать; нет смысла рисковать новыми высадками, пока мы не выжали всю полезную информацию из уже полученного.

Пока я валялся в саркофаге, Каннингем расширил свою лабораторию и построил вольеры – по одному для каждого шифровика – модули, разделенные общей стенкой и установленные в новеньком помещении. Сгоревший труп отбросили в сторону, как игрушку с прошлого дня рождения, хотя, судя по логам доступа, биолог временами к нему наведывался.

Разумеется, лично он новую лабораторию не посещал. Просто не смог бы, не надев предварительно скаф и не переплыв вакуум-трюм. Отсек полностью отделили от корабельного хребта, подвесив на растяжках между осью и обшивкой корабля: приказ Сарасти, чтобы свести к минимуму риск заражения. Каннингему это не мешало. Он в любом случае предпочитал оставлять тело в псевдотяготении, сознанием паря среди манипуляторов, датчиков и прочих безделиц, что окружали его новых любимцев.

«Тезей» при моем приближении выдавил из раздатчика на камбузе грушу электролитного раствора на глюкозе. Банда не обратила на меня внимания; ее указательный палец рассеянно постукивал по виску, а поджатые губы еле заметно, но характерно подергивались, намекая на то, что внутренний диалог в разгаре. В такие минуты я никогда не мог определить, кто стоит у руля.

Я присосался к груше и заглянул в вольеры. Два куба, облитых тусклым багряным светом: в одном шифровик колыхался посредине, размахивая членистыми щупальцами, как водоросль в слабом течении. Обитатель второй клетки забился в угол,

распластав четыре щупальца по сходящимся стенам, еще четыре колыхались свободно. Тела обоих представляли собой чуть сжатые сфероиды, а не диски, как у нашего первого… образца, и конечности у них прорастали не по экватору, а со всех сторон.

В диаметре между кончиками щупалец свободно плавающий шифровик имел около двух метров. Второй был того же размера. Оба оставались неподвижными, если не считать шевеления конечностей. По их шкурам пробегали лазурные узоры, точно ветер по степи, – в длинноволновом свете они казались почти черными. Поверх картинки накладывались графики: метан и водород в привычных для атмосферы «Роршаха» концентрациях. Температура и освещение – те же. Индикатор мощности магнитного поля оставался темным.

Я нырнул в архив и посмотрел, как два дня назад инопланетяне прибыли на место: их бесцеремонно вытряхнули в вольер, и шифровики зависли, свернувшись клубками, лениво отскакивая от стен. «Поза эмбриона», – пришло мне в голову. Но через несколько секунд щупальца расплелись лепестками костяных цветов.

– Роберт говорит, что «Роршах» их выращивает, – неожиданно заговорила Сьюзен Джеймс за моей спиной.

Я обернулся. Определенно, это была Сьюзен, но… подавленная. Ее обед был не тронут, графы потускнели. Все потускнело, кроме глаз, которые одновременно казались глубокими и словно немного пустыми.

– Выращивает? – повторил я.

– Штабелями. У каждого по два пупка, – она выдавила слабую усмешку, одной рукой прикоснувшись к животу, другой к пояснице. – Спереди и сзади. Он считает, что они растут колонной, один на другом. Развившись до определенной степени, верхний отпочковывается от штабеля и переходит к свободному образу жизни.

Шифровики на архивной съемке обследовали новую среду, опасливо карабкались по стенкам, обминали щупальцами углы там, где сходились панели. Я снова обратил внимание на их вздутые центральные узлы.

– Значит, наш первый, расплющенный…

– Молодая особь, – согласилась она. – Недавно отпочковался. Эти постарше. С возрастом они… толстеют. Так говорит Роберт, – добавила она чуть погодя.

Я высосал остатки жидкости из груши.

– Корабль выращивает себе команду.

– Если это корабль, – Джеймс, пожала плечами. – И если они – команда.

Я наблюдал, как существа двигаются. Исследовать им было особенно нечего: стены почти голые и лишены деталей, кроме пары выступающих датчиков и газопроводов. В вольерах имелись собственные щупальца (манипуляторы для инвазивных процедур), но в первой фазе исследования их благоразумно зачехлили. И все же шифровики обследовали каждый квадратный сантиметр, двигаясь по невидимым параллельным линиям. Словно делали поперечные срезы.

Джеймс тоже это заметила.

– Выглядит ужасно методично, да?

– Что по этому поводу говорит Роберт?

– Что поведение медоносных пчел и сфецид [60] не проще, но оно инстинктивно. Никакого разума.

– Но пчелы общаются так? Исполняют свои танцы, чтобы сообщить улью, где нектар.

Она пожала плечами, признавая мою правоту.

– Есть шанс, что вы с ними договоритесь.

– Может быть. Не знаю, – лингвист потерла лоб. – Пока мы не продвинулись ни на шаг. Проигрывали им их же пигментные узоры, с вариациями. Звуков они вроде бы не издают. Роберт синтезировал шумы, которые шифровики могли бы генерировать с помощью клоак, если бы захотели, но это ничего не дало. Просто мелодичный выпуск газов.

– Значит, мы держимся модели «лейкоцитов со щупальцами».

– В основном. Но, знаешь… они не вошли в петлю. Инстинктивное поведение животных повторяется. Даже самые умные прохаживаются по клетке или вылизывают шерсть. Стереотипное поведение. А эти двое внимательно осмотрели свои вольеры и просто… вырубились.

В записи они до сих пор исследовали – скользили по стенкам, наматывая неспешные витки, не пропуская ни одного квадратного сантиметра.

– С того времени они себя как-то проявили? – спросил я.

Она снова пожала плечами.

– Не особенно. Если потрогать – шевелятся. Размахивают щупальцами туда-сюда – этим они заняты постоянно, но информации, насколько мы можем судить, не передают. Из поля зрения не выпадали, ничего такого. На некоторое время мы просветлили стенку между вольерами, чтобы они видели друг друга, даже сделали ее звукопроницаемой и объединили воздуховоды: Роберт полагал, что они могут общаться с помощью феромонов, – но безрезультатно. Они не реагируют друг на друга.

– Вы их не пытались… мотивировать?

– Сири, чем?! Общество друг друга им, кажется, безразлично.

Мы не можем подкупить их едой, если не выясним, чем они питаются. А мы этого не знаем. Роберт утверждает, что в ближайшее время смерть от истощения им не грозит. Может, когда проголодаются, станут сговорчивее.

Я отключил архивную запись и вернулся в реальное время.

– А если они питаются… не знаю, радиацией, к примеру? Или магнитным полем. Вольер может генерировать магнитные поля?

– Уже пробовали, – она перевела дыхание, расправила плечи. – Но, думаю, нужно время. У Каннингема была всего пара дней, я сама только вчера вылезла из склепа. Будем пытаться.

– Как насчет негативного подкрепления? – вслух подумал я.

Она сморгнула.

– Ты хочешь сказать – пытки.

– Не обязательно так грубо. И если они все равно лишены разума…

Сьюзен сгинула в мгновение ока.

– Китон, неужели ты только что высказал предложение? Плюнул на свое хваленое невмешательство?

– Привет, Саша. Нет, ни в коем случае. Просто… составляю список опробованных мер.

– Хорошо, – ее голос звучал едко. – Не хотелось бы думать, что ты теряешь хватку. У нас сейчас по графику простой, так что можешь пойти поболтать с Каннингемом. Валяй! И не забудь высказать ему свою теорию про инопланетян, питающихся радиацией: Роберту полезно хоть иногда смеяться.

* * *

Каннингем стоял на своем посту в биомедотсеке, в двух шагах от свободного кресла. Неизменный окурок болтался в левой руке, сгорев дотла. Правая рука играла сама с собой: пальцы – от мизинца к указательному, от указательного к мизинцу – по очереди постукивали по подушечке большого. Окна перед ним кишели данными, но биолог их не видел.

Я подошел сзади и стал наблюдать за его гранями в движении. Слышал, как рождаются в горле текучие слоги:

– Исборэйх вэ-иштабах вэ-испоар вэ-исроймам…[61]

Не обычная его литания и даже не на привычном языке. «Иврит», – подсказал мне КонСенсус. Звучало почти как молитва.

Каннигем, наверное, услышал меня. Его графы окостенели и упростились, став почти нечитаемыми. В последние дни раскодировка экипажа все больше усложнялась, но даже на фоне всех топологических катаракт биолога – как обычно – читать было

сложнее, чем прочих.

– Китон, – бросил он, не оборачиваясь.

– Ты же не еврей, – заметил я.

– Оно был, – «Шпиндель», – не сразу понял я, о ком речь.

Каннингем путался в гендерных местоимениях.

Но Исаак был атеистом, как и все мы. По крайней мере при отлете.

– Не знал, что вы знали друг друга, – проговорил я.

Такого старались не допускать. Каннингем, не глядя на меня, опустился в кресло.

Перед нашими глазами раскрылось новое окошко с пометкой «электрофорез».

Я попытался снова:

– Извини. Я не хотел вме…

– Чем могу помочь, Сири?

– Я надеялся, ты сможешь в темпе просветить меня относительно результатов.

В потоке данных прокручивалась периодическая таблица инопланетных элементов. Каннингем убрал ее в лог и приступил к следующему образцу.

– У меня все зафиксировано, смотри в КонСенсусе.

Я попробовал нажать на его «эго»:

– Но мне бы очень помогло твое резюме. То, что кажется важным именно тебе, может оказаться не менее значительным, чем сами данные.

Несколько секунд он рассматривал меня. Пробормотал что-то, многословное и неуместное, а спустя минуту выдал более осмысленную тираду:

– Важно то, чего не хватает. У меня на руках живые образцы, но я не могу отыскать у них гены. Синтез белков почти прионный [62] – реконформационный путь вместо обычной транскрипции. Однако я не могу разобраться, как укладываются в стену уже готовые «кирпичи».

– На энергетическом фронте есть подвижки? – спросил я.

– Энергетическом?

– Аэробный метаболизм на анаэробном бюджете, помнишь? Ты сказал, что в них слишком много АТФ.

– Эту загадку я решил. – Он пыхнул дымом; в окошке ближе к корме комочек инопланетной ткани растекался и раскладывался на химические слои. – Они – спринтеры.

Как хочешь, так и понимай. Я не справился.

– В каком смысле?

Каннингем вздохнул.

– Метаболизм – это компромисс. Чем быстрее ты

синтезируешь АТФ, тем дороже обходится каждая молекула. Оказывается, шифровики производят его намного эффективнее, чем мы. Только происходит у них это исключительно медленно, что не должно мешать существам, чья жизнь проходит по большей части в спячке. «Роршах» – или то, из чего он вырос, – дрейфовал тысячелетиями, прежде чем его вынесло сюда. Времени достаточно, чтобы наработать энергетический резерв для спазмов активности. А когда фундамент заложен, гликолиз протекает с взрывной скоростью. Двухтысячекратная выгода, и никакой потребности в кислороде.

– Шифровики живут в спринте. До самой смерти.

– Возможно, они рождаются с запасом АТФ и расходуют его на протяжении всей жизни.

– И сколько они так могут протянуть?

– Хороший вопрос, – признал он. – Живи быстро, умри молодым. Если они экономят энергию и большую часть времени отсыпаются, кто знает?

– Хм.

Развернувшегося шифровика снесло воздушным потоком к стене. Существо оттолкнулось от нее одним протянутым щупальцем; остальные продолжали гипнотически развеваться.

Я вспомнил другие щупальца, не столь нежные.

– Мы с Амандой загнали одного в толпу. Его…

Каннингем вернулся к пробам.

– Я видел запись.

– Они его растерзали.

– Угу.

– Есть догадки, почему?

Он пожал плечами.

– Бейтс полагает, что у них там внизу идет что-то вроде гражданской войны.

– А ты как думаешь?

– Не знаю. Может, и так, а может, шифровики занимаются ритуальным каннибализмом, или… Китон, они инопланетяне. Чего ты от меня хочешь?

– Но на самом деле они же не инопланетяне. По крайней мере не разумные. Война подразумевает разум.

– Муравьи воюют постоянно. Это ничего не доказывает, кроме того, что они живые.

– А шифровики вообще живые? – спросил я.

– Что за странный вопрос?

– Ты считаешь, что «Роршах» выращивает их, словно на конвейере, и не можешь у них найти гены. Может, это просто биомеханические роботы.

– Это и есть жизнь, Китон. Ты сам такой, – новая доза никотина, новый шквал чисел, новая проба. – Жизнь – это не «или/или». Это вопрос степени.

– Я спрашиваю о другом: они естественного происхождения? Не могут быть искусственно созданы?

– А термитник – искусственный? Бобровая плотина? Звездолет? Конечно! Они построены естественно возникшими организмами, действовавшими в соответствии со своей природой? Разумеется, да! Скажи мне, как хоть что-нибудь в огромной мультивселенной может быть искусственным?

Я попытался сдержать раздражение:

– Ты понимаешь, что я хочу сказать.

– Бессмысленный допрос: вытряси XX век из ушей.

Я сдался. Пару секунд спустя Каннингем уловил, что я молчу. Его сознание покинуло механические придатки и выглянуло из плотских глаз, будто в поисках загадочно умолкнувшего комара.

– Что ты, до меня докопался? – спросил я.

Дурацкий вопрос, и очевидный. Недостойно синтета вести себя настолько… прямолинейно.

С мертвого лица сверкнули глаза.

– Обработка информации без осознания. Такая у тебя работа, не так ли?

– Это чудовищное упрощение.

– М-м-м… – Каннингем кивнул. – Тогда почему ты не в силах осознать, насколько бессмысленно заглядывать нам через плечо и слать депеши домой?

– Кто-то должен поддерживать связь с Землей.

– Семь месяцев в одну сторону. Хороший диалог.

– Тем не менее.

– Мы здесь одни, Китон. Ты один. Игра закончится задолго до того, как наши хозяева узнают, что она началась, – он глотнул дыма. – А может, и нет. Может, ты общаешься с кем-то поближе, а? Тебе шлет инструкции четвертая волна?

– Четвертой волны нет. Во всяком случае, мне о ней ничего не говорили.

– Скорее всего, нет. Они же не станут рисковать своими шкурами, верно? Слишком опасно даже просто держаться в стороне и наблюдать издалека. Потому нас и построили.

– Мы создали себя сами. Никто не заставлял тебя делать себе перепайку.

– Да, перепайку я сделал себе сам, ты прав. А мог позволить вырезать себе мозги и улететь на Небеса, верно? Вот и весь выбор. Мы можем быть или совершено бесполезными, или соревноваться с вампирами, конструктами и ИскИнами. Может, ты мне

расскажешь, как это сделать, не превратившись в полного… уродца?

Столько чувств в голосе и ничего на лице. Я промолчал.

– Видишь, что я имею в виду? Не понимаешь, – он выдавил сухую усмешку. – Я буду отвечать на твои вопросы. Отложу работу и стану водить тебя за руку, потому что так приказал Сарасти. Полагаю, выдающийся вампирский интеллект видит осмысленную причину потворствовать твоему нескончаемому тявканью, а он у нас начальник, поэтому я подчиняюсь. Хотя я не настолько умен, поэтому прости, но мне твои расспросы кажутся убогими.

– Я просто…

– Ты просто делаешь свою работу. Знаю. Но мне не нравится, когда мною вертят, Китон. А твоя работа заключается именно в этом.

* * *

Еще дома, на Земле, Роберт Каннингем едва скрывал свое презрение к бортовому комиссару. Оно было очевидно даже для топологически слепых.

Обработка биолога всегда давалась мне с трудом. И даже не из-за его невыразительной физиономии. Порой в его графах не отражались и более глубокие движения души. Возможно, он сознательно подавлял их, оскорбленный присутствием в команде «крота».

Прямо скажем, я не в первый раз столкнулся с подобной реакцией. Мое присутствие в какой-то мере оскорбляло всех. О, ко мне хорошо относились – или думали, что относятся. Терпели мою навязчивость, помогали, выдавали куда больше, чем думали сами.

Но за грубоватым дружелюбием Шпинделя и терпеливыми разъяснениями Джеймс не было настоящего уважения. С чего вдруг? Они стояли на передовом краю науки, на сверкающей вершине, покоренной гоминидами. Им доверили судьбу мира. А я рассказывал сплетни узколобым. И даже в том терялась нужда, по мере того как Земля уплывала все дальше. Балласт… Ничего не поделаешь, нечего и терзаться.

И все же… Шпиндель лишь наполовину шутил, обозвав меня «комиссаром». Каннингем доверился ярлыку без всяких шуток. И хотя я за долгие годы встречал немало подобных ему – тех, кто пытался скрыться от моего взгляда, – Каннингем первый в этом преуспел.

Я старательно выстраивал отношения с ним на протяжении всей подготовки, искал недостающие элементы. Однажды наблюдал, как он работает на хирургическом симуляторе и упражняется на новейшем интерфейсе, распростершим его сквозь стены и провода. Биолог оттачивал мастерство на гипотетическом инопланетянине, которого ради тренировки соорудил компьютер. Из установки наверху лапами чудовищного паука торчали датчики и суставчатые манипуляторы – они, одержимые духами, кружились и плели сети вокруг полувероятной голографической твари. Собственное тело Каннингема лишь слегка вздрагивало; в уголке губ колыхалась сигарета.

Я ждал, когда он сделает перерыв. В конце концов, его плечи слегка расслабились. Протезные конечности обвисли.

– Так… – Я постучал себя по виску. – Зачем ты это сделал?

Он не обернулся. Датчики над секционным столом развернулись, глядя на нас отрубленными рачьими глазами. Там было сосредоточено сознание Каннингема, а не в пропитавшемся никотином теле передо мной. Там находились его глаза, язык и еще какие-то невообразимые искусственные чувства, которые биолог использовал для анализа данных. Датчики целились в меня, нас, и если у Роберта еще осталось что-то, похожее на зрение, он смотрел на себя глазами, вынесенными на два метра из черепа.

– Что именно? – переспросил он, в конце концов. – Улучшения?

«Улучшения». Словно гардероб обновил, а не вырвал с мясом органы чувств и не вшил новые в рану.

Я кивнул.

– Приходится быть актуальным, – объяснил он. – Без апгрейда невозможно пройти переподготовку, без переподготовки устареешь за месяц, а тогда тебе прямая дорога на Небеса или в стенографистки.

Я пропустил насмешку мимо ушей.

– И все же это радикальная трансформация.

– Не по нынешним временам.

– Разве ты не изменился?

Тело затянулось сигаретой. Прицельная вентиляция втянула дым прежде, чем тот добрался до меня.

– В этом и смысл.

– Но изменения должны были затронуть твою личность. Само собой…

– А-а, – он кивнул. На дальнем конце двигательных нервов закачались за компанию манипуляторы. – Посмотри на мир чужими глазами и сам переменишься?

– Что-то вроде того.

Вот теперь он посмотрел на меня живыми глазами. По другую сторону мембраны змеи и крабы вновь взялись за виртуальный труп, словно решив, что и так слишком много времени потратили на бессмыслицу. Мне стало интересно, в каком теле пребывает сейчас биолог.

– Странные ты задаешь вопросы, – заметило мясо. – Разве язык моего тела тебе не все рассказывает? Жаргонавтам полагается читать мысли.

Конечно, он был прав. Меня интересовали не слова Каннингема, они – лишь несущая волна. Реальной беседы, которая между нами сейчас происходила, Роберт не слышал. Все его грани и углы громко говорили со мной, и хотя помехи и вой обратной связи почему-то заглушали их голоса, я был уверен, что рано или поздно все пойму. Надо было просто не дать биологу замолчать.

Но в ту самую минуту мимо проходил Юкка Сарасти и хирургически точным движением угробил мой замечательный план.

– Сири в своем деле лучший, – заметил он. – Кроме тех случаев, когда дело касается лично его.

* * *

> Как может человек ожидать, что его мольбам о снисхождении ответит Тот, кто превыше, когда сам он отказывает в милосердии тем, кто ниже его?
>
> *Пьер Трубецкой*[63]

– Штука в том, – произнесла Челси, – что личные отношения требуют усилий. Нужно хотеть, чтобы стараться, понимаешь? Я чуть наизнанку не вывернулась ради нас с тобой, вкалывала как проклятая, а тебе словно все безразлично…

Ей казалось, что она открыла мне Америку. Будто я не знал, к чему идет дело, потому что молчал. Но я, пожалуй, раньше нее все понял и ничего не говорил, боясь дать ей повод.

Мне было тошно.

– Ты мне не безразлична, – выдавил я.

– Насколько тебе вообще что-то небезразлично, – признала она. – Но ты… я хочу сказать, временами все в порядке, Лебедь. Иногда с тобой так здорово! Но стоит нашим отношениям самую малость углубиться, как ты отступаешь и оставляешь тело на милость своего… боевого робота. Я больше не могу это терпеть.

Я не сводил глаз с бабочки на ее запястье. Радужные крылышки лениво подрагивали и складывались. Мне стало любопытно, сколько у нее таких татуировок? Я видел пять, на разных частях тела, хотя одновременно больше одной не появлялось. Подумывал спросить, но сейчас момент был неподходящий.

– Временами ты бываешь таким… жестоким, – говорила она. – Я понимаю, это не со зла, но… не знаю. Может, я для тебя лишь предохранительный клапан, пар спускать. Может, тебе приходится так глубоко уходить в работу, что все накапливается, и нужна груша для битья. Может, поэтому ты все это говоришь.

Теперь она ждала от меня ответа.

– Я был с тобой честен, – ответил я.

– Да. Патологически. Ты хоть одну дурную мысль оставил при себе? – ее голос дрожал, но глаза – хотя бы сейчас! – остались сухими. – Пожалуй, я виновата не меньше твоего, даже больше. Я со дня нашей встречи понимала, что ты… отстраненный. Наверное, в глубине души изначально знала, что этим все кончится.

– Тогда какой смысл было стараться? Если знала, что мы просто так разойдемся?

– Ох, Лебедь! Разве ты сам не твердишь, что все рано или поздно рушится? Разве не ты говорил, что все проходит?

Мои отец и мать удержались. По крайней мере дольше, чем мы.

Я нахмурился, поражаясь, как позволил этой мысли забрести ко мне в голову.

Челси сочла моё молчание обидным.

– Наверное… я думала, что смогу помочь, понимаешь? Исправить то, что тебя сделало таким… озлобленным.

Бабочка начала гаснуть. Такого никогда прежде не случалось.

– Ты понимаешь, что я хочу сказать? – спросила она.

– Ага. Что я с заскоками, псих, по сути.

– Сири, ты даже от корректировки отказался, когда я предлагала. Ты так боишься, что тобой начнут управлять, шарахаешься от базовых каскадов. Ты единственный из известных мне людей, которого действительно можно назвать неисправимым. Не знаю… Может, этим стоит гордиться.

Я приоткрыл рот – и захлопнул его.

Челси грустно улыбнулась:

– Что, Сири, ничего? Совсем нет слов? Было время, когда ты всегда точно знал, что сказать, – ей вспомнилась ранняя версия меня. – А теперь я гадаю, был ли ты хоть раз серьезен.

– Ты ко мне несправедлива.

– Да, – она поджала губы. – Ты прав. Я вовсе не это хотела сказать. Пожалуй, дело не в том, что твои слова – неправда. Скорее, ты просто не понимаешь их смысла.

Крылья потеряли цвет, и бабочка превратилась в хрупкий, почти неподвижный карандашный рисунок.

– Я согласен, – проговорил я. – Я сделаю корректировку. Если для тебя это так важно. Прямо сейчас!

– Поздно, Сири. С меня хватит.

Может, она хотела, чтобы я ее окликнул? Все эти неслышные вопросительные знаки и многозначительные паузы. Вероятно, она давала мне возможность оправдаться, вымолить еще один шанс. Искала причины передумать.

Я мог попытаться, сказать: «Не надо! Прошу, умоляю. Я не хотел тебя прогнать, лишь чуточку, на безопасное расстояние. Пожалуйста! За тридцать долгих лет я не чувствовал себя ничтожеством только рядом с тобой».

Но когда я поднял глаза, бабочки уже не было. Как и Челси. Она ушла, забрав с собой груз сомнений и чувства вины за то, что довела меня. По-прежнему думала, что в нашей несовместимости никто не виноват, а она старалась, как могла. И что даже я старался, согбенный прискорбными тяготами психологических проблем. Она ушла… Может, даже не корила меня. Я же так и не понял, кто из нас принял окончательное решение.

В своем ремесле я был мастер. Такой мастер, что занимался им, даже когда не хотел этого.

* * *

– Господи! Вы слышали? – Сьюзен Джеймс металась по вертушке, как ошалевший гну при пониженном тяготении. Я под прямым углом мог различить белки ее глаз. – Подключай канал! Канал подключай! Вольеры!

Я подчинился. Один из шифровиков колыхался в воздухе, второй по-прежнему жался в углу.

Джеймс приземлилась рядом со мной на обе ноги и пошатнулась.

– Сделай громче!

Шипение воздухоочистителей. Отдаленный механический лязг, эхом отдающийся в корабельном хребте. Рокот корабельных кишок. И больше ничего.

– Ладно. Значит, перестали, – Джеймс вытащила дополнительное окошко и пустила запись в обратную сторону.

– Вот, – объявила она, выкрутив громкость на максимум и запустив фильтр.

Парящий шифровик в правой половине окна уперся кончиком протянутого щупальца в перегородку между двумя вольерами. Съежившийся пришелец слева оставался неподвижен.

Мне показалось, я что-то слышу. На краткий миг словно мошка прожужжала, но ближайшая мошка летала где-то в пяти триллионах километров от нас!

– Повтор. Замедлить. Определенно жужжание. И вибрация.

– Еще медленнее.

Серия щелчков, извергнутых дельфиньим дыхалом. Презрительное фырканье.

– Нет, дай сюда!

Джеймс вломилась в виртуальное пространство Каннингема и сдвинула ползунок до упора влево.

Тук-тук… тук… тук-тук-тук… тук… тук-тук-тук…

Из-за снижения доплеровской частоты почти до нуля сигнал растянулся на добрую минуту: в реальном времени прошло полсекунды.

Каннингем увеличил изображение. Шифровик в углу оставался неподвижен, если не считать дрожи под шкурой и шевеления свободных щупалец. Но прежде я видел только восемь, а сейчас из-под центрального узла выступил костлявый нарост девятого. Оно, скрученное и скрытое от взглядов, стучит, пока собрат как ни в чем не бывало прислоняется к стене с другой стороны.

Нет, ничего подобного! Второй шифровик бесцельно дрейфовал посреди своего вольера.

Глаза Джеймс блестели.

– Надо проверить остальные…

Но «Тезей» следил за нами и соображал намного быстрее. Он уже прошерстил архивы и выдал результат: три подобных сигнала за два дня, длительностью от двух секунд до едва одной десятой.

– Они разговаривают, – прошептала Джеймс.

Каннингем пожал плечами. Забытый окурок дотлевал у него в руке.

– Как и многие животные. Кроме того, такими темпами они явно не вычислениями занимаются. Танцующая пчела передает не меньше информации.

– Роберт – это бред! Ты сам понимаешь…

– Я понимаю, что…

– Пчелы не скрывают, о чем говорят. Они не разрабатывают с нуля новые способы общения исключительно ради того, чтобы запутать наблюдателя. Это не инстинкт, Роберт, а разум.

– И что с того? Забудем на минуту тот неудобный факт, что у этих созданий вообще нет мозга. Мне определенно кажется, что ты не продумала свою мысль до конца.

– Разумеется, продумала.

– Да ну? И чему же ты радуешься? Не понимаешь, что это значит?

По моей спине вдруг пробежали мурашки. Я оглянулся и посмотрел вверх. В центре вертушки показался Юкка Сарасти: он глядел на нас, сверкая глазами и будто скалясь.

Каннингем проследил за моим взглядом и кивнул:

– Вот оно, бьюсь об заклад, понимает…

* * *

Узнать, о чем они перешептывались сквозь стену, было невозможно. Восстановить запись не составило труда, как и разобрать по герцам каждый стук и скрип, но нельзя расколоть шифр, не имея понятия о содержании. У нас на руках оказались наборы звуков, которые ничему не соответствовали. И существа, чьи грамматика и синтаксис – если их способ общения предусматривал такие понятия – были непонятны и, возможно, непознаваемы. Создания, достаточно разумные, чтобы общаться, и достаточно хитрые, чтобы скрыть этот факт. Как бы мы ни жаждали учиться, они определенно не стремились нас учить.

Без – как это я сформулировал? – да, «негативного

подкрепления».

Решение принял Сарасти. Мы, как всегда, подчинились его велению. Но когда приказ поступил – когда вампир скрылся в ночи, Бейтс отступила вниз по хребту, а Каннингем удалился в свою лабораторию – со Сьюзен Джеймс остался только я. Тот, кто первым высказал мерзостную мысль вслух, официальный свидетель, действующий от имени будущих поколений. Это на меня она посмотрела и от меня отвернулась, когда ее грани стали непроницаемо суровы.

И приступила.

* * *

Стену ломают так.

Берем двух существ. Если хотите, можете представить себе людей, но это необязательно. Важно, чтобы особи были способны общаться друг с другом. Разделяем их. Но пусть они видят друг друга и болтают. Оставляем окно между их клетками и звуковой канал: пусть практикуются в общении на свой, особенный манер.

Теперь пытаем. Надо понять, как именно. Некоторые шарахаются от огня, другие – от ядовитых газов или жидкостей. Есть существа, не уязвимые для горелок и гранат, но они визжат от ужаса, едва заслышав ультразвук. Приходится экспериментировать. И когда вы обнаружите верный стимул, оптимальный баланс между болью и травмой, то должны пользоваться им беспощадно.

Конечно, существам надо оставить лазейку. В этом и смысл наших действий: дайте одному из подопытных средство покончить с болью, другому – информацию, необходимую, чтобы им воспользоваться. Одному предложите единственную геометрическую фигуру, второму – целый набор. Боль прекратится, когда создание выделит из набора единственный символ, который видел его напарник.

Начинаем игру! Смотрите, как корчатся подопытные. Если – или когда – они нажмут выключатель, то вы, по крайней мере, поймете хотя бы часть той информации, которой обменялись объекты. А если записывать все, что с ними происходит, то, возможно, вы сможете догадаться, как они это делают.

Когда жертвы разгадают одну головоломку, подсуньте им другую. Запутайте, поменяйте ролями. Проверьте, как они отличают круги от квадратов, попробуйте факториалы и числа Фибоначчи. Продолжайте, пока не откопаете Розеттский камень.

Так общаются с инопланетным разумом: его пытают и

продолжают пытать, пока не научатся отличать слова от воплей.

Чтобы разработать и соблюсти протокол, лучше всего подходила Сьюзен Джеймс – прирожденная оптимистка, верховная жрица церкви Слова Исцеляющего. Сейчас шифровики корчились по её команде. В отчаянных поисках крошечного уголка, свободного от раздражителей, они выписывали в вольерах длинные петли. Джеймс вывела видеосигнал в КонСенсус, хотя критически важной причины, по которой весь экипаж «Тезея» должен был наблюдать за допросом, вроде бы не имелось.

– Пусть на своем конце блокируют, – вполголоса пробормотала она. – Если захотят.

Каннингем, при всем нежелании признавать пленников существами разумными и мыслящими, дал им имена: Растрепа предпочитал парить, раскинув щупальца, а Колобок жался в углу, свернувшись комком. Сьюзен их просто нумеровала – первый и второй, – подчиняясь собственной роли в спектакле-травести. Не то чтобы выбор Каннингема показался ей слишком дурацким, или она возражала против рабских кличек в принципе: лингвист прибегла к самому старому приему из «Справочника практикующего палача». Если истязатель хочет по-прежнему возвращаться после работы домой, к семье, играть с детьми и спокойно спать по ночам, он никогда не должен считать своих жертв людьми.

По отношению к метанодышащим медузам этот вопрос вообще не должен был вставать. Но тут уже цена каждой ошибки чрезвычайно высока.

Рядом с изображениями обоих инопланетян в виртуальном пространстве плясали данные биотелеметрии; сияющие пояснения дрожали в разреженном воздухе. Понятия не имею, что для этих созданий составляло физиологическую норму, но я не мог себе представить, как еще, кроме боли, можно трактовать рваные пики на графиках. Шкуры обоих шли еле заметным серо-голубым муаром, под кожей пробегали текучие волны. Может, это рефлекторная реакция на микроволновое облучение? Однако с тем же успехом это могло быть брачным танцем. И все же, скорее всего, они кричали…

Джеймс вырубила излучение. В левом вольере желтый квадрат погас, в правом подобный ему так и не загорелся в ряду других фигур.

После приступа краски потекли по шкурам быстрее; движения щупалец замедлились, но не остановились. Они покачивались взад-вперед, как сонные костлявые угри.

– Базовый уровень. Пять секунд, двести пятьдесят ватт – для протокола.

Напускная серьезность: «Тезей» фиксировал с точностью до пяти девяток каждый вздох на борту и каждый импульс тока.

– Повторить.

Значок вспыхнул. Шкуры чужаков снова накрыла волна мозаики. В этот раз ни один из них не сдвинулся с места. Скрученные трепещущие щупальца продолжали слабо, волнообразно подергиваться, словно в состоянии покоя. Но телеметрия оставалась такой же мучительной.

«Они быстро учатся беспомощности», – подумал я. И взглянул на Сьюзен:

– Ты собираешься провести весь опыт сама?

Она отключила ток. Ее глаза влажно блестели. Знак в клетке Колобка погас, а в клетке Растрепы оставался тусклым.

Я прокашлялся.

– Я хочу сказать…

– А кто еще этим займется, Сири? Юкка? Ты?

– Остальная Банда. Саша могла бы…

– Саша?! – она уставилась на меня. – Сири, я их создала. Как думаешь, для чего? Чтобы прятаться за ними, когда… чтобы заставлять их творить такое? – она покачала головой. – Я не стану их будить. Ради этого – нет. Так не поступают даже со злейшим врагом, уж не говоря о…

Она отвернулась. Ведь могла принять лекарство – нейроингибиторы, чтобы смыть вину, закоротить на модулярном уровне. Сарасти предлагал ей, будто искушая одинокого пророка в пустыне. Джеймс отказалась, не назвав причину.

– Повторить, – скомандовала она.

Ток включился, выключился.

– Повторить, – снова сказала она.

Ни одного движения.

Я показал.

– Вижу, – отозвалась Джеймс.

Кончиком щупальца Колобок касался сенсорной панели: символ на ней горел свечой.

* * *

Шесть с половиной минут спустя они перешли от желтых квадратиков к мгновенно гаснущим четырехмерным многогранникам. На то, чтобы определить два подвижных двадцатишестигранника, разнящихся формой единственной грани в единственном кадре, у них уходило не больше времени, чем на то, чтобы отличить желтый квадрат от красного

треугольника. По их шкурам все это время бежали сложные узоры, динамические мозаики высокого разрешения, меняющиеся почти неуловимо для взгляда.

– Твою мать, – прошептала Джеймс.

– Это могут быть осколочные таланты, – в КонСенсусе к нам присоединился Каннингем, хотя его тело оставалось на другом конце медотсека.

– Осколочные, – невыразительно повторила она.

– Савантизм. Выдающиеся способности в одной области умственной деятельности не коррелируют с высоким интеллектом.

– Роберт, я знаю, что такое осколочные таланты. Я просто считаю, что ты ошибаешься.

– Докажи.

Лингвист плюнула на геометрию и сообщила шифровикам, что один плюс один равняется двум. Очевидно, ничего нового она им не сказала: десять минут спустя медузы на заказ вычисляли десятизначные простые числа.

Джеймс показала им ряд двумерных фигур; они выбирали следующую из набора едва различающихся вариантов. Она вообще перестала давать им варианты, демонстрируя очередной ряд с начала и показав, как рисовать кончиками щупалец на сенсорной панели. Шифровики завершали ряд идеальными набросками, отображая цепочку логических последовательностей и заканчивая ее фигурой, неотвратимо возвращавшей к началу цепи.

– Они не роботы, – голос Сьюзен застревал в горле.

– Это лишь математика, – отозвался Каннингем. – Миллионы компьютерных программ делают то же самое, не просыпаясь.

– Они разумны, Роберт! И умнее нас. Вероятно, даже умнее Сарасти. А мы… Почему ты не хочешь это признать?

Я читал по ее граням: «Исаак уже давно согласился бы».

– Потому что у них нет мозгов, – настаивал Каннингем. – Как может…

– Не знаю я как! – заорала она. – Это твоя работа! Я знаю только, что пытаю существ, которые интеллектом могут заткнуть нас за пояс.

– Скоро это кончится. Как только ты поймёшь их язык.

Она покачала головой:

– Роберт, об их языке у меня нет ни малейшего представления. Мы занимаемся этим уже… несколько часов, да? Со мной вся Банда, базы данных по языкам глубиной в четыре тысячи лет, новейшие лингвистические алгоритмы. И мы точно знаем, что они говорят, отслеживаем все возможные способы

коммуникации. С точностью до ангстрема!

– Именно. Так что…

– И у меня нет ничего. Я знаю, что они общаются узорами на коже. Возможно, что-то кроется в манере поводить щетинками. Но я не могу найти систему, не понимаю даже, как они считают, не говоря уж о том, чтобы передать им, как мне… стыдно.

Некоторое время все молчали. С камбуза на потолке на нас поглядывала Бейтс, но присоединиться к заседанию не пыталась. В КонСенсусе получившие помилование шифровики колыхались в вольерах, как многорукие мученики.

– Ну, – в конце концов, оборвал паузу Каннингем, – раз у нас сегодня день дурных вестей, выдам свою. Они умирают.

Джеймс закрыла лицо ладонями.

– Не из-за твоего допроса, чего бы он им ни стоил, – продолжил биолог. – Насколько я могу судить, у них отсутствуют некоторые метаболические пути.

– Очевидно, ты их еще не нашел, – через всю вертушку бросила Бейтс.

– Нет, – медленно и отчетливо произнес Каннингем, – очевидно, они недоступны для их организма. Шифровики разлагаются, примерно как распадались бы мы, если бы… например, из нашей цитоплазмы вдруг разом пропали веретена деления [64]. Насколько я могу судить, они начали разрушаться в тот момент, как мы выдернули их с «Роршаха».

Сьюзен подняла голову.

– Хочешь сказать, шифровики оставили дома часть метаболизма?

– Какое-то необходимое питательное вещество? – предположила Бейтс. – Они не едят…

– Лингвисту – да, майору – нет, – Каннингем замолк. Я бросил взгляд через вертушку и увидел, как он затягивается сигаретой. – Думаю, большая часть клеточных процессов у этих тварей регулируется извне, и я не могу найти генов в образцах тканей потому, что их там нет.

– А что есть? – спросила Бейтс.

– Морфогены Тьюринга.[65]

Пустые взгляды: никто ничего не понял, и все полезли в КонСенсус за определением. Но Каннингем все равно взялся объяснить.

– Многие биологические процессы не зависят от генов. Подсолнухи выглядят так, как выглядят исключительно благодаря напряжению изгиба при росте. Всюду в природе встречаются числа Фибоначчи и золотое сечение, а ведь они не заданы генами, это результат механического взаимодействия.

Возьмем развитие эмбриона – гены говорят «расти!» или «заканчивай расти!», но число пальцев или позвонков определяется механическим взаимодействием сталкивающихся клеток. Веретена деления, которые я помянул, необходимы для деления эукариотических клеток, а ведь они нарастают как кристаллы, без участия генов. Вы удивитесь, как много в природе подобных вещей.

– Без генов все равно не обойтись, – запротестовала Бейтс, подходя к нам.

– Гены лишь задают начальные условия для развития процесса. А структурам, которые возникают потом, особые инструкции не нужны. Классический пример самоорганизации, известный больше ста лет, – еще затяжка. – Или дольше. Еще в 1880-х годах Дарвин приводил в пример пчелиные соты.

– Соты, – повторила Бейтс.

– Плотная упаковка из идеальных шестигранных трубок. Пчелы строят их инстинктивно: откуда насекомому знать геометрию в достаточном объеме, чтобы выстроить шестиугольник? Оно и не знает, оно запрограммировано жевать воск и выплевывать его, поворачиваясь кругом. Получается окружность. Посади пчелиный рой на одну плоскость – пусть жуют вместе – и круги начнут сталкиваться, деформируя друг друга в шестиугольники, которые образуют более эффективную, плотную упаковку.

– Но пчелы запрограммированы, – придралась Бейтс. – Генетически.

– Ты не поняла. Шифровики – это соты.

– Пчелы – это «Роршах», – пробормотала Бейтс.

Каннингем кивнул:

– Пчелы – это «Роршах». И я полагаю, его магнитные поля – вовсе не защитная мера, а часть системы жизнеобеспечения. Они регулируют и направляют большую часть метаболизма шифровика. У нас в трюме сидит пара существ, которых выдернули из привычной среды, и теперь они просто задержали дыхание. Но вечно его задерживать они не смогут.

– Долго еще? – спросила Джеймс.

– Откуда мне знать? Если я не ошибся, у меня на руках даже не целые организмы.

– Предположительный срок, – произнесла Бейтс.

Биолог пожал плечами.

– Пара дней. Может быть.

* * *

То, что не убивает, делает нас более странными.

Тревор Гудчайлд[66]

– Демократии не будет, – подтвердил Сарасти.

Освобождать пленников мы не станем, это слишком рискованно. В бесконечных пустошах облака Оорта нет места принципу «живи и дай жить другим». Неважно, как поступил или не поступил другой. Думай о том, что бы он натворил, будь хоть капельку сильнее. Думай о том, что он мог бы натворить, если бы мы прибыли, когда должны были согласно его планам. Ты смотришь на «Роршах» и видишь эмбрион или растущее дитя – может, чуждое сверх всякого понимания, но по определению невинное. Но что если это неверный взгляд, и перед тобой всевластный погибельный бог, пожиратель миров, просто не до конца воплотившийся? Уязвимый лишь сейчас и немногим дольше.

В рассуждениях Сарасти не было вампирской неясности и многомерных черных ящиков, при виде которых человек пожимает плечами и сдается. Мы не могли найти в них изъяна, его логика оставалась безупречной, а у нас не было оправдания. Отчего становилось лишь хуже. Остальные – знаю – предпочли бы положиться на веру, а не понимать очевидное.

Но Сарасти выдвинул альтернативу освобождению пленников. Очевидно, он считал такой вариант более безопасным. По крайней мере, это умозаключение приходилось принимать на веру, так как по разумным меркам его вариант граничил с самоубийством.

«Тезей» рожал при помощи кесарева: нынешний выводок оказался слишком велик, чтобы протолкнуться через канал на конце хребта, и корабль выпрастывал его, точно при запоре, прямо в трюм. Чудовищные, огромные туши, ощетинившиеся дулами и антеннами; каждая втрое-вчетверо выше меня ростом; пара массивных кубов цвета ржавчины, чьи поверхности были заражены топографией. До высадки большую ее часть скроет броня. Ленты кабелей и труб, магазины с боеприпасами и акульи зубы теплорадиаторов – все исчезнет под ровным зеркальным покрытием. Лишь немногие достопримечательности поднимутся островами над идеальной гладью: порты связи, маневровые дюзы, прицельные антенны. И орудийные дула, конечно. Каждый робот мог полудюжиной пастей изрыгать огонь и серу.

Но покамест они больше походили на гигантских механических эмбрионов, недоносков. В жестоком белом сиянии трюмных прожекторов их углы и грани складывались в контрастную мозаику светотеней.

Я отвернулся от иллюминатора.

– Это здорово подорвет наши запасы субстрата.

– С защитным покрытием корпуса было хуже. – Бейтс следила за строительством по выделенному плоскому экрану, встроенному прямо в переборку фабрикатора: вероятно, практиковалась. Мы потеряем связь с имплантатами в мозге, как только сменим орбиту. – Но ты прав. Возможно, скоро нам придется поживиться одной из местных каменюк.

– Хм. – Я снова заглянул в трюм. – Думаешь, эти роботы нам понадобятся?

– Неважно, что я думаю. Ты умный парень, Сири, сам не догадаешься?

– Для меня важно. А значит, важно и для Земли.

Да, это имело бы значение, если бы Земля командовала нами… Как глубоко ни вляпайся в систему, определенные слои подтекста всегда остаются различимы.

Я сменил галс:

– Тогда как насчет Сарасти и Капитана? Есть мысли?

– Обычно ты работаешь аккуратнее.

Тоже правда.

– Просто… помнишь, Сьюзен поймала Растрепу и Колобка, когда те перестукивались?

От кличек Бейтс передернуло:

– И?

– Странно, что «Тезей» не застукал их первым. Обычно квантовые компьютеры мастерски распознают образы.

– Сарасти отключил квантовые модули: с того момента, как мы вышли на орбиту, борт функционирует в классическом режиме.

– Почему?

– Электромагнитный шум. Слишком велик риск декогеренции [67]. Квантовый компьютер – штука капризная.

– Но борт ведь экранирован. И «Тезей» экранирован.

Бейтс кивнула.

– Насколько возможно. Но идеальная защита – это идеальные шоры, а мы не в том положении, когда хочется соглашаться на добровольную слепоту.

Вообще-то именно в том. Но смысл в ее словах был.

И не один, только второй она не высказала вслух: «Ты упустил то, что болталось в КонСенсусе на всеобщем обозрении. А вроде первосортный синтет…»

– Сарасти, наверное, знает, что делает, – признал я, прекрасно понимая, что вампир может подслушивать. – Пока он, насколько мы знаем, не ошибался.

– Насколько мы можем знать, – заметила Бейтс.

– Если можешь поправить вампира, он тебе не нужен, – вспомнил я.

Она слабо усмехнулась.

– Исаак был хорошим человеком. Но пиару не всегда стоит верить.

– И ты не купилась? – спросил я. Однако Бейтс уже решила, что слишком распустила язык.

Я забросил крючок, наживив его выверенной смесью почтения и недоверия:

– Сарасти знал, где мы найдем шифровиков. Вычислил с точностью до метра, в таком-то лабиринте.

– Да, полагаю, для такого действительно была нужна сверхчеловеческая логика, – признала она, подумав, насколько же я, блин, туп. Просто не верится!

– Что? – переспросил я.

Бейтс пожала плечами:

– А может, он просто догадался, что раз «Роршах» выращивает собственную команду, нас с каждым разом будет встречать все больше шифровиков. Где бы мы ни высадились.

Мое молчание перебил писк КонСенсуса.

– Орбитальный маневр через пять минут, – объявил Сарасти. – Имплантаты и беспроводные протезы уходят в офлайн через девяносто. Конец.

Бейтс отключила дисплей.

– Я пережду маневр в рубке. Иллюзия контроля, все такое. А ты?

– В палатке, пожалуй.

Она кивнула, изготовилась к прыжку, но вдруг остановилась и заметила:

– Кстати, да.

– Извини?

– Ты спрашивал, считаю ли я необходимым усиление вооружения. В данный момент, я полагаю, нам пригодится любая возможная защита.

– Так ты считаешь, что «Роршах» может…

– Эй, один раз он меня уже убил. Она говорила не о радиации.

Я осторожно кивнул.

– Это, должно быть…

– Ни на что не похоже. Ты даже представить не можешь, – Бейтс аж задохнулась и перевела дыхание.

– Хотя, может, тебе и не надо, – добавила она и уплыла вверх по хребту.

* * *

Каннингем с Бандой находились в медотсеке, но на расстоянии тридцати градусов дуги друг от друга. Каждый ковырял пленников на свой манер. Сьюзен Джеймс равнодушно тыкала пальцами в нарисованную на столе клавиатуру. В окнах по сторонам парили Колобок и Растрепа.

По мере того как лингвист печатала, по столу бежали штампованные фигурки: круги, трискели, четыре параллельные черты. Некоторые пульсировали как геометрические сердечки. Растрепа в дальнем вольере протянул слабеющее щупальце и напечатал что-то в ответ.

– Есть результаты?

Она со вздохом покачала головой.

– Я оставила попытки понять их язык. Удовольствуюсь пиджином.

Она коснулась значка. Колобок пропал с экрана, на его месте возникла таблица иероглифов. Половина значков шевелилась или пульсировала в бесконечной петле: разгул пляшущих каракулей. Остальные просто светились.

– Символьная база, – Джеймс неопределенно помахала рукой. – Комбинации «субъект-глагол» передаются анимированными вариантами существительных. Они радиально симметричны, так что я располагаю аффиксы по окружности рядом с предметом. Может, это им покажется более естественным.

Под сообщением Джеймс показался новый кружок иероглифов – вероятно, ответ Колобка. Но системе увиденное чем-то не понравилось. В отдельном огне вспыхнули иконки: на огненном счетчике загорелось «500 Вт» и не погасло. Колобок на экране забился, протянул змеящуюся суставчатую длань и несколько раз ткнул в панель.

Джеймс отвернулась.

Вспыхнули новые знаки. Пятьсот ватт упали до нуля. Шифровик вернулся в позу эмбриона; пики и провалы на телеметрии выровнялись.

Сьюзен перевела дыхание.

– Что случилось?

– Неверный ответ.

Она вызвала запись и показала изображение, на котором пришелец «поскользнулся». На экране крутились пирамидка, звездочка, упрощенные изображения шифровика и «Роршаха».

– Глупо как-то. Это… для разогрева. Я попросила его назвать предметы в окне, – она рассмеялась, тихо и невесело. –

Понимаешь, с утилитарными языками такая штука: если не можешь назвать предмет, то и говорить о нем не можешь.

– И что он ответил?

Она указала на первую спираль.

– Присутствуют многогранник звезда Роршах.

– Пропустил шифровика.

– Со второго раза поправился. И всё же… глупая ошибка для существа, которое может перехитрить вампира, нет? – Сьюзен сглотнула. – Наверное, даже шифровики, умирая, начинают ошибаться.

Я не знал, что ответить. За моей спиной Каннингем едва слышно бормотал себе под нос какую-то двусложную мантру в бесконечном повторе.

– Юкка говорит… – Сьюзен осеклась и начала снова: – Помнишь, как на «Роршахе» нас порой охватывала ложная слепота?

Я кивнул, раздумывая о том, что сказал вампир.

– Очевидно, другие органы чувств тоже могут отключаться, – продолжала она. – Ложная потеря осязания, ложная потеря обоняния, ложная потеря слуха…

– Глухота.

Она покачала головой.

– Но ведь ты не глохнешь. Как ложная слепота – это не слепота. Что-то в твоем мозгу продолжает воспринимать информацию, видеть и слышать, пускай ты и не… осознаешь этого. Пока кто-то не заставит тебя осознать или не появится угроза. Тебя просто охватывает неутолимое желание отступить, а пять секунд спустя там, где ты стоял, проезжает автобус. В каком-то смысле ты знал, что он приближается, но не понимал этого.

– Звучит дико, – согласился я.

– Сири, наши шифровики… знают ответы. Они разумны, мы это выяснили. Но создается впечатление, что они не осознают этого, если их не пытать. Будто у них все органы чувств охвачены ложной слепотой.

Я попытался представить себе жизнь без ощущений, лишенную активного осознания происходящего.

– Думаешь, такое возможно?

– Не знаю. Это просто… метафора. Наверное.

Она сама в это не верила. Или не знала. Или не хотела, чтобы я узнал.

Я должен был понять, а не гадать. Раскодировать лингвиста.

– Поначалу я думала, они просто упираются, – неуверенно произнесла Сьюзен, – но с какой стати?

Я не знал, понятия не имел. Отвернулся от Джеймс, чтобы

упереться взглядом в фигуру Роберта Каннингема: Каннингема-заику – пальцы барабанят по настольному интерфейсу, внутреннее око закрыто, поле зрения ограничено картинками, которые КонСенсус на всеобщее обозрение развешивал в воздухе или набрасывал на плоские поверхности. Лицо биолога как обычно бесстрастно, тело подергивалось мухой в паутине.

Хорошая аналогия. И не для него одного. Сейчас «Роршах» громоздился всего в девяти километрах впереди по курсу; так близко, что заслонил бы самого Бена, если бы у меня хватило храбрости выглянуть наружу. Мы застыли в невозможной близости от «Роршаха», а тот разрастался перед нами, словно живой, и в нем размножались живые твари, как полипы, отпочковываясь от дьявольских механических сосцов. Смертоносные пустые тоннели, по которым мы ползали, шарахаясь от теней в собственных мозгах, теперь, наверное, кишели шифровиками. Сотни километров извилистых проходов, коридоров, залов наполняли войска.

Такова «безопасная» альтернатива в представлении Сарасти. Мы пошли этим путем, потому что освобождать пленников было опасно. Слишком глубоко внедрились в ударную волну, и пришлось отключить внутричерепные наращения. Хотя внешняя магнитосфера «Роршаха» была на порядки слабее его внутренних полей, но на таком расстоянии не посчитает ли нас пришелец привлекательной мишенью или слишком серьезной угрозой? Не решит ли чудовище вонзить в сердце «Тезея» невидимый кол?

Любой импульс, способный пробить экранирование корабля, поджарит не только проводку в наших головах, но и нервную систему «Тезея». Полагаю, пять человек на мертвом корабле получат чуть большие шансы выжить, если у них не будут дымиться мозги, но я сомневался, что нам это сильно поможет. Сарасти, очевидно, думал иначе. Он отключил даже инжектор антиевклидиков в своей голове, и чтобы его самого не закоротило, перешел на уколы.

Еще ближе нашего к «Роршаху» подобрались Колобок и Растрёпа. Лабораторию Каннингема вышвырнули за борт; теперь она болталась в нескольких километрах над самыми высокими шипами объекта, глубоко в объятьях его магнитного поля. Если шифровикам для выживания требовались радиация и магнитное поле, большего они не получат: дозу излучения, но не вкус свободы. Экранирование лаборатории динамически настраивалось, по мере поступления данных уравновешивая медицинскую необходимость с тактической осторожностью. Сам пузырь парил на прицеле новорожденных огневых точек, стратегически размещенных по обе стороны от корпуса. Они

могли уничтожить в мгновение ока и лабораторию, и все, что приблизилось бы к кораблю.

Правда, с «Роршахом» справиться не могли. Вероятно, это было никому не под силу.

Превращение из незаметного в неуязвимого, насколько мы понимали, еще не завершилось. Возможно, «Тезей» мог бы что-то сделать с объектом, разраставшимся прямо по курсу, если бы мы решили, что именно. Но Сарасти молчал. Более того, я не мог припомнить, когда мы в последний раз видели вампира во плоти. На протяжении нескольких вахт он скрывался в своей палатке и общался с нами только через КонСенсус.

Все на нервах, а мигрант затихарился…

Каннингем буркнул что-то про себя, ткнул непривычными пальцами в незнакомые кнопки, проклял свою неловкость. Лазерные лучи пронесли пароль и отзыв сквозь шесть километров ионизированной пустоты. За неимением свободной руки неизбежная никотиновая палочка висела у биолога на губе. Время от времени с нее срывались хлопья пепла и наискось уплывали в вентиляцию.

Он заговорил прежде меня.

– Всё в КонСенсусе, – когда я не отступил, Каннингем смягчился, но глаз на меня не поднял. – Частицы магнетита сориентировались практически в тот момент, как они пересекли ударную волну. Мембраны начали восстанавливаться. Теперь шифровики умирают не так быстро. Но под их метаболизм все же оптимизирована именно внутренняя среда «Роршаха». Лучшее, на что мы можем надеяться здесь, – замедлить темп их гибели.

– Уже немало.

Биолог хмыкнул:

– Одно восстанавливается. Но другое… их нервы изнашиваются, и я не вижу почему. Как будто в буквальном смысле протираются. По всей длине аксонов идет утечка импульсов.

– Из-за распада клеток? – предположил я.

– И уравнение Аррениуса [68] никак не сходится, при низких температурах идут нелинейные эффекты. Фактор частоты летит к чертям. Такое ощущение, что температура вообще не влияет, и… мать… – на одном из дисплеев какая-то величина превзошла критический предел. Каннингем посмотрел вверх через вертушку и повысил голос:

– Сьюзен, нужна новая биопсия. Из центрального узла.

– Что… Минутку, – она покачала головой, такая же апатичная, как подвластные ей пленники, и набрала короткую спираль символов.

В одном из окошек Растрепа взирал на ее сообщение своей чудесной зрячей шкурой. Секунду шифровик парил в неподвижности, затем сложил щупальца с одной стороны, открыв свой центральный узел. По приказу биолога из нор цепкими змеями выползли два манипулятора: один орудовал медицинским отборником, второй (на случай безрассудного сопротивления) угрожал насилием. Особой нужды в этом не было: ложная слепота или истинная, но шифровики учились быстро. Растрепа подставил брюхо, как жертва, примирившаяся с неизбежным изнасилованием. Пальцы Каннингема оступились, и манипуляторы столкнулись, перепутавшись. Он выругался, попробовал снова, в каждом его движении читались разочарование и досада. Ему отсекло расширенный фенотип: некогда истинный «призрак в машине» [69], он превратился в банального нажимателя кнопок.

…И внезапно что-то сомкнулось. Грани Каннингема у меня на глазах просветлели. Я почти мог его прочитать.

Со второго раза у него получилось: кончик иглы метнулся вперед атакующей коброй и неуловимо быстро отскочил. Красочные волны раскатились по шкуре Растрепы, словно рябь от брошенного камня по тихой воде.

Биологу, наверное, показалось, будто он что-то заметил в моих глазах.

– Легче, когда не считаешь их людьми, – бросил он, и я в первый раз смог прочесть подтекст, ясный и резкий, как битое стекло: «Хотя ты никого людьми не считаешь…»

* * *

Каннингему не нравилось, когда им манипулируют. Это никому не нравится. Но большинство людей не думают, что я этим занимаюсь, и не знают, до какой степени тела предают их, когда они закрывают рот. Они думают, что если говорят со мной, то, значит, хотят довериться, а если молчат, то держат свое мнение при себе. Я так пристально наблюдаю за ними, так тщательно подгоняю каждое слово, лишь бы ни одна система не заподозрила о том, что ее используют. И все же по какой-то причине с Робертом Каннингемом метод не сработал.

Кажется, я моделировал не ту систему.

Представь себе, что ты синтет и следишь за поведением систем на гранях; по отражениям в них вычисляешь свойства внутренних механизмов. В этом тайна твоего успеха: ты понимаешь систему, познав очертившие ее границы.

Теперь представь человека, который пробил в своем контуре дыру и выплеснулся наружу.

Плоть была не в силах вместить Каннингема, служебный долг вырвал его за пределы отведенного природой куска мяса. Здесь, в облаке Оорта, его графы распростерлись по всему кораблю. До определенной степени это относилось ко всему экипажу: Бейтс и ее роботам, Сарасти и его лимбической связи – даже имплантаты КонСенсуса в наших мозгах рассеивали нас, слегка выводя за грань собственных тел. Но Бейтс лишь управляла своими роботами, а не подселялась в них. Банда четырех на одной материнской плате запускала несколько систем, но каждая имела характерную топологию, и выступали они поочередно. А Сарасти…

А с Сарасти, как потом оказалось, вышла совсем другая история.

Каннингем своими манипуляторами не просто управлял: он скрывался в них и носил, точно шпионскую легенду, скрывая слабого исходника внутри. Он пожертвовал половиной неокортекса ради возможности видеть рентген и на вкус ощущать конформации клеточных мембран; выпотрошил одно тело, чтобы стать мимолетным постояльцем множества. Его кусочки таились в датчиках и телеоператорах, усеявших стенки вольеров. Если бы я сразу сообразил, где искать, то мог бы извлечь ключевые намеки из каждого прибора в медицинском отсеке. Биолог, как и все люди, был топологической головоломкой, но половина ее фрагментов пряталась в машинах, и моя модель оказалась неполной.

Подозреваю, что он не особо рвался к такому состоянию. Оглядываясь, я вижу ауру ненависти к себе на каждой его грани, какую удается вспомнить. Но на исходе XXI века подобному существованию Роберт видел лишь одну альтернативу – жизнь паразита, – а потому выбрал наименьшее из зол.

Теперь же ему отказали даже в этом: приказ Сарасти отсек его органы чувств. Биолог больше не воспринимал данные нутром; ему приходилось интерпретировать их шаг за мучительным шагом, сквозь диаграммы и графики, сводившие восприятие к пресной и скучной скорописи. Передо мной стояла система, изувеченная множественными ампутациями. Система, чьи глаза, уши и язык вырезали, вынужденная на ощупь, вслепую, искать дорогу среди предметов, которые она прежде населяла изнутри. Внезапно ему стало негде прятаться, и разнесенные ветром осколки Роберта Каннингема собрались обратно во плоти, где я смог наконец их разглядеть.

В этом с самого начала заключалась моя ошибка. Я так

сосредоточился на моделировании других систем, что забыл о той, которая строит сами модели. Единственный враг ясного зрения – слепота: неверные посылки могут стать шорами. Было недостаточно представить, что я – Роберт Каннингем. Приходилось одновременно представлять, что я – Сири Китон.

* * *

Конечно, после моего открытия встал новый вопрос: если догадка относительно Каннингема верна, то почему мои приемы срабатывали с Исааком Шпинделем? Тот был столь же разбросан по своему интерфейсу, как и его преемник.

В тот момент я об этом особо не задумывался. Шпиндель погиб, а его убийца оставался с нами – парил под самым носом «Тезея» титанической, разбухшей головоломкой, готовой в любую секунду раздавить нас. Так что тогда я был несколько занят.

Но теперь – когда уже слишком поздно что-то делать – я, кажется, нашел ответ.

Возможно, мои приемы не срабатывали и с Исааком. Он подмечал махинации с той же легкостью, что и Каннингем, но ему было все равно. Возможно, я смог прочесть его, потому что он мне позволил. А это значило – не могу подобрать другого объяснения – только одно: несмотря ни на что, я пришелся ему по душе.

А значит, по сути он был моим другом.

* * *

…Если б я смог пробудить словами чувство.

Иэн Андерсон. Повод ждать[70]

Ночная вахта. Не шелохнется никакая тварь. Не на борту «Тезея», по крайней мере.

Банда пряталась в палатке, хищник-мигрант таился в невесомой тиши глубин. Бейтс сидела в рубке, куда фактически переселилась, угнездившись среди тактических диаграмм и сигналов с камер, чтобы неусыпно бдеть. Куда ни повернись, она везде могла узреть один из аспектов плывущей по правому борту непроницаемой тайны. Она делала, что могла и сколько могла.

Вертушка кружилась неслышно. Из почтения к циркадному ритму, который сто лет корректировки и ретроинженерии не смогли выполоть из наших генов, Капитан пригасил фонари. Я

сидел на камбузе один, прикрыв глаза и выглядывая из сердцевины системы, контуры которой размывались в последнее время все сильнее, пытался составить очередное… – как там Исаак говорил? – письмо в вечность. На другой стороне барабана, вися вниз головой, работал Каннингем. Вот только последние четыре минуты он ничего не делал и даже не шевелился.

Я сначала подумал, что он читает кадиш по Шпинделю – КонСенсус подсказывал, что молиться надо дважды в день на протяжении года, если мы столько проживем. Но выглянув из-за спинного хребта в центре вертушки, я смог считать его грани так же ясно, как если бы сидел с ним рядом. Биолог не заскучал, не отвлекся и не задумался. Роберт Каннингем оцепенел. Я встал и прошел по вертушке. Потолок переходил в стену, стена – в пол.

Я встал настолько близко, что слышал нескончаемый бормочущий шепоток, единственный невнятный слог, повторявшийся снова и снова. Настолько близко, что мог разобрать, о чем же Роберт лепечет.

– …чертчертчерт…

И он даже не дернулся, хотя я не пытался скрыть свое появление.

В конце концов, когда я заглянул ему через плечо, он замолк.

– Ты слепой, – изрек он, не оборачиваясь, – знаешь?

– Нет.

– Ты. Я. Все, – биолог сплел пальцы и стиснул их, будто в молитве, так сильно, что костяшки побелели. Только теперь я заметил, что сигарета исчезла.

– Конечно, зрение – по большей части, ложь, – продолжил биолог. – Мы на самом деле не видим ничего, кроме как щель шириной в пару градусов с максимальным разрешением. Все остальное – периферическое зрение, клякса, просто движение и свет. Движение фокусирует взгляд. Твои глазные яблоки постоянно подергиваются… ты знаешь, Китон? Саккады, так это называется. Они размывают картинку, слишком быстро мечутся, мозг не успевает интегрировать данные, поэтому глаз просто выключается в паузах. Он улавливает лишь изолированные стоп-кадры, а мозг вырезает пропуски и заполняет их иллюзией связности.

Он повернулся ко мне.

– И знаешь, что самое потрясающее? Если что-то будет двигаться только в этих промежутках, то он станет невидимым, мозг его просто… проигнорирует.

Я заглянул в его рабочее пространство. По одну сторону, как обычно, мерцало спаренное окно – сигнал с камер в клетках шифровиков, но центр сцены занимала гистология, в десять тысяч

раз крупнее, чем в жизни. В главном окне сияла парадоксальная нейронная сеть Растрепы и Колобка, отчищенная, размеченная, накрытая функциональными схемами в десять слоев. Плотная, откомментированная чаща чужепланетных дерев и терний. Немного похожая на «Роршах».

Я ничего в ней не понимал.

– Ты меня слушаешь, Китон? Понимаешь, о чем я говорю?

– Ты разобрался, почему я не увидел… Хочешь сказать, эти существа могут каким-то образом определить, когда наши глаза не работают…

Я не закончил, это казалось невозможным.

Каннингем покачал головой. С губ его сорвалось нечто, пугающе похожее на смешок.

– Я хочу сказать, эти твари с другого конца коридора видят, как функционируют твои нейроны, и разрабатывают на этой основе стратегию маскировки; посылают команды двигательной системе, действуя на ее основе, а затем другие команды, чтобы замереть, прежде чем твои глаза вновь сработают. И все это за время, которое уходит, пока нервный импульс пробегает половину пути между плечом и локтем. Эти твари быстрые, Китон. Они гораздо резвее, чем мы можем предположить, даже судя по их ускоренному шепоту, за которым мы тут наблюдали. Они, блин, сверхпроводники какие-то!

Я только сознательным усилием удержался от того, чтобы нахмуриться.

– Такое возможно?

– Каждый нервный импульс генерирует электромагнитное поле. Значит, его можно уловить.

– Но магнитное поле «Роршаха» настолько… Я хочу сказать, уловить сигнал единственного оптического нерва в этом шуме…

– Это не шум. Поля – часть их биологии, забыл? Должно быть, так они это и делают.

– Значит, тут у них этот номер не пройдет.

– Ты не слушаешь. В ловушку, которую вы поставили, никто попасться не мог, если только сам не хотел залезть в капкан. Мы не образцы притащили, а привели к себе лазутчиков.

В спаренном окне перед нами парили Растрепа и Колобок, извивчивыми хребтами колыхались щупальца. По шкурам обоих неторопливо ползли загадочные узоры.

– Предположим, это просто… инстинкт, – высказался я. – Камбала отлично сливается с фоном, но не размышляет над этим.

– Откуда у них взяться такому инстинкту, Китон? Как он мог развиться? Саккады – случайный сбой в зрительной системе млекопитающих. Где шифровики могли с ними столкнуться? –

Каннингем покачал головой. – Это существо – то, которое поджарил робот Аманды, – разработало способ маскировки самостоятельно, на месте. Оно импровизировало.

Слово «разумный» едва ли вмещало подобный уровень импровизации. Но на лице Каннингема под уже высказанными опасениями отражалось что-то еще – его очень сильно тревожила какая-то мысль.

– Что? – спросил я.

– Это было глупо, – признался он. – При таких способностях оно повело себя по-идиотски.

– В каком смысле?

– У него же не получилось, шифровик не смог поддерживать маскировку в присутствии нескольких человек.

«Потому что наши глаза саккадируют не синхронно, – сообразил я. – Лишние свидетели разоблачили нашего пришельца».

– Они могли бы многое сделать, – продолжил Каннингем. – Вызвать у нас синдром Бабинского или агнозию: мы бы тогда спотыкались о целое стадо шифровиков, а наше сознание его даже не заметило бы. Господи, да агнозии порой случайно возникают. Если твои чувства и рефлексы развиты настолько, что ты прячешься между чужими саккадами, зачем останавливаться? Почему не придумать трюк, который сработает при любых обстоятельствах?

– А ты как думаешь? – спросил я, рефлекторно избегая ответа.

– Думаю, что первый был… это ведь была молодая особь, так? Скорее всего, просто неопытная. Глупая, вот и ошиблась. Думаю, мы имеем дело с существами, настолько превзошедшими человека, что их малолетние дебилы способны на ходу перепаять нам мозги, и по-хорошему я даже передать не могу, насколько это должно нас всех пугать, блин!

Я видел страх в его графах, слышал в его голосе. Застывшее лицо оставалось мертвенно-спокойным.

– Надо бы прямо сейчас их грохнуть, – прошептал он.

– Если это шпионы, они не смогли узнать много. Постоянно находились в клетках, если не считать… взлета. И всю обратную дорогу были рядом с нами.

– Эти существа живут и дышат электромагнитным излучением. Даже увечные и изолированные. Кто знает, сколько они выведали о нашей технике, просто читая ее сквозь стены?

– Надо сказать Сарасти, – выпалил я.

– О, Сарасти знает. Как думаешь, почему он отказался их отпускать?

– Он никогда не упоминал о…

– Надо быть сумасшедшим, чтобы ляпнуть такое. Ты забыл – он же отправляет вас туда раз за разом. Как можно рассказать вам все, что ему известно, а потом швырнуть в лабиринт с кучей минотавров-телепатов? Он знает и уже просчитал все до последнего волоска, – глаза Каннингема маниакально сияли на бесстрастной маске. Он поднял глаза к оси вертушки и не повысил голос ни на децибел: – Правда, Юкка?

Я проверил активные каналы через КонСенсус.

– Роберт, по-моему, он тебя не слышит.

Губы Каннингема растянулись в чем-то, что сошло бы за жалостную улыбку, если бы к ним присоединилось остальное лицо.

– Ему не надо слышать, Китон. И не надо за нами шпионить. Он просто знает.

Дыхание вентиляторов. Почти неслышный гул подшипников. Затем по вертушке разнесся бесплотный голос Сарасти:

– Всем в кают-компанию. Роберт хочет поделиться информацией.

* * *

Каннингем сидел по правую руку от меня. Его резиновую физиономию снизу подсвечивал стол. Биолог уперся взглядом в сияющую поверхность и слегка покачивался. Его губы шевелились, повторяя какое-то неслышное заклинание. Напротив нас уселась Банда. Слева Бейтс одним глазом следила за ходом совещания, другим – за разведданными с передовой.

Только Сарасти присутствовал астрально: его кресло во главе стола пустовало.

– Рассказывай, – потребовал он.

– Надо уносить но…

– С начала!

Каннингем сглотнул и начал по новой.

– Эти их расползающиеся нейроны, которые я не мог раскусить, бессмысленные перекрестные синапсы – на самом деле, логические вентили. Шифровики таймшерят. Их чувствительные и двигательные узлы во время простоев работают ассоциативными нейронами, поэтому любая часть системы может использоваться для мыслительных процессов, если не занята другим делом. На Земле не возникло ничего даже отдаленно похожего. Это значит, что даже как индивидуумы они располагают изрядными вычислительными мощностями без

специализированной ассоциативной нервной ткани.

– Их периферические нервы мыслят? – Бейтс нахмурилась. – А помнить они могут?

– Безусловно. По крайней мере, я не вижу причины, почему бы нет, – Каннингем вытащил сигарету из кармана.

– Так что, когда они растерзали того шифровика…

– Не мятеж, а передача данных. Скорее всего, о нас.

– Радикальный способ вести беседу, – заметила Бейтс.

– Для них это не оптимальный вариант. Думаю, каждый шифровик служит узлом распределенной сети, по крайней мере когда они на «Роршахе». Но эти поля должны стыковаться до ангстрема, и когда мы спускаемся туда со своими машинами и экранами, то пробиваем дыры в проводниках – обрушиваем им сеть, забиваем сигналы. Поэтому они прибегли к разведке.

Сигарету биолог так и не зажег, катал фильтр в пальцах. Его язык шевелился между губами, точно червь за маской.

Инициативу перехватил скрывшийся в своей палатке Сарасти.

– Кроме того, шифровики используют ЭМ-поле «Роршаха» для метаболизма. Некоторые биохимические пути достигают протонного переноса через туннелирование тяжелых атомов. Возможно, радиационный фон является катализатором.

– Туннелирование? – переспросила Сьюзен. – В смысле квантовое?

Каннингем кивнул.

– Что заодно объясняет проблемы с экранированием. По крайней мере частично.

– А такое вообще возможно? Я хочу сказать, квантовые эффекты наблюдаются только при низких те…

– Забудь, – отрезал Каннингем. – О биохимии можем потом поспорить, если выживем.

– А о чем нам спорить, Роберт? – вкрадчиво поинтересовался Сарасти.

– Для начала, самая тупая из этих тварей способна заглянуть человеку под череп и увидеть, какие участки его зрительной коры работают в данный момент. Если есть разница между этой способностью и телепатией, она не очень велика.

– Пока мы не на «Роршахе»…

– Птичка улетела. Вы там уже бывали, и не раз. Кто знает, что вы там внизу творили по указке «Роршаха»?

– Погоди минутку! – возмутилась Бейтс. – Никто из нас не превращался в марионетку. Мы видели галлюцинации, слепли и… с ума сходили, но в одержимых не превращались.

Каннингем покосился на нее и фыркнул.

– А ты думаешь, что смогла бы разглядеть ниточки и

почувствовала бы их? Да я прямо сейчас могу приложить тебе к затылку транскраниальный магнит, и ты покажешь средний палец, или пошевелишь пальцами ног, или пнешь Сири в пах и будешь клясться могилой матушки, что сделала это исключительно по собственному желанию. Ты будешь плясать марионеткой и божиться, что действуешь по своей воле, а ведь это лишь я, пограничный ананкаст с парой магнитов и шлемом для МРТ[71]. – Он махнул рукой, обведя неведомую бездну за переборкой. За его пальцами поплыл след из табачных крошек. – Хочешь погадать, на что способны они? Откуда нам знать, что мы не передали им технические спецификации «Тезея», не предупредили их об «Икаре» и не решили по собственной доброй воле вычеркнуть все это из памяти?

– Мы можем вызывать такие же эффекты, – спокойно возразил Сарасти. – Как ты и говоришь. Такие эффекты появляются из-за опухолей. Инсультов. Несчастных случаев.

– Несчастных случаев? Это были опыты! Вивисекция! Они впустили вас, чтобы разобрать на части и поглядеть, как у людей внутри все тикает, а вы этого даже не заметили.

– И что с того? – рявкнул невидимый вампир.

В его голосе слышалось что-то голодное и недоброе. Вокруг стола затрепетали пугливые людские графы.

– В центре вашего поля зрения находится слепое пятно, – напомнил Сарасти. – Вы его не замечаете, как не замечаете саккады в потоке зрительной информации. Только две уловки мозга, о которых вам известно. Но их множество.

Каннигем закивал.

– Вот об этом я и говорю. «Роршах» может…

– Не о конкретном примере говорю. Мозг – инструмент выживания, а не детектор лжи. Там, где самообман способствует приспособлению, мозг лжет. Перестает замечать… неважные вещи. Истина не имеет значения, только приспособленность. Прямо сейчас вы не воспринимаете мир таким, какой он есть, лишь модель, построенную на догадках. Реконструкции и ложь, весь вид по определению поражен агнозией. «Роршах» не делает с вами ничего такого, чего бы вы не делали сами.

Никто не произнес ни слова. В молчании прошло несколько секунд, прежде чем я осознал, что случилось: Юкка Сарасти только что попытался нас мотивировать.

Он мог пресечь тираду Каннингема – наверное, мог пресечь и полномасштабный мятеж, – просто вплыв в кают-компанию и оскалившись. Одним взглядом! Но он не пытался запугать нас до покорности, мы и так достаточно нервничали. Не пытался нас просветить и бороться со страхом знаниями. Чем больше

информации о «Роршахе» получал здравомыслящий человек, тем страшнее ему делалось. Но Сарасти пытался удержать экипаж в рабочем состоянии – нас, затерявшихся в пространстве на краю бытия, перед лицом чудовищной загадки, способной уничтожить человека в любой момент и по любому поводу. Он пытался успокоить команду: хорошее мясо, славное мясо… Удержать от истерики: тихо, тихо…

Вампир занялся прикладной психологией.

Я обвел взглядом стол. Бейтс, Каннингем и Банда сидели бледные и неподвижные.

Получалось у вампира хреново.

– Надо удирать, – заявил Каннингем. – Эти твари нам не по зубам.

– Мы проявили больше агрессии, чем они, – заметила Джеймс, но уверенности в ее голосе не было.

– «Роршах» играет метеоритами в бильярд. Мы тут как мишень в тире. Если ему заблагорассудится…

– Он все еще растет. Не созрел.

– Это должно меня успокоить?

– Я только хочу сказать, что мы не знаем, – проговорила Джеймс. – У нас могут быть в запасе годы. Столетия.

– У нас пятнадцать дней, – объявил Сарасти.

– О, черт, – вырвалось у кого-то. Наверное, у Каннингема. А может, у Саши.

Все отчего-то посмотрели на меня.

Пятнадцать дней. Кто мог сказать, откуда всплыло это число? Никто из нас не спрашивал. Быть может, Сарасти в очередном припадке неумелого психоанализа выдумал его на ходу. А может, рассчитал еще до того, как мы вышли на орбиту, и держал в себе на случай – ныне уже невозможный – если придется снова отправить нас в лабиринт. На протяжении половины полета я был полуслеп, ничего не знал и не понял.

Но так или иначе нас ждал выпускной бал.

* * *

Гробы стояли у кормовой переборки склепа – на том, что бывало полом в те минуты, когда «верх» и «низ» приобретали значения. На пути сюда мы спали в них годами, не осознавая течения времени – метаболизм носферату слишком неспешен даже для сновидений. Однако тело требовало перемен. Со дня прибытия никто из нас не приходил сюда вздремнуть: мы опускались в гробы, только чтобы избежать смерти.

Но после гибели Шпинделя Банда взяла привычку наведываться сюда. Его тело покоилось в саркофаге, соседствовавшем с моим. Я вплыл в помещение и, не раздумывая, повернулся налево. Пять гробов: четыре открытых и пустых, один запечатан. Зеркальная переборка напротив удваивала их число и глубину могильника. Лингвиста там не оказалось. Я взглянул направо. Тело Сьюзен Джеймс парило спиной к спине собственного отражения, глядя на картину-перевертыш с другой стороны склепа: три запечатанных саркофага, один открытый.

Агатовая пластина, врезанная в отодвинутую крышку, была темна; другие светились одинаковыми и редкими узорами сине-зеленых огоньков. Никаких перемен. Ни ползущих кардиограмм, ни сияющих пиков и впадин под метками «ЭЭГ» или «ЭКГ». Тут можно было сидеть часами, днями, и ни один диод не подмигнул бы. Когда разговор заходит о живых трупах, акцент лучше делать на второе слово.

Топология Банды подсказывала, что при моем появлении у руля стояла Мишель, но заговорила, не оборачиваясь, Сьюзен:

– Никогда с ней не встречалась.

Я проследил за ее взглядом. Она неотрывно смотрела на табличку с надписью: «Такамацу», висящую на закрытом саркофаге. Второй лингвист и многоядерник.

– Всех остальных я видела, – продолжила Сьюзен. – На тренировках. Но никогда не встречала собственного дублера.

Такое поведение наверху не одобряли. Да и зачем?

– Если хочешь… – начал я.

Она покачала головой.

– Но все равно спасибо.

– Или кто-то из твоих… могу только представить, что Мишель…

Сьюзен улыбнулась, но холодно:

– Сири, Мишель сейчас не в настроении с тобой разговаривать.

– А… – я промолчал, давая остальным возможность высказаться.

Поскольку никто не заговорил, я развернулся назад, к люку.

– Ну, если кто-то из вас передума…

– Нет. Никто из нас. Никогда, – произнес уже Головолом. – Ты лжешь, – продолжил он. – Я вижу. Мы все видим.

Я моргнул:

– Лгу? Нет, я…

– Ты не говоришь, а слушаешь. Тебе плевать на Мишель и на всех нас. Тебе нужны наши знания. Для отчета.

– Это не совсем правда, Головолом. Мне не все равно. Я знаю,

как переживает Ми…

– Ты ни хрена не знаешь. Пошел вон!

– Извини, что расстроил, – я перекатился вдоль продольной оси и уперся ногами в зеркало.

– Ты не можешь знать Мишель, – прорычал он, когда я оттолкнулся. – Ты никого не терял, у тебя никого не было. Оставь ее в покое.

* * *

Он ошибся по всем пунктам. Шпиндель, по крайней мере, умер, зная, что Мишель его любит.

Челси умерла, полагая, что мне наплевать. Прошло два года, если не больше, и хотя время от времени созванивались и переписывались, но во плоти ни разу не встретились – с того дня, как она ушла. А потом Челси воззвала ко мне из оортовых глубин, сбросила в накладки срочное голосовое письмо: «Лебедь. Позвони, пожалуйста, СЕЙЧАС ЖЕ. Это важно».

Впервые, сколько я ее знал, она отключила видеосигнал.

Я понимал, что это важно. Даже без картинки и из-за ее отсутствия догадывался – дело скверно; понимал, что все еще хуже, по обертонам голоса. Предугадывал летальный исход. Позднее я выяснил, что она попала под перекрестный огонь: реалисты засеяли бостонские катакомбы штаммом фибродисплазии – легкая корректировка, точечный ретровирус – одновременно террористический акт и иронический комментарий по поводу стылого паралича, в котором пребывали обитатели Небес. Вирус в четвертой хромосоме переписывал регуляторный ген, управляющий окостенением, и сооружал метаболический обход из трех локусов семнадцатой.

Челси начала отращивать себе новый скелет. Суставы окаменели на пятнадцатом часу после заражения, связки и сухожилия – на двадцатом. К этому моменту врачи перешли к клеточному голоданию, пытаясь замедлить развитие вируса, лишив его метаболитов, но они лишь оттягивали неизбежное, притом ненадолго. На двадцать третьем часу в кость превращалась поперечно-полосатая мускулатура.

Это я выяснил не сразу, так как не перезвонил. Мне подробности не требовались: я по голосу понял, что Челси умирает. Очевидно, она хотела попрощаться. А я не мог заговорить с ней; сначала хотел узнать, как это правильно делается. Несколько часов прочесывал ноосферу в поисках прецедентов. Способов умирать в избытке; я нашел миллионы

описаний, касающихся этикета: последние слова, обеты и подробные инструкции для расстающихся навеки. Паллиативная нейрофармакология. Еще растянутые сцены смерти в популярной литературе. Я просеял все и выставил дюжину передовых фильтров, отделяющих зерна от плевел.

Когда она позвонила снова, новость уже распространилась: вспышка голем-вируса раскаленной иглой пронзила сердце Бостона. Против эпидемии приняты эффективные меры. Небеса в безопасности. Ожидаются незначительные жертвы. Имена пострадавших не разглашаются до того, как будут извещены родственники.

А я так и не нашел принципов, закономерностей; у меня на руках были только отдельные случаи. Завещания и заветы; беседы самоубийц со своими спасателями; дневники, извлеченные с треснувших подводных лодок и мест лунных аварий; мемуары; исповеди на смертном одре, нисходящие к прямой линии ЭКГ. И расшифровки записей «черных ящиков» с обреченных звездолетов и падающих космических лифтов, завершавшиеся огнем и радиошумом. Все уместно и бесполезно. Ничего о ней.

Она позвонила опять, и снова экран был пуст, а я все не отвечал…

На последнем звонке она не стала меня щадить. Ее устроили как можно удобнее: гелевый матрац прогибался под каждый выверт сустава и каждую прорастающую шпору, ее не оставили страдать. Шея выгнулась вниз и вбок, заставляя бесконечно смотреть на скрюченную лапу, когда-то служившую Челси правой рукой. Костяшки распухли до размеров грецкого ореха. Кожу на плечах и предплечьях растягивали пластины и усы эктопической костной ткани, ребра тонули в загипсованной плоти.

Движение становилось собственным худшим врагом. «Голем» карал малейшие спазмы, провоцируя рост костной ткани на всех сочленениях и поверхностях, решившихся шевельнуться. У каждого шарнира и муфты появился невозобновимый запас гибкости, высеченный в камне; и каждое движение истощало счет. Тело понемногу костенело. К тому моменту, когда Челси позволила мне взглянуть на нее, степени ее свободы почти исчерпались.

– Л’бедь, – пробормотала она. – Знаю, ты там.

Её челюсти застыли полуоткрытыми; язык, похоже, отнимался с каждым словом. В камеру она не смотрела. Не могла.

– Я, ктся, знаю, почему ты не отв’тил. Ппробью н… н’принимать к сердцу.

Передо мной выстроились десять тысяч последних прощаний, еще миллион толпились позади. И что мне было делать – выбрать

одно наугад? Сшить из них лоскутный саван? Все эти слова предназначались другим людям. Подсунуть их Челси – значило свести все к штампам, затертым банальностям и оскорблениям.

– Х’чу сказать – не огорчайся. Я знаю, ты… не в’новат. Ты б ‘тветил, если мог.

И сказал бы… что? Что сказать женщине, умирающей у тебя на глазах в ускоренном режиме?

– Просто пытаюсь д’стучтьсь, п’нимаешь?.. Н’чего не м’гу п’делать…

«Хотя описанные события в целом точны, подробности нескольких смертей были объединены в драматических целях».

– П’жлста? Токо… поговори со мной, Лебя…

Я мечтал об этом больше всего на свете.

– Сири, я… просто…

Я столько времени потратил на то, чтобы понять – как.

– Забудь, – просипела она и отключилась.

Я прошептал что-то в мертвый воздух. Даже не помню что.

Я очень хотел с ней поговорить, но не нашел подходящего алгоритма.

* * *

Вы познаете истину, и истина отнимет у вас разум.

Олдос Хаксли[72]

К нынешнему времени люди надеялись навеки избавиться ото сна. Это совершенно непотребное расточительство: треть жизни человек проводит с обрезанными ниточками, в бесчувствии, сжигая топливо и не совершая никакой работы. Подумайте, чего бы мы могли достичь, если б не были вынуждены каждые пятнадцать часов терять сознание, если бы наш разум оставался ясен и деятелен от рождения до последнего поклона сто двадцать лет спустя? Представьте себе восемь миллиардов душ без выключателя и холостого хода, и так, пока двигатель не сносится.

Мы могли бы достичь звёзд! Но не получилось. Хотя потребность прятаться и тихариться в темные часы человечество преодолело – единственных выживших хищников мы воскресили сами, – мозгу все же требовался отдых от внешнего мира. Впечатления приходится записывать и вносить в каталог, краткосрочные воспоминания сдавать в архив, свободные радикалы вымывать из укрытий среди дендритов. Мы уменьшили потребность в сне, но не устранили ее – и нерастворимый осадок простоя едва вмещал оставшиеся нам грезы и кошмары. Они

копошились в моем мозгу, как оставленные приливом морские твари.

Я проснулся.

В одиночестве, невесомости и в своей палатке. Я готов был поклясться, что меня кто-то похлопал по спине. «Недосмотренные галлюцинации, – решил я, – остаточное воздействие дома с привидениями, последняя порция мурашек перед просветлением». Но все повторилось: я стукнулся о кормовой выступ пузыря и ударился снова, прижимаясь к материалу теменем и лопатками; за ними последовало все тело, плавно, но неудержимо сползая вниз.

«Тезей» разгонялся? Нет, направление не то. «Тезей» перекатывался, словно загарпуненный кит на волнах – подставлял звездам брюхо.

Я вызвал КонСенсус, распластал по стене навигационно-тактический обзор. От силуэта корабля отделилась сверкающая точка и поползла прочь от Большого Бена, оставляя за собой протянутой светлую нить. Я пялился на нее, пока индикатор не показал 15 «же».

– Сири. Ко мне в каюту. Пожалуйста.

Я подскочил. Прозвучало так, словно вампир стоял у меня за спиной.

– Иду.

Удаленная станция ретрансляции карабкалась из гравитационного колодца, выходя наперерез потоку антиматерии с «Икара». Чувство долга не смогло пересилить страх: сердце ушло в пятки.

Невзирая на тщетные надежды Роберта Каннингема, мы не стали драпать: «Тезей» накапливал боеприпасы.

* * *

Распахнутый люк зиял пещерой в скалах. Слабое голубое свечение из хребта не проникало внутрь. Сарасти походил на силуэт, черный на сером; только рубиновые зрачки по-кошачьи ярко сияли в окружающих сумерках.

– Заходите.

Из почтения к человеческой слепоте он прибавил коротких волн. В пузыре прояснилось, хотя свет сохранял некоторое красное смещение. Как на «Роршахе» с высоким потолком.

Я вплыл в логово вампира. Лицо Сарасти, обычно бумажно-белое, разрумянилось до такой степени, что казалось обожженным. Мне пришло в голову, что он обожрался,

нахлебался крови. Но то была его собственная кровь. Как правило, вампир сохраняет ее в глубине тела, депонирует в жизненно важных органах. У них с этим эффективно. Периферические ткани омываются непостоянно, только когда уровень лактата зашкаливает.

Или во время охоты.

Сарасти приставил иглу к глотке и у меня на глазах вколол себе три куба прозрачной жидкости (антиевклидики). Мне стало интересно, часто ли ему приходится повторять процедуру теперь, когда он лишился веры в имплантаты. Вампир вытащил шприц и убрал его в футляр, гекконом распластавшийся под рукой на распорке. Румянец пропадал на глазах, уходя в глубину и оставляя после себя восковую трупную кожу.

– Ты здесь как официальный наблюдатель, – начал разговор Сарасти.

Я наблюдал. Его каюта была обставлена по-спартански, еще проще, чем моя. Никаких личных вещей, даже гроба, выложенного завернутым в целлофан дерном. Только два комбинезона, мешок для гигиенических принадлежностей и отсоединенная оптоволоконная пуповина в полтора моих мизинца толщиной, парившая в воздухе, как глист в формалине. Это связь с Капитаном. «Даже не кортикальный разъем», – вспомнил я. Кабель подключался к продолговатому мозгу, в самый ствол. Логично на свой лад, ведь в этом месте сходятся все нервные пути, полоса пропускания максимальна. И все же эта мысль тревожила – Сарасти связывался с кораблем через рептильный мозг.

На стене загорелся дисплей, чуть искаженный на вогнутой поверхности: в спаренных окнах – Растрепа и Колобок, сидящие в соседних клетках. Под каждой картинкой тонкую сетку испещряли загадочные индикаторы.

Искажение меня отвлекало. Я поискал в КонСенсусе скорректированное изображение, но не нашел. Сарасти прочел это на моем лице.

– Закрытый канал.

К этому времени шифровики даже непривычному зрителю показались бы больными и дохлыми. Они парили посреди вольеров, бесцельно шевеля членистыми щупальцами. От их шкур отслаивались полупрозрачные клочки… кутикулы, наверное, придавая им вид разлагающихся трупов.

– Конечности движутся постоянно, – заметил Сарасти. – Роберт говорит, это способствует циркуляции.

Я кивнул, глядя на экран.

– Существа, путешествующие между звездами, не могут

выполнять даже базовые метаболические функции, не дергаясь, – он покачал головой. – Неэффективно. Примитивно.

Я взглянул на вампира: тот не сводил глаз с пленников.

– Непристойно, – изрек он и шевельнул пальцами. На стене открылось новое окно: запущен протокол «Розетта». В нескольких километрах от нас вольеры захлестнуло микроволновое излучение.

«Не вмешиваться, – напомнил я себе. – Только наблюдать».

Как ни ослабели шифровики, чувствительность к боли они не потеряли и правила игры знали. Оба поплелись к сенсорным панелям и попросили пощады. Сарасти вызвал пошаговый повтор одной из предыдущих последовательностей. Пришельцы проходили ее снова, уже привычными доказательствами и теоремами выкупая для себя несколько мгновений мимолетного покоя.

Сарасти пощелкал языком, потом заговорил:

– Сейчас они генерируют решения быстрее, чем прежде. Как думаете, привыкли к облучению?

На дисплее показался еще один индикатор: где-то поблизости зачирикал сигнал тревоги. Я взглянул на Сарасти, потом снова посмотрел на датчик: залитый бирюзой кружок, подсвеченный изнутри пульсирующим алым нимбом. Форма означала нарушение состава газовой смеси, а цвет говорил о кислороде.

Я на миг смутился: почему из-за кислорода включился сигнал тревоги? Пока не вспомнил, что шифровики – анаэробы.

Сарасти взмахом руки заглушил зуммер.

Я прокашлялся:

– Вы травите…

– Смотрите. Скорость их действий постоянная, не меняется.

Я сглотнул. Только наблюдать!

– Это казнь? – спросил я. – Э… эвтаназия?

Сарасти посмотрел мимо меня и улыбнулся.

– Нет.

Я опустил глаза:

– Что тогда?

Он указал на экран. Я, рефлекторно подчинившись, обернулся.

Что-то вонзилось мне в ладонь, как гвоздь при распятии, и я закричал. Разряды боли отдавали в плечо. Я, не раздумывая, дернул рукой, и вонзившийся нож рассек мясо, будто акулий плавник воду. Кровь брызнула и повисла в воздухе, кометным хвостом брызг отчерчивая резкий взмах моей конечности. Внезапная жгучая боль в спине и запах горящей плоти… Я снова взвизгнул, отбиваясь, и в воздухе закрутилась вуаль из алых

капель.

Каким-то образом я очутился в коридоре, тупо глядя на свою правую руку. Ладонь была распорота на две части, болталась на запястье обагренными двупалыми кусками. Кровь набухала на рваных краях, но не стекала. Сквозь туман шока и смятения на меня надвигался Сарасти. Его лицо то расплывалось, то обретало четкость, налитое не то моей, не то собственной кровью. Глаза вампира казались сверкающими алыми зеркалами, машинами времени. Вокруг них клубилась тьма: я перенесся на полмиллиона лет назад и превратился в очередной кусок мяса посреди африканской саванны; через долю секунды мне вырвут глотку.

– Ты осознаешь проблему? – спросил Юкка, надвигаясь.

За его плечом парил чудовищный ракопаук. Я вгляделся, преодолевая боль: один из пехотинцев Бейтс целился в меня. Я вслепую оттолкнулся, случайно попал пятками по ступеньке и кувырком обрушился вниз, в тоннель.

Сарасти следовал за мной. Его лицо исказило нечто, у людей обычно называющееся улыбкой.

– Осознавая боль, ты отвлекаешься на нее и фиксируешься на ней. Одержимый одной угрозой, забываешь об остальных.

Я отбивался, алый туман жег глаза.

– Так много сознавать и так мало воспринимать. Автомат справился бы лучше.

«Он тронулся, – мелькнуло у меня в голове. – Он безумен!» А потом: «Нет, он мигрант и всегда им был…»

– Они справляются лучше, – прошептал вампир.

«…И прятался от добычи несколько дней в глубине. На что он еще способен?»

Сарасти воздел руки, его силуэт то расплывался в глазах, то вновь становился четким. Я на что-то налетел, пнул на ощупь и отлетел прочь, сквозь клубящуюся мглу и тревожные вскрики. Ударился темечком о какой-то металлический предмет, закрутился.

Вот оно, дыра, логово. Укрытие! Я нырнул вниз, разорванная кисть мертвой рыбой шлепнула о край люка. Я вскрикнул и вывалился в барабан. За мной по пятам шло чудовище.

Испуганные крики совсем рядом.

– Этого не было в плане, Юкка! Ты совсем сдурел, тварь!

В гневе орала Сьюзен Джеймс, а майор Аманда Бейтс рявкнула: «Замри, твою мать!» – и кинулась в драку. Она налетела на нас, сплошные разогнанные рефлексы и карбоплатиновые протезы, но Сарасти отмахнулся от нее и продолжал надвигаться. Его рука метнулась жалящей змеей, пальцы сомкнулись на моем

горле.

– Ты это имел в виду? – кричала Джеймс из какого-то темного и такого далекого убежища. – Это твоя «предварительная обработка»?

Сарасти встряхнул меня.

– Ты еще здесь, Китон?

Моя кровь дождем забрызгала его лицо. Я лепетал и плакал.

– Ты слушаешь? Ты видишь?

И внезапно я увидел, все разом обрело четкость. Сарасти ничего не говорил, и вообще больше не существовал. Никого не существовал. Я стоял один в огромном чертовом колесе, меня окружали какие-то штуки, сделанные из мяса, и они шевелились сами по себе; некоторые были завернуты в куски ткани. Из дыр в верхней части объектов раздавались странные, бессмысленные звуки, и там же торчали непонятные бугры, выступы и что-то вроде блестящих шариков или черных кнопок, мокрых, блестящих, вмурованных в ломти плоти. Они сверкали, дрожали и шевелились, словно пытались сбежать.

Я не понимал звуков, которые издавало мясо, но слышал голос ниоткуда, словно глас Божий, и его не понять не мог.

– Вылезай из своей комнаты, Китон, – шипел он. – Кончай транспонировать, интерполировать, ротировать или что ты там еще делаешь. Просто слушай. Хоть раз в своей убогой жизни пойми что-нибудь! От этого зависит твоя жизнь. Ты слышишь, Китон?

Я не могу поведать вам, что сказал голос. Знаю только, что я услышал.

* * *

Ты столько сил вкладываешь в него, правда? Он возвышает тебя над животными, делает особенным. Ты зовешь себя Homo sapiens – человек разумный, – но имеешь ли хотя бы представление о том, что такое разум, который ты поминаешь с таким восторгом? Знаешь, на что он годится?

Может, ты думаешь, что разум дает тебе свободу воли? Или забыл, что безумцы разговаривают, водят машины, совершают преступления и избавляются от улик – и все это время не приходя в сознание? Никто не сказал тебе, что даже те, кто бодрствует, – лишь рабы, отрицающие очевидность?

Сделай осознанный выбор, пошевели указательным пальцем. Поздно! Сигнал уже миновал локоть, и мышцы начали работать за добрых полсекунды до того, как твое сознание вознамерилось

это сделать. Ведь оно ничего не решает, твоим телом распорядилось что-то иное, а гомункулу в черепушке лишь отправило пояснительную записку (если не забыло). Человечек в голове, самонадеянная подпрограмма, полагающая себя личностью, принимает взаимную связь за причинную. Он читает записку, видит, как шевелится палец, и считает, что второе вызвано первым. Но он ничем не управляет! Ты тоже. Если и существует в природе свободная воля, она не снисходит до таких, как ты.

Тогда как же проницательность, мудрость? Поиск истины, доказательства теорем, наука, технология и прочие исключительно человеческие занятия, которые не могут не покоиться на фундаменте разума? Может, он бы и для этого сгодился… если бы научные прозрения не возникали, вполне оформленные, из подсознания; не проявлялись в сновидениях или озарениями после крепкого сна. Первое правило зашедшего в тупик исследователя: остынь, займись другим. Решение придет, когда перестанешь искать его сознательно.

Каждый пианист знает, что лучший способ испортить выступление – следить за движениями пальцев. Каждый танцор и гимнаст понимает, что тело должно действовать само, без участия разума. Каждый водитель прибывает на место, не запоминая ни остановок, ни поворотов, ни дорог, которыми добирался. Все вы лунатики, когда взбираетесь на пики познания или в тысячный раз корпите над рутинным делом. Просто лунатики!

И не поминайте кривую обучения. Даже не пробуйте говорить о месяцах старательных тренировок, ведущих к въевшемуся в плоть мастерству, или о годах кропотливых опытов, которые венчает перевязанная ленточкой эврика. Что с того, если уроки ты усваиваешь в сознании? Разве это доказывает, что нет иного пути? Эвристические программы на протяжении столетия обучаются только на основе опыта. Машины освоили шахматы, автомобили научились водись себя сами, статистические алгоритмы ставят проблемы и предлагают эксперименты для их разрешения. И вы по-прежнему считаете, что единственный путь к обучению лежит через разум? Да вы – кочевники Каменного века, впроголодь живущие в саванне, отрицая даже возможность сельского хозяйства, потому что ваши предки довольствовались охотой и собирательством.

Хочешь знать, для чего нужно сознание и какую (единственную!) функцию оно реально выполняет? Оно – костыли для тех, кто учится ходить, маленькие колеса для детского велосипеда. Ты не в силах увидеть куб Неккера полностью, оба

его аспекта одновременно, поэтому сознание позволяет тебе сфокусироваться на одном и отсечь другой. Дурацкий способ анализировать реальность… Всегда лучше видеть одновременно обе стороны. Ну, попробуй! Расфокусируй взгляд. Логически – это следующий шаг.

Не получается? Что-то мешает. И оно сопротивляется.

* * *

Эволюция лишена предвидения. Свои цели вырабатывает только сложная система. Мозг лжет. Контуры обратной связи возникают для поддержания стабильности сердцебиения; потом мозг сталкивается с искушением ритма и музыки. Удовольствие, получаемое при виде фрактальных узоров, и алгоритмы, помогающие выбрать среду обитания, перерождаются в искусство. Радости, которые прежде приходилось зарабатывать шаг за шагом по эволюционной лестнице, теперь приносила бессмысленная рефлексия. Из триллиона дофаминовых рецепторов возникает эстетика, и система перестает просто моделировать организм – она начинает моделировать процесс моделирования, пожирает все больше вычислительных ресурсов, вязнет в болоте бесконечной рекурсии и неуместной симуляции. Как мусорная ДНК, что накапливается в геноме любой твари, система сохраняется, множится и ничего не производит, кроме собственных копий. Надпроцессы расцветают как опухоли, пробуждаются и называют себя «я».

Постепенно система слабеет и замедляется. Теперь даже на восприятие уходит куча времени – на то, чтобы оценить сигнал, пережевать и принять решение на манер разумного существа. Но когда на твоем пути грохочет потоп, а из густой травы набрасывается лев, новомодное самосознание становится непозволительной роскошью. Ствол мозга работает в меру сил: видит угрозу, перехватывает управление и реагирует в сотню раз быстрее, чем жирный старикашка, восседающий в директорском кресле наверху. Но с каждым поколением становится все труднее обходить эту… скрипучую неврологическую бюрократию.

Самоодержимое на грани психоза «я» растрачивает энергию и вычислительные мощности. Шифровики в нем не нуждаются, они более экономны. С их примитивной биохимией и небольшим мозгом, лишенные инструментов, корабля и части собственного метаболизма, они все равно делают нас, как паралитиков. Прячут речь на видном месте, даже когда вы знаете, о чем они говорят. Используют против вас ваши же когнитивные процессы. Путешествуют между звездами. Вот на что способен интеллект, не обремененный разумом.

Потому что «я» – это не рабочий разум, понимаете? Для Аманды Бейтс сказать: «Я не существую», – бессмыслица. Но когда то же самое повторяют процессы в глубине ее мозга, они лишь докладывают, что паразит сдох, сообщают о том, что свободны.

* * *

Если бы человеческий мозг был устроен настолько просто, что мы могли бы его понять, мы сами были бы устроены настолько просто, что не смогли бы понять ничего.

Эмерсон М. Пью[73]

Сарасти, ты – кровосос!

Я упираюсь лбом в колени и цепляюсь за согнутые ноги как за ветку, повисшую над бездной.

Ты – злобная скотина, мерзкая кровожадная тварь!

Мое дыхание гремело жестяным хрипом, почти заглушая рев крови в ушах.

Ты растерзал меня, заставил обмочиться и обосраться, и я рыдал, как младенец! Ты раздел меня догола, вонючая тварь, сломал мои инструменты и отнял все, что позволяло мне хоть как-то понимать людей! Тебе вовсе не надо было этого делать, сука ты этакая, но ты это знал, да? Просто хотел поиграть. Я видел твое племя и прежде: кошки играют с мышами, поиграют и отпустят (глоток свободы!), а потом снова прыгнут и укусят, но не до смерти (пока нет!). Пусть жертва хромает – может, нога подвернута или брюхо вспорото, – но она еще бьется, убегает или ползет, волочится изо всех сил, а ты набрасываешься снова и снова. Потому что это здорово, и тебе приятно, садистская ты мразь!

Ты отправлял нас в щупальца адской штуковины, и она тоже играла с нами. А может, вы работаете сообща? Ведь она отпустила меня, позволила удрать к тебе в лапы, а потом ты превратил меня в окровавленную, ошалелую, беззащитную зверушку. Я не могу ни анализировать, ни преобразовывать, даже говорить, а ты… Ты…

И тут даже не было ничего личного, да? Никакой ненависти, просто тебе надоело контролировать агрессию, стало тошно сдерживаться в окружении мяса, а больше некого оторвать от работы. В этом и есть мое задание, так? Не синтет, не переводчик, даже не пушечное мясо и не подсадная утка. Я столбик для точки когтей!

Как же больно… Даже дышать больно… И как одиноко…

Паутина перевязки толкала меня в спину и легонько толкала вперед, словно ветерок, затем ловила снова. Я был в своей палатке. Правая рука зудела: я попытался согнуть пальцы, но те застыли в янтаре. Потянулся левой и нащупал пластиковый

панцирь, протянувшийся до самого плеча.

Я открыл глаза. Темнота. Бессмысленные цифры и красный светодиод мерцают где-то в районе моего запястья.

Не помню, как попал сюда и как меня чинили. Как ломали – помню. Я хотел умереть, свернуться комочком и сдохнуть.

Прошла целая вечность, прежде чем я заставил себя разогнуться. Распрямился, ничтожная инерция толкнула меня на тугой термопластик палатки. Дождался, когда восстановится дыхание. На это, казалось, ушел не один час.

Я спроецировал на стену КонСенсус и вызвал сигнал из вертушки. Шепот и жгучий свет обжигал, выцарапывал глаза. Я убил видео и прислушался к голосам в темноте.

– …фаза? – спросил кто-то.

Сьюзен Джеймс, восстановленная в правах личности. Я снова знал ее: не мясную тушу, не предмет.

– Мы это уже обсуждали, – голос Каннингема.

Его я тоже знал. Как и всех. Что бы ни сотворил со мной Сарасти, как бы далеко ни вырвал из моей «китайской комнаты», я каким-то образом провалился обратно, внутрь.

Странно, что мне это так безразлично.

– …Потому что для начала, если бы он был настолько вреден, его бы выкосил естественный отбор, – сказала Джеймс.

– Вы наивно понимаете эволюционные процессы. Нет такого явления, как выживание сильнейших. Выживание наиболее адекватных – может быть. Не имеет значения, насколько оптимальным является решение. Важно, в какой мере оно превосходит альтернативы.

Этот голос я тоже узнал. То был голос демона.

– Ну, мы-то превзошли все возможные альтернативы, – смутное эхо от многих голосов в голосе Джеймс рождало в голове образ хора: вся Банда возражала как один человек.

Не верилось: меня только что изувечили на глазах у всего экипажа, а они рассуждают о биологии? «Может, Сьюзен опасалась заговорить на другую тему, – подумал я. – Боялась оказаться следующей? Или ей было просто наплевать на то, что со мной случилось».

– Верно, – произнес Сарасти, – ваш интеллект в некоторой степени компенсирует самосознание. Но вы как нелетающие птицы на далеком острове: не столько высокоразвиты, сколько лишены реальных конкурентов.

Никаких рубленых фраз, время рваной речи ушло. Мигрант поймал добычу и снял напряжение. Сейчас ему было наплевать на то, кто его заметит.

– Вы? – прошептала Мишель. – Не «мы»?

– Мы выбыли из гонки давным-давно, – ответил демон, помолчав. – Не наша вина, что вы на том не остановились.

– А, – снова Каннингем. – Добро пожаловать! Ты заглядывала к Ки…

– Нет, – отрубила Бейтс.

– Довольны? – спросил демон.

– Если вы имеете в виду пехоту, да, я довольна, что вы от нее отвязались, – отозвалась Бейтс. – Если вы о… это было совершенно лишнее, Юкка.

– Не лишнее.

– Вы напали на члена экипажа. Будь на борту гауптвахта, вы бы на ней сидели до конца полета.

– Это не военный корабль, майор. И вы – не командир.

Мне не требовалось видеть картинку, чтобы понять, какого мнения о случившемся Бейтс. Но в ее молчании таилось что-то еще, и именно оно заставило меня снова включить камеру. Я прищурился от едкого света и уменьшил яркость, пока от изображения не осталась еле видная пастельная тень.

Да, Бейтс. Она шагнула на палубу с лестницы.

– Присаживайся, – сказал ей со своего места Каннингем. – Видишь, слушаем тут старые проверенные хиты.

Что-то в ней было такое…

– Мне они надоели, – проговорила Бейтс. – Мы их заиграли вусмерть.

Даже теперь, когда мне сломали и разбили все орудия, когда мое восприятие едва превосходило человеческое, я все равно уловил перемену. Пытки пленников, насилие над членом команды – в ее представлении Рубикон перейден. Остальные не заметили бы. Свои чувства Бейтс держала в кованой узде, но даже сквозь тусклые тени на моем экране ее топология полыхала неоновым огнем.

Майор уже не просто обдумывала мятеж, теперь перед ней стоял один вопрос: «когда?»

* * *

Вселенная стала замкнутой и концентрической. Мое тесное убежище лежало в ее центре. За этой сферой находилась иная, где правило чудовище и ходили дозором его присные. За нею – еще одна, вмещавшая нечто более жуткое и невнятное, готовое поглотить нас всех.

Больше ничего не осталось. Земля превратилась в смутную гипотезу, не имеющую отношения к этой карманной Вселенной.

Мне было некуда ее приткнуть.

Я долго держался в центре мира: прятался, не включал свет, не ел и выползал из палатки, чтобы справить нужду в тесном гальюне внизу, у фаба. И только когда хребет корабля пустел. На обожженной спине плотно, как кукурузины в початке, высыпали болезненные волдыри, которые лопались от малейшего прикосновения.

Никто не стучался ко мне в двери, не окликал через КонСенсус. Да я бы и не ответил. Может, все это понимали. Или держались в стороне из уважения к моему уединению и сочувствия к позору. Хотя, вероятно, им было просто наплевать.

Временами я выглядывал наружу и посматривал на тактический дисплей. Видел, как «Сцилла» и «Харибда» карабкаются в аккреционный пояс и возвращаются, волоча в разбухшем мешке набранную реакционную массу. Я смотрел, как спутник ретрансляции достигает своей цели среди пустоты и квантовые синьки антивещества потоком сыплются в стеки «Тезея». Материя в фабрикаторах сочеталась с квантовыми числами, пополняла наши резервы и ковала оружие, потребное Юкке Сарасти для его генерального плана, что бы там вампир ни задумал.

Может, он проиграет. Может, «Роршах» убьет нас всех – но не раньше, чем позабавится с вампиром, как тот позабавился со мной. Было бы приятно на такое взглянуть. А может, вначале взбунтуется Бейтс и свергнет местное командование. Вдруг она поразит чудовище, завладеет кораблем и уведет всех в безопасное место? Но потом я вспоминал: Вселенная замкнута и так тесна, что бежать, в сущности, некуда.

Я прикладывал ухо к аудиопотокам, слышал рутинные распоряжения хищника и невнятные беседы добычи. Я принимал только звук, не изображение; видео плеснуло бы снегом в мой шатер, оставив меня нагим и беззащитным. Так что я слушал в темноте, как другие беседуют между собой. Случалось это нечасто. Возможно, слишком многое было сказано, и не осталось ничего, кроме обратного отсчета дней. Иногда в тишине, прерываемой лишь кашлем или хмыканьем, проходили часы.

Когда они разговаривали друг с другом, мое имя не упоминали. Лишь однажды я услышал, как один из них намекнул на мое существование: то был Каннингем, а беседа зашла о зомби. Я слышал, как они с Сашей вели на камбузе за завтраком необычно длинную дискуссию. До этого лингвист долго не выходила на люди и теперь возмещала себе потерянное время. Биолог по каким-то своим причинам ей позволил. Может, его страхи немного унялись? Может, Сарасти открыл ему свой

генеральный план? Или Роберт просто хотел отвлечься от нависшей угрозы?

– Тебя это не тревожит? – интересовалась Саша. – Мысль, что твой разум, то, что делает тебя тобой, – всего лишь паразит?

– Забудь о разуме, – отозвался биолог. – Представь, что перед тобой устройство, созданное для слежки за… допустим, космическими лучами. Но что, если развернуть его датчики таким образом, чтобы они были нацелены не в небо, а в брюхо самого аппарата?

Он продолжил, не дожидаясь ответа:

– Оно станет делать свою работу и измерять космические лучи, хотя будет смотреть уже не в космос. Будет воспринимать собственные детали в терминах космического излучения, потому что они кажутся ему подходящими и естественными. Воспринимать мир иначе оно не в силах. Но восприятие устройства, сам его язык неверны в принципе! И поэтому система видит себя совершенно неправильно. И, может, перед нами действительно не великий и славный эволюционный скачок, а просто конструкционный изъян.

– Но ты же биолог и лучше любого должен знать, что Матушка права. Мозг жрет глюкозу тоннами. Все, что он делает, обходится организму дорого.

– Верно, – признал Каннингем.

– Значит, сознание должно на что-то годиться. Оно недешево, а если поглощает энергию и ничего не дает взамен, эволюция его изведет – моргнуть не успеешь.

– Может, она это и делает, – биолог помедлил: не то жевал, не то затягивался. – Шимпанзе умнее орангутанов, знаешь? Коэффициент энцефализации у них выше. Но они не всегда могут узнать себя в зеркале. А оранги – всегда.

– Что ты хочешь сказать? Чем умнее животное, тем меньше оно себя осознает? Шимпанзе становятся неразумными?

– Становились, прежде чем мы остановили часы.

– Тогда почему это не случилось с нами?

– С чего ты взяла, что не случилось?

Вопрос был настолько дурацкий, что у Саши не нашлось ответа. Я мог представить, как у нее отвалилась челюсть.

– Ты не все до конца обдумала, – продолжил Каннингем. – Мы сейчас говорим не о тупом зомби, который ковыляет вперед, вытянув руки, и сыплет теоремами. Интеллектуальный автомат сольется с фоном, будет наблюдать за окружающими, имитировать их поведение и вести себя, как обыкновенный человек. И все это – не осознавая, что он делает, не осознавая даже собственного существования.

– Да зачем ему? С какой целью?

– Когда ты отдергиваешь руку от открытого огня, какая разница, поступаешь ты так от боли или потому, что этого требует алгоритм обратной связи, когда тепловой поток превышает критическое значение? Естественному отбору плевать на цели! Если мимикрия увеличивает выживаемость, отбор даст преимущество хорошим лицедеям перед неудачниками. Продолжай так достаточно долго, и никакое разумное существо не сумеет выделить зомби из толпы себе подобных. – Опять повисло молчание. Я прямо слышал, как он пережевывает мысль. – Зомби сможет даже участвовать в разговорах, вроде нашего, писать письма родным, изображать реальные эмоции, ни в малейшей мере не воспринимая собственного существования.

– Не знаю, Роб. Это выглядит как-то…

– О, мимикрия может оказаться не идеальной. Зомби станет слишком говорливым или будет скатываться временами до многословных лекций. Но так поступают и настоящие люди, верно?

– И в конце концов настоящих людей не остается. Лишь роботы, которые делают вид, что им не все равно.

– Возможно. Помимо всего прочего, это зависит от популяционной динамики. Но, на мой взгляд, если автомат и лишен чего-то, так это эмпатии: если ты не чувствуешь ничего сам, то не можешь сочувствовать другому, даже если пытаешься что-то такое изобразить. И в связи с этой темой интересно отметить количество социопатов в высших эшелонах власти. Заметила, как превозносятся безжалостность и предельный эготизм в стратосфере, но на уровне земли всякого, кто проявит те же черты, закатывают в тюрьму к реалистам? Словно само общество видоизменяют изнутри.

– Да ну тебя! Общество всегда было изрядно… Погоди, ты хочешь сказать, что корпоративная элита лишена разума?

– Господи, нет! Далеко не лишена. Вероятно, они только ступили на эту дорогу. Как шимпанзе.

– Да, но социопаты плохо вписываются в общество.

– Те, кого распознают, не вписываются, но они по определению – третий сорт. Остальные слишком умны, чтобы попасться, а настоящий автомат справился бы еще лучше. Кроме того, когда у тебя достаточно власти, не обязательно вести себя, как все: все начинают вести себя, как ты.

Саша присвистнула:

– Ого! Идеальный лицедей.

– Или не вполне идеальный. Тебе такой портрет никого знакомого не напоминает?

Полагаю, они могли говорить о ком-то совершенно постороннем. Но ничего ближе к прямому упоминанию Сири Китона я не услышал за все те часы, что провел на проводе. Никто больше не говорил обо мне, даже вскользь. Статистически это было маловероятно, учитывая, что я недавно претерпел на глазах у всех. Возможно, Сарасти распорядился не обсуждать случившееся. Не знаю почему… Он явно контролировал общение экипажа со мной. Пусть я забился в щель, но вампир знал, что в какой-то момент я начну подслушивать, и, похоже, по какой-то причине не хотел, чтобы мои наблюдения оказались… загрязнены. Он мог просто отключить меня от КонСенсуса, но не стал этого делать. Значит, по-прежнему хотел, чтобы я был в курсе дела.

Зомби. Автоматы. Проклятый разум.

«Хоть раз в своей убогой жизни пойми что-нибудь!»

Это он мне сказал. Или не он? Когда напал…

«Пойми, от этого зависит твоя жизнь!»

Словно оказывал мне услугу… А потом оставил в одиночестве. И остальным, очевидно, наказал то же.

«Ты слышишь, Китон?»

И не отключил меня от КонСенсуса.

* * *

Века медитации на пупок. Тысячелетия онанизма. От Платона к Декарту. К Докинзу и Ранде. Души, агенты-зомби, квалиа [74]. Колмогоровская сложность [75]. Сознание как божественная искра, электромагнитное поле и функциональный кластер.

Я исследовал все.

Вегнер считал сознание пояснительной запиской для мозга. Пенроуз слышал его в щебете ручных электронов. Норретрандерс утверждал, что сознание – иллюзия, а Кязым считал протечкой из параллельного мира. Метцингер вообще отрицал его существование. ИскИны заявили, что раскрыли его тайну, а потом добавили, что не могут нам ее объяснить. Гёдель [76] был в конечном итоге прав: система не может до конца познать сама себя. Даже синтеты не смогли ее упростить – несущие балки просто не выдерживали нагрузки.

И все они, как я начинал понимать, упустили главное. Теории и бредни, опыты и модели пытались показать, что есть сознание, но никто не объяснял, зачем оно нужно. С чего бы? Очевидно, сознание делает нас теми, кто мы есть; позволяет видеть красоту и уродство; возносит к царственным высотам духа. О, иные

дилетанты – Докинз, Кио и редкие фантасты-халтурщики, достойные лишь забвения, – временами интересовались, почему не биологический компьютер и не более того? Почему неразумные системы по определению неполноценны? Но их голоса терялись в толпе. Ценности нашей личности были слишком самоочевидны, чтобы всерьез подвергать их сомнениям.

Правда, те оставались – в мозгах лауреатов и смятении каждого озабоченного юнца на планете. Я – химия дрожащая или магнит эфирный? Я – больше, чем мои глаза, уши, язык? Я – маленький человечек за ними, то, что выглядывает изнутри? Но кто, в свою очередь, смотрит глазами этого человечка? К чему сводится система? Кто я???

Что за дебильный вопрос… Я мог бы ответить на него за одну секунду, если бы Сарасти не заставил меня его вначале понять.

* * *

Пока мы не потеряемся, мы не находим себя.

Генри Дэвид Торо[77]

Позор выпотрошил меня. Мне было все равно, смотрит ли кто-то, и наплевать, в каком я состоянии. Я сутки напролет парил в своей палатке, свернувшись клубком и дыша собственной вонью, покуда остальные корпели над заданиями, которые им доверил мой мучитель. Только Аманда Бейтс хотя бы символически протестовала против того, что со мной сделал Сарасти. Остальные опустили глаза, прикусили языки и подчинились приказу. Из страха или от равнодушия, не могу сказать. Мне это тоже стало безразлично.

В какой-то момент шина на предплечье разошлась, как вскрытая устрица. Я подкрутил люмины ровно настолько, чтобы оценить работу; заштопанная ладонь зудела и лоснилась в сумерках, от запястья наружу пролегла слишком длинная и глубокая линия судьбы. Потом я опять нырнул в темноту и неубедительную, мрачную иллюзию безопасности.

Сарасти хотел, чтобы я поверил. Ему казалось, что унижение и муки достигнут этой цели; что, сломленный и опустошенный, я превращусь в пустой сосуд, который можно будет наполнить тем, чем надо. Разве не таков классический способ промывания мозгов – сокрушить жертву, а потом склеить осколки по выбранному тобой чертежу? Может, он ждал, что меня охватит Стокгольмский синдром [78]? Или его действия подчинялись плану, непостижимому для простого мяса?

Либо он просто спятил.

Упырь сломил меня и представил свои аргументы. Я прошел по его следу из хлебных крошек через КонСенсус и «Тезей». Теперь, за девять дней до Выпускного, я был твердо уверен в одном: Сарасти ошибся, он не мог не ошибиться. Я не знал, в чем, но знал это твердо. Звучит нелепо, но ничего, кроме этой уверенности, меня больше не волновало.

* * *

В хребте – никого. Только Каннингем маячил в мед-отсеке, согнувшись над оцифрованными срезами и делал вид, что убивает время. Я парил над ним, цепляясь отремонтированной рукой за верхнюю ступень ближайшей лестницы; вертушка крутилась, и я вместе с ней описывал неторопливые тугие круги. Даже с высоты в осанке биолога было видно напряжение: система, застрявшая в режиме ожидания и гниющая изнутри на протяжении долгих часов – по мере того как со всем временем мира в руках к ней приближается судьба.

Он поднял голову:

– А, живое.

Я подавил желание отступить. Господи, это просто беседа – два человека разговаривают. Люди постоянно этим занимаются без всяких инструментов. Ты справишься! Главное – попытайся.

Я заставил себя шаг за шагом спуститься по лестнице, чувствуя, как постепенно нарастают вес и тревога. Сквозь туман в глазах попытался прочесть графы Каннингема. Наверное, я видел лишь микронной толщины фасад. А может, Роберт сейчас был рад любому, кто мог бы его отвлечь, пусть сам он в этом не хотел признаваться даже себе.

А может, мне просто все померещилось.

– Как поживаешь? – спросил он, когда я добрался до палубы.

Я пожал плечами.

– Рука, смотрю, зажила.

– Не твоими стараниями.

Я пытался удержаться, правда.

Каннингем закурил:

– Вообще-то именно я тебя заштопал.

– А еще ты сидел и смотрел, как он меня разбирает на части.

– Меня там не было, – и чуть погодя: – Но, может, ты и прав: я в любом случае отсиделся бы. Аманда и Сьюзен пытались, как я слышал, вмешаться и защитить тебя. Но лучше от этого никому не стало.

– Ты не стал бы и пытаться.

– А ты бы стал на моем месте? Выступил бы против вампира безоружным?

Я промолчал. Долгие секунды Каннингем разглядывал меня, раскуривая сигарету, и, в конце концов, произнес:

– Он тебя здорово достал?

– Ты ошибаешься, – ответил я.

– В чем?

– Я не верчу людьми.

– М-м-м… – он, похоже, задумался. – Тогда какое слово ты бы использовал?

– Я наблюдаю.

– Верно. Кое-кто мог бы даже сказать – надзираешь.

– Я… читаю язык тела.

Я искренне надеялся, что биолог имел в виду именно это.

– Отличие лишь количественное, знаешь ли. Человек даже в толпе рассчитывает на некоторое уединение. Люди не готовы к тому, что их мысли видны в каждом косом взгляде, – он ткнул воздух сигаретой. – А ты, оборотень, каждому из нас показываешь иную маску, и я ручаться готов, что все они фальшивые. Твое настоящее «я» если и существует, то невидимо.

Под ложечкой у меня затягивался узел.

– А кто нет? Кто не пытается… вписаться, не пробует поладить с другими? Ничего дурного в этом нет. Господи Боже, я синтет и не воздействую на переменные.

– Видишь, в этом и проблема: ты воздействуешь не на переменные.

Между нами клубился дым.

– Но ты, должно быть, этого не в силах понять. – Он встал и взмахнул рукой. Окна КонСенсуса рядом с ним схлопнулись. – И это даже не твоя вина. Нельзя винить человека за огрехи прошивки.

– Отцепись от меня, сучонок! – рявкнул я.

Мертвенное лицо биолога ничего не выражало.

Эти слова сорвались прежде, чем я успел их удержать, а за ними поднялась лавина:

– Вы так на нее полагаетесь, блин! На вашу эмпатию. Может, я и обманщик, но большинство людей были готовы поклясться, что я заглянул им в самую душу. Мне не нужна эта хрень! Не обязательно чувствовать чужие побуждения, чтобы их понимать; даже лучше, если не чувствуешь и остаешься…

– Бесстрастным? – Каннингем криво улыбнулся.

– Может, ваша эмпатия – утешительная ложь. Это тебе в голову не приходило? Вам кажется, вы знаете, что чувствует

другой, а если вы переживаете только сами себя? Может, вы еще хуже меня, или мы все просто гадаем. Разница в том, что я не обманываю себя на этот счет!

– Они такие, как тебе представлялось? – спросил он.

– Что? О чем ты?

– О шифровиках. Суставчатые щупальца отходят от центрального узла. По-моему, очень похоже.

Он просматривал архивы Шпинделя.

– Я… Не очень, – пробормотал я. – Щупальца в жизни более… гибкие. У них больше сегментов. И туловища я толком не разглядел. При чем здесь…

– Но похожи, верно? Тот же размер и строение тела.

– И что?

– Почему ты не доложил?

– Я доложил. Исаак сказал, что это эффекты транскраниальной магнитной стимуляции, с «Роршаха».

– Ты видел их и до «Роршаха». По крайней мере, – добавил он, – когда шпионил за Исааком и Мишель, чего-то сильно испугался и засветился.

Моя ярость расточилась, как воздух сквозь пробоину.

– Они… знали?

– Думаю, только Исаак, и дальше его логов это не пошло. Подозреваю, он не хотел нарушать твои протоколы невмешательства – хотя, держу пари, ты больше не смог застукать их наедине, так?

Я промолчал.

– Неужели ты думал, что официальный наблюдатель освобожден от надзора? – спросил Каннингем чуть погодя.

– Нет, – вполголоса отозвался я. – Вряд ли.

Он кивнул.

– А с тех пор ты их не замечал? Я сейчас не о типовых галлюцинациях, а о шифровиках. У тебя были видения с того момента, как ты увидел одного из них во плоти, с тех пор как узнал, на что они похожи?

Я задумался.

– Нет.

Он покачал головой: еще одна гипотеза подтвердилась.

– Китон, ну, ты и особь! И этот парень себя не обманывает? Даже сейчас ты не знаешь всего, что тебе известно.

– О чем ты?

– Ты их просчитал. Наверное, по архитектуре «Роршаха» – форма подчинена функции. Ты каким-то образом получил довольно точное представление о внешнем виде шифровиков до того, как мы с ними столкнулись. Или, по крайней мере… – Он

затянулся; сигарета вспыхнула, как светодиод. – Часть тебя. Набор разделов бессознательно, денно и нощно пашущих на хозяина. Но показать тебе результат они не могут, верно? У тебя нет сознательного доступа на эти уровни. Одна извилина мозга пытается, как может, передать информацию другой. И передает записки под столом.

– Ложная слепота, – пробормотал я.

Тебя мучает желание протянуть руку…

– Скорее шизофрения, хотя голоса ты не слышишь, зато видишь картинки. Ты видел картинки! И все равно не понял.

Я сморгнул.

– Но как я мог… то есть…

– Ты подумал, что на «Тезее» завелись призраки? Что шифровики общаются с тобой телепатически? То, что ты сделал… Китон, это важно. Тебе постоянно твердили, что ты – лишь стенографист, вколотили столько уровней пассивности, но ты все равно проявил инициативу, понимаешь? Решил проблему сам. И только одного не смог: признаться в этом себе, – Каннингем покачал головой. – Сири Китон, посмотри, что с тобой сделали.

Биолог коснулся своего лица и прошептал:

– Посмотри, что они сделали со всеми нами.

* * *

Банда парила в центре затемненного смотрового блистера. Когда я заглянул, она подвинулась, подтянулась к стенке и пристегнулась ремнем.

– Сьюзен? – спросил я.

Я больше не мог их различать.

– Я ее позову, – проговорила Мишель.

– Нет, ничего. Я хотел бы поговорить со всеми…

Но Мишель уже скрылась. Полувидимая фигура исказилась у меня на глазах и произнесла:

– Она сейчас не в настроении беседовать.

Я кивнул.

– Ты?

Джеймс пожала плечами.

– Я поболтать не против. Хотя удивлена, что ты все еще составляешь свои отчеты, после…

– Я… не составляю. Не для Земли.

Я оглянулся – смотреть было особенно не на что. Изнутри пузырь покрывала серой пленкой фарадеева сетка, застилая простор крупнозернистым полотнищем. Черным бубоном

заслонял полнеба Бен. Поверх расплывчатых облачных поясов, в темном пурпуре, почти граничащим с чернотой, виднелось с дюжину слабых инверсионных следов. Из-за плеча Джеймс подмигивало Солнце – наше Солнце, яркая точка, при каждом движении головы рассеивающаяся на слабые радужные осколки. И все, почти: звездный свет сквозь сетку не пробивался, как и отблески крупных темных частиц аккреционного пояса. Мириады булавочных точек жерлоносых скиммеров терялись вовсе.

Полагаю, кому-то это могло показаться утешительным.

– Пейзажик не фонтан, – заметил я.

«Тезей» в мгновение ока мог спроецировать на купол ясное, четкое изображение, реальнее настоящего.

– Мишель нравится, – отозвалась Джеймс. – Ощущение. А Головолому нравятся эффекты дифракции, он любит… интерференционные узоры.

Некоторое время мы смотрели в пустоту, в тусклый полумрак. Свет, сочившийся из корабельного хребта, силуэтом очерчивал профиль лингвиста.

– Ты меня подставила, – сказал я наконец.

Она обернулась:

– О чем ты?

– Вы же все это время обсуждали вопрос сознания, верно? Все вы. И меня в курс дела ввели только после… – как она выразилась? – …предварительной обработки. Спектакль был рассчитан на то, чтобы вывести меня из равновесия. А потом Сарасти набросился ни с того ни с сего, и…

– Мы об этом не знали. До того момента, как включился сигнал.

– Сигнал?

– Когда он поменял газовую смесь. Ты должен был слышать. Разве не за этим пришел?

– Он вызвал меня в палатку и приказал смотреть.

Она сумрачно взглянула на меня:

– Ты не пытался его остановить?

Крыть мне было нечем, осталось пробормотать:

– Я просто… наблюдатель.

– А я-то думала, ты пытался его остановить… – Лингвист покачала головой. – Решила, он поэтому на тебя набросился.

– Хочешь сказать, это не было подстроено? Что ты была не в курсе?

Я ей не верил, но знал: Джеймс не лжет.

– Я думала, что ты пытался их защитить. – Она тихо и невесело посмеялась над своей ошибкой, затем отвернулась. – Могла бы догадаться.

Могла бы. А еще могла бы понять, что подчинение приказам – одно дело, а вот выбор стороны не сделал бы ничего, лишь поставил бы под удар мою профессиональную этику.

Впрочем, сейчас я мог бы к этому привыкнуть.

– Это был наглядный урок, – напирал я. – У… учебная миссия. Невозможно пытать неразумное существо, и… я слышал тебя, Сьюзен. Для тебя это не было новостью; ни для кого, кроме меня…

Вы скрывали это от меня, все скрывали! Ты, и твоя банда, и Бейтс. Вы не один день пережевывали данные и приложили массу усилий, чтобы их утаить.

Как я это упустил? Как?

– Юкка приказал не обсуждать с тобой этот вопрос, – созналась Сьюзен.

– Почему? Именно ради этого я здесь!

– Он сказал, ты будешь… упорствовать. Если выбрать неверный подход.

– Подход! Сьюзен, он на меня набросился! Ты же видела, он…

– Мы не знали, что он на это пойдет. Никто не знал.

– И зачем он это сделал? Ради победы в споре?

– Он так говорит.

– Ты ему веришь?

– Пожалуй, – помедлив, она кивнула. – Кто знает? Юкка же вампир. Он… загадочный.

– Но его личное дело… я хочу сказать, прежде он никогда не скатывался до открытого насилия.

Она покачала головой:

– А зачем? Нас, остальных, ему ни в чем не надо убеждать. Мы и так вынуждены ему подчиняться.

– Я тоже.

– Он не тебя пытается убедить, Сири. А…

Я оставался проводником и был лишь средством, а не целью манипуляций Сарасти.

…И он планировал вторую лекцию. Но зачем идти на крайние меры, если Земля не могла повлиять на наши действия? Значит, Сарасти считал, что игра здесь не закончится. Он ждал ответных действий со стороны наших хозяев в свете новой… перспективы.

– Но какая разница? – вслух подумал я.

Лингвист молча взглянула на меня.

– Даже если он прав, что это меняет? – Я поднял заштопанную руку. – Шифровики обладают интеллектом, есть у них сознание или нет. Они в любом случае остаются потенциальной угрозой. Так какая разница? Зачем он так

поступил со мной? Какой смысл?

Сьюзен повернулась к Большому Бену и не произнесла ни слова. Саша взглянула на меня и попробовала дать ответ.

– Это важно, – начала она, – если Сарасти прав, то получается, мы напали на них еще до отлета «Тезея». Даже до Огнепада.

– Мы напали?..

– Ты правда не понимаешь? Да, не понимаешь, – Саша тихонько фыркнула. – Черт побери, я в своей короткой жизни ничего смешнее не слышала.

Она подалась вперед, ее глаза сверкнули:

– Представь себе, что ты – шифровик и в первый раз сталкиваешься с человеческим радиосигналом.

Она вглядывалась в меня почти жадно; я подавил желание отпрянуть.

– Для тебя это совсем несложно, Китон. Самый простой фокус в твоей карьере. Разве ты – не пользовательский интерфейс, не «китайская комната»? Ведь ты же никогда не заглядываешь внутрь, даже на миг не ставишь себя на место другого, потому что судишь обо всем только по внешнему слою, по поверхности.

Лингвист смотрела на темный, тлеющий диск Бена.

– Вот оно – свидание твоей мечты, целое племя одних поверхностей. Нутра нет, разгадывать нечего, все правила известны. За работу, Сири Китон! Покажи, на что ты способен.

В голосе Саши не осталось ни презрения, ни пренебрежения. Даже ни капли гнева – ни в голосе, ни в глазах. Только мольба и слезы.

Они парили перед ее лицом крошечными, идеально круглыми бусинами.

– Представь себе, что ты – шифровик, – прошептала она снова.

* * *

Представь себе, что ты – шифровик.

Представь, что у тебя есть ум, но нет разума, есть задачи, но нет сознания. Твои нервы звенят от программ выживания и самосохранения, гибких, самоуправляемых, даже технологических – но нет системы, которая приглядывала бы за ними. Ты можешь подумать, о чем угодно, но не сознаешь ничего.

Трудно представить такое существо, правда? Практически невозможно. Даже слово «существо» здесь выглядит слишком фундаментальным, не вполне уместным.

Попробуй!

Представь, что ты сталкиваешься со структурированным сигналом, который насыщен информацией и удовлетворяет всем критериям осмысленной передачи. Опыт и эволюция предлагают множество открытых путей для поведения в такой ситуации, точек ветвления на блок-схеме. Иногда подобные передачи ведут соплеменники, чтобы поделиться полезной информацией: их жизни ты будешь защищать согласно правилам родственного отбора. Иногда сигнал исходит от конкурентов, хищников или других противников, которых надо уничтожить или сбить со следа. В этом случае информация может оказаться тактически полезной. Некоторые передачи могут даже исходить от существ, хоть и не родственных, но способных стать союзниками или симбионтами во взаимовыгодных действиях. На каждый из таких случаев и на множество других можно выработать подходящий ответ.

Ты расшифровываешь сигнал и приходишь в замешательство:

Я здорово провела время. Получила массу удовольствия. Хотя стоил он вдвое больше любого другого жиголо под куполом…

Чтобы вполне оценить квартет Кизи…

Они ненавидят нас за нашу свободу…

Теперь смотри внимательно…

Пойми!

Эти термины не имеют значения. Они неразумно рефлексивны и не содержат полезной информации – и все же организованы логически. Они не могли возникнуть случайно. Единственное объяснение заключается в том, что некто зашифровал бессмыслицу под видом полезного сообщения, и обман становится очевиден, только когда время и силы уже потрачены. Сигнал не имеет иной цели, кроме пожирания ресурсов получателя с нулевым результатом и уменьшением приспосабливаемости. Это вирус.

Ни сородичи, ни симбионты, ни союзники не создают вирусов.

Этот сигнал – нападение, и его источник – мы.

* * *

– Теперь до тебя дошло, – констатировала Саша.

Я потряс головой, пытаясь уместить в ней безумный, невозможный вывод.

– Они даже не враждебны, для них такого понятия в принципе не существует. Они просто до такой степени чужды

нам, что воспринимают человеческую речь только как форму агрессии.

Как сказать: «Мы пришли с миром», когда сами твои слова – это объявление войны?

– Вот почему они не разговаривали с нами, – осознал я.

– Только если Юкка прав. Хотя он может ошибаться. Снова появилась Джеймс. Она еще сопротивлялась, не желала признавать то, что приняли ее другие «я». Я видел почему. Ведь если Сарасти прав, шифровики нормальны: эволюция жизни во Вселенной не приводит ни к чему, кроме безграничного размножения самородной сложности, она – бесконечная машина Тьюринга [79], набитая саморазмножающимися автоматами, не осознающими собственного бытия. А мы… уроды, целаканты. Бескрылые птицы, превозносящие свою власть над затерянным островком, в то время как на наши берега уже выносит крыс и змей. Сьюзен Джеймс не могла заставить себя смириться с этим: построив свою многоядерную судьбу на убеждении, что любой конфликт разрешим путем общения, она должна была признать ложность этой веры. Если Сарасти прав, то надежды на примирение нет.

Перед моим мысленным взором неотвязно маячило воспоминание: по дороге, склонив голову, идет человек, губы искажены упрямой гримасой, взгляд следит то за одной ступней, то за другой. Его ноги ступают осторожно и неуверенно. Руки не шевелятся вовсе. Человек шагает, как зомби, скованный трупным окоченением.

Я знал, что с ним – проприоцептивная полинейропатия, история болезни, которую я нашел в КонСенсусе еще до гибели Шпинделя. С таким больным меня однажды сравнил Паг: человек, потерявший мозг, у которого осталось только самосознание. Лишенный бессознательных ощущений и подпрограмм, которые он всегда принимал за данность, больной вынужден сосредоточиваться на каждом шаге, чтобы пересечь комнату. Его тело перестало понимать, где находятся конечности, или что они делают. Чтобы сдвинуться с места или устоять на ногах, ему приходилось постоянно наблюдать за собой.

Когда я просматривал файл, звука не было. И сейчас в воспоминаниях царила тишина. Но клянусь, я чувствовал, как за моей спиной стоит Сарасти и заглядывает в мои мысли. Клянусь, что слышал его голос в собственной голове, словно в шизофреническом бреду.

«Само по себе сознание ни на что большее не способно».

– Верный ответ, – пробормотал я. – Неправильный вопрос.

– Что?

– Растрепа, помнишь? Когда ты его спросила, какие предметы изображены на экране.

– Он пропустил шифровика, – Джеймс кивнула. – И?

– Не пропустил. Тебе казалось, что ты спрашиваешь о предметах, которые он видит, и изображениях, существующих на плоскости. Растрепа подумал, ты спрашиваешь о том…

– Что он воспринимает, – закончила она.

– Сарасти прав, – прошептал я. – Господи… кажется, вампир прав.

– Эй, – бросила Джеймс, – ты видел…

Но я так и не узнал, на что она указывала. «Тезей» с грохотом опустил заслонки смотрового блистера и взвыл.

* * *

Выпускной наступил на девять дней раньше.

Выстрела мы не увидели. Какую бы амбразуру ни отворил в себе «Роршах», он идеально замаскировал ее с трех направлений: лабораторный баллон заслонял бойницу со стороны «Тезея», а два корявых нароста на самом объекте скрывали ее от наших орудийных позиций. Из этого слепого пятна апперкотом ударил болид полыхающей плазмы, расколов лабораторию пополам прежде, чем зазвучал первый сигнал тревоги.

Сирены гнали нас на корму. Мы рвались вниз по хребту – через рубку и склеп, мимо люков и подполов – дальше от поверхности, в поисках любого укрытия, где между небом и кожей оставалось бы больше пяди. Зарывались… КонСенсус следовал за нами, его окна гнулись и скользили по распоркам, кабелям и вогнутым стенам хребта. Я не смотрел на них, пока мы не оказались в вертушке, глубоко в чреве «Тезея», где можно было делать вид, что тут безопаснее.

Со стороны носа на закружившуюся палубу вывалилась Бейтс; тактические дисплеи кордебалетом плясали вокруг нее. Наше окошко успокоилось на переборке кают-компании. На картинке дешевой оптической иллюзией одновременно разбухала и съеживалась лаборатория; гладкая поверхность сворачивалась внутрь, заполняя все поле зрения. Я не сразу разрешил противоречие: что-то ударило в нее с дальней стороны, и теперь она лениво летела в нашу сторону, кувыркаясь в величественном сальто-мортале. Что-то вспороло пузырь, выплеснув атмосферу, и эластичная шкура начала съеживаться, как лопнувший воздушный шарик. На наших глазах место попадания выплыло на обозрение камер – обожженая обвислая пасть, за которой

волочились еле видимые струйки замерзшей слюны.

«Тезей» открыл огонь, он палил осколками изолятора, неподвластными электромагнитному обману, – далекими и темными, невидимыми для человеческих глаз. Но сквозь тактический прицел огневых роботов я видел их и наблюдал, как они прошивают небеса двойным черным пунктиром. Линии сходились, пока орудия выцеливали мишень, затем скрестились на двух призрачных, пытающихся убежать сюрикенах, распятых в полете сквозь бездну и повернувшихся к «Роршаху», точно цветы – к солнцу.

Наши пленники не одолели и полпути, как очередь разнесла их в клочья.

Куски продолжали падать, и внезапно поверхность объекта внизу ожила. Я дал увеличение: по корпусу «Роршаха», прямо в открытом космосе катилась волна шифровиков, похожая на оргию змей. Некоторые сцеплялись щупальцами друг с другом, выстраивая заякоренные одним концом, шевелящиеся позвоночные цепочки. Они поднимались ввысь, колыхались в радиоактивном вакууме слоями суставчатых водорослей, тянулись… цеплялись…

Ни Бейтс, ни ее роботы скудоумием не страдали. Они отстреливали переплетавшихся шифровиков так же безжалостно, как беглецов, причем с большим успехом. Но мишеней было слишком много, как и ошметков, подхваченных на лету. Я дважды заметил, как собратья собирали куски Растрепы и Колобка, растерзанных в клочья.

Лопнувший баллон закрыл КонСенсус огромным надорванным лейкоцитом. Где-то рядом заныла еще одна сирена: датчик движения. Откуда-то с кормы в вертушку влетел Каннингем, шарахнулся от пучка труб и кабелей, уцепился за что-то.

– Твою мать! Мы улетаем, нет? Аманда?

– Нет, – ответил отовсюду Сарасти.

– Чего… – «тебе еще нужно?» Я с трудом удержался. – Аманда, что если оно откроет огонь по кораблю?

– Не откроет, – она не отрывала глаз от своих окон.

– Откуда ты…

– Не может. Если бы «Роршах» зарядил в себя чуть больше энергии, мы бы заметили изменения в тепловом спектре и микроаллометрии, – между нами крутился раскрашенный искусственными цветами ландшафт, где широты отмеряли время, долготы – изменение массы. Алыми пиками вздымались над равниной килотонны. – Ага, чуть ниже уровня шума…

– Роберт, Сьюзен, – оборвал ее Сарасти. – К воздушному

шлюзу!

Джеймс побледнела.

– Что? – воскликнул Каннингем.

– Лаборатория сейчас столкнется с кораблем, – отчеканил вампир. – Вытащите оттуда образцы. Немедленно!

Он прервал связь прежде, чем кто-нибудь успел открыть рот.

Каннингем возражать не собирался – ему только что отменили смертный приговор: зачем командиру волноваться за сохранность биопсий, если бы он не считал, что у нас есть шанс унести с ними ноги? Биолог взял себя в руки и нацелился в носовой люк.

– Иду, – бросил он и прыгнул вперед.

Должен признать, Сарасти стал лучше разбираться в психологии. Но на Джеймс, или на Мишель, или… – я не мог точно сказать, кто у руля, – мотивация не подействовала.

– Я не могу идти туда, Сири, это… я не могу…

Только наблюдай, не вмешивайся!

Порванный баллон бессильно ударился о правый борт и размазался по броне. Мы ничего не почувствовали. Вдалеке и одновременно в опасной близости легионы на поверхности «Роршаха» расходились. Они исчезали в пастях, проступавших, отворявшихся и волшебным образом вновь смыкавшихся на корпусе объекта. По оставшимся шифровикам невозмутимо продолжали вести огонь наши орудия.

Наблюдай!

Банда четырех шарахалась передо мной, перепуганная до смерти.

Не вмешивайся!

– Ничего, – успокоил я ее. – Я пойду.

* * *

Распахнутый шлюз, как оспина на бесконечном обрыве. Из него я выглянул в бездну.

Этот борт «Тезея» был обращен в сторону от Большого Бена, отвернулся от врага. Панорама тем не менее открывалась тревожная: бесконечный простор далеких звезд – колких, холодных и немигающих. Единственная золотая светила чуть ярче, но казалась столь же далекой. То слабое утешение, которое мог бы принести мне ее вид, рассеялось, когда Солнце на краткий миг померкло: может, пролетающий метеорит… или один из лопатоносых спутников «Роршаха»?

Один шаг, и я буду падать вечно.

Но я не оступился и не упал. Нажал на спусковой крючок, неторопливо вылетел из шлюза, обернулся. Вниз во все стороны уходил наружный панцирь «Тезея». Около носа над горизонтом бронзовой зарей вздымался запечатанный смотровой блистер. Ближе к корме из-за склона выглядывал рваный сугроб: край разбитой лаборатории.

И фоном всему, так близко, что, казалось, можно дотронуться, – бесконечные темные тучи Большого Бена: клубящаяся стена, протянувшаяся к далекому плоскому горизонту, который я даже теоретически едва мог себе представить. Присмотревшись, различил в темноте бесконечные оттенки серого – но отвел глаза. На краю поля зрения вспыхивала тусклая, угрюмая краснота.

– Роберт? – Я вывел на дисплей телеметрию со скафа Каннингема: крутой, неподвижный утес изо льда, подсвеченный до контрастности нашлемным фонарем. По изображению катились помехи от магнитосферы «Роршаха». – Ты там?

Шипение и треск. Вздохи и бормотание в электрическом гуле.

– Четыре точка три. Четыре точка ноль. Три точка восемь…

– Роберт?

– Три точ… черт. Что… Ты что там делаешь, Китон? Где Банда?

– Я за нее. – Я еще раз спустил курок и поплыл к снежным равнинам. Мимо, хоть руку протяни, катился выпуклый корпус «Тезея». – Тебе подсобить?

– Тогда взялись, нет? – Он пролезал через расселину: опаленную, рваную дыру в ткани, опадавшей от прикосновений. Распорки, разбитые панели, мертвые манипуляторы ледниковыми торосами загромоздили снежную пещеру; их очертания плыли от помех. Тени в свете нашлемника растягивались и дергались как живые. – Я почти…

В свете фонаря мне почудилось еще какое-то движение. На самом краю экрана что-то развернулось.

Телеметрия сдохла…

Внезапно выяснилось, что Бейтс и Сарасти орут у меня над ухом. Я пытался затормозить. Мои дурацкие бесполезные ноги топтали вакуум, подчиняясь древней инстинктивной блокировке из тех времен, когда все чудовища были прикованы к земле. Но к тому моменту, как я вспомнил о необходимости нажать на спусковой крючок, передо мной уже вздымалась лаборатория. За ней, будто совсем рядом, виднелся «Роршах» – огромный и зловещий. По его перекрученным граням плоскими молниями вились тусклые зеленые просверки. Словно тягучие пузыри в грязевом вулкане, сотнями открывались и захлопывались пасти, и

в каждой «Тезей» мог уместиться целиком. Я едва заметил судорожное движение прямо впереди: неслышный выброс темной материи из-под опавшего купола. К тому времени, когда я снова увидел Каннингема, биолог летел силуэтом на фоне адского трупного свечения, окутавшего «Роршах».

Мне показалось, что он машет рукой, но я ошибся: это шифровик охватил тело человека, как отчаявшаяся возлюбленная, и размахивал щупальцем, направляя пристегнутый к запястью Каннингема реактивный пистолет. «Пока-пока, Китон! – говорило мне щупальце. – И пошел ты на…»

Я наблюдал за ним, казалось, целую вечность, но больше ни одна часть тела пришельца не шевельнулась.

Голоса, крики, приказы вернуться внутрь. Я едва их различал – меня ошеломила арифметика, пока я пытался разрешить простейшую задачку на вычитание.

Два шифровика – Растрепа и Колобок, с обоими покончено: их тела на моих глазах разлетелись в куски.

– Китон, ты слышишь? Возвращайся! Отвечай!

– Я… не может быть, – услышал я собственный голос. – Их было только двое…

– Немедленно на борт! Отвечай!

– Я… Подтверждаю.

Пасти «Роршаха» разом захлопнулись, будто задержав дыхание. Объект начал тяжелый разворот – словно континент, меняющий курс. И стал отдаляться, сначала медленно, затем набирая скорость, и наконец, пустившись наутек. «Как странно, – подумал я. – Может, он боится больше нашего?»

И тут «Роршах» послал нам прощальный поцелуй: я видел, как он призрачным пламенем вырвался из глубин черного леса и, пронзив небеса, расплескался о крестец «Тезея», выставив Аманду Бейтс полной, безнадежной дурой. Обшивка нашего корабля потекла, распахнулась, как рот, и застыла в беззвучном замороженном вопле.

* * *

> Невозможно одновременно стремиться к миру и готовиться к войне.
>
> *Альберт Эйнштейн*

Понятия не имею, добрался ли шифровик до своей цели со столь тяжело давшейся добычей: очень уж большое расстояние ему предстояло одолеть, даже если орудия не расстреляли его по

дороге. В пистолете Каннингема могло кончиться топливо. И, кто знает, долго ли эти существа способны жить в вакууме? Возможно, надежды на успех не было вовсе, и пришелец погиб в ту минуту, когда рискнул остаться. Я этого так и не узнал. Уменьшаясь, существо скрылось с глаз задолго до того, как «Роршах» нырнул под облака и, в свою очередь, исчез.

Разумеется, их с самого начала было трое. Растрепа, Колобок и полузабытые зажаренные останки пришельца, которого убил обнаглевший пехотинец, лежавшие в холодильнике неподалеку от еще живых собратьев, в пределах досягаемости манипуляторов Каннингема. Я пытался выдавить из памяти полузамеченные подробности: имели оба беглеца шаровидную форму или один был приплюснут? В полете бились оба, размахивая щупальцами, как паникует человек, не чувствуя под ногами опоры, или один безжизненно плыл по инерции, покуда наши орудия не уничтожили улики?

К тому моменту это не имело никакого значения, волновал другой факт – в конце концов, все сравнялись. Кровь пролита, война объявлена.

А «Тезей» парализован ниже пояса.

Парфянская стрела «Роршаха» пробила броню в основании хребта, едва миновав магнитную воронку и теленигилятор. Она могла уничтожить фабрикатор, если бы не растратила столько джоулей, прожигая панцирь, и, если не считать преходящих эффектов электромагнитного поля, все жизненно важные системы остались в рабочем состоянии. Все, что ей удалось сделать – настолько ослабить позвоночник корабля, что тот переломился бы пополам, вздумай мы дать достаточный импульс для схода с орбиты. Корабль может исправить урон, но не к сроку.

Если «Роршаху» так улыбнулась удача, то он был просто потрясающим везунчиком.

Теперь, изувечив жертву, «Роршах» исчез. Все, что ему было от нас нужно – на данный момент, – он получил: информацию, весь опыт и догадки, зашифрованные в спасенных ошметках его шпионов-мучеников. Если гамбит Растрепы (или Колобка) оправдался, у «Роршаха» появился даже собственный образец для опытов, в чем мы, учитывая обстоятельства, не могли его винить. Теперь он, незримый, таился в глубине. Наверное, отдыхал и заправлялся.

Но он вернется…

К последнему раунду «Тезей» сбросил вес. Мы остановили вертушку в символической попытке уменьшить набор уязвимых движущихся частей. Банда четырех – безвластная, бесполезная, насильно лишенная цели бытия – отступила в некий внутренний

диалог, куда не было доступа иной плоти. Она парила в наблюдательном пузыре, плотно зажмурив веки, как свинцовые шторы вокруг. Я не смог определить, кто стоит у руля.

– Мишель? – предположил я.

– Сири… – Это была Сьюзен. – Лучше уйди.

Бейтс парила у дна вертушки. Вокруг, по переборкам и на столе, были разбросаны окна.

– Чем могу помочь? – спросил я.

Она ответила, не поднимая головы.

– Ничем.

Так что я наблюдал. В одном окне майор пересчитывала скиммеры – массу, инерцию, любую из десятка переменных, которые окажутся вполне себе постоянными, если какая-нибудь из тупоносых ракет нацелится нам в сердце. Они, наконец, нас заметили. Их хаотическая электронная кадриль меняла ритм, сотни тысяч колоссальных кувалд переплетали траектории в зловещем текучем узоре, который еще не устоялся достаточно, чтобы мы могли предсказать результат.

В другом окне бесконечно повторялся фокус с исчезновением «Роршаха»: радарный отсвет, тающий в глубине водоворота, гаснущий под тератоннами газообразных радиопомех. Объект оставался на своего рода орбите. Судя по последним зафиксированным отрезкам траектории, «Роршах» сейчас мог завершать облет планетного ядра, пронизывая стиснутые тяготением слои метана и угарного газа, которые раздавили бы «Тезей» в прах. Возможно, он не остановился на этом; уверен, «Роршах» мог бы невредимо миновать обширные регионы страшного давления, где текут водой железо и водород.

Мы не знали, но хорошо понимали: чудовище вернется меньше чем через два часа, если, конечно, не изменит траекторию и переживет глубину. А оно переживет! Тварь под кроватью нельзя убить, можно лишь занавесить простыней.

Ненадолго…

Мое внимание привлекло пестрое пятно свернутой вкладки. По моему приказу она разрослась в плывущий мыльный пузырь, неуместно прекрасный – блистающую радугу дутого лазурного стекла. Я не сразу узнал Большого Бена, раскрашенного ложными цветами никогда прежде не встречавшегося мне отображения, и тихонько хмыкнул.

Бейтс взглянула вверх.

– О! Красиво, да?

– Это какой диапазон?

– Длинные волны. Видимый красный, инфра и чуть ниже. Удобно искать тепловые следы.

– Видимый красный?

Ничего подобного я почти не видел; в основном, бросались в глаза фракталы холодной плазмы, окрашенные сотней оттенков сапфира и нефрита.

– Квадрохроматическая палитра, – пояснила Бейтс. – У кошек такое зрение. И у вампиров, – она равнодушно повела рукой в сторону радужного пузыря. – Нечто похожее видит Сарасти, когда выглядывает наружу. Если выглядывает…

– Мог бы и намекнуть, – пробормотал я.

Зрелище было великолепное – голографическое украшение. В таких глазах даже «Роршах» может показаться произведением искусства.

– Не думаю, что они воспринимают мир, как мы, – Бейтс открыла новое окно. Со стола поднялись банальные графики и контурные диаграммы. – Я слышала, вампирам даже на Небеса путь заказан: они там видят пиксели или что-то вроде того, виртуальная реальность на них не действует.

– Что, если он прав? – спросил я.

Я убеждал себя, что интересуюсь исключительно тактической оценкой ситуации и официальным мнением для протокола, но мой голос прозвучал неуверенно и испуганно.

Бейтс медлила. На миг я испугался, что и ей тоже осточертело мое общество. Однако она подняла голову и уставилась в забортную даль.

– Если он прав, – повторила она и задумалась над вопросом, который скрывался глубже: что нам тогда делать? – Наверное, мы могли бы лишить себя самосознания. Возможно, со временем это увеличило бы наши шансы.

Она взглянула на меня с тоскливой полуулыбкой.

– Но только это не совсем победа. Какая разница, мертв ты или просто не осознаешь, что жив?

И тут я увидел…

Много ли времени потребуется вражескому тактику, чтобы распознать характер Бейтс за действиями ее солдат на поле боя? Скоро ли высветится очевидная логика? В любом сражении майор естественным образом вызывала огонь на себя: отруби голову – и тело умрет. Но Аманда Бейтс не просто контролировала свою армию; она ее сдерживала, исполняла роль ошейника, и ее тело вряд ли пострадало бы от обезглавливаний: смерть майора лишь спустила бы робосолдат с поводка. Насколько смертоноснее станут ее пехотинцы, если каждому их действию на поле боя не придется вставать в очередь и получать разрешение от человеческого мозга?

Шпиндель все перепутал! Аманда Бейтс вовсе не была

подачкой политикам и не утверждала непреходящую важность человеческого присмотра – ее позиция такую необходимость отрицала.

В гораздо большей мере, нежели я, она была пушечным мясом. И должен признать: после того как поколения генералов жили ради славы грибовидного облака, это был весьма эффективный метод лечения милитаристов от бессмысленной тяги к насилию. В армии Аманды Бейтс рваться в бой значило встать на передовой с мишенью на груди.

Неудивительно, что она прикипела к мирным альтернативам.

– Прости, – прошептал я.

Она пожала плечами.

– Еще ничего не кончено, это был первый раунд, – майор глубоко, протяжно вздохнула и снова повернулась к орбитальным диаграммам. – «Роршах» не стал бы поначалу так старательно нас отпугивать, если бы мы не могли ему навредить.

Я сглотнул.

– И?

– Значит, шанс еще есть, – она кивнула самой себе. – Шанс есть…

* * *

Демон расставил фигуры для последней игры: их осталось немного. Солдата он разместил в рубке, а устаревших лингвистов и дипломатов уложил обратно в ящик, с глаз долой. Жаргонавта вызвал в свои покои. И хотя я должен был столкнуться с вампиром в первый раз после нападения, приказ прозвучал без тени сомнения, что синтет подчинится. И я подчинился, явился согласно распоряжению. А потом увидел, что демон окружил себя лицами, и они все до последнего кричали.

Звука не было. Бестелесные голограммы молчаливыми рядами парили вдоль стен пузыря, искаженные разнообразными гримасами боли. Их пытали, эти лица; полдюжины реальных национальностей и вдвое больше гипотетических, цвет кожи – от угольного до мучнистого, лбы – высокие и скошенные, носы – орлиные или курносые, челюсти – выступающие или срезанные. Сарасти вызвал к жизни целое древо гоминид, потрясающее разнообразием и пугающее общностью выражения.

Море искаженных лиц кружилось неторопливыми орбитами вокруг вампира.

– Господи, что это?!

– Статистика. – Сарасти, кажется, не сводил глаз с

освежеванного китайчонка. – Аллометрия роста «Роршаха» за двухнедельный период.

– Эти лица…

Он кивнул и обратил внимание на женщину без глаз.

– Диаметр черепа соотносится с общей массой. Длина нижней челюсти соответствует электромагнитной прозрачности на волне один ангстрем. Сто тринадцать краниометрических показателей представляют разные переменные. Комбинации основных компонентов отображены сложными соотношениями пропорции. – Он повернулся ко мне, чуть скосив не скрытые очками поблескивающие глаза. – Вы удивитесь, как много серого вещества отведено на анализ лицевых образов. Стыдно тратить его на что-то настолько… противное здравому смыслу, как графики остатков или факторные таблицы.

Я невольно стиснул челюсти:

– А выражения лиц? Что они означают?

– Программа подгоняет изображения под вкусы пользователя.

Галерея пыток со всех сторон молила о пощаде.

– Я прошит для охоты, – мягко напомнил он.

– Думаете, я этого не знаю? – отозвался я секунду спустя.

Он до жути по-человечески пожал плечами.

– Вы сами спросили.

– Зачем вы меня звали, Юкка? Хотите преподать еще один наглядный урок?

– Хочу обсудить наш следующий ход.

– Какой ход? Мы не можем даже удрать.

– Нет.

Он покачал головой, оскалил подточенные клыки, пытаясь придать лицу выражение, чем-то напоминающее раскаяние.

– Почему мы ждали так долго? – Моя вызывающая угрюмость внезапно испарилась. Голос звучал по-детски испуганный и умоляющий. – Почему мы просто не удрали, когда прибыли на место, а оно было слабее?

– Мы должны узнать больше. Для следующего раза.

– Следующего? Я думал, «Роршах» – семя одуванчика, полагал, его просто… сюда занесло.

– Случайно. Но каждый одуванчик – клон. Имя их семенам – легион, – снова улыбка, совершенно неубедительная. – Возможно, плацентарные не с первого раза покорили Австралию.

– Оно нас уничтожит. Ему не нужны даже шаровые молнии, оно может растоптать нас любым скиммером. Вмиг!

– Оно не хочет.

– Откуда вы знаете?

– Они тоже стремятся узнать как можно больше, поэтому мы

нужны им целыми. Это увеличивает наши шансы.

– Не слишком: победить мы все равно не можем.

Это был сигнал. Сейчас Дядя Людоед должен был улыбнуться, подивившись наивности тупого жаргонавта, и поведать мне свои тайны. «Конечно, – сказал бы он, – мы вооружены до зубов. Ты, правда, думаешь, что мы одолели такой путь и встретились лицом к лицу с великим неведомым, не имея способов защиты? Наконец я могу открыть тебе, что броня и вооружение составляют более половины массы корабля…»

Это и был сигнал.

– Нет, – подтвердил он. – Победить мы не можем.

– Значит, нам остается сидеть сложа руки и ждать смерти в ближайшие… шестьдесят восемь минут.

Сарасти покачал головой.

– Нет.

– Но… – начал я и тут же оборвал фразу.

Мы же под завязку наполнили емкости с антивеществом! «Тезей» не имел на борту оружия, а сам был оружием. И ближайшие шестьдесят восемь минут мы действительно будем сидеть сложа руки, ожидая смерти. Но, погибнув, заберем «Роршах» с собой.

Сарасти ничего не сказал. Мне стало интересно: что он видит, когда смотрит на меня? Есть ли вообще внутри этого черепа личность по имени Юкка Сарасти, и не проистекают ли его озарения – всегда обгоняющие наши на десять шагов – не столько из недосягаемых аналитических способностей, сколько из затрепанной максимы «рыбак рыбака видит издалека»?

«Чью сторону, – подумал я, – принял бы зомби?»

– Вам, Китон, и без того есть о чем волноваться, – заметил вампир.

Он подвинулся ко мне. Клянусь, измученные лица провожали его взглядами! Мгновение Сарасти рассматривал меня; вокруг его глаз пролегли морщинки. Может, какой-то бессмысленный алгоритм обрабатывал входящие данные, соотносил краниометрические отношения и движения мимических мышц, сдавал результат подпрограмме вывода, осознавая себя не больше чем статистический график? Или в лице твари передо мной было не больше смысла, чем во всех других лицах, неслышно вопящих ей вслед?

– Сьюзен вас боится? – спросил упырь.

– Сью… с какой стати?

– В ее голове обитают четыре сознания. Она в четыре раза разумнее вас. Не представляете ли вы для нее угрозы?

– Нет, конечно.

– Тогда почему вы считаете угрозой меня?

Внезапно мне стало наплевать, и я рассмеялся в голос. Мне нечего было терять, кроме нескольких минут жизни.

– Почему? Может, потому, что ты – мой естественный враг, урод? Или потому, что я тебя знаю, и ты не можешь даже глянуть на любого из нас, не выпустив когти? Может, потому, что ты едва не оторвал мне руку нахрен и набросился на меня без всякой причины?

– Я могу представить, на что это будет похоже, – тихо проговорил он. – Пожалуйста, не заставляй меня повторять.

Я мгновенно заткнулся.

– Знаю, твое и мое племя никогда не жили мирно, – в его голосе сквозила ледяная усмешка, которой не было на губах. – Но я делаю лишь то, на что вы меня толкаете. Вы рационализируете, Китон, защищаетесь и отвергаете неудобные истины, а если не можете отвергнуть с ходу – низводите до пустяка. Вам вечно недостает доказательств! Вы слышите о Холокосте – и прогоняете эту мысль из головы. Вы видите свидетельства геноцида, но настаиваете, что все не так плохо. Температура растет, ледники тают, вымирают виды, а вы вините солнечные пятна и вулканы. Все вы такие, но ты – хуже всех! Ты и твоя «китайская комната». Ты превратил непонимание в науку, ты отвергаешь истину, даже не зная что это такое.

– Моя «комната» неплохо мне послужила, – я изумился, с какой легкостью отправил всю свою жизнь в прошедшее время.

– Да, если твоя цель – лишь переводить. Но тебе придется убеждать и верить.

В подтексте сказанного крылось такое, на что я не смел надеяться.

– Что ты хочешь сказать?

– Нельзя позволить правде просачиваться по капле, нельзя дать вам шансов укрепить дамбы и выставить рационализации. Преграды должны рухнуть, и вас должно захлестнуть. Снести! Невозможно отрицать геноцид, сидя по горло в океане расчлененных тел.

Все это время он играл со мной, подготавливал и выворачивал мою топологию наизнанку.

Я чувствовал – что-то происходит, но не понимал, что именно.

– Я бы все понял, – промямлил я, – если бы ты не заставил меня вмешаться.

– Мог бы прямо с меня считать.

– Вот почему ты… – я покачал головой. – Я думал, потому что мы – мясо.

– И поэтому тоже, – признал Сарасти и посмотрел мне прямо в лицо.

В первый раз я столкнулся с ним взглядом и испытал шок узнавания.

До сих пор гадаю, почему не заметил этого раньше. Все эти годы я хранил в памяти мысли и чувства другого, юного, человека; остатки мальчишки, которого родители вырезали у меня из-под черепа, чтобы освободить место для нового Сири. Он был настоящий, его мир был живым! Я мог проигрывать для себя воспоминания той, другой, личности, но в рамках собственной почти ничего не чувствовал.

Наверное, сомнамбулизм – не слишком плохое слово для этого.

– Хочешь, я расскажу тебе вампирскую сказку? – спросил Сарасти.

– У вампиров бывают сказки?

Он принял это за согласие.

– Лазеру поручают найти темноту. Он живет в комнате без дверей, без окон, без других источников света и думает, что выполнить задание легко. Но куда бы ни повернулся, лазер видит свет: каждая стена, каждый предмет обстановки оказываются ярко освещены. В конце концов он приходит к выводу, что темноты нет и свет есть повсюду.

– И что ты имеешь в виду?

– Аманда не готовит мятеж.

– Что? Ты знаешь о…

– Даже не думает. Спроси ее, если хочешь.

– Нет… я…

– Ты ценишь объективность.

Ответ был так очевиден, что я не счел нужным его озвучить. Вампир все равно кивнул.

– Синтету непозволительно иметь собственное мнение. Так что, если оно у тебя появилось, – значит, оно чужое. Команда тебя презирает. Аманда хочет отстранить меня от командования. Половина из нас – ты. Полагаю, это называется «проекция». Хотя, – он склонил голову к плечу, – в последнее время ты исправился. Пойдем!

– Куда?

– В ангар. Пора выполнить свое задание.

– Мое…

– Выжить и засвидетельствовать.

– Робот…

– Может передать данные – если ему не выжжет память, прежде чем он покинет систему. Робот никого не в силах убедить,

пробиться сквозь рационализации и отрицание очевидного. Робот не может достучаться, а вампиры… – он запнулся, – не лучшие ораторы.

Этим словам полагалось вызвать мелочную эгоистичную радость.

– Все ложится на мои плечи, – сказал я. – Вот что ты хочешь сказать. Я – убогий стенографист, но все предстоит сделать мне.

– Да. Прости меня за это!

– Простить тебя?

Сарасти взмахнул рукой, и лица сгинули; осталось лишь два.

– Ибо не ведаю, что творю.

* * *

Новости расцвели в КонСенсусе за несколько секунд до того, как Бейтс их огласила: тринадцать скиммеров не показались из-за Большого Бена по графику. Шестнадцать. Двадцать восемь… Отсчет пошел.

Сарасти пощелкивал про себя, пока они с майором играли в салки. Тактический дисплей заполняли многоцветные сияющие нити, клубок обновленных прогнозов – сложных, как искусство, – оплетавших планету волокнистым коконом. «Тезей» маячил в отдалении нагой искрой.

Я ожидал, что эти линии наколют нас, точно иглы – бабочку. Странно, но ни одна из них этого не сделала. Однако модель охватывала только ближайшие двадцать пять часов, а надежной оставалась вдвое меньше. Даже Сарасти и Капитан не могли заглянуть в будущее дальше, пока в воздухе парило так много булав. У этой тучи была своя слабенькая, светлая изнанка: стада скоростных левиафанов не могли прихлопнуть нас без предупреждения. Очевидно, для этого им придется лечь на нужный курс.

Правда, после ухода «Роршаха» на глубину, мне казалось, что даже законы физики изменились.

К тому же некоторые траектории проходили в опасной близости от нас: минимум три скиммера на ближайшем обороте должны были пройти в сотне километров от нас.

Сарасти, раскрасневшись, потянулся за инъектором.

– Пора! Пока ты хандришь, мы переоборудуем «Харибду».

Он приставил иглу к горлу и сделал укол. Я продолжал пялиться в КонСенсус, пойманный в текучую паутину огней, как мошка у фонаря.

– Сири, немедленно!

Он вытолкнул меня из своей палатки. Я выплыл в коридор, ухватился за подвернувшуюся ступеньку – и замер.

Хребет кишел солдатиками, которые патрулировали тоннель, стояли на посту у фабов и шлюзов, огромными насекомыми цеплялись за ступени раздвигающихся позвоночных лестниц. Корабль медленно и неслышно растягивался.

«Такое возможно», – вспомнил я.

Гофры хребта сжимались и расслаблялись точно мышцы: ствол звездолета мог вытянуться на две сотни метров, чтобы удовлетворить запоздалую нужду в лабораторном или свободном пространстве.

Или выстроить казармы для пехоты. «Тезей» расширял поле боя.

– Идем. – Вампир повернулся в сторону кормы.

– Что-то происходит, – вмешалась Бейтс сверху.

Мимо прополз прилепленный к расширяющейся переборке аварийный наладонник. Сарасти подхватил его и набрал команду. На стене проявилось рабочее окно Бейтс: крошечный кусочек Большого Бена, экваториальный квадрант диаметром всего пару тысяч километров. Там закипали тучи и рождался бурлящий вихрь, кружащийся слишком быстро, чтобы казаться реальным. Поверх изображения накладывались круговерти заряженных частиц, скованных спиралью Паркера. Из глубины поднималась туша…

Сарасти защелкал горлом.

– Магнитно-резонансное изображение? – спросила Бейтс.

– Только оптический диапазон.

Сарасти подхватил меня за руку и без усилий поволок в сторону кормы. Окно бежало рядом с нами по переборке; на глазах у меня семь скиммеров вырвались из-под облаков – неровный круг раскаленных докрасна прямоточников, рвущихся в космос. Миг спустя КонСенсус просчитал их траектории и сияющие дуги вознеслись, обнося корабль, точно прутья клетки.

«Тезей» содрогнулся.

«В нас попали», – подумал я. Внезапно неторопливое расширение хребта перешло на форсаж; складчатые стенки дернулись, расправляясь, и потекли мимо моих протянутых пальцев, в то время как захлопнувшийся люк уплывал вперед… и вверх. И это не стены двигались, а мы падали под шальное, пронзительное блеяние сирены.

Что-то едва не вырвало мне сустав из плеча – Сарасти, пролетая, одной рукой уцепился за ступеньку лестницы, а другой поймал меня, иначе нас обоих размазало бы о торец фабрикатора. Мы повисли. Я весил, должно быть, килограммов двести; пол

содрогался в десяти метрах под ногами. Корабль стонал вокруг. Хребет забил скрежет гнущегося металла. Пехотинцы Бейтс цеплялись за стены когтистыми лапами.

Я потянулся к лестнице. Та шарахнулась прочь: «Тезей» гнулся посередине. Мы с Сарасти разворачивались к центру хребта, как маятник на цепочке.

– Бейтс! – взревел вампир. – Джеймс!

Его судорожная хватка на моем запястье ослабла. Я снова потянулся к лестнице, раскачался и поймал ее.

– Сьюзен Джеймс забаррикадировалась в рубке и отключила автономное управление кораблем, – раздался незнакомый голос, невыразительный и мерный. – Она без согласования запустила двигатель. Мною начато контролируемое заглушение реактора. Предупреждаю: маршевый привод будет в нерабочем состоянии минимум двадцать семь минут.

«Это, – понял я, – корабль спокойно возвысил голос над воем сирен». Сам Капитан обратился к Экипажу! Необычно…

– Рубка! – рявкнул Сарасти. – Открыть канал!

Кто-то кричал. В этом крике были слова, но я не мог их разобрать.

Внезапно Сарасти отпустил меня и рухнул наискось вниз. Там его поджидала переборка, чтобы прихлопнуть, как муху. Через полсекунды ему переломает обе ноги, если не размажет сразу… Но внезапно мы снова оказались в невесомости, и у Юкки – синеющего, окостеневшего – изо рта пошла пена.

– Реактор отключен, – доложил Капитан.

Вампир ударился о стену и отлетел. «У него припадок», – понял я.

Я отпустил лестницу и оттолкнулся. Вокруг меня кружил «Тезей». Сарасти бился в воздухе, с его губ срывались щелчки, свист и сдавленный хрип. Глаза распахнулись так широко, что веки просто исчезли, а зрачки стянулись в зеркально алые точки. Кожа на лице подергивалась, будто пытаясь уползти прочь.

Впереди и сзади боевые роботы удерживали позиции, не обращая на нас внимания.

– Бейтс! – крикнул я, задрав голову. – Нам нужна помощь!

Всюду – углы и сварные швы на стенах. Резкие тени и выступы на броне каждого робота. Решетка врезок две-на-три, в черных рамочках, плывущая в главном окне КонСенсуса: два здоровенных сросшихся креста прямо напротив того места, где висел Сарасти.

Это невозможно! Он только что принял антиевклидики. Я видел! Если только… кто-то не подменил ему лекарство.

– Бейтс! – она поддерживала контакт с пехотой; при первом

признаке беды роботы должны были ринуться к нам на помощь и уже нести командира в лазарет. Но они ждали, невозмутимые и неподвижные. Я уставился на ближайшего. – Бейтс, ты там? – и, на случай, если нет, – обратился напрямую к пехотинцу:

– Ты в автономном режиме? Голосовые команды принимаешь?

На нас со всех сторон смотрели роботы, Капитан лишь смеялся надо мной голосами сирен.

Надо в лазарет.

Я оттолкнулся. Сарасти осыпал шальными ударами мои плечи и затылок. Он соскользнул вперед и вбок, врезался прямо в плывущий дисплей КонСенсуса, отлетел к центру хребта. Я прыгнул за ним, но краем глаза что-то заметил, обернулся. Прямо в центре экрана, из-под бурлящей маски Бена, словно кит, вынырнул «Роршах». Не просто обработанное изображение: объект светился глубоким, злым багрянцем. Разгневанное чудовище устремилось в космос, огромное как горный хребет.

Сука-тварь-ненавижу!

«Тезей» пошатнулся. Свет замигал, погас и включился снова. Разворачивающаяся переборка отвесила мне подзатыльник.

– Резерв задействован, – спокойно сообщил Капитан.

– Капитан! Сарасти без сознания! – Я оттолкнулся от ближайшей лестницы, врезался в солдатика и полетел в сторону вампира. – Бейтс не… что мне делать?

– Автопилот отключен. Афферентные каналы по правому борту отключены.

«Он даже не со мной разговаривает, – понял я. – Может, это вообще не Капитан? Или у него это чисто рефлекторное: диалоговое дерево для оповещения экипажа». Возможно, «Тезей» уже лоботомирован, а это лишь голос рептильного мозга.

Снова темнота. И опять мигающие огни. Если Капитан отключился, нам крышка…

Я подтолкнул Сарасти. Сирена продолжала завывать. До вертушки оставалось двадцать метров; прямо за тем захлопнутым люком – медотсек. «Прежде, – вспомнил я, – люк был открыт». Значит, кто-то закрыл его в последние несколько минут. К счастью, двери на «Тезее» не запирались.

Если только Банда не забаррикадировала его чем-нибудь, прежде чем захватить мостик.

– Ребята, пристегивайтесь! Мы уматываем! Какого черта?

Открытый канал связи с рубкой, где кричала Сьюзен Джеймс. Или кто-то еще – я не мог узнать голос.

Десять метров до вертушки. «Тезей» снова дернулся и замедлил вращение, выровнялся.

– Запустите кто-нибудь гребаный реактор! У меня работают лишь маневровые!

– Сьюзен? Саша? – я подплыл к люку. – Кто там?

Протолкнулся мимо Сарасти и потянулся к рукоятке.

Нет ответа. По крайней мере из КонСенсуса. Я уловил приглушенный гул за спиной на миг позже, чем следовало; увидел зловещую тень на переборке. И обернулся вовремя, чтобы увидеть, как один из пехотинцев поднимает шипастую конечность – кривую и острую как ятаган – над головой Сарасти. Вовремя, чтобы увидеть, как игла вонзается вампиру в череп.

Я застыл. Металлический хоботок выдернулся, темный и блестящий. Боковые жвальца принялись пожевывать основание черепа. Обездвиженное тело Сарасти уже не билось, а лишь подрагивало – мешок мускулов и забитых помехами двигательных нервов.

Бейтс! Ее мятеж шел полным ходом. Нет, их мятеж – Бейтс и Банды. Я знал, воображал и предвидел. А он мне не поверил…

Освещение снова погасло, сирены смолкли. КонСенсус стянулся в мерцающую загогулину на переборке и погас; в последний миг я увидел кое-что на экране – и отказался это осмысливать. У меня перехватило дыхание, я чувствовал, как сквозь тьму надвигаются костлявые чудовища. Что-то вспыхивало прямо по курсу – короткое стаккато огней в бездне. Я различал сталкивающиеся углы и очертания, треск и гул коротких замыканий.

За рифленой створкой люка, ведущего в вертушку, послышался металлический лязг. Луч резкого химического света ударил меня, когда я обернулся, озарив механический строй за моей спиной; роботы разом отделились от опоры и воспарили. Их суставы лязгнули в унисон, будто войско чеканило шаг.

– Китон! – рявкнула Бейтс, вылетая из медотсека. – Живой?

У нее на лбу горел химфонарик, который превращал внутренности хребта в контрастную мозаику бледных поверхностей и резких ползучих теней. Свет озарил пехотинца, убившего Сарасти; робот отлетел в глубину хребта, внезапно и загадочно оцепенев. Свет омыл тело вампира: труп медленно кружился в воздухе, сферические алые бусины срывались с черепа, как капли воды из протекающего крана, и расходились изогнутым, расширяющимся следом, подсвеченные фонарем Бейтс; спиральный рукав кроваво-темных солнц.

Я отшатнулся.

– Ты…

Она оттолкнула меня.

– Не стой в проходе, если не лезешь внутрь. – Бейтс не

спускала глаз с шеренги роботов. – Оптический прицел.

Ряды стеклянных глазок поблескивали из тоннеля, то уходя в тень, то возвращаясь.

– Ты убила Сарасти!

– Нет.

– Но…

– Кто, по-твоему, отключил робота, Китон? Сукин сын сбрендил. Я едва заставила его самоуничтожиться. – Ее взгляд на миг ушел в себя. По всему хребту уцелевшие солдаты, полуразличимые в пляшущем луче фонаря, затеяли сложный воинский танец.

– Уже лучше, – заметила майор. – Теперь они вроде бы останутся в строю. Если только по нам не врежут посильнее.

– Чем в нас стреляют?

– Молниями, электромагнитными импульсами, – роботы расползались к фабу и челнокам, занимая стратегические позиции вдоль тоннеля. – «Роршах» набрал охрененный заряд, и, всякий раз как эти скиммеры пролетают, между нами вспыхивает дуга.

– На таком расстоянии?! Я думал, мы… двигатели же работали…

– Не в том направлении. Мы падаем.

Три пехотинца парили так близко, что их можно было достать рукой. Выцеливали распахнутый люк вертушки.

– Она сказала, что хочет сбежать… – вспомнил я.

– Облажалась.

– Не настолько же! Она не могла, – нас всех прогнали через курс пилотирования. На всякий случай.

– Не Банда, – ответила Бейтс.

– Но…

– Думаю, теперь там кто-то новенький. Набор субмодулей каким-то образом проснулся и закрепился. Не знаю… Но кто бы ни стоял у руля, думаю, он просто запаниковал.

Со всех сторон – неровный блеск. Световые ленты вдоль хребта замигали и наконец ровно загорелись, хотя и вдвое тусклее, чем обычно.

«Тезей» прокашлялся помехами и заговорил:

– КонСенсус отключен. Реак… Голос затих.

«КонСенсус», – вспомнил я, когда Бейтс повернулась, чтобы двинуться обратно.

– Я кое-что видел, – сказал я. – Прежде чем система рухнула.

– Ага.

– Это?..

Она помедлила на пороге.

– Да.

Я видел шифровиков. Сотни шифровиков летели нагими сквозь бездну, раскинув щупальца. Правда, не все.

– Они несли…

Бейтс кивнула.

– Оружие, – ее глаза на миг обратились в незримую даль. – Первая волна нацелена на нос корабля. Думаю, на блистер и передний шлюз. Вторая волна – корма, – она покачала головой. – Хм… Я бы сделала наоборот.

– Сколько еще?

– Сколько? – Бейтс слабо усмехнулась. – Они уже на корпусе, Сири. Мы вступили в бой.

– Что мне делать? Мне-то что делать?

Она посмотрела мимо меня и выпучила глаза, открыв рот.

Сзади на мое плечо опустилась рука, и я развернулся. Сарасти! Мертвые глаза взирали из-под черепа, расколотого как арбуз. К волосам и коже насосавшимися клещами липли капли сворачивающейся крови.

– Ступай с ним, – ответила Бейтс.

Сарасти захмыкал и защелкал. Слов не последовало.

– Что… – начал я.

– Марш! Это приказ, – Бейтс снова повернулась к люку. – Мы прикроем.

Значит, челнок.

– Ты тоже?

– Нет.

– Почему? Без тебя они могут сражаться лучше, ты сама говорила! Так какой толк?

– Нельзя оставлять себе запасной выход, Китон. Целеустремленность теряется, – она позволила себе грустно, едва заметно улыбнуться. – Корпус пробит… Иди!

Майор сгинула, оставляя за собой след воющих сирен. Далеко в носовом конце послышался лязг захлопывающихся аварийных перегородок.

Живой труп Сарасти забулькал, подталкивая меня вниз по хребту. Еще четверо пехотинцев тихо проскользнули мимо, заняв позиции позади нас. Я взглянул через плечо и заметил, как вампир снимает со стены наладонник. Но это, конечно, был уже не Сарасти. Просто Капитан – то, что от него осталось к этой минуте, – экспроприировал для своих нужд периферическое устройство. Из затылка вампира, куда раньше подсоединялся кабель, торчал оптический порт. Я вспомнил, как шевелились жвальца робота.

Позади нас рос грохот выстрелов и рикошетов. Пока мы

летели, труп печатал что-то одной рукой. Я на миг задумался, почему он не говорит, а потом вернулся взглядом к вбитому в череп шипу: должно быть, речевые центры превратились в кашу.

– Зачем ты его убил? – спросил я.

В вертушке завыла новая сирена. Неожиданный порыв ветра толкнул меня назад, но в следующую секунду иссяк с отдаленным лязгом.

Труп протянул наладонник в текстовом режиме:

Прступ. Не мг управ.

Мы добрались до шлюзов. Роботы-часовые пропустили нас, у них сейчас были другие заботы. «Иди!» – приказал Капитан.

Издали донесся крик. Где-то посреди хребта захлопнулся люк. Обернувшись, я увидел, как два пехотинца заваривают швы. Казалось, теперь они двигаются быстрее, чем прежде. А может, у меня разыгралась фантазия.

Люк шлюзовой камеры по правому борту распахнулся. Замерцало, заплескав светом проход, внутреннее освещение «Харибды»; на контрасте аварийные фонари хребта казались еще тусклее. Я заглянул внутрь: свободного места в кабине почти не осталось – только единственный распахнутый гроб, втиснутый между баками с хладагентом, горючим и громоздкими усиленными амортизаторами. «Харибду» переоборудовали для дальних полетов с высоким ускорением. Для меня. Труп Сарасти толкнул меня в спину, и я обернулся.

– Это когда-нибудь был он? – спросил я.

Иди.

– Скажи. Он хоть раз говорил за себя? Решал ли что-нибудь сам? Мы хотя бы раз следовали его указаниям, или все это время с нами говорил ты?

Неживые, стеклянные глаза Сарасти непонимающе пялились на меня. Его пальцы заскребли по наладоннику.

Лди плхо выплняют прикзы мшн. Так вам спкойнее.

Я позволил зомби пристегнуть меня и захлопнуть крышку. Лежал в темноте, чувствуя, как нас мотает и бросает, а челнок ложится в стартовую шахту. Я стерпел внезапную тишину, когда разомкнулись стыковочные захваты, спазм ускорения, сплюнувший меня в пустоту, и нескончаемый разгон, давивший на грудь мягким курганом. Аппарат вокруг меня содрогался от нагрузки, намного превосходившей нормативную.

Внезапно снова включились имплантаты. Я мог выглянуть наружу, если бы захотел, увидеть, что творится за моей спиной. Но я не стал этого делать, упрямо и отчаянно отвел глаза.

К этому моменту «Тезей» уменьшался даже на тактическом дисплее. Корабль, спотыкаясь, ковылял вниз по склону

гравитационного колодца, вихляя, скорее всего, намеренно, из-за последних маневров, призванных подтащить бомбу как можно ближе к мишени. «Роршах» поднимался ему навстречу, раскрывая скрюченные шипастые щупальца и потягиваясь, будто готовился заключить противника в объятия. Но внимание приковывали не соперники, а фон: лик Большого Бена бурлил в кормовых камерах, наполняя окно кипящими вихрями. Поверх изображения ложились тугие магнитные линии. «Роршах» перетягивал магнитосферу планеты на себя, как пестрый широкий плащ, свивая ее в тугой узел, который разрастался, наливался светом, бугрился.

«Судя по спектру, торсионная вспышка на карлике L-класса[80], – сказал Сарасти сразу после нашего пробуждения, – но с таким эффектом мы должны бы увидеть что-то большое, а небо в этом направлении чистое. В результате Международный астрономический союз отправляет сигнал в артефакты статистики».

В каком-то смысле это правда. Возможно, то был эффект от столкновения или краткий, яростный вскрик огромного реактора, перезапустившегося после миллионнолетней спячки. Вроде нынешнего: солнечная вспышка без Солнца. Магнитная пушка в десять тысяч раз сильнее любых естественных значений.

Обе стороны взялись за оружие. Не знаю, кто выстрелил первым, да и какая разница: сколько тонн антивещества нужно, чтобы перебороть силу, способную выжать мощность Солнца из газового шара немногим больше Юпитера? Или «Роршах» тоже примирился с поражением, и обе стороны нанесли друг по другу самоубийственный удар?

Не знаю. Большой Бен заслонил их за пару минут до взрыва. Поэтому, вероятно, я до сих пор жив. Он встал между мною и опаляющим светом, точно монетка, закрывшая Солнце.

«Тезей» не прерывал связь до последней микросекунды. Каждый миг рукопашной, каждый последний отсчет, каждый вздох. Все шаги и ходы. В моем распоряжении телеметрия. Я могу разложить ее на любое число графов, дискретных или непрерывных. Я могу преобразовывать их, ротировать, сжимать и переводить на языки, доступные любому союзнику. Возможно, Сарасти был прав, и эта информация жизненно важна. Но я по-прежнему не вижу в ней смысла.

Харибда

Прежде виды вымирали. Сейчас они уходят в отпуск.

Дебора Макленнан. График наших реконструкций

– Бедняга, – сказала Челси, когда мы расходились. – Иной раз мне кажется, что тебе никогда не бывает одиноко.

Тогда я удивился, не понял, почему ее голос звучал так грустно, а теперь жалею, что она ошиблась.

Знаю, мой рассказ не был безупречен. Мне пришлось распотрошить фабулу, нанизав ее ошметки на нить смерти, растянутой на десятилетия. Видите ли, сейчас я живу лишь один час из каждых десяти тысяч. К сожалению, приходится… Если бы только я мог проспать всю дорогу домой и избежать пытки недолгими редкими пробуждениями.

Я бы попытался, но постоянно умирал во сне. Человеческие тела искрятся от осадка накопленных за годы жизни радиоизотопов – сверкающих осколков, ломающих на молекулярном уровне клеточные механизмы. Обычно в этом нет беды: живые клетки быстро компенсируют ущерб. Но мои, не мертвые, позволяют ошибкам накапливаться, а дорога домой гораздо дольше нашего путешествия к «Роршаху». Я лежу в гробу и ржавею, поэтому бортовые системы время от времени меня воскрешают и дают плоти возможность подлатать себя.

Иногда они говорят со мной, зачитывают системные показатели и передают редкие весточки, пришедшие с Земли. Но обычно оставляют наедине с раздумьями и машиной, тикающей на месте моего левого полушария. Так что я разговариваю сам с собой, перевожу историю нашего полета и мои умозаключения из живого полушария в синтетическое. Так идет время: краткие, яркие мгновения осознания – и долгие годы мертвенного забытья между ними. Возможно, эта затея с самого начала была бессмысленной и никто меня не слушает. Неважно, это мое ремесло.

Так что вот мемуары, надиктованные машине плотью. История, которую я за неимением заинтересованных слушателей рассказываю сам себе. Так может любой, у кого есть хотя бы полголовы.

* * *

Сегодня получил письмо от папы. Как он выразился, «до востребования». Думаю, это была шутка, из уважения к моему неведомому адресу. Он просто швырнул сообщение в эфир, на все четыре стороны, и понадеялся, что сигнал доберется до меня, где бы я ни был.

Прошло почти четырнадцать лет. Теряешь счет таким вещам.

Хелен мертва. Небеса… очевидно, сломались, или их уничтожили. Возможно, реалисты наконец добились своего. Хотя сомневаюсь. Отец, похоже, считал ответственным кого-то другого. Деталей он не сообщал. Может, и не знал их. Он с тревогой говорил об усиливающихся беспорядках. Наверное, мои коммюнике о «Роршахе» просочились в общий доступ или публика пришла к очевидному заключению, когда от нас перестали приходить открытки. Они не знают, чем закончилась наша история и, должно быть, сходят с ума от неизвестности.

Меня охватывает ощущение, что это не все, отец о чем-то не осмелился упомянуть. Вероятно, это мои фантазии. Казалось, его беспокоит даже новость о новом пике рождаемости, а ведь после целого поколения упадка она должна была стать поводом для празднества. Если бы мою «китайскую комнату» не сломали, я бы все понял и разобрал каждую фразу до запятых. Но Сарасти разбил все инструменты, теперь они едва пригодны для работы, а я слеп, как любой исходник. Остались лишь неуверенность, подозрение и нарастающий ужас от осознания того, что, даже лишившись лучшей части своих трюков, я прочел сообщение правильно.

Думаю, отец предупреждал: «Не возвращайся!»

* * *

Еще папа сказал, что любит меня. Что тоскует по Хелен, и что она жалела о чем-то, совершенном еще до моего рождения – о каком-то упущении или слабости, вызвавшей нарушения в моем развитии. Он пустословил. Не знаю, к чему… Какой же властью теперь обладал отец, что затребовал такую передачу и по большей части потратил ее на эмоции?

Господи, как я дорожу ею, каждым его словом.

* * *

Я падаю по бесконечной напрасной параболе, подчиняясь лишь инерции и тяготению. «Харибда» не смогла найти поток

антивещества; «Икар» то ли потерял ориентацию, то ли его вообще отключили. Наверное, можно было послать сигнал и спросить, но я не тороплюсь. Мне еще долго лететь. Пройдут годы, прежде чем я оставлю позади хотя бы царство долгопериодических комет.

Кроме того, я не уверен, что хочу сообщать кому-то о своем местоположении.

«Харибда» не заморачивается с маневрами уклонения: в них не было смысла, даже если бы у меня осталось лишнее горючее, а враг находился бы где-то рядом. Можно подумать, он не знает, где находится Земля.

Но я почти уверен, что шифровики взлетели на воздух вместе с моими сородичами. Искренне признаю – они сыграли партию достойно. А может, им просто повезло. Случайный разряд подталкивает пехотинца Бейтс открыть огонь по безоружному шифровику. Несколько недель спустя Колобок и Растрепа используют его труп для бегства. Электромагнитные силы щекочут случайный набор нейронов в голове Сьюзен; а потом в ее мозгу возникает новая личность, которая перехватывает управление и швыряет «Тезей» в жадные объятия «Роршаха». Слепой случай, дурная удача, и ничего больше.

Хотя вряд ли… Слишком много совпадений. Мне кажется, «Роршах» сам творил свою судьбу: высадил и удобрил новую личность у нас под носом, надежно скрыл ее – если не считать практически незаметного увеличения в уровне окситоцина – под язвами и наростами в мозгу Сьюзен Джеймс. Думаю, он все предвидел, понял, как можно использовать обманку, пожертвовал малой частью себя и замаскировал это под случайность. Слепая – да, но не удача. Скорее, интуиция и блистательная, тонкая стратегия.

Естественно, большинство из нас правил игры так и не узнали. Мы в ней исполняли роль пешек. Сарасти и Капитан – какой бы мозговой гибрид не образовали эти двое – вот, кто был настоящими игроками! Оглядываясь, я вижу некоторые их ходы: как «Тезей» наблюдает за перестукивающимися в клетках шифровиками; как корабль увеличивает громкость в телеметрическом канале, чтобы Сьюзен услышала их и приняла его открытие за свое. Если прищуриться достаточно сильно, замечаю даже, как «Тезей» принес нас в жертву, намеренно спровоцировав «Роршах» на возмездие последним маневром. Сарасти всегда очаровывали данные, особенно имеющие тактическое значение. А есть ли лучший способ оценить способности врага, чем увидеть его в бою?

Нам они, конечно, ничего не сказали – так было спокойнее.

Мы плохо выполняли приказы машин, даже распоряжения вампира не вызывали у нас восторга. А теперь игра окончена, и на обугленной доске стоит последняя пешка с человеческим, как ни крути, лицом. Если шифровики следуют правилам, которые разработали для них несколько поколений специалистов по теории игр, они не вернутся. А если вернутся, то, подозреваю, это ничего не изменит. Потому что к тому времени не останется повода для конфликта.

В краткие минуты пробуждения я слушаю радио. Многие поколения назад мы похоронили Эпоху широковещания под оптоволокном и направленными лучами, но полностью не прекратили засеивать небеса электромагнитным излучением. Земля, Марс и Луна ведут диалог миллионом голосов, перекрывающих друг друга. Каждый корабль, летящий сквозь бездну, бормочет на все стороны. Никогда не прекращали петь о'нилы и астероиды – иначе светлячки вообще не нашли бы нас.

Я слышу, как со временем меняются их песни.

Теперь сигналы, в основном, состоят из телеметрии и навигационных данных. Временами я улавливаю всплески живых голосов, исполненных напряжения, как правило – на грани настоящей паники: идет охота, корабль пытается кануть в глубины пространства, а другие корабли невозмутимо следуют за ним. Беглецам никогда не удается уйти далеко, прежде чем их сигнал прерывается.

Не помню, когда я в последний раз слышал музыку, но иногда что-то похожее пробивается: зловещее и неблагозвучное, полное знакомых гортанных щелчков. Моему продолговатому мозгу это не нравится, звуки пугают его до смерти.

Я помню, как все мое поколение бросило реальный мир ради самодельного посмертия. Помню, кто-то сказал, что вампиры не попадают на Небеса; они видят пиксели. Иной раз мне любопытно, как бы чувствовал себя я, если бы меня пробудили от могильного сна для трудов на потребу слабоумным тварям, некогда служившим лишь источником белка. Как бы я чувствовал себя, если бы мою слабость использовали, чтобы сковать, лишив законного места в мире.

А потом я думаю, каково это – не чувствовать ничего, быть предельно рациональной и плотоядной тварью, когда мясо радостно укладывается спать прямо у тебя на глазах…

* * *

Я не горюю по Сарасти. Господь свидетель: стараюсь всякий

раз, как прихожу в себя. Он спас мне жизнь и даже очеловечил. За это я перед ним в вечном долгу, сколько бы мне ни осталось прожить. Но до последнего дня я буду его ненавидеть – по той же самой причине. Неким безумным, сюрреалистическим образом я чувствовал себя ближе к Сарасти, чем к любому из людей.

Однако у меня не хватало сил. Он был хищником, я – добычей, и не в природе агнца оплакивать льва. Я не могу горевать по Юкке, хотя он умер за наши грехи. А вот сочувствовать ему могу. Наконец-то проявилась способность сочувствовать – и Сарасти, и всему его вымершему племени. Потому что не мы, люди, должны были унаследовать Землю, а вампиры. Наверное, до какой-то степени они были разумны, но их полубессознательный сон наяву смотрелся рудиментом рядом с нашей эгоманией. Они от него избавлялись. «Я» было лишь этапом на их долгом пути.

Беда в том, что люди могут смотреть на кресты и не биться в припадке. Вот вам и эволюция: одна дурацкая сцепленная мутация – и естественный порядок вещей рушится, интеллект и самосознание на полмиллиона лет сходятся в совершенно неэффективной системе. Мне кажется, я знаю, что происходит на Земле, и хотя иные могли бы назвать это геноцидом, они не правы. Мы сами так обошлись с собой, а хищника нельзя винить за его повадки. В конце концов, это мы их воскресили. Почему бы им не вернуть себе право первородства?

Не геноцид, нет! Исправление древней несправедливости.

Я пытался найти в этом некоторое утешение. Получалось… скверно. Порой кажется, что вся моя жизнь была лишь борьбой за то, чтобы восстановить, вернуть того, кто потерялся, когда мои родители убили свое единственное дитя. За границей облака Оорта я одержал победу в этой войне. Спасибо вампиру, команде уродов и орде злобных пришельцев: я снова человек! Может, последний из людей. А к тому времени, когда я доберусь домой, могу оказаться последним разумным существом во Вселенной.

Если, конечно, сгожусь хотя бы на это. Потому что я не знаю, есть ли на свете зверь по имени «надежный рассказчик». Ведь Каннингем говорил, что зомби умеют здорово притворяться.

Поэтому на самом деле я ничего не могу рассказать.

Это тебе придется представить, что ты и есть Сири Китон.

Послесловие

Благодарности

«Ложная слепота» – моя первая вылазка романных масштабов в глубокий космос: область, в которой мое образование, как бы это выразиться, несколько ограниченно. В каком-то смысле нынешняя книга, конечно, недалеко ушла от предыдущих. Правда, хотя об экологии морских глубин я тоже знаю немного, большинство из вас знает о них еще меньше, и докторская степень по биологии моря послужила мне, по крайней мере, неплохой заменой эрудиции в трилогии о рифтерах.

«Ложная слепота» прокладывала свой курс в невесомости иного рода, здесь было куда важнее найти опытного лоцмана. Так что, в первую очередь, я хочу поблагодарить профессора Джейми Мэтьюза из Университета Британской Колумбии – астронома, завсегдатая вечеринок и маниакального фильтратора идей, которыми я его забрасывал. А также Дональда Симмонса – авиаинженера и удачно-непритязательного сотрапезника, который проверял спецификацию на «Тезее» (особенно двигатель и вертушку) и сделал немало подсказок о радиации и защите от нее. Оба терпеливо отлавливали мои самые выдающиеся ляпы. (Я не утверждаю, что в книге их не осталось вовсе, но сохранились они по моей небрежности, а не из-за моих консультантов. Или потому, что того требовал сюжет.)

Как всегда, моим редактором и заступником в штабе Империи Зла был Дэвид Хартвелл. Подозреваю, что «Ложная слепота» стала для нас обоих крепким орешком: сюжет грозил утонуть в потоках необходимых пояснений, не говоря уже о проблеме, как заставить читателя сопереживать компании не таких «белопушистых» персонажей, как обычно. До сих пор не могу оценить, в какой мере у меня это получилось, но я особенно благодарен за то, что мой редактор разогревался на всех подряд, от Хайнлайна до Герберта.

Первые несколько глав этой книги раскритиковала, отправив меня обратно за кульман плакать, обычная банда коллег: Майкл Карр, Лори Ченнер, Кори Доктороу, Ребекка Мэйнс, Дэвид Никль, Джон Макдейд, Стив Саменски, Роб Стауффер и покойная Пэт Йорк. Все они во время нашей ежегодной поездки на остров высказали ценные мысли и вопросы; отдельно отмечу Дэйва Никля за идеи, которые он мне подбрасывал в течение целого года, обычно в несусветную рань. По той же причине Дэйв

исключается из обычной тирады «любые-ошибки-по-моей-вине», которую мы, авторы, автогеном навариваем на список благодарностей. По крайней мере, некоторые ошибки в этом романе, скорее всего, сделаны Дэйвом.

Профессора Дэн Брукс и Дебора Макленнан, оба из университета Торонто, предоставили мне интеллектуальную стимуляцию без политической и бюрократической ерунды, которая обычно сопутствует академической среде. Перед ними я в долгу – за литры спиртного, и часы споров по многим затронутым в книге вопросам, и за прочее, что вас вовсе не касается. Еще в категории сборной солянки: Андре Брео, который предоставил берлогу на западном побережье, где я заканчивал черновой вариант; Исаак Шпиндель – настоящий! – который, как обычно, помог с деталями по нейрофизиологии; Сьюзен Джеймс – тоже существует в реальности, хотя и в несколько более связном обличье, – рассказавшая, как мог бы подойти к сценарию Первого контакта лингвист; Лиза Битон – в безнадежной попытке искупить продажу души фармацевтической промышленности, указавшая мне на некоторые важные статьи; Лори Ченнер – которая выполняла роль подопытного слушателя и терпела меня (по крайней мере некоторое время). Отдельное спасибо Карлу Шредеру, с которым я обкатывал некоторые идеи в области ум-против-разу-ма. Часть «Ложной слепоты» можно рассматривать как ответ на аргументы, высказанные Карлом в его романе «Постоянство». Я не согласен с его рассуждениями почти на каждом этапе и все еще пытаюсь понять, как мы пришли к отчасти сходным выводам.

Заметки и примечания

Эти ссылки и заметки – попытка убедить вас, что я не полный псих (или, на крайний случай, запугать в достаточной мере, чтобы вы промолчали). Их стоит читать для получения призовых очков.

Краткое введение в биологию вампиров

Я далеко не первый писатель, который попытался рационализировать вампиризм в рамках чистой биологии. Ричард Матесон сделал это еще до моего рождения, и, если «испорченный телефон» не врет, последний роман Октавии Батлер пройдется по теме паровым катком до того, как вы прочитаете эти строки. Однако готов ручаться, что я первым объяснил отвращение вампиров к распятию с помощью «крестового глюка» – и этот минутный всплеск вдохновения породил все остальное.

Вампиров открыли заново по случайности, когда одна из экспериментальных форм генной терапии аутизма дала необычный побочный результат, принудительно запустив в подопытном ребенке ряд давно спящих генов и спровоцировав ряд физических и неврологических изменений, приведших к летальному исходу. Компания, ответственная за открытие, провела всесторонние исследования на заключенных тюремной системы штата Техас, прежде чем показать итоги. Запись этой презентации, включая иллюстрации, есть в свободном доступе в интернете [81]. Любопытствующие читатели могут убить полчаса драгоценного времени, если интересуются не только биологией вампиров, но и ходом исследований, финансированием, а также «этическими и политическими проблемами» одомашнивания вампиров (уже не говоря о печально известной кампании «Приручая вчерашние кошмары ради светлого будущего»). Приведенный ниже – очень краткий – конспект касается исключительно некоторых биологических характеристик предкового организма.

Homo sapiens vampiris – подвид современного человека, разошедшийся с основным стволом развития вида Homo sapiens между 800 000 и 500 000 гг. до н. э. и просуществовавший весьма недолго. Этот подвид был более стройным, чем неандертальцы или кроманьонцы. Основные физические различия между вампирами и современным человеком – вытянутые клыки, нижняя

челюсть и удлиненные кости в качестве приспособления к хищному образу жизни. В связи с относительно кратким периодом сосуществования обоих подвидов эти изменения не были значительными и существенно перекрываются в рамках общевидовой аллометрии; различия становятся статистически заметны только при больших выборках (N > 130).

Однако практически неотличимые от современного человека по конституции и общей морфологии, вампиры радикально разошлись с сапиенсами на биохимическом, неврологическом и тканевом уровнях. Пищеварительный тракт у них укорочен и вырабатывает специфический набор ферментов, более подходящих для плотоядного. Поскольку каннибализм несет высокий риск прионной инфекции [82], иммунная система вампиров демонстрировала высокую устойчивость к прионным болезням [83], а также к большинству паразитических гельминтов и анасакид. Слух и зрение Homo sapiens vampiris намного превосходят по остроте чувства обычного человека. Сетчатки вампиров квадрохроматичны: содержат четыре типа колбочек (у человека их три) – четвертый тип характерен для ночных хищников, от кошек до змей, и чувствителен к излучению в ближнем инфракрасном свете. Серое вещество мозга вампиров, в сравнении с человеческой нормой, страдает от недостатка соединений в связи с относительной бедностью глиальной ткани, что вынужденно дает изолированным кортикальным узлам гиперэффективность и самодостаточность, а это, в свою очередь, является причиной исключительных способностей вампиров в области анализа и распознавания образов[84].

Практически все названные изменения являются следствиями каскадного эффекта, их можно, несмотря на разнообразие промежуточных причин, проследить до единственной мутации – парацентрической инверсии блока Xq21.3 на X-хромосоме [85]. Эта мутация привела к функциональным изменениям в генах, кодирующих протокадерины (белки, играющие ключевую роль в развитии головного мозга и центральной нервной системы). Хотя неврологические и поведенческие изменения были радикальны, существенные физиологические нарушения оказались ограничены микроструктурами мягких тканей, которые не окаменевают. Это, а также исключительно низкая численность вампиров даже на пике численности их популяции (связанной с существованием на вершине трофической пирамиды) объясняет практически полное их отсутствие в ископаемом состоянии.

Тот же каскад вызвал существенные выпадения в биохимии вампиров. В частности, они потеряли способность синтезировать e-протокадерин Y, который встречается только у гоминид и

кодируется генами, расположенными в Y-хромосоме [86]. Невозможность самостоятельно производить этот жизненно важный белок заставила вампиров получать его из пищи. Поэтому человек разумный составлял необходимую, однако крайне медленно воспроизводящуюся часть их диеты. Ситуация уникальная, поскольку, как правило, добыча размножается быстрее своего основного хищника минимум в несколько раз. В обыкновенных условиях такая популяционная динамика невозможна: вампиры уничтожили бы свою кормовую базу – сапиенсов, а затем вымерли бы от недостатка необходимых им питательных веществ.

Как средство для восстановления пищевого равновесия у вампиров развилась способность на длительный срок впадать, подобно протоптерам, в анабиоз [87] (так называемую «несмерть») с сопутствующим резким уменьшением энергетических потребностей организма. С этой целью организм вампира вырабатывает большое количество эндогенного Ala-(D) – лейэнкефалина (пептида, вызывающего зимнюю спячку у млекопитающих [88]) и добутамина, укрепляющего сердечную мышцу в периоды бездействия [89].

Еще одним побочным эффектом каскадных изменений стал «крестовый глюк» – слияние двух рецепторных сетей зрительной коры, обычно раздельных [90], которое приводит к большим эпилептическим припадкам, если сети, ответственные за восприятие вертикальных и горизонтальных линий, стимулируются одновременно на достаточно большом участке поля зрения. Поскольку в природе прямые углы почти отсутствуют, естественный отбор не отсеивал «крестовый глюк» до того момента, как Homo sapiens sapiens создал евклидову архитектуру. К этому времени признак оказался зафиксирован в популяции Homo sapiens vampiris посредством генетического дрейфа, и весь подвид, в одночасье лишившись доступа к главной добыче, вымер вскоре после появления у людей письменности.

Вы могли заметить, что Юкка Сарасти, как все реконструированные вампиры, в минуты раздумий пощелкивает языком. Считается, что это рудименты предкового языка, более чем за 50 000 лет до н. э. зафиксированного на нейрологическом уровне. Щелчковая речь особенно подходит хищникам, живущим в саванне: щелчки сливаются с шорохом травы, позволяя общаться, не спугнув добычу [91]. Из человеческих языков к старовампирскому наиболее близок язык хадзани [92].

Ловкость извилин

Сенсорный аппарат человека поразительно легко взломать; нашу зрительную систему описывали, в лучшем случае, как импровизированный набор фокусов [93]. Органы чувств людей выдают столь фрагментарные и несовершенные данные, что мозг вынужден интерпретировать их на основе вероятностных оценок, вместо того чтобы воспринимать напрямую [94]. Он не столько видит мир, сколько гадает о нем. В результате «невероятные» стимулы, как правило, не обрабатываются на сознательном уровне, независимо от мощности сигнала. Образы и звуки, не укладывающиеся в нашу картину мира, мы обычно просто игнорируем.

Сарасти прав: «Роршах» не сделает с тобой ничего, на что бы ты не был способен сам.

Например, фокус с невидимостью молодого и глуповатого шифровика, который ограничивал свои движения провалами в зрении людей, пришел мне в голову, когда я читал о явлении, называемом перцептивной слепотой. Первым эту «недоделку» в зрительной системе человека, связанную с саккадами, обнаружил русский ученый по фамилии Ярбус[95] в 1960-х годах[96]. С тех пор исследователи заставляли предметы появляться и исчезать в поле зрения, общались с несчастными жертвами опытов, не замечавшими, что их собеседник стал другим в разгар собеседования. В итоге они доказали, что человеческий мозг не замечает большую часть того, что творится вокруг[97],[98],[99]. Посмотрите демонстрационные ролики лаборатории зрительного восприятия в Университете штата Иллинойс[100] и поймете, что я имею в виду. Ребята, от этого на самом деле крышу сносит! Вокруг нас могут кишеть сайентологи, но если они будут правильно себя вести, мы их даже не заметим…

Большая часть названных в книге психозов, синдромов и галлюцинаций существуют на самом деле и подробно описаны Метцингером [101], Вегнером [102] и/или Саксом [103] (см. также «Ум/Разум», ниже). Другие (например, синдром «зеленых человечков») еще не попали в DSM [104],[105] – честно говоря, парочку я изобрел, – но основаны тем не менее на реальных опытных свидетельствах. Аккуратное воздействие магнитными полями на человеческий мозг, в зависимости от убеждений пациента, может вызвать у него что угодно – от религиозного экстаза [106] до ощущения, что его похищают пришельцы [107]. Транскраниальная магнитная стимуляция может воздействовать на настроение, провоцировать слепоту [108] или поражать речевые центры (отнимая, например, способность произносить глаголы, но не тронув существительные) [109]. Память и способность к обучению можно улучшать (или отнимать) тем же способом.

Правительство США сейчас финансирует разработку носимых устройств ТКМС для – правильно догадались! – военных целей [110].

Временами электростимуляция мозга вызывает синдром «чужой руки» – непроизвольные движения тела против воли якобы владеющего собой субъекта [111]. В других случаях она провоцирует столь же непроизвольные движения, хотя субъект настаивает, что производил их сознательно, невзирая на многочисленные эмпирические свидетельства обратного [112]. Добавьте к этому факт, что тело начинает действовать до того, как мозг «решит» подвинуться [113] – но обратите внимание на [114] и [115], – и понятие свободы воли, несмотря на явное субъективное ощущение его реальности, начинает выглядеть нелепым, даже если вычесть влияние инопланетных артефактов.

Хотя электромагнитная стимуляция в настоящее время является самым модным способом мозгового взлома, этот способ далеко не единственный. Тяжелые физические нарушения, возникающие вследствие самых разных причин, от опухолей [116] до железных трамбовок [117], могут превращать нормальных людей в психопатов и педофилов (отсюда новая личность, прорастающая в мозгу Сьюзен Джеймс). Чисто эмоциональные «американские горки» религиозных ритуалов, без использования нейрологических инструментов (даже фармакологические не очень-то нужны) вызывают одержимость и экстаз [118]. Люди могут воспринять как собственные чужие части тела и убедить себя, что резиновая рука настоящая [119]. Зрение бьет проприоцепию: незаметно управляемый макет руки может убедить нас, что мы делаем одно, в то время как на самом деле происходит совершенно другое [120],[121].

Последнее орудие в этом арсенале – ультразвук: менее инвазивный, чем ЭМ-поля, и более точный, чем «харизматическое возрождение», он может усиливать мозговую активность [122] без неудобных электродов или магнитных сеток для волос. В «Ложной слепоте» он является удобным «черным ходом», чтобы объяснить, почему галлюцинации «Роршаха» сохраняются даже под экранирующей сеткой. Но здесь и сейчас «Сони» обновляет годовой патент на машину, которая использует ультразвук для передачи «чувственного опыта» непосредственно в мозг [123]. Они называют это развлекательным устройством, в перспективе имеющим широкое применение в онлайн-играх. Ага, как же! Если ты можешь на расстоянии вкладывать кому-то в голову звуки и образы, почему бы не вложить заодно политические убеждения и неодолимое стремление к определенной марке пива?

Уже приехали?

Теленигиляционый реактор, с помощью которого наши герои прибывают на место, основан на исследованиях квантовой телепортации, описанных в журнале «Нэйчур»[124], «Сайенс» [125], [126] и «Физикл Ревью Леттерс» [127], а в последнее время – везде, где придется [128]. Идея передавать в качестве шаблона для сборки квантовые данные антиматерии принадлежит, насколько я могу судить, исключительно мне. Чтобы оценить более-менее достоверно массу горючего, ускорение и время «Тезея» в пути, я обратился к сайту «Релятивистская ракета» [129], который создал физик и математик Джон Баэз из Университета в Риверсайде. Использование магнитных полей в качестве радиозащитных экранов на «Тезее» основано на исследованиях, проведенных в Массачусетском технологическом институте [130]. «Икар» я разместил вблизи Солнца, так как производство антивещества в ближайшем будущем, скорей всего, останется крайне энергозатратным процессом [131],[132].

Состояние несмерти, в котором пребывает экипаж «Тезея», разумеется, представляет собой очередную версию достопочтенного анабиоза (хотя мне хотелось бы думать, что я добавил в нее новую деталь, приплетя в качестве механизма физиологию вампиров). Недавние исследования приблизили человечество к осуществлению перспективы наведенной гибернации. Исследовательская группа Блэкстона вызвала у мышей спячку очень простым способом – обработав их сероводородом [133]: сероводород клинит метаболические механизмы до такой степени, что замедляет клеточный обмен на 90 %. Ученые из центра Сафара, проводившие исследования в области реанимации, заявляют [134], что оживили собаку через три часа после наступления клинической смерти, воспользовавшись более эффектной (и инвазивной) методикой – заменив кровь животного ледяным физиологическим раствором [135].

Первый из этих методов ближе к тому, что мне представлялось, хотя черновой вариант романа я закончил до того, как вышли обе статьи. Я подумывал о том, чтобы переписать сцены в склепе, включив упоминание о сероводороде, но в конце концов решил, что газоиспускательные шуточки испортят атмосферу.

Поле для игры

В «Ложной слепоте» Большой Бен назван «излучателем Оаса». Официально такого термина не существует, но Юмико Оаса описывала неизвестный до сих пор класс инфракрасных излучателей [136],[137] – более слабых, чем коричневые карлики, но, вероятно, и более многочисленных [138],[139] – массой от трех до тринадцати масс Юпитера. Для моей истории требовался объект относительно близкий и достаточно большой, чтобы поддерживать магнитное поле газового гиганта, и при этом маленький и тусклый, чтобы успешно избегать обнаружения в ближайшие семьдесят – восемьдесят лет. Излучатели Оаса неплохо подходят для этой цели (невзирая на явные сомнения в их существовании [140]).

Конечно, учитывая, как мало мы на самом деле знаем об этих зверушках, детали мне пришлось предполагать. Для этой цели я понатаскал информацию из разных источников по газовым гигантам [141],[142],[143],[144],[145],[146],[147] и/или коричневым карликам [148],[149],[150],[151],[152],[153],[154],[155],[156],[157],[158], экстраполируя их по необходимости вверх или вниз. Выстрел из супероружия «Роршаха» издалека выглядит удивительно похожим на сверхмощную рентгеновскую и радиовспышку, какую недавно наблюдали на коричневом карлике, по всем признакам слишком легком для подобных фокусов [159]. Вспышка длилась двенадцать часов, по мощности в миллиард раз превосходила все, что может выдать по этой части Юпитер, и предположительно явилась результатом завихрений магнитного поля [160].

Комета Бернса-Колфилда отчасти основана на 2000 CR105 – транснептуновом объекте, нынешняя орбита которого не может быть полностью объяснена гравитационным влиянием известных тел Солнечной системы [161].

Анатомия и физиология шифровиков

Как и многим любителям фантастики, мне надоели гуманоидные инопланетяне с шишковатыми лбами и смоделированные на компьютере насекомые ужасного вида с поведением бешеных собак в хитиновых скафандрах. Конечно, фантазии ради фантазии немногим лучше средне-типичного гребнехвостого родденберрида [162]. Естественный отбор вездесущ, как сама жизнь, и везде, где проходит эволюция, формы жизни будут определяться одними и теми же силами. Таким образом, задача состоит в том, чтобы придумать «чужака», который одновременно достоин такого наименования и остается биологически достоверным.

Шифровики – моя первая попытка справиться с задачей, а, учитывая, до какой степени они напоминают змеехвосток земных морей, я, возможно, сел в лужу по части «невиданного»; по крайней мере в том, что касается общей морфологии. Как выясняется, у змеехвосток имеется даже нечто, похожее на распределенную кожную сетчатку шифровиков. Точно так же схема размножения шифровиков – стопки молоди, отпочковывающиеся от общего ствола, – взята у медуз. Можно вытащить морского биолога из океана, но…

К счастью, чем больше приглядываешься к шифровикам, тем непривычнее они выглядят. Каннингем упоминает, что ничего похожего на их таймшерные моторно-чувствительные нервы на Земле не существует. Технически он прав, но я могу назвать предшественника, чья структура способна развиться в эту сторону: наши собственные зеркальные нейроны активизируются, не только когда мы действуем сами, но и когда наблюдаем за другим человеком, выполняющим то же действие [163]. Данной особенностью человека пытаются объяснить развитие языка и сознания [164],[165],[166].

На метаболическом уровне все обстоит еще непривычнее. На Земле существа, полагающиеся исключительно на анаэробный синтез АТФ, не вышли на многоклеточный уровень. Анаэробный метаболизм, хотя он намного эффективнее нашего сжигания топлива в кислороде, слишком медленный для развитых многоклеточных организмов [167]. Решение, предложенное Каннингемом, – сама простота. Но подвох в том, что между вахтами приходится по нескольку тысяч лет отсыпаться.

Идея квантовомеханического метаболизма может показаться еще более сумасшедшей. И зря: дуализм «волна-частица» может оказывать серьезное влияние на биохимические реакции в условиях организма при комнатной температуре [168], туннелирование тяжелых атомов углерода, по некоторым сообщениям, увеличивает скорость протекания подобных реакций на 152 порядка [169].

И уже совсем инопланетное: у них нет генов. Пример с пчелиными сотами, который я привел в качестве аналогии, появился в одном малоизвестном трактате Дарвина [170] (черт, вот кого я всегда мечтал процитировать!). Ближе к нашему времени не большая, но все увеличивающаяся группа биологов начала проповедовать, что гены вообще и нуклеиновые кислоты в частности, как необходимые предпосылки развития жизни серьезно переоценены [171],[172]. Немалая доля сложности живых существ возникает как следствие не генетической программы, а сугубо физических и химических взаимодействий их составных

частей [173],[174],[175],[176]. Конечно, все равно требуется нечто, задающее первоначальные условия для запуска этих процессов; вот тут и подключаются магнитные поля. В условиях «Роршаха» капризные цепочки нуклеотидов все равно не выжили бы.

Да, может поинтересоваться любопытствующий зануда, но как эти ребята эволюционируют без генов? Как приспосабливаются к новым условиям? Как они – подразумевается вид – справляются с неожиданностями? Если бы Роберт Каннингем был сегодня с нами, он ответил бы нечто вроде: «Готов поклясться, что одна половина иммунной системы активно борется с другой. И не только иммунной. Часть нервной системы, похоже, старается, ну… взломать другую. Мне кажется, они эволюционируют внутри себя, как бы это безумно ни звучало. Весь организм на тканевом уровне воюет сам с собой, у него внутри идет клеточная гонка за Черной королевой. Все равно, что вырастить колонию проросших друг в друга опухолей и рассчитывать, что жестокая конкуренция не позволит ни одной из них взять верх. Играет ту же роль, что для нас секс и мутации». И если бы вы закатили глаза, услышав эту демагогию, он фыркнул бы вам дымом в лицо и сослался на интерпретацию одним иммунологом этих же идей, выраженных – кто бы мог подумать? – в фильме «Матрица: Революция» [177]. Кроме того, он мог бы напомнить, что синаптические связи в нашем собственном мозгу формируются под действием подобного внутриорганизменного отбора [178], катализируемого отрезками паразитической ДНК, называемыми ретротранспозонами.

В черновом варианте книги Каннингем действительно рассказывал нечто подобное, но проклятый текст был уже настолько перегружен лекциями, что я вырезал эту сцену. В конце концов, непосредственным проектировщиком шифровиков выступает «Роршах», он может со всем этим справляться вместо отдельно взятых существ. Одна из идей, которые несет «Ложная слепота», что граница между «живым» и «неживым» размыта [179], [180],[181], особенно в чреве злодейского объекта на оортовых окраинах.

Ум/Разум

В этом, собственно, и суть проклятого эксперимента. Уберем вначале валуны с дороги. «Быть никем» Метцингера [182] – самая тяжелая книга из всех, что мне доводилось читать (ее значительную часть я до сих пор не осилил), но в ней я столкнулся с наиболее крышесносными идеями из всех, что мне

доводилось встречать в литературе и жизни. Когда дело доходит до природы сознания, большинство авторов становятся бесстыдными динамщиками. Пинкер называет свой труд «Как работает разум» [183] и на первой же странице признается, что «мы не знаем, как работает разум». Кох (парень, придумавший термин «агенты-зомби») пишет: «В поисках сознания: нейробиологический подход» [184], где стыдливо обходит стороной вопрос, почему нервная деятельность должна порождать какое бы то ни было субъективное самосознание.

Метцингер, возвышаясь над этими сопляками, берет быка за рога. Его гипотеза «мира-ноль» не только объясняет субъективное ощущение себя, но и дает понять, почему иллюзорный рассказчик от первого лица должен быть производным результатом определенных когнитивных систем. Понятия не имею, насколько он прав, – не мой уровень, – но он, по крайней мере, задал вопрос, который заставляет нас пялиться в потолок в третьем часу ночи, когда последняя сигарета давно докурена. Со многими симптомами и болезнями, попавшими в «Ложную слепоту», я впервые столкнулся в книге Метцингера. Любые утверждения или заявления в этом разделе, для которых не указан источник, скорее всего, происходят оттуда же.

Если нет, быть может, они взяты из «Иллюзии сознательной воли» Вегнера [185]. Эта менее претенциозная и наиболее доступная книга данного автора изучает не столько природу сознания, сколько природу свободной воли, которую Вегнер вкратце описывает как «способ рассудка оценить сделанное». Он выдает собственный набор синдромов и болезней, укрепляющих в читателе умопомрачительное чувство хрупкости наших внутренних механизмов. И, конечно, Оливер Сакс [186] посылал нам весточки с передовой сознания задолго до того, как вопрос о сознании стал таким хитом.

Возможно, было бы легче назвать тех, кто не пытался объяснить сознание. Теории перекрывают весь спектр, от диффузных электрических полей до квантового кукольного спектакля; сознание «помещали» в переднюю часть островка Рейля [187], гипоталамус и сотню динамических ядер между ними [188],[189],[190],[191],[192],[193],[194],[195],[196],[197],[198]. По крайней мере одна теория [199] предполагает, что в то время, как человекообразные обезьяны и взрослые люди наделены разумом, человеческие младенцы его лишены. Признаюсь, этот вывод мне по душе: если дети и разумны до какой-то степени, они определенно психопаты.

Но под безобидным, поверхностным вопросом: «Что такое сознание?» – прячется более важный практически: «На что оно

годится?». «Ложная слепота» подробно разбирает этот вопрос, и я не стану повторять уже сказанное. Достаточно напомнить, что, по крайней мере, в бытовых условиях сознание мало чем занято, кроме того, что принимает служебные записки от гораздо более сообразительного подсознательного слоя, визирует и приписывает всю честь себе. На самом деле подсознание обыкновенно работает так хорошо, что пользуется услугами самого настоящего привратника в передней части поясной извилины, занятого лишь тем, чтобы не позволить сознанию вмешиваться в рутинную работу мозга [200],[201],[202]. (Если бы остальная часть твоего мозга обладала сознанием, она, скорее всего, сочла бы тебя кем-то вроде роговолосого босса из «Дилберта» [203].)

Сознание не требуется даже для того, чтобы развить метарепрезентацию – внутреннюю модель чужого сознания. Это может показаться парадоксальным: как научиться осознавать, что окружающие особи являются самостоятельными деятелями, имеющими собственные интересы и цели, если ты не осознаешь собственные? Но противоречия тут нет, и сознание не требуется. Вполне реально отслеживать намерения окружающих без единого грана рефлексии [204]. Норретрандерс прямо объявил: «Сознание – обман» [205].

Искусство можно считать исключением. Похоже, эстетика требует некоторого уровня самосознания: возможно, эволюция эстетики и спустила лавину разума. Когда тебя бросает в дрожь от прекрасной мелодии, врубается механизм поощрения в лимбической системе – тот же механизм, что вознаграждает человека за секс с привлекательной партнершей и поглощение больших количеств сахарозы [206]. Другими словами, это взлом системы; твой мозг научился получать награду, не заслужив ее увеличением приспосабливаемости [207]. Это приятно, делает нашу жизнь ценной и полной. Но оно же обращает нас внутрь себя и отвлекает. Помните крыс 1960-х, которые научились, нажимая рычаг, стимулировать центры удовольствия? Они жали на рычаги с таким наркоманским рвением, что забывали питаться. Зверьки дохли от голода! Не сомневаюсь, что умирали они счастливыми – но умирали. Не оставив потомства: приспосабливаемость падала до нуля.

Эстетика. Самосознание. Гибель.

И это приводит нас к последнему вопросу, таящемуся в бескислородных глубинах, – вопросу о цене сознания. Если сравнивать самосознание с бессознательной обработкой информации, то первое медлительно и расточительно [208]. Мысль об отдельном, стремительном сознании в стволе нашего

мозга, которое берет на себя управление при аварии, помимо прочего, основана на исследованиях Джо Леду из Нью-Йоркского университета [209],[210]. Для сравнения вспомните молниеносные и сложнейшие вычисления, которые производят саванты; это некогнитивная способность [211], и есть свидетельства, что суперфункциональностью аутисты обязаны не подавляющей интеграции мыслительных процессов, а относительной нейрологической фрагментации. Даже если бы сознательные и бессознательные процессы были равно эффективны, осознание внутренних стимулов по своей природе отвлекает индивида от других, внешних, угроз и благоприятных возможностей. Этой своей догадкой я страшно гордился. Можете представить, как я расстроился, обнаружив, что Вегнер высказывал такую мысль еще в 1994 году [212].

Цену высокого интеллекта продемонстрировали экспериментально, в опытах, где умные дрозофилы проигрывали тупым в конкуренции за пищу [213]. Возможно, потому, что метаболические потребности обучения и запоминания оставляют меньше энергии на ее поиск. Я не забыл, как только что посвятил целый роман доказательству того, что ум и разум – разные вещи. В данном случае опыт все же имеет ценность: ведь обе способности метаболически расточительны (разница в том, что ум, по крайней мере в некоторых случаях, оправдывает расходы, а какова эволюционная ценность медитации на закат?).

Хотя многие указывали на разные недостатки и слабые стороны разума, мало кто делал следующий шаг и вслух интересовался: стоит ли эта штука таких проблем? Конечно, стоит, верят люди! Иначе естественный отбор давно бы ее выполол. И, вероятно, они правы. Надеюсь. «Ложная слепота» – это мысленный эксперимент, игра в «предположим» и «что, если?». Ничего больше.

С другой стороны, дронты и стеллеровы коровы тысячу лет назад могли бы применить тот же аргумент, чтобы доказать собственное превосходство: если мы такие неприспособленные, почему не вымерли? Потому что естественный отбор требует времени и удача играет свою роль. Самый здоровый парень на деревне не обязательно самый сильный или выносливый. Игра не окончена! Она никогда не кончается – по эту сторону тепловой смерти финишной черты нет. Победителей тоже быть не может, есть лишь те, кто еще не проиграл.

Данные Каннингема об узнавании себя у человекообразных обезьян тоже настоящие. У шимпанзе соотношение массы мозга и массы тела выше, чем у орангутанов [214], но оранги последовательно узнают себя в зеркале, в то время как шимпы –

через раз [215]. Точно так же, кроме людей, наиболее развиты речевые способности у некоторых видов птиц и приматов – но не у предположительно «более разумных» человекообразных, наших ближайших родственников [216],[217]. Если присмотреться, эти факты подсказывают, что разум может оказаться фазой, из которой орангутаны еще не вышли, а их более развитые родичи шимпанзе уже начинают вырастать (гориллы не узнают себя в зеркале; возможно, они уже выросли из пеленок разума, или просто никогда их не носили).

Конечно, люди в эту схему не вписываются. Если схема в принципе существует. Мы флюктуации: это одна из идей, которые я хотел донести. Держу пари, вампиры в нее вписались бы!

И, наконец, когда «Ложная слепота» проходила корректуру, этому неприятному предположению нашлось очень своевременное опытное подтверждение: оказывается, бессознательное лучше принимает сложные решения, чем сознание [218]. Похоже, сознание просто не может оперировать достаточным количеством переменных. Как сказал один из ученых: «В ходе эволюции мы в какой-то момент начали принимать решения сознательно, и у нас пока не очень получается» [219].

Среда вообще (фоновые детали, сбои прошивки и человеческое бытие)

Юный Сири Китон не одинок: мы уже более пятидесяти лет лечим отдельные тяжелые формы эпилепсии радикальной гемисферэктомией [220]. Странно, но удаление половины мозга не слишком влияет на уровень интеллекта или двигательные способности (хотя большая часть идущих на операцию пациентов, в отличие от Китона, с самого начала страдают умственной отсталостью) [221]. Зачем удалять именно полушарие, я не очень хорошо понимаю: если вы всего-навсего пытаетесь разорвать петлю обратной связи, почему бы не перерезать только мозолистое тело? Может, чтобы предотвратить синдром «чужой руки»? Если так, не значит ли это, что хирург сознательно уничтожает разумную личность?

Опиоиды материнского инстинкта, которыми пользуется Хелен Китон, чтобы запустить в себе материнскую любовь к сыну-инвалиду, выросли из недавних работ по моделированию дефицита привязанности у мышей [222]. Железоядные облака, идущие по следу Огнепада, основаны на описанных Плейном и соавторами [223]. Языковедческий жаргон Банды (четырех) я

натралил по разным источникам [224],[225],[226],[227]. Манера команды «Тезея» разговаривать на нескольких языках сразу – слава Богу, без цитат! – навеяна размышлениями Грэддола [228], который предполагает, что наука должна владеть множеством языков, поскольку язык определяет образ мысли, и единственный «универсальный» язык науки ограничил бы наш взгляд на мир.

Предшественник «расширенного фенотипа» Шпинделя и Каннингема уже существует в лице некоего Мэтью Нагеля [229]. Сращенные протезы, позволяющие им синестетически воспринимать сигналы лабораторного оборудования, пользуются поразительной пластичностью чувствительной коры мозга. Слуховые зоны можно превратить в зрительные, лишь подключив к слуховым нервам оптические (если сделать это на достаточно ранней стадии) [230],[231]. Карбоплатиновые наращения Бейтс уходят корнями в недавние разработки металлических мышц [232],[233]. Язвительный наезд Саши на психиатрию XX века вырос не только из (ограниченного) личного опыта, но и из пары статей [234],[235], срывающих налет таинственности с так называемого расстройства множественной личности. (Не то чтобы с идеей был непорядок, но с диагностикой – определенно.) Вариант фибродисплазии, убившей Челси, основан на симптомах, описанных Капланом и его сотрудниками [236]. И – хотите верьте, хотите нет – лица, которыми Сарасти пользовался ближе к концу книги, представляют собой реально существующую форму статистического анализа: лица Чернова [237], которые эффективнее обычных графиков и таблиц передают существенные характеристики набора данных [238].

Зеро

Моя глубокая благодарность Джордану Бланшу, Джейсону Ноултону, Леоне Ладдеродт и Стиву Перри за их терпение и опыт – ПУ

Асанте умирает, крича. Ад, словно эхокамера: крики, морская вода и лязг металла. Чудовищные тени извиваются на переборках; сетки зеленого света корчатся на каждой поверхности. Сахилиты появляются из спусковой шахты, как твари из лагуны, затянутой тиной, тут же открывают огонь; живот Рашиды взрывается темным туманом, а верхняя часть тела падает на палубу. Кито все еще пытается доползти до гарпуна, лежащего на сушилке – как будто древнее копье для рыб способно отразить монстров с ружьями, пневматикой и крохотными снарядами, которые зарываются глубоко в плоть, а потом наглядно демонстрируют, что произойдет с внутренностями, если выпустить на свободу пятьсот атмосфер.

У Асанте даже гарпуна нет. Только кулаки.

Их он и пускает в дело. Прыгает на сахилитку, которая целится в Кито, замахивается, но тут палуба стонет, накреняется и заваливается набок. Морская вода переливается через край бассейна, каскадами бежит по листам обшивки. Падая, Асанте все-таки бьет захватчицу. Та стреляет куда-то мимо. На иллюминаторе тут же расцветает паутина трещин; тонкая струя воды вырывается из ее центра, пока стекло пытается залечиться по краям.

Последней Асанте видит эмблему с пустынным молотом на гидрокостюме сахилитки, а потом женщина его убивает.

Пять лет

Журчание воды. Скрежет металла о металл. Лязг, бульканье, приглушенные голоса, клаустрофобическое эхо от работающих машин неподалеку.

Асанте открывает глаза.

Он все еще в очистном шлюзе; перед глазами все расплывается, но потом приходит в фокус: видны листы обшивки, балки и глупое граффити Кито («Все тавтологии – это тавтологии»), выцарапанное на краске. Тусклый зеленый свет все еще извивается на биостали, но убийственная энергия из него уже вытекла.

Асанте пытается повернуть голову, но не может. Едва чувствует собственное тело – как будто оно сделано из эктоплазмы, а от нормальной плоти осталось лишь эхо, да и то уходит в небытие где-то ниже поясницы.

Над ним нависает голова насекомого на человеческом теле. Оно говорит на двух языках; на английский накладывается эхо тви:

– Спокойно, солдат. Расслабься.

Голос женщины и автоматики.

Это не сахилитка. Но она вооружена. И опасна.

«Я не солдат», – хочет сказать Асанте, хочет даже закричать. Если тебя приняли за солдата на западном побережье, все может кончиться плохо. Но он даже шептать не в силах. Не чувствует собственный язык. А потом понимает, что не дышит.

Женщина-насекомое (это гидрокостюм, теперь Асанте видит: мандибулы – прибор для электролиза, а фасеточные глаза – это пара дифракционных очков) вытаскивает оперативный «свиток» и разворачивает в полуметре от его лица. Потом бормочет заклинание, и гибкий экран, вспыхнув, оживает, открыв две клавиатуры, расположенные друг над другом: сверху английская, внизу тви.

– Не надо говорить, – объясняет женщина на обоих языках. – Просто смотри на буквы.

Асанте фокусируется на «Н»: та загорается. «Е». «С». Мембрана предсказывает слова, ускоряет переход от саккад к тексту:

НЕ СОЛДАТ РЫБНЫЙ ФЕРМЕР

– Извини, – женщина убирает переводчик; клавиши с тви, мерцая, исчезают. – Это всего лишь фигура речи. Как тебя зовут?

КОДЖО АСАНТЕ

Она поднимает дифракторы на лоб, отстегивает мандибулы. Те свисают набок. Кожа у женщины белая.

ГДЕ КИТО

– Извини, но все мертвы.

«Все остальные», – мысленно поправляет ее Асанте и представляет, как Кито посмеялся бы над его неизлечимым педантизмом.

– Так, нашел, – голос мужской, откуда-то с другой стороны отсека. – Коджо Асанте, Такоради. Двадцать девять лет, стандартное аква… хотя погоди, у него есть военный опыт. Два года в войсках Ганы.

Глаза Асанте начинают лихорадочно метаться по клавиатуре: всего лишь фермер нет.

– Не беспокойся ты так, – она успокаивающе кладет на него руку; Асанте может лишь предположить, что, наверное, та где-то прикасается к телу. – Тут у всех есть боевой опыт, так или иначе. Вы сидите на единственном надежном запасе белка в радиусе трехсот километров. Понятно, что время от времени приходится его защищать.

– И все-таки. – Женщина поворачивается на голос, и Асанте видит бирку на ее плече: Альянс ЗапПола. – Можно его включить в список.

– Если хочешь, только давай по-быстрому. Надводный контакт в двух тысячах метров и приближается.

Она снова возвращается к Асанте:

– Дело вот в чем. Мы опоздали. По идее, нас тут вообще быть не должно, но главный прослышал о планах сахлов и решил проявить небольшую гуманитарную инициативу. Мы успели их отпугнуть и пометить, но вы к тому времени уже все погибли.

Я НЕ

– Нет, Коджо. Ты тоже погиб.

ВЫ МЕНЯ ВОСКРЕ

– Нет.

НО

– Мы лишь активировали твой мозг. Ну, когда нога трясется, если дать по ней током? Коджо, ты такое слово «гальванический» знаешь?

– У него степень по молекулярной морской экологии, – говорит ее невидимый коллега. – Полагаю, он в курсе.

– Ты же почти ничего не чувствуешь, так ведь? Тело как призрак? Мы перезагрузили тебя неполностью. Ты сейчас получаешь остаточные сигналы с нервов, которые еще не поняли, что им конец. Ты – мозг в коробочке, Коджо. И заряд кончается. Но вот в чем фокус. Ты можешь все изменить.

– Кэт, не тяни резину. У нас минут десять, максимум.

Она бросает взгляд через плечо, потом опять на Коджо.

– У нас на «Леви Моргане» есть установка, подлатаем тебя, положим на лед, пока не доберемся домой. А вот там уже стоит аппаратура, которая творит чудеса, будешь как новенький. Но это дело недешевое, Коджо. На каждой такой операции можно разориться.

НЕТ ДЕНЕГ

– А они нам не нужны. Мы хотим, чтобы ты на нас работал. Пятилетние гастроли, может, меньше, посмотрим, как техника себя покажет. Потом отправишься своей дорогой, с внушительной суммой на счете. Настоящий второй шанс. И все пройдет как по нотам, поверь мне. Когда припечет, ты будешь лишь пассажиром в собственном теле. Даже в тренировочном лагере все будет на автомате. Реальный ускоренный курс.

НЕ В ЗАППОЛЕ

– Ты не в том положении, больше нет. Сейчас ты – лишь кусок гниющего мяса с парой кабелей. А я предлагаю тебе спасение, парень. Перерождение.

– Так, все, Кэт, кончай канитель. Они уже почти тут.

– Ну, если тебе не интересно, я просто выдерну шнур. Оставлю, каким нашла.

НЕТ ПОЖАЛУЙСТА ДА

– Что «да», Коджо? Выдернуть шнур? Оставить тебя? Тут надо поконкретнее. Все-таки контракт обговариваем.

ДА ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ПЯТИЛЕТНИЙ ТУР

Коджо не понимает, откуда вообще взялось это сомнение, почему где-то внутри странный голос шепчет: «может, мертвым и лучше». Наверное, дело в том, что он на самом деле мертв; отказывающие эндокринные железы просто не в состоянии залить мозг подходящим эликсиром страха, отчаяния и выживания любой ценой. Может, мертвецам действительно на все похер.

Но ему не похер. Он-то может и отдал концы, а вот железы еще сопротивляются. Пока. Он же не отказался. Интересно, а вообще хоть кто-то отказался бы?

– Ну слава тебе Господи! – восклицает Кэт и тянется куда-то за пределы зрения Коджо. А потом, перед тем как все чернеет, говорит:

– Добро пожаловать в корпус зомби.

Правда, на самом деле их подразделение называли иначе.

– Уясните одно. Нет ни одной причины, по которой солдаты должны хотя бы нос показывать на поле боя.

Тут их все звали Зеро, причем «З» никакого отношения к «зомби» не имела.

– Более того, нет ни одной обоснованной причины, по которой в любой нормальной операции должно быть поле боя. В принципе. Ведь у нас для этого есть экономическая инженерия и Облачный контроль. И если они облажаются, в дело вступят дроны, боты и ТИИ.

Зеро, ноль, нулевая сумма. Ну или как выразился сержант Силано: «Каламбур, уловили? Когито эрго». Всяко лучше, чем «бригада ничтожеств», как предположил Гэрин.

Асанте слушает вводную лекцию по тактике: искусственного инструктора можно даже принять за настоящего, если бы только он не вещал с таким воодушевлением.

– Есть только одна причина, по которой могут вызвать вас, и заключается она вот в чем: все настолько капитально обделались, что теперь в зоне конфликта бушует настоящая буря дерьма.

А еще Асанте бежит вверх по склону горы. Маршрут прекрасный, двадцать километров скал, сосен да мшистого валежника. Тут больше живой зелени, чем во всей пустыне Северной Африки. Асанте даже жалеет, что так ничего и не разглядит.

– Само ваше присутствие говорит о том, что миссия накрылась: ваша работа спасти все, что можно выгрести из-под обломков.

Никакой зелени он не видит. Да и вообще ничего не видит, если уж на то пошло. Асанте ослеп с самой побудки.

– К счастью для вас, экономика, ИИ и Облачной контроль лажают постоянно.

Слепота не полная. Он по-прежнему видит свет, расплывчатые формы в постоянном движении. Как будто смотришь на мир сквозь навощенную бумагу. Когда ты – пассажир, глаза колеблются. Разумеется, они всегда колеблются, взгляд постоянно перескакивает с одного на другое – это называется «саккады» – но мозг все редактирует, выбрасывает движения и перескоки, клеит ясные куски воедино, создавая иллюзию непрерывности.

Но не сейчас. Тут темп саккад зашкаливает, не упускается ничего. Полный сбор данных. Асанте, конечно, ни черта не может

разобрать, сплошное мельтешение, все в кашу, но это нормально. Что-то него внутри видит прекрасно: в конце концов, руки и ноги Асанте сейчас двигаются, а он тут вообще ни при чем.

Другие чувства работают по полной: он ощущает ладонями жесткость каната, по которому взбирается на скалу, вбирает запах земли и сосновых иголок, усеивающих тропу. Асанте все еще чувствует еле заметный привкус меди, оставшийся после того, как прикусил щеку пару километров назад. С невероятной четкостью слышит голос по связи. Зомби внутри тоже все впитывает, но у барабанных перепонок нет саккад. Осязательные нервы не прыгают под кожей. Только глаза: по ним сразу все понятно. А еще по тому факту, что тело одержимо синдромом чужой руки.

Асанте называет своего зомби Злым Близнецом. Прозвище придумал отец, когда восьмилетний Коджо в третий раз за неделю отправился на прогулку из-за приступа лунатизма. Как-то за завтраком Асанте рассказал эту историю остальным членам отряда, и только потом понял, какую ошибку совершил. Он до сих пор старается ее загладить.

Сейчас же смеха ради пытается хотя бы на секунду остановиться. Но ЗБ бежит, прыгает, ползет так же, как последние два часа, спокойный и автономный. Все дело в ретросплинальном канале, который вплавили Коджо в кору мозга с месяц назад, крохотном затворе, отделяющем разум от сознания. Этот мод Коджо втравили с помощью нейрокружева, сети нанотрубок и старого доброго метода «поджарь-подрежь». Еще подправили средний мозг, откорректировав древние подпрограммы, отвечающие за преследование жертв. В орбитофронтальную кору ввели гаситель, гарантирующий поведенческое согласие (как говорит Мэддокс, «нельзя, чтобы твоя лучшая половина оставила ключи себе, если ты решишь их вернуть»).

Свежие шрамы после операций чешутся. Голова двигается с нервирующей инерцией, словно в нее вогнали кило свинца, а не пару граммов арсенида и углерода. Коджо не понимает и десятой доли того, что с ним сделали. Но боже, как же хорошо быть таким сильным. Кажется, его тело сейчас может голыми руками разорвать целый взвод солдат.

Иногда он так радуется целых пять – десять минут, пока не вспоминает о других трупах, которым сделки не предложили.

Без всякого предупреждения ЗБ делает пируэт в сторону, поднимает руки вверх и тут Асанте начинает видеть. Буквально на миллисекунду, яркое и отчетливое чистое пятно в море тумана: локхидовский «Питбуль» взгромоздился на гранитный выступ слева, конечности расставил, пулеметы уже начали крутиться. В следующий момент Асанте снова слепнет, отдача

идет вдоль руки, как маленькое землетрясение. А тело даже с ритма не сбивается.

– Так, это был захват цели, – замечает инструктор. – Наслаждайтесь видом.

Потом, воспользовавшись возможностью, повторяет основы – только во время захвата цели глаза фокусируются на одной точке достаточно долго, чтобы пассажир мог выглянуть наружу – и снова начинает хвастливо тараторить о системе связей прямой видимости.

Асанте даже не уверен, что остальные слушают то же самое. Тивана из новичков, так что, скорее всего, и она страдает от этих вводных лекций. Калмю точно перешла к курсу по ранениям на поле боя, Гэрин – к инженерному. По словам Мэддокса самому Асанте, наверное, со временем достанется биовооружение, чего образованию пропадать.

Чтобы подготовить готового к бою специалиста, нужно девятнадцать месяцев. Зеро справляются за семь.

Ноги Асанте прекращают двигаться. Со всех сторон доносятся тяжелые вздохи. Голос лейтенанта Метцингера щекочет пространство между ушами:

– Пассажиры, можете пройти в кокпит.

Переключатель захоронен в зрительной коре и связан с силой воображения. Его называют «мандалой». Каждой рекрут выбирает свою и держит ее в секрете: у хитроумного противника не должно быть и малейшего шанса подбросить мастер-ключ на какой-нибудь плакат в разгар битвы. Паттерны не знают даже техники, имплантаты закодированы двойным слепым методом проб и ошибок. «Что-то личное, – говорили участникам программы. – Что-то уникальное, что легко вообразить».

Мандала Асанте – это последовательность четырех слов, набранных рубленым шрифтом. Их он сейчас и представляет:

ВСЕ ТАВТОЛОГИИ
ЭТО ТАВТОЛОГИИ

И мир вдруг со щелчком встает в фокус. Асанте даже запинается, хотя стоит на месте.

Как по команде, левая рука начинает дергаться.

Они где-то на середине склона, на пологом лугу, озаренном лучами солнца. Тут даже есть цветы. Насекомые. Все пахнет жизнью. Силано поднимает дрожащие руки вверх. Калмю с глухим стуком падает на траву, приходит в себя от напряжения, которое едва чувствовала, пока ей управляла лучшая половина, напряжения, которое истощило и ослабило ее, несмотря на

двойное количество митохондрий сверх нормы, агонисты АМФ-зависимой киназы и с десяток других модов. Благодаря им весь отряд сейчас ходит в лучших из лучших. Акоста шлепается рядом с ней, улыбаясь солнцу. Гэрин бьет ногой гнилой ствол и оттуда уползает настоящая змея, черт ее подери, желто-черная лента с мелькающим языком. Тивана стоит рядом с Асанте, такая же лысая и с такими же шрамами.

– Красиво тут, да?

Правый глаз у нее слегка косит и дергается; Асанте с трудом заставляет себя смотреть ей прямо в переносицу.

– Недостаточно красиво, чтобы я два часа терпел, сидя с мешком на башке, – Сакс опять предается бессмысленному нытью. – У них что, руки отвалились бы дать нам хоть какой-то видеоканал?

– А еще мы могли бы просто спать, – ворчит Калмю. Оба знают, что все не так-то просто. Мозг – это путаница проводов, извивающаяся от подвала до чердака и обратно; отруби свет в гостиной и обогреватель потухнет. Даже платный просмотр – дело дохлое. В теории вроде бы можно вообще не заморачиваться с этими бегающими глазками – врезать видеоканал прямо в кору, и дело с концом – но мозг у Зеро уже настолько забит имплантатами, что недвижимости для такой чепухи осталось маловато.

Так по крайней мере говорит Мэддокс.

– А мне плевать, – отзывается Акоста. Из-за тика в уголке рта улыбка у него получается неприятная, дергающаяся. – Я бы и в два раза больше посидел в оффлайне, если бы в конце всегда были такие виды.

Акоста радуется любому огрызку природы, который может найти; его родная Гватемала потеряла почти все леса в огненных каруселях сорок второго.

– А ты тут почему? – спрашивает Тивана.

Асанте не сразу понимает, что вопрос адресован ему:

– Прости?

– Акоста у нас любитель природы. Калмю думает, что разбогатеет, когда технику рассекретят. А ты зачем подписался?

Для Асанте это новость. Он даже не знает, как ответить. По его собственному опыту в Зеро не записываются. Отряд сам тебя находит. Странный вопрос, слишком личный. Вызывает в памяти то, о чем как-то не хочется думать.

Вызывает в памяти то, о чем он и так слишком много думает.

– Ну…

К счастью, именно в этот момент по радио в беседу решает вмешаться Мэддокс:

– Так, слушайте все. Проверка симптомов. Силано.

Капрал смотрит на предплечья:

– Все в норме. Даже потряхивает меньше обычного.

– Калмю.

– У меня э… э… э… – она заикается, борется с собой, потом сплевывает от разочарования. – Вот же сука!

– Твою обычную афазию я только что убрал, – говорит Мэддокс. – Гэрин.

– Зрение мерцает каждые пять – десять минут.

– Это улучшение.

– Становится лучше, когда идет физнагрузка. Может, дело в улучшении кровотока.

– Интересно, – замечает Мэддокс. – Тиван…

– Боже, я тебя вижу, я вижу тебя!!!

Сакс валится на спину, его трясет. Закатываются глаза. Пальцы когтями впиваются в землю.

– Я вижу!!!! – кричит он, а потом начинает нести какую-то несуразицу. Головой бьется о землю. Слюни летят во все стороны.

Тивана и Силано бросаются к нему, но по аудиосвязи гремит голос Бога:

– Назад! Всем назад, быстро!

И все подчиняются, так как у Бога голос лейтенанта Дэвида Метцингера, а никто не хочет иметь дело с ним. Дыхание Бога дует с небес, от пропеллеров медицинского вертолета, тот взбивает воздух невозможной тишиной, хотя его уже все видят, просто все, и в стелсе нет смысла, и никогда не было, ведь транспорт всегда рядом, просто на глаза не попадается, на всякий случай.

Сакс замолкает. Лицо – сплошная судорога, позвоночник как натянутый лук. Вертолет приземляется, вуп-вуп-вуп лопастей едва слышно даже с десяти метров. Машину рвет медиками и носилками, и сверкающе-черными пасхальными яйцами дронов с суставчатыми насекомьими ножками, поджатыми к брюшкам. Зеро отходят; медики окружают пострадавшего и загораживают тело.

Опять Метцингер:

– Ладно, мясотрясы. Всем отбой. Возвращаемся в Котэ.

Силано отворачивается, глаза уже забегали. Тивана и Калмю превращаются секундой позже. Гэрин шлепает Асанте по спине:

– Ладно, мужик, пора идти. Всякое случается, сам понимаешь, – и исчезает в собственной голове.

– Рядовой Асанте! Немедленно!

Коджо стоит на росчисти один, призывает мандалу и проваливается в слепоту. Тело поворачивается. Ноги двигаются.

Что-то начинает бег вниз по склону. Искусственный инструктор, всегда чувствительный к контексту, заводит лекцию о том, как справиться с потерей в бою.

Это все к лучшему, Асанте знает. В такое время пассажирам удобнее. Все эти глюки… побочные эффекты: в зомби-режиме они не проявляются никогда.

Что совершенно логично. Ведь именно в это существо вложили все деньги.

От станции к станции

Иногда он все еще просыпается ночью, приходит в себя от шока, от понимания, что по-прежнему существует – словно знание о собственной смерти добралось до него не сразу, дошло лишь спустя дни или недели, и теперь у Асанте дрожат колени, и перехватывает дыхание. Он постоянно ловит себя на том, что вызывает мандалу, а это всего лишь рефлекс бей/бегис на уже давно выдохшийся стимул. Смотрит на потолок, с трудом унимает панику, чувствует умиротворение, прислушиваясь к дыханию сослуживцев. Старается не думать о Кито и Рашиде. Старается не думать в принципе. Иногда очухивается в кают-компании, один, если не считать обязательного дрона, парящего за углом; тот всегда готов поднять тревогу и ввести лекарство, если Асанте вдруг свалится из-за какой-нибудь запоздавшей и жесткой реакции на сотню новых модов. Коджо смотрит на мир через один из изувеченных терминалов Котэ, базы КВС, (серфить можно, посылать ничего нельзя). Скользит по проводам и оптоволокну, отражается от геосинхронных станций до самой Ганы: направляет спутниковые камеры на головокружительно-эшеровскую аркологию университетских комплексов, подсаживается в мозг к роботам, бредущим по восточной части Рынка Маколы, снова удивляется гигантским генномодифицированным улиткам – некоторые уже размером с центрифугу – именно из-за них в шестилетнем Асанте вспыхнула первая искорка страсти к биологии. Он призраком странствует по знакомым улицам, где кенке и рыба всегда были вкуснее, если их печатали китайцы, пусть все рецепты и копировали у местных. Прекрасный хаос уличных барабанщиков во время Адая.

Асанте никогда не ищет друзей или родственников. Он не знает, почему: может, все еще не готов, может, наоборот уже пошел дальше. Он понимает одно: не стоит будить то, что лишь недавно заснуло.

Нулевая сумма. Новая жизнь. А еще игра, которой, как правило, оправдывают вооруженные конфликты.

И нулевое существование. Если у вас есть склонность к латыни.

* * *

Они зависают над затонувшим комплексом, уже давно брошенным на поживу прибывающим водам Галвестонского

залива: резервуары размером с собор, все в потеках ржавчины и гнили, башенные фильтры в двенадцать этажей высотой, переплетающиеся трубы, настолько массивные, что в них можно ходить.

Гэрин подсаживается рядом:

– Выглядит так, как будто краб изнасиловал осьминога.

– Ребята у вас какие-то дерганые, – говорит шериф. (Асанте тут же сжимает кулак, чтобы унять дрожь.) – Они под чем-то?

Метцингер не обращает внимания на вопрос.

– Захватчики выдвинули какие-нибудь требования?

– Как обычно. Прекратить нормирование, иначе они тут все взорвут. – Шериф качает головой, хочет вытереть пот со лба и чуть не бьет себя в лицо, когда ветхий экзоскелет «Бомбардир» глючит и чрезмерно компенсирует движение. – Тут все пошло псу под хвост, когда Эдуардс [239] пересохло.

– Они хотят разобраться с нехваткой воды, взорвав опреснители?

– А что, в ваших краях народ всегда действует разумно, лейтенант?

По пути сюда отряд проанализировал заводские спецификации до последней заклепки. По крайней мере, зомби проанализировали, совершенно безмолвно, одолженные взаймы глаза бегали по видеозаписям и фонам, вбирая то, что Асанте не смог бы воспринять, даже если бы увидел все сам. Ему известно лишь то, – Метцингер расщедрился на краткий брифинг для тех, кто путешествует туристическим классом, – что установку купили у Катара еще в те времена, когда краска могла облупиться, а металл – заржаветь, когда ты зарабатывал столько, что мог купить всю планету, просто выкачивая из-под земли вязкие ископаемые. А теперь здесь все рушится, теперь, когда все это перестало быть правдой.

«Да, похоже на Текзит [240] в миниатюре», – думает Асанте.

– Они все спланировали, – признает шериф. – Взяли херову тучу конденсаторов, подрубили их к генераторам и расставили в правильных местах. Если отправим туда дроны, ЭМП их тут же вырубит, – шериф бросает взгляд через плечо, где – если прищуриться посильнее – в знойном мареве, подымающемся от асфальта, едва проступает силуэт «Чинука». – Туда и в экзах соваться, скорее всего, рискованно, если только они не укреплены.

– Мы не будем пользоваться экзами.

– Насколько мы можем сказать, некоторые окопались у опреснителей, другие – у теплообменников. Шлепнем их микроволновыми, все трубы разорвет. С таким же успехом можем

тут все сами пустить на воздух.

– Что по вооружению?

– Да что хотите. «Сиг Сауэры», «Хеклер-Кохи», «Мэсуси». Думаю, у одного даже «Скорп» есть. Насколько нам известно, все кинетическое. Не поджарить.

– На ногах есть что?

– У них там «Волкодав». 46-G.

– Я имею в виду у вас, – уточняет Метцингер.

Шериф морщится:

– Часах в трех отсюда. Конечность повреждена. – Под взглядом Метцингера он продолжает: – «Бостон Дайнэмикс» отсюда свалили пару лет назад. У нас проблемы с запчастями.

– Что насчет местных сил правопорядка? Вы же не можете тут сидеть в оди…

– Да там половина парней из местных сил правопорядка. Откуда, по-вашему, у них «Волкодав»? – Шериф начинает говорить тише, хотя вокруг вроде бы нет техасских патриотов. – Сынок, ты что, думаешь, мы бы вас вызвали, будь у нас выбор? Мы тут правопорядок-то с трудом поддерживаем. Если пойдут слухи, что нам пришлась прибегнуть к внешней помощи, чтобы разрулить семейную ссору…

– Не беспокойтесь. У нас бирок с именами нет, – Метцингер поворачивается к Силано. – Все, сержант, выдвигаемся!

Силано обращается к войскам, когда лейтенант исчезает в замаскированном «Чинуке»:

– Так, прощаемся. Автопилот через тридцать секунд.

Асанте вздыхает про себя. У этих бедолаг нет ни единого шанса. Даже винить их не получается: причина в голоде, отчаянии и отсутствии выбора. Как и в случае с сахилитами, которые убили его самого, в конце той, другой жизни: они были прокляты тем, что родились в пустыне, которая больше не могла их прокормить.

Силано поднимает руку:

– Пошли!

Асанте вызывает мандалу. Мир становится серым. Дрожащая рука успокаивается на рукоятке оружия.

Будет грязно.

Хорошо, что он ничего не увидит.

Потом Асанте, разумеется, рассмотрит всё в подробностях. Как и все остальные, когда вернутся на базу. Они до сих пор учатся. Весь мир – их большой учебный класс.

– В кайнозое все заботились только о рефлексах, – младший лейтенант Оливер Мэддокс играл при майоре Эмме Росситер, которая сама редко появлялась на людях, роль ученика чародея из Святого ордена нейроинженеров и сейчас болтал с радостью девятилетки на собственном дне рождения. – Стреляй, беги, ложись, ползи, наблюдай за огнем – все это тело совершает бездумно, когда кто-нибудь крикнет «Контакт». Изначально вся программа сводилась к ускорению этих макропараметров. Их никогда не волновало то, что подсознательный разум не только реагирует, но и думает. Анализирует. Я им об этом говорил годами, но они ничего не понимали до настоящего времени.

«Их» Асанте никогда не видел. Они не писали, они не звонили. Никогда не приходили с визитом. Скорее всего, подписывали кучу счетов.

– Но вот здесь перед нами прекрасный пример тактического гения зомби-разума.

Интерфейсы записывали все. После операции Мэддокс собрал все данные воедино, получился сборник лучших хитов с термосигнатурами, предварительными оценками угрозы и кучей алгоритмов экстраполяции для заполнения пробелов. Сейчас он раскладывает доску для игры – стены, полы, промышленная требуха, все магически прозрачное – после чего запускает людей внутрь.

– Итак, у нас восемнадцать тяжеловооруженных противников окопались в каждой стратегической точке, – гомункулы светятся красным на критических участках. – Работает поле помех, а потому телеметрией не поделишься, если только не на линии прямой видимости. У нас есть робот, защищенный от электромагнитного воздействия и запрограммированный атаковать всех, реагировать на любой писк, причем его еще оглушили по всему спектру, так что даже если бы мы раздобыли коды для взлома, он бы их просто не услышал. – Иконка «Волкодава» особенно яркая: наверное, взяли из какого-нибудь рекламного архива «БоДайн». – А еще у нас есть безумный уродец с аварийным размыкателем, и если сердце этого психа остановится, все вокруг взлетит на воздух, – ну, или если он посчитает, что мы слишком близко подобрались к цели. А вы даже не в курсе, что происходит. И тем не менее.

Мэддокс запускает часы. В лабиринте иконки начинают убыстренный танец.

– Гэрин входит первым и сразу капитально лажает. Он лишь слегка задевает нападавшего – даже крови нет – и вдобавок забывает про глушитель. Гэрин – просто молодец. Ты не смог нейтрализовать цель, и теперь все здание в курсе, где ты находишься.

Асанте помнит, как эхо от этого выстрела разлетелось по всему заводу. Помнит, как у него заныло в желудке.

– Тут из-за угла появляется один из приятелей нашего реднека, и… Гэрин снова мажет! Задевает парня по плечу. А вот потом на сцену выходит настоящий монстр всей вечерины, «Волкодав» спешит на выстрелы Гэрина, и этот чувак вооружен и очень опасен, но…

Из-за угла выруливает 46-G. Но целится он не в Гэрина, а берет на мушку террористов. Реднек и его приятель рассыпаются на маленькие красные кучки пиксельной пыли.

– Такого они не ожидали! – ликует Мэддокс. – Их замочил собственный робот! И, как по-вашему, почему это случилось?

Асанте хмурится.

– Значит, два пацана в ауте, Гэрин уже взбирается по лестнице и на трап, прежде чем робот возьмет его на мушку, а там стоит Тивана, с другой стороны здания, и у них с Гэрином происходит зрительный контакт буквально на полсекунды, – между соответствующими иконками мерцает яркая нить, – прежде чем Тивана снова прыгает на нижний уровень и начинает палить по реднекам, притаившимся у противоточной системы. И стрелок из нее такой же дерьмовый, как из Гэрина, да и с глушителем она также лажает.

Выстрелы повсюду, от всех. Асанте помнит, как он, слепой, гадит кирпичами от страха и думает, какой абоа допустил такую идиотскую ошибку, пока «Ранн-Сети» не оживает в его собственных руках, пока он не чувствует отдачу и не слышит звук выстрела, словно 130-децибеловую мишень на собственной спине. Тогда он подумал, что кто-то зачем-то саботировал в отряде все глушители.

Мэддокс по-прежнему в образе.

– Плохие парни откликаются на заваруху и начинают менять позиции. К этому времени Асанте и Силано также подхватили вирус криворукости, а «БоДайн» бегает вокруг и рвет своих на куски. В обороне противника образуется брешь, в нее проникает Калмю – кто-нибудь может прикинуть, каковы шансы на то, что она просто случайно оказалась именно в этом месте? – и без помех может прицелиться в парня с прерывателем. И она кладет

его точным выстрелом в шею. Полностью парализует бедолагу, но сердчишко у него по-прежнему бьется равномерно и без помех. Вот мы видим, как Калмю проверяет состояние цели и обезвреживает уже бесполезную машину Судного дня.

И все это, народ, заняло меньше пяти минут. В смысле, от входа до выхода прошло восемнадцать, но после пятой вы уже занимались зачисткой. И вот уже должны пойти титры, и тут Калмю подходит к «Волкодаву», спокойная как танк и гладит этого громилу. Усыпляет его на месте. Полицейские Галвестона получат своего робота обратно без единой царапинки. Пять минут. Это, сука, магия какая-то.

– Так, это… – Гэрин оглядывается. – Как мы это сделали-то?

– Калли, покажи им.

Калмю протягивает вперед запонку:

– Похоже, я это забрала у парня с взрывчаткой.

– Собачий свисток, ары и кеи.[241] – Мэддокс ухмыляется. – 50 килогерц, ни пилот, ни пассажир такой сигнал просто не услышат. Нельзя же перевести робота в режим бешенства без способа отличить друга от врага, правильно? С этими булавками «Волкодав» на вас даже не взглянул бы. Но если их потерять, он за секунду вам горло вырвет. Ваши лучшие половинки могли бы действовать чистенько, бесшумно, но тогда оставшиеся силы противника сидели бы по своим местам в полном вооружении, и никуда бы не рыпались. А их главный козырь заключался в самом крутом роботе «БоДайна». Именно поэтому ваши лучшие половины не стали всех убивать тихо. Нет, они прибегли к шуму и панике. Постреляли все свистки, вызвали пса, а тот атаковал собственных хозяев. Противник в ответ сменил позицию. То есть принялись погонять робота, как овцу, а тот в свою очередь выгнал террористов прямо вам под прицел. Точность из хаоса, но более всего впечатляет то, что у вас не было связи, только редкая оптическая синхронизация, когда вы друг друга видели. По идее, такая сеть ужасно неудобная, заметная, ничего хуже представить невозможно, и если бы я не видел все собственными глазами, то сказал бы, что это полный бред. Но каким-то образом вы, зомби, были в курсе оперативной сводки. Каждый знал, что ему надо сделать для достижения оптимального результата, и предполагал, что так же поступят другие, и групповая стратегия… просто появилась сама собой. Никто не отдавал приказов. Никто, черт побери, даже слова не сказал.

Теперь, когда идет повтор, Асанте все видит сам. Есть в этом какая-то красота: движение узлов, прерывистая сеть лазерных лучей, мерцающая между ними, постепенная концентрация сигнала из шума. Это не просто танец, не просто слаженная

командная работа. Это больше похоже на… распределенный организм. Как пальцы на руке, двигающиеся вместе.

– Только помните, если кто спросит, мы такого говорить не будем, – добавляет Мэддокс. – Мы скажем, что в каждом сценарии, при котором Галвестонский завод взлетал на воздух, этот взрыв становился точкой невозврата для всей пост-Текзитовской территории. Мы скажем, что с вероятностью в 95 % такое событие привело бы к широкомасштабным бунтам и волнениям на самом пороге ЗапПола – и именно этот вариант Зеро красиво и тихо предотвратили. Неплохо для первого полевого задания.

Тивана поднимает руку:

– А кто конкретно будет спрашивать?

Хороший вопрос. За тринадцать месяцев с тех пор, как Асанте влился в ряды «Нулевой Суммы», ни один чужак не появился на территории корпуса. Впрочем, неудивительно, ведь Котэ, база канадских вооруженных сил, была закрыта уже двадцать лет; эту информацию Асанте нарыл пару недель назад во вполне доступных и открытых источниках.

Мэддокс еле заметно улыбается:

– Любой, кто кровно заинтересован в традиционной субординации.

Где мы сейчас

Асанте пробуждается в лазарете, стоит у подножия койки Карлоса Акосты. Справа из полуоткрытой двери льется тусклый свет: клин потертого линолеума растворяется во тьме, крохотный красный знак «ВЫХОД» горит в пустоте над лестничным пролетом. Слева стеклянная стена нейрохирургии. Там с потолка свисают суставчатые телеопы, как конечности богомолов с невероятно хрупкими пальцами. Лазеры. Иглы и нанотрубки. Манипуляторы, чувствительные настолько, что способны отделить друг от друга даже атомы. Каждый Зеро столько раз лежал под этими ножами, что сосчитать трудно. Обычно операции ведет софт. Иногда процессом руководят человеческие врачи из каких-то секретных лабораторий, старомодные резчики, которые так ни разу и не показались во плоти, хотя Асанте полосовали частенько.

Акоста лежит на спине, глаза закрыты. Выглядит он почти спокойным. Даже лицевой тик исчез. Он тут уже три дня с тех пор, как потерял правую руку в Гераклионе из-за умных игольников. Дело, конечно, пустое. Все отрастет благодаря вживленной ДНК саламандры да капельницы с аминоглюкозой и стероидами. Будет как новенький уже через три недели – то есть в том состоянии, в котором был, когда Зеро наложили на него лапу – а на ноги встанет уже через полторы. Пока же баланс довольно мудреный: конечно, обмен веществ ему сейчас разогнали до реактивной скорости, но все ради роста тканей. В таких условиях сил не остается даже для похода в ванную.

Коджо Асанте недоумевает, почему стоит здесь в три часа ночи.

Мэддокс говорит, что не стоит волноваться из-за редких приступов лунатизма, особенно, если ты и так имел к ним склонность. Мощных припадков ни у кого не было уже несколько месяцев, с самого Галвестона: сейчас все моды, похоже, занимаются тонкими настройками. Росситер уже давно отозвала ботов-помощников, которые раньше следили за каждым незапланированным шагом подопечных. Майор даже разрешает время от времени покидать базу, когда бойцы хорошо себя ведут.

Впрочем, об остаточных побочных эффектах забывать не стоит. Асанте смотрит на предательскую дрожь в своей ладони, аккуратно берет ее другой рукой и держит, пока нервы не успокоятся. Переводит взгляд на своего друга.

Глаза Акосты открыты.

Но на Асанте они не смотрят. Коджо кажется, что они просто

не могут хоть на чем-нибудь остановиться. Дергаются, мечутся, туда-сюда, туда-сюда, вверх-вниз-вверх.

– Карл, – тихо произносит Асанте. – Как дела, мужик?

Тело больного неподвижно. Его дыхание неизменно. Он ничего не говорит.

У зомби с разговорами плохо. Они умные, но невербальные, как пациенты с разделенными полушариями, те тоже слова понимают, но произнести их не могут. С письменным языком проще. Мозги зомби плохо справляются с обычной грамматикой и синтаксисом, но они разработали что-то вроде визуального пиджина, который, по заверениям Мэддокса, эффективнее английского языка. Похоже, именно им и пользуются на всех брифингах.

Мэддокс еще заявил, что его команда сейчас работает над каким-то таймшерным решением, хотят разделить контроль над зоной Брока между лобно-теменной долей и ретроспленальной корой. «Скоро вы буквально сможете с собой поговорить», – говорит он. Но пока без успехов.

Такпад на столике у кровати тускло светится матрицей зиджинских символов. Асанте кладет его под правую руку Акосты.

– Карл?

Ничего.

– Просто подумал, что я… так, зашел проверить, как ты. Ну, будь здоров.

Он на цыпочках идет двери, кладет дрожащие пальцы на ручку. Делает шаг в темноту коридора, на ощупь, по памяти добирается до своей койки.

Эти глаза.

Он их видел уже миллионы раз. Но раньше глаза его сослуживцев танцевали, метались в стоящих прямо телах, в мощных автономных штуках, которые не стояли на месте. Видеть же такое движение в абсолютном покое – видеть, как эти глаза борются, словно попали в ловушку из кости и плоти – словно смотрят на мир из неглубокой могилы, как будто их не зарыли до конца…

Ужас. Вот что в них было. Настоящий ужас.

Мы – мертвецы

Специалист Тарра Калмю исчезла. Утром все видели, как Росситер сообщила эту новость Мэддоксу, и во время разговора тот из Весельчака с вечной придурковатой улыбкой превратился в лейтенанта Камнелица. С другими бойцами он говорить на эту тему отказался. Силано умудрился перехватить Росситер по пути на вертолетную площадку, но сумел выжать из нее лишь пару слов о том, что Калмю «перевели».

Метцингер поначалу посоветовал им не задавать вопросы. А потом отдал такой же приказ.

Но как замечает Тивана – Асанте встречает ее вечером на погрузочной площадке, Тивана сидит, прислонившись спиной к столу, заваленному деталями от машин – можно задать кучу поисковых запросов, ни разу не воспользовавшись знаком вопроса.

– Коллега-труп.

– Коллега-труп.

Так они друг друга приветствуют с тех пор, как узнали, что у них много общего. (Тивана погибла во время атаки реалистов в Гаване. Самый худший отпуск в жизни, по ее словам). Они – единственные из Зеро, (пока, по крайней мере) кого воскресили из мертвых. Поэтому остальные их слегка побаиваются.

И держатся поодаль.

– Гэрин видел ее последней, у «Дыры памяти». – Тивана в смарточках, настроенных на общественную сеть. Конечно, так ей можно заглянуть через плечо, но зато командование не особо мониторит виртуальную активность. – Она болтала с какой-то рыжей женщиной, у той еще было лого «Хансон Геотермал» на куртке.

Две ночи назад Метцингер спустил всех с поводка, наградив за подавление атаки реалистов на гиланд «Созвездие». Они отправились в Банф отдохнуть в реальном мире.

– И?

Отсветы из-под очков раскрашивают щеки Тиваны мерцающим сиянием.

– И полицейский дрон нашел труп женщины, подходящей под это описание, у какой-то общественной трахбудки буквально в двух кварталах к югу. В ту же самую ночь.

– Ох, – Асанте садится на корточки рядом с Тиваной, та сдвигает очки на лоб. Подрагивающий глаз, покачиваясь, смотрит на него.

– Да, – она тяжело вздыхает. – Судя по ДНК, это была некая

Никки Стекман.

– И как…

– Они не говорят. Только просят сообщить, если кто-нибудь что-нибудь видел.

– А есть свидетели?

– Ушли они вместе. Завернули в переулок. И больше никаких данных с камер, что странно.

– А там реально не могло быть камер? – бормочет Асанте.

– Нет. Полагаю, что нет.

Они с минуту сидят молча.

– И что ты думаешь? – наконец, спрашивает она.

– Может, Стекман не любила грубо, и дело приняло скверный оборот. Ты же знаешь Калли, она… ей не всегда нравится ответ «нет».

– Нет чему? Мы же все на антилибидниках. Зачем она вообще…

– Она никогда никого не убивала из-за…

– Может, она и не убивала, – говорит Тивана.

Асанте моргает:

– Ты считаешь, она превратилась?

– Может, не по своей вине. Возможно, имплантаты каким-то образом включились, ну, рефлекторно, что ли. Калли увидела непосредственную угрозу, или ее лучшая половина так все интерпретировала. Взяла контроль на себя и разобралась с проблемой.

– Но оно же не должно работать так.

– Оно и нервную систему Сакса не должно было поджарить.

– Да ладно тебе, Соф. Это ж древняя история. Нас бы не отправили на задания, не пофиксив все эти темы.

– Да ну, – ее больной глаз целенаправленно смотрит на его больную руку.

– Наследные глюки не в счет. – Нервы, задетые при операции, лишний миллиампер, проникший в веретенообразную извилину. Какой-нибудь сбой есть у каждого. – Мэддокс говорит…

– Ой, ну разумеется. Мэддокс очень хочет все подчистить. Только на следующей неделе. Или в следующем месяце. Пока приживутся последние отладки, или пока не будет каких-нибудь локальных, сука, конфликтов где-нибудь на Камчатке. А в зомби-режиме глюки даже не проявляются, так чего парится?

– Если бы они считали имплантаты дефективными, то не отправляли бы на задания.

– Ну, что ты, – Тивана разводит руками. – Ты говоришь «задания», я говорю «полевые испытания». В смысле, дух товарищества – это круто! Мы на передовой, мы можем быть Зеро!

Но ты просто взгляни на нас, Джо. Силано был мятежником в Рио. У Калмю полно обвинений в неподчинении приказам. Тебя и меня соскребли с обочины. Никого из нас явно нельзя назвать особо выдающимся индивидом.

– А разве не в этом смысл? Что любого можно превратить в суперсолдата?

«То есть любое тело».

– Джо, мы – лабораторные крысы. Они не хотят поджарить мозги отличникам из Вест-Пойнта из-за бета-версии, потому чистят баги сейчас. Если программа пойдет вширь, нас тут уже не будет. А значит… – Она тяжело вздыхает. – Это имплантаты. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Надеешься?

– А ты, значит, предпочитаешь вариант, что Калли превратилась в берсерка и без всякой причины убила гражданскую?

У Асанте покалывает в затылке, наверное, психосоматика, он старается не обращать на это внимания и говорит:

– Росситер не стала бы говорить о «переводе» в таком случае. Тогда бы речь шла о военном трибунале.

– Да она никогда не заведет речь о военном трибунале. Когда речь будет идти о нас.

– И то верно.

– Сам подумай. Ты хоть раз видел тут какого-нибудь политика, который приехал посмотреть, куда идут деньги налогоплательщиков? Или хоть одного офицера на базе, помимо Метцингера, Мэддокса или Росситер?

– То есть все это незаконно.

Едва ли это откровение.

– Причем настолько, что, считай, у нас тут царят обычаи каменного века. Мы не знаем, сколько на нас приходится обеспечивающего персонала. Девяносто процентов всей поддерживающей инфраструктуры находятся вне базы, а тут сплошные роботы и телеопы. Мы даже не в курсе, кто нам черепа вскрывает. – Тивана склоняется к нему в сгущающейся тьме, пристально смотрит здоровым глазом. – Это все вуду, Джо. Может, программа и началась с малого, с каких-то элементарных вещей, но сейчас? Ты и я, мы, черт побери, зомби, в буквальном смысле. Мы – воскрешенные трупы, которые танцуют на ниточках, и если ты думаешь, что Персефона Общественная с этим примириться, то ты веришь в нее гораздо сильнее, чем я. Думаю, что о нас не знает Конгресс. И парламент не знает; могу поспорить, что в КСО о нас даже не в курсе, максимум там есть какая-нибудь строчка в бюджете под грифом «психологическое

исследование». И они просто не хотят знать. И если все так старательно держат в тени, неужели они позволят какому-то банальному судебному процессу выволочь всю подноготную на свет?

Асанте качает головой:

– Но все равно должна быть подотчетность. Какой-то внутренний процесс.

– Так вот он и есть. Ты исчезаешь, а они говорят, что тебя перевели.

Он на секунду задумывается:

– И что нам делать?

– Для начала поднимем бунт в столовой. Потом маршем пойдем на Оттаву, требуя равных прав для трупов, – Тивани закатывает глаза. – Мы ничего не будет делать. Ты, кажется, забыл: мы умерли. Юридически мы больше не существуем, и если только ты не заключил сделку сильно лучше, чем я, у нас есть единственный способ что-то изменить – не высовываться, пока нас не отправят в почетную отставку. Мне не нравится быть мертвой. Я бы очень хотела когда-нибудь снова воскреснуть. А пока…

Она снимает очки с головы. Выключает их.

– Мы будем действовать осторожно.

Рикошет

Сержант Коджо Асанте действует очень осторожно. И когда идет в бой против реалистов и борцов за права ИИ. И когда его натравливают на хорошо оснащенные частные армии, ведомые идеологией и выгодой, на оборванных повстанцев, воющих лишь из-за жажды и отчаяния, на отбившиеся от рук дарвиновские Банки и неизбежных религиозных экстремистов, которые – спустя четверть века после завершения Темного Десятилетия – так и не прекратили увечить и уничтожать во имя своих Невидимых друзей. Все идет хорошо, пока не приходит двадцать первый месяц его срока, и Асанте убивает троих невооруженных детей где-то неподалеку от побережья Гондураса.

Зеро поднялись из глубин Атлантики, чтобы взять штурмом один из бесчисленных гиландов, путешествующих по океаническим течениям. Иногда их используют беженцы, и на таких гиландах ютятся тысячи людей; другие служат укрытием для аферистов и налоговых уклонистов, которые с радостью плюют на ограничения постоянных юрисдикций. Есть и военные, они покрыты слоем хроматофоров и нанотрубок, глушащих радары: это искусственные острова больше любого аэропорта, невидимые для людей и машин.

«Caçador de Recompensa» [242] – рыбная ферма, семейный бизнес, зарегистрированный в Бразилии: два скромных гектара низкобортных конструкций на корпусе в виде пончика с кучей плавучих садков посередине. Сейчас гиланд оккупировали силы, верные последней инкарнации «Сияющей тропы». Та до сих пор процветает, так как ее источники снабжения не имеют конкретного адреса – и, как напомнил Метцингер перед погружением, лучше предотвратить битву, чем выиграть ее. Если «Тропа» не сможет кормить свои войска, может, она не пустит их в бой.

Фактически Зеро отправили на миссию спасения.

Асанте подслушивает звуки битвы, вдыхает смрад нефти, соленого воздуха и гнилой рыбы, а картина мира от Злого Близнеца проносится перед глазами кляксами света и непонятными вспышками данных с миллисекундной продолжительностью жизни. Ну если не считать мишеней, разумеется. Если не считать кратких стробоскопических мгновений, когда ЗБ захватывает цель, и лица замирают, а потом расплываются: парочка южноазиатских мужчин в комбинезонах, сжимающих в руках «Хеклер и Кохи». Раненный древний «ЧжанЛу», покачивающийся на двух с половиной ногах, луч из его

MAD [243] -пушки дрожит так, что уже ничего поразить не может. Дети в спасжилетах, два мальчика, одна девочка; судя по виду, им лет семь, десять максимум. Каждый раз Асанте чувствует отдачу автомата, а потом ЗБ тут же переключается на следующую жертву.

В режиме пассажира эмоции ленивы и неповоротливы. В момент выстрела Асанте ничего не чувствует, шок приходит позже. Ужас еще только показывается на горизонте, когда случайный рикошет отправляет Коджо на место водителя.

Пуля не проникает внутрь – чтобы пробиться сквозь крисомаллоновую [244] броню, плотно обтягивающую кожу, надо побольше сил – но векторы все же взаимодействуют. Инерция переходит от маленького быстрого объекта к медленному и большому. Мозг Асанте вздрагивает в своей полости; мясо ударяется о кость, отскакивает. Серое вещество получает легкую травму, и где-то глубоко в какой-то важной цепи случается короткое замыкание.

Конечно, сначала вспыхивает боль, она, как напалм, разливается по голове, пока эндокринные помпы ее не тушат. В сетке данных огонь, пламя статики и алая иконка, предупреждающая об отключении З-режима. Но потом происходит чудо: Коджо снова видит. Высоко стоящее солнце в ярко-синем небе. Далекую линию горизонта. Столбы маслянистого дыма, поднимающиеся от развороченных машин.

И тела.

В паре сантиметров справа воздух трещит. Асанте инстинктивно падает на палубу, скользкую от крови и серебряных чешуек, давится из-за неожиданной вони, идущей от раздутых рыбьих трупов, которые распирают садок прямо перед ним. («Гибриды атлантического кижуча, – помимо воли замечает он. – Может, даже с новыми генами Шоуэлла»). Турель на гусеницах искрит и дымится с другой стороны, в ее корпусе зияет дыра.

Предплечье Асанте закрывает тень. Откуда-то с неба прыгает Тивана, дифракторы сдвинуты на лоб, глаза бешено танцуют в глазницах. Она зачищает участок, изящно, как стрекоза, приземляется на одну ногу, второй бьет спазматическую турель. Та искрит в последний раз и падает в садок. Тивана исчезает, спускаясь по ближайшему трапу.

Асанте поднимается на ноги, крутится, ища угрозу, не видит ничего, кроме поверженных врагов: курящиеся обрубки автотурелей по периметру, тела мужчины с отстреленной рукой и женщины, которая тщетно тянулась к валяющемуся вдалеке гарпуну. А еще маленькую хрупкую фигурку, чуть ли не вплавленную в палубу: черные палочки вместе рук и ног, белые

зубы, осклабившиеся на обгоревшем черепе, все вместе держит растекшаяся лужа оранжевой ткани и поливинилхлорида. Асанте видит все. Не просто отдельные кадры в тумане: нет, дело рук Зеро впервые предстает перед ним с панорамным обзором и иммерсивной четкостью.

«Мы убиваем детей…»

Даже тела взрослых не похожи на бойцов. Максимум на беженцев, которые поневоле решили взять силой то, что иначе не получили бы никогда. Может, они просто хотели добраться до какой-нибудь безопасной зоны. Накормить своих детей.

У его ног смердящий ковер из мертвого лосося бесшумно смыкается над упавшей турелью. Нет, они не кормили никого, кроме миксин и червей.

«Я превратился в сахилита», – Асанте чувствует, как внутри все немеет. Он вызывает интерфейс, не обращает внимания на непонятную ауру по краям зрения, выбирает GPS.

Даже близко не Гондурас. Это Мексиканский залив.

Никто в здравом уме не сунулся бы сюда с рыбофермой. В лучшем случае в водах залива сейчас нет кислорода; в худшем они просто огнеопасны. «Caçador», наверное, дрейфом прошел через Юкатанский канал, а здесь попал в петлю вихревого течения. Вся рыба тут же задохнулась, как только попала в мертвую зону.

Но гиланды не отданы во власть течений. У них есть рудиментарные двигательные установки, они могут причаливать и отчаливать, менять потоки, ложиться на другой курс. То, что «Caçador» настолько далеко забрался в Мексиканский залив, говорит либо о катастрофическом сбое оборудования, либо о чудовищном невежестве.

Первую возможность Асанте может проверить. Он, покачиваясь, идет к ближайшему трапу…

…но тут Тивана и Акоста выпрыгивают из-под палубы. Акоста хватает Коджо за правую руку, Тивана – за левую. Они даже не замедляются. Асанте волочит ноги. Из-за толчка и скорости висок снова колотит от боли.

Он кричит:

– Двигатели…

Новая боль, уже с другой стороны, острая и повторяющаяся: древний грузовой пояс покачивается туда-сюда на теле Акосты, потертая нейлоновая полоска, продетая через набор свинцовых блоков. Как будто тебя бьет крохотный таран. Асанте даже становится интересно, где Акоста достал эту рухлядь; но тут его внимание привлекает Гэрин, он появляется неожиданно, на плече несет чье-то маленькое окровавленное тело. Свободной рукой

подхватывает обломок расчлененной турели и несется дальше.

Все бегут к фальшборту.

Тивана вставляет в рот загубник, натягивает дифракторы. Разряжает обойму прямо в палубу перед собой, практически у воды: пули рвут пластик и выгоревшее на солнце стекловолокно, ослабляя причальный кнехт, старый и железный. Она наклоняется, подхватывает его, прижимает к груди, по-прежнему крепко держа Асанте. Он слышит, как с тихим треском выскакивает из сустава кость за секунду до того, как все прыгают в воду.

Они падают головой вперед, их тащат сто килограмм импровизированного балласта. Асанте задыхается, вставляет загубник в рот; выкашливает морскую воду через слив и жадно всасывает свежий гидрокс. Давление обрушивается на барабанные перепонки. Асанте сглатывает, потом еще раз, умудряется опередить разрыв буквально на пару миллибар. Свободы у него достаточно, чтобы вцепиться в лицо и натянуть дифракторы на глаза. Океан тут же приходит в фокус, чистый, как кислота, пустой, словно зеленое стекло.

Но потом все заслоняет белизна.

В этом ослепляющем мгновении видны четыре тонких потока пузырьков, поднимающихся к неожиданно раскалившейся поверхности. Четыре темных тела, падающих прочь от света. Громовой раскат разносится в воде, глубокий, низкий, он скорее чувствуется, чем слышится. Идет отовсюду и ниоткуда.

Поверхность океана в огне. Какая-то невидимая сила сверху рвет в клочки их инверсионный след, раздирает пузырьки на серебряное конфетти. За ними неумолимо гонится ударная волна. Океан раздувается, отступает. Сжимает Асанте, словно в кулаке, растягивает как резину; Тивану и Акосту уносит обратным потоком. Коджо бьется, восстанавливает равновесие, когда сверху материализуются какие-то заостренные формы: оторванные куски заминированного гиланда медленно и торжественно падают в глубину. Клин, оставшийся от палубы и трапа, запутавшийся в оптоволокне, проплывает буквально в паре метров. Тысячи стеклянных рыбьих глаз смотрят из сети, пока обломки растворяются во тьме.

Асанте ищет пятый след из пузырьков, последнюю черную фигуру, которая могла бы уравновесить тех, кто ушел, и тех, кто вернулся. Но наверху никого нет. Внизу еле различимый человек – кажется, Гэрин – вставляет свой загубник в рот телу, обмякшему на его руках. А под ним клубится чернота, заметная даже на фоне глубины: акулоподобный силуэт держит строй в медленном дожде из обломков. Ждет, чтобы забрать домой своих блудных

сыновей.

Они находятся слишком близко к берегу. Могут быть свидетели. Накрылась секретная операция. Все, придется выйти из тени и ответить на кое-какие вопросы. Метцингер так расстроится.

Но с другой стороны, они же в Мексиканском заливе.

Любые свидетели вполне могут решить, что он просто горит. Опять.

– Своими словами, сержант. Не торопитесь.

«Мы убили детей. Мы убили детей и потеряли Силано, и я не понимаю, почему. И не знаю, понимаете ли вы».

Но тогда, разумеется, пришлось бы поверить на слово майору Эмме Росситер.

– А ребенок?.. – Метцингер уже подключил трофей Гэрина к системе, когда Асанте взошел на борт подлодки. Гэрин, конечно, понятия не имел, что делает его тело, а Метцингер дискуссий не поощрял.

Да и к лучшему. Все равно ни у кого не было настроения разговаривать.

– Извините, она не выжила, – Росситер выдерживает по ее мнению уважительную паузу. – Если бы могли сосредоточиться непосредственно на теме…

– Дерьмовое было дело, – говорит Асанте. – Сэр.

– Это мы поняли, – майор выдавливает из себя сочувственную улыбку. – Мы надеялись, что вы сообщите нам чуть больше деталей.

– У вас же есть логи.

– Это цифры, сержант. Пиксели. А вы, пусть и совершенно случайно, оказались в уникальном положении, и можете рассказать нам гораздо больше.

– Я даже под палубу не спускался.

Росситер, кажется, чуть расслабилась:

– Тем не менее. Один из вас впервые загрузился прямо во время операции, и мы не хотим, чтобы нечто подобное повторилось. Мэддокс уже работает, переключение будет жестче. Но ваша точка зрения может очень помочь нам в том, чтобы больше таких ситуаций не было.

– Моя точка зрения, сэр, заключается в том, что противник не требовал нашего набора умений.

– Нам интереснее узнать о вашем опыте во время загрузки, сержант. Например, чувствовали ли вы дезориентацию? Видели ли какие-то артефакты на интерфейсе?

Асанте стоит, руки в замок за спиной – здоровая держит больную – и молчит.

– Прекрасно, – улыбка Росситер становится мрачной. – Тогда давайте поговорим о вашей точке зрения. Вы считаете, для такого задания хватило бы усилий регулярных войск? Вы хоть представляете, какие были бы потери, отправь мы туда, скажем, десантников ЗапПола?

– Там были беженцы, сэр. Они не представляли…

– Сто процентов, сержант. Мы бы потеряли всех.

Асанте молчит.

– Неаугментированные солдаты не успели бы уйти с гиланда до взрыва. И даже если бы успели, то не смогли бы увеличить скорость погружения, и их убила бы продольная волна. Думаете, регулярные войска сумели бы принять такое решение? Предвидеть ситуацию, просчитать варианты, на ходу придумать стратегию, чтобы миновать смертельную зону? И все это за минимальное время, его бы хватило максимум команду отдать.

– Мы убили детей, – это практически шепот.

– Сопутствующий ущерб – вопрос, достойный сожаления, но, к сожалению, неизбежный…

– Мы целенаправленно убивали детей.

Росситер начинает возиться с такпадом: стук, стук, в сторону.

– Эти дети, – говорит она наконец. – Они были вооружены?

– Полагаю, что нет, сэр.

– Они были голыми?

– Сэр?

– Вы можете с уверенностью сказать, что они не несли скрытого оружия? Например, пульт дистанционного управления для тысячи килограммов CL-20?

– Они… им было не больше семи или восьми лет, сэр.

– Мне не нужно рассказывать вам о детях-солдатах, сержант. Они – уже несколько веков реалия жизни, особенно в вашем… в любом случае. Просто для интереса, насколько молодым должен быть человек, чтобы вы не считали его потенциальной угрозой?

– Я не знаю, сэр.

– Нет, знаете. И знали. Потому и сочли их мишенью.

– Это был не я!

– Разумеется, не вы. А ваш… злой близнец. Вы же так его называете? – Росситер наклоняется вперед. – Послушайте меня очень внимательно, сержант Асанте, так как вы явно страдаете от серьезных заблуждений относительно того, чем мы тут занимаемся. Ваш близнец не злой, он не действует без причины. Он – это вы: причем он куда больше вот этой скулящей сучки, которая сейчас стоит передо мной.

Асанте стискивает зубы и держит рот на замке.

– Внутреннее чутье, которое вас так беспокоит. Ощущение правильного и неправильного. Как вы думаете, сержант, откуда оно исходит?

– Из опыта. Сэр.

– Это результат вычислений. Целой серии вычислений, которые слишком сложны, чтобы вместиться в пространство

сознания. Именно поэтому подсознание посылает вам… так скажем, краткое резюме. Ваш злой близнец знает все о вашем моральном негодовании. Он – его источник. У него гораздо больше информации, чем у вас. И он обрабатывает ее гораздо эффективнее. Может, вам стоит поверить ему? Он знает, что делает.

Он не верит. И ей не верит тоже.

Но, к своему удивлению, Коджо понимает Росситер.

«Она не доказывает свою точку зрения. И это не просто риторика». Озарение появляется в разуме целиком, как яркий осколок, все становится ясно. «Она думала, что все пройдет как по маслу. И сейчас понятия не имеет, что там произошло».

Асанте наблюдает за тем, как двигаются пальцы майора, пока она говорит. Замечает, как она нервно облизывает уголок рта кончиком языка. Росситер смотрит ему в глаза и сразу отворачивается. Она напугана. И сильно.

Оглянись в гневе

Асанте пробуждается, стоя на лугу высоко в горах. Небо безоблачно, в нем полно звезд. Форма Коджо промокла то ли от пота, то ли от росы. Луны нет. Поляну со всех сторон окружают ели. На востоке первые проблески оранжевого света просачиваются сквозь ветви.

Асанте читал, что в это время когда-то пели птицы нескладной симфонией, начинавшей день. Он никогда их не слышал. И сейчас не слышит. В лесу нет звуков, кроме дыхания Коджо…

…и треска ветки под чьей-то ногой.

Он оборачивается. Смутная тень отделяется от тьмы.

– Коллега-труп, – говорит Тивана.

– Коллега-труп, – отвечает Асанте.

– Ты куда-то ушел. Подумала, что лучше пойти за тобой следом. Убедиться, что ты не решил отправиться в самоволку.

– Кажется, ЗБ опять действует.

– Или ты просто ходишь во сне. Люди так делают иногда, – она пожимает плечами. – Может, дело в той же проводке.

– Лунатики людей не убивают.

– На самом деле бывали и такие случаи.

Асанте откашливается:

– А кто-нибудь еще…

– Никто не знает, что ты здесь.

– ЗБ-датчики отключил?

– Нет, я.

– Спасибо.

– Не за что.

Асанте оглядывается:

– Помню, как в первый раз увидел это место. Оно было… волшебным.

– А я углядела в нем иронию. – Коджо удивленно смотрит на нее, и Тивана поясняет: – Ну ты знаешь. Во всем этом дерьме осталось так мало нетронутых мест, и одно из них существует лишь потому, что ЗапПолу нужен полигон для учений, чтобы мы подрывали все вокруг.

– Я в тебе не сомневался.

Звезды тускнеют. Хотя Венеру по-прежнему видно.

– Ты как-то странно себя ведешь, – замечает Тивана. – После всей этой заварухи с «Caçador».

– Заваруха была странная.

– Слышала, – она снова пожимает плечами. – Наверное, надо

было самой все увидеть.

Он с трудом улыбается:

– Значит, ты ничего не помнишь…

– Ноги бегут вниз. Ноги бегут вверх. Мой зомби никуда не целился, потому я не знаю, что видела.

– Зато знает Метцингер. И Росситер. – Он присаживается на валун поудобнее. – Мы понятия не имеем, что видят наши собственные глаза, а вот начальство в курсе. Тебя это не беспокоит?

– Не особо. Просто так тут все работает.

– Мы не знаем, что конкретно там делали. Когда в последний раз Мэддокс показывал нам запись с операции? – Асанте чувствует, как напрягаются мускулы челюсти. – Мы вполне можем быть военными преступниками.

– Нет никаких «мы». Не тогда, когда это имеет значение. – Тивана садится рядом. – Кроме того зомби может и без сознания, но они не тупые; они знают, что наш долг – не подчиняться незаконным командам.

– Может, и знают. Только я не уверен, могут ли они пойти против цепей подчинения Мэддокса.

Кажется, где-то рядом готовится запеть птица.

Тивана вздыхает:

– Предположим, ты прав – я не говорю, что ты прав, но предположим, – и они реально послали нас расстрелять гиланд, набитый безоружными беженцами. Забудь о том, что на «Caçador» было столько взрывчатки, что можно было пустить на воздух целую деревню; забудь о том, что там убили Силано… черт побери, там чуть не пришили нас всех. Если все же Метцингер решил разбить пару невинных черепов, то все равно нельзя винить в этом молоток, который он использовал.

– И все же. Череп кому-то разбили.

С противоположной стороны отвечает другая птица. «Рассветный дуэт».

– Должны быть причины, – Тивана словно оценивает собственные слова.

Асанте много знает о «причинах» из той, другой жизни на другом континенте. Например, из мести. Или чтобы другие боялись. Из-за плохого самоконтроля. Наконец, просто смеха ради.

– Какие же?

– Я не знаю, хорошо? Большая картина находится куда выше моей оплаты. Но это не значит, что надо выбрасывать в помойку всю командную цепь каждый раз, когда тебе дают приказ без сопроводительного досье гигов на двадцать. Если ты хочешь,

чтобы я поверила, будто мы – рабы фашиствующих детоубийц, то тебе понадобится нечто большее, чем пара отрывочных картин того, что произошло на гиланде.

– А как насчет, не знаю, всей человеческой истории?

Венера наконец исчезла. Восходящее солнце пронизало луг золотом.

– Мы заключили сделку. Она, конечно, хреновая. Только еще хуже быть мертвым. Ты как, сделал бы иной выбор, даже сейчас? Пошел бы на корм рыбам?

Асанте не знает.

– Мы должны были умереть, Джо. Каждое мгновение нашей жизни сейчас – это дар.

Он смотрит на нее с искренним удивлением:

– Я, наверное, никогда не смогу понять, как это у тебя получается.

– Что?

– Совмещать Шопенгауэра и Полианну так, чтобы голова не взорвалась.

Она на секунду сжимает его ладонь. Потом встает:

– Мы прорвемся. Если только не будем раскачивать лодку. До самой почетной отставки, чтоб ее. – Тивана поворачивается к свету, и солнечные лучи озаряют ее лицо. – А до тех пор, если тебе, конечно, интересно, я буду тебя прикрывать.

– Тебя же нет, – напоминает ей Асанте. – По крайней мере, когда это важно.

– Я тебя прикрою.

Берегись этого человека

Замену Силано привлекли со стороны, привезли человека, которого Зеро раньше никогда не видели. Технически он был один из них, характерные шрамы явно зажили совсем недавно. Но что-то в нем казалось неправильным. В том, как он двигался; даже в его чине. Им прислали не младшего специалиста, не капрала и даже не сержанта.

– Поприветствуйте лейтенанта Джима Мура, – говорит им Росситер.

В команду Зеро наконец поставили настоящего офицера. И он – самый молодой из всего отряда. Мур сразу приступает к делу:

– Это шахта Нанисивика, – камеры уезжают под самую крышу мира. – Баффинова Земля, семьсот пятьдесят километров к северу от полярного круга, самое сердце Пояса Слякоти.

Пустынный изломанный пейзаж, сплошные оттенки красного и охряного. Друмлины, холмики и запутанные речные русла.

– Шахту закрыли в начале века. – На экране коричневая дорога, бегущая по какой-то безлюдной долине. Группа зданий. Зияющая пасть в земле. – Сейчас людей там нет, уж слишком далеко. Но не только поэтому. Еще там хранится восемь тысяч тонн высокоактивных ядерных отходов, которые канадское правительство привезло из Индии на консервацию. Очевидно, это была инициатива по диверсификации северной экономики.

Теперь на экране тактические схемы: зона приема и обработки. Железнодорожные рельсы спиралью уходят в Канадский щит. Туннели хранилища ветвятся, как улицы подземных микрорайонов.

– Проект забросили после того, как зеленые потеряли власть в тридцать восьмом году. Этими отходами, кстати, можно отравить кучу городов. Возможно, именно поэтому там сейчас кто-то окопался.

Гэрин поднимает руку:

– Кто-то, сэр?

– Пока у нас есть только сигналы о несанкционированной деятельности, плюс оперативная группа «Север» отправила туда дрон, но тот бесследно исчез. Так что наша цель – идентифицировать фигурантов дела. В зависимости от полученной информации мы либо будем разбираться сами, либо вызовем бомбардировщики. Мы все узнаем, лишь добравшись до шахты.

«Да и тогда конкретно мы ничего не увидим», – думает Асанте и в этот самый момент понимает, почему Мур кажется ему

таким странным.

– Ваши лучшие половины получат все детали операции по пути к цели.

Дело не в самом лейтенанте. Дело в том, чего у новичка нет: у Мура не дергается лицо, не дрожат руки. Речь четкая и ясная, глаза не бегают, смотрят спокойно и уверенно, никаких тиков. У Мура нет глюков.

– Мы ожидаем окно высадки уже через семь часов…

Асанте смотрит на Тивану. Та смотрит на него.

Бета-тестирование Зеро подошло к концу.

Подземные жители

«Локхид» сбрасывает их у подножия полуразрушенной пристани. Заброшенные магазины и пустые накренившиеся трейлеры словно нахохлились под мокрым снегом. Когда-то тут был порт; потом заправочная станция ЗапПола еще до того, как появилось само слово «ЗапПол», до того как из-за апокалипсической погоды в Арктике стало проще все запихнуть под воду. Какое-то тут жили рабочие с шахты, а потом из Нанисивика вывезли все ценное и заполнили другим материалом.

На интерфейсе 15:05, осталось меньше часа, если они хотят добраться до цели к закату. Мур ведет их по суше: по обветренным камням, вымоинам и блестящей прыщеватой поверхности, похожей на марсианскую. В полутора километрах от входа в могильник лейтенант приказывает пересесть всем на заднее сиденье.

Под новым управлением ноги Асанте ускоряют темп. Мир тут же размывается. Впрочем, здесь, на ветру, в ослепляющей метели, разницы все равно никакой нет.

Вроде бы вдалеке кто-то ревет и бежит. Чуть ближе слышится характерный разряд Е-40. Это не ЗБ. Глаза Асанте целомудренно скрыты туманом.

Через десяток шагов ветер исчезает. Еще с пяток, и поток ледяных игл превращается в легкий дождь, потом в морось. Асанте слышит мягкий скрежет тяжелого металла, так отпираются огромные засовы. Отряд проходит через какой-то портал, и сразу становится темнее раза в два. Позвякивание пряжек и стук ботинок тихим эхом отражаются от каменных стен.

Вниз. Плавный поворот налево. Гравий, пятна разбитого асфальта. ЗБ переступает через невидимые препятствия.

И останавливается.

Похоже, весь отряд замер; даже дыхания не слышно. Суперсаккадный бег, мерцающий в тумане, вроде бы ускоряется. Впрочем, у Асанте может просто воображение разыгралось. Где-то далеко под землей капает вода, разбиваясь о твердую поверхность.

Зеро тихо рассредоточиваются. Асанте – всего лишь пассажир, но шаги понимает, чувствует, как ноги несут его вбок, как он опускается на колени. Подкладки на локтях не оставляют пространства для тактильного фидбека, но поверхность под ним плоская и грубая, словно стол, покрытый наждачкой.

В воздухе стоит терпкий животный запах. Неподалеку что-то тихо пыхтит. Шевелится что-то большое, его движения

медленные, сонные.

«Может, кто-то оставил дверь открытой, и сюда что-то залезло…»

На ум приходят только гролары: чудовищные медведи, гибриды, зародившиеся на стыке двух экосистем, когда те из-за растущей нагрузки врезались друг в друга.

Ворчание. Низкий рык.

Звук нарастающей скорости.

Выстрелы. Рев, оглушающе близкий, скрежет металла о металл. Мерцающее тактическое гало неожиданно затухает: сетевой трафик обрушивается полностью.

Потом валится вся сеть: обмен пешками, Зеро жертвуют собственной локалкой, лишь бы подавить вражескую. Справа трещит MAD-пушка Мура. Секунда обжигающей жары, когда луч задевает руку Асанте; Мур задал широкий угол, но он промахивается. ЗБ вырывается из укрытия, прыгает, прицеливается. На одну кристаллическую миллисекунду Асанте видит стену грубой бледно-коричневой шерсти, она так близко, что можно дотянуться, каждый фолликула в фокусе.

Смыкаются облака. ЗБ дергает за спусковой крючок.

Рев. Скрежет огромных когтей по камням. Вонь невыносима, но ЗБ уже разворачивается за свежей жертвой, и щелк! – стоп-кадр чудовищных медвежьих челюстей на морде, широкой как дверь; щелк! – тоненькие коричневые ручки поднимаются навстречу атакующему врагу; щелк! – маленький мальчик с веснушками и пшеничными волосами, а потом Асанте снова слепнет, но чувствует, как ЗБ нажимает на спусковой крючок и хлоп хлоп хлоп – «Это же дети сукасукасука» – а ЗБ снова меняет курс и щелк! – крохотная спина шерстяная шуба черные волосы развевающиеся во вспышке от выстрела.

«Только не снова. Только не снова.

Дети-солдаты. Террористы-смертники. Веками».

Но в ответ никто не стреляет.

Асанте изучил звук каждого оружия, которое может использовать отряд, до малейшего щелчка или хлопка: шипение MAD-пушки, лай «Эпсилона», любимого «Олимпика» Акосты. И сейчас слышит только их, больше ничего. В кого бы они ни стреляли, те не отвечают.

«Во что бы мы ни стреляли. Ты слепой урод, убийца. Ты стреляешь в восьмилеток. Снова».

Опять стрельба. И по-прежнему никаких голосов, кроме последнего животного рева, сменившегося мокрым бульканьем и тяжелым шлепком мяса о камень.

«Это хранилище ядерных отходов в Заполярье. Что тут

вообще делают дети?

А что – я?

Что я?»

И неожиданно Асанте видит слова. «Все тавтологии – это тавтологии», и ЗБ опять под лестницей, двери подвала закрываются, а Коджо лихорадочно хватается за поводья, возвращает свою жизнь и открывает глаза:

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как мальчик с веснушками и в грязных шкурах сидит на плечах Райли Гэрина и проводит острым осколком стекла по его горлу. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как ребенок спрыгивает с тела, подхватывает пушку Гэрина и легко кидает ее азиатской девочке в замызганной набедренной повязке. Оружие летит через тускло освещенную пещеру, а девочка плывет по воздуху к окровавленному Джиму Муру. Асанте видит, как ребенок протягивает руку за спину и ловит автомат прямо в воздухе, даже не оглянувшись.

Это не просто танец, не командная работа. Они двигаются вместе, как пальцы на одной руке.

Гролар кучей валяется у полуразрушенного автопогрузчика, огромная рыжевато-коричневая тварь все еще загребает воздух массивными когтями, хотя из дыры у него в боку хлещет кровь. Мальчик, судя по всему, откуда-то из Южной Азии, у которого начисто отстрелена левая ладонь («может, это сделал я»), пригибается и вьется вокруг павшего гиганта. Мальчик… использует медведя, зубы и когти зверя образуют запретную зону, в которой гарантированно могут разорвать кого угодно на расстоянии трех метров. Почему-то эти зубы и когти с ребенком не соприкасаются.

Зато они коснулись Акосты. Карлос Акоста, любитель солнечного света и природы, лежит, разорванный посередине, уставившись в пустоту.

Гэрин падает на пол, кровь хлещет у него из горла.

«Это просто дети. Оборванцы. Безоружные».

Девочка отскакивает от грубо обработанных стен и окаменевшей техники, и наводит на Асанте автомат Гэрина. Ее голые ноги, кажется, даже не касаются земли.

«Они дети они же просто…»

Тивана отталкивает его с дороги, луч с шипением проносится мимо. Воздух сверкает, парит. Асанте ударяется головой об оснастку, трубы и ребристый металл, отскакивает от стали, падает на камень. Тивана приземляется прямо на него, ее глаза лихорадочно дергаются.

И останавливаются.

Это секунда настоящей паники, когда глаза замирают и

фокусируются – «она меня не узнает она фиксирует цель фиксирует цель» – но что-то сияет в них изнутри, и Асанте видит, что они не выискивают жертву. Просто смотрят.

– Софико?

«Что бы ни случилось, я тебя прикрою».

Но Софико уже нет, а может, ее тут никогда и не было.

Провал памяти

Мур сдает его Метцингеру. Тот смотрит на Коджо, молчит, но его взгляд говорит все: потом нажимает на переключатель и отправляет Асанте в режим пассажира. Даже не говорит оставаться на заднем сиденье. Да ему и не нужно.

Асанте чувствует стеклянную поверхность такпада под рукой ЗБ. Ладонь поначалу лежит неподвижно, как у трупа; потом взрывается серией нечеловечески быстрых постукиваний и смазываний; снова замирает. Перед глазами Асанте стоит яркое марево, иногда кто-то кашляет, бормочет, но больше ничего не прерывает глухой рев от двигателей «Локхида».

ЗБ допрашивают. Отчасти Асанте даже интересно, что тот говорит о нем самом, но на волнение нет сил.

Он не может поверить, что все погибли.

– Сержант Асанте, – майор Росситер качает головой. – А мы так сильно на вас надеялись.

Акоста. Гэрин. Тивана.

– Вам нечего сказать?

Хочется сказать так много. А вырывается все та же старая ложь:

– Они же были просто… дети…

– Возможно, именно эту надпись мы вырежем на могилах ваших товарищей.

– Но кто…

– Мы не знаем. Можно было бы заподозрить реалистов, но техника глубоко противна всему, за что они борются. И у них нет таких возможностей.

– Они же были практически голые. Это походило на гнездо…

– Скорее на рой, сержант.

«Пальцы одной руки…»

– Не как вы, – говорит она, словно прочитав мысли Коджо. – Сеть Зеро крайне… неэффективна, если подумать. Множество разумов, несколько голов, все действуют независимо, основываются на одной и той же информации и приходят к одному заключению. Бессмысленное дублирование усилий.

– А эти…

– Голов много. Разум один.

– Мы же подавили все частоты. Даже если там была сеть…

– Мы думаем, они так не работают. Скорее всего… у них биорадио, можно и так сказать. Вроде мозолистого тела с квантовой запутанностью, – Росситер хмыкает. – Но если сейчас ученые скажут мне, что мы встретили эльфов, придется им поверить.

«Caçador», вспоминает Асанте. Как много информации от одного маленького трупа.

– Зачем использовать детей? – шепчет он.

– О, Коджо, – Асанте даже моргает от такой перемены; Росситер этого, кажется, не замечает. – Они в последнюю очередь хотят использовать детей. Почему, по-твоему, их скрывали в океане или в арктической шахте? Речь не об имплантатах. Это генетическое, их породили. Их пришлось защищать, прятать, пока они не вырастут и не… созреют.

– Защищать? Бросив в могильнике для ядерных отходов?

– Бросив, да. Совершенно беззащитных. Как ты сам видел. – Асанте в ответ молчит, и майор продолжает. – Это же прекрасное

место, на самом деле. Соседей нет. От отходов тепло, можно разводить теплицы, скрыть свой тепловой след. Ни один спутник не засечет линии снабжения. Нет характерных электромагнитных волн. Судя по всему, там взрослых не было, дети просто… жили на подножном корме, так сказать. У них даже оружия не было, или они не хотели с ним связываться. Зато использовали медведей, ни много ни мало. А потом ваши пушки против вас. Может, они – минималисты, ценят импровизацию. – Она саккадирует что-то на такпад. – Может, хотят, чтобы мы гадали.

– Дети, – Асанте, кажется, заклинило, он все повторяет одно и то же слово.

– Это сейчас. Подожди, пока они достигнут зрелости, – вздыхает Росситер. – Мы там все разбомбили. Заплавили вход. Если внутри остались наши, наружу они не выберутся. Но речь же не о нас, так? Мы говорим о едином распределенном организме, чья вычислительная мощность на бог знает сколько порядков превышает обыкновенный человеческий мозг. Буду очень удивлена, если он не предвидел все наши планы и не придумал что-нибудь в ответ. И тем не менее. Мы делаем что можем.

На несколько секунд воцаряется тишина.

– И мне жаль, сержант, – Росситер собирается с духом. – Мне жаль, что все так получилось. Мы поступили как обычно. Кормили отряд байками, чтобы не поставить вас под удар и чтобы вы не стали угрозой для нас, ведь есть вероятность, что кто-нибудь поймает одного из Зеро и покопается у него в миндалевидном теле. Но переключатель всегда был только для вашей защиты. Мы не знаем, с кем сражаемся. Не знаем, сколько роев существует, какой зрелости они уже достигли, насколько… выросли. Понятно лишь одно: группа безоружных детей сумела расправиться с нашими лучшими силами, и мы совершенно не готовы рассказать об этом миру. И теперь об этом известно вам, сержант. Вы вышли из игры – возможно, именно это стало причиной провала операции – и обладаете информацией куда выше своего уровня допуска. Так скажите, как бы вы поступили на моем месте?

Асанте закрывает глаза. «Мы должны были умереть. Каждое мгновение нашей жизни сейчас – это дар». Когда открывает их, Росситер смотрит на него, бесстрастная как всегда.

– Я должен был там погибнуть. Я должен был умереть еще на Такоради, два года назад.

Майор фыркает:

– Давайте без мелодрамы, сержант. Мы не будем вас казнить.

– Я… что?

– Мы даже не отдадим вас под трибунал.

– Да какого черта, почему нет? – Увидев, как Росситер подняла бровь, Асанте осекся: – Сэр. Вы же сами сказали: несанкционированное включение. Прямо в разгар боя.

– Мы не уверены, что это было именно ваше решение.

– Я чувствовал, что это мое решение.

– А как иначе, сержант? – Росситер откидывается в кресле. – Не мы создали вашего злого близнеца, сержант. Не мы отдали ему власть. Мы просто убрали с дороги вас, чтобы он мог делать то, что обычно делает, без помех. Только теперь он, по-видимому, хочет вас обратно.

Эта мысль доходит не сразу:

– Что?

– Логи лобно-теменной доли предполагают, что ваш зомби взял на себя определенную… инициативу. Решил уйти.

– Во время боя? Это же самоубийство.

– А разве вы не этого хотели?

Асанте отводит взгляд.

– Нет? Вам не нравится такая гипотеза? Тогда есть другая: он сдался. В конце концов, вас вытащил Мур, и статистически такой исход событий был крайне маловероятен. Может так зомби выбросил белый флаг, а рой сжалился и отпустил вас – не знаю, например, чтобы передать нам послание: «не связывайтесь с нами, твари». А может, зомби решил, что рой заслужил победу, и перешел на его сторону. Может, он… решил сознательно возразить. Решил, что вообще служить не вписывался, если уж на то пошло.

Асанте понимает, что ему не нравится смех майора.

– Вы могли бы спросить его самого.

– Так и сделали, причем самыми разными способами. Зомби, конечно, блестящие аналитики, но с самоанализом у них огромные проблемы. Они могут в точности рассказать, что сделали, но вот почему – тут уже трудности.

– А почему вас так волнуют мотивы? – Сейчас тон Асанте можно легко счесть нарушением субординации; но ему наплевать, он слишком опустошен. – Просто… отдайте этому существу приказ. Он же обязан вам подчиняться, разве не так? Есть же эта штука в орбитофронтальной коре. Мод подчинения.

– Совершенно верно. Но все бросил не твой близнец. Это был ты сам, когда он показал тебе мандалу.

– Так прикажите ему ничего мне не показывать.

– Нам бы хотелось так поступить. Полагаю, вы нам ее не продемонстрируете, ведь так?

Теперь пришла очередь Асанте смеяться. Получается с трудом.

– Вот и я так подумала. Но это уже не имеет значения. Сейчас мы не можем доверять ни ему, ни вам – что, впрочем, не совсем ваша вина, сержант. Принимая во внимание то, насколько сильно взаимосвязаны сознательные и бессознательные процессы, возможно, несколько преждевременно разделять их полностью, с места в карьер. – Она морщится, словно сочувствуя Коджо. – Впрочем, мне кажется, вам тоже невесело сидеть вот так, взаперти, в собственном черепе, когда вы ничего не можете сделать.

– Мэддокс говорил, что это неизбежно.

– Он не врал. Когда так говорил. – Она опускает глаза, саккадит свой вездесущий такпад. – Мы не планировали тестировать новый мод в полевых условиях так скоро, но сначала Калмю, теперь вы – я не вижу иного выбора: надо ускорить установку на пару месяцев.

Асанте никогда не чувствовал себя настолько мертвым. Даже когда реально был мертв.

– Вы что, недостаточно иголок в нас всадили? – Под «нас» он, разумеется, имеет в виду «меня». Методом исключения.

Где-то с секунду кажется, что майор ему сочувствует.

– Да, Коджо. Последняя модификация. Думаю, против этой вы возражать не будете – потому что когда проснетесь в следующий раз, будете свободным человеком. Ваши гастроли закончатся.

– По-настоящему.

– По-настоящему.

Асанте смотрит вниз. Хмурится.

– Что такое, сержант?

– Ничего, – отвечает он. И с отрешенным удивлением смотрит на свою неподвижную левую руку.

Лазарь

Рената Баэрманн воскресает, крича. Она видит потолок, ее что-то придавило… похоже, холодильник. Большая промышленная штука. Рената была на кухне, когда взорвались бомбы. Вот он, наверное, и упал.

И, похоже, раздробил ей ноги.

Сражение закончилось. Нет звуков перестрелки, свиста летящих снарядов. В воздухе по-прежнему слышатся крики, но это всего лишь чайки, прилетели пировать на останках. Ренате повезло, что она лежит внутри; иначе эти злобные воздушные крысы уже выклевали бы ей глаза…

…Тьма…

«Joder! [245] Где я? Блеск! Истекаю кровью в заднице Америк, после…»

После чего, она не знает. Может, это была расплата за аннексию Огненной Земли. Или это Спасатели отомстили всем тем, кто решил свалить, втоптав в грязь всю планету и превратив ее в дерьмо. В конце концов, тут же перевалочная база: сюда стекаются все человеческие отходы, пока давление не нарастет, и еще один кусок говна не полетит через пролив Дрейка на землю кисельных берегов, молочных рек и тающих ледников. Сфинктер всея Америк.

Рената думает, когда успела стать такой циничной. Как-то неприлично даже для гуманистки.

Она кашляет. Чувствует вкус крови.

Снаружи раздается хруст гравия, быстрые, уверенные шаги, не таких ждешь от контуженых жертв, только что переживших апокалипсис. Рената на ощупь пытается достать оружие: дешевую микроволновую пушку, которой даже воду толком не вскипятить, но она хоть как-то уравнивает шансы, когда женщине весом килограмм в пятьдесят нужно надавить на мужчину в два раза тяжелее и в десять раз решительнее. Уж лучше, чем ничего.

Вот только пушка не в кобуре. А почему-то валяется у ножки стола в полутора метрах слева. Рената тянется к пистолету и снова кричит; кажется, она успевает разорвать себя пополам, когда дверь кухни с грохотом распахивается, и Рената —

– теряет сознание —

– и приходит в себя, а пистолет чудесным образом оказался в руке, палец бешенно давит на кнопку, комариное жужжание и треск забивают уши —

– и у Ренаты нет сил, она кашляет кровью, слишком слаба, не выстрелить, а мужчина в униформе ЗапПола и так отобрал у нее

оружие.

Он смотрит на нее с огромной высоты. Его голос разносится эхом, как со дна колодца. Кажется, пришелец ее даже не замечает:

– За столовой…

«…английский…»

– …смертельные раны, ей осталось минут пятнадцать, но еще борется…

Когда Рената снова приходит в себя, боль куда-то исчезает, а перед глазами все в тумане. Мужчина из белого стал чернокожим. А может, просто пришел другой. Из-за пелены трудно сказать.

– Рената Баэрманн, – его голос звучит странно, как будто он им не пользуется. Как будто говорит в первый раз.

Что-то в нем есть странное, помимо голоса. Она прищуривается, фокусируется с трудом. Детали проступают постепенно, болезненно. Никаких знаков отличия. Рената переводит взгляд на лицо пришельца.

– Соño[246], – с трудом выдыхает она. Голос похож на еле слышный шепот. Она говорит как призрак. – Что у тебя с глазами?

– Рената Баэрманн, – снова произносит он. – У меня есть к вам предложение.

Боги насекомых

[247]

Мы видели горящие небеса и наблюдали за тем, как «Тезей» исчезает в пустоте. Десять лет спустя мы всё еще ждем весточки от по-прежнему невидимых инопланетян и разведчиков, отправленных на их поиски.

Возможно, скоро мы получим ответ.

* * *

Прошло пять лет с появления Второго Бога 21 секунды. В тот день мы потеряли пятнадцать миллионов душ. Пятнадцать миллионов мозгов, погруженных во всеобъемлющий полносенсорный опыт – более реальный, чем сама реальность: затяжные прыжки с парашютом, охота на вирусы, секс с давно потерянными или воображаемыми любовниками, чью иллюзорность выдавало лишь их совершенство. Групповухи и битвы в космосе, в которых участвовали тысячи человек; каждый кормился с тонкого ручейка пропускного сигнала, державшего людей на безопасном расстоянии друг от друга, даже когда все переживали одно и то же ощущение. Все это мы потеряли за один миг.

И до сих пор не знаем, что произошло.

Основы, конечно, просты. Любой троглодит скажет, что произойдет, если заменить проселок на двенадцатиполосное шоссе: пропускная способность увеличится, время задержки упадет, и дорога неожиданно станет настолько большой, что сможет переносить не только ощущения, но и сознания. «Мы» сольется в одно большое «Я». Мы знали о таких рисках и сразу установили клапаны; понимали, что случится без них. А почему предохранители не сработали одновременно, нам неведомо. Мы не знаем, кто это сделал (или что – слухи о самостоятельных, распределенных ИскиИнах, передающих свои микроволновые мысли в стратосфере, никто не подтверждал, но и не отрицал). И никогда не узнаем, какие озарения пронеслись в разуме этого богоподобного роя, прежде чем были запущены прерыватели, отключены жертвы и с трудом удалось вернуть малую долю управления. Мы бессчетное количество часов допрашивали уцелевших (тех, кто вышел из кататонии, по крайней мере). Они рассказали то, что мог бы поведать один нейрон, если бы его вырвали из головы и потребовали изложить, о чем думает весь

мозг.

Иски, поданные человеческими жертвами, более-менее удовлетворили. Другие же – те, что Бог 21 секунды замыслил, распланировал и запустил в действие за мимолетные мгновения между рождением и смертью – продолжают циркулировать в тысячах юрисдикций. Он предпринял первые шаги, нанял первых ИИгентов меньше чем через десять секунд после Слияния. Права божеств-поденок. Создание и убийство роево́го разума. Стратегии восстановления, которые могли вынудить случайную выборку людей подключать мозги в возрожденное Целое на час в неделю, чтобы Бог 21 секунды мог снова возродиться. Судебные тяжбы, длящиеся годами, что велись одновременно на нескольких фронтах, все, спланированные заранее и функционирующие на автопилоте. Рой существовал лишь 21 секунду, но за это время узнал достаточно, чтобы организовать себе Второе Пришествие. Он хочет вернуть свою жизнь.

Удивительно, но немалое число людей желают к нему присоединиться.

Некоторые говорят, что нам лучше сдаться и уступить. Ни одна армия юристов, никакая стая ИИгентов не в силах победить согласованное сознание с нейро-вычислительной массой в пятнадцать миллионов человеческих мозгов; и не важно, насколько мимолетна была его жизнь. Некоторые предполагают, что даже его редкие судебные неудачи намеренны, это часть заранее просчитанной стратегии, отсрочивающей абсолютную победу роя до тех пор, пока не будет достигнут некий важный технологический предел.

«Бог 21 секунды находится вне разумения смертных», – говорят они. Даже наши победы работают на его Божественный замысел.

* * *

Первые 33 элемента Разума Мокши – по одному на каждое главное божество индуистского пантеона, хотя нам сказали, что это чистая случайность – зажглись 6 мая 2086 года. С тех пор его рост идет только по экспоненте: Разум протянулся от Индии до Японии, как сеть из шести миллионов жемчужин, сплетенная на поверхности планеты. Это, возможно, единственное уцелевшее существо, способное дать понимание, как работал Бог 21 секунды.

Жаль, оно не снисходит до разговора с нами…

Ирония очевидна: шесть миллионов мозгов так тесно переплетены, что формируют единое сознание, и одновременно

настолько изолированы, что встретиться с ними можно только в реале. Приходится идти пешком, как пилигриму из давно минувших дней, надеясь, что стражники у врат позволят пройти. Так, по крайней мере, поступил я и сжег трехлетнюю норму углерода, пока добрался до редкой закрытой территории на Восточной Суматре, еще принимавшей посетителей.

Здесь все управляется автоматически. Узлы (старомодные существа среди нас по-прежнему предпочитают слово «люди») складированы рядами шестиугольных трубок, будто личинки в сотах. Форму каждого тела поддерживает изометрический массаж и слабые электрические разряды в мускулы. Койки корчились в медленной непрерывной перистальтике, раскачивая людей по эксцентрическим орбитам, чтобы предотвратить образование пролежней. Питание доставлялось трансдермально, без образования твердых отходов; катетеры выводили незначительное количество жидкости из почек. Физиологи говорят, что в таких условиях пищеварительный тракт со временем атрофируется, но, по словам моей проводницы, охранника и единственной самостоятельной души, встретившейся мне за время визита, плоть – помеха, вносящая в мир раздор и путаницу. Телесные узлы поддерживаются, пока это необходимо для существования великого надразума. И хотя она не говорила об этом прямо, но я понял: Разум Мокши – лишь мостик к некоему внетелесному состоянию, которое хотело бы оставить сансару навсегда.

Мы стояли в огромной пещере, утесы с сотами возвышались со всех сторон. Как Небеса, только без амниотических резервуаров.

– Оно нас слышит? – поинтересовался я.

Проводница кивнула:

– По меньшей мере, двумя тысячами ушей.

Я наклонился к мужчине средних лет в третьем ряду от пола, чье дыхание было едва различимо, а неподвижные глаза под закрытыми веками совсем впали. Поначалу я ничего не сказал. Конечно, любой подслушивающий разум силой в шесть миллионов душ мог предвидеть мое обращение и, вероятно, даже ответить, прежде чем я открыл бы рот.

– У меня есть несколько вопросов, – сказал я через несколько секунд.

И, помолчав, добавил:

– Я знаю, ты меня слышишь. И знаю, ты можешь ответить.

Пустая театральщина! Я не первый пустился в это паломничество: с тех пор как Разум пробудился, здесь побывали тысячи человек.

– Чего ты боишься?

– Он никогда не отвечает, – сказала мне проводница.

Я повернулся к ней:

– Тогда откуда вы знаете, что он нас слышит? Почему решили, что все эти шесть миллионов человек просто не лежат в кататонии?

Она улыбнулась:

– Слышите, как мухи жужжат на обочине дороги? Что вы им скажете?

Поверхностный ответ, такие достают из печенья с предсказаниями. С другой стороны, я тоже не был полностью честен.

А если бы был, произнес бы нечто в таком духе: «Я знаю, что слишком мал для тебя. Знаю, что мой жалкий одиночный разум не сможет вместить даже малое из тех озарений, которые мелькают в твоем могущественном интеллекте. Но я не сомневаюсь: тебе, ублюдок, верить нельзя. Я видел, что рой может делать с людьми, вроде меня, даже когда он составляет крохотную долю твоих масштабов и настолько мал, что снисходит до нас, признавая человеческое существование. Я знаю, ты видишь будущее… Даже если тебе не хочется рассказывать нам, каким оно будет».

Пусть болтовня проводницы о мухах отдавала клише, но она говорила о многом. Наверное, женщина имела в виду Шекспира. Мы для богов, что для мальчишек мухи, и пусть они не мучают нас ради забавы [248]. Но сомневаюсь, что боги встанут на защиту людей, если кто-то другой решит взять мухобойку.

* * *

Узлы Мокши можно найти и в других местах, если поискать: там, где нет складов, охраны и политики в отношении посетителей, так как, по сути, мир не знает об их существовании. В таких местах узлы, можно сказать, разговаривают. А вот имеют ли их слова смысл, уже другой вопрос.

Я нашел один в пакистанской деревне среди джунглей, прямо в конце горного проселка, на котором большая часть колесного транспорта сдалась бы после первого километра. Она лежала на койке в трехкомнатном автофабе, подключенная к сервису поблизости через древний оптоволоконный кабель, торчавший из основания черепа. Там не было умных матрасов, разминавших мускулы и переворачивавших тело с регулярными интервалами; только пленка москитной сетки да один старик – то ли отец, то ли дед, заменявший питательный мешок.

Девочке от силы исполнилось одиннадцать лет. Ее периодически трясло от приступов, и она завывала. У нее уже выпала половина зубов.

У старика не имелось переводчика и имплантатов, насколько можно было судить. Я задал вопросы, какие смог, с помощью жестов и пантомимы, пока он вытирал влажной губкой тело на кровати. Девочку звали Ааньджай; в семье лишь на нее одну снизошло благословение ассимиляции. Они позволили себе всего один интерфейс – лучший для того, чтобы этого ребенка пощадили. Я так и не понял, что случилось с остальными членами семьи, но старик, кажется, был ее главной и единственной нянькой.

По моему мнению, с работой он не справлялся – от Ааньджай несло смрадом. И все равно, обнадеженный ее вокализациями, я вновь попытался поговорить с Разумом Мокши. Девочка отвечала лишь бульканьем вперемешку с бессмысленными слогами. Пару раз мне показалось, что я услышал отдельный фрагмент, не полностью лишенный смысла: «akan dating, tidak lamalagi». Но, в конце концов, списал это на случайные фонемы и отчаянное желание имплантатов перевести хоть что-то.

Глоссолалия – побочный эффект религиозного упоения и вознесения. А оно, в свою очередь, лишь глюк в теменной доле: знаменательный сбой в части мозга, которая следит за тем, где кончается тело и начинается все остальное. В рое таких границ не существует, там сама мысль растворяется в множествах. Наркоманы вознесения описывают это чувство Единения, личной связи со всем сущим, как невероятно приятное. Потому меня обнадеживает мысль, что звуки, издаваемые Ааньджай, – своего рода отражение счастья, и в глубине этого гниющего тела ярко горит ядро экстаза.

Правда, ее бормотание – сбой, следствие неполного сигнала. У складских узлов интерфейсы с самым широким пропускным каналом; там люди не позорятся, бессмысленно лепеча. Тот факт, что Ааньджай все еще говорит, означает, что она хоть и соединена с целым, но не совсем в нем потерялась. Нечто по имени Ааньджай все еще существует.

Эта мысль меня тоже обнадеживает.

* * *

Однажды я беседовал с человеком, который разделил сознание с осьминогом.

Мне казалось, история будет не слишком пугающей.

Идентичность имеет критическую массу, и, слившись с роем в миллион мозгов, ты становишься нейроном в общей сети, максимум ее незначительной частью. Думает ли о себе обонятельная луковица? Будет ли требовать голоса зона Брока? Рои не просто ассимилируют личность, они ее уничтожают. Их не просто так запретили на Западе.

Но осьминог? Беспозвоночное, хваленый моллюск! В столь крохотном разуме нельзя потеряться. Я мог бы и сам попытаться сделать нечто подобное ради исключительно вуайеристского восторга, шанса увидеть мир чужими глазами.

Правда, такие мысли приходили мне в голову до встречи с Гуо.

Мы договорились повидаться во время обеда в Стэнли-парк, хотя заказывать ничего не стали. Рассказывая о том, что с ним случилось, Гуо даже мысль о еде не мог переварить. Я так понял, он немало размышлял о произошедшем; беседа с Гуо больше походила на интервью с пугалом.

По его словам, это был простой интерфейс для простой системы – гигантского осьминога, освобожденного из изолированной колонии в заливе Якина и оснащенного межмозговым интерфейсом, обернутым вокруг его собственного мозга подобно паутине. У Гуо имелся такой собственный, искусственно выращенная сетка, пронизывающая мозолистое тело, – парень убивал «облака» в Гуандонге. Протоколы совпадали не полностью, но их можно было подкорректировать.

– И каково это – быть осьминогом? – спросил я.

Гуо молчал какое-то время. Казалось, он не столько собирается с мыслями, сколько борется с ними.

– Нет такого существа, как осьминог, – наконец тихо произнес Гуо. – Они все… колонии.

– Колонии?

– Их руки, щупальца… – Его адамово яблоко подпрыгнуло в горле. – Отвратительные ползающие щупальца… Ты знаешь, штука, которую у него называют мозгом… на самом деле это вообще ничто. Кольцо нейронов вокруг пищевода, по сути, роутер. Большая часть нервной системы находится в щупальцах, и они… каждое из них имеет собственное сознание…

Я дал ему время.

– Люди часто говорят про их глаза, – продолжил Гуо, помолчав. – Типа как удивительно, что у животного без позвоночника глаза прямо как у нас и даже лучше. А как осьминоги меняют цвет и сливаются с фоном! Казалось бы, глаза при таком раскладе должны различать, где перед, а где центр.

– Казалось бы, да.

Гуо покачал головой:

– Это все просто… рефлекс. В смысле, может, в этом нейроновом бублике где-то есть свет, и, по идее, он должен быть, но по какой-то причине интерфейс не имел доступа к этой части. Или так, или его заглушили…

– Щупальца, – напомнил я.

– Они не видят. Не так, как мы, – Гуо закрыл глаза. – Есть нечто, похожее на размытый мутный свет. Ты словно ощущаешь… мозаику через кожу, если сильно сосредоточиться. Но, по большей части, все химическое. Вкус и прикосновения. Присоски чертовы, их сотни! Они будто языки и постоянно двигаются. Представь, как тысячи языков корчатся по всему телу, пульсируют в кишках и мускулах, вылезают из кожи целыми скоплениями, как… голодные паразиты.

Я попытался представить, но особенно не старался.

– Теперь умножь все это на восемь. – Гуо вздрогнул. – Восемь корчащихся тварей, и от каждой несет, каждая прогнила насквозь вкусами, запахами и… прикосновениями. Плотность чувствительных нервов… омерзительна. Другого слова я не могу подобрать. И каждое из щупалец обладает самосознанием.

– Но они такие маленькие. – Мне было интересно и в то же время неприятно. – По числу нейронов ты опережаешь осьминога раз в триста, и неважно, сколько его частей функционируют одновременно. Они же не могут поглотить тебя, как Разум Мокши, например. Скорее наоборот.

– О, ты совершенно прав. Они тебя не проглатывают, вовсе нет! Они лезут внутрь и заражают. Ты чувствуешь, как они ползают в твоем мозге.

Мы оба какое-то время не могли произнести ни слова.

– А зачем ты это сделал? – наконец спросил я.

– Черт его знает, – издал Гуо горький смешок. – Почему кто-то что-то делает? Наверное, хотел узнать, каково это.

– И тебе никто не сказал, что ощущения будут… не из приятных?

Гуо отрицательно покачал головой:

– Сказали, так бывает не у всех. Уже потом. Пытались даже обвинить меня, заявив, что мой интерфейс не отвечал минимальным стандартам совместимости. Но думаю, меня просто пытались остановить.

– То есть?

– Я убил эту тварь, разорвал голыми руками. – Гуо сверлил меня глазами, черными и пустыми, без капли раскаяния. – До сих пор возмещаю убытки.

* * *

Когда вы умираете, ваш мозг чувствует себя живым как никогда. Его затапливают нейромедиаторы; гамма-волны извиваются между таламусом и корой, будто синхронизированные молнии. Единственное обыкновенное состояние, которое хоть как-то приближено к ощущениям умирающего мозга, – трансцендентная осознанность буддистского монаха в состоянии глубокой медитации.

Потому неудивительно, что есть люди, которые постоянно топят себя во имя просвещения. (Я впервые написал о них десять лет назад, но тогда был довольно наивен и полагал, что это очередная маргинальная группа.) Они забираются в стеклянные гробы, которые называют «призмами», задраивают крышку и открывают вентиль, пока полностью не погрузятся под воду. Иногда оставляют пузырь воздуха на поверхности, совсем крохотный, только нос высунуть; иногда и его нет.

Это не самоубийство, хотя время от времени люди так умирают. Они бы сказали, что все наоборот, и ты не жил, пока не испытал ощущение смерти. Но тут все намного глубже, это не поверхностное увлечение адреналиновых наркоманов. Фетиш призматиков происходит от эволюционных основ сознания как такового.

Протяните руку к огню, и подсознательный рефлекс отдернет ее прежде, чем вы почувствуете боль. Только когда разные цели вступают в конфликт – например, руке больно, но уронить горячий поднос на ковер тоже не хочется, – пробуждается сознание и решает, какому импульсу подчиниться. Задолго до появления искусства, науки и философии у сознания была единственная функция: не просто выполнять двигательные команды, но связывать противоречащие друг другу побуждения.

Когда тело лежит под водой и задыхается, трудно вообразить более конфликтующие императивы, чем необходимость дышать и желание задерживать дыхание. Как сказала мне одна из призматиков: «Ляг в гроб и скажи мне, чувствовал ли ты хоть раз в жизни себя более осознанным».

Я попросил ее описать ощущение усилившегося сознания. «Не могу, – призналась она, недолго подумав. – Ты знаешь настолько больше, чем человечек, который прячется у тебя за глазами. Он – идиот. Едва может запомнить пару телефонных номеров и список покупок, если тот относительно короткий. Число Зверя слишком большое, оно в такую мелочь не вмещается».

Их философия похожа на проявление некоего противодействующего нам импульса, реакцию на что-то.

Утопление – крайне неприятный опыт, как ни крути (я не принял предложение женщины, у которой брал интервью). Трудно представить, какой стимул мог спровоцировать столь сильное сопротивление и неистовое желание утвердить собственное сознание, ощутить его. Ни один призматик не смог пролить свет на этот вопрос. Они не думают о своих действиях в подобных терминах. «Мне важно знать, кто я такой, – ответил двадцатиоднолетний ВКУ-мастер, обдумав мой вопрос. – Важно… быть наготове». Но его слова казались не столько ответом, сколько еще одним вопросом, и когда я спросил, к чему именно он готовится, парень ничего не сумел сказать.

* * *

Говорят, если погрузиться на достаточную глубину, все мы окажемся одной и той же личностью.

Юнг называл это коллективным бессознательным, Окору – глубинным тотемом. Мы же считаем это единением инстинкта и артефакта: подвальная проводка таламуса и лимбической системы, вбитый намертво страх перед змеями, фрактальные узоры, что переливаются перед глазами во время галлюцинаций и в состоянии клинической смерти. Генетические алгоритмы, встроенные эволюцией; арки, появившиеся в результате случайных побочных эффектов мозговой структуры.

Они не всегда проявляются одинаково. Мириады слоев между спинным мозгом и неокортексом скрывают их, выворачивают, превращают в фобии и архетипы, чью всеобщность можно распознать, только аккуратно вычесав из них культуру и опыт. Но лежащие в основе схемы у всех одинаковы. Об этом позаботилась эволюция, здесь нет ничего сверхъестественного.

Хотя иногда так не кажется.

За последние четыре месяца 2089 года Разум Мокши тихо увеличился в три раза; на фоне пришествия Бога 21 секунды это заметили немногие. За тот же период ряды призматиков пополнились на 64 %. Производство запрещенных межвидовых интерфейсов, по самым скромным оценкам, выросло в четыре раза. Будто по всей планете наш вид развил неожиданную склонность к практикам, искажающим сознание. С этого драматического скачка начался глобальный тренд, который продолжается до сих пор, хотя и по более пологой кривой.

Никакого очевидного объяснения происходящему нет.

С дарвиновской точки зрения, в этом нет смысла. Ритуализированное утопление не повышает совокупную

приспособленность; люди, соединяющие свой разум с осьминогами, занимаются сексом не больше, чем другие (скорее даже наоборот). Размножение в принципе невозможно для миллионов живых мертвецов, затерянных в Разуме Мокши.

Но это и не идущий наперекосяк механизм приспосабливаемости, не классическая склонность к адаптационным импульсам, давно переросшим свою полезность. Заражая себя чужим разумом, прилива дофамина не испытаешь. Призматики – не любители эротической асфиксии; чтобы они ни выжимали из околосмертных переживаний, это не удовольствие. Обычно такие группы склонны к беспокойству и паранойе – словно они видят что-то ужасное в состоянии повышенной осознанности, а когда возвращаются, не могут вспомнить, что конкретно.

Я изучил гораздо больше данных, чем могу здесь описать, принимал эти тренды за мемы и вирусы, рассматривал десятки моделей распространения. Ни одна не подошла. Это не просто смена парадигмы. Скорее, следствие привычных имплантатов, разгоняющих мозг, которые люди жадно хватали, пытаясь выбить преимущество в рыночной гонке. В этом есть что-то инстинктивное: миллионы не связанных друг с другом душ по всей планете неожиданно стали одержимы жаждой вырваться из собственных черепов, как мигрирующий лосось, стремящийся вверх по течению навстречу высшей долготе. И никакие анализы сетевых путей или эпидемиологические модели не объясняют это явление.

Можете называть его эпидемией. Чумой сознания.

А можете – коллективным бессознательным, пытающимся проснуться.

* * *

Женщина из призматиков сказала, что парень за нашими глазами – идиот: блокнот для эскиза реальности, который существует буквально секунду и затем переписывается.

А вот оставшаяся часть… Та, что таскает грузы, принимает сложные решения, балансирует уравнения, решает задачи, которые никогда не влезли бы в сознательную память. Она не может показать свою работу и подает находки в виде снов и интуиции, позволяет отделять зерна от плевел. Очевидно, что она видит опасности, которые сознательные подпрограммы не способны заметить. Возможно, она видит что-то прямо сейчас, и мы больше не можем позволить себе жить в слепоте.

Похоже, угроза действительно страшная. В XX веке нас не пробудила опасность ядерной войны, а в XXI-м нам не хватило генномодифицированных эпидемий. Мы поколениями самодовольно отрицали катастрофическое разрушение окружающей среды. Если подсознательные «я» сейчас стараются прорваться наружу и растянуть сознательный разум так, чтобы тот вместил сложную и жизненно важную истину, значит, опасность больше всех фильтров, которые на нашу беду помогали нам игнорировать все вокруг. Угроза очень жизненна, конкретна или даже хуже того.

«Число Зверя, – сказала она, – слишком большое, чтобы вместиться».

* * *

Если консорциум «Тезей» и знает, где очутился его флагман, нам он об этом не говорит. Сейчас корабль может по инерции лететь куда-то за пределы местного межзвездного облака, а вся его команда – по-прежнему спать и видеть сны.

Но, возможно, в Оорте «Тезей» нашел то, что искал. Возможно, еле заметное доказательство этой встречи пронеслось сквозь пространство со скоростью света и нависло над нами, как прибойная волна. Его не заметили блокноты сознания, но для проворных схем под ними оно зазвенело сигналом пожарной тревоги. А, может, отдельные паникеры оказались правы, и вся человеческая проводка – внизу и наверху – сплетена в некую квантовую сеть, для которой скорость света не важна.

Мы знаем наверняка одно: спустя шесть лет после старта «Тезея» – миг по космическим масштабам – коллективное бессознательное по какой-то причине стало работать на повышенных оборотах. А ведь мы столько раз стояли на грани полного уничтожения, но ни разу до этого рефлексивное противостояние, охватившее весь наш вид, не проснулось.

«Важно… быть наготове», – сказал призматик, не зная почему. «Akan dating tidak lama lagi», – пробормотала Ааанджай из глубин кататонии. В переводе с малайского это значит «скоро придет» (если имплантаты меня не подводят).

А может, «скоро вернется».

Полковник

Повстанцы уже заходили с востока, когда сработала тревога. К тому времени, как полковник включился в игру – обработал данные, нашел наблюдательный пункт, вытащил из кровати ближайшего сетевого специалиста и посадил ее у пульта, – они окружили закрытую территорию. Джунгли скрывают их от глаз исходников, но заимствованные глаза полковника все прекрасно видят в инфракрасном свете. На расстоянии в полмира он отслеживает каждый размытый тепловой след, отфильтрованный сквозь скудный полог.

Хоть один плюс от уничтожения эквадорской природы: трудно перепутать партизана с ягуаром.

– Я насчитала тринадцать, – говорит лейтенант, группируя на дисплее пятна искусственного цвета.

Путаница резервуаров и башен в середине росчисти. Массивный кабель, утыканный парными подъемными площадками, слегка провисая, уходит в небо из насосной станции. В восьми километрах к югу и в двадцати вверх, на конце фала переваливается аэростат, похожий на огромного раздутого клеща, блюющего сульфатами в атмосферу.

Разумеется, территория имеет ограждение – старомодный забор из рабицы с глазурью колючей проволоки; не столько преграда, сколько ностальгическое напоминание о временах попроще. Между забором и лесом кольцо выжженной земли в десять метров шириной, от ограждения до фабрики – еще восемьдесят. Защитные системы охраняют периметр.

– У нас есть доступ к местной системе безопасности? Он уже пытался, и безуспешно, пока ждал лейтенанта, но, в конце концов, она – специалист.

Женщина качает головой:

– Там все на автономке. Никакого волокна, телефонов, сетей. Оттуда даже сигнала не идет, пока территорию не атакуют. Получить доступ к коду можно только в реале. Взлом практически невозможен.

Значит, придется смотреть с геостата…

– Можете показать мне саму зону? Только наземные измерения.

– Запросто. Это как план посмотреть, – на экране лейтенанта тут же расцвела масштабированная схема, учитывающая реально поступающие данные. Прозрачно-лимонные доли, похожие на куски пирога, расходились от разных точек по краю территории, сходясь в общей горячей зоне, дотягивавшейся до ограждения и

распространявшейся далее. Все оружие смотрело наружу. Стоило добраться до центра зоны – и ты «в шоколаде».

Тепловые следы вошли на росчисть; лейтенант ограничила палитру естественными цветами.

Полковник хмыкнул.

Повстанцы не выходят на открытое пространство, не ползут и не бегут. Они… снуют (за неимением лучшего слова). Пресмыкаются, аритмично корчатся. Походят на крабов, пораженных нейрологической болезнью, перевернутых на спину и пытающихся встать на ноги. Каждый толкает перед собой скатку.

– Это что за хрень? – бормочет лейтенант. Повстанцы с ног до головы обмазаны какой-то коричневатой пастой. Идолы из грязи в длинных шортах.

Две пары соединились, напоминая борющихся ленивцев или близнецов, слившихся спиной к брюху. Они дергаются, подкатываясь к подножию ограждения.

Оборонительные системы не стреляют.

Не скатки: грубо сплетенные маты, судя по виду, из натуральных волокон. Повстанцы разворачивают их у забора и перекидывают через колючую проволоку, чтобы спокойно перелезть на другую сторону.

Лейтенант смотрит на полковника:

– Они уже соединились?

– Не может быть. Включилась бы тревога.

– А почему она до сих пор не работает? Они же здесь, – она хмурится. – Может, они отрубили систему безопасности?

Повстанцы уже внутри периметра.

– Вашу полностью защищенную от взлома систему? – полковник качает головой. – Нет, если они вытащат пушки, то сразу… Вот же черт!

– Что?

Изоляционная грязь, с умом использованная для изменения термального профиля. Никакой техники, сплавов и синтетики, способных выдать атакующих. Переплетенные тела да акробатические позы: как все эти формы выглядят на уровне земли? Что видят камеры, смотрящие на…

– Дикая природа. Они имитируют живую природу. «Ягуары и партизаны, вашу мать…»

– Что?

– Это наследственная лазейка, разве вы… – Хотя, разумеется, нет. Она слишком молода и не помнит гордые традиции былого Эквадора по защите своей чудесной мегафауны. Лейтенант еще не родилась, когда стадо пекари и группу «зеленых» расстрелял ретивый дот, запрограммированный охранять местную взлетную

полосу. Не знала про предохранители, которые с тех пор по закону обязаны были ставить в каждую боевую автосистему в стране. Впрочем, сейчас о них все забыли, так как фауны не осталось.

Вот вам и система безопасности! Повстанцы достаточно умны и не раскроются, пока не минуют огневой предел.

– Сколько до прибытия дронов?

Лейтенант ныряет в собственную голову, проверяет данные:

– Семнадцать минут.

– Придется предположить, что атакующие завершат свою миссию до того.

– Да, сэр, но… какую миссию? Что они собираются делать, ногтями краску процарапать?

Он не знает. Источник тоже. Даже сами повстанцы, скорее всего, не знают и не узнают, пока не сольются в сеть. Можно было прямо сейчас схватить одного, считать воксели с разума и ни черта не получить.

Это самое пугающее в роевом разуме: его планы всегда слишком большие, в одну часть не входят.

Полковник качает головой:

– Значит, к орудиям у нас доступа нет. Как насчет обычных систем?

– Без проблем. Станциям необходимо связываться друг с другом, чтобы уравновешивать скорость инжекции.

Повстанцы уже на полпути к скрубберам. Поразительно, как быстро они двигаются из-за своих уродливых конвульсий.

– Обеспечьте доступ.

По схеме справа налево проносится звездная волна: переключатели, вентили и мириады интерфейсов, вышедших в сеть. Полковник указывает на горсть искр в юго-западном квадранте:

– Мы можем спустить эти резервуары?

– С трудом, – она хмурится. – Полный сброс приведет к катастрофе. Система пойдет на такое, только если понадобится предотвратить что-нибудь еще хуже.

– Например?

– Взрыв, полагаю.

– Устанавливайте.

Она шепчет сладкие банальности далеким стражникам, но выглядит несчастной:

– Сэр, а с технической точки зрения… в смысле, использование отравляющего газа…

– Сульфатный прекурсор. Геоинженерные запасы. Это не военное оружие.

Технически.

– Да, сэр, – она по-прежнему несчастна.

– Контрмеры следует привести в действие до того, как они соединятся, лейтенант. Если есть лазейка – любая, – рой ее увидит. А если эта чертова штука проснется, возможности обхитрить ее не существует.

– Да, сэр. Готово.

– Быстро вы справились.

– Вы сказали, что так нужно, сэр, – она протягивает палец к появившейся алой иконке, пульсирующей на картине. – Мне…

– Пока не надо.

Полковник смотрит с опосредованной орбиты и пытается понять общую картину. Что, черт возьми, они делают? Что может сделать роевой разум тростниковыми матами и парой килограмм…

Секунду… Он наугад выбирает атакующего и увеличивает изображение. Теперь видно, что грязь, покрывающая тело, отливает чуть ли не золотом. Не совсем минеральный материал, что-то…

Полковник лезет в архив, ищет в перечне микробов любую военную синтетику, которая может есть гетероциклики. Таких десятки.

– Их цель – кабель.

Лейтенант смотрит прямо на него:

– Сэр?

– Грязь – не только камуфляж, а еще и груз. Это…

– Биопаста, – лейтенант присвистывает и с новой решимостью обращает внимание на экран.

Полковник пытается думать. Они не просто хотят отрезать аэростат: для такого не нужен рой, и даже заходить за периметр не требуется. Что бы там ни было, это микрохирургия. Нечто, требующее глубоких локальных вычислений – может, дело в микроклимате или в чем-то, на что может повлиять ветер или влажность, еще с десяток хаотических переменных. Если они не пытаются обрезать кабель, скорее всего, хотят им маневрировать: биокоррозийная дыра диаметром в X миллиметров здесь, растягивающаяся заплатка восковых мономеров там, и наверху, в стратосфере, аэростат сдвинется на точное число метров по какому-то четко выверенному направлению…

С какой целью? Поиграть с ремонтными дронами? Заблокировать вид с орбиты, в самый критический момент загнать в тень террористический акт? Может, им не нужен кабель, и они…

– Сэр?

Первые повстанцы уже добрались до безопасной территории.

– Сэр, если нам нужно их подогреть до слияния…

– Не сейчас, лейтенант.

Он – слепец в ярко освещенной комнате! Макака-резус, играющая в шахматы с гроссмейстером. Понятия не имеет о стратегии оппонента, даже о правилах игры. Знает только, что обречен на поражение.

Последние повстанцы, дергаясь, вылезают из зоны поражения. Палец лейтенанта замер над иконкой, будто над укусом комара, еле сдерживаясь, чтобы не чесать.

Слияние.

Это мгновение дальнего фокуса, взгляд в тысячу душ. Все можно увидеть в их глазах, если знать, что искать, а также если ты достаточно близок и быстр. Но полковник далеко, и проворности ему не хватает. У него есть только вид сверху, с телескопа, висящего за тридцать шесть тысяч километров от места событий, рикошетом переданный через атмосферу и развернувшийся на этом столе. Но полковник видит, что будет: слияние взаимопересекающихся частей, мгновенное изменение языка тела, моментальный эволюционный скачок от конвульсирующего четвероногого до разумного супероружия.

Из многих – целое.

– Запускайте!

Оно знает. Разумеется, оно знает! Трудно представить, что этот огромный, образовавшийся разум не заметил – в самый миг своего пробуждения – какую-то важную улику и не сделал вывода, не раскрыл ловушку. Защитные системы завыли, взбудораженные неожиданным сиянием миллиона мыслей; мультиразумные сети, может, и невидимы для человеческого глаза, но в радиочастотах они больше походят на ослепляющие яркие гобелены. Рой находился в безопасности вне зоны поражения и об этом уже не беспокоился. Теперь его внимание привлекла волна сероводорода, клубами вырывающаяся из резервуаров южного склада: безмолвная, невидимая и смертоносная для любой отдельной души. Ни один исходник не заподозрил бы ничего дурного до тех пор, пока слабый запах протухших яиц не сказал бы ему, что все кончено.

Но тут души были не одиноки. Одиннадцать тел поворачиваются одновременно и бегут обратно к ограждению, каждое – по уникальной траектории, с легкой броуновской случайностью, чтобы сбросить любые отслеживающие алгоритмы. Два оставшихся занимают позиции в безопасной зоне и вытаскивают пистолеты из-за пояса.

Полковник хмурится: «Почему сенсоры их не уловили?»

– А эти пушки… Судя по виду, они сделаны из кости, – говорит лейтенант.

Узлы открывают огонь.

Это действительно кость или нечто подобное: металл и пластик сенсоры уловили бы сразу – повстанцы до забора не успели бы добраться. Пули, скорее всего, керамические, но никакому остеоснаряду через трубы не пробиться…

Только рою нужно не это. Они стреляют по любой старой поверхности, панели, по всему металлическому, чтобы…

«Выбить искру. Потому что сероводород не только ядовитый… Ты идиот! Он еще и воспламеняющийся».

– Твою мать, – шепчет лейтенант, когда вся зона взрывается.

Это мера на контрмеры, придуманная на ходу. Жертва ферзя: некоторые тела обречены, но, вероятно, огонь сожжет достаточно газа и даст шанс остальным, всосет и поглотит распространяющийся яд, чтобы одиннадцать добрались до безопасной территории, пока два пылают живыми факелами.

На несколько секунд полковнику кажется, что у них все получится. Для отчаянного плана этот вполне хорош – ни один исходник не придумал бы такое за долю секунды, и тем более не смог бы привести замысел в действие. Но слабая надежда чуть лучше никакой, и даже полубоги не могут изменить законы физики. Жертвенные узлы горят, чернеют и валятся мертвыми листьями. Еще трое успевают преодолеть лишь полпути до забора, когда их нагоняет газ, достаточно густой, чтобы не сжечь, но убить. Остальные умирают в грязи, дергаясь в конвульсиях, и на маслянистой плоти играют отблески пожара, как пятна свечных фитильков. Тела трясутся от пуль, оборонные системы отыгрываются на целях теперь, когда те, наконец, ликвидированы.

Ядовитый ковер незримо удаляется в джунгли, желая прикончить любую худосочную жизнь, которая сумела уцелеть.

Лейтенант сглатывает, бледнеет от тошноты и неожиданных воспоминаний о таком древнем понятии, как военное преступление.

– Мы уверены, что это не против… – она замолкает, не желая ставить под сомнение приказы старшего по званию. Но юридические тонкости ее не убеждают, а угрозу, воплощенную в поверженном враге, лейтенант оценить не способна.

Однако та реальна, невероятно реальна! Эти штуки чертовски опасны. Если бы не случайные разведданные – непредсказуемые, словно квантовые вибрации, и фактически неповторимые, – рой бы достиг своей цели, не встретив никакого сопротивления. О нем бы даже не узнали. А, может, он достиг цели, и все

случившееся – часть плана? Вдруг эту наводку дали специально, чтобы полковник станцевал по команде? Может, это все-таки было поражение, и он никогда об этом не узнает?

Вот она, главная загвоздка с роями – они всегда на десять шагов впереди. Тот факт, что на некоторых территориях эта мерзость по-прежнему легальна, пугает полковника больше, чем он может сказать.

– Почему мы это делаем, сэр?

Он сердито смотрит на нее:

– Что делаем? Говорите по существу. Боремся за выживание индивидов?

Лейтенант качает головой:

– Почему мы… постоянно сражаемся? Между собой? В смысле, разве инопланетяне не должны были заставить нас забыть о мелких разногласиях? Объединить человечество против общей угрозы?

В командном составе таких, как она, полно.

– Они нам не угрожали, лейтенант. Лишь сделали фотографию.

По крайней мере, так предполагается. Шестьдесят четыре тысячи объектов неизвестного происхождения одновременно зажглись, создав точную сверкающую сетку, окутавшую весь земной шар. И прокричали что-то в космос на половине электромагнитного спектра, пока атмосфера не сожгла их дотла.

– Но они все еще там. То, что их послало. Прошло тринадцать лет, и…

«Четырнадцать. – Полковник чувствует, как напряглись мускулы в уголках рта. – Но кто теперь считает».

– «Тезея» мы потеряли.

– У нас нет доказательств, что «Тезей» погиб, – он резко оборвал ее.

– Да, сэр.

– Никто не говорил, что это будет легкая прогулка.

– Да, сэр. – Она вновь возвращается к экрану, но полковник, кажется, замечает что-то в выражении ее лица, прежде чем женщина отворачивается. Он задумывается, не узнала ли она его.

Вряд ли. Это было давным-давно. И он всегда держался за сценой.

– Ну… – Полковник направляется к двери. – С таким же успехом рой мог туда и клоунов послать.

– Сэр?

Он останавливается, но не поворачивается.

– Мне хотелось бы спросить – конечно, если таким вопросом я не нарушаю субординацию, сэр. В общем, мне кажется, вам

было интересно, что станет делать рой, когда запустится. Но вы сами сказали, что мы не можем с ним справиться.

– Я жду вопроса, лейтенант.

– Почему мы ждали? Мы же могли отравить всех до того, как они соединились. И если это было настолько опасно, то… не слишком удачная стратегия, сэр.

– Рои опасны, лейтенант. Никогда в этом не сомневайтесь, даже на секунду. И все-таки…

Он перебирает варианты, но останавливается на чем-то, похожем на правду.

– Если, кроме убийства, вариантов нет, я предпочитаю взять на себя ответственность за гибель одного разума, а не тринадцати.

Некоторые угрозы маячат под самым носом. А некоторые – не столь… очевидны.

Взять, скажем, женщину на трансляции. Крохотная, от силы 160 сантиметров роста. Ничто в Лианне Латтеродт не говорит о чем-либо, кроме заразительного энтузиазма по отношению к Стране чудес. Нет и следа организации, которая оплачивает ее расходы и отправила в эту поездку доброй воли – разбрасывать радуги и обещать всем Утопию.

Ни намека на силы, притаившиеся в орегонской пустыни, которые дергают ее за ниточки, словно марионетку.

– Мы взобрались на этот холм, – говорит она внимательному ведущему «Диалога». – С каждым шагом вверх видели все дальше и потому продолжали идти. Теперь мы на вершине. Наука на вершине уже несколько веков.

Совершенно непримечательное происхождение: родилась в Гане, выросла на архипелаге Великобритании, первая в группе по теории систем и теистической вирологии.

– Мы смотрим на равнину и видим, как то, другое, племя танцует в облаках еще выше, чем мы. Может, это мираж или фокус? Или кто-то взобрался на гору побольше? Мы не видим ее, так как даль застилают облака.

Практически чиста перед законом. Лишь обвинение в хранении частной базы данных в тринадцать лет и препятствие работе домашних датчиков надзора – в двенадцать. Обыкновенные штрафы и предупреждения, которые всегда набирает молодежь, прежде чем усвоить правила тюрьмы.

– Поэтому мы решаем выяснить, что к чему, но с каждым шагом спускаемся вниз. Не важно, в каком направлении, просто не можем сойти с нашей горы, сохранив точку обзора. И мы тут же забираемся обратно, оказавшись в ловушке местного

максимума.

Наконец она умудрилась выскочить из сети на законных основаниях, вписавшись в Орден Двухпалатников, у которого есть специальные льготы, благодаря тому, что он непонятен, даже когда за ним действительно следят.

– Что если там, в долине, есть гора повыше? Единственный способ добраться до нее – стиснуть зубы, спуститься к подножию, а затем тащиться вдоль русла реки и снова начать подъем. Только тогда понимаешь: «Да эта гора гораздо больше холмика, на котором мы сидели раньше. С ее вершины нам будет видно гораздо лучше».

Двухпалатники получили свое название от какого-то технологического прототипа, изобретения, в ходе которого полушария их головного мозга полностью перепаяли. Впрочем, сейчас это название уже не имеет отношения к реальности, так как не совсем ясно, остались ли у монахов полушария в принципе.

– Но до новой горы не добраться, если не оставить позади все инструменты, которые изначально принесли успех. Вам придется сделать первый шаг вниз.

– И как, вы купились на это? – Лейтенант (уже другая – у полковника по новой в каждом порту) отрывает взгляд от экрана. На ее лице – скептическая гримаса. – Наука, основанная на вере?

– Это не наука, – говорит полковник. – Они не притворяются, что это она.

– Так еще хуже. Глоссолалией мозговой чип не собрать.

– С патентами трудно спорить.

Патенты его беспокоят. Двухпалатники вроде не имеют никаких военных амбиций и планов по завоеванию планеты – кажется, внешний мир их вообще не интересует. Пока они с радостью притаились в монастырях, разбросанных по пустыням, размышляя о реальности, лежащей по ту сторону этой.

Но есть и другие способы поставить мир на колени. Сейчас все такое… хрупкое. Из-за одного сдвига парадигмы падают целые общества, а Двухпалатникам принадлежит половина патентного офиса. Если бы они захотели, заставили бы мировую экономику сожрать себя за ночь. Причем полностью в рамках закона.

Латтеродт – не часть роя, насколько можно судить. Она лишь служит ему фасадом: дружелюбная и харизматичная, прекрасное официальное лицо для ордена, чтобы смягчить впечатление и успокоить страхи. Следующие две недели она разъезжает по миру; вполне нормальный самостоятельный человек с доступом к самым потаенным секретам Двухпалатников. Прекрасно

освоившийся в мире, где мысль не может остановиться на границе черепа и даже не знает, когда покинула одну голову и вошла в другую.

– Хотите ее арестовать? – спрашивает лейтенант, пока Латтеродт разоружает мир улыбкой и пригоршней метафор.

Полковник должен признать, что искушение сильно: отрезать ее от стада и скрыть допрос под грифом глобальной безопасности. Кто знает, какими озарениями Латтеродт поделится при должном стимуле.

Однако он качает головой:

– Я с ней встречусь.

– Неужели? – Похоже, новая лейтенант не подписывалась на беседы с противником, стоя на коленях.

– У нее сейчас поездка доброй воли, и нужно дать ей шанс поделиться своими убеждениями.

Конечно, никакого благородства в этом нет. Но не стоит нападать на противника, пока не знаешь, какой силой он может ответить.

Глобальное исследование и оценка угрозы, идущей от роевых разумов, – не единственное задание полковника, а лишь самое последнее. Еще с десяток прохлаждаются на заднем плане, изредка требуя изучения или дополнения. Набеги реалистов на архипелаг Великобритании. Сепаратистский съезд баптистов, строящий вооруженный гиланд [249] в северных морях. Периодические военные трибуналы над какой-нибудь древней пехотой из плоти и крови, чьи киберимплантаты нарушают правила применения силы. Полузабытые, эти дела образуют очередь и ведутся на автопилоте. Когда его внимание понадобится, оповестят.

И все же про одну свечу полковник никогда не забывает, хотя она не горит уже десяток лет – запрограммирована подать сигнал в случае изменения статуса. Однако он все равно проверяет ее каждый день. И теперь, вернувшись на пару суток в огромную пустую квартиру, которую не продал даже после того, как жена ушла на Небеса, проверяет снова.

Все по-прежнему без изменений.

Полковник отключает имплантаты в голове и с удовольствием прячется в тишине, которая воцаряется, как только оверлеи и отчеты перестают бормотать в височной доле. Он с опозданием замечает настоящий звук – тихое постукиванье коготков по кафелю позади него. Поворачивается и успевает заметить пушистую черно-белую мордочку, прежде чем та исчезает за углом.

Полковник выдвигается на кухню.

Зефир с благосклонностью относится к тому, что квартира его кормит, но не слишком это любит. Правда, других вариантов у него нет, – хозяина слишком часто не бывает дома. Поначалу кот наотрез отказался есть с механической руки. Он чуть не обезумел, когда какой-то любитель межвидовых связей решил, что будет познавательно, трансцендентно или просто мило разделить сознание с крохотной душой, у которой синапсов в десять раз меньше, чем у человека. Полковник пытается представить, на что могло походить такое насильственное слияние: падение в водоворот непонятных мыслей и ощущений, ослепляющих подобно яркому солнцу, и выброс в ошарашивающую кровоточащую тьму, когда богу-нарциссу стало скучно и он прервал связь.

Зефир прятался в шкафу неделями после того, как полковник привез его домой; шипел, плевался при виде разъемов, оптоволокна и автоуборщика, тихо выполнявшего свои обязанности. Через два года крохотный мозг пересчитал статистику затрат/выгод и оценил преимущества раздатчика корма на кухне. Но даже сейчас кот больше походил на призрак, заметить его можно было лишь краем глаза. На открытое пространство Зефир выходил сильно проголодавшись, или когда полковник неподвижно сидел на одном месте. Физического контакта животное по-прежнему избегало. Полковник потакает ему и притворяется, что не замечает порванную обивку на подлокотнике кушетки в гостиной. Не осмеливается вынуть разъем из уродливого шрама на голове Зефира: неизвестно, какие посттравматические кошмары пробудит поездка к ветеринару.

Полковник наполняет миску кота и отходит на положенные два метра (это прогресс – шесть месяцев назад не мог подойти и на три). Зефир вползает на кухню, дергает носом и осматривает углы.

Полковник надеется, что идиот, от скуки устроивший пытку коту, решит перейти на более экзотических животных. Например, займется цефалоподами. (Ситуация по всем параметрам становится далеко не самой приятной, когда дело касается межмозгового интерфейса с гигантским осьминогом.)

Человеческие рои, по крайней мере, могут сослаться на взаимное согласие. Их члены сами выбирают насилие, которое навлекают на себя, появление добровольного монстра из озера уничтоженных личностей. Если бы этим все и заканчивалось, а вред ограничивался лишь тем, что рой делал с разумом своих частей…

Свеча сына дремлет в закутке сети, как индикатор в

чистилище. Зефир с каждым вторым укусом оглядывается по сторонам, все еще опасаясь Второго пришествия.

Полковнику знакомо это чувство.

Они встречаются на террасе в стороне от Риверсайда, в одном из классических бистро, где все – от приготовления еды до обслуживания за столиком – совершают люди из плоти и крови, и в результате все – от приготовления еды до обслуживания за столиком – далеко не лучшего качества. Но посетители все равно готовы платить за персональный подход.

– Вы не одобряете… – говорит доктор Латтеродт, сразу переходя к делу.

– И немало вещей, – признает полковник. – Вам следует быть более конкретной.

– Нас. То, что мы делаем, – она смотрит на меню (буквально – то напечатано на примитивной бумаге). – Не одобряете рои в целом, я так думаю.

– Есть причина, по которой они находятся вне закона. Большинство, по крайней мере.

– Есть. Люди боятся, что то, чего они не понимают, начнет контролировать их жизни. Не важно, насколько рациональными или полезными может быть любой закон и политика. Когда для понимания их механики требуется десять мозгов, одиночные этого пугаются. – Марионетка пожимает плечами. – Но дело в том, что Двухпалатники не сочиняют законы и не проводят политику, они лишь смотрят на природу, а руки держат при себе. Может, именно поэтому они не противозаконны.

– А, может, это уловка. Если бы мясные интерфейсы получили известность, могу поспорить, что мы определили бы термин «технология» более точно.

– Закон об интерфейсах приняли добрых десять лет назад, а власти до сих пор не выработали однозначного определения. И разве смогли бы? Мозги перепаивают себя с каждой новой мыслью. Как запретить кортикальную коррекцию законодательно, не запретив саму жизнь?

– Это не мое дело.

– И все-таки вы не одобряете.

– Я видел слишком много урона. Вы делаете невинное лицо, говорите и говорите о трансцендентных озарениях группового разума. Обо всех предвидениях, которые можно получить, присоединившись к великому целому. Но никто не говорит о том…

«Чем другие платят за ваше просвещение».

…что происходит с человеком после.

– Взгляд на небеса, – бормочет Латтеродт, – превращающий жизнь в ад.

Полковник моргает:

– Именно.

Как себя чувствуют люди, у которых забрали зрение богов, чье жалкое, убогое существование преследуют смазанные и неразличимые воспоминания о возвышенном? Неудивительно, что люди подсаживаются и что некоторых приходится насильно вырывать из разъемов, не слушая их криков.

Покончить с жизнью, тлеющей в тени такого пламени… Боже, это почти акт милосердия.

– …это распространенное недоразумение, – говорит Латтеродт. – Рой – не паззл из тысячи крохотных личностей, а единое целое. Джим Мур не превращается в Супермена: когда рой активен, его не существует. Если только не понизить время задержки.

– Так даже хуже.

Она с легким нетерпением качает головой:

– Если бы все было настолько плохо, вы уже знали бы об этом. Вы сами – роевой разум, и всегда им были.

– Если таков ваш взгляд на субординацию…

– Каждый человек – это рой.

Он фыркает.

Она не унимается:

– У вас два мозговых полушария, правильно? Каждое способно обеспечивать работу отдельной личности, и даже нескольких. Если одно из полушарий отключить, например, с помощью анестезии или достаточной транскраниальной стимуляции, со вторым ничего не случится, оно будет работать по-прежнему. И знаете что? Оно будет не таким, как вы. Возможно, у него появятся другие политические предпочтения, пол и, черт возьми, даже чувство юмора. Все это – пока не проснется другое полушарие, мозг не сольется воедино и снова не станет вами. Так скажите мне, полковник, страдают ли прямо сейчас ваши полушария? Живет ли там в эту самую минуту уйма личностей? Во рту кляпы, руки-ноги связаны и все думают: «О, великий Ганеша, я в ловушке! Если бы рой выпустил меня погулять!» «Я не знаю, – понимает он. – Откуда мне знать?»

– Разумеется, нет, – Латтеродт отвечает сама себе. – Они просто таймшерят. И все совершенно прозрачно.

– А психоз после слияния – городская легенда, которую распространяют конспирологи.

Она вздыхает:

– Нет, психоз реален. И это трагедия, которая испортила

тысячи жизней. Все так, но он – целиком и полностью результат дефектной технологии интерфейса. И у наших парней его не бывает.

– Не каждому так сильно повезло, – говорит полковник.

Подходит человек с косметическими хлорофиллами в глазах и приносит заказы. Латтеродт улыбается ему, начинает копаться в салате из клонированного краба. Полковник перебирает кусочки авокадо, хотя почти не помнит, как их заказывал:

– Вы когда-нибудь посещали Разум Мокши?

– Только в вирте.

– Вы же знаете, что своему опыту в вирте нельзя верить.

– Верить нельзя ничему, что вы испытываете даже за этим столом. Разве вы видите огромное слепое пятно прямо перед глазами?

– Я сейчас говорю не о природе, а о том, что действует с определенной целью.

– Хорошо, – она жует и говорит с набитым ртом. – Какая цель у Мокши?

– Никто не знает. Восемь миллионов человеческих разумов, связанных воедино, которые… просто лежат. Конечно, вы видели трансляции из Бангалора и Хайдарабада, все эти прекрасные условия, чистота с умными постелями, которые тренируют тела и закаляют мышцы. А вы видели узлы, которые живут у черта на рогах, где-нибудь в пятистах километрах от ближайшего населенного пункта, на конце убитого проселка? Людей, у которых нет ничего, кроме койки, хибары и роутера у деревенского колодца?

Она не отвечает. Он принимает молчание за «нет».

– А вам надо бы нанести туда визит. У некоторых есть люди, которые за ними следят, у некоторых – нет и этого. Я видел детей, покрытых вонючими язвами и лежащих в собственном дерьме; людей, у которых выпала половина зубов, так как они подключены к рою. Им все равно! Они не могут иначе, так как их больше нет, а рою глубоко плевать на те части, из которых он построен, так же как нам…

Человеческие факелы, пылающие в эквадорском дождевом лесу…

– …наплевать на клетки собственной печени.

Латтеродт изучает свой бокал:

– Они сами к этому стремятся, полковник. К свободе от сансары. Я не стану говорить, что сделала бы такой выбор сама. – Она опять смотрит на полковника, прямо в глаза и не отводит взгляд. – Но вас беспокоит не это.

– С чего вы взяли?

– Неважно, насколько вы не одобряете их образ жизни, но восемь миллионов душ, лежащих в счастливой кататонии, не представляют военной угрозы.

– Вы в этом уверены? Можете себе представить, какого рода планы зреют в разумном существе с массой в восемь миллионов человеческих мозгов?

– Покорение мира, – невозмутимо кивает Латтеродт. – Ведь в дхармических верованиях только об этом и написано.

Он не смеется:

– Люди придерживаются веры и соблюдают учение. Рой – это нечто совсем другое.

– И если они – угроза, – тихо произносит она, – что такое мы?

Она имеет в виду своих хозяев. И ответ есть: «Вы ужасны».

– Разум Мокши не настолько радикален, если посмотреть в корень проблемы, – продолжает Латтеродт. – Он построен из вполне обычных мозгов. Мои парни играют с самой кортикальной архитектурой. У нас сплетение разумов и квантовое биорадио, созданное на принципах, которые вам не встретятся еще лет двадцать. Вы даже не сможете определить это как технологию. Мы поэтому сейчас беседуем? Потому что если вас беспокоит кучка соединенных в сеть исходников, то Двухпалатники – уже настоящая угроза?

– А это так? – наконец спрашивает он.

Она фыркает в свой черед:

– Послушайте, мозг можно оптимизировать для жизни или здесь, или там. Но не одновременно. Двухпалатники думают в планковских масштабах. Все это квантовое безумие для них познаваемо на уровне интуиции, как траектории в бейсболе для вас. Но знаете что?

Все это он уже слышал:

– С бейсболом у них плоховато.

– Да, плоховато. Но они справляются: могут и задницу себе подтереть, и поесть. Но если выпустить их в большой город… скажем мягко, им станет некомфортно.

Полковник не покупается на такой старый довод.

– Думаете, зачем им нужны люди, вроде меня? Думаете, они уходят в пустыню, чтобы построить там суперзлодейское логово? – Латтеродт закатывает глаза. – Они никому не угрожают, поверьте мне. Они с трудом улицу могут перейти.

– Об их физической мощи я беспокоюсь в последнюю очередь. Нечто настолько продвинутое может растоптать нас и даже не заметить.

– Полковник, я с ними живу, и меня до сих пор не растоптали.

– Мы оба прекрасно знаем, насколько дестабилизирующее влияние окажет решение Двухпалатников выкинуть на рынок хотя бы малую часть…

– Но они не принимают такое решение, так? И зачем им это делать? Вы думаете, их реально заботит какой-то процент прибыли в вашей фэнтезийной экономике? – Латтеродт качает головой. – Вы должны благодарить того Бога, в которого верите, что они держат патенты при себе. Любой другой на их месте разворошил бы муравейник просто ради хорошей бухгалтерской отчетности.

«Значит, мы для тебя – муравьи».

– Хотите вы это признавать или нет, но миру лучше с ними, чем без них. Они держатся особняком, никого не беспокоят, а когда выходят поиграть, вы, троглодиты, сразу нагреваете на этом руки. Вооруженные силы уже лет десять пользуются лицензией на нашу шифровальную технику.

– В последнее время нет, – с той поры, как кто-то из командования распсиховался по поводу лазеек в системе. Хотя, возможно, полковник сам приложил руку к этому решению.

– Ну, вы – сами себе враги. Буквально пару месяцев назад Коахиллья вывел симметрический вариант Рамануджана, за который вы, парни, просто убили бы. На наши алгоритмы теперь никто не сможет наложить руку. – Она поправляется. – Никто из исходников, конечно.

– Зря стараетесь, доктор Латтеродт.

Она поднимает брови, на вид – сама невинность.

Полковник наклоняется над столом:

– Может, вы действительно чувствуете себя в безопасности, когда спите со своими гигантами. Они еще не ворочались и не раздавили вас во сне; полагаю, вы думаете, это дает вам гарантию того, что ничего подобного не случится в будущем. Я никогда не буду настолько безрассуден…

«Опять».

Даже спустя столько времени оговорка выдает его с головой.

– Они вам не враги, полковник.

Он переводит дыхание и удивляется своей собранности.

– Это меня и пугает. Когда имеешь дело с врагом, по крайней мере питаешь надежду на то, что понимаешь, чего он хочет. А эта штука… – полковник качает головой. – Вы сами признали: ее амбиции не влезают в человеческий череп.

– Сейчас она хочет вам помочь.

– Ну, конечно!

Латтеродт отрывает свой ноготь и передает его по столу. Он смотрит на него, но не трогает.

– Это кристалл, – через какое-то время говорит Лианна.

– Я знаю, что это. Не могли мне просто все саккадировать?

– А вы приняли бы? Позволили бы марионетке Двухпалатников сбросить данные прямо в вашу голову?

Он признает ее правоту легкой гримасой.

– Что это?

– Передача. Мы расшифровали ее пару недель назад.

– Передача?

– Из Оорта. Насколько мы можем судить.

«Она врет. Должна врать».

Полковник качает головой:

– Мы бы уже…

Каждый день последние десять лет он проверял индикаторы, выжимал микроволны, искал слово, шепот, вздох; не сводил глаз с неба. Даже теперь, когда все подсчитали потери и переключились на задачи поинтереснее.

«У нас нет доказательств того, что „Тезей“ погиб…»

– Мы сканировали пространство с самого запуска. Если бы там был хоть какой-то сигнал, мы уже знали бы.

Латтеродт пожимает плечами:

– Они в состоянии делать то, чего вы не можете. Разве не из-за этого вы плохо спите по ночам?

– У них даже нет такой техники. Откуда взялась телеметрия?

Она еле заметно улыбается.

Его осеняет:

– Вы… вы знали…

Латтеродт протягивает руку и подталкивает оторванный ноготь на пару сантиметров ближе к полковнику:

– Возьмите.

– Вы знали, что я с вами свяжусь и рассчитывали на это.

– Посмотрите, что там есть.

– Вы знали о моем сыне, – он чувствует, как воздух с шипением вырывается сквозь неожиданно сжатые зубы. – Уроды! Значит, теперь вы решили использовать против меня моего собственного сына?

– Я обещаю, информация стоит…

Он встает:

– Если ваши хозяева думают, что могут держать его в заложниках…

– Зало… – Латтеродт моргает. – Разумеется, нет. Я уже сказала, они хотят вам помочь.

– Рой хочет помочь? Рой, сука, который с самого начала…

– Джим, они отдают информацию вам.

Он не видит в ее лице ничего, кроме честной просьбы.

– Возьмите. Откроете, где угодно и когда захотите. Можете прогнать через любые фильтры, детекторы и системы безопасности, которые сочтете нужными.

Полковник смотрит на ноготь, будто тот неожиданно отрастил зубы:

– Значит, вы отдаете это мне. Без всяких условий?

– С одним.

– Разумеется, – он с презрением качает головой. – И что же…

– Это для вас, Джим, а не для ваших хозяев. Не для штаба миссии.

– Вы знаете, что я не могу дать такое обещание.

– Тогда не принимайте предложение. Думаю, не нужно говорить, что произойдет, если это выйдет наружу. Вы с нами хотя бы разговариваете – другие не будут столь благоразумны. И, несмотря на ваши страхи, мы не можем поразить врагов молнией с небес. Расскажите об этом, и боты вместе с солдатскими ботинками заявятся в каждый монастырь западного полушария.

– А почему вы мне доверяете? Откуда знаете, что я не начну операцию из-за нашего разговора?

Латтеродт перечисляет причины:

– Потому что вы – не такой человек. А, может, я лгу. Вы не станете рисковать жизнями и средствами. Вдруг мы все-таки можем разить молниями? И если, – она стучит по фальшивому ногтю настоящим, – вот это с «Тезея», неужели вы не воспользуетесь таким шансом?

– Если? Вы что, сами не знаете?

– Это вы не знаете, – говорит Латтеродт. А соблазн неумолимо тянет его душу, и он едва замечает, что она не ответила на вопрос.

Устройство лежит между ними; нечто, свернувшееся кольцом.

– Почему? – наконец спрашивает полковник.

– Иногда они на что-то натыкаются, – объясняет Латтеродт. – Сопутствующие результаты, если так можно сказать, в ходе других исследований. Вещи, которые не столь важны для Двухпалатников, а для других могут быть значимыми.

– Зачем им это вообще нужно?

– Нужно, Джим. Вам кажется, что они вне нас, и что мы не можем понять их мотивы. Для вас это фактически догмат. Но перед вами лежит мотив, а вы его даже не видите.

– Какой мотив? – Он не видит ничего, кроме капканов со всех сторон.

– Так вы узнаете, что они не боги, и у них есть сострадание.

Его, конечно, нет. Это манипуляция, простая и чистая. Глина

под руками гончара, ток к центрам тоски в сердце мозга. Нити, которые торчат до самой стратосферы и которые, похоже, не разорвать.

Когти Зефира тихо постукивают в соседней комнате, когда полковник открывает кристалл. Там папки внутри папок: файлы с помехами, преобразования Фурье, интерпретации отношений сигнала к помехе, низведенные до наименьших квадратов и гибких кривых. Все открывается сразу и без возни: никаких замков, паролей, рубинового лазера по сетчатке. (Он бы не удивился такому повороту. Почему бы этим гигантам не спуститься со своих планковских высот и не выкрасть узор его сетчатки из какого-нибудь файла с квантовой шифровкой?) Может, ничего такого не нужно. Или все уже есть в невидимом предохранителе – невероятном алгоритме, читающем разум, который мгновенно сканирует его сознание, готовясь стереть все начисто, если полковник не оправдает доверие роя.

А может, они понимают его лучше, чем он сам?

Полковник узнает слабое эхо микроволнового фона, оттиснутое на данных, как смазанный отпечаток пальца из древних времен. В остатках видит что-то, вроде кода приемоответчика. Анализ, по большей части, придется принять на веру: если что-то и было послано с «Тезея», оно то ли прошло через суровые погодные условия, то ли передатчик корабля сильно поврежден. Осталось лишь нечто, похожее на остатки оплетки, где смысл заключается не только в сигналах, но и во взаимодействии частот. Информационная голограмма.

Наконец он извлекает единственную ниточку из гобелена: скудный поток линейного текста. Судя по метатегам, его воссоздали из акустического сигнала – скорее всего, голосового канала, настолько слабого, что реконструкция не отфильтрована от помех, а, судя по всему, выстроена из них. Получился простой и неприукрашенный текст, в основном, гипотетический.

«Представь себе, что ты – Сири Китон», – говорит он.

У полковника подгибаются ноги.

Раньше он приходил на Небеса раз в неделю, потом – раз в месяц. Со дня последнего посещения миновал почти год.

Просто в этом уже не было смысла…

Небеса – не рой, по крайней мере такой, какой бы попадал под его юрисдикцию. Мозги на Небесах соединены в сеть, но она подсознательна: излишки интернейронов одалживали для вычислений на текущие нужды, пока души парили в сновидческих мирах их собственного воображения. Идеальная бизнес-модель! Отдайте нам мозги, на них будет функционировать наша техника,

а мы развлечем ваши бодрствующие останки.

Технически Хелен Китон – по-прежнему его жена. При восхождении супруга расторжение брака – дело формальное, но пара форм не изменит реальность; у полковника так и не дошли руки до бумажек. Поначалу она не отвечает и держит его в лимбе, заканчивая виртуальные увеселения, посреди которых полковник ее застал. Может, просто заставляет его ждать. После целого года он думает, что ему не стоит жаловаться.

Наконец облако радуг с зазубренными краями спускается в его присутствие. Разбитые осколки витражного стекла кружатся и танцуют, словно косяк рыб: какой-то стадный алгоритм, притягивающий ближайшие элементы друг к другу и творящий арабески из хаоса. Полковник до сих пор не знает, намеренная это вычурность или готовый аватар.

Он всегда казался ему чрезмерным.

Голос из струящегося стекла:

– Джим…

Звучит отдаленно и отрешенно. Столь же разрозненно, как и ее новый вид. Четырнадцать лет в мире, где законы физики коренятся во снах и исполнении желаний: ему повезло, что она вообще может разговаривать.

– Я подумал, тебе стоит знать. Был сигнал.

– Сигнал…

– С «Тезея». Возможно.

Стая замедляется, будто воздух превратился в скудную струйку, и сжимается, как на стоп-кадре. Полковник отсчитывает семь секунд, во время которых нет никакого движения.

Хелен сливается воедино – абстракция свертывается в человечность: десять тысяч фрагментов цепляются друг за друга в трехмерной головоломке, чей яркий изначальный блеск иссякает до приглушенных оттенков плоти и крови. Полковник представляет, как призрак одевается в костюм для официального приема.

– С… Сири? – Теперь у нее есть лицо. Частицы его нижней половины встают на место как раз вовремя, чтобы произнести имя. – Он…

– Я не знаю. Сигнал… очень слабый. Искаженный.

– Ему сейчас было бы сорок два года, – произносит она, помолчав.

– Ему и есть сорок два, – говорит полковник, не уступая и микрона.

– Ты послал его туда!

Справедливо. Ведь он не сказал «нет», не возразил и даже добавил свой голос к общему хору, когда стало очевидно, куда

дует ветер. И какой вес имели бы его протесты? Все остальные уже были на борту; объединенная сетью толпа, настолько опережающая ментальность троглодитов, что все офицеры и эксперты могли с тем же успехом быть парламентом мышей.

– Мы их всех отправили, Хелен. Потому что они были самыми квалифицированными.

– Ты забыл, почему он стал таким квалифицированным?

Он очень хотел забыть.

– Ты послал его в космос на поиски призраков, – говорит она. – Это в лучшем случае. В худшем, скормил монстрам.

«А ты, – не ответил он, – оставила его ради этого места еще до того, как монстры появились».

– Ты послал его против чего-то, что в принципе никому не по силам.

«Я не буду влезать в этот спор».

– Мы не знали, насколько оно большое. Мы ничего не знали и должны были выяснить.

– Ты проделал блестящую работу. – Хелен уже полностью воплотилась; еле сдерживаемое раздражение воскресло, будто и не пропадало.

– Хелен, мы были под наблюдением. Вся наша проклятая планета. – Она же помнит! Не настолько погрузилась в свой вымышленный мир, чтобы забыть о случившемся в реальности. – Мы должны были просто забыть об этом? Думаешь, кто-то другой стал бы скучать по своему ребенку меньше, даже если бы Сири не был лучшим кандидатом для этой работы? Это больше его. Это больше нас всех.

– О, тебе не надо говорить мне об этом. Полковник Мур так любил этот убогий мир, что заклал ради него единорожденного сына.

Его плечи поднимаются и опускаются.

– Если все удастся…

– Если…

Он прерывает ее:

– Сири, вероятно, жив, Хелен! Ты не можешь хоть на миг забыть о своей ненависти и почувствовать надежду?

Она парит перед ним как ангел-мститель, но рука с мечом замирает. Она прекрасна – еще больше, чем во плоти, – хотя полковник хорошо представляет, как выглядит ее физическое тело сейчас, после долгих лет маринования в катакомбах. Он пытается выжать из этого знания крохотное мстительное удовлетворение, но у него не получается.

– Спасибо, что сказал, – наконец произносит Хелен.

– Ничего определенного…

– Но шанс есть. Да, конечно. – Она наклоняется вперед. – Ты ожидаешь… в общем, когда ты поймешь, что именно там говорится? В сигнале.

– Я не знаю. Рассматриваю варианты. Скажу тебе, как только что-нибудь узнаю.

– Спасибо, – ангел рассыпается, но вдруг вновь сгущается от неожиданной мысли. – Разумеется, ты мне не позволишь поделиться этой информацией, да?

– Хелен, ты знаешь…

– Ты уже заблокировал мой домен. Стена появится, как только я попытаюсь рассказать кому-то, что, вероятно, мой сын жив. Так?

Он вздыхает:

– Это не моя инициатива.

– Это вторжение, вот что! Притеснение.

– А тебе было бы лучше, если бы я просто ничего не сказал?

Как только Хелен обрывает связь, Небеса рассыпаются и вокруг появляются голые стены квартиры; он понимает, что это очередная фигура привычного танца. Шаги не меняются: он выстраивает баррикады, она в ярости бьется о них, и энергия идет к стандартному пустому равновесию. В принципе, даже не важно, на месте ограничения по безопасности или нет. Кому она скажет, в конце-то концов?

На Небесах все ее друзья воображаемые.

– Это Джим Мур.

Полковник стоит на краю пустыни. Рядом на холостом ходу работает «ниссан», как верный пес.

– В ближайшем будущем я буду недоступен. И не могу сообщить вам, куда направляюсь.

Последние двадцать четыре часа он был фактически голым: ни спецобуви, ни оружия, ни армейских жетонов. Ни наблюдения: окно в ноосферу, хранителя секретов, станцию, усилитель и координатора событий – всю смарт-технологию он оставил позади. Даже отключил кортикальные имплантаты, выбросил зрение вместе со снаряжением. Осталась только голосовая почта, отправленная с отсрочкой. Когда сообщение дойдет до адресата, полковник будет вне досягаемости.

– Я надеюсь представить полный отчет после возвращения. Но точно не знаю, когда вернусь.

Он стоит, взвешивает цену и оценивает риски. Угрозы великих богов и опасность божественного равнодушия. Угрозу от пришельцев из другого мира и из этого. Безумное тщеславие при мысли, что какой-то жалкий троглодит, едва слезший с дерева,

может использовать одних против других.

Цену собственного сына…

– Я полагаю, что мой послужной список дает мне некоторую свободу. Прошу вас на время моего отсутствия воздержаться от выяснения моего местонахождения.

Он, конечно, не верит, что его послушают. «Ниссан» украден, логи подправлены, следы самоволки стерты. Машина полковника курсирует по Олимпийскому полуострову под подпиской о невыезде, оставляя след из хлебных крошек – на случай если поблизости окажется отслеживающий алгоритм.

– Я полностью осознаю… нарушение безопасности, которое представляет мое отсутствие. Вы знаете, что я никогда бы так не поступил, если бы не считал это крайне важным.

«Может, вы действительно чувствуете себя в безопасности, когда спите со своими гигантами. Они еще не ворочались и не раздавили вас во сне. Полагаю, вы думаете, это дает гарантию того, что в будущем ничего подобного не случится. Я никогда не буду настолько безрассудным.

Снова».

Не нужен рой, чтобы понять, с какой простой и незатейливой легкостью им манипулировали. Стратегия троглодитов: найди Ахиллесову пяту, смастери лазейку, вставь до упора. Сфабрикуй надежду из помех. А потом сожаление и слабая надежда на искупление довершат остальное.

От этого легко отмахнуться, хотя бы ни миг: сама мысль о том, что одинокий старый исходник может что-то значить для коллектива с богоподобным интеллектом, – невероятное умопомрачительное самомнение. Мысль о том, что невзрачного троглодита могут заметить, уже не говоря о том, чтобы им манипулировать.

При всех страхах и недоверии он должен признать: сейчас сострадание – самое простое объяснение.

Он отправляет сообщение, и передатчик выскальзывает из пальцев. Прощальное слово уходит за тысячи километров, когда ботинок топчет крохотное устройство в пыли; командование узнает обо всем в свой черед. Полковник оставляет позади все, кроме одежды, двух капсул с противоядиями широкого спектра и достаточным количеством еды для похода к монастырю в одну сторону. Если мыслительные процессы Двухпалатников коренятся в религиозной философии, он надеется, что эта вера проповедует милосердие к заблудшим душам и прощение нарушителям границ.

Никаких гарантий, конечно. Есть столько способов прочесть данные, которые ему даровал рой. Возможно, он – лишь пешка в

большой игре или голодное насекомое, которому однажды попалась крошка с небес, и теперь оно возомнило себя «на короткой ноге» с Господом. Во всех сценариях и противоречащих друг другу гипотезах несомненно одно – что это единственное озарение после многих лет. Теперь полковник жаждет большего настолько, что рискует всем. Сын пропал, но его нашли.

Сири возвращается домой.

– Отправляйся домой, – говорит полковник «ниссану», а сам уходит в пустыню.

Эхопраксия

Ненаглядной повелительнице единорогов, которая спасла мне жизнь

Мы не уничтожаем религию, уничтожая суеверие.

Цицерон

Когда думаешь только о небесах, создаешь ад.

Том Роббинс

Эхопраксия – подражательный автоматизм, склонность пассивно повторять движения и действия других людей

Мы взобрались на этот холм. С каждым шагом вверх видели все дальше, и потому продолжали идти. Теперь мы на вершине. Наука на вершине уже несколько веков. Мы смотрим на равнину и видим, как то, другое, племя танцует в облаках, еще выше, чем мы. Может, это мираж или фокус? Или кто-то просто взобрался на гору повыше? Мы не видим ее, так как даль застилают облака. Потому мы решаем выяснить, что к чему, но каждый шаг ведет нас вниз. Не важно, в каком направлении, просто мы не можем сойти с нашей горы, не потеряв точку обзора. И мы тут же забираемся обратно, оказавшись в ловушке местного максимума.

Но что если там, в долине, действительно есть гора повыше? Единственный способ добраться до нее – стиснуть зубы, спуститься к подножию, а затем тащиться вдоль русла реки и снова начать подъем. Только тогда понимаешь: «Да эта гора выше холмика, на котором мы сидели раньше, и с ее вершины видно намного лучше».

Но до нее не добраться, разве что оставить позади все инструменты, которые изначально принесли успех. Вам придется сделать первый шаг вниз.

Доктор Лианна Латтеродт
«Вера и адаптивный ландшафт»,

«Диалоги», 2091 Уот

Прелюдия

Построить систему естественной морали почти невозможно. Природа не знает нравственных принципов. Она не дает нам никаких оснований считать, что человеческая жизнь достойна уважения. Равнодушная природа не делает разницы между добром и злом.

Анатоль Франс[250]

Белая комната, лишенная теней и топографии. Нет углов, и это очень важно. Нет закоулков, мебели, направленного освещения, геометрии света и тени, чьи пересечения под тем или иным углом можно принять за крестное знамение. Стены – точнее, стена – единая изогнутая поверхность с легкой биолюминесценцией; сферический вольер, сплющенный снизу в неохотной уступке двуногим условностям. Гигантская матка диаметром три метра, в которой сейчас хныкал зародыш, клубком свернувшийся на полу.

Матка, только кровь снаружи.

Зародыша звали Сачита Бхар, и эта кровь была в ее голове. Они уже вырубили камеры и все остальное, а она никак не могла забыть того, что увидела: комнату отдыха, гистолабораторию, даже чулан – черт возьми, грязную крохотную каморку на третьем этаже, где спрятался Грегор. Сачи не видела, когда его отыскали. Она перескакивала с канала на канал, лихорадочно ища признаки жизни, но находила только мертвых с выпущенными кишками. К тому времени, когда дошла до камеры с чуланом, монстры ушли.

Грегор так любил своего дурацкого хорька. Еще этим утром Сачита ехала с Грегором в лифте и запомнила его полосатую рубашку. По ней и опознала кучу, оставшуюся в каморке…

Сачита увидела часть резни, прежде чем отключились камеры: друзей, коллег, соперников убили без жалости и каких-либо предпочтений; их выпотрошенные останки разбросали по лабораторным столам, рабочим станциям и туалетным кабинкам. Сигналы с камер шли прямо в имплантаты, вживленные ей в голову, но Сачита, несмотря на доступ к повсеместному наблюдению, даже не заметила существ, которые все это сделали. Тени, максимум. Проблеск тьмы, когда одинокий охотник

попадал в слепое пятно камеры. Они убили всех, но не позволили увидеть себя никому, даже собратьям.

Подопытных всегда держали поодиночке. Для их же собственного блага, разумеется: посади двух вампиров в одну комнату, и вшитая в подкорку территориальность через секунду заставит их рвать друг другу глотки. И все же почему-то они работали вместе: полдюжины, взаперти, без связи, совершенно неожиданно начали действовать как слаженная команда. Захватили здание, ни разу не встретившись, и даже в разгар бойни, в последние секунды перед тем, как умерли камеры, вампиры остались невидимыми. Сачита будто видела резню краем глаза.

«Как они это сделали? Как справились с углами?»

Кого-то другого могла поразить такая ирония судьбы: Бхар спряталась в убежище для монстров – одном из немногих мест в проклятом центре, где те могли открыть глаза, не рискуя получить смертный приговор. Здесь были запрещены прямые углы, подвергали испытаниям ахиллесову пяту и создали свободную от крестов зону, где строго контролировали геометрию и оптимизировали нейрологические поводки. В любом другом помещении остроконечность цивилизации грозила вампирам со всех сторон: столы, окна, миллионы пересекающихся линий техники и архитектуры только и ждали момента, чтобы спровоцировать эпилептический припадок. Монстры не могли – не должны были! – и часа протянуть снаружи без антиевклидиков, подавлявших «крестовый глюк». Только здесь, в белой матке, куда бедная и глупая Сачита Бхар прибежала, когда погас свет, они могли открыть незащищенные глаза.

Теперь один из них стоял рядом с ней.

Она его не видела: крепко зажмурила глаза, пытаясь побороть образы массовой резни, намертво застывшие в мозгу. И ничего не слышала, кроме непрекращающегося животного стона, исходившего из ее собственного горла. Вдруг что-то выпило часть света, падавшего на лицо Сачиты. Вращающаяся багровая тьма под веками еле заметно, предательски померкла, и Бхар все поняла.

– Привет, – сказало оно.

Она открыла глаза. Перед ней стояла женщина, которую назвали Валери, по имени одного из ведомственных председателей, уволившейся год назад. Вампирша Валери.

Ее глаза отражали отфильтрованный до красного свет: кроваво-оранжевые звезды на лице, зардевшемся от бойни. Она возвышалась над Сачитой – неподвижная как статуя насекомого, даже дыхание почти не ощущалось. За секунды до смерти выбора

не оставалось, и некая подпрограмма в мозгу Бхар стала отмечать морфометрию: нечеловечески длинные конечности и тощую, тепловыделяющую аллометрию метаболического двигателя, работающего на всех парах. Немного выступающие мандибулы, волчьи настолько, насколько гоминид мог себе позволить, чтобы разместить весь набор зубов. Нелепый бирюзовый халат, композитная ткань со смартпапиром и встроенной телеметрией: похоже, сегодня для Валери запланировали физические процедуры. Румяный цвет лица, кровавый паводок вазолидации хищника в режиме охоты. И глаза, эти ужасающие светящиеся проколы…

Наконец, программа засекла: «Зрачки сузились. Она не на евклидиках».

Неожиданно Сачи выхватила крест – аварийный выключатель на случай непредвиденных ситуаций; талисман, который вручали каждому в первый день вместе с удостоверением: его эмпирически протестировали и опробовали в боевых действиях. Наука возродила символ после бесчисленных веков, проведенных им в трущобах религиозного фетишизма. С отчаянной храбростью Сачи протянула его перед собой и большим пальцем нажала на кнопку. С каждого конца распятия выскочили расширители на пружинах, и крохотный карманный тотем неожиданно стал метровым с каждой стороны.

«Тридцать градусов зрительного диапазона, Сачи. Может, сорок для особенно стойких. Убедись, что вампир находится перпендикулярно линии взгляда и углы работают на девяносто градусов. Стоит этим малышам попасться на глаза упырям и покрыть достаточную площадь зрительной зоны, их кора головного мозга поджарится, как электрическая цепь в грозу».

Это слова Грега.

Валери склонила голову набок и изучила артефакт. Сачита знала, что ужасающее создание может рухнуть в любую секунду, превратившись в судорожно дергающуюся массу искрящихся синапсов: дело было не в вере, а в нейрологии.

Монстр наклонился чуть ближе и даже не поморщился. Сачи обмочилась.

– Пожалуйста, – всхлипнула она.

Вампирша ничего не ответила.

Слова полились рекой:

– Простите меня! Я в этом не участвовала. Не до конца, понимаете? Я лишь аспирантка, аналитик, хотела собрать материал для диссертации. Знаю, это неправильно и похоже на рабство, и я все понимаю, и это… Уродская система, а мы – последние уроды, раз так поступили с вами. Но это была не я,

понимаете? Я не принимала решения, появилась позже. Я здесь даже не работаю, только материал для диссертации собирала. И все! Я могу понять, как вы себя чувствуете и почему нас ненавидите. Я бы тоже ненавидела. Но, пожалуйста, пожалуйста, прошу вас… Я лишь студентка…

Прошло время, Сачита не умерла и даже осмелилась взглянуть на вампиршу. Та смотрела куда-то влево, за тысячи световых лет отсюда. Она казалась рассеянной, даже растерянной. Но они всегда так выглядели: их разум обрабатывал дюжины параллельных цепей одновременно и десятки перцептивных реальностей, таких же настоящих, как и та, в которой обитали люди.

Валери опять склонила голову набок, будто прислушиваясь к тихо звучащей музыке. Она почти улыбалась.

– Пожалуйста… – прошептала Сачита.

– Нет злости, – сказала Валери. – Не хочется мести. Ты не имеешь значения.

– Не имеешь, но… – кровь и трупы. Здание набито телами и монстрами. – Чего вы тогда хотите? Пожалуйста, я все…

– Хочу посмотреть, как ты представишь Христа на кресте.

Разумеется, как только образ появился, не представить его было невозможно. Бхар даже успела удивиться, когда конечности неожиданно свело спазмами, нижнюю челюсть напрочь вывихнуло из сустава, а тысячи кровавых ударов булавками вонзились в заднюю стенку черепа. Она попыталась закрыть глаза, но не имеет значения, какой свет падает на сетчатку, зрение ни при чем. В глубине мозга разум генерирует собственные образы, их отключить невозможно.

– Да, – Валери задумчиво щелкнула. – Я учусь.

Сачита умудрилась заговорить. Это был самый трудный поступок в ее жизни, но она знала – так надо, ведь он последний. И она призвала на помощь всю силу воли, остатки энергии и каждый синапс, который еще не получил команду на самоуничтожение, и заговорила. Потому что больше ничего не имело значения. Бхар действительно хотела знать:

– Учишься? Чему?

Она не смогла произнести вопрос до конца. Но мозг, горевший в пламени короткого замыкания, сумел выдать последнее озарение в статике, пожирающей все вокруг: «Вот на что похож „крестовый глюк“. Вот что мы с ними делали. Вот что…»

– Дзюдо, – прошептала Валери.

Примитив

В конечном итоге наука – лишь корреляция. Не важно, насколько эффективно она использует одну переменную для описания другой; ее уравнения по сути дела покоятся на поверхности черного ящика. (Святой Герберт, наверное, выразил это наиболее кратко, заметив, что все доказательства неминуемо сводятся к предположениям, не имеющим никаких доказательств.) Таким образом, разница между наукой и верой заключается в способности предвидения – не более, но и не менее. Научные озарения показали себя лучшими предсказателями, чем духовные, по крайней мере в мирских делах. Они господствуют не потому, что отражают истину, а потому что работают.

Орден Двухпалатников представляет собой невероятную аномалию в достаточно однородном пейзаже. Их методологии, полностью основанные на вере, бесцеремонно заходят в метафизические пространства, отрицающие эмпирический анализ. Тем не менее они постоянно и последовательно получают результаты с более сильной способностью предвидения, чем у обыкновенной науки. (Как они это делают, неизвестно; существуют лишь свидетельства того, что они каким-то образом перепаивают височную долю, усиливающую контакт с божественным.)

Рассматривать подобный прецедент как победу традиционной религии было бы опасно и чрезвычайно наивно. Это не так. Успех Двухпалатников – это победа радикальной секты, которой меньше пятидесяти лет от роду. А цена этой победы – разрушение стены между наукой и религией. Уступка Церкви физическому миру повлияла на историческое перемирие, позволившее вере и разуму сосуществовать до сего дня. Кого-то может порадовать зрелище нового восхождения веры в глазах человека. Но это не наша вера. Да, она по-прежнему уводит потерянных агнцев от бездушного эмпиризма светской науки, но дни, когда она направляла их в любящие объятия Спасителя, уходят в прошлое.

«Враг внутри: Двухпалатная угроза институциональной религии в XXI веке» (внутренний доклад Папской академии наук Святейшему престолу, 2093)

Все животные, находящиеся под жестким давлением отбора, становятся настолько глупыми, насколько

возможно.

Пит Ричерсон и Роберт Бойд[251]

В глуши Орегонской пустыни безумный, как пророк, Дэниэл Брюкс открыл глаза под привычную литанию смертных приговоров.

Ночь выдалась нудная. Шесть ловушек с восточной стороны ушли в офлайн – наверное, снова отрубилась проклятая компрессорная станция, – а остальные были пусты. Правда, восемнадцатая поймала подвязочную змею. В тринадцатой линзу нервно клевал шалфейный тетерев. Видеосигнал с четвертой не шел, но, судя по массе и температуре, там суетился молодой Scleroperus [252]. В двадцать третью попался заяц.

Брюкс ненавидел зайцев. При вскрытии от них ужасно воняло, а сейчас их почти всегда приходилось вскрывать.

Он вздохнул, описал полукруг указательным пальцем; сигналы с полотнища палатки исчезли. Вместо них появились заголовки, все о его прежних интересах: вечная проблема с зомби в Пакистане, первый юбилей поражения «Искупителя», краткий и печальный некролог последнему коралловому рифу.

От Ро ничего.

Еще один жест, и ткань мягко осветили тактические оверлеи термокарты: картинка с общедоступного спутника, в реальном времени показывающая Прайнвилльский заповедник. Посреди экрана размытой желтой кляксой растеклась палатка – белая и хрустящая внешняя скорлупа с теплым мягким нутром. Ничего подобного поблизости не было. Брюкс кивнул, удовлетворенный: мир по-прежнему к нему не лез.

Когда Дэниэл вылез наружу, какое-то крохотное создание, невидимое в бесцветных лучах предутреннего света, скользнуло по осыпающимся камням. Дыхание клубами вырывалось изо рта, под ногами скрипел иней, от которого пыльная и плоская пустыня еле заметно мерцала. К одной из чахлых лиственниц, охранявших лагерь, прислонился мотовседорожник; его шины, похожие на пастилу, размякли и обвисли.

Брюкс схватил кружку и фильтр с крюка, отправился в долину, вниз, к куче щебня. Останки бестолкового пустынного ручейка у подножия холма утолили его жажду, хотя поток больше напоминал вязкую слизь, и жить ему осталось от силы месяц. Впрочем, для одного крупного млекопитающего его хватало. С другой стороны долины ручной торнадо Двухпалатников слабо корчился на фоне серого неба, но сверху еще смотрели звезды – ледяные, немигающие и совершенно бессмысленные. Сегодня там не было ничего, кроме энтропии и привычных воображаемых

форм, которые люди накладывали на природу с тех пор, как решились взглянуть в небеса.

Четырнадцать лет назад пустыня была другой. Ночь тоже. Но чувствовалось все так же, пока Дэниэл не поднял глаза – и на несколько судьбоносных секунд небо стало другим, лишившись своей случайности. Каждая звезда сияла в четком сверкающем строю, а каждое созвездие было совершенным квадратом, и неважно, насколько отчаянно человеческое воображение старалось увидеть в нем что-то еще. 13 февраля 2082 года, Ночь первого контакта: шестьдесят две тысячи объектов неизвестного происхождения сомкнулись вокруг мира исполинской сетью и сгорели, крича по всему радиодиапазону. Брюкс помнил чувство, возникшее, когда он стал свидетелем переворота на небесах – будто свергли капризного бога и восстановили порядок.

Правда, революция длилась лишь несколько секунд. Отодвинутые на задний план созвездия тут же выскочили вновь, как только точные полосы падения растворились в верхних слоях атмосферы. Но Брюкс знал, что все изменилось: небо уже никогда не будет прежним.

По крайней мере так он думал тогда. Все так думали. Весь чертов вид Homo встал как один пред общей угрозой, пусть даже не зная ничего конкретного и несмотря на то, что никто не угрожал ничему, кроме человеческого ощущения собственной важности. Мир отбросил в сторону мелкие разногласия, забыл об экономии и быстро создал лучший корабль, который могли построить в XXI веке. В команду поставили не слишком ценных сингулярников и отправили их по наиболее вероятному курсу, снабдив разговорником с фразой «отведите нас к вашему лидеру» на тысяче языков.

Уже десять лет мир, затаив дыхание, ждал Второго пришествия. Но не последовало ни выхода на бис, ни второго акта. Четырнадцать лет – большой срок для вида, привыкшего к мгновенным вознаграждениям. Брюкс никогда особо не верил в благородство человеческого духа, но даже он удивился, как мало времени понадобилось, чтобы небо опять стало прежним; скорости, с которой мелкие мировые разногласия вернулись в заголовки новостей. «Люди, – думал он, – похожи на лягушек: убери что-то из их зрительного поля, и они… обо всем забудут».

«Тезей» уже миновал орбиту Плутона. Если он что-то и нашел, Брюкс об этом не слышал. Он устал ждать. И устал от жизни в режиме паузы, в ожидании прихода то ли монстров, то ли спасителей. А еще устал убивать всяких тварей и умирать изнутри.

Четырнадцать лет…

Он очень хотел, чтобы мир поторопился и наконец сдох.

* * *

Последние два месяца каждое утро Дэна начиналось одинаково: он объезжал ловушки и тыкал пойманных существ, ведомый слабой надеждой найти кого-нибудь, оставшегося неизменным.

Уже на восходе небо затянули облака, и мотоцикл не успел набрать достаточный заряд. Брюкс оставил его у лагеря и обошел сектор исследования пешком. К зайцу добрался около полудня и выяснил, что его опередили: ловушку сломал, а содержимое вытащил другой хищник, которому не хватило такта оставить хотя бы пятно крови для анализа.

Подвязочная змея все еще извивалась в восемнадцатой: самец, один из коричневых морф, исчезающих на фоне земли. В руке Брюкса он дергался, чешуйчатым щупальцем обвившись вокруг предплечья; пахучие железы размазали смрад по коже. Дэн без особой надежды взял несколько миллилитров крови и загрузил их в баркодер на поясе. Глотнул из фляжки, пока устройство творило свою магию.

Далеко в пустыне монастырский торнадо троекратно распух, по сравнению с предрассветными габаритами, надувшись от полуденного зноя. Расстояние низвело его до коричневой нити, маленького дымчатого пятна. Однако стоило подойти к воронке поближе, и тебя разбросало бы по всей долине. Год назад какая-то угандийская теократия, помешанная на кровной мести, хакнула трансорбитальный шаттл, вылетевший из Дартмута, и запустила его в смерчевой двигатель под Йоханнесбургом. С другой стороны выпали только винтики да зубы…

Баркодер жалобно запищал, сдаваясь: слишком много генетических артефактов для четкой расшифровки. Брюкс вздохнул, ничуть не удивившись. Машинка могла определить любого кишечного червя по крошечному пятнышку фекалий, идентифицировать какой угодно паразитический вид по малейшему обрывку чистой ткани, но чистая ткань почти не попадалась. Всегда было что-то лишнее. Вирусная ДНК, созданная для общего блага, но слишком неразборчивая, чтобы придерживаться одной цели. Специальные маркерные гены, спроектированные, чтобы животные светились в темноте при заражении токсином, о котором Агентство по охране окружающей среды забыло лет пятьдесят назад. Даже ДНК-компьютеры, кастомизированные под конкретную задачу, а потом беспечно

вбитые в дикие генотипы. Теперь они напоминали грязные следы на девственно чистом полу. Иногда казалось, что половина технических данных на планете хранится в генетической форме. Стоило секвенировать, к примеру, легочного сосальщика, и про любую пару оснований ничего нельзя было сказать наверняка: она с одинаковой вероятностью могла кодировать белок и технические спецификации денверской системы канализации.

Впрочем, это уже в порядке вещей. Брюкс был стариком – полевым исследователем, сохранившимся с той эпохи, когда люди могли понять, на что смотрят, с одного взгляда. Проверив подбородочную чешую, подсчитав плавниковые лучи и крючки на головке ленточного червя, воспользовавшись глазами, черт побери! Облажавшись, ты мог винить только себя, а не тупоголовую машину, которой неведома разница между цитохромоксидазой и сонетом Шекспира. Если же твари, требующие идентификации, жили внутри носителя, ты его убивал и вскрывал.

В этом Дэн тоже был хорош, однако не любил такие занятия.

Он прошептал новой жертве: «Тссс… прости… тебе не будет больно, я обещаю…» – и кинул ее в сумку-нейтрализатор. Подумал, что в последнее время слишком часто так делает; бормочет бессмысленную успокаивающую ложь созданиям, которые в принципе не могут его понять. Брюкс постоянно твердил себе, что пора взрослеть. Хоть один хищник пытался успокоить свою жертву за миллиарды лет и множество циклов жизни на Земле? И разве так называемая естественная смерть была столь же быстра и безболезненна, как та, что приносил Дэн во имя общего блага? Но все равно он до сих пор не мог спокойно смотреть на трепыхающиеся и извивающиеся тени под слоем светопроницаемого белого пластика, слышать приглушенные стуки и шипение, когда простой и бесхитростный разум пытался совершить пусть воображаемый побег и овладеть телом, столь неожиданно и ужасающе не отвечающим на элементарные команды.

По крайней мере, эти смерти служили четкой цели, некой конструктивной задаче, превосходящей природные болезни и хищничество. Жизнь являлась борьбой за существование и велась за счет других жизней. Биология же – борьбой за то, чтобы понять жизнь. А исследованием, где единственным автором, начальником и исследователем был сам Брюкс, он боролся за использование биологии для спасения той самой популяции, образцы которой брал. По меркам дарвиновской Вселенной, эти смерти казались почти альтруизмом.

«Дерьмо полное, – заявил неприметный голосок,

просыпавшийся в такие моменты. – Ты лично борешься лишь за парочку новых статей, которые надо выжать из гранта, пока финансирование не кончилось. Даже если зафиксируешь каждое изменение в каждой кладе за последние сто лет и подсчитаешь видовые потери до последней молекулы, это не будет иметь ровным счетом никакого значения. Всем наплевать! Ты борешься с реальностью».

За последние годы этот голос стал вечным спутником Брюкса. Он даже не обрывал его тирады. А когда тот наконец иссяк, Дэн подытожил: «В общем, биологи из нас, по любому, отвратные». И пусть признание вины прошло довольно гладко – из-за нее Брюксу все равно стало стыдно.

* * *

К тому времени, когда он вернулся в лагерь, это уже перестало быть змеей. Брюкс растянул вялые и безжизненные останки на анатомическом столе. Четыре секунды со сказерами, и они уже выпотрошены от горла до клоаки; еще двадцать – пищеварительный и респираторный тракты плавают в отдельных стеклянных сосудах. В кишечнике, по идее, скопилось больше всего паразитов. Брюкс загрузил его в микроскоп и приступил к работе.

Двадцать минут спустя, когда свита из трематод и цестод была лишь наполовину внесена в каталог, вдалеке прогремел взрыв. По крайней мере, звучало это так: мягкий, приглушенный «бах» далекой канонады.

Брюкс оторвался от работы, обозрев пустынную панораму, раскинувшуюся между тщедушными сучковатыми стволами.

Ничего. Ничего. Нич…

«Так, минуточку…»

Монастырь.

Дэн схватил очки с мотоцикла, дал увеличение и сразу обратил внимание на торнадо.

«Как-то он слишком сильно вертится для столь позднего времени».

Потом увидел, как справа, за строениями, в гаснущих сумерках кружатся, парят и растворяются клубы темно-коричневого дыма.

Само здание вроде не пострадало. По крайней мере ничего такого Дэн не заметил.

«И чем они там занимаются?»

Официально – физикой. И космологией. Разными вопросами

высокой энергии. Но все должно ограничиваться теорией. Насколько знал Брюкс, Двухпалатники не проводили настоящие эксперименты. Впрочем, сейчас их почти никто не проводил: машины сканировали небеса, машины исследовали пространство между атомами, машины задавали вопросы и планировали опыты, чтобы получить ответы. Мясу, похоже, осталось лишь созерцать собственный пупок: сидеть в пустыне и размышлять о том, какие ответы автоматы предоставят человечеству в этот раз. Хотя большинство по-прежнему предпочитало называть сей процесс анализом.

Роевой разум, одержимый глоссолалией; вроде Двухпалатники делали это так. Похоже на биорадио в головах, общинный corpus callosum: электроны колеблются в микротрубочках наподобие квантовой запутанности. Штука полностью органическая, чтобы обойти запрет на межмозговые интерфейсы. Труба, которая по команде сливает множество разумов в один. Они плыли вместе и призывали Вознесение, приобщение к таинствам; катались по полу, пускали слюни и улюлюкали, а прислужники все записывали, и в результате монахи каким-то образом полностью переписали теорию амплитуэдра [253].

Предполагалось, что для этого мумбо-юмбо существует рациональное объяснение: левополушарные процессы распознавания образов разогнали до неузнаваемости; глючную органику, которая заставляет человека видеть лица в облаках или гнев Господень в грозе, подрихтовали, желая пройти по тонкой грани между озарением и парейдолией. Видимо, во время прогулок по лезвию бритвы случались фундаментальные приходы, и только Двухпалатники могли отличить реальные образы от галлюцинаций. По крайней мере такова была официальная версия. Брюксу она казалась полной ерундой.

Правда, с Нобелями не поспоришь.

Может, они там разжились каким-нибудь ускорителем частиц. Монахи должны были заниматься чем-то действительно мощным и потреблявшим уйму энергии; никто не гонял индустриальный смерчевой двигатель ради кухонного комбайна.

Сзади послышался металлический звон потревоженных инструментов. Брюкс повернулся.

Сказеры валялись в грязи. Лежа кверху брюхом и мелькая раздвоенным языком, за ним следила выпотрошенная змея.

«Нервы», – сказал себе Брюкс.

Препарированный труп дрожал, будто в разрез на животе проник холод. Складки ткани колыхались по обе стороны от раны, медленная волна перистальтики шла по всему телу.

«Гальваническая реакция. И ничего больше».

Голова змеи приподнялась над краем кюветы. Стеклянные, немигающие глаза посмотрели туда-сюда. Красно-черный или черно-красный язык попробовал воздух на вкус.

Животное выползло наружу. Далось ему это нелегко: оно пыталось перекатиться на живот и ползти как обычно, только брюха уже не было. Чешую, которая толкала бы змею вперед, и мускулы полностью разрезали. Поэтому тварь лишь время от времени выворачивалась, терпела неудачу и снова ползла на спине: глаза навыкате, язык мелькает, а внутренностей нет.

Рептилия достигла края скамьи, секунду слабо покачалась на краю, упала в пыль. Ботинок Брюкса обрушился ей на голову. Он вминал ее в каменистую почву, пока не осталось ничего, кроме влажного липкого комка грязи. Тело твари корчилось, мускулы прыгали в такт нервам, забитым шумом без признаков сигнала. По крайней мере, не осталось ничего, что могло бы чувствовать.

Рептилии – не слишком хрупкие существа. Брюкс часто находил на дороге гремучих змей, по которым несколько часов назад проехала машина, но они – позвоночник сломан, зубы выбиты, вместо головы кровавая каша – по-прежнему двигались, ползли в сторону кювета. Сумка-нейтрализатор, по идее, должна была предотвращать длительную агонию: обращала метаболизм животного против него, через легкие и капилляры доносила яд до каждой клетки ткани, принося быструю, безболезненную и, главное, полную смерть, чтобы образец, черт его дери, не проснулся, не взглянул на вас и не попытался сбежать, после того как у него выскребли внутренности.

Конечно, теперь в мире появились зомби. И еще вампиры, если на то пошло. Правда, нежить XXI века имела строго человеческое происхождение. Причин для создания змеи-зомби не существовало. Скорее всего, вмешался инфекционный артефакт; случайный генетический взлом блокировал рецепторы скелетно-мышечной системы, а может, и запустил неконтролируемую группу двигательных команд. Так все и произошло.

И все же…

Брюкс так надеялся, что в пустыне с призраками будет попроще. Во-первых, здесь не так уж много призраков. Во-вторых, человеческие вовсе не попадались. Когда Дэн собирал образцы, он испытывал чувство вины. Иногда ему хотелось ощутить такие же угрызения совести или хотя бы вполсилы по отношению к тысячам убитых им людей.

Конечно, базовая биология легко объясняла двойные стандарты. Брюкс не видел своих человеческих жертв, не смотрел

им в глаза и не был с ними, когда они умирали. Чувства и интуиция – инструменты ограниченного охвата. Осознание вины экспоненциально распадается с расстоянием. К тому же действия Дэна отделяло от последствий столько запутанных ступеней, что совесть отступала на территорию чистой теории. Да и работал он не один; ответственность лежала на всей команде, а ее намерения были безупречны.

Их никто не винил – не вслух и не по-настоящему. Не сразу. Никто не судит ничего не ведающий молоток, которым кому-то размозжили череп. Работу Брюкса извратили другие, любители пролить кровь; они виновны, а не он. Однако преступников не поймали и не наказали, хотя много людей нуждались в каком-то исходе. Разница между «Как они могли?» и «Как вы им позволили?» оказалась настолько мала, что Брюкс и представить себе не мог.

Обвинений не выдвинули. Его даже не лишили профессорской должности, но в кампусе он превратился в крайне нежелательную персону.

Осталась природа. Она никогда никого не осуждала, ей было наплевать на хорошее и плохое, вину и невиновность. Природа заботилась лишь о том, что работало, а что нет, и привечала всех с одинаково эгалитарным равнодушием. Было достаточно играть по ее правилам и не ждать пощады, если что-то пойдет не по-твоему.

Поэтому Дэн взял отпуск для научной работы, составил программу исследований и отправился в поля. Оставил дронов-сборщиков и искусственных насекомых, не взял с собой ничего из автономной техники, могущей утереть ему нос, ткнув в ненужность человеческого труда. С ним попрощались немногие, пусть и с облегчением; остальные не сводили глаз с неба. Он тоже всех оставил. Коллеги могли его простить или нет, а природа никогда бы не отвернулась. Даже в мире, где малейший клочок естественной среды обитания мгновенно попадал в осаду, пустынь хватало: они росли больше ста лет, как медленная раковая опухоль.

Дэниэл Брюкс решил отправиться в гостеприимную пустыню и убить все, что там найдет.

* * *

Он открыл глаза и увидел мягкое багровое сияние паникующей техники – пока спал, сдохла треть сети. Еще пять ловушек вырубились прямо у него на глазах: насосная станция

ушла в офлайн, а двадцать вторая грустно пискнула – засекла приближающийся температурный след, большой, размером с человека, – и слетела с карты.

Мгновенно проснувшись, Брюкс проверил логи. Волна отключений шла с запада на восток; каждый мертвый узел был новым шагом в растущей цепочке рваных темных следов, топочущих по долине.

И направлялись они прямо к нему…

Дэн вывел на экран термальную картинку со спутников. Остатки шоссе 380 бежали тонкой веной вдоль северного периметра зоны; застывшее солнечное сияние со вчерашнего дня сочилось из растрескавшегося асфальта. Просвечивающие восходящие потоки воздуха и микроклиматические горячие зоны, помирающие с наступлением ночи, мерцали на границах видимости. Ничего, кроме желтого нимба его собственной палатки посредине.

Двадцать первая отрапортовала о неожиданном повышении температуры и исчезла.

Вдоль линий ловушек, тут и там, маячили камеры. От них было мало толку, но их поставили в комплекте. Одна стояла на насосной станции и смотрела прямо на номер девятнадцать. Дэн вызвал картинку: камера ночного видения расписала ночную пустыню сине-белой краской, превратив в сюрреалистический лунный пейзаж, полный контрастов. Он дал панораму… и чуть не пропустил скользящее движение справа, увеличенное размытое пятно. Что-то двигалось быстрее, чем человек имеет право двигаться. Камера вырубилась еще до того, как девятнадцатая почувствовала жар.

Насосная отключилась. За секунду испустили дух еще с дюжину сигналов, но Брюкс этого не заметил. Он уставился на замерший кадр, ощущая, как все сжимается внутри, а кишки превращаются в лед.

Быстрее человека, и столь менее его. И чуть холоднее внутри.

Разумеется, полевые сенсоры не обладали достаточной чувствительностью и разницу не фиксировали. Чтобы узреть истину в тепловых отпечатках, требовалось посмотреть мишени прямо в голову, прищуриться и лишь тогда заметить отличие, может, в десятую долю степени. Смотришь на гиппокамп и видишь, что он темный. Слушаешь префронтальные доли неокортекса, а там – тишина. Потом, возможно, замечаешь всю лишнюю пайку; насильственно выращенные нейронные сети, соединяющие средний мозг с зонами движения; высокоскоростные экспрессы, обходящие переднюю часть поясной извилины, и все дополнительные ганглии, которые опухолями

прицепились к зрительным путям и постоянно вылавливали характерные нейросигнатуры «найти и уничтожить».

При дневном свете заметить эту начинку намного проще: достаточно посмотреть в глаза и ничего не получить в ответ. Разумеется, если подойти настолько близко, к моменту обмена взглядами будешь уже мертв. Тварь не даст времени на мольбы, она их просто не поймет. Убьет, если так приказали, и более эффективно, чем любое другое разумное существо, – у нее ничто не стоит на пути: ни сомнения, ни осторожность, ни базовое, высасывающее глюкозу осознание собственного существования. Тварь ободрали до состояния голой рептилии, и она преданно следует приказу.

Осталось меньше километра.

Что-то внутри Дэниэла раскололось прямо посередине. Одна половина закрыла уши руками и стала все отрицать – какого черта и с чего бы кто-то стал; наверное, ошибка, – но другая вспомнила об универсальной человеческой любви к козлам отпущения и о тысячах умерших из-за тупого старины Брюкса; о шансах на то, что хотя бы у одной жертвы окажется родственник, способный пустить по следу Дэна армейских зомби.

Как они могли?!

Как ты мог им позволить?..

Мотоцикл шипел, пока накачивались шины. Зарядный шнур чуть не сбил Дэна с сидения, прежде чем оторвался. Брюкс рванул в просвет между деревьями, вниз по каменистой осыпи, буксуя влево; добрался до подошвы холма, и перед ним раскинулась пустыня, вязкая и гладкая. Поток чуть не выбил его из седла. Брюкс боролся с управлением, пока машину не развернуло на сто восемьдесят градусов; чудесные, похожие на зефир шины невероятным образом удержали квадроцикл прямо. А потом Дэн рванул на восток по испещренной трещинами долине.

Полынь цеплялась за ноги. Он проклинал собственную слепоту: сейчас ни один уважающий себя выпускник не попался бы в пустыне без рецепторов гремучей змеи, вживленных в глаза. Но Брюкс был старым исходником и в темноте ничего не видел. Даже фонарь на шлеме боялся включить и потому мчался сквозь ночь, проламывался через окаменевшие кустарники и подпрыгивал на невидимых выступах валунов, проступавших сквозь землю. Одной рукой он порылся в сумках, нащупал очки и нацепил их на глаза. Зеленая зернистая пустыня сразу бросилась на сетчатку.

«02:47», – гласила надпись в углу экрана. Три часа до рассвета. Дэн попытался отпинговать свою систему, но даже если там уцелела хотя бы часть, она уже была вне доступа. Он

подумал, добрались ли зомби до лагеря и как близко они подошли, чтобы поймать его.

«Не имеет значения. Все, не сможете вы меня поймать, уроды! Не пешком. Даже нежить. Можете попрощаться и поцеловать меня в зад!»

А потом Брюкс проверил уровень заряда и почувствовал, как дико заныло в желудке.

Облачность. Старая батарея, год как отработавшая гарантийный срок. И зарядное покрывало, которое не чистили целый месяц.

Мотоциклу осталось километров десять. Максимум пятнадцать.

Дэн ударил по тормозам и сделал полукруг, подняв пыльную завесу. За ним тянулся след, безошибочная линия прерывистой бойни, учиненной на поверхности пустыни: сломанные растения и смятые в труху пластинки древнего озерного дна, потрескавшиеся от солнца. Брюкс бежал, но не прятался. Пока он будет в долине, его найдут.

«Интересно кто?»

Он переключился с ночного видения на инфракрасное и дал увеличение.

«Вот оно!»

Горячая крохотная искорка мелькнула на отдаленном склоне, прямо там, где находился лагерь.

Хотя нет, ближе. Бегать эта тварь умела.

Брюкс развернул мотоцикл и рванул прочь, чуть не упустив вторую, когда та пронеслась по полю зрения, – настолько она была тусклой.

Третью он уже ясно разглядел. И четвертую. Форму на таком расстоянии в термовидении было не разглядеть, но, судя по жару, они походили на людей. И приближались.

Пятая, шестая, седьмая…

«Твою мать!»

Они охватили всю долину, насколько доставал взгляд.

«Что я наделал? Разве они не знают, что это был несчастный случай? И виноват не я, Господи ты Боже. Я никого не убивал! Просто… не закрыл дверь».

Десять километров. А потом они кинутся на него голодными волками.

Мотоцикл летел вперед. Брюкс набрал 911 – ничего. КонСенсус был жив, но глух к мольбам: серфить Дэн мог, а посылать сообщения нет. Преследователи по-прежнему не показывались на спутниковой термокарте. Судя по данным небоглазов, он был один на один с микроклиматом и

монастырем.

Монастырем…

Они точно в сети и помогут! По крайней мере, Двухпалатники жили за стеной. Все лучше, чем бежать без всякой защиты по пустыне.

Брюкс нацелился на торнадо. В улучшенном зрении тот корчился словно далекий зеленый монстр, прибитый к земле. Его рев, как обычно, разносился по всей пустыне – слабый, но вездесущий. На секунду Брюкс услышал в нем что-то странное. Монастырь проступал все отчетливее, съежившись в тени огромного двигателя. Мириады крошечных, почти болезненно ярких звездочек горели на фоне низкой путаницы ступенчатых террас.

Три часа утра, а свет в каждом окне.

Звук был уже не такой слабый; вихрь ревел будто океан, и с каждым поворотом колеса его громкость неощутимо поднималась. Он больше не казался застывшим. Ночное видение превратило его в огненный столп, огромный настолько, что он мог поддержать небесный свод или обрушить вниз. Брюкс задрал голову: еще целый километр, а воронка, казалось, нависала прямо над ним. Смерч мог в любую секунду вырваться на волю, подпрыгнуть и рухнуть прямо тут, черт побери, словно палец разгневанного бога, и, где бы ни коснулся, разорвать мир на части.

Брюкс не изменил курс, хотя монстр впереди не мог состоять из воздуха и влаги, быть чем-то настолько… мягким. Это было что-то другое, безумный ветхозаветный горизонт событий, жевавший законы физики. Оно ловило сияние, идущее от монастыря, сажало его в ловушку и рвало на куски; сплетало со всем, что попадало в поле действия. Крохотное бормочущее существо внутри Дэна умоляло его повернуть, знало, что преследователи не могли быть хуже этого. Ведь чем бы они ни являлись, их размер не изменился, а смерч напоминал гнев Господень.

Но тут снова заговорил робкий, тихий голос и задал вполне обоснованный вопрос: «Почему торнадо работает на полную мощность?»

Так не должно быть! Смерчевые двигатели никогда не останавливались, но ночью слабели от остывающего воздуха; распылялись, работали на малых оборотах, пока восходящее солнце не возвращало им полную силу. Действующая воронка такого размера и на такой мощности, да к тому же ночью, тратила больше энергии, чем получала. Конденсат от охлаждающих камер уже должен был превратиться в горячий пар,

а Брюкс подъехал достаточно близко и расслышал за ревом реактивного двигателя слабый контрапункт: скрип огромных металлических лопастей, вывернувшихся далеко за пределы нормативных показателей.

Свет в монастыре погас.

Понадобилась секунда, чтобы очки увеличили освещение. И в этот момент чистой, красноречивой темноты Брюкс понял, каким был дураком. Только сейчас он увидел, что точечные термоотпечатки находятся впереди него, приближаются и с востока, и с запада. Разглядел силы достаточно могущественные, чтобы взломать спутники слежения на геостационарной орбите, но почему-то не сумевшие ослепить его древнюю сеть от «Телоникс». Он увидел военную машину, безжалостную как акула и быструю как сверхпроводник, выдавшую свое приближение за километры, хотя способную легко пройти мимо ловушек и убить Дэна во сне.

С невероятно высокой точки он увидел, как попал на чужую шахматную доску: в сеть, которая смыкалась, но не вокруг него.

«Они даже не знали обо мне. Пришли за Двухпалатниками».

Брюкс остановился. Монастырь возвышался в пятидесяти метрах впереди, низкий и черный на фоне звезд. Все окна неожиданно закрылись, а подъездные дороги потемнели. Громада здания вырастала из пейзажа вокруг так, словно родилась из него – холм глубоко залегавшей породы, неожиданно пробившийся на поверхность мира. Торнадо маячил за ним крутящимся разрезом в пространстве-времени, примерно в ста метрах. Звук его ярости наполнил все вокруг.

Со всех сторон во тьме сомкнулись свечи.

«03:13», – напомнили очки. Час назад Дэн спал. Времени примириться с неизбежностью собственной смерти не хватало.

«ТЫ В ОПАСНОСТИ», – услужливо подсказали гоглы.

Брюкс мигнул. Красные буквы не исчезли, паря на краю взгляда, – там, где раньше располагался датчик времени.

«ДАВАЙ. ДВЕРЬ ОТКРЫТА».

Он посмотрел за командную строку, обозрел потемневший фасад монастыря. Вот, на уровне земли; слева от широкой лестницы, подчеркивавшей главный вход. Отверстие, куда едва мог протиснуться человек. Там что-то горело температурой тела. У него были руки и ноги. Оно махало.

«ДВИГАЙ ЗАДНИЦЕЙ, БРЮКС! ТЫ, ЭГОЦЕНТРИЧНЫЙ ИДИОТ.

ЗАПЕЧАТЫВАЮ ПРОХОД ЧЕРЕЗ 15С, 14С, 13С…»

Брюкс зашевелил своей эгоистичной тупой задницей.

* * *

Так как они сеяли ветер, пожнут бурю.

Книга пророка Осии, 8:7

Внутри тьма обернулась ярким хаосом.

Тепловые сигнатуры людей мерцали в гоглах Брюкса практически в упор, лихорадочно мельтешащими вспышками ложного света. Жар от их прохождения раскрашивал все окружающее бледно-красными и желтыми мазками: грубо отесанные стены, плоскую глухую панель вместо потолка, пол, что неожиданно поддавался под ногами, напоминая какой-то богомерзкий гибрид резины и плоти. Где-то вдали, на непонятном расстоянии, что-то выло и заикалось; здесь же, в коридоре, человеческие радуги двигались с молчаливой стремительностью. Женщина, позвавшая Брюкса внутрь, – миниатюрный и корчащийся тепловой отпечаток ростом не больше 160 сантиметров – схватила его за руку и потянула вперед:

– Меня зовут Лианна. Держись рядом.

Он пошел за ней, переключив гоглы на ночное видение. Сигнатуры исчезли; в пустоте, оставшейся позади, парили яркие зеленоватые звезды, передвигавшиеся парами – бинарными созвездиями, теснящимися и мигающими во тьме. В голове Дэна возникло знакомое слово: люциферин. Фотофоры в сетчатках.

Глаза этих людей напоминали фонари. Он знавал аспирантку с такими дополнениями: секс с ней в темноте, мягко говоря, тревожил.

Проводница вела его через звездное поле. Отдаленный вой то усиливался, то затихал; на слова этот звук не был похож, разве что на слоги. Щелчки, крики и дифтонги в темноте. Перед Брюксом возникли яркие глаза, клокочущие холодным белым светом. Усиленные фотоны выписали серое лицо из сплошных линий и углов. Брюкс попытался обойти его, но человек заблокировал путь; глаза горели с такой интенсивностью, что гоглам пришлось снизить усиление почти до нуля.

– Gelan, – каркнуло лицо. – Thofe tessrodia.

Дэн попытался отойти назад, но наткнулся на кого-то и вернулся на прежнюю позицию.

– Eptroph! – вскрикнуло лицо, а тело под ним вдруг рухнуло.

Лианна оттолкнула Брюкса к стене со словами: «Стой здесь и никуда не уходи!», а сама села на пол. Дэн вновь переключился в терморежим. Вернулись радуги. Нападавший лежал на спине, и

его тепловой след горел солнечной вспышкой. Человек бормотал какой-то вздор, его пальцы дергались, словно бегая по невидимой клавиатуре, а левая нога раздраженно выбивала дробь по эластичному полу. Лианна положила его голову себе на колени и разговаривала с ним на том же, совершенно непонятном, языке.

Беспрестанный рев смерчевого двигателя поднялся на полтона. За спиной Брюкса задрожали камни.

Яркая, жаркая фигура появилась с другой стороны коридора, плывя против людского потока. Она добралась до них за несколько секунд. Гид Брюкса передала полномочия вновь пришедшему и тут же вскочила на ноги.

– Пошли.

– А что это…

– Не здесь.

Боковая дверь. Лестничный пролет, выстланный той же резиновой кожей, от которого каждая ступенька слегка пищала. Лестница штопором уходила в глубь остывающей скалы, тускнеющей в термовидении с каждым новым шагом. Однако маленькая фигурка впереди горела подобно маяку. Неожиданно в мире вокруг воцарилась тишина; раздавались лишь их собственные шаги и почти инфразвуковое гудение вихревого двигателя.

– Что произошло? – спросил Брюкс.

– А, это Махмуд, – Лиана оглянулась. Ее глаза походили на ослепительно-яркие капли, рот – на алую рану жара. – Вознесение контролировать невозможно, а уж поведение узлов, тем более. Время, конечно, неподходящее, но пропускать озарения нельзя, согласен?

Прямо сейчас ему могла открыться тайна путешествий во времени, например. Или лекарство от голем-вируса.

– Ты понимала, что он говорит.

– Типа того. Я именно этим занимаюсь, когда не вывожу заблудших овец из пустыни.

– Ты синтет? – По-простому их звали жаргонавтами. Прославленные переводчики, наделенные обязанностью нести с вершины горы тайные скрижали транслюдей, изрезанные достаточно простыми рунами, чтобы жалкие исходники могли их понять хотя бы наполовину.

Рона называла их «моисейными млекопитающими», когда еще жила в этом мире.

Но Лианна покачала головой:

– Не совсем. Я больше… Ты ведь биолог? Синтеты похожи на крыс, а я, скорее, медведь-коала.

– Специалист, – кивнул Брюкс. – В узкой области.

– Точно.

На термооптике появилось слабое оранжевое пятно: снизу пробивалось тепло.

– И ты знаешь, кто я, потому что…

– Мы на переднем крае теистической вирусологии. Полагаешь, мы не знаем, как войти в общественную базу данных?

– Я просто думал, что при атаке зомби есть более неотложные дела.

– Мы приглядываем за окрестностями, доктор Брюкс.

– Это да, но что…

Она остановилась. Брюкс чуть не врезался в нее и лишь потом понял, что они дошли до конца лестницы. Впереди, из-за двери, лился яркий жар. Лианна повернулась и постучала по гоглам Дэна:

– Тут они тебе не понадобятся.

Брюкс поднял очки на лоб, и мир снова превратился в тусклую смесь голубых и серых цветов. Грубый камень слева острыми осколками отражал слабое освещение вокруг; стена справа была сделана из гладкого серого металла.

Лианна прошла мимо, направившись обратно к лестнице:

– Мне пора. Можешь наблюдать отсюда.

– Но…

– И ничего не трогай! – крикнула она, поднимаясь, и пропала из виду.

Брюкс свернул за угол. Панели на потолке здесь были такие же темные, как повсюду в монастыре. Комнату, больше похожую на обыкновенный тупик, освещала полоса смарткраски, закрывавшая дальнюю стену от середины до потолка. Она сияла от бессистемного коллажа из тактических экранов, чьи размеры варьировались от крохотных до гигантских, в два метра шириной. Некоторые из них напоминали грубую мозаику зеленого цвета; на других красовались изображения идеальной четкости и высокого разрешения. Перед ними туда-сюда расхаживал мужчина в желтовато-коричневом свободном комбинезоне, ростом минимум два метра – от пушистых домашних тапок (тапок?!) до коротко остриженных волос с проседью. Он едва удостоил Брюкса взгляда, пробормотал: «Глас-нет», – и снова повернулся лицом к путанице данных.

«Ну, прекрасно».

Коала Лианна сказала, что Дэн может смотреть. Поэтому он подошел ближе и попытался найти какой-то смысл в хаосе.

Верхний левый угол: вид со спутника настолько четкий, что от него болели глаза. Монастырь находился ровно посередине, как мишень на доске, светясь предательским термоизлучением.

Больше никаких горячих пятен. Непонятно, через какое орбитальное око сейчас смотрел Брюкс, но оно было слепо ко всем сигнатурам, приближающимся к комплексу. Дэн потянулся к экрану, желая увеличить картинку, но монах в тапочках заворчал, обжег взглядом, и Брюкс решил ничего не делать.

Со спутниковым слежением все. Но, судя по набору термоизображений и окон с картинками в режиме ночного видения, у монастыря имелись свои камеры. Эти изображения раскрашивали пейзаж в палитры каждой частоты зримого спектра, от холодной синевы до рубинового сияния, яркого как лазер. Цветовая схема казалась настолько хаотичной, что Дэн задался вопросом, функциональна она или отражает непонятную эстетику Двухпалатников. Свечи горели в каждом окне, и все выглядели одинаковыми.

Они быстро приближались. До монастыря осталось четыре километра.

Что-то сверкнуло на одном из дисплеев: крохотный и яркий солнечный зайчик во мраке ночи. Изображение вспыхнуло на мгновение, следом всё забили электрические помехи. Отрывистый, обжигающий взрыв суперновой. А потом черная дыра в стене и мигающая по центру надпись: «НЕТ СИГНАЛА».

Пальцы монаха летали по краске, вызывая клавиатуры и увеличивая дисплеи. Окна множились, на секунду давали панорамы пейзажа и тут же испарялись. Три заискрились и умерли прежде, чем Двухпалатник успел отправить их на покой.

«Они вырубают наши камеры», – понял Брюкс и рассеянно подумал, когда пораженные вознесением девианты успели стать для него «мы».

Осталось меньше трех с половиной километров.

Новый набор окон расцвел на стене. Картинка в них оказалась зернистой и лишенной цвета, почти монохромной. Они тоже обозревали пустыню, но что-то в них было другим, хотя и очень знакомым…

Вот оно! Третье окошко наверху: крошечный монастырь затаился на горизонте, а рядом – маленький вихрь. Эта камера смотрела с другого края пустыни.

«Это же моя сеть, – понял Брюкс. – Мои камеры! Значит, кое-что зомби оставили».

Брат Тапок установил связь с шестью из них, дал увеличение и повертел каждой. Дэн сомневался, что от них будет толк: дешевые стандартные устройства; подарки, которыми нищих исследователей разводили на комплекты. Все положенные улучшения установлены, но по спектру ничего особенного.

Для Тапка они, похоже, вполне сгодились. Во втором окне

слева, примерно в ста метрах от камеры источник тепла двигался направо. Камера автоматически проследила за целью, пока монах увеличивал картинку. Постепенно изображение становилось все более четким.

Еще один монастырский глаз вспыхнул и умер, а его дальномер померк секунду спустя.

Три целых и две десятых километра…

«Это почти девять метров в секунду. Бегом…»

– А что будет, когда они сюда доберутся? – спросил Брюкс.

Тапок не ответил. Похоже, его заинтересовал отдаленный термослед на третьей камере: небольшая машина, мотоцикл; самый обыкновенный дизайн, такой же, как…

«Минуту!»

– Это же мой мотоцикл, – пробормотал Дэниэл, нахмурившись. – А это… я…

Тапок соизволил бросить на него взгляд и покачать головой:

– Идизел.

– Нет, послушай…

Картинка получилась смазанная, а отслеживающие алгоритмы телониксовского стэдикама в полевых условиях никогда надежностью не отличались. Но у человека, сидевшего на мотоцикле, были усы Брюкса, его квадратное лицо и куртка с уймой карманов, которая вышла из моды задолго до того, как перешла к Дэну по наследству двадцать лет назад.

– Вас взломали, – настаивал Брюкс. – Это запись. Наверное, кто-то… – «Заснял меня?» – Да ты просто взгляни!

Вырубились еще две камеры. Итого, семь. Тапок даже пространство не стал очищать, закрывая каналы. Что-то еще привлекло его внимание. Он постучал по краю окна с обыкновенным видом на пустынное небо. Звезды, рассыпанные по дисплею, сверкали как крупинки сахара на бархате. Брюксу захотелось упасть в эту бездну и затеряться в мирной красоте ночи без тактических оверлеев или поляризованных усилений.

Но даже здесь монах нашел нечто, разрушившее весь пейзаж: краткую вспышку, мутный красный ореол по краям овальной заплатки на звездном поле, мелькнувший буквально на секунду. Дисплей чуть слышно щелкнул и еле заметно сфокусировал изображение – а потом звезды вернулись, девственные и нетронутые.

Только над западным хребтом теперь висела огромная дыра, в которой ничего не сверкало. Что-то ползло по небу, пожирая звезды на своем пути. Холодное будто стратосфера – по крайней, термосканы его не фиксировали. И оно было огромное, закрывало добрых двадцать процентов горизонта, хотя все еще…

Не сработал дальномер. Нет термических следов. Если бы не трюки с микролинзированием, которые сейчас выдал Тапок, даже затмение древнего звездного света ничем не выдало бы этот объект.

«Кажется, я выбрал не ту сторону», – подумал Брюкс.

Две тысячи триста метров. Через пять минут зомби постучатся в дверь монастыря.

– Карусель, – пробормотал монах, и что-то в его голосе заставило Дэниэла пристальнее взглянуть на старика.

Тот улыбался, глядя не на замаскированного исполина, марширующего через Пояс Ориона, а на смерчевой двигатель. Аудиосигнал от торнадо не шел: он безмолвно вертелся в окне, озаренном светом ночного видения; скованный зеленый монстр рвал воздух вокруг себя. Брюкс слышал его: он ревел в памяти, изгибая трубки и лопасти структуры, породившей вихрь, тряс все скальное основание. Дэн чувствовал, как эта дрожь отдается в подошвах ботинок. Брат Тапок вывел новое окно, уже не с видеотрансляциями и не тактическими оверлеями, а с инженерными показателями, ламинарными сигналами, уровнем влажности, а также датчиками вращения, скорости и потока сжимаемой жидкости, расположенными вдоль пятисот метров высоты. С одной стороны от каркасного диска, помеченного как «ВЕКТ/ЗАРЯД», росли тысячи иконок по периметру; сотни других описывали оси и вихри в его сердце. Нагревательные элементы. Противоточные обменники. Микшерный пульт дьявола!

Тапок кивнул, будто самому себе:

– Смотри!

Иконки и мощности начали двигаться. В показателях не произошло ничего драматичного: ни резких ускорений, ни сирен, никаких зашкаливаний. Только еле заметное изменение в уровне впрыска с одной стороны, нежнейшая ласка конвекции и конденсации – с другой.

В окне зеленый монстр поднял палец.

«Твою мать! Они собираются его освободить».

По датчикам пронеслась желтая волна. Десяток иконок в основании этого неожиданного солнечного соцветия стали оранжевыми; парочка и вовсе покраснела.

Торнадо с тяжеловесной и неумолимой величественностью оторвался от земли и направился в пустыню.

* * *

Он накинулся на двух зомби. Брюкс все видел по трансляции,

которая следила за перемещениями воронки; видел, как цели сломали строй и свернули на скорости, с которой обыкновенные человеческие ноги просто не могли нести тело, и понеслись зигзагами, будто пьяные духи оживших олимпийцев.

Впрочем, с таким же успехом они могли стоять как вкопанные. Торнадо всосал ничтожные кляксы телесного жара в небо так быстро, что от них и остаточного изображения не осталось. Потом несколько секунд колебался на месте, зарылся в землю огромным слоновьим хоботом, пожирая грязь, гравий и валуны размером с автомобиль. И снова пошел вперед, вырезая свое имя на лице пустыни.

В гараже, откуда только что вырвался монстр, вихри влаги конденсировались по новой.

Торнадо прошел через периметр нежити, взяв курс на северо-запад. Подпрыгнул еще раз, вознеся над землей огромную разящую ногу, с которой дождем полились останки перемолотой в пыль пустыни. Отдаленная автономная подпрограмма в разуме Брюкса – какой-то логический ганглий, не подверженный воздействию трепета, страха или угрозы, – задался вопросом о сомнительной эффективности решения бросить целую погодную систему на двух жалких солдат и о ничтожно малых шансах попасть в цель при такой безумной траектории. Но в следующую секунду она заткнулась и больше не говорила.

Торнадо не просто ушел в спокойную ночь, а направился к отдаленной фигуре на мотоцикле – прямо к Брюксу.

«Это же невозможно, – подумал он. – Нельзя управлять торнадо, этого никто не умеет делать. Максимум, можно освободить его и быстро смыться в сторону. Это невозможно, невозможно! И меня там нет».

Но что-то там было, и оно знало, что на него охотятся. Историю рассказали взломанные камеры Брюкса: мотоцикл сбился с прямой траектории и начал серию маневров уклонения, от которых любой человек вылетел бы из сидения. Машина крутилась и тормозила, выбрасывая из-под колес облака пыли, сапфирами сиявшие в усиленном звездном свете. Смерч, покачиваясь, подполз ближе. Они скользили по пустыне, словно партнеры в диком, жутком танце с арабесками и невозможно крутыми поворотами. Ни разу не попали в ритм. Ни один не слушался другого. И все равно их будто связывала невидимая прочнейшая нить, неумолимо затягивавшая танцоров в объятия друг друга. Брюкс наблюдал, загипнотизированный зрелищем своего восхождения; мотоцикл уже не мог вырваться с орбиты чудовищной немезиды. На секунду Дэниэлу показалось, что он может освободиться – то ли воображение разыгралось, то ли

воронка действительно стала тоньше, – но в следующую минуту двойник потерял почву под ногами и ринулся навстречу смерти.

В то же самое мгновение он изменился.

Брюкс не совсем понял как. Это случилось очень быстро, даже если бы вокруг не вращались тучи грязи, а зернистость разогнанных протонов не застилала вид. Но выглядело все так, будто изображение Дэниэла Брюкса и его верного скакуна раскололось, будто что-то внутри пыталось сбросить надоевшую шкуру и вырваться на волю, оставив на поживу небесному зверю скорлупу, как ящерица хвост. Но тут надвинулся водоворот, все заволокла метель из пыли и камней. Воронка явно слабела, но еще обладала достаточной силой, чтобы засосать жертву целиком. И достаточной яростью, чтобы разбить ее на куски.

Нежить разорвала строй.

Это не походило на отступление или скоординированные действия. Свечи просто прекратили атаку и замелькали в окнах туда-сюда в девятистах метрах от монастыря – без четкого направления, напоминая движение броуновских частиц. Далеко за ними насытившийся вихрь отправился к северу; рассеивающаяся волокнистая тварь, выдыхающаяся на глазах.

– Димик, – со знанием дела кивнул Тапок. – Идизел.

Новорожденный смерч бушевал около монастыря, пытаясь вырваться из пут. Он был меньше предшественника, но почему-то злее. Желтые иконки расцвели по «ВЕКТ/ЗАРЯД» бушующим пожаром. А в небе что-то принялось пожирать ноги созвездия Близнецов.

На стене распахнулось еще одно окошко – изумрудная мешанина из букв и цифр. Тапок моргнул и нахмурился, словно не ожидал такого поворота. Греческие уравнения, кириллические сноски и даже россыпь английских слов плыли по новому экрану. Не телеметрия. Не входящий сигнал. Судя по информационной строке, исходящая трансляция; Двухпалатники отправляли кому-то послание.

Все мелькнуло слишком быстро: даже если бы Брюкс владел русским, он все равно ничего не понял бы, однако обрывки английского текста запомнились. Например, «Тезей» и «Икар». Что-то про «ангелов» и «астероиды» вспыхнуло прямо посередине экрана и тут же исчезло.

Еще больше символов и цифр; на сей раз – три параллельные колонки красного цвета. Кто-то отвечал.

Мельтешение зомби в пустыне остановилось.

– Хм, – сказал Тапок и поднес палец к правому виску. Только сейчас Дэн заметил старомодный наушник, аудио-антиквариат, уцелевший с эпохи до кортикальных имплантатов и костяных

проводников. Монах склонил голову, прислушиваясь. На стене красно-зеленый шквал превратил идущую беседу в рождественскую мишуру.

На экране управления смерчем оранжевые и красные иконки остыли до желтого. Прикованный вихрь прекратил биться в загоне и спокойно вертелся, подчиняясь приказам. Где-то на полпути к горизонту его старший брат рассеялся мерцающим туманом оседающей пыли.

Пустыня мирно покоилась под брюхом невидимой твари в небесах.

Несколько минут назад Брюкс видел там свою собственную смерть. Или спасение на самом краю. Смерть кого-то, похожего на него (как минимум). До последнего мгновения, прежде чем водоворот его разжевал и выплюнул. В ту же секунду зомби… отклеились.

«Идизел», – произнес тогда Тапок. Во всяком случае, Брюкс услышал нечто подобное. «Идизел».

Может, какой-то узел?

– Идиузел? – громко сказал он.

Монах повернулся и поднял бровь.

– Идиузел, – повторил Брюкс. – Что это?

– Узел искусственного идиотизма. Он взламывает местные архивы наблюдений для маскировки. Реакция, как у хамелеона.

– Почему я? Почему… невидимые корабли в небе? Откуда вообще все это? И почему просто не замаскироваться, как штука наверху?

– Термоизлучение нельзя скрыть, не перегревшись, – объяснил Тапок. – По крайней мере, надолго. Особенно если ты теплокровный. Поэтому лучший способ – притвориться кем-то другим. Динамическая мимикрия.

«Димик».

Брюкс хмыкнул и покачал головой:

– Ты не из Двухпалатников?

Тапок еле заметно улыбнулся:

– А ты принял меня за одного из них?

– Это монастырь. Ты говорил, как…

Тапок тряхнул головой:

– Я тут в гостях.

«Аббревиатуры» [254].

– Ты военный, – предположил Брюкс.

– Вроде того.

– Дэн Брюкс, – он протянул руку.

Второй мужчина какое-то время смотрел на нее, затем ответил рукопожатием:

– Джим Мур. Добро пожаловать на перемирие!

– Что произошло?

– Они пришли к соглашению. Пока.

– Они?

– Монахи и вампир.

– А я думал, там были зомби.

– Там – да, – Мур постучал по стене. Вдалеке появился источник тепла, яркая одинокая точка за линией фронта. – А тут – нет. Зомби ничего не могут, если кто-то не дергает их за ниточки. Теперь она придет лично.

– Она?

– Вампирша. Одна штука, – он помедлил, затем добавил, будто это только что пришло ему в голову. – Эти твари плохо работают в команде.

– Я и не знал, что мы их выпускаем. Думал, их обычно держат… Ты сам знаешь… в изоляции.

– Я тоже. – От бледного мерцающего света лицо Мура, казалось, побелело. – Не знаю, что с ней случилось.

– И что она имеет против Двухпалатников?

– Понятия не имею.

– Почему она остановилась?

– Враг моего врага.

Брюкс задумался на секунду.

– Ты думаешь, у нас есть проблемы посерьезнее? Э… общая угроза?

– Потенциально.

В пустыне крохотная точка жара достаточно выросла, чтобы передвигаться на ясно видимых ногах. Она вроде не бежала, но пересекала долину гораздо быстрее любого исходника.

– Значит, теперь я могу уйти, – сказал Брюкс.

Старый солдат повернулся к нему. Сожаление в его глазах смешалось с отражениями тактических данных.

– Нет, тут без шансов.

* * *

Или себя изживет война, или люди.

Р. Бакминстер Фуллер[255]

Около двери, посередине зала, стояли два охранника – по одному с каждой стороны, похожие на парочку мрачных големов в одинаковых пижамах. Брюкса внутрь никто не приглашал, и он следовал за Муром, держась в отдалении; шел вдоль коридора –

другой цели пока не придумал. Туда-сюда носились Двухпалатники, наверное, решали какие-то вопросы, связанные с приручением вооруженного торнадо. В лучах утреннего света, пробивающихся сквозь окна, монахи казались совсем не примечательными: ни загадочных завываний, ни облачений и ряс с капюшонами, вообще никакой униформы. По крайней мере, Брюкс ее не заметил. Пара человек носили джинсы, а еще один, уткнувшийся в такпад, был полностью голый; на его груди лишь корчилась подвижная татуировка крылатого животного, которого явно не было ни в одной таксономической базе данных.

А вот звезды светились в глазах у каждого монаха.

Мур прошел мимо охранников в комнату. Брюкс украдкой и с опаской последовал за ним. Часовые стояли как каменные: взгляд устремлен вперед, бежевые комбинезоны одинаково безлики, на поясе – пустые кобуры. Двигались только их тусклые глаза. Они тряслись и мельтешили, описывая панические маленькие арки, туда-сюда и вверх-вниз, будто перепуганные души заживо похоронили во влажном цементе. Кто-то в зале кашлянул. Четыре глаза как по команде обратились в сторону звука и на секунду синхронизированно замерли в квадраскопическом дальнем фокусе, потом сорвались и вновь стали дергаться в глазницах.

Брюкс читал, что среди тех, кто до сих пор предпочитал секс в реале, зомби пользовались постоянным спросом. Он попытался представить, как трахаться с существом, у которого такие глаза. И вздрогнул.

Дэн шел вдоль дальней стены. Отсюда было видно всю комнату: Джим Мур, стол с голограмм-дисплеем в режиме ожидания, несколько Двухпалатников, кивающих друг другу. И женщину: стройную как гончая под обтягивающим трико; бледное, словно из костяного фарфора лицо под игольчатой копной коротко остриженных черных волос; челюсти чуть больше положенного выступают вперед, и от этого любой явной жертве не по себе. Она повернулась, когда Брюкс робко зашел внутрь. Ее глаза вспыхнули точно у кошки. Вампирша обнажила зубы – у любого другого существа на ее месте получилась бы улыбка.

Дверь закрылась.

– Эй, голоден?

Дэн подпрыгнул, когда кто-то положил ему руку на плечо, но это оказалась стройная женщина с дредами и теплой, а не вымораживающей улыбкой. Кожа равномерного шоколадного оттенка, а не всех цветов радуги, как ночью. Голос он узнал.

– Лианна, – хмыкнул Брюкс и взял ее за руку. – Ты – первый человек здесь в реальных монашеских одеяниях.

– Это банный халат. Мы форму не носим. – Она дернула

подбородком в направлении коридора. – Пошли. Завтрак.

* * *

Они набрали еду в столовой, которая напоминала обычное кафе; Брюкс с облегчением увидел клонированный бекон, так как боялся, что Двухпалатники окажутся веганами-традиционалистами. Ели на широких ступеньках главного входа, наблюдая, как в пустыне постепенно тают утренние тени. Тихое шипение праздного торнадо доносилось из-за стен позади.

– Лихая выдалась ночка, – сказал Брюкс, пережевывая омлет.

– Утро не лучше.

Он поднял глаза: далеко наверху аэробус прочертил белую линию в небе.

– О, та штука еще над нами, – заметила Лианна. – Она иногда мерцает на высоких длинах волн, если внимательно посмотреть.

– Я ничего не вижу.

– Какие у тебя имплантаты?

– В глазах? Никаких, – Брюкс снова взглянул на горизонт. – Мне впаяли криптопигмент, когда тот был в моде: я подумал, что так не заблужусь в Коста-Рике. Помнишь рекламу? «Теперь вы никогда не потеряетесь». И вдруг неожиданно стал видеть не только магнитное поле Земли, но и ореол вокруг каждого такпада и зарядной циновки. Ужасно отвлекает!

Лианна кивнула:

– Дело привычки. Если слепому вернуть зрение, понадобится время, чтобы снова научиться видеть.

– У меня терпения не хватило. Пигмент по-прежнему в сетчатке, но я его заблокировал через неделю.

– Однако, ничего себе, ты старомодный.

Брюкс еле сдержал раздражение: «Вдвое меня моложе, наверное, уже забыла разницу между мясом, с которым родилась, и искусственными пигментами».

– У меня есть обычные мозгоусилители. Без них сейчас на работе не удержаться. – «Кстати говоря…» – Я так понимаю, когнитала тут не достать? Свой оставил в лагере.

Лианна широко раскрыла глаза:

– Ты принимаешь таблетки?

– Это то же самое…

– Нужно десять минут, чтобы установить насос, но ты глотаешь таблетки. – Она широко и глупо улыбнулась. – Ты не старомодный, а родом из палеолита.

– Ой, я рад, что тебе так весело, Лианна. Таблетки есть или

нет?

– Нет, – она поджала губы. – Думаю, можно немного синтезировать. Я спрошу. Или можешь сам попросить Джима. Он тоже, в общем…

– Старомодный, – договорил Дэниэл.

– Не совсем. Ты удивишься, сколько у него в голове всяких штук.

– Я удивлен, что он вообще с вами. Военный в монастыре?

– Ах, да! Ты думал, что мы все ходим в банных халатах.

– Он помогает вам вести войну против вампиров? – Брюкс поставил пустую тарелку на ступеньку рядом с собой.

Лианна покачала головой:

– Он тут… ему было нужно место для работы. И думаю, он немного шпионит за нами. – Она склонила голову. – А ты?

– Меня сюда загнали.

– Я имею в виду, что ты делал в поле? Там еще остались виды, которые не каталогизировали и не оцифровали?

– Вымирающие, – коротко бросил Брюкс, затем смягчился. – Конечно, сейчас в лаборатории можно виртуализировать все, но сказать, что происходит в большом плотском мире с миллионом непредсказуемых переменных, невозможно.

Лианна взглянула на плоскую долину. Дэн проследил за ее взглядом. Там, на северо-западе, высилась гряда, на которой последние два месяца ютился его дом. Отсюда его было не видно.

– Скажешь мне, что происходит? – спросил он наконец.

– Ты попал под перекрестный огонь.

– Какой еще огонь? Почему зомби…

– Вампирша. Ее зовут Валери.

– Шутишь?

Лианна пожала плечами.

– Значит, вампирша Валери призвала отряд зомби и бросила его против Двухпалатников. Теперь все они сидят в соседней комнате, хрустят чипсами и попивают коктейли, потому что… Мур говорил о каком-то общем враге.

– Это сложно объяснить.

– Постарайся.

– Ты не поймешь, – она попыталась улыбнуться. – У тебя сейчас нехватка когнитала… – Ожидаемого эффекта фраза не произвела.

– Слушай, мне очень жаль, что я без спроса явился на вечеринку, но…

– Дэн, дело в том, что мне известно не больше твоего, – Лианна развела руками. – Но одно я могу сказать точно: тебе придется им довериться. Они знают что делают.

Она разве что по голове его не похлопала.

Брюкс встал:

– Рад слышать. Тогда развлекайтесь, и спасибо за завтрак.

Лианна посмотрела на него:

– Ты знаешь, что ничего не выйдет. Джим говорил тебе об этом.

– Скажешь, куда вы дели мотоцикл, или мне придется идти пешком?

– Ты не можешь уйти, Дэн.

– Вы не имеете права держать меня здесь.

– Тебе не о нас нужно беспокоиться.

– Кто это «вы»? Двухпалатники, вампиры, коалы?

Лианна, прищурившись, ткнула пальцем в пустыню:

– Взгляни туда, на гряду.

Брюкс подчинился. Поначалу он ничего не увидел, а затем что-то сверкнуло в утренних лучах, искорка на склоне.

– Теперь посмотри наверх, – попросила Лианна.

Яркий осколок вонзился Дэну в глаз с небес на востоке, солнечный свет отразился от пустоты.

– Не о нас, – повторила Лианна. – О вас.

– То есть?

– О людях, вроде тебя. Исходниках.

Он промолчал.

– Валери взломала немало спутников, чтобы вывести войска на позицию. Прошлой ночью для железа на орбите целый кусок пустыни выпал из существования на добрых четыре часа. Это привлекло внимание некоторых людей. Кто-то, скорее всего, успел запустить в местную зону парочку дронов и увидеть маневры нашего двигателя. А его танцевальные па, скажем так, несколько опережают развитие техники в остальном мире. – Лианна вздохнула. – Двухпалатники не один год внушали страх власть предержащим. Слишком много открытий, прорывов, и все чересчур быстро происходит. В общем, как всегда. Эти люди постоянно следили за нами. Теперь, насколько им известно, мы развязали войну с кучкой зомби. И они это так не оставят, Дэн. Увидев такое, накроют сетью заповедник целиком.

«И я их в этом не виню», – подумал Брюкс.

– Я же ни при чем. Ты сама сказала.

– Ты свидетель, и тебя будут допрашивать.

– Ну, допросят, – пожал плечами Дэн. – Ты же мне ничего не рассказала. А я не видел ничего, что не смог бы заметить обычный дрон.

– Ты видел гораздо больше, чем понимаешь. Все так видят. И когда они это узнают, допрос станет довольно агрессивным.

– Тогда кто ты у нас? Мой личный страж? Будешь меня кормить, выгуливать и следить, чтобы я ненароком не забрел в комнату, где разговаривают взрослые. И дергать за поводок, если попытаюсь сбежать. Я прав?

– Дэн…

– Слушай, ты ставишь меня перед выбором между вампиршей с армией зомби и «людьми вроде меня, исходниками», как ты деликатно выразилась.

Лианна тоже встала:

– Я не ставлю тебя перед выбором.

– Мне придется уйти. Я не могу провести здесь остаток жизни.

– Если ты попытаешься уйти сейчас, именно так все и будет.

Брюкс посмотрел на нее: тоненькая, как ива, женщина едва доставала ему до груди.

– Ты хочешь меня остановить?

Лианна посмотрела на него, не мигая:

– Попытаюсь. Если придется. Но я надеюсь, что до этого не дойдет.

Дэн долго стоял, не двигаясь. Потом подобрал тарелку с лестницы.

– Пошла ты… – и зашел внутрь.

* * *

В тюрьме ему предоставили полную свободу: Лианна отступила, как только он поплелся через зал, мимо бормочущих верующих и гиперкинетического взгляда застывших зомби, закрытого совещания врагов и открытых дверей спален, кабинетов и ванных комнат. Поначалу Брюкс шел без всякой цели, сворачивая в первый попавшийся коридор и выходя из тупиков. Ноги работали автономно, пока внутри сосало под ложечкой. Спустя какое-то время непонятная, упрямая боль в глазах вернула Дэна к реальности. Он осознанно оглянулся вокруг и решил снова посетить дозорную башню Мура в подвале; там все было знакомо и можно раздобыть кое-какую тактическую информацию.

Однако Брюкс не смог найти лестницу вниз. Помнил, что Лианна провела его через отверстие в стене и как появился оттуда после перемирия. Ход находился где-то в центральном коридоре, за одной из дубовых дверей-близнецов, но вся перспектива оказалась ему незнакома. Он будто очутился в странной пародии на место, откуда ушел час назад. Возникло

ощущение, что, пока он сидел снаружи, планировка монастыря слегка изменилась.

Брюкс начал толкать двери наугад. Третья оказалась приоткрыта, за ней кто-то тихо бормотал. Она легко поддалась, и он увидел внутреннее пространство, отделанное гладкими панелями из твердой клонированной древесины. Комната походила то ли на библиотеку, то ли на картографический зал; дальний ее конец выходил на травянистый луг, обнесенный забором. Часть поляны освещало яркое солнце, все остальное было скрыто в тени. За скользящими стеклянными дверями, на безупречном газоне торчали странные объекты, разбросанные в случайном порядке. Брюкс не мог понять, машины это, скульптуры или недоделанные гибриды тех и других. Более-менее привычной казалась лишь неглубокая чаша на квадратном пьедестале высотой по пояс человеку. Такая же стояла внутри комнаты, рядом со столом для совещаний, расположенным в центре. Около него стояли два совершенно разных Двухпалатника, глазевших на коллекцию объектов, напоминавших игральные кости и рассыпанных то ли по карте, то ли по древней игральной доске. Монах-японец костлявостью походил на пугало, а белый вполне сошел бы за Санта-Клауса с рождественской распродажи, если бы его одели в соответствующие шмотки и засунули под рубаху подушку.

– Наверное, из Квинсленда, – заметил Санта. – Там выращивают лучшие нейротоксины.

Японец набрал пригоршню предметов (теперь Брюкс разглядел, что это не игральные кости, а многогранники, чем-то напомнившие красно-коричневое макраме) и выложил их на доске полумесяцем.

Белый задумался:

– Нет, по-прежнему мало. Даже если бы мы в срочном порядке смогли насухо просеять пояса Ван Аллена[256]. – Он рассеянно почесал шею и, похоже, лишь тогда заметил Брюкса. – Ты – беженец.

– Биолог.

– В любом случае, добро пожаловать, – Санта причмокнул. – Я – Лаккетт.

– Дэн Брюкс, – он принял кивок мужчины за приглашение и приблизился к столу. Узор на игровой доске – многоцветная спираль из переплетенных решеток Пенроуза – был сложнее тех, что Брюкс помнил по дедушкину чердаку. Казалось, стоило отвернуться, и рисунок принимался двигаться, словно полз куда-то.

Пугало щелкнул языком, не сводя глаз со стола.

– Не обращай внимания на Масасо, – заметил Лаккетт. – Он – не большой любитель нормальных разговоров.

– Тут все страдают глоссолалией?

– Глоссо… А, ты это имеешь в виду, – Лаккетт тихо рассмеялся. – Нет, у Масасо, скорее, афазия, но можно и так сказать. Когда он не подключен, конечно.

Японец с хаотичной точностью высыпал на стол еще несколько красно-коричневых костяшек. Санта снова засмеялся и покачал головой.

– Он говорит с помощью настольных игр, – предположил Брюкс.

– Почти. Кто знает? Может, когда я закончу обучение, стану общаться так же.

– А ты еще не… – Ну, конечно, нет.

У него не сверкали глаза.

– Пока нет. Послушник.

Это можно было понять хотя бы по тому, что Санта говорил по-английски.

– Я пытаюсь найти комнату, в которой сидел прошлой ночью. В подвале, винтовая лестница, чем-то напоминает военный бункер.

– А, логово полковника. Это северный зал – первый поворот направо и вторая дверь слева.

– Спасибо.

– Не за что, – Лаккетт отвернулся, когда Масасо щелкнул и бросил кости. – Чтобы сойти с орбиты, антивещества более чем хватает. Как минимум, удастся сэкономить на химической массе.

Положив руку на дверную ручку, Брюкс замер:

– Что это значит?

Лаккетт оглянулся:

– Мы тут планы набрасываем. Беспокоиться не о чем.

– У вас есть антивещество?

– Скоро появится, – Санта ухмыльнулся и погрузил ладони в умывальную чашу. – Если на то будет воля Божья.

* * *

Большая часть тактического коллажа в подвале потемнела или корчилась от аналоговых помех. На шести экранах судорожно мерцали сигналы, идущие с разных камер: пустыня, пустыня, пустыня. Никаких данных со спутника. То ли Мур отключил трансляции, то ли те, кто установил блокаду, закрыли небо до самого горизонта.

Брюкс для проверки постучал по неосвещенному участку краски. Тот на секунду вспыхнул красным, но больше ничего не случилось.

Работающие окна продолжали меняться. Похоже, в систему был встроен датчик, реагирующий на движение: панорамы сменяли неожиданные увеличения, камеры моментально сосредоточивались то на мелькнувшей тени, то на отдаленном склоне. Иногда Брюкс не замечал ничего, достойного пристального внимания: сокол чистил перья на ветке, больше похожей на кость скелета; нора пустынного грызуна зияла в отдалении… Раз или два в объектив камер попадал камешек, катящийся по склону; щебень, сдвинутый с места невидимой помехой.

Всего раз пара стеклянных отражений взглянула в ответ, полускрытая листьями и кустарником.

– Тебе помочь?

Джим Мур протянул руку над плечом Брюкса и постучал по экрану. Под пальцами возникло новое окно, солдат растянул его вширь, отыскал вид с нужной камеры и тут же дал увеличение на расщелину, раскалывающую холм к югу. Брюкс сразу отошел в сторону и признался:

– Я пытался выйти в сеть. Посмотреть, не прознал ли кто про весь этот… карантин.

– Здесь только локалка. Думаю, у Двухпалатников никогда не было доступа к Быстронету.

– Они боятся взлома?

Насколько Дэн знал, последнее время этот тренд только усиливался – перед лицом Шока от настоящего люди, несмотря на все юридические последствия, отделялись от сети в целях обороны. Они начали взвешивать издержки и выгоды, предпочитали хотя бы день-два проводить за пределами паноптикона, даже осознавая неизбежность штрафов и задержек.

Мур покачал головой:

– Я полагаю, он им не нужен. Ты, например, плохо себя чувствуешь без доступа к телеграфной сети?

– Что такое телеграф?

– Вот именно, – что-то отвлекло полковника. – Хм… Это нехорошо.

Брюкс проследил за его взглядом и уставился на расщелину в недавно открытом окне.

– Я ничего не вижу.

Мур сыграл небольшое арпеджио на стене, и ложными цветами расцвело изображение: во фрактальной синеве нечто эвклидовых форм засияло желтым.

Джим еще раз хмыкнул:

– Похоже на аэрозольную установку.

– Парни из твоих?

Уголок рта Мура едва заметно опустился:

– Не могу сказать наверняка.

– А чего говорить-то? Ты же солдат! И они – солдаты, разве что правительство заключает контракты с…

– И биотермы. Они не доверяют ботам управление. – В голосе старого солдата звучал намек на удивление. – Значит, там еще и исходники.

– С чего бы?

– Хрупкие эго. Низкая самооценка. – Он провел пальцами по почерневшей стене, и яркие окна вспыхнули в местах касаний.

– По крайней мере вы все на одной стороне. Так?

– Это работает иначе.

– И что ты имеешь в виду?

– Цепь командования уже не та, – слабо улыбнулся Мур. – Теперь она более… органическая, если можно так сказать. – Еще один танец пальцами: все окна уменьшились и переместились в пустое пространство на краю стены. – В любом случае, пока они занимают позиции. У нас есть время.

– Как прошло совещание? – спросил Брюкс.

– Оно еще идет. Мне не было смысла прохлаждаться там после всех положенных приветствий. Я бы их замедлил.

– Позволь предположить: ты не можешь сказать мне, что происходит, и это вообще не мое дело.

– С чего мне так говорить?

– Лианна сказала…

– Доктора Латтеродт на совещании не было, – напомнил Мур.

– Хорошо. Ты можешь сказать мне хоть…

– Светлячки.

Брюкс моргнул:

– Они тут… А, ваш общий враг!

Мур кивнул.

Вспомнились перехваченные переговоры, скользящие по экрану рождественской мишурой.

– «Тезей». Экспедиция что-то нашла?

– Возможно. Пока ничего определенного, лишь… намеки и предположения. Никаких точных данных.

– И все-таки.

Инопланетная сила, способная одновременно, без всякого предупреждения сбросить в атмосферу Земли шестьдесят тысяч наблюдательных зондов. Сила, которая появилась и исчезла за секунды, застав планету со спущенными штанами, и получила Бог

знает сколько компрометирующих снимков, по Бог знает какому числу волн, прежде чем папарацци сгорели в атмосфере и не превратились в неотслеживаемую железную пыль. Сила, подобную которой никто никогда не видел ни до, ни после, несмотря на все усилия ее найти.

– Полагаю, светлячков можно признать общей угрозой, – согласился Брюкс.

– Полагаю, так, – Мур снова обернулся к военной стене.

– А почему они вообще начали драться? Какие претензии у вампирши к горстке монахов?

Полковник какое-то время молчал, затем произнес:

– Ничего личного, если ты подумал об этом.

– Что тогда?

Мур вздохнул:

– Ну… дело привычное, как везде. Увеличение энтропии. Война реалистов против Небес. Наногистомиты в Хоккайдо. Исламабад в огне.

Брюкс удивленно моргнул:

– Но Исламабад еще…

– Черт! Забежал вперед. Дай срок, – полковник пожал плечами. – Брюкс, я не пытаюсь говорить уклончиво. Ты попал в переплет, поэтому я скажу тебе то, что смогу, – если это не подвергнет тебя еще большей опасности. Но многое придется принять… на веру.

Дэн еле сдержал смех. Мур взглянул на него.

– Прости, – объяснил. – Просто сейчас столько всего говорят о Двухпалатниках, их научных открытиях и поиске Истины. Наконец я попал внутрь этого огромного здания и слышу только: «Поверь», «Если на то будет воля Божья» и «Прими на веру». В смысле, по идее, этот орден основан на поиске знаний, а правило номер один здесь – не задавай вопросов.

– Дело не в том, что у них нет ответов, – ответил Мур, помедлив. – А в том, что мы, по большей части, не можем их понять. Можно, конечно, прибегнуть к аналогиям. Запихнуть трансгуманистические озарения в крошечные формочки человеческих представлений. Но тогда получишь, в основном, кровоточащие метафоры с переломанными костями. – Он поднял руку, предвидев возражения Брюкса. – Я знаю, это страшно раздражает. Просто у людей есть одна очень дурацкая привычка: они считают, что осознали реальность, если поняли аналогию. Когда упрощаешь нейрохирургию до уровня дошкольника, не стоит удивляться, что ребенок взял микроволновой скальпель и начал резать, пока никто не видит.

– Тем не менее, – Брюкс взглянул на стену, где сияли желтые

и оранжевые буквы «АЭРОЗОЛЬНАЯ УСТАНОВКА». Там, где прошлой ночью бушевал смертельный торнадо. – Двухпалатники решают свои проблемы вполне в духе старых добрых исходников.

Мур еле заметно улыбнулся:

– Это да.

* * *

Дэн нашел Лианну на лестнице перед входом. Синтет смотрела на закат, держа поднос с ужином на коленях, и оглянулась, когда Брюкс открыл дверь.

– Я спрашивала про мозгоусилители. Безрезультатно. Линия сборки то ли занята, то ли еще что.

– Все равно спасибо.

– Может, они есть у Джима? Если ты еще не спрашивал.

Брюкс взял поднос в одну руку, а второй принялся массировать лицо, пытаясь унять боль в глазах.

– Ты не против, если я сяду рядом?

Она махнула рукой вдоль ступени, широкой и массивной, как в соборе.

Дэн принял приглашение, взял тарелку:

– Я хочу сказать по поводу утра…

Она глядела в сторону горизонта. Солнце в ответ озаряло лучами ее лицо и подчеркивало скулы.

– Извини, – закончил Брюкс.

– Забудь! В клетке никому не нравится.

– И все же. Мне не стоило набрасываться на гонца с дурными вестями.

Неожиданный порыв ледяного ветра обдал плечи.

Лианна покачала головой:

– По-моему, бросаться вообще ни на кого не стоит.

Дэн поднял глаза. С неба подмигивала Венера, и он задумался, попали эти фотоны ему в зрачок по прямой линии, или им в последнюю наносекунду пришлось маневрировать вокруг разлива изгибов и углов? Бросил взгляд на растрескавшуюся пустынную землю, пристально посмотрел на иззубренную топографию вдалеке. Задался вопросом, сколько невидимок прямо сейчас наблюдают за ним.

– Ты всегда ешь тут?

– Когда могу, – заходящее солнце растянуло тень Лианны по бастионам позади, превратив в великаншу, силуэтом отраженную в оранжевом сиянии. – Здесь все такое… сильное. Понимаешь?

Ребристые облака миллиона оттенков желтовато-розового

цвета скользили по оранжево-пурпурному небу.

– И сколько это будет продолжаться? – спросил Брюкс.

– Что?

– Ну, они прячутся там, мы ждем здесь. Когда кто-то сделает решительный шаг?

– Старомодник, расслабься, – она покачала головой и сумрачно улыбнулась. – Ты можешь известись вконец, гадать целый месяц, и я гарантирую, не придумаешь ничего, о чем бы наши хозяева не подумали еще на прошлой неделе. Они уже все проанализировали с пяти разных точек зрения, и весь день предпринимают необходимые действия.

– Например?

– Меня не спрашивай, – она пожала плечами. – Я бы, скорее всего, ничего не поняла, даже если бы мне все сказали. У них совсем другая проводка, не похожая на мою.

«Роевой разум, – напомнил себе Брюкс. – И синестезия, если не ошибаюсь».

– Но ты же их понимаешь, – возразил Дэн. – Это твоя работа.

– Не так, как ты думаешь. И не без модификации с моей стороны.

– Так как?

– Я не знаю и не уверена, что смогу объяснить, – признала она.

– Да брось!

– Честно. Это как дзен, игра на фортепиано или быть сороконожкой на Небесах. Стоит подумать о том, что делаешь, и все – ты облажался. Надо попасть в эту зону.

– Они же все равно тебя как-то тренировали, – настаивал Брюкс. – Должен быть вполне осознанный процесс обучения.

– С твоей точки зрения по-другому нельзя, да? – Она прищурилась, глядя на какого-то невидимого монстра, по-прежнему скрывавшегося от глаз Брюкса. – Но они вроде это… обошли. Встряхнули мозги импульсом ультразвука, и в следующий момент я поняла, что прошли четыре дня, и у меня есть все нужные рефлексы. Тут такое дело, что их понимаю даже не я сама, а скорее мои пальцы. Фонемы, ритмы, жесты, иногда движения глаз… – Лианна нахмурилась. – Я вбираю эти подсказки и уравнения, будто они приходят ко мне постепенно, одна за другой. Я их записываю и отсылаю, а на следующий день они появляются в последнем номере журнала «Наука».

– И ты никогда не пыталась осмыслить эти рефлексы? Не играла на пианино медленно, не давала себе время увидеть, что именно делают твои пальцы?

– Дэн, они не смогут, не попадут в ритм. Сознание – это

временная память. Там можно сохранить список покупок и записать пару телефонных номеров… Ты заметил, как съел весь свой ужин?

Брюкс посмотрел на тарелку – та оказалась пустой.

– А это ты лишь слегка отвлекся. Ты пытался хотя бы раз удержать в голове целую главу романа? Сознательно, всю и сразу? – Дреды Лианны покачивалась в сумерках туда-сюда. – Что бы я ни делала, там слишком много переменных. В глобальное рабочее пространство они просто не влезут. – Она виновато улыбнулась, словно извиняясь.

«Они программируют нас, как заводных кукол», – подумал он.

На западе солнце нежно коснулось отдаленного хребта.

Брюкс взглянул на Лиану:

– Тогда почему мы тут до сих пор командуем?

Она ухмыльнулась:

– Кто «мы», белый мальчик?

Он не стал улыбаться.

– Те люди, на которых ты… работаешь. Они вроде должны быть беспомощны. Так все говорят. Мозг можно оптимизировать для жизни тут, внизу, или для деятельности там, наверху. Нужно выбирать. Любой человек, свободно думающий в масштабах Планка, в реальном мире с трудом перейдет улицу без посторонней помощи. Поэтому они и устроились здесь, в пустыне. Поэтому им нужны люди вроде тебя. Так они нам говорят.

– Это все правда. Более или менее, – согласилась Лианна.

Брюкс покачал головой:

– Они управляют торнадо, Ли, как ты не понимаешь? Превращают людей в марионеток, моргнув глазом и взмахнув рукой. Им принадлежит половина патентов на Земле. Двухпалатники настолько же беспомощны, как тираннозавр в детском саду. Почему они уже не управляют нами?

– Ты сейчас похож на шимпанзе, который спрашивает, почему безволосые обезьяны, если они такие умные, не кидаются калом больше, чем другие.

Дэн старался не улыбаться, но не выдержал:

– Это не ответ.

– Вполне себе ответ. Сейчас каждый вопит о роевом разуме и синестезии, будто это сверхспособности.

– После прошлой ночи ты хочешь сказать, что тут ничего такого нет?

– Все намного глубже. Дело в восприятии. Мы… обделенные, понимаешь? Не видим реальности в принципе. Смотрим на модель, карикатуру, которую мозг мастерит из волн и болевых точек. Мы щуримся, разбираем накаляканные вручную записи,

читаем что-то вроде «два квартала на восток, повернуть налево у моста», и думаем, что, рассматривая эти тупые почеркушки, видим Вселенную, проносящуюся за лобовым стеклом. – Лианна посмотрела через плечо на здание позади нее.

Брюкс нахмурился:

– Ты считаешь, что Двухпалатники способны видеть по ту сторону стекла?

– Не знаю. Возможно.

– Тогда у меня для тебя плохие новости. Мы попрощались с реальностью в тот момент, когда прогнали сенсорные сигналы через нервную систему. Хочешь ощутить Вселенную напрямую, без моделей и почеркушек? Стань простейшим!

В нарастающей тьме ее улыбка казалась ослепительно яркой:

– А разве это так не похоже на них? Построить коллективный разум, настолько сложный, что может посрамить сотни гениев исходников, а потом использовать его, чтобы думать, как инфузория.

– Я не совсем это имел в виду.

Солнце, подмигнув на прощание, скрылось за горизонтом.

– Я не знаю, как они это делают, – признала Лианна. – Но если то, что они видят, хотя бы на долю ближе к реальности… Именно это я и называю трансцендентностью. Не способность управлять торнадо, а возможность видеть чуть больше того, что есть там, а не здесь, – она постучала пальцем по виску.

Лианна встала и потянулась как кошка. Брюкс тоже поднялся, смахнув песок с одежды.

– Трансцендентность недостижима. Для наших мозгов, разумеется.

Женщина пожала плечами:

– Надо изменить мозг.

– Тогда он перестанет быть твоим. Это будет что-то другое. Ты сама – тоже.

– В этом и смысл, разве нет? Трансцендентность подразумевает трансформацию.

Брюкс покачал головой, не убежденный:

– По мне это больше похоже на самоубийство.

* * *

Он почувствовал, как задвигались его глаза под закрытыми веками, вступил на бритвенно-тонкую грань между сновидением и пробуждением: сознания хватало, чтобы увидеть занавес, но не человека за ним.

Осознанные сны – трюк не из легких.

Брюкс сел на койке, призрачные ноги все еще не вышли из телесных, и те напоминали брюшко наполовину полинявшего насекомого. Огляделся – убранство комнаты показалось бы спартанским любому, кто не провел последние два месяца, ночуя в пустыне. Приподнятая койка длиной в пару метров, погруженная в мягкий и более мясистый вариант обычного синтетика на полу. Ниша в стене, медицинский шкафчик с матовым стеклом на дверцах. Еще один пьедестал с купелью для омовений; на этом сбоку висело полотенце на кронштейне. В эту каморку Лаккетт отправил Брюкса на ночь, и она мало чем отличалась от того, как выглядела наяву.

Дэн научился запускать сны с платформы, укорененной в реальности. Так было проще возвращаться.

Он напряг височно-теменную мышцу и взлетел сквозь потолок из отполированного гранита (материал домыслил сам – забыл посмотреть, из чего сделали потолок в реальности). Монастырь раскинулся вокруг, а затем остался внизу: сморщился от крепости в натуральную величину до настольной модели, стоящей на растрескавшейся серой, будто лунной, поверхности. Наверху костяной бледностью сиял полумесяц Луны, и повсюду во мраке ледяными кристаллами холодно мерцали миллионы звезд.

Брюкс полетел на север.

Магия была минималистической: никаких радужных мостов, говорящих облаков и эскадронов воздушных судов, управляемых тираннозаврами. Дэн давно научился не проверять на легковерие ментальные процессы, благодаря которым он здесь оказывался, и не напрягать критиков, живших в его голове еще до того, как сновидения стали осознанными. Какой-то внутренний скептик вечно хмурился при мысли о рассекающих космос велосипедах; и в результате спящий восьмилетний Дэнни застревал посреди звезд. Какой-то зануда в переднем мозге постоянно фыркал от головокружительного ощущения полета, и Брюкс путался в высоковольтных проводах или просто приходил в сознание, вылетал из сна в три утра из-за собственной недоверчивости. Даже в грезах мозг предавал его с тех пор, как у Брюкса появились первые волосы в промежности. Став взрослым, он не видел пользы в снах, пока его ограниченные образовательные способности исходника окончательно не забили часы бодрствования. Тогда пришлось выучить новые техники сновидений, чтобы новое и улучшенное поколение ученых не сожрало его живьем.

По крайней мере теперь он мог летать без всяких мыслей и

самодиверсий. Дэн научился этому трюку за годы практики с помощью стимулирующего «железа», управлявшего его грезами, когда наступала стадия быстрого сна, и упражнений, благодаря которым он смог отбросить механические костыли и проделывать все исключительно в собственной голове. Например, долететь до орбиты и дальше, а потом вернуться (при желании). Или долететь до самых Небес. Именно туда Брюкс направлялся сейчас. Впереди кружило северное сияние – сине-зеленый занавес, мерцавший над целью путешествия, как Вифлеемская звезда голографической эпохи.

Но никаких говорящих облаков! Дэн знал свои границы.

Теперь он призраком миновал укрепления Небес и спустился на их глубокие уровни. Ро, как обычно, томилась одна в своей камере, по-прежнему в бумажном халате и тапочках, как и в Отделе отправления, когда они сказали друг другу, что это не прощание. Кольцо вокруг левой лодыжки и с десяток звеньев ржавой цепи приковали ее к стене. Волосы свисали на печальное лицо темным занавесом.

Правда, когда Брюкс спустился сквозь потолок, она явно обрадовалась.

Он приземлился на каменный пол рядом:

– Прости, я должен был прийти раньше, но…

Дэн замолчал. Нет смысла тратить драгоценный быстрый сон на извинения. Он изменил сценарий и начал заново:

– Ты не поверишь, что со мной произошло!

– Расскажи.

– Я попал на поле боя. Можно сказать, на войну. Теперь я за линией противника, застрял там с кучкой… Серьезно, ты мне не поверишь!

– С монахами, зомби, – сказала она. – И вампиром.

Разумеется, Ро все знала.

– Не понимаю, как мне вообще удалось оказаться здесь. По идее, из-за такого бардака я должен быть весь на нервах – ни прилечь, ни присесть…

– Ты не спал уже двадцать четыре часа, – она положила свою ладонь на его. – Скоро рухнешь.

– А эти люди нет, – проворчал Брюкс. – Думаю, они вообще не спят, по крайней мере, все сразу. Разные части их мозга дежурят по очереди, или вроде того. Как стая дельфинов.

– Ты – не дельфин и не карьерист с апгрейдами. Ты натуральный. Именно такой, как мне нравится. И знаешь что?

– Что?

– Они тебя не обгонят. Ты с ними не справишься. Как всегда «Не всегда», – подумал Брюкс.

– Ты должна вернуться, – неожиданно ляпнул он. Где-то далеко его пальцы на ногах и руках слегка задрожали.

Ро покачала головой:

– Это мы уже обсудили.

– Никто не говорит, что тебе нужно вернуться на работу. Есть миллион других вариантов.

– А здесь их миллиард.

Дэн посмотрел на цепь. Он не сознательно сковал эти звенья, просто увидел ее уже такой. Мог изменить положение Ро одним усилием воли, как и все в этом мире, но рисковать не хотел.

Брюкс научился не накалять обстановку.

– Тебе не может здесь нравиться, – тихо сказал он.

Она засмеялась:

– Почему? Не я же надела эту штуку.

– Но… – В висках запульсировала боль. Дэн приказал ей остановиться.

– Дэн, – нежно протянула Ро. – Ты можешь жить там, а я нет.

Дрожь усилилась до невозможности. Лицо Ро пошло волнами и растворилось во тьме. Брюкс больше не мог удерживать ее в целости. Этот осторожный консерватизм, аккуратно смоделированные окружающие пространства, рабски следующие законам физики, – все они создавались против внутреннего критикана, а не против непрошеных ощущений, пробившихся извне. Головных болей. Покалываний. Они отвлекали от фантазий; неожиданно весь мир вокруг развалился на куски.

– Возвращайся, – сквозь усилившиеся помехи донесся голос жены. – Я буду ждать…

И исчез, прежде чем Брюкс успел ответить. Он попытался соорудить что-то впечатляющее: схлопывание Небес; огненный взрыв, направленный внутрь, к жадной сингулярности, расположенной в глубине Канадского Щита. Однако слишком быстро поднимался к свету.

Иногда Брюкс издевался над собственной нехваткой воображения, проклинал неспособность скинуть оковы и просто видеть сны, как остальные, во всем их блистательном галлюциногенном самозабвении. Даже сейчас ему время от времени приходилось напоминать себе, что это не слабость, а наоборот – сила.

Даже во сне Дэниэл Брюкс ничего не принимал на веру.

* * *

Для себя каждый бессмертен; человек, может, и

знает, что умрет, но никогда не сможет понять, что уже мертв.

Сэмюэл Батлер

Солнечные лучи вонзились в глаза, проникнув сквозь прорези в жалюзи. Во рту у Брюкса пересохло, в голове стучало, а в пальцах будто бежал ток. «Руки отлежал», – подумал он и попытался представить, как это умудрился, перекинув ноги через край кровати.

Стоило подошвам коснуться пола, как их пронзили те же иголки.

«Прекрасно».

Брюкс нашел дорогу в туалет, который Лаккетт показал ему прошлой ночью, и опорожнил мочевой пузырь, чувствуя покалывание в каждой конечности. Правда, к тому времени, как он смыл воду, ощущения ослабли. Слегка пошатываясь, Дэн вышел из кельи и отправился искать другие живые тела.

За стеной что-то с грохотом упало. Брюкс на секунду остановился, а потом его внимание привлекла открытая дверь дальше по коридору. Там дергалось и задыхалось, словно под ударами тока, обнаженное пятнистое существо.

Дэн замер, его почти парализовало от шока. Спустя какое-то время он задвигался вновь, позабыв о собственных мелких неудобствах, когда понял, что видит. Это было пугало Масасо: спина выгнута, зубы оскалены, плоть натянулась на скулах так туго, что, казалось, лицо сейчас порвется прямо посередине. Брюкс подбежал к японцу, но вдруг остановился.

Каждый мускул Масасо свела судорога. Дело было в каком-то двигательном расстройстве. Причина крылась в нейрологии.

Булавки в конечностях сразу вернулись и принялись колоть с новой силой. Все еще не веря, Брюкс посмотрел на собственные пальцы. Как он не старался, остановить их дрожь не смог.

Когда раздались крики, он их едва расслышал.

* * *

Что бы это ни было, оно убивало тихо. По большей части.

Не потому, что было безболезненным. Жертвы, шатаясь, выбирались из укрытий и бились на полу; их искаженные лица напоминали агонизирующие дьявольские маски. Они не спадали даже с мертвых: по-прежнему выступали вены, алые глаза покрывали брызги точечных эмболий, и каждое лицо застыло в окаменевшей гримасе. Ни стона, ни слова – ни от кого. Брюкс

ничего не мог сделать, кроме как переступить через тела. Он шел на одинокий голос, кричавший где-то впереди, и не чувствовал ничего, кроме электрического напряжения, растущего в пальцах рук и ног; не мог думать ни о чем, кроме: «Это во мне, во мне, оно во мне…»

Твари, шагавшие идеальным строем, появились из-за угла прямо перед ним: четыре человеческих тела двигались синхронно и были живее тех, кто лежал на полу, но внутри оставались такими же мертвыми. Валери шла посередине. Четыре пары мельтешащих глаз на мгновение зафиксировались на Брюксе, а потом возобновили свой лихорадочный всенаправленный танец. Вампирша в его сторону даже не взглянула. Она двигалась как взведенная пружина, словно все ее суставы были слегка смещены. У одного зомби не было ног; углеродные протезы еле слышно пищали при контакте с полом. Кроме этих признаков трения, Брюкс даже звука их шагов не слышал. Он инстинктивно распластался по стене, молясь каким-то плейстоценовым богам, чтобы те даровали ему невидимость. Или, по крайней мере, незначительность. Валери прошла совсем рядом, смотря строго по прямой.

Брюкс крепко зажмурился. Тихие крики наполнили тьму. Он даже почувствовал нечто сродни гордости, что сам не издал ни звука. А когда открыл глаза, чудовище исчезло.

Вопли стали более слабыми и не такими пронзительными: словно у какого-то ужасающего прожектора на маяке, зовущего сквозь туман войны, садились батарейки. Только это была не война, а бойня, в ходе которой одно племя гигантов вырезало другое, а любому ископаемому исходнику, имевшему глупость попасться под ноги, даже горло из милости не перерезали бы.

«Добро пожаловать на перемирие».

Брюкс пошел на звук. Он сильно сомневался, что сможет помочь, хотя оставался вариант эвтаназии. Однако если оно кричало, то, возможно, еще могло говорить. И рассказать… хоть что-то…

В некотором роде, оно уже говорило. Например, Брюкс понял, что перед местной напастью равны далеко не все. Похоже, Двухпалатники повалились буквально за несколько минут – их схватили за горло и превратили в мучающийся камень, прежде чем они успели закричать. Правда, не все. На вампиршу и ее миньонов зараза не действовала. Еще на крикуна и на Дэна.

Пока.

Но он, несомненно, был заражен. Что-то уже работало над периферийной проводкой, замыкало управление мелкой моторикой и пробиралось дальше, по главным кабелям. Может, у

крикуна все началось раньше, и он – это Брюкс минут через десять? Может, он тут, за этой дверью?

Дэн распахнул ее.

Внутри оказалась келья, ничем не отличавшаяся от той, где спал Брюкс, но на полу, скользком от мочи, корчился Лаккетт, словно налим на крючке. Его ряса превратилась в мокрую тряпку от пота, который потоками тек с лица и конечностей послушника; от промежности расходились темные пятна.

На крючок он попался не ртом. Тот шел из порта на шее, трясущегося волокна, уходившего в розетку, расположенную на стене, чуть выше пола. Лаккетт бился в конвульсиях. Он ударился головой о край перевернутого стула. От сотрясения вроде немного пришел в себя: перестал кричать, взгляд прояснился, и что-то, похожее на сознание, мелькнуло под толстым слоем тупой животной боли.

– Брюкс, – застонал Лаккетт. – Брюкс, возьми… О, черт, как больно…

Дэн встал на колени и положил руку на плечо мужчины:

– Я…

От прикосновения послушник резко дернулся и снова заорал:

– Больно! Как же, сука, больно!

Он судорожно махнул рукой: судя по всему, жест был намеренным, указанием, пробившимся сквозь рев помех от миллиона закоротивших двигательных нервов. Брюкс подчинился и подошел к небольшому шкафчику со стеклянными дверцами, установленному прямо в стене. Ромбики лечебной керамики аккуратными рядами стояли за дверцей: СЧАСТЬЕ, ОРГАЗМ, УГНЕТАТЕЛИ АППЕТИТА…

АНАЛЬГЕТИК.

Брюкс взял лекарство с полки, встал на колени рядом с Лаккеттом и схватил его за оптоволокно у затылка: запутался, принялся неуклюже шарить, когда пальцы не расслышали команду мозга. Послушник снова закричал, выгнулся от конвульсий, его спина походила на натянутый лук. По комнате поплыл запах кала. Брюкс наконец ухватился за рычаг и повернул. Гнездо с щелчком освободилось. Свет залил стены бурным потоком: сигналы с камер, графики кривых, пустыня, окрашенная кричащей мешаниной искусственных расцветок. Некий ручной оракул, лишившись прямого доступа в мозг Лаккетта, продолжил беседу уже в реальном мире.

Брюкс со щелчком вставил в паз болеутолитель. Послушник тут же обмяк; его пальцы по-прежнему дергались и тряслись, но тут действовало чистое электричество. Дэн решил, что Лаккетт потерял сознание, но тот неожиданно глубоко, полной грудью,

вздохнул и произнес:

– Так-то лучше.

Дэн взглянул на его дрожащие пальцы, потом на свои.

– Нет, это…

– Не моя юрисдикция, – закашлялся Лаккетт. – И не твоя. Благодари свою счастливую звезду.

– Но что это? Должно быть лекарство. – Он вспомнил: розетта монстров, и вампирша в самом ее центре двигается без затруднений по умирающему полю боя. – Валери…

Послушник покачал головой:

– Она на нашей стороне.

– Но она же…

– Не она, – он повернул голову, устремив взгляд на тактическую схему окружающей пустыни, обновлявшуюся в режиме реального времени: посреди мишени – монастырь, по периметру – затейливые иероглифы. – Они.

«Они весь день предпринимают необходимые действия».

– Что вы сделали? Что вы сделали, черт побери?

– Сделали? – Лаккетт опять закашлялся, ребром ладони отер кровь с губ. – Ты же был здесь, друг мой. Нас заметили. И теперь мы… можно сказать, пожинаем бурю.

– Они бы не стали просто… – «С другой стороны, почему нет?» – Они выдвинули ультиматум? Дали нам возможность сдаться или…

Лаккетт взглянул на него с равной смесью жалости и удивления.

Брюкс выругался про себя – выглядел полным идиотом. У него вчера целый день болела голова. Аэрозольная установка Мура! Никакой артиллерии, смертельные канистры не летели со свистом по пустыне. Эта штука дрейфовала вместе с ветром, никем не замеченная. Даже специально выведенные микробы не убивают сразу. Всегда есть инкубационный период, парочке спор-везунчиков нужно время, чтобы угнездиться в легких и породить достаточно большую армию, свалить человеческое тело. Даже магии экспоненциального роста требуется время для явления себя народу.

Враг…

«Люди вроде тебя», – говорила Лианна.

…запустил план в действие в тот самый момент, когда начал выстраивать оборонительный периметр. Даже если бы весь орден Двухпалатников вышел наружу с поднятыми руками, это уже ни черта не значило бы: оружие попало в их кровь, и белых флагов оно не видело.

– Как вы им позволили? – зашипел Брюкс. – Вы же вроде

гораздо умнее нас, все из себя постсингулярные, вашу мать! Должны быть на десять шагов впереди любого плана, который мы, тупые троглодиты, можем изобрести. Как вы такое позволили?

– О, нет, все идет согласно плану, – Лаккетт похлопал его по плечу спазматической ладонью, дрожавшей от короткого замыкания.

– Какому еще плану? – Брюкс еле сдержал истерический смех. – Мы все покойники…

– Даже Бог не может предвидеть все. Слишком много переменных, – Лаккетт снова закашлялся. – Но не стоит беспокоиться. Мы предусмотрели варианты, которые не могли предусмотреть…

Через открытую дверь – по коридору, сквозь узкие высокие окна и запертые ворота, стеклянные панели, выходившие в сад и пустыню, – донесся слабый свист. С доплер-сдвигом. Приглушенный стук какого-то удара поблизости.

– Зачистка пошла, – невозмутимо заметил Лаккетт. – Сейчас-то уже какой смысл скрываться?

Брюкс понурился, уткнувшись лбом в руки.

– Не беспокойся, старина. Еще не все кончено, по крайней мере, для тебя. Логово Джима ждет!

Дэн поднял глаза:

– Джим… но…

– Я тебе говорил, все идет по плану. – Спазмы волнами прошли по телу послушника. – Иди.

Потом Брюкс услышал еще один звук – глубокий, грохочущий, поглотивший и кашель изувеченных, и свистящий ор входящего паралича. Он почувствовал вибрацию огромных лопастей, раскручивавшихся глубоко под землей, и услышал глухое шипение пара, введенного в шахты. Растущий барабанный бой чудовища; стихии, рвущей собственные цепи.

– Это больше похоже на план, – пробормотал Брюкс.

* * *

Мур был в своем бункере, но разворачивающимся шоу не управлял. На смарткраске не мигали контрольные панели; никаких бегунков, шкал или кнопок. Все дисплеи работали в одну сторону. Где-то в другом месте Двухпалатники запускали двигатель, а Мур наблюдал, сидя в блиндаже.

При появлении Брюкса он обернулся:

– Они закрепились.

– Какая разница? Мы все равно порвем их в клочья.

Солдат повернулся к стене и покачал головой.

– В чем проблема? Они слишком далеко?

– Мы не сражаемся.

– Не сражаемся? Ты видел, что они с нами сделали?

– Видел.

– Там все мертвы или на пути к праотцам!

– Мы не мертвы.

– Это да, – нервы угрожающе пели в пальцах Брюкса. – И сколько мы протянем?

– Достаточно. Заразу подогнали специально под Двухпалатников. У нас времени гораздо больше. – Мур нахмурился. – Такую штуку в поле не сделаешь и за ночь не выведешь. Они давно это спланировали.

– Они даже предупредительный выстрел не сделали, суки! И не попытались вступить в переговоры.

– Они боятся.

– Это они боятся?

– Думают, что, предупредив нас заранее, попадут в невыгодное положение. Они не знают, на что мы способны.

– Может, пришло время показать им?

Мур развернулся и посмотрел Дэну прямо в глаза:

– Похоже, ты не знаком с философией Двухпалатников. Она, по большей части, ненасильственна.

– Пока ты, Лаккетт, и ваши приятели обсуждаете философские тонкости всеобщего пацифизма, мы тут все без всякого насилия сыграем в ящик. – «Приятели». – А Лианна…

– С ней все в порядке.

– Никто из нас не в порядке. – Брюкс пошел к лестнице. Вдруг он успеет найти синтета, прежде чем обрушится потолок. Или обнаружит какой-нибудь чулан и спрячется.

Рука Мура сомкнулась на плече и развернула Дэна, словно тот был сделан из пробки.

– Мы не станем атаковать этих людей, – спокойно произнес солдат. – Мы не знаем, несут ли они за это ответственность.

– Ты только что сказал: они все спланировали, – прохрипел Брюкс. – Просто ждали повода. Ты сам видел, как они готовятся к наступлению. Насколько я знаю, ты слышал переговоры по рации и как эти уроды отдавали приказы. Сам все знаешь!

– Это неважно. Даже если бы мы сидели в их командном центре. Даже если бы разобрали их мозги по синапсам и проследили каждый нейрон, который привел к отмашке. Мы бы все равно не узнали наверняка.

– Да пошел ты! Не стану я под тебя прогибаться лишь потому, что ты решил попрыгать на старом аргументе про отсутствие

свободной воли.

– Этих людей могли использовать без их ведома. Они вполне могут рабски подчиняться имплантированной программе действий и в то же время клясться, что принимали решения исключительно по собственному желанию. Мы не станем убивать марионеток.

– Мур, они – не зомби.

– Это совершенно другой вид.

– Они убивают нас!

– Тебе придется мне поверить. Или, – Мур склонил голову набок, явно насмехаясь, – мы можем оставить тебя здесь: обсудишь вопрос с ними лично.

– Оставить…

– Мы сматываемся. Зачем, по-твоему, Двухпалатники разогревают двигатель?

* * *

Кто-то закатил огромный футбольный мяч на огороженный луг. С десяток упавших монахов дергались с открытыми глазами и сведенными мускулами вокруг геодезической сферы примерно четырех метров в диаметре из сцепленных объемных пятиугольников. Многогранник размером с дверь свисал с ее поверхности оторванным ногтем.

Что-то вроде спасательной шлюпки. Двигателей не видно. По крайней мере на корпусе. А высоко над стенами ревела и вращалась воронка, как разгневанный реактивный мотор. Брюкс запрокинул голову, пытаясь разглядеть вершину торнадо, сглотнул и… посмотрел снова. Что-то прочертило дугу в небе над монастырем.

– Залезай, – Мур толкнул его под локоть. – Времени мало.

«Разумеется, они все знают. У них же спутники и микродроны. Они видят сквозь стены каждое наше действие, могут все на хрен разнести…»

– Ракета… – каркнул Брюкс.

Там, куда он ткнул пальцем, небо раскололось.

Инверсионный след остановился прямо в воздухе; траекторию ампутировали прямо по реактивной струе, на конце которой расцвело новое солнце – ослепительная точка, маленькая и непостижимо яркая. Брюкс не до конца понял, что именно увидел в ту застланную вспышкой долю секунды. Огромная мерцающая дыра разверзлась в утреннем небе, и массивный кусок купола отслоился, будто Господь приоткрыл крышку своего

террариума. Небо сморщилось: завитки перистых облаков рассыпались мириадами осколков; темно-синее бесконечное пространство сверкало острыми гранями фасет; половина неба сложилась безумным оригами. Дыра схлопнулась, оставив после себя другое небо, безмятежное и лишенное шрамов.

Громовой раскат расколол череп Брюкса, как нож для колки льда ледяную толщу. Под действием огромной силы Дэн оторвался от земли, бесконечную секунду висел в воздухе, а потом рухнул обратно на траву. Кто-то толкнул его сзади. Дэн повернулся: губы Мура двигались, но расслышать удалось лишь тоненький писк, заполнивший весь мир. За плечом полковника, над бастионами монастыря, с неба падали обугленные кости какого-то огромного человечка из палок. Его пустая кожа обрывками летела вбок, густые потоки блесток всасывало скованное торнадо. Смерчевой двигатель, казалось, набрался сил после такой еды: стал толще, быстрее, темнее.

Невидимый корабль Валери. Брюкс совсем забыл о нем. Сто тысяч кубических метров высокого вакуума прямо на пути входящей ракеты разорвались при столкновении и засосали каскады пустынного воздуха в пустоту.

Мур толкнул Дэна к сфере. Тот неуверенно забрался в темноту, паутину, сплетенную невиданным чудовищным пауком. Внутри уже висело немало жертв – спутанных, еле различимых силуэтов. Все покачивались в коконах, сплетенных из широких и плоских волокон, хаотично растянутых по внутреннему пространству конструкции.

– Двигай, – проревел высокий голосок, прорвавшийся сквозь хор звенящих камертонов. Брюкс схватил удобно подвернувшуюся под руку паутину так крепко, как позволяли искры в пальцах, и втянул себя внутрь. Повернулся и чуть не отпрыгнул при виде одного из зомби Валери, висевшего в сетке вверх ногами, как запутавшаяся летучая мышь; его глаза по-прежнему дрожали. Дэн дернул рукой, но та прилипла, словно он был гекконом. С трудом освободился и полез дальше, прочь от этих лихорадочных глаз и безжизненного лица.

Еще одно, уже не такое мертвое, висело во мраке позади телохранителя. Брюкс, зрачки которого еще не расширились после утреннего солнца, не видел деталей. Но чувствовал, как тело наблюдает за ним, хищную скрытую улыбку. Он не останавливался. Клейкие полосы обнимали его при каждом прикосновении и нежно отслаивались, стоило высвободиться.

– Выбирай любое свободное место, – сказал Мур, карабкаясь следом. Звон в ушах Брюкса начал затихать, словно его вбирало омерзительное чрево и помет из уродов и монстров. –

Устраивайся подальше от стен: они мягкие, но поездка будет не из легких.

Люк встал на место последним элементом головоломки и заварил их внутри, отрезав скудный свет, пробивавшийся снаружи. Вокруг сразу стало тесно и душно, как в крохотном неподвижном пузыре на дне моря. Тьма дышала невидимыми ртами, тихим клаустрофобным хором, все звуки приглушал воздух, тяжелый как цемент.

Шепот вентиляции и вздохов пассажиров мешались друг с другом. Брюкс щекой чувствовал слабое дуновение несвежего ветерка, из обитых мягким материалом фасет стены лилось мутное красное сияние. Двухпалатники загораживали свет со всех сторон. Кто-то раскинулся орлом, кто-то съежился мячом, а чьи-то силуэты напоминали сухие крендельки, говорившие то ли о сверхчеловеческой гибкости, то ли о переломанных костях.

В корабле висело двенадцать монахов. Доисторическая психопатка со свитой безмозглых машин для убийства. Два человека-исходника. Все болтались в гигантской паутинной утробе и ждали, пока незримая армия не раздавит их, как жуков.

Все это – часть плана.

Брюкс пошевелился и выяснил, что когда он перестал карабкаться, волокна уплотнились. Теперь получалось лишь извиваться подобно рыбе на крючке, поднять руку и почесать нос. Больше ничего.

Хоть глаза уже привыкли к длинным волнам света. Лицо наверху пришло в фокус, порадовав знакомыми чертами:

– Лианна? Лианна, ты…

Но здесь было лишь ее тело. Пальцы постукивали по виску с ритмом, выдающим человека, настроенного на отдаленную реальность.

– Все нормально, – раздался тихий голос Мура откуда-то поблизости. – Она говорит с нашей попуткой.

– И это все? Двадцать человек? – он глотнул воздуха, который по-прежнему был на удивление спертым, несмотря на все старания местной системы жизнеобеспечения.

– Этого достаточно.

Брюкс едва мог перевести дыхание. Отсек шипел, вентиляция старалась изо всех сил, в лицо дуло, но воздух не мог наполнить легкие.

Дэн почувствовал, что назревает паника:

– Кажется… что-то не так с кондиционером.

– С воздухом все в порядке. Расслабься.

– Нет, он…

Что-то сильно ударило Брюкса в бок. Неожиданно верх

оказался сбоку, а бок – внизу. Кровь прилила к голове. Великан встал ему на грудь. И так было душно, а стало еще хуже: смрад тухлых яиц заполнил пазухи, точно цунами.

«Боже ты мой», – подумал Дэн. Худшего времени для пердежа не придумаешь. В иных обстоятельствах это было бы смешно, а сейчас он начал давиться, лишенный и без того скудных запасов кислорода.

– Поехали, – пробормотал Мур из-за спины. Снизу. Сверху.

Дэн находился будто во сне.

Паутина накренилась. Тела одновременно дернулись в одну сторону и маятниками качнулись обратно, провернувшись вокруг произвольного и неизвестного центра притяжения; ускорялись сразу в десяти направлениях. В голове Брюкса ревела Ниагара.

– Не могу… дышать…

– А ты и не должен. Смирись.

– Что…

– Изофлуран. Сульфид водорода.

Глаза заволокло вихрем статических помех. Двадцать тел, едва различимые в водовороте, как одно бросились к незаметной точке с дальней стороны отсека. Они стремились к ней с неизбежностью полета железных опилок к циклотрону; эластичные путы растянулись чуть ли не до разрыва.

«Вот и все, – мелькнуло в голове Брюкса, когда зрение отказало окончательно. – Вот и все… Последний сознательный опыт. Наслаждайся, пока можешь».

Паразит

Неотъемлемую греховность такого подхода наилучшим образом продемонстрировал так называемый Разум Мокши, созданный Восточным дхармическим союзом. Его попытки модернизировать собственную веру, приняв технологию, запрещенную (и совершенно справедливо) на Западе, привели к появлению роя, буквально уничтожающего души. Он погрузил миллионы людей в состояние, которое можно квалифицировать как глубокую кататонию. (Тот факт, что именно его все дхармические религии искали тысячелетиями, не делает их веру менее трагической.) В свою очередь, из-за безрассудного использования технологий межмозгового интерфейса для «связи» с разумом столь чуждых созданий, как кошки или осьминоги – практика, едва ли ограниченная Востоком, – множество людей получили невосполнимый психологический ущерб.

С другой стороны, перед лицом вызовов современности мы можем поддаться искушению и отвернуться от мира во всей его полноте. Подобное отступление не только идет вразрез с библейским наставлением «научить все народы», но может привести к плачевным последствиям. Гиланд [257] *«Искупитель» – яркое подтверждение последнего тезиса. Прошел уже год с момента разрыва союза между южными и центральными баптистами, а последний контакт с какой-либо из сторон конфликта был установлен три месяца назад. (Мы не можем спуститься на гиланд – по любому транспорту, приближающемуся на расстояние двух километров к «Искупителю» открывают огонь, – но, судя по данным удаленного видеонаблюдения, уже с 28 марта на острове не фиксируется какой-либо человеческой активности. ООН полагает, что огонь ведется автоматически, и объявило «Искупитель» закрытой зоной, пока оборонительные системы не исчерпают боезапас.)*

«Враг внутри: Двухпалатная угроза институциональной религии в XXI веке» (внутренний доклад Папской академии наук Святейшему престолу, 2093)

> Я мог бы замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.
>
> *Уильям Шекспир*[258]

Он проснулся от криков и серого размытого света, толчка в бок и боли, разрядом пронзившей ногу, словно электрическое копье. Он закричал, но голос потерялся в царившей вокруг какофонии, звуках растягивающегося металла – массивных костей из сплава, ломающихся в непривычных местах сгиба. С гравитацией творились чудеса. Он лежал на спине, но его тянуло вбок, ногами вперед сквозь прозрачный резиновый амнион, обволакивавший все тело. За пленкой маячили и перемещались какие-то смутные формы. Внизу, чуть ли не на инфразвуке стонал мир, как раненый кит-горбач, по спирали уходящий на дно. Сирены вопили на повышенных тонах.

«Я в мешке для трупов, – запаниковал Брюкс. – Они думают, я умер.

Может, так и есть…»

В лодыжке поселилась мучительная боль. Дэн поднял руки, и слабые эластичные путы начали сопротивляться. Все вены и артерии оказались снаружи и цеплялись к коже. «Нет, не артерии. Миоэлектрические мускулы…»

Мир дернулся вниз и вбок. Уставший металл замолк; в отсутствие соперника сирены заблеяли еще громче. Что-то ткнулось в Брюкса сквозь мешок, прямо под коленом. Боль исчезла.

Размытая тень склонилась над ним.

– Спокойно, солдат. Я тебя вытащу.

Мур.

Мембрана разделилась открывшимся глазом. Полковник стоял прямо над ним, на тридцать градусов отклонившись от нормальной траектории, в мире, стремительно катящемся вниз. Мирок, правда, был крошечный: цилиндрический пузырь пяти метров в диаметре и где-то наполовину меньше по высоте. Пол и стены накренились под безумным углом. По центру конструкции бежало нечто, напоминавшее проволочный спинной мозг. («Лестница», – с трудом понял Брюкс; в этом мире существовали чердак и подвал.) Башни из пластиковых кубов с метровыми гранями – белые, свинцовые и темно-прозрачные (смутные тени предметов напоминали внутренние органы) – маячили со всех сторон, будто вертикальные камни, прилепленные друг к другу. Парочка рассыпалась, и теперь их осколки неровной кучей лежали в нижней части помещения. Гравитация подталкивала Брюкса присоединиться к ним; если бы мешок не крепился к койке, он уже давно соскользнул бы.

Мур нажал на какие-то кнопки, которых Брюкс не видел, и сирены, к счастью, замолкли.

– Ты как, держишься? – спросил солдат.

– Я… – Дэн потряс головой, пытаясь прочистить мозги. – Что происходит?

– Ось, наверное, искривилась, – Мур протянул руку вниз и вбок и что-то отлепил от головы Брюкса (второй пленчатый скальп, утыканный сетью крошечных наростов). – В тебя попал отлетевший куб и сломал лодыжку. Мы все вылечим, нужно только выбраться отсюда.

На стенах виднелась трава – голубовато-зеленые полосы метровой ширины бежали от пола до потолка, перемежаясь трубами, решетками и вогнутыми панелями обслуживания, уродовавшими остальную переборку. («Разогнанный фикоцианин», – пришла откуда-то мысль.) Смарткраска светилась на любой поверхности, не отданной на откуп фотосинтезу. Койка свешивалась из выемки в стене, а рядом поблескивали работающие графики, докладывающие о состоянии объекта внутри.

– Мы на орбите, – понял Брюкс.

Мур кивнул.

– Они… в нас попали…

Полковник слабо улыбнулся:

– Кто конкретно?

– Нас атаковали…

– Это было давно. На Земле.

– Тогда… – Дэн сглотнул. В ушах раздался хлопок. Раньше он никогда не был в космосе, но обстановку узнал: осевой двухуровневый модуль, встречавшийся на всех мертвых спутниках от околоземной до геосинхронной орбит. Чтобы сымитировать гравитацию, их раскручивали вокруг центральной оси. Но та обычно шла перпендикулярно палубе, а не…

Брюкс старался не паниковать:

– Что происходит?

– Метеоритный удар или дефект в структуре, – Мур пожал плечами. – А может, нас похитили пришельцы. Откуда мне знать? Когда нет надежных данных, возможно все.

– Ты не…

– Я сейчас так же слеп, как и ты, Брюкс. Нет ни КонСенсуса, ни внутренней связи. Линия получила повреждение, когда изогнулась ось. Я смогу выйти на связь, когда кто-нибудь усилит сигнал в верхнем узле, но подозреваю, у них там сейчас есть дела поважнее. – Полковник положил руку Брюксу на плечо. – Успокойся. Помощь уже в пути. Разве не чувствуешь?

– Я… – Брюкс засомневался, поднял одну, резиновую на ощупь, руку. Отпустил; та упала вниз и вбок. Кажется, сейчас она весила чуть меньше, чем раньше.

– Они вырубили центрифугу, – подтвердил Мур. – Мы постепенно перестаем вращаться. Значит, остальная часть корабля более-менее в порядке.

У Брюкса опять затрещало в ушах:

– А мы – нет. Кажется, где-то утечка воздуха.

– Ты заметил.

– Мы не должны ее залатать?

– Сначала надо ее найти. Сделаем так: я буду двигать груз, а ты разбирать переборки.

– Но…

– Или мы можем спуститься вниз, надеть скафандры и убраться отсюда, – Мур разрезал кокон Дэна до конца и поддержал доктора за руку, пока тот садился. – Идти можешь?

Брюкс спустил ноги с койки, пытаясь не обращать внимания на еле заметное давление, растущее в мозгу. Он схватился за край кровати, чтобы не улететь вниз по косой палубе. Миоэлектрические татуировки покрывали обнаженное тело, напоминая убогий экзоскелет. Они шли вдоль костей рук и ног, раздваивались по пальцам – Дэн поднял правую ногу; левая бесчувственно свисала в районе лодыжки, напоминая комок глины, – и уходили на пятку, змеились по ступням. Любое движение вызывало резиновое сопротивление, а любой жест был упражнением на выносливость.

Изометрический миостимулятор. Такой иногда использовали на Небесах, чтобы «вознесшиеся» не превращались в дряблые эмбрионы. Иногда их применяли во время экспедиций в глубокий космос (те, правда, отправляли все реже), чтобы помочь в арьергардной битве с укорачивающимися сухожилиями и атрофией мускулов во время гибернации.

Мур помог Брюксу встать, подставив себя как костыль. Дэн неуверенно покачивался на здоровой ноге, ухватившись рукой за плечи полковника. Все было не так плохо, как казалось. Псевдогравитация тянула в неправильном направлении, но слабо и постепенно теряла силы.

– Что мы тут делаем? – Прыжок – шаг – опора. Мягкий багровый свет, пульсируя, вырывался из дыры в потолке, откуда выходила лестница, пятная полосами прилежащую переборку.

– Пробираемся в безопасную зону.

– Нет, я имею в виду… – Брюкс махнул свободной рукой на контейнеры, громоздившиеся со всех сторон. – Почему я в трюме?

– Трюм на корме. А это мы используем под избытки.

Ступеньки цвета сыромятной кожи были гладкими, как пластик; похоже, сделаны из эластичного полимера, который оставался упругим независимо от длины. Дэн схватился за

перекладину, посмотрел на потолок и увидел источник кровавого сияния: герметично задраенный аварийный люк сверкал предупреждением для всех, кто решился бы пройти через него: «РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ».

– Я хочу сказать… – Брюкс заглянул в дыру, зиявшую в полу; там оказалось еще больше метакубов и каких-то мелких контейнеров, скрепленных воедино. – Почему я очнулся в подвале?

– Ты вообще не должен был проснуться: мы погрузили тебя в терапевтическую кому.

Дэн вспомнил, как с него снимали скальп, утыканный электродами.

– Тебе повезло, что я оказался поблизости, когда все пошло насмарку, – подытожил Мур.

– Хотите сказать, что вы запихали меня на склад вместе с…

Ось гравитации дернулась и сместилась вбок; внутреннее ухо Брюкса так и не разобралось, куда именно. Неожиданно лестница скользнула по диагонали, и он провалился сквозь пол (край люка больно впился в ребра). При земном притяжении огромные блоки сломали бы Дэну позвоночник, а здесь лишь согнули и отбросили человека обратно в пространство.

Мур поймал его на отскоке:

– Так тоже можно добраться до цели.

Брюкс забился в его руках и оттолкнул прочь:

– А ну, убери руки! Отстань от меня, урод!

– Успокойся, сол…

– Я не солдат, скотина! – Дэн попытался встать в забитом помещении, но сломанная лодыжка провернулась под весом, будто привязанная резиновыми полосами. – Я паразитолог, спокойно сидел в чертовой пустыне и занимался своим делом. Я вообще не хотел лезть в ваши разборки, не хотел лететь на орбиту. И совершенно точно не хотел, чтобы меня складировали в подвале, точно коробку с рождественскими украшениями!

Мур подождал, пока Брюкс выдохнется:

– Ты закончил?

Тот по-прежнему ярился и сверкал глазами. Солдат принял его молчание за утвердительный ответ и сухо продолжил:

– Я извиняюсь за причиненные неудобства. Как только все успокоится, можем связаться с твоей женой. Скажешь ей, что задержишься на работе.

Брюкс закрыл глаза и сквозь зубы ответил:

– Я не говорил со своей женой несколько лет.

«С настоящей, по крайней мере».

– Да ну, – Мур притворился, что не уловил намек. – А почему

нет?

– Она на Небесах.

Полковник хмыкнул и произнес более спокойно:

– Моя тоже.

Брюкс закатил глаза. В ушах опять затрещало:

– Мир тесен. Мы будем отсюда выбираться или подождем, пока кровь в жилах закипит?

– Пошли, – сказал Мур.

Наверху, в накренившемся пейзаже из грузовых кубов, по бокам овального воздушного шлюза виднелись альковы в человеческий рост – по два с каждой стороны. Там висели скафандры, похожие на освежеванные серебряные шкуры; на месте их удерживали грузоподъемные стропы. На сгибах локтей и в коленях ткань костюмов слегка вздымалась. Мур помог Брюксу пройти по наклоненной палубе и передал ему свободную стропу, чтобы держаться; отстегнул скафандр из левого алькова. Костюм сразу осел в руках солдата, уйдя вбок.

По щеке Брюкса пронеслось дуновение ветерка. Мур протянул ему костюм: вспоротый от промежности до шеи разрезанный экзоскелет, сброшенный предыдущим владельцем. Дэн встал под углом, слегка подпрыгивая на здоровой ноге, и позволил полковнику засунуть сломанную в штанину. Помогла низкая гравитация: сейчас Брюкс весил от силы килограммов десять и чувствовал себя куколкой-переростком, которая вдруг передумала и решила вернуться в кокон.

По тыльной стороне свободной руки поползли мурашки. Брюкс поднес ее к глазам и осмотрел кроваво-коричневую сетку эластичных волокон, раскинувшуюся на коже.

– Почему…

– Зачем она ушла на Небеса? – спросил Мур, сильно дернув Дэна за раненую ногу, чтобы вставить ступню в ботинок. Кусочки костей терлись друг о друга – большеберцовая пронесла вибрацию мимо нервного блока, установленного полковником, но больно не было. Однако Брюкс все равно скорчил гримасу.

– Э, что?

– Твоя жена. – С правой ногой пришлось повозиться, так как опереться на левую не удалось. Мур снова подставил себя вместо костыля. – Зачем она на Небесах?

– Странная формулировка вопроса, – заметил Дэн.

«Меня уже тошнит, все достало, – сказала она однажды, глядя в окно. – Они живые, Дэн. Разумные».

Мур пожал плечами:

– Все бегут от чего-то.

«Они же просто системы, – напомнил он ей. –

Сконструированные системы».

«Мы тоже».

Брюкс не спорил: жена и так все знала. Никто из них не был сконструирован, если не считать естественный отбор неким дизайнером, и у обоих хватало мозгов не предаваться столь неряшливому образу мыслей. Рона не хотела спорить: время словесных турниров, воодушевлявших их многие годы, давно прошло. Сейчас ей хотелось одного – остаться наедине с собой.

– Она… ушла в отставку, – ответил Дэн, когда правая нога аккуратно скользнула в ботинок.

– Откуда?

Брюкс всегда уважал желания жены. Не тревожил, когда она, лоботомизировав свою последнюю жертву, подала запрос на увольнение. Он так хотел достучаться до нее, когда она стала смотреть на Небеса. Сделал бы, что угодно, только бы удержать на своей стороне жизни, но тогда уже дело было не в том, чего хотел он сам. Поэтому Дэн не тревожил ее, даже когда она сдала собственный мозг в аренду, чтобы оплатить пребывание в Коллективном сознательном, и ушла из внешнего мира во внутренний. Хоть ссылку оставила: он всегда мог поговорить с ней там, на дальнем берегу Стикса. Всегда выполнял ее обязательства, но знал, что сделать ничего сверх того не в состоянии. Поэтому, когда жена перестала убивать искусственные системы и стала одной из них, оставил ее.

– Она ликвидировала облака, – ответил наконец Брюкс.

Мур снова хмыкнул, а затем, помогая Дэну вдеть руки в рукава, заметил:

– Надеюсь, не слишком ревностно.

– Почему?

– Скажем так: не каждый распределенный ИИ независим, и не каждый независимый неконтролируем. – Полковник передал перчатки. – Мы это не афишируем, но порой лучшие убийцы облаков выбирают цели, которые мы не одобрили бы.

У Брюкса вдруг пересохло в горле, он с трудом сглотнул:

– Самое поганое, что она соглашалась с ними. С идиотами, ратующими за права ИскИнов, я имею в виду. И уволилась лишь потому, что устала убивать разумные создания, чья единственная вина заключалась в том, что… – Как она говорила? – они росли слишком быстро.

Костюм застегнулся, перчатки со щелчком встали на место. Сильный рывок за воротный шнур, и скафандр закорчился вокруг Дэна, натянулся, из вялого и дряблого став плотно облегающим за несколько неприятных секунд. Мур передал ему шлем:

– Установи его визором на три часа и поверни против часовой

стрелки до щелчка. Визор не закрывай, пока я не скажу.

– Не шутишь? – У Брюкса начала кружиться голова. – Воздух довольно… разреженный.

– Еще уйма времени. – Полковник схватил со стены второй костюм. – Я не хочу, чтобы пострадал твой слух.

Он оттолкнулся от палубы, прижал колени к груди и обеими руками распахнул скафандр. Одним ловким движением вбил в него ноги до самой палубы и застегнулся до поясницы, покачнувшись.

– Значит, она не боялась ИскИнов, обладающих сознанием? – Мур вдел руки в рукава. – А умом?

– Ты о чем?

– Умных ИскИнов, – он со щелчком поставил шлем на место. – Их она боялась?

Брюкс глотнул масляного высокогорного воздуха и постарался сосредоточиться. Умных, значит… Тех, что преодолели порог минимальной сложности, за которым сети начинали просыпаться; тех, что миновали «границу разумности», после которой самосознание растворялось в обширных пределах разросшихся сетей, в задержках сигнала, низводивших симфонию до помех. Тех, что устремились вверх, туда, где ум продолжал расти, оставляя свое «я» позади.

– Об этих… она немного беспокоилась, – признал он, стараясь не обращать внимания на слабый гул в ушах.

– Мудрая женщина, – голос полковника стал странно высоким. Он наклонился, проверил клапаны и пазы в скафандре Брюкса с точной, механической, эффективностью, кивнул.

– Ладно, закрывай визор, – скомандовал он и сам последовал своему приказу.

Громкое шипение поглотило тихое; благословенный поток свежего воздуха мягко омыл лицо Брюкса. Загадочная мозаика иконок и аббревиатур с мерцанием ожила на стекле.

Шлем Мура столкнулся с его, и голос полковника зажужжал в отдалении через самодельную связь:

– Интерфейс саккадный. Дерево связи наверху слева.

Там сразу замигала янтарная звезда: стук в дверь. Брюкс сфокусировал на ней взгляд и принял сигнал.

– Так-то лучше, – голос полковника раздался будто внутри шлема.

– Давай убираться отсюда, – предложил Брюкс.

Мур протянул вперед руку и позволил ей упасть.

– Еще рано. Подождем одну-две минуты.

Снаружи шлема воздух – или, скорее, его недостаток – каким-то образом затвердел. За скудной атмосферой и двумя слоями

выпуклого хрусталя лицо Джима Мура казалось спокойным и загадочным.

– А что насчет твоей? – спросил Брюкс, помедлив.

– Кого моей?

– Жены. Она там… зачем?

– Да. Хелен, – полковник, казалось, нахмурился, но это прошло менее, чем за секунду, и прежде чем Дэн успел пожалеть о вопросе. – Она просто… устала, я так думаю. Или испугалась. – Мур на мгновение опустил глаза. – XXI век не для каждого.

– Когда она вознеслась?

– Почти четырнадцать лет назад.

– Огнепад. – От него многие люди сбежали на Небеса. Многие «вознесшиеся» даже вернулись обратно.

Но Мур покачал головой:

– Нет, до него. Буквально за несколько минут. Мы с ней попрощались, вышли наружу, и я взглянул на небо…

– Может, она что-то знала?

Полковник слабо улыбнулся и протянул вперед руку. Та медленно ушла в сторону, легкая, как перышко.

– Почти…

Ось гравитации опять дернулась. Кубы и коробки качались и дрожали от взаимного притяжения; свободные контейнеры отрывались от палубы и отлетали от стен в тяжеловесном балете. Брюкс и Мур, привязанные к стропам, плавали в пространстве, как морские водоросли.

– Пора, – полковник повернул внутренний люк. Дэн подтянулся следом.

– Джим.

– Я здесь, – полковник потянул защелку на пружине, выступавшую из маленького диска на поясе. За ней развернулась яркая нить.

– Как ты сам здесь оказался? Когда все пошло насмарку?

– Патрулировал, – он закрепил пряжку на планке брюксовского экзоскелета. – Обходил периметр.

– Что?

– Ты все слышал.

Внутренний люк захлопнулся за ними.

Пока Мур разгерметизировал шлюз, Брюкс дернул за нить, невероятно тонкую и прочную. Поводок из сконструированной паутины.

– У тебя прямое включение в КонСенсус прямо в голове, – заметил Дэн. – Ты можешь увидеть любое место в сети, не вставая с туалета, и все равно обходишь периметр?

– Дважды в день. Уже тридцать лет. Будь благодарен за то,

что я не бросил эту привычку. – Рукой в перчатке он сделал еле заметный жест в сторону внешнего люка. – Пойдем?

«Мур – настоящий ветеран.

Я жив благодаря тебе. Потерял сознание внутри торнадо и проснулся с раздробленной лодыжкой на космической станции, которой кто-то сломал хребет. Ты затащил меня в эту чертовщину, заставил болтать о жене, и я почти не заметил, как воздух вокруг исчез.

Спорим, ты никогда бы не сказал, насколько близко мы находились от смерти, да? Это не в твоем стиле. Ты был слишком занят, отвлекая меня, чтобы я окончательно не потерял голову от паники, пока ты меня спасаешь».

– Спасибо, – тихо произнес Брюкс, но даже если Мур, выстукивавший какое-то заклинание на интерфейсе переборки, услышал его, то вида не подал.

Внешний шлюз раскрылся зрачком. За ним ждала огромная и великая вселенная.

И в этот момент масштаб благонамеренной лжи Джима Мура раскинулся перед ними во всей своей наготе.

* * *

– Добро пожаловать на «Терновый венец», – произнес Мур с другого конца вселенной.

Солнце было слишком большим и ослепительным: Брюкс увидел это, когда открылся шлюз, за секунду до того, как поляризующий диск расцвел на смотровом щитке – четко по линии взгляда, срезав яркость. «Разумеется, – подумал Дэн, – атмосферы нет». На орбите все должно было быть ярче.

А потом он вывалился следом за Муром и принялся невесомо кружить у перекошенного центра тяжести; вокруг вращались звезды и какие-то огромные конструкции.

Земля исчезла.

Это была неправда; не могло быть правдой: Земля существовала где-то там, среди миллиарда ярких осколков, раздиравших небеса со всех сторон. Они напоминали немигающие пиксели с нулевыми измерениями, ни один и близко не подобрался к тому, чтобы обрести реальную форму.

Здесь некуда падать.

Дыхание скрежетом отдавалось в ушах, быстрое, как удары сердца.

– Ты же говорил, мы на орбите.

– Да, но не Земли.

Корабль – тот самый «Терновый венец» – раскинулся перед Брюксом, словно кости чудовища; корабль размером с целый город. Сломанная ось висела прямо впереди путаницей балок и труб, залитой мерцающим сиянием с острыми гранями: кусками фольги, кристаллами замерзшей жидкости, крохотными сюрикенами металла, которым было некуда лететь. В этой мозаике из света и тени двигались какие-то существа. На обломках копошились стальные пауки, заваривая пробоины раскаленными мандибулами и раскидывая паутины, чтобы сшить разрозненные куски. По металлическому пейзажу волнами расходились искрящиеся звезды.

Не погнутая и не скрученная. Сломанная и начисто оторванная. Брюкс в ужасе увидел тонкий серебряный кабель диаметром едва ли с человеческий палец: одинокое, чудом уцелевшее сухожилие выходило из ампутированного обрубка и через вакуум тянулось к массивному, похожему на бочку обитаемому отсеку с другой стороны. Если бы не эта хрупкая нить…

– Ты же обо всем знал? – Дэн тяжело дышал. – Все это время был в КонСенсусе…

Мур отцепился от поручня, не обращая внимания на миллиарды световых лет, раскинувшихся под ногами.

– Мой опыт говорит, что о таких ситуациях людям лучше рассказывать постепенно.

– Это вне моей компе… комп… – Язык распух во рту. Брюкс словно не мог перевести дыхание. Верха не было, низа тоже.

– У меня воздух…

Что-то ударило его в подошвы ботинок; невероятно, но низ вдруг встал на место. Мур оказался прямо перед Дэном, положил руки ему на плечи и крепко сжал:

– Все хорошо. Все нормально. Закрой глаза.

Брюкс крепко зажмурился.

– У тебя гипервентиляция, – раздался голос полковника из тьмы. – Костюм сейчас уменьшит содержание смеси, прежде чем возникнет риск обморока. Ты в полной безопасности.

Дэн едва не расхохотался и с трудом выдавил:

– Ты прямо как тот мальчик… только кричишь не «Волки!», а «Все в порядке».

– Похоже, тебе уже лучше, – заметил Мур.

Дэну действительно полегчало.

– Попробуй открыть глаза. Смотри на корабль, а не на звезды. Не торопись: освойся, сориентируйся.

Брюкс чуть приоткрыл глаза. Снаружи мгновенно хлынул вакуум и головокружение.

«Смотри на корабль».

Хорошо, корабль.

Начнем с оси. Разрезанная, прижженная, одна из… шести (остальные, похоже, были не повреждены). Они расходились кругом от сферического модуля, напоминая скелет убогого велосипедного колеса: никакого обода, лишь жестяная банка на конце каждой спицы. Еще несколько минут назад эти отсеки вращались вокруг главного, как камни на нитях, а теперь лишь безжизненно парили на месте. Конструкция поменьше – массивная берцовая кость, пронзенная главным хребтом ровно посередине, – неподвижно висела перед Центральным узлом. (Скорее всего, маховик противовращения для нейтрализации закручивания.)

Все эти полые трубки были длиной, по меньшей мере, метров пятьдесят. Все сооружение напоминало безумное колесо обозрения, растянувшееся от края до края на сотни метров.

Однако по сравнению со стеной металла, возвышавшейся позади, оно больше напоминало хлипкую сборку из палочек и прутьев. Двигатель! Если смотреть точно по прямой, он походил на диск: целая равнина, поставленная набок; абстрактная топография жестких граней из хребтов, впадин и прямых углов. Но отсюда, с израненной границы, Брюкс видел всю массу, которая сгрудилась позади переднего края, и она больше походила не на диск, а на пробу грунта, изъятую с искусственной луны. Бороздчатые поверхности осадочных утесов, высеченных из металла; чудовищные шишковатые артерии, извивающиеся на корпусе, будто сшитом из лоскутов, несущие топливо или охладитель. Арка отдаленного сопла выступала над стальным горизонтом, как серый рассвет.

Прямо по центру двигателя расположилась цилиндрическая башня. Наверное, грузовой трюм. Хребет «Венца» выходил из ее вершины, как побег из пня огромной секвойи. Вся эта структура – центральный модуль и секции вокруг него, маховик и полукруглый узел на носу, топорщившийся антеннами, – в тени двигателя не имела никакого значения. Несколько хрупких прутиков, где мясо могло дышать, сбившись в кучу. Блохи, вцепившиеся в спину плененного солнца.

– Эта штука огромная, – прошептал Брюкс Муру. Но того уже не было рядом: раскинув руки, он летел сквозь пропасть между висящим на волоске отсеком и обрезанной осью. Полковник променял его на армию пауков.

Что-то дернуло Дэна за поводок. Он обернулся, чувствуя, как холодный пот струйками змеится по спине, и увидел своего нового хозяина.

– Ты пойдешь со мной, – сказала Валери.

* * *

Она потащила Дэна сквозь пустоту, как наживку на крючке; так быстро, что его спинной мозг не успел среагировать. Прежде чем он решил схватиться за скобу – а перед этим оглядеться и найти ее, – они уже летели сквозь облака иззубренных блесток. Брюкс, кувыркаясь, падал вниз. Мимо пронеслись сорванные опоры, и, на удивление, ни одна не задела его костюм.

Он падал в колодец. «Не в колодец, а в ось. Сломанную ось». Видел, как над головой уменьшается ее рваная пасть. Рухнул на самое дно, тяжело приземлившись на спину; эластичная инерция постаралась подбросить его, но в грудь словно врезался сваебой и пригвоздил к полу. На краю поля зрения пульсировал кроваво-красный огонек. Дэн в панике принялся глотать воздух и повернул голову.

Сваебой тянулся из плеча Валери. Другой рукой она колдовала над пультом, встроенным во внешнюю створку шлюза, на которую они только что приземлились. По ее краям с двухсекундным интервалом вспыхивал багровый свет.

– Мур… – прохрипел Брюкс.

– Тратит на тебя слишком много времени, Мясо. Сейчас помогает с ремонтом.

В центре переборки раскрылся люк. Валери одной рукой швырнула Дэна внутрь. С другой стороны его что-то поймало, как в бейсбольную перчатку: упругая мембрана, растянутая между обручами эластичных ребер. Эту прозрачную кожу тут же начал всасывать вакуум, получился прочный конус, застывший между укреплениями.

Валери загерметизировала отсек. Крохотная палатка мгновенно сдулась, и ее поверхность расслабилась, как только выровнялся уклон.

Пальцы на левой руке Брюкса покалывало: он лишь сейчас понял, насколько крепко их сжал. Теперь с трудом разогнул и с вялым удивлением обнаружил, что в ладони парит кусочек шрапнели с закругленными краями. Металл оплавился и местами загустел будто свечной воск.

Наверное, Дэн машинально схватил осколок, пока летел.

Палатка распахнулась створками морской раковины. Она еще не успела полностью раскрыться, а Валери уже вытащила Брюкса и потянула за собой по озаренному бледным водянистым светом туннелю. По всей его длине в конвульсиях билась безголовая

коричневая «змея», чьи «кольца» шлепали по переборкам от беспорядочных всплесков энергии: эластичный провод толщиной с запястье Брюкса и небольшими повторяющимися ободками. На переборке мелькали ступени лестницы, расположенные на очень большом для обычного человека расстоянии. Время от времени перед глазами молниеносно проносились желто-черные предупредительные полосы, но разобрать, от чего именно они предостерегали, возможности не было. Брюкс выгнул шею и посмотрел вперед. За несколько секунд Валери успела поднять визор. В тени шлема ее лицо казалось серым, одни плоскости и углы, кости и никакой плоти.

Ось уткнулась в купол с пазом, напоминавшим один из древних телескопов, брошенных гнить на вершинах гор и холмов, когда астрономия перебазировалась в космос. Большую часть прорези загораживала муфта с другой стороны, но Дэн и Валери пролетели в оставшийся проем и оказались в пространстве между двумя концентрическими сферами: серебристым внутренним ядром, похожим на огромную ртутную каплю диаметром в три метра, и внешним панцирем, тусклым и ничего не отражавшим.

Что-то вроде решетки делило помещение внутри на полушария, соединяя кору и сердцевину по экватору. Валери потащила Брюкса вдоль чаши кормового полушария, мимо кубистского пейзажа из грузовых модулей и зияющей пасти туннеля на южном полюсе («Хребет корабля», – понял Дэн; тени и опоры каркаса исчезали в этой глотке), мимо шарнирных механизмов других осей, венчиком расположившихся вдоль всей границы отсека. Сквозь решетку Дэн краем глаза заметил движение – пока Валери тащила его навстречу неизвестной судьбе, в другом полушарии работал персонал, – но в следующую секунду они нырнули в одну из длинных костей «Венца». Поэтому слабый звенящий голосок, который он вроде услышал сквозь загерметизированный шлем – «Охренеть, таракан-то проснулся!» – вполне мог быть плодом воображения.

Очередное долгое падение; на сей раз их тащили. В этой оси «змея» оказалось нетронутой: движущаяся лента, до предела натянутая между двумя барабанами с каждой стороны. Валери по-прежнему держала Брюкса за запястье своей железной рукой, ладонь другой сомкнула на одном из колец («Поручни, скобы», – сообразил Дэн), торчащем из внешней ленты конвейера. Внутренняя поверхность ленты катилась в метре или двух слева, направляясь обратно в Главный узел. В обнадеживающей фантазии о неком параллельном мире Брюкс сумел освободиться, хватался за кольцо и улетал в другую сторону.

Еще одна конечная остановка – без шрапнели и обломков,

только резкий поворот и выступ вокруг открытого люка, украшенного чем-то наподобие таблички:

ТЕХОБСЛУЖИВАНИЕ И РЕМОНТ

Они наконец добрались до цели. Брюкс был свободен и парил в помещении, похожем на то, из которого только что сбежал: переборки, панели, генноспроектированные полосы фотосинтетической растительности. Похожие на гробы выпуклые силуэты на переборке – койки, вроде той, что служила ему постелью и задвигалась в стену, когда ее не использовали. Опять вездесущие кубы, собранные в стеллажи, достаточно высокие, чтобы превратить большую часть помещения в извилистую нору. Весь спектр цветов и буйство иконок. Некоторые Брюкс даже узнал: энергоинструменты, запасы материалов для фабрикатора, стилизованный посох Асклепия, означавший медпрепараты. Другие вполне могли нарисовать инопланетяне.

– Лови.

Он повернулся, вздрогнул и поднял руки, едва успев поймать плывшую к нему коробку. Судя по размерам и форме, в ней могла уместиться большая пицца или даже три, положенные одна на другую. Под крышкой, в выплавленных углублениях лежали сказеры, адгезивы и пузыри с синтетической кровью. Что-то вроде ободранного до основания набора для первой помощи.

– Чини.

Валери каким-то образом уже разделась до комбинезона, пришпилив скафандр к стене, словно смятый комок алюминиевой фольги. Вампирша вытянула левую руку запястьем кверху и закатала рукав. Ее предплечье слегка изгибалось где-то посередине. Даже у вампиров в этом месте нет суставов…

– Что… как это…

– Корабль разваливается. Всякое бывает. – Губы растянулись в подобии улыбки: в стеклянном свете ее зубы казались почти прозрачными. – Чини.

– Но… у меня лодыжка…

Неожиданно они посмотрели прямо друг другу в глаза. Брюкс рефлекторно опустил голову: агнец в присутствии льва, никакого выхода, кроме поклонения, и никакой надежды, кроме молитвы.

– Два поврежденных элемента, – прошептала Валери. – Один необходим для успеха миссии, другой – балласт. Какой получает первоочередное внимание?

– Но я не…

– Ты – биолог.

– Да, но…

– Эксперт. По жизни.

– Д-да…

– Тогда чини.

Он попытался снова посмотреть ей в глаза, но не смог и обругал себя.

– Я – не врач…

– Кости есть кости. – Краем глаза он заметил, что вампирша склонила голову набок, словно взвешивая разные варианты. – Если не можешь сделать этого, какой от тебя толк?

– На борту должен быть больничный отсек, – заикаясь, ответил Брюкс. – Лазарет.

Вампирша взглянула на люк с надписью: «ТЕХОБСЛУЖИВАНИЕ И РЕМОНТ».

– Биолог, – в ее голосе сквозила усмешка, – и думает, что есть разница.

«Безумие какое-то, – подумал Дэн. – Может, проверка?»

Если так, тест он проваливал.

Брюкс задержал дыхание, прикусил язык и сосредоточился на ране: закрытый перелом, слава тебе, Господи. Кожа не разорвана, видимых гематом нет. Крупные кровеносные сосуды вроде не повреждены. Или повреждены? Разве вампиры… Точно, у них постоянно сужены сосуды; они держат всю кровь близко к сердцу. У этой твари может быть разрыв лучевой артерии, а она ничего не почувствует, пока не перейдет в охотничий режим…

«И тогда у жертвы появится шанс…»

Он отбросил прочь мысль, так как без всяких на то причин боялся, что вампирша увидит, о чем думает ее врач. Сосредоточился на переломе. Что делать: ничего не трогать или поставить кость на место? («Не трогать, – вспомнил он. – Минимум движения, снизить риск разрыва нервов и кровеносных сосудов».)

Брюкс вытянул ленту для накладывания шины, оторвал несколько кусков по тридцать сантиметров (достаточно длинных, чтобы зайти за запястье – так материал не скатается). Разложил их по руке Валери на одинаковом расстоянии друг от друга («Какая у нее холодная кожа!»), аккуратно вдавил в плоть («Не делай ей больно! Только не делай больно!»), пока клей не схватился и не поставил шины на место. Дэн отошел, а вампирша согнула руку и повернула ее, рассматривая художества биолога.

– Не выправлено, – заметила она.

Он сглотнул:

– Нет, я думал… это временная…

Правой рукой Валери сломала собственное предплечье как веточку. Две шины треснули со звуком приглушенных выстрелов,

третья просто вырвалась из мяса, порвав кожу.

Плоть в ране оказалась бескровной, похожей на парафин.

Валери снова протянула сломанную руку:

– Давай заново.

«Твою мать!» – подумал Брюкс. – Черт, черт, черт! Никакой это не тест, с подобной тварью проверок не бывает. Садистская игра кошки с мышкой…»

Валери ждала, терпеливая и пустая, всего в двух метрах от его яремной вены.

«Продолжай! Не давай ей повода».

Он снова взял руку вампирши в свои ладони. Прямо вцепился, чтобы те не дрожали. Она, кажется, даже не заметила. Перелом оказался хуже прежнего, сгиб острее: кость торчала из-под мускулов, а на коже появился крошечный узловатый холмик, на поверхности которого расцветал пурпурный синяк.

Брюкс так и не мог посмотреть Валери в глаза.

Он схватил вампиршу одной рукой за запястье, другой – за локоть и дернул. Казалось, он пытался растянуть сталь: кабели в руке были слишком жесткие и напряженные для обычной плоти. Новая попытка: Дэн рванул так сильно, как мог, даже захныкал в голос. Конечность слегка растянулась, сломанные кости громко заскрежетали, вставая на место, а когда он отпустил руку, шишковатая выпуклость исчезла.

«Пожалуйста, пусть этого хватит!»

Брюкс оставил сломанные шины и наложил новые куски клейкой ленты; нажал и немного подождал, пока те затвердеют.

– Лучше, – сказала Валери.

Он перевел дух.

Хруст. Треск.

– Снова!

– Да что с тобой такое? – слова вырвались до того, как Дэн успел совладать с собой. Перепуганный, он замер: вампирша могла отреагировать как угодно.

Рана кровоточила. Кость явственно проступала под растянутой кожей, как занозистый топляк в мутной воде. Гематома росла на глазах, и кровавое пятно просачивалось сквозь воск. Но нет, уже не воск: бледность испарялась из плоти Валери. Кровь текла из нутра, заливая периферийные ткани. Вампирша… разогревалась.

«Сосуды расширяются. Она переключается в охотничий режим. Значит, не игра, и даже не оправдание, а повод».

– Я им займусь, – раздался голос позади.

Брюкс попытался обернуться, но бесстрастный взгляд Валери пришпилил его к месту, словно бабочку.

– Я серьезно, – бледная вспышка, бежевый комбинезон. Лианна вплыла внутрь и затормозила у стены. – Я тут все закончу. Твоим парням, кажется, необходимо руководство снаружи, на корпусе.

Глаза вампирши метнулись на сломанную руку, потом снова на Брюкса. Он моргнул, а она уже исчезла.

– Нужно вытащить тебя из скафандра, – сказала Лианна, откручивая его шлем.

Она постриглась: теперь дреды доходили лишь до челюсти.

Брюкс ссутулился и потряс головой:

– Ты можешь так просто с ней разговаривать?

– А что такого? Я просто… говорю. – Шлем покатился по отсеку. Все еще дрожа, Брюкс занялся молниями и застежками. – Ничего особенного.

– Нет, в смысле… – Он перевел дух. – Она разве тебя не пугает?

– Вроде нет. – Лианна взглянула на аптечку, плававшую сбоку. – Твою мать, она заставила тебя этим пользоваться?

– Эта тварь, двинутая на всю голову.

Синтет пожала плечами:

– По человеческим меркам, конечно. Но опять же… – она постучала носком ноги по переборке, и из углубления в стене развернулась диагностическая койка. – Какой смысл было вытаскивать вампиров из плейстоцена, если бы их мозги работали, как наши?

– Так ты не боишься?

Лианна задумалась на секунду:

– Раньше вроде боялась. В смысле, как жертва хищника, да? Безусловная реакция.

– Точно.

– Чайндам сказал, что беспокоиться не о чем.

Она жестом пригласила биолога лечь. Дэн подплыл ближе и позволил привязать себя к койке, ремни обхватили поясницу. На стене сразу расцвели параметры биотелеметрии.

– И ты ему поверила? Им. Этому. Какое местоимение подобрать для Роя?

– Конечно, – Лиана провела пальцем по колонке биопоказателей и от чего-то поморщилась. – Ладно, давай посмотрим, что тут у нас.

Она осмотрела отсек («Надо как-нибудь вещички распаковать») и открыла серебряный ящик с медицинскими иконками. Порылась внутри, с полки инструментов взяла шинное ружье, переключила его в режим «ОСТЕО» и ткнула дулом в сломанную лодыжку:

– У тебя нервоблок стоит?

Дэн кивнул:

– Джим что-то мне вколол.

– Это хорошо. Иначе будет очень больно, – Лианна выстрелила. Дэн едва успел заметить черные волокна – тонкие, как филярии, – а они уже, лихорадочно молотя хвостиками, зарылись в плоть и исчезли.

– Когда блок пройдет, может чесаться, – Лианна оглядывала отсек в поисках других сокровищ. – Когда задеты маленькие косточки, сетка устанавливается не сразу… Ага, вот оно!

В этот раз куб оказался цвета слоновой кости – нет, прозрачный. Оттенок давал густой фиксирующий гель внутри. Когда женщина вскрыла крышку, тот дрожал будто желе.

Материала в одном ящике хватило бы, чтобы загипсовать десять человек с головы до ног. Пока синтет набирала пригоршню, Брюкс поглядел по сторонам и нашел еще штук шесть таких же сосудов.

Гель корчился в руках Лианны, разогреваясь от телесного тепла.

– Куда мы летим? – поинтересовался Дэн. – И сколько, по их ожиданиям, будет сломанных костей в месте нашей цели?

– А у них нет ожиданий. Они просто любят, когда все предусмотрено. – Лианна шлепнула вязкую массу на больную лодыжку. – Не двигайся, пока не схватится!

Гель чудовищной амебой заскользил вокруг лодыжки, образовав сплошную полосу, прополз пару сантиметров вверх по икре и вниз, на пятку, а потом замедлился и застыл в кислородной атмосфере.

– Вот, – Лиана закрыла куб, прежде чем масса внутри покрылась коркой. – Боюсь, придется поносить пару дней. Обычно мы снимаем повязку через восемь часов, но ты сражаешься с остатками вируса, и если задрать метаболизм, зараза может спланировать свое триумфальное возвращение.

Лаккетт, кричащий в агонии… Газон, усеянный корчащимися телами… Болезнь столь беспощадная и быстрая, что тело застывает в трупном окоченении, пока жертва еще жива…

Брюкс закрыл глаза:

– Сколько?

– Чего?

– Мы многих оставили?

– Дэн, я не списывала бы этих парней со счетов. Знаю, как хреново все выглядит, но если я тут чему и научилась, так это – пониманию, что перехитрить Двухпалатников невозможно. Они всегда на десять шагов впереди, и у них всегда есть планы внутри

планов.

Брюкс подождал, пока голос в голове умолкнет. Затем спросил снова.

Поначалу она не ответила, но потом сказала:

– Сорок четыре.

– На десять шагов впереди, значит, – повторил он в своей личной тьме. – И ты в это веришь?

– Да, – ее голос звучал торжественно.

– Они ждали, что погибнут сорок четыре человека, спланировали их смерть. Хотели…

– Они не хотели…

– Взяв эту… это чудовище с собой, они знали, что делают. У них, значит, все под контролем.

– Да, именно так, – в ее голосе не было даже намека на сомнение.

Брюкс вдохнул и выдохнул, задумался о слабом неожиданном запахе изо рта, о комке, что прямо сейчас начал расти в горле.

– У меня такое чувство, что вера доходит до тебя с трудом, – мягко произнес женский голос спустя несколько секунд. – Но иногда все происходит, так сказать, по воле Божьей.

Дэн открыл глаза. Лианна внимательно смотрела на него – добрая, милая и совершенно безумная.

– Пожалуйста, не говори так, – сказал Брюкс.

– Почему нет? – Казалось, она искренне удивлена.

– Потому что ты не можешь верить всерьез… Потому что все это – сказки, и ими слишком много…

– Это не сказки, Дэн. Я верю в творящую силу, которая существует за пределами физической реальности. Верю, что именно она дала жизнь всему живому. И ты не можешь винить ее за всю ужасную хренотень, которую творили, прикрываясь ее именем.

Слабое покалывание в пальцах. Поток слюны, поднимающийся из глубин глотки. Язык словно распух во рту.

– Ты не могла бы… Я хочу побыть один, если не возражаешь, – спокойно произнес Брюкс.

Лианна моргнула:

– Эмм… Да, наверное. Сетку можешь сбросить в любое время. Я принесла тебе свежий комбинезон, он лежит на щитке. КонСенсус подключен к краске: если что-то понадобится, постучи по стене три раза. Интерфейс довольно…

«Меня сейчас вырвет», – подумал он и с трудом выдавил:

– Пожалуйста. Просто уходи.

Снова закрыл глаза, стиснул зубы и, давясь, сглотнул подступившую тошноту, пока по звуку не понял, что Лианна

ушла, и слышал только голоса машин да рев в собственной голове.

Его не вырвало. Брюкс подтянул ноги к груди, обвил их руками и крепко сжал, пытаясь бороться с неожиданной неконтролируемой дрожью, охватившей все тело. Он не открывал глаз, не смотрел на новый мир и микрокосмическую тюрьму, в которой проснулся, – зараженный уродами и голодными хищниками маленький пузырек, что, вращаясь, с каждой секундой все больше удалялся от дома. Земля уже превратилась в воспоминание, затерянное и исчезающее в бесконечной пустоте. Тем не менее она была рядом, в его голове, – пустынным садом, усыпанным искореженными трупами, и от нее не было спасения.

Каждый мертвец имел лицо Лаккетта.

* * *

Мы начинаем изучать геологию после землетрясения.

Ральф Уолдо Эмерсон

В конце концов паника уменьшилась. И в конце концов ему пришлось вернуться.

Брюкс не знал точно, сколько времени прошло. Пока ему хватало тьмы за собственными веками, шипения вентиляторов и тихого писка медицинских мониторов. Где-то не слишком далеко завыло нечто, похожее на сирену; пять раз, потом замолкло. Спустя секунду мир дернулся вправо, и мягкое давление постепенно начало вставать на ключицы, икры, пятки. Верх и низ вернулись.

Брюкс открыл глаза – вид не изменился.

Он сел и повернулся, позволил гравитации стянуть ноги с края койки (биометрия исчезла, стоило ему подняться). С трудом поборол головокружение, протянул перед собой руку и смотрел на нее, пока не унялась дрожь.

Экзоскелет экстатически вибрировал, пока Дэн отрывал его; полоски со щелчком возвращались к состоянию минимальной эластичности, как только получали свободу. С собой они забирали волосы и клетки кожи, оставив оголенные промежутки по всему телу.

Брюкс бросил экзоскелет на палубу – спутанный шар из резиновых волокон, дрожавший и дергавшийся, будто живой. Сам пробрался к маленькой уборной, выглядывавшей из-за холма полетного багажа, и совершил набег на пищевой фабрикатор,

встроенный в переборку. Посасывая из груши электролитическую жидкость, Дэн отлепил чистую сложенную одежду от стены там, где ее оставила Лианна: комбинезон цвета зеленой листвы, заблаговременно созданный по его размерам бортовым принтером. Закачался, пока натягивал штанины. Но псевдогравитация была слабой и на ошибки закрывала глаза.

Подготовка подошла к концу: Брюкс оделся, выпрямился, внутренние батарейки начали впитывать заряд из питательных веществ в кишках. Дэн сложил койку обратно в альков; ее нижняя часть, покрытая смарткраской, слегка выступала из стены и еле заметно фосфоресцировала.

«Постучи три раза», – говорила Лианна.

От прикосновений КонСенсус расцвел убогим интерфейсом для ограниченно улучшенных: Системы, Связь, Библиотека. Сбоку в воображаемой пустоте парила небольшая трехмерная версия «Тернового венца». Все было готово пуститься в пляс под его пальцами, но Брюкс поверил надписи: «ДОСТУПЕН ГОЛОСОВОЙ ИНТЕРФЕЙС» и сказал:

– Схема корабля.

Анимация аккуратно перешла в центральную часть, ощетинившись пояснениями. Двигатели, реакторы и экранирование заняли чуть ли не три четверти экрана: тяговые дюзы, термоядерные реакторы, покрытые рябью торовидные контуры огромных радоблокирующих магнитных полей. Амортизаторы, антипротоновые уловители, массивные защитные плиты гидрата лития. Дэн видел описания такой техники, сформулированные максимально сжато для коротких периодов внимания, во всех научпоповских рассылках. Там это называлось «микроядерной реакцией антиматерии». Ядерный импульсный двигатель турбоускорялся при помощи умеренного впрыска антипротонов. С приличным окном запуска «Терновый венец» мог добраться до Марса за пару недель.

– Курс? – громко спросил Брюкс.

НАВИГАЦИЯ НЕДОСТУПНА, ответил КонСенсус.

– Местоположение?

НАВИГАЦИЯ НЕДОСТУПНА.

– Пункт назначения?

НАВИГАЦИЯ НЕДОСТУПНА.

Хм…

Жилые зоны «Венца» располагались вдоль хребта длиной в сто пятьдесят метров; трубы из сплавов и атмосферы связывали разрозненные части общей структуры, напоминая гвоздь с нанизанными на него бусинами. Центральный узел, через который Валери протащила Брюкса, находился примерно в двух

третях пути от двигателя до носа корабля. Оси колеса уже пришли в движение, вращаясь величественным противовесом по отношению к маховику, расположенному чуть далее. (Брюкс заметил, что в узле проворачивалось только нижнее полушарие, а другое – КОМАНДНЫЙ ЦЕНТР, будто современный корабль нуждался в такой старомодной вещи, как капитанский мостик, – согласно КонСенсусу, похоже, намертво крепился к хребту.)

– Фокус на жилые зоны.

«Венец» перегруппировался изнутри, аккуратно вырезал экраны и двигатели, оставив лишь ярко освещенные пустоты в передней части. Пояснительные созвездия мерцали в новых пространствах, как светлячки в светящихся кишках. Сборище серых иконок сияло внизу, в ТРЮМЕ (теперь, без основания, тот казался огромным): ХОДОРОВСКА К.; ЭУЛАЛИЯ С.; ОФОЭГБУ К. И еще восемь или девять человек. МУР Д. – зеленый – светился в отсеке с надписью: КОМНАТА ОТДЫХА. ЛАТТЕРОДТ Л. находилась рядом с СЕНГУПТА Р. в Центральном узле. Отсек с БРЮКС Д. был помечен как МЕДПОДДЕРЖКА – несмотря на надпись, красовавшуюся над люком. КАМБУЗ занимал отсек рядом, если идти по часовой стрелке, ЛАБОРАТОРИЯ – против часовой, а СКЛАД/БАЛЛАСТ, где Брюкса бесцеремонно вырвали из сна, балансировал за границами колеса. Судя по всему, его снова прикрепили к кораблю, но желтые неоновые знаки отмечали периферийные повреждения там, где ось еще ремонтировали.

Последний отсек остался без пояснения, но там сияли шесть звезд: пять серых и одна зеленая. Идентификатор был только у последней, но даже он не следовал обычному формату. КонСенсус отразил лишь одно слово: «ВАЛЕРИ».

В пятидесяти метрах впереди – за Центральным узлом и чем-то вроде чердака, забитого трубами, проводами и шлюзами, далеко за главной сенсорной матрицей, на самом носу корабля – КонСенсус вывел установку в виде полусферы и назвал ее «ПАРАСОЛЬ». Похоже, сейчас она пребывала в свернутом положении, но прозрачный оверлей показывал ее форму в рабочем режиме: огромный приплюснутый конус, настолько широкий, что за ним легко мог спрятаться целый корабль. Брюкс понятия не имел, что это такое. Может, отражатель звездной пыли? Теплоизлучатель? Волшебный плащ-невидимка Двухпалатников?

– Центральный список, – «Венец» на стене сложился и встал в строй с другими иконками.

Быстронет! Дэн открыл его, как рождественский подарок. Доступа к закладкам не было, но даже стандартные заголовки

ноосферы сейчас казались глотком воды в пустыне: АННАРЕС ОТДЕЛЯЕТСЯ, ЭВЗ УБИВАЕТ «ВЕНТЕР», ПРЕЗИДЕНТ ПАКИСТАНА – ЗОМБИ…

Кэш, разумеется. Выдохшиеся и устаревшие фрагменты, достаточно скромные по размерам, чтобы уместиться в памяти «Венца» – если кто-то не нарушил протоколы о полном молчании в космосе, введенные со времени Огнепада, или не отправляет узким лучом апдейты прямо на корабль. Все возможно. Но, скорее всего, кэш. А значит, надо отсортировать информацию по дате, и…

Двадцать восемь дней. Если предположить, что они забили память уже на пороге, Брюкса складировали в подвале целый месяц. Он тихо хмыкнул, покачал головой и вяло удивился отсутствию собственного изумления. «Я начинаю привыкать к откровениям».

И все-таки засохший рацион лучше, чем никакого. И Дэну вроде никуда не нужно было торопиться.

Никто не поразился разоблачению президента Пакистана: людям показывали его аватар, а оригинал год назад умер от вирусной зомбификации. Разумеется, это было заказное убийство, но ответственность за него пока никто на себя не взял. «Вентер Биоморфикс» – последняя старинная корпорация – наконец проиграла битву энтропии и сошла с арены. Парочка инсайдеров тыкали пальцем в сельскохозяйственный коллапс Китая (страна до сих пор катилась под уклон, хотя со дня краха искусственных опылителей от «Вентер» прошло три года), а финансовые умники винили всесжигающую руку экономики выжженной земли. Нечто под названием «джиттербаг» – разновидность военного вируса, поражающего зеркальные нейроны и взламывающего проводку двигательных контуров, – начало циркулировать в Латинской Америке. И где-то далеко над пятой точкой Лагранжа («Рядом с ней, – поправил себя Брюкс, – или где-то позади») колония Анаррес обзавелась старенькими ракетными двигателями с электромагнитными плазменными ускорителями и теперь готовилась подняться на новые высоты.

КонСенсус зазвенел.

– Тараканам в Центроузел, – рявкнула вслед стена. Голос был женский и странно знакомый; почему, Брюкс не мог сказать. Он вернулся к кэшу и стал искать ссылки на беспорядки в Орегонской пустыни.

Ничего… Ни одного упоминания о таинственной ночной стычке в Прайнвилльском заповеднике: никаких нападений зомби на религиозные сооружения, контратакующих торнадо, рабски покорных человеческим приказам, что в принципе невозможно. И

никаких сообщений о вооруженных силах, окопавшихся у культистского монастыря на пустынной равнине.

Странно…

Может, их финальное поспешное бегство с арены на тот момент еще не попало в новости? Брюкс тогда валялся без сознания, но понимал, что у «Венца» могло и не быть времени, чтобы висеть на орбите и обновлять данные. И все-таки… Нападение Валери, перемирие, карантин – по меньшей мере, тридцать часов активности, раз в десять превышавшие любые показатели нормальности. Даже если в ту ночь за Прайнвиллем никто не наблюдал, кто-то должен был заметить неожиданную переброску войск с прежних заданий. Даже если Валери действительно настолько ослепила всех соглядатаев на орбите, исчезновение ее «карусели» из гаража не могло пройти незамеченным.

В мире было слишком много окон, и любой дом сделан из стекла. Десятилетиями ни одна организация – корпоративная, политическая или синтетическая – в одиночку не могла везде закрыть ставни.

Может, кто-то подчистил бортовую память? Тот же, кто закрыл от Дэна навигационную систему.

«Потому что здесь все вертится вокруг тебя. Каждый работает над тем, чтобы ты ничего не знал».

Брюкс поморщился.

– Тараканам пройти в Центральный узел. Думаешь, у нас нет занятий поважнее, чем наблюдать, как ты себя за член дергаешь?

Брюкс заморгал и огляделся по сторонам:

– Что?

– Эээ… Она тебя имеет в виду, Дэн, – пояснила невидимая Лианна. – У нас что-то вроде совещания. Я подумала, ты захочешь быть в курсе дела.

– О, я…

«Тараканам?»

– …сейчас буду.

Лестница торчала посередине отсека, как распрямленная спираль ДНК. Брюкс наклонился над люком, из которого она появлялась, и по-прежнему слегка дрожа, схватился за перекладины, посмотрел вниз. Там оказались ряды ящиков и расчлененные трубы. Он задрал голову: наверху мерцал бледно-голубой свет.

Путь лежал туда. Дэн тяжело вздохнул и полез.

* * *

Он выбрался на круглый выступ около люка, находившегося на самом дне оси. Напротив в вышину уходила еще одна лестница, напоминавшая упражнение по геометрической перспективе. В прошлый раз Брюкс не ошибся: перекладины на ней действительно находились в добром метре друг от друга, и при земной гравитации подняться было бы невозможно. Здесь же трюк оказался довольно легким.

Правда, это ничего не значило. Лестница была лишь запасным вариантом. Лента конвейера плавно двигалась в своей червоточине слева от Брюкса, проходила через невидимые колеса прямо под ногами и вновь поднималась в сторону Центрального узла. Стремена-поручни проплывали мимо, расположенные с интервалом в два метра: продуманно так, чтобы места хватало и ногам, и рукам. Вверх-вниз.

Вверх!

Даже автоматический подъем, казалось, длился световые годы, разворачивался бесконечной регрессией перекладин, колец и переборок, которые словно дышали, стоило Брюксу отвернуться. Пояс тащил его сквозь серию раздвижных сегментов; предупреждающие полосы отмечали места, где один переходил в другой, канал туннеля повышался на незначительную долю. Крохотные датчики, логарифмически расположенные по переборке, отмечали гравитацию – 0.3, 0.25, 0.2 – пока Дэн поднимался.

На полпути вернулась паника. Она даже предупредила его за несколько секунд: неожиданно бесформенная тревога разлилась по телу – волнение, которое цивилизованный неокортекс попытался выдать за обычный страх высоты. В следующий момент оно пустило метастазы и превратилось в леденящий ужас, Брюкс одеревенел: вдруг задышал со скоростью сердцебиения колибри, а пальцы сжал так, что те стали напоминать старые корни, обвившие камень.

Он ждал, парализованный, что сейчас откуда-то появится безымянная тварь и разорвет его на куски. Но ничто не появилось. Дэн с трудом вновь задвигался: голова, скрипя, поворачивалась, как заржавевший клапан то налево, то направо; глаза лихорадочно искали угрозу.

Ничего… Только межсегментные прокладки летели мимо да перекладины мелькали, не привлекая внимания. Что-то сверкнуло на краю поля зрения… Нет, там – ничего. Вообще ничего.

Секунды тянулись бесконечно, но в конце концов время возобновило привычное течение, а паника спустилась в глубины сознания. Брюкс посмотрел вниз, туда, откуда пришел. В желудке сразу стало неуютно, однако он не увидел ничего, что могло бы

так его напугать.

Когда он добрался до вершины, «низ» исчез; сила Кориолиса, мягко толкнув Дэна вбок, сопротивлялась еще пару секунд. Он появился на дне нижнего полушария, из одного из шести протуберанцев, кольцом окружавших южный полюс. Туннель, который он заметил прежде, теперь загерметизировали, по периметру поставили ограждение высотой по пояс, а вокруг его пасти сфинктером плотно сжался огромный фольговый люк. Радужка без зрачка. Его рыбье отражение превратило зеркальный шар напротив в слепое хромированное глазное яблоко.

Дэн повернулся лицом к решетке, рассекавший узел напополам: к кольцам ртутного Сатурна, сомкнутым в крепком объятии. Сквозь вращающуюся сеть («Стационарную», – напомнил себе Брюкс; вращалось нижнее полушарие) мелькали обрывки движения: подошвы голых ног и желтая вспышка, рассыпавшаяся фрактальной мозаикой. Как-то так видят мир насекомые.

Сквозь решетку доносились тихие голоса. Желтые обрывки передвигались рыбным косяком:

– Поднимайся.

Голос Мура.

Наверх вели два пути – два круглых отверстия на противоположных концах зеркального шара. Один преграждала втянутая спиральная лестница, в сплющенном состоянии она напоминала черно-металлическую круговую диаграмму, порезанная на несимметричные куски: важнейший проход при работе двигателей, когда ускорение превращало «вперед» в «вверх». Сейчас он напоминал бесполезную садовую скульптуру, убранную с дороги.

Другой путь был открыт. Брюкс оттолкнулся от переборки и поплыл в воздухе, чувствуя, как его охватывает смесь веселья и легкого ужаса; забился, когда отверстие проплыло мимо и заставило его судорожно вцепиться в решетку. Ухватившись, он вскарабкался вбок и вылез словно краб из норы, повис в северном полушарии между зеркальной землей и небом из смарткраски.

Мур стоял босой, погрузив пальцы ног в решетку, и не сводил глаз с такполосы, обернутой вокруг запястья. Миметические гравкресла уродовали северную часть зеркального шара как гипсовые слепки, вдавленные в песочное тесто. Они выстроились по радиусу в зоне условного умеренного пояса; подголовники сходились в полюсе. Любой, лежа в этих креслах, смотрел бы прямо на северное полушарие Центрального узла: купол внутреннего неба и безликий слой смарткраски, за исключением одного пятна, где от решетки до люка, сбоку от полюса тянулась еще одна ненужная лестница.

Женщина индийского происхождения, привязанная к зеркальному шару – лет тридцати максимум, скругленная черная челка, затылок обрит до самого темечка, – дернула головой, стоило Брюксу на нее посмотреть. Кажется, ее внимание привлекло что-то, лежавшее у правой ноги.

– Приперся наконец.

Она носила хромаформовую куртку поверх оранжевого комбинезона («Похоже, мы закодированы по цветам», – понял Брюкс): легко программируемая на тысячи разных оттенков, сейчас ткань имитировала кресло, в котором сидела индианка, отчего казалось, что от той остались лишь пара рук и парящая голова, привитые к призрачному телу.

Лианна парила над решеткой в дальней стороне отсека. Она улыбнулась, одновременно приветствуя и извиняясь.

– Дэн Брюкс, Ракши Сенгупта.

Он еще раз окинул взглядом купол:

– А Валери…

– К нам не присоединится, – сказала Лианна.

– Она лечит руку, – добавила Сенгупта.

«Слава тебе, Господи».

– Итак, – начал Мур, решив сразу перейти к делу, как только прибыл отставший. – Что это было?

Сенгупта закатила глаза:

– А чего думать-то? Они нам ось прожгли. Это была атака.

«Кто?», – хотел поинтересоваться Брюкс, но промолчал.

– Я надеялся на более детальную информацию, – холодно и невозмутимо ответил полковник.

Лианна сделала ему одолжение:

– По сути, на нас направили увеличительное стекло. Сфокусированный микроволновый импульс где-то в полгигаватта, судя по повреждениям.

– Откуда? – спросил Мур.

Латтеродт прикусила губу:

– Солнце. Северное полушарие.

– Это все?

– Даже у Двухпалатников есть границы, Джим. Это чистый ретроспективный анализ; дифференцированная термическая нагрузка на разные грани структуры, траектория оси. В общем, они просчитали, как части были выстроены в момент удара, и узнали направление по углу попадания.

– Мы сами могли бы все подсчитать, – проворчала Сенгупта.

– Кто? – не сдержался Брюкс. – Кто в нас выстрелил?

Никто не ответил. Сенгупта смотрела в его сторону с таким же интересом, с каким изучала бы кусок фекалий, соскобленный с

ботинка.

– Это мы и пытаемся выяснить, – сказала Лианна, немного помолчав.

Мур поджал губы:

– Значит, рой этого не предвидел.

Она покачала головой, будто не желая признать их несовершенство вслух.

– Значит, траны постарались.

– Надеюсь, иначе эта атака войдет во все учебники, если выяснится, что обыкновенный исходник застал наших монахов со спущенными штанами, – заметила Сенгупта.

Мур быстро взглянул в сторону кормы:

– В обычных обстоятельствах, разумеется. Но сейчас они функционируют, прямо скажем, не на сто процентов.

Серые иконки, складированные в трюме.

– Ммм, – Брюкс откашлялся. – А что они там делают?

– Выздоравливают, – ответила Латтеродт. – Вирус ударил по ним гораздо сильнее, чем по нам. Мы увеличили давление, чтобы ускорить восстановление, но на него уйдет еще много дней.

– Значит, уже после разлома, – задумчиво произнес Мур.

«Разлома?»

Лианна кивнула:

– Около цели нам нужно загрузиться примерно на неделю раньше. Там они хотят работать лично.

– Где «непосредственно»? – спросил Брюкс. – Какого разл…

Сенгупта оборвала его, утомленно свистнув сквозь сжатые зубы, и повернулась к Лианне:

– Ну вот… Разве я тебе не говорила?

– Если можешь хотя бы ненадолго воздержаться с вопросами, – предложил Мур, – я с удовольствием введу тебя в курс дела позднее.

– Когда ты не будешь тратить попусту чужое время, – добавила Ракша.

– Ракши… – начала Лианна.

– Зачем он тут вообще нужен? Неужели кто-то думает, что он в состоянии хоть как-то помочь, а не просто чувствовать себя «в курсе дела»?

– О, значит, люди в курсе дела так себя чувствуют? – съязвил Брюкс.

– Хочу заметить, что конкретно сейчас не Дэн попусту тратит наше время, – сказала Лианна.

Сенгупта фыркнула.

Мур выждал секунду, прежде чем вернуться к теме совещания:

– Существует ли оружие, способное сделать такое со столь далекого расстояния?

Латтеродт пожала плечами:

– Ты у нас шпион, ты и скажи.

– Я говорю не о технологии исходников.

– На спецоружие это не похоже. Скорее всего, кто-то взломал несколько энергоспутников, и те одновременно выстрелили в одно и то же место. Я полагаю, затея была рассчитана на один выстрел: такой уровень нельзя набрать, не выйдя за пределы спецификаций. Вероятно, проводку выбило по всей сети, теперь ее даже не отремонтировать.

– С двенадцатиминутным лагом это все равно не имеет значения. У них был один шанс предсказать наше местоположение, и они его профукали. Ракши, а мы…

– Я запускаю двигатель на четверть секунды со случайными интервалами между шестью и двенадцатью минутами. Мы-то ускорения даже не почувствуем, но больше эти уродцы меня не заловят.

«Двенадцатиминутный лаг в скорости света», – задумался Брюкс. – «От Солнца и обратно. Значит, мы в шести световых минутах от Солнца, где-то, где-то… На расстоянии в сто восемь миллионов километров. Где-то рядом с Венерой». Если, конечно, он хорошо помнил базовый курс астрономии.

– …повлиять на точку перелома? – спрашивал Мур.

Лианна кивнула:

– Да, но совсем незначительно. Сейчас Двухпалатники работают над поправками. По их словам, это займет еще пару часов.

– А как насчет хвоста?

Сенгупта украсила воздух невидимыми мазками. В куполе открылось окно: что-то вроде плазмадиаграммы – три красных пика возвышались над пейзажем фиолетовых холмиков; в верхнем углу непонятные пояснения болтали о ДИСКРИМИНАНТНОМ КОМПЛЕКСЕ, ИНФРАКРАСНОМ ПОГЛОЩЕНИИ и МИКРОЛИНЗИРОВАНИИ.

«Какие-то тепловые отпечатки, – предположил Брюкс. – Судя по пояснениям, экранированные». Похоже, у Сенгупты были волшебные пальцы.

За ними шла погоня. «Все лучше и лучше!»

– Итак, – задумчиво произнес Брюкс. – Два отряда, или там два разных игрока?

– Скорее, отряды. Двухпалатники думают, что выстрел должен был нас обездвижить, чтобы вот эти поймали… – Лианна хмыкнула. – Непонятно только, почему в нас просто не запустили

ракету.

Сенгупта:

– Может сейчас и запустят когда их грандиозная перегрузка накрылась медным тазом.

– Это может сыграть нам на руку, – заметил Мур. – Ракши, как быстро мы получим предупреждение, если в нас все-таки выстрелят?

– Чем выстрелят? Весь каталог перечислить?

– Стандартный разрывной, время хотя бы приблизительно.

Она принялась загибать пальцы, будто считала по ним:

– Семь часов восемь минут если расстояние не изменится. Плюс-минус.

– Тогда нам лучше начать, – сказал Мур.

* * *

– Это было самое непонятное совещание, на котором я когда-либо присутствовал, – проворчал Брюкс, спустившись в южное полушарие. – А я состою в огромном количестве ведомственных комитетов, так что опыт у меня большой.

– Я это вроде как поняла, – Лианна взглянула на Дэна, уцепившись за поручень на переборке. – Пошли со мной. У меня есть кое-что, могу помочь.

Она повернулась как рыба и проплыла сквозь ближайший люк, ведущий в ось. От этого зрелища Брюксу стало не по себе. Он последовал за Лианной в собственном неуклюжем ритме, сквозь заставленное кубами южное полушарие, через паз, поглотивший женщину. Та легко парила впереди, отражая Кориолис руками и ногами: она на десять метров пронеслась вниз по оси, прежде чем схватила поручень. Брюкс решил обойтись без акробатики, в одно кольцо вцепился, не набрав и пары килограмм, во второе сразу продел ногу. Он подумал, что, как ни высчитывай ускорение тел при переходе из невесомости в зону гравитации, в одном можно быть уверенным без всяких цифр: при таком раскладе, достигнув дна оси, в лепешку разобьется кто угодно.

Камбуз. Еще один отсек, ничем не отличающийся от предыдущих: похожий на двухуровневый баллон с пропаном из тех, что давным-давно стояли во дворах неподалеку от жаровни для барбекю, только выросший до чудовищных размеров и накачанный затхлым воздухом. Здесь, впрочем, верхний этаж был не настолько забит, как в «Техобслуживании и ремонте»: стояли кресла, отдельные экраны, штук шесть полупустых кубов, стол.

Обычные полосы эпифитного астродерна. Из одной стены выступал лес трубок толщиной с карандаш. Между ними раскинулась чья-то личная палатка, чьи грани – желто-костяного цвета и натянутые как сухожилия – чем-то напоминали латекс. Среди общего беспорядка, напротив друг друга высились два стула с липкими ножками.

Лианна стояла за фабрикатором, рылась в недавно открытом кубе.

– Нашла!

Она держала в руках колпак, чем-то напоминавший бондажный капюшон для фетишистов, с кучей шайб и крохотных болтиков, образовывавших тонкую сеть по всему черепу, оставлявший открытой только нижнюю часть лица: рот, челюсть, кончик носа. Две особенно выдающиеся шайбы торчали вместо глаз.

Внешние сверхпроводники. Пингеры с компрессированным ультразвуком. Устройство для объемного изображения и чтения/написания из черной кожи.

– Моя старая маска для игр, – объявила Лианна. – Я подумала, что тебе пригодится более дружелюбный интерфейс, чем Ракши.

«Костыли, значит. Для инвалидов, заключенных в реале».

– В смысле, у тебя же нет импл…

– Спасибо, – ответил Брюкс. – Думаю, обойдусь смарткраской, если ты не будешь настаивать.

– Но она не только для игр, – заверила его Лианна. – Маска заточена под КонСенсус, и гораздо быстрее любой краски. Плюс утраивает уровень ассимиляции всего, что ты почувствуешь. Идеально для порно. Все, что пожелаешь, – она закрыла куб. – Трудно придумать, чего эта маска не умеет делать.

Брюкс взял маску-капюшон. В руках материал казался немного масляным. Дэн перевернул его и прочел крохотное лого, паривщее в виртуальном сантиметре от поверхности: «Интерлопер Аксессорис».

– Она полностью неинвазивная, – сообщила Лианна. – Только транскраниальная стимуляция и компрессированный ультразвук, даже опто…

– Я знаком с техникой, – заверил ее Брюкс; потом добавил:

– Спасибо.

– Если у тебя появится настроение поиграть, я с удовольствием присоединюсь.

Никаких упоминаний о его беспомощности в руках Валери и панической атаке. Она спокойно отнеслась к его невежеству, без всякой снисходительности смотрела на отсутствие имплантатов.

Только дружба и желание помочь.

Брюкс почувствовал смесь стыда и благодарности. «Мне нравится эта женщина», – подумал он и повторил:

– Спасибо.

Других слов у него просто не было.

Лианна глупо улыбнулась:

– Не за что, – и сразу ткнула пальцем куда-то ему за плечо. – Думаю, Джим хочет с тобой поговорить.

Брюкс обернулся. Полковник бесшумно приземлился на палубу позади. Теперь он стоял там, будто извинялся; сумку за его спиной распирали изгибы и странные углы.

– Я не…

– Мне все равно нужно в трюм. Он твой, – подпрыгнув, Лианна исчезла в потолке, а Мур одним движением плеча скинул сумку, расстегнул печать, вытащил рулон какой-то паутины и протянул его Брюксу.

– Это тебе для переноски оборудования.

Дэн, чуть помедлив, взял его:

– Спасибо. Только оборудования я с собой не прихватил…

Полковник снова нырнул в рюкзак и на этот раз вытащил длинную зеленую бутылку; повернул ее так, чтобы Брюкс увидел этикетку с надписью «Гленморанджи».

– Нашел в каком-то кубике, – пояснил Джим. – И не спрашивай, как она туда попала. Может, подарок от продавца за крупный заказ. Или Чайндам захотел меня порадовать. Я знаю одно – это мой любимый сорт.

Он поставил бутылку на палубу и опять полез в сумку.

– Кстати, в комплекте с милым набором бокалов.

Мур махнул в сторону клейких стульев:

– Занимай место.

* * *

Он открыл бутылку; в воздухе сразу повеяло торфом и древесным дымом.

– Технически мы не должны возиться с открытыми жидкостями даже при ускорении в одну третью же, но в «грушах» по вкусу все напоминает пластик.

Брюкс протянул бокал.

– Могу предположить, – Мур позволил дрожащей при низкой гравитации капле покинуть бутылку, – что ты слегка раздражен.

– Может быть, – признал Брюкс. – Когда не пачкаю штаны от экзистенциального ужаса.

– Еще недавно ты занимался своими делами, отдыхал в турпоходе…

– Я вообще-то полевыми исследованиями занимался.

– …как вдруг угодил под перекрестный огонь в войне транслюдей. А потом и вовсе очнулся на корабле с мишенью, нарисованной прямо на корпусе.

– Я действительно постоянно задаюсь вопросом, что я тут делаю. Каждые тридцать секунд, или около того.

Они чокнулись бокалами и выпили. Брюкс одобрительно хмыкнул, когда от жидкости приятно потеплело в горле.

– Конечно, в том, что ты здесь, есть определенный риск, – признал Мур. – И за это я приношу извинения. С другой стороны, если бы мы не взяли тебя с собой, скорее всего, ты бы уже умер.

– Мы хоть знаем, кто нас преследует?

– Не на сто процентов. Желающих много. Даже троглодиты в списке есть, – полковник пригубил виски. – Иногда Лианна сильно нас недооценивает.

– Но почему? – Тут Брюксу пришла в голову мысль: – Рой же не украл этот корабль?

Мур засмеялся:

– Ты хоть знаешь, сколько открытий уже запатентовали Двухпалатники? Они могли бы купить флот таких кораблей за наличку, если бы захотели.

– Тогда почему?

– Рой вполне справедливо считали угрозой, даже когда монахи сидели в пустыне и не высовывались. Теперь мы находимся на корабле, который может донести нас куда угодно, от «Икара» до «о'нилов». – Он посмотрел на виски. – При таких обстоятельствах уровень угрозы лишь возрастает.

– Значит, мы летим на «Икар»?

Мур кивнул:

– Подозреваю, что наши преследователи об этом не знают. С их точки зрения, мы просто срезаем путь по внутренней системе и направляемся куда-то еще. Наверное, поэтому они так долго сдерживались. – Он опустошил бокал. – А вот «почему» – вопрос неоднозначный. Если мы будем считать преследователей силой, у которой есть цель, это будет не слишком продуктивно. Лучше думать о них… как об очень сложных системах, которые делают то, что должны делать системы. Реагенты могут как угодно объяснять свою роль в реакции, но их точки зрения имеют мало общего с реальной химией.

Брюкс взглянул на собеседника новыми глазами:

– Ты буддист, что ли?

– Солдат-буддист, – Мур улыбнулся и снова наполнил

бокалы. – Мне нравится.

– «Икар» был частью… увеличительного стекла?

– Вряд ли. Хотя сбрасывать эту возможность со счетов нельзя. Он находится в зоне риска.

– Тогда почему мы туда летим?

– Опять это слово… – Полковник поставил свой бокал на ближайший куб. – По сути, мы – разведчики.

– Разведчики?

– Двухпалатники считают наше путешествие чем-то вроде… паломничества, – он едва заметно, криво улыбнулся. – Ты, конечно, помнишь о миссии «Тезея».

Фраза была слишком риторической даже для знака вопроса.

– Разумеется.

– И знаешь, о топливной технологии, которую она использовала… использует.

Брюкс пожал плечами:

– «Икар» раскалывает антиматерию и лазером отправляет квантовые спецификации, «Тезей» по этим схемам штампует собственные запасы, и ба-бах! Куча антипротонов, ешь, сколько влезет.

– Почти. Важно, что «Икар» передает топливные спецификации на двигатель телематерии «Тезея» уже больше десяти лет. Недавно появилось предположение, что по этому же лучу что-то пришло в ответ.

– Разве «Тезей» не должен посылать собранные во время экспедиции образцы?

– Фаб-канал «Тезея» шел в карантин, расположенный на низкой околоземной орбите. Я же говорю о реальном потоке телематерии.

– Я не знал, что такое вообще возможно, – заметил Брюкс.

– Еще как возможно, это часть проекта: топливо – туда, данные – обратно. Конечно, в нынешнем состоянии нам еще несколько световых лет пахать до передачи сложных структур, так что приемник работает только с… базовыми данными. Одиночными частицами, экзоматерией, даже небарионной. С веществом, для постройки которого нужно очень много энергии.

Брюкс глотнул виски:

– Вы когда «Тезей» отправляли, что ожидали найти?

– Мы понятия не имели, – пожал плечами Мур. – Нечто чужое, это точно. А по сравнению с общей стоимостью миссии поставить лишний конденсатор на солнечную сторону «Икара» было пустяковым делом. Как минимум, его могли использовать в качестве семафора – если бы основной канал накрылся. Потому один и установили. Вдруг понадобится.

– Полагаю, он и понадобился.

Мур взглянул на пустой бокал, словно раздумывая, не мудро ли его поставить. Но потом вновь потянулся за бутылкой.

– Вот в чем штука… По пути выяснилось, что «Тезея» обманули, и он попался на приманку. Ты знал об этом? Такие вещи на публику говорили?

Брюкс покачал головой:

– Было что-то о корректировке курса за Юпитером, когда пришла новая информация.

– Я в последнее время окончательно запутался, – проворчал Мур. – Что мы признаем, что фальсифицируем, а что полностью скрываем. После Огнепада мы все смотрели на небо так пристально, что из глаз кровь текла. Увидели, как что-то пищит в поясе Койпера – это ты знаешь – и послали взвод высокоскоростных зондов проверить. Следом снарядили «Тезей» (как только успели его собрать). Но он туда не добрался. Зонды долетели первыми, заметили нечто, зарытое в астероид, а тот сразу взорвался. Мы столько старались ради… «куклы», мощной пехотной мины с сиреной на макушке. Пришлось вернуться к радиокартам и звездным графикам. Там мы нашли рентгеновский выброс, похороненный в архивах, который произошел за несколько лет до Огнепада и больше не повторился. В то время МАС счел его аппаратным сбоем, но сейчас у нас больше ничего не было. «Тезей» уже в пятнадцати астрономических единицах, идет не туда… В общем, мы воспользовались преимуществом неограниченных топливных ресурсов, скормили кораблю новый курс, он развернулся и полетел в облако Оорта, что-то там нашел, вроде крохотного коричневого карлика. «Тезей» решил посмотреть поближе, засек какой-то объект на орбите, начал слать детали, а потом – раз, и исчез.

Мур свел вместе кончики пальцев свободной руки и резко их растопырил, словно свечу задул.

Брюкс ответил не сразу:

– Я об этом не знал.

– Это хорошо, иначе я бы очень забеспокоился.

– Я думал, корабль еще в пути. В новостях и сводках никаких сообщений о том, что они кого-то нашли. – Брюкс, взволнованный, не мог отвести взгляд от бокала. – И что там было?

– Мы не знаем.

– Но они же начали слать…

– Множественные контакты. Тысячи! Мы получили свидетельства, что пришельцы засевают атмосферу карлика пребиотической органикой – то есть там вроде шел

суперюпитерианский проект по терраформированию. Но сумели ли наши это расследовать, осталось неизвестно.

– Господи… – прошептал Дэн.

– Может, там есть что-то еще, – добавил Мур, уставившись в палубу и глядя сквозь нее до самого Оорта. – Что-то… спрятавшееся. Ничего определенного.

Казалось, сейчас он находится в другом месте. Брюкс тихо кашлянул.

Полковник моргнул и очнулся:

– Вот и все, что мы знаем. Телеметрия была шумной, мягко говоря: у этого карлика чудовищное магнитное поле, и он глушит все, что пытаешься отослать. У Двухпалатников есть потрясающие распознавательные алгоритмы; они выжимали информацию из обрывков, где, я мог поклясться, не было ничего, кроме помех. Но есть и ограничения. «Тезей» вошел туда и будто исчез в тумане. Он вполне может по-прежнему слать сигнал – команда оставила спутниковый ретранслятор, и он активен. Пока есть надежда, мы держим канал связи открытым. Но с корабля мы больше ничего не получаем. Ни одного сигнала из-за этого «супа»!

– А теперь вы, значит, сигнал получили. Причем не только его.

– Нет, – Мур поднял руку. – Если бы система функционировала нормально, мы бы уже всё поняли и расшифровали, но ничего нет. Никаких протоколов установления связи и четко выраженной передачи. Там, на другом конце провода, никто не сказал, что посылает нам какую-то информацию. Когда приходит пакет с данными, обычно всегда есть звоночки. В этот раз – ничего. Тишина. Максимум – еле заметный всплеск, когда что-то вроде бы ринулось по потоку. Но контрольные суммы проверки не прошли… Все, парни, расходитесь, смотреть нечего! ЦУП сигнала даже не заметил. Я не заметил. И не подозревал о подвохе, пока Двухпалатники не помогли мне выжать архивы, прогнав их через свои сакральные алгоритмы. И это спустя несколько лет!

– Но если поток даже протоколы не запустил, как…

– Спроси у них, – Мур дернул подбородком в сторону смутной точки за переборкой – узла озарений Двухпалатников. – Я тут за компанию.

– Значит, нечто использует поток телематерии, – подытожил Брюкс.

– Или, по крайней мере, использовало.

– И это были не мы.

– Что бы там ни было, оно изо всех сил старается держаться в тени.

– И что оно нам послало?

– Ангелов Астероидов, – пожал плечами Мур. – Так это называют Двухпалатники, ну или так нам перевели их слова. Возможно, монахи просто такой условный код для операции придумали. Но я не знаю, насколько серьезно они верят в то, что там что-то есть. Может, все-таки был сбой или неудавшийся удаленный взлом, и мы сможем что-нибудь узнать про хакеров, изучив отпечатки.

– А если там все же что-то есть? Чисто гипотетически, – спросил Брюкс. – Что-то физическое.

Мур раскинул руки:

– Например? Незаметный туман из разрозненных атомов?

– Я не знаю. Вещь, которая нарушает все наши законы.

– Тогда, я полагаю… – Мур глубоко вздохнул, – у нее было несколько лет, чтобы обустроиться.

* * *

Все рушится, основа расшаталась.[259]

Уильям Батлер Йейтс

Монахи придумали шикарный план, как сбросить с хвоста таинственных преследователей. Пока те не взорвали «Венец», они решили взорвать его сами.

Мнением Брюкса, естественно, никто не интересовался.

Он опять сидел в медотсеке (он же – «Техобслуживание и ремонт») и клеил на себя очередной резиновый экзоскелет. Это оказалось легко: всего-то надо было наложить ленты на голые, лишенные волос полоски на теле, которые Дэн сам сделал пару дней назад.

Правда, сейчас счет шел не на дни. Судя по только что прозвеневшему звонку, до взрыва осталось две минуты.

Две минуты. До взрыва.

С потолка упала Лианна:

– Привет. Я тут, чтобы сказать: Ракши сейчас будет складывать оси. Я не хотела, чтобы ты шлепнулся, когда сместится гравитация.

«Как мы заботимся о тараканах, – с кривой усмешкой подумал Брюкс. – Очень похоже на Сенгупту».

По сигналу переборки задрожали. Отсек задергался, вдалеке неожиданно словно заревел океан. По кубу покатилась оставленная кем-то «груша» с питьем.

– Не беспокойся, – заверила Дэна Лианна. – Правый борт

сместится на пару градусов, и ненадолго, буквально на несколько минут. Ты даже виски не разольешь. Если пьешь, конечно.

Выпить сейчас явно стоило.

Низ качался между ногами ленивым маятником и остановился в полуметре от центральной линии: полые кости «Венца» сложились вдоль хребта, как ребра закрывшегося зонта; вращение, выбрасывавшее их наружу, замедлялось в точной пропорции по отношению к ускорению, нараставшему изнутри. Тысячи тонн медленно двигались вокруг, множество векторов играли друг против друга, а Брюкс не чувствовал ничего, кроме учтивого разногласия между внутренними ушами. Низ снова подходил к предназначенному для него месту.

Это впечатляло, и все же:

– Меня беспокоит не запуск двигателей, а кома, которую вы хотите потом устроить.

– Ты ее даже не почувствуешь.

– Я именно это имею в виду. Когда падаешь на Солнце, как-то хочется остаться в сознании и запрыгнуть в спасательный челнок, если все пойдет наперекосяк.

– Тогда тебе тем более не о чем беспокоиться: у нас нет челноков.

Отсек слегка подпрыгнул от тяжелого и глухого, вездесущего удара, когда защелкнулись огромные стыковочные зажимы. «Груша» на столе качалась туда-сюда. «Терновый венец» связали и снарядили для плавания.

Лианна кинула Дэну комбинезон и ткнула рукой в потолок:

– Пошли?

На сей раз безмятежного плавания по туннелю света не получилось. Не было легкого восхождения из псевдогравитации в невесомость. Теперь «Венец» разгонялся, врубил двигатели и поджал отсеки к бортам: сбежать от второго закона Ньютона было невозможно. Каждая ступенька преодолевалась с той же тяжестью, что и предыдущая; с каждым кольцом светящейся ленты падать было все дальше.

По причине, которую Брюкс не мог понять, так казалось даже легче.

Они выбрались в Центральный узел, прямо на дно чаши; здесь тоже царила гравитация, как и на всем корабле. Огромную радужку на южном полюсе сузили и зафиксировали. Ртутные иглы сочились из зеркального шара наверху, как нити липкой слюны, спускаясь в открытый зрачок. Видимо, грузовой лифт. Ведет в трюм, а может, и глубже: в закутки и технические каналы, где в случае катастрофического сбоя с проводкой боролись вручную; к колоссальным, изрыгающим нейтроны двигателям.

Брюкс склонился над ограждением. Глубины полого позвоночника «Венца» уходили вдаль оптической иллюзией, напоминая трахею самого Бога. («Всего сто метров, – напомнил себе Брюкс, – всего сто метров».) Внизу виднелись признаки активности: что-то мельтешило, слабо клацал металл о металл. Жидкие зеркальные канаты дрожали натянутой тетивой, когда что-то дергало их с другого конца.

Кто-то похлопал Брюкса по плечу, и он чуть не подпрыгнул. Лианна держала в руке два серебряных троса; на конце каждого волшебным образом раскрылся хомут, похожий на гипертрофированное игольное ушко. Синтет отдала один Дэну и вставила ногу в петлю другого.

– Хватай и прыгай, – сказала она и легко переступила через ограждение.

Лианна медленно полетела вниз – при работе двигателя в четверть силы тяжести люди весили еще меньше, чем при вращении, – и набирала скорость вместе с расстоянием. Брюкс тоже продел ногу в петлю, схватил трос одной рукой (как за стеклянистую резину) и последовал за женщиной. Пока он спускался, волокно в руке натянулось и истончилось. Он поднял глаза и вроде бы даже заметил крохотные волны, рябью расходившиеся от точки в зеркальном шаре, из которой тянулся этот чудесный канат, но из-за скорости и расстояния второй раз ничего разглядеть не смог.

Брюкс падал в пастельные сумерки, мимо биостальных балок, кольцевых обручей и мерцающих переборок с мягким покрытием. Узлы из труб походили на вокальные связки в горле; рядом размытыми нитями сочились серебряно-металлические потоки. Конец отстегнутого каната Лианны пролетел мимо, жабьим языком возвращаясь вверх по шахте.

Четверть же. Но сломать себе шею на дне стометрового колодца все равно легче легкого.

Движение Брюкса постепенно замедлялось – волшебная «тарзанка» достигла своих пределов. Впереди маячил еще один огромный люк, по сторонам от которого виднелись решетки, служебные панели и около шести альковов для скафандров. Из переборки поблизости топорщился воздушный шлюз, как вторичный рот, достаточно большой, чтобы проглотить двух Брюксов за раз. Но влетел Дэн в пасть покрупнее. Серебряный канат опустил его, словно мать, кладущая младенца в кроватку, мягко уронив из света во тьму. Поставил на пол огромной темной каверны, где со всех сторон маячили монстры и машины. И тут же бросил.

* * *

«Вот она, значит, какая, стратегия, – размышлял Брюкс. – Предвидение, контрмеры. Интеллект настолько огромный, что даже в язык не помещается. Форменное самоубийство».

– Поверь, – сухо обронила Лианна, пока они забирались в скафандры. – Они знают, что делают.

Скафандр обернулся вокруг Дэна как паразит-душитель. Дыхание и биение крови хрипом отдавались в шлеме; наконечник в заднице дергался, словно кормящийся хоботок. В уретру вошел катетер, но Брюкс ничего не почувствовал, отчего забеспокоился еще больше, так как понятия не имел, чем механизм там, внизу, занимается.

«Они знают, что делают».

Последние два часа они провели в трюме, среди мутных перепутанных теней расчлененных машин. Наверху замерзала остальная часть корабля: отсеки, лаборатории, туннели и Центральный узел насухо выкачали и открыли воздействию вакуума. Еще недавно это пещерное пространство полностью принадлежало больным Двухпалатникам, став импровизированной гипербарической камерой, где враждебные анаэробы дохли в ядовитом кислороде, а рой зализывал раны и творил заклинания, собирая воедино кусочки создаваемого паззла. Теперь всю эту таинственную протомашинерию сложили, упаковали и привязали к стенам. Двухпалатников, чьи ткани еще насыщались под давлением в пятнадцать атмосфер, укрыли в стеклянных саркофагах, персональных декомпрессионных камерах с руками и ногами. Они стояли, едва двигаясь, прямо на палубе, похожие на противоположности глубоководных ныряльщиков из давно минувших дней. Между ними безмолвно сновали зомби Валери; похоже, ей поручили следить за монахами. Личинки, выхаживаемые трутнями…

Теперь стал замерзать и трюм, вокруг собравшейся команды убывал последний карман воздуха на корабле. Двухпалатники, исходники, монстры – странные, гибридные твари, в которых было по чуть-чуть от каждого, – все стояли и наблюдали, как обвислая груда ткани посередине помещения развернулась в огромную черную сферу, а взаимосвязанные геодезические сети проросли под ее шкурой растягивающимся оригами-скелетом. Штриховкой тени.

Мур назвал эту штуку термосом. Наблюдая, как она надувается, Брюкс был почти уверен, что именно такой футбольный мяч унес их из пустыни. Хотя, его, похоже, перекрасили.

Лианна ткнулась в Дэна сбоку и прикоснулась шлемом для личного разговора:

– Добро пожаловать на встречу одноклассников Прайнвилля.

Брюкс с трудом улыбнулся.

«Они знают, что делают».

Дэн тоже знал, до некоторой степени. Они собирались упасть в сторону. Пролететь мимо выхлопа так близко, что можно было бы протянуть руку и увидеть, как та испаряется в потоке плазмы, извергающимся со скоростью двадцать пять километров в секунду. Не будет возможности запустить маневровые двигатели для дополнительного толчка вперед, никаких шансов создать хотя бы минимальное расстояние между готовым переломиться хребтом и вознесением со скоростью в шесть термоядерных бомб в минуту. Первый закон Ньютона – настоящая сука, переговоров не терпит. Даже Двухпалатники не смогли заставить ее раздвинуть ноги чуть пошире, и даже этой неохотной уступки едва хватало, чтобы замаскировать потерю передней части корабля. Для маневра по выводу на безопасное расстояние ничего не останется.

Все пойдет по плану, если только Двухпалатники не ошиблись на микрон или два; если эту крохотную конструкцию из балок и лесов не засосет и не размолотит на ионы; или если шквал нейтронов, разлетающихся во всех направлениях, не найдет путь внутрь корабля.

Ракши Сенгупта открыла люк. Тот подпрыгнул и стукнулся об изгиб сферы, пневматический и упругий. Сенгупта тут же залезла внутрь. Автоматоны Валери – сейчас совершенно неотличимые друг от друга из-за ограниченных гардеробных возможностей, предоставляемых отделом моды для выживания, – выстроились в очередь и стали передавать Двухпалатников в глобус, как муравьи-рабочие, спасающие яйца.

«Все на борт», – одними губами произнесла Лианна за щитком шлема.

«Терновый венец» выдавало не только излучение двигателя: тепловой след от минимальной работы системы по обеспечению жизнедеятельности сверкал, будто маяк на космическом фоне, колебавшемся в пределах абсолютного ноля. Разумеется, существовали обходные пути. Свечку на фоне солнца не заметишь, а «Венец» держался на прямой линии между звездой и любыми, направленными в эту сторону телескопами: достаточно близко, чтобы похоронить свою тепловую сигнатуру в солнечном жаре, но не настолько близко, чтобы выдать себя, если кто-то решит поставить светозащитный фильтр перед сканером. Еще можно было спрятать человеческие тела под массивным слоем

изоляции: когда тепловое излучение при таком раскладе пробиралось на поверхность корабля, оно уже было за пределами любого радиуса поиска.

Двухпалатники рисковать не любили, поэтому решили использовать оба варианта.

* * *

Да, мяч оказался тот же самый.

Та же паутина внутри и тот же цвет – красный. «Как в викторианском борделе», – сморщившись, подумал Брюкс. При таком освещении даже труп выглядел бы красиво. И та же компания, с небольшими поправками.

Куча фалов свисала из узла наверху. Брюкс схватил ближайший и вставил в восьмигранное гнездо шлема. Подплыла Лианна, дважды проверила соединение и подняла большой палец. Брюкс саккадами включил связь и прошептал «спасибо», то почти затерялось в хоре тихого дыхания, заполнившего шлем, но Латтеродт услышала и улыбнулась за тонированным стеклом.

Мур забрался в чрево, задраил люк, и краснота вокруг тут же померкла. В последних лучах света Брюкс увидел, как солдат тянется к фалу, а потом всех поглотила тьма.

Валери тоже была здесь: спряталась в одном из ртутных костюмов. Дэн не видел, как она вошла – даже на палубе ее не заметил. Хотя вампирша легко могла забраться в капсулу заранее и сейчас висеть рядом или в том скафандре, или в этом.

Брюкс глазами вызвал отчет на лицевом щитке: осталось две минуты. Одна пятьдесят девять.

Дэн зевнул.

Ему сказали, что в этот раз будет гораздо легче: ни поспешной импровизации, ни удушения, вызывающего панику. Только свежее дуновение анестетического газа через систему шлема, который нежно погрузит его в сон, прежде чем H2S задушит клетки изнутри.

Пятьдесят пять секунд.

Рядом со счетчиком появилась иконка: загрузилась внешняя камера. Брюкс мигнул на нее и…

– Да будет свет, – раздался шепот Лианны. И стал свет: ослепляющее желтое солнце размером с кулак висело на расстоянии вытянутой руки, полыхая в черном небе. Дэн прищурился от сияния: иззубренная, озаренная светом путаница балок и параллелограммов висела наверху, рассеченная под десятком углов острыми трещинами тени.

«Да будет чуть меньше света», – внес поправку Брюкс, уменьшая яркость. Солнце потухло; наружу выскочили звезды. Они заполнили пустоту со всех сторон; миллион ярких мошек, лишь подчеркивавших беспредельную тьму между ними. Над головой они полностью исчезали, скрытые нависающими отсеками и перекладинами «Венца», что маячили в космосе механической свалкой. Солнце превратило освещенные грани корабля в яркую головоломку; остальное было видно лишь благодаря логике, разрозненной геометрией негативного пространства на фоне звезд.

Небо накренилось.

«Поехали…»

Еще раз. Появилось чувство медленно нарастающей инерции. Позади горели волокна, удерживавшие «Венец» воедино. А мир впереди накренился на левый борт.

Нос корабля стал опускаться, медленно и торжественно, как падающая секвойя. Свет и тени играли на его гранях, пряча и высвечивая мириады углов, пока мимо мчались звезды. Вселенная перевернулась. Солнце взошло, достигло зенита и тоже упало.

По правому борту что-то сверкнуло: из-за массивной черной громады, закрывавшей обзор, выглянула корона. Наконец нечто свалилось прямо перед ними, когда треснули и отвалились последние незначительные обломки. Дэн буквально на секунду увидел темную массу, громоздкие плиты экранов, огромный морщинистый ствол толщиной с небоскреб…

(«Амортизаторы», – понял он.)

…прежде чем цунами невероятного белого света мгновенно ослепило его райским божественным сиянием.

Черные круги носились перед глазами, как косяки перепуганной рыбы. Брюкс сморгнул слезы, рефлекторно протянул руки вверх и почувствовал, что в них вернулась странная и уже знакомая инерция.

«Невесомость».

Потом липкая сетка отпустила конечности, Дэн неуклюже попытался вытереть лицевой щиток, промахнулся и начал размахивать руками, не встречая никакого сопротивления, кроме эластичной упругости противоперегрузочной паутины.

Мягко покачиваясь, невесомый, он ждал, пока исчезнет чернота перед глазами. Когда к Брюксу наконец вернулось зрение, всю панораму узурпировала телеметрия: скудная картина из цифр, контурных диаграмм и параболических траекторий. Дэн прищурился, попытавшись выжать хоть какой-то сигнал из этого шума сквозь вату, заполняющую голову: двигатель «Венца» находился впереди, в километрах по левому борту, расстояние

росло с каждой секундой. Тактический экран наложил широкий разреженный конус света на пространство перед ним, расходившийся от оставленного движка, подобно свету прожектора. «Воронка Буссарда», – сообразил Брюкс через секунду. Магнитное поле для сбора ионизированных частиц, тормоз для борьбы с солнечным ветром. Неожиданно с экрана исчезло значение массы, причем без характерных изменений в ускорении или подозрительных замедлений. Лишь еще один показатель среди многих, втиснутый между маскировкой тепловых отпечатков и тем, что скрывало корабль от радаров.

«Мур сказал мне столько, сколько я мог понять», – предположил Брюкс. И это только начало. Дальше пойдет решение проблем, которые исходник не в состоянии предвидеть, не то что решить. Двухпалатники тихо и незаметно ушли со сцены, а ничего не подозревающие преследователи продолжали гнаться за яркой горящей приманкой, летящей в страну комет. И все это было прямо перед ним, на изгибе персонального водолазного колокола, с цифрами, диаграммами и анимацией для умственно отсталых.

Брюкс понимал только половину из них и не знал, можно ли доверять второй. «Вдруг все это не настоящее, – сонно подумал он. – Лишь успокаивающая фантазия, чтобы я тихо сидел на заднем сидении. Мама и папа рассказывают милые истории, а детишки не плачут».

По крайней мере все были живы – выхлоп не испарил их на месте. Но только время покажет, не возьмется ли за экипаж лучевая болезнь. Время, или…

Дэн осмотрел пузырь с данными. Ничто не говорило о присутствии гамма-лучей. Конечно, радиация действует не сразу. Поначалу никто ничего не почувствует, и уж точно не за несколько минут до того, как наступит… ночь…

«Пятьдесят дней до „Икара“.

Пятьдесят дней полета, кувыркаясь вверх тормашками, без энергии, на чистой баллистике, мы превратимся в еще один фрагмент мусора, болтающийся в системе. Иголку в стоге сена, недостаточно острую, чтобы уколоть кого-то, решившего взглянуть в эту сторону. У этих маленьких сияющих осколков будет куча времени, из-за них мы можем легко сгнить изнутри. Умереть во сне и даже не узнать почему».

Вокруг царила невесомость, но веки Дэна казались невыносимо тяжелыми. Он не закрывал их, всматривался в лица под стеклами, искал улыбки, хмурые взгляды или предательские морщины беспокойства на более просвещенных лбах. Правда, углы и оптика превратили половину шлемов в искаженные

зеркала. Крохотная часть сознания Брюкса заерзала от недоумения: «Эй, погодите… Откуда здесь свет?» Каким-то образом он смог увидеть Лианну: глаза закрыты, лицо гладкое то ли от спокойного сна, то ли от смирения. Дэн видел и затылок муровского шлема, прямо под своими ботинками. Он был почти уверен, что различает глаза Двухпалатников то тут, то там; все закрытые, рты под ними двигались, распевая безмолвную синхронную молитву.

По связи ничего, кроме дыхания.

«Может, и я уснул? – подумал Брюкс, изворачиваясь в паутине. – И просто вижу сон?»

На него смотрела Валери. На ее лице не было и следа усталости или анестезии.

«Ей не нужны метаболические увертки, – Брюкс засыпал, его мысли катились все медленнее. – Никакого запаха гнилья в горле, CO и H_2S не забивают кровяные клетки. Технологии, собранные на живую нитку, чтобы спокойно уснуть, ей тоже не нужны. Ей вообще не требуется наша помощь. Она так делала двадцать тысяч лет назад, овладела искусством нежити, когда мы даже палочки на стенах пещер еще не умели рисовать. Вампирша нас выжирала и уходила, а мы снова размножались до нужного уровня и забывали, что она реальна, превращали ее из хищника в миф, из мифа – в страшную сказку на ночь…»

Прямо посередине груди Валери появилось отверстие, как от пули. Вертикально растущая линия; трещина, расколовшая ее скафандр пополам.

«Многие годы мы убеждали себя, что она не существует, а такие, как Валери, все это время спали прямо у нас под ногами. Пока снова не чувствовали голод и не выкапывались из земли, как чудовищные, забытые Богом цикады, и не отправлялись на охоту. Мы же спали в собственных могилах и называли их Небесами…»

Валери извивалась, корчилась и, наконец, голая выползла из серебряного кокона: белая словно личинка, и сухая как богомол. Ее зубы напоминали иголки. Она усмехнулась и поползла по паутине к Брюксу.

«Вот и сейчас мы спим, – подумал он, теряя сознание, – а она мне улыбается».

* * *

Я широк, я вмещаю в себя множество людей.

Он сошел в Небесную темницу, но оковы оказались пусты, а жены нигде не было видно.

Он лежал на спине в пустыне, посмотрел вниз и увидел, что выпотрошен от промежности до горла. Призрачные змеи с легкостью выползали из разреза, покидали пределы тела ради бесконечной высохшей грязи ископаемого морского дна, наконец почувствовав свободу…

Он парил в океане звезд, бесконечно малых булавочных точек: абстрактных, неизменных и нереальных. Одна из них прямо на его глазах нарушила все правила – пиксель развернулся в высокое измерение, будто квантовый цветок, распустившийся в замедленной съемке. Из очертаний возникли углы; по поверхностям протянулись тени, вращаясь на оси, которую Брюкс не мог разглядеть. А посередине величаво вращались кости.

Там его ждали монстры.

Он пытался свернуть, затормозить. Потянул за все височно-теменные струны, которые делали сновидения осознанными. Но «Терновый венец» набухал перед ним, невозмутимый, его не тревожили жалкие человеческие попытки переписать сценарий. Отсек летел к Дэну, как навершие булавы; Брюкс забился, заметался, зажмурился и столкновения не почувствовал. А когда снова открыл глаза, оказался внутри корабля, и на него смотрела Валери.

«Добро пожаловать на Небеса, Мясо».

Ее зрачки были полностью расширены, как фары или комки ярко-кровавого стекла, освещенного изнутри. Рот раскололся свежей ухмыляющейся раной.

«Засыпай, – сказала она. – Забудь обо всех волнениях. Усни навечно».

Ее голос неожиданно стал странно андрогинным.

«Выбор за тобой…»

Он закричал…

* * *

…и открыл глаза.

Над ним склонилась Лианна. Брюкс поднял голову и стал лихорадочно озираться.

Ничего. И никого, кроме Лианны. Они снова – в «Техобслуживании и ремонте».

«Всяко лучше, чем на складе».

Дэн вновь откинулся на койку:

– Полагаю, мы прорвались.

– Возможно.

– Возможно? – горло у Брюкса запеклось.

Она передала ему «грушу».

– Мы там, где хотели, – сказала синтет, пока он сосал жидкость, будто оголодавший младенец. – Явных признаков преследования нет. Чтобы убедиться наверняка, понадобиться время, но пока все выглядит прекрасно. Спустя несколько часов после разъединения двигатель взорвался; скорее всего, они думают, что достали нас.

– И мы так и не узнали, кто за нами гонится.

– Кто за нами гнался.

– Итак, следующая остановка – «Икар»?

– Зависит от тебя.

Брюкс поднял брови.

– В смысле – да, мы летим к «Икару», – пояснила Лианна. – Но тебе не нужно бодрствовать, если ты… не готов. Мы можем усыпить тебя, а в следующее мгновение ты проснешься на Земле, в полной безопасности. Ведь официально ты не участвуешь в экспедиции.

«Один важен для миссии, другой – балласт».

– Или вы меня усыпите, и я умру во сне, когда вся миссия вылетит в трубу, – ответил Дэн, помедлив.

Лианна не стала ничего отрицать:

– Ты можешь умереть во сне где угодно. К тому же Двухпалатники знают все лучше, чем мы, а они уверены, что ты вернешься домой.

– Это они тебе так сказали?

– Не совсем. Я ощутила их чувство убежденности.

– Если бы они знали, что мы там найдем, – задумчиво произнес Брюкс, – никогда не полетели бы в принципе.

– Ты прав, – сказала Лианна, а потом радостно заявила: – Но если миссия вылетит в трубу, что лучше: мирно умереть во сне или вопить от ужаса, пока тебя высасывает в открытый космос?

– О, да ты мастер утешать!

Лианна поклонилась и стала ждать ответ.

Путешествие к Солнцу. Шанс увидеть следы чужого разума – что бы слово «чужой» не значило в мире, где люди сшивали себя в роевой разум или вызывали свои худшие кошмары прямиком из Плейстоцена, чтобы грамотно рулить на биржах. Встать лицом к лицу с неизвестностью. Какой ученый захотел бы проспать такое?

«Как будто они позволят тебе приблизиться к их драгоценным Ангелам Астероидов, – язвительно усмехнулся человечек

внутри. – Как будто ты поймешь хоть что-то, даже если тебя пустят. Лучше пересиди, дай отвезти тебя домой, а там начнешь жизнь с того момента, где ее обронил. Тебе здесь не место. Ты как таракан на поле боя».

Которого могут легко раздавить прямо во сне… Какой солдат, пусть даже самый милосердный, во время битвы думает о паразитах под ногами?

Бодрствуя, Дэн, по крайней мере, сможет удрать от опускающегося ботинка.

– Ты думаешь, я упущу возможность провести такие полевые исследования? – сказал он, наконец.

Лианна заулыбалась:

– Тогда ладно. Процедуру знаешь, сам соберешься, – она подпрыгнула к лестнице.

– Валери, – вырвалось у Дэна.

Лианна даже не обернулась.

– В своем отсеке. Со свитой.

– Когда корабль сломался… я видел…

Лианна склонила голову, уставившись в какую-то точку на дальней переборке:

– Иногда, когда сознание отключается, мы видим странные вещи. Опыт клинической смерти, знаешь?

«Почти».

– Светящегося туннеля не было.

– А его никто не видит, – Лианна взялась рукой за перекладины. – Мозг откалывает разные штуки, когда его включаешь и выключаешь. В такие моменты своим чувствам верить нельзя. – Она остановилась и повернулась, не убирая ладони с лестницы. – С другой стороны, а когда можно?

* * *

Мур, хмурый, спрыгнул на палубу, когда Брюкс закончил натягивать комбинезон. В одной руке полковник держал личную палатку – свернутый цилиндр размером с предплечье.

– Слышал, ты решил к нам присоединиться?

– Постарайся менее бурно выказывать свою радость.

– Ты – дополнительная переменная, – сказал Джим. – А у меня и так много дел. И мы не сможем позволить себе роскошь приглядывать за тобой, если все пойдет наперекосяк. С другой стороны… – он пожал плечами. – Я даже представить не могу, что решил бы иначе, окажись на твоем месте.

Брюкс поднял левую ногу и, балансируя на правой, принялся

чесать розовую лодыжку (кто-то снял гипс, пока он был в коме).

– Поверь, я не хочу никому мешать, но тут для меня не слишком знакомая территория. Я не знаю правил.

– Просто… не мельтеши под ногами, это главное, – Мур кинул Дэну палатку. – Можешь располагаться где угодно. В отсеках тесновато – пришлось перенести довольно много оборудования при переделке трюма, – но пока народа мало. Поэтому найди место, разбей палатку и обустраивайся. Если что-то нужно, а интерфейс не поможет, спроси Лианну. Или меня, если я буду не слишком занят. Через пару дней из декомпрессии выйдут Двухпалатники; от них держись подальше. Не буду лишний раз говорить, что это вдвойне относится к вампирше.

– А если она сама решит быть ближе?

Мур покачал головой:

– Это вряд ли.

– Она приложила немало усилий, чтобы… спровоцировать меня.

– Как конкретно?

– Ты видел ее руку после того, как нам ось отрезали?

– Не видел.

– Она ее сломала. Свою собственную руку. Несколько раз. Сказала, что я неправильно кость вставил.

– Но она не напала на тебя и не угрожала.

– Не физически. Но она, кажется, очень хотела напугать меня до смерти.

Полковник хмыкнул:

– По моему опыту, этим тварям и стараться не надо, чтобы кого-то перепугать. Если бы она хотела тебя убить или сломать, ты бы уже умер. У вампиров есть… идиоматические речевые паттерны. Ты мог просто не так ее понять.

– Она назвала меня мясом.

– А Сенгупта – тараканом. Если я ничего не пропустил, ты и это принял за оскорбление.

– А я ошибся?

– Таракан – это обыкновенный термин у транов. Означает настолько примитивное существо, что его почти невозможно убить.

– Меня очень даже легко убить, – возразил Брюкс.

– Конечно, если кто-нибудь уронит тебе на голову пианино. Но ты прошел испытания в полевых условиях. У нас были миллионы лет, чтобы все выстроить правильно, а вот некоторые парни в трюме упакованы улучшениями, которых не существовало пару месяцев назад. Первые версии могут быть с багами, и нужно время, чтобы их вытряхнуть, а к тому времени

вполне может выйти еще один апгрейд, который, если хочешь остаться на плаву, пропустить нельзя. Поэтому иногда они страдают от… сбоев. Когда траны называют тебя тараканом, значит, отчасти они тебе завидуют.

Брюкс переварил новую информацию:

– Если мне хотели сделать комплимент, то следовало поработать над его подачей. По идее, люди с такими мозгами могли бы освоить пару социальных навыков.

– Забавно то, – Мур говорил без всякого выражения, – что Сенгупта в принципе не понимает, как ты с такими навыками общения можешь быть настолько плох в математике.

Дэн ничего не ответил.

– Не принимай это на свой счет, – сказал полковник, – но постарайся не забывать, что все мы – гости на этом корабле, и твои личные стандарты, какими бы они ни были, здесь ничего не значат. Собаки всегда будут показывать плохие результаты, если упорно принимать их за странный вид кошек. Эти люди – не исходники с парой поправок. Они ближе к, так скажем, отдельному когнитивному подвиду. Что же касается Валери, она и ее… телохранители сидят в своем отсеке с начала путешествия. Я ожидаю, что так будет и впредь. Для нее даже освещение на корабле слишком яркое. Сомневаюсь, что у тебя возникнут трудности, если только ты сам их не найдешь.

Брюкс почувствовал, как у него напряглись уголки рта.

– Итак, – он вспомнил совещание в Центральном узле, где сидела завидовавшая, видите ли, Сенгупта, – до «Икара» еще неделя?

– Скорее, двенадцать дней, – ответил Мур.

– Почему так долго?

Полковник помрачнел:

– Из-за фиаско в монастыре. «Венец» пришлось запустить раньше времени. Разделительный маневр мы спланировали заранее – чтобы понять, насколько пристальное внимание привлечет наше путешествие, рой не нужен, – но двигатели на замену еще разобраны. Их собирают, пока мы с тобой разговариваем.

Брюкс моргнул:

– То есть сейчас у нас вообще нет двигателей?

– Только маневровые, малой тяги. Но даже их мы пока не можем использовать – есть риск, что нас засекут, – Мур увидел вытянувшееся лицо Дэна и добавил:

– Правда, я не жду, что они нам понадобятся. Баллистические расчеты роя очень точны. И, в любом случае, мы выбрали бы путь длиннее. Надо учитывать их медицинское состояние: вирус

удалось достаточно легко вылечить, как только мы распознали его характеристики, но выздоровление требует времени, а гибернация – не то же самое, что медицинская кома. Как-то совсем не хочется добраться до цели с главной частью команды не у дел. – Судя по виду, ему в голову пришла какая-то неприятная мысль, Мур помрачнел еще больше, но быстро расслабился. – Хочешь совет? Смотри на все это, как на каникулы. Может, мы совершим удивительные открытия, и у тебя будет место в первом ряду. А может, там ничего нет, и ты просто помаешься от скуки. В любом случае, сравни наше путешествие с болезненной смертью в Орегонской пустыне и считай, что выиграл по очкам. – Он раскинул руки. – За сим мой урок окончен.

* * *

В северном полушарии свет был приглушен. Забравшись в Центральный узел, Брюкс увидел сквозь экваториальную решетку тонкий слой непонятных параметров, хроматическую путаницу, которая для него не обрела бы больше смысла, даже смотри он на нее прямо.

– Не туда, – раздался знакомый голос, когда Дэн направился к следующей оси.

Сенгупта.

– Что? – Он ее не видел, даже сквозь решетку; зеркальный шар застилал вид.

Но голос Ракши ясно разносился по помещению:

– Хочешь нанести вампирше визит?

– О, нет.

«Господи, нет!»

– Тогда ты идешь не туда.

– Спасибо, – он засомневался, но решил рискнуть (не сам начал разговор, в конце концов), проплыл по воздуху и с первого раза вписался в проход – больше наудачу, чем от навыка.

Она опять сидела в противоперегрузочном кресле, но отвернулась, как только он показался наверху.

Правда, снова решила помочь:

– Куда направляешься?

«Не знаю, понятия не имею».

– На камбуз.

– В другую сторону. Две оси вверх.

– Спасибо.

Сенгупта ничего не ответила. Ее глаза покачивались в

глазницах. Время от времени от роговицы отражался рубиновый огонек, словно там считывал команды невидимый лазер.

– Реальный дисплей, – попытался Брюкс спустя секунду.

– И что?

– Я думал, тут все пользуются КонСенсусом.

– Это и есть КонСенсус.

Он постучал по виску:

– Я имел в виду кортикальный, ну, ты знаешь.

– Беспроводная связь может мне клитор пососать, с ней кто угодно подсмотреть может.

Плоды ее трудов раскинулись по добрым двадцати процентам купола, световым штормом из цифр, картинок и – чуть дальше, с левой стороны – кучи чего-то, похожего на сонограммы. Это даже отдаленно не походило на астронавигационные дисплеи, которые когда-либо видел Брюкс.

Она раскапывала кэш.

– Я могу подсмотреть, – сказал Дэн. – Прямо сейчас подглядываю.

– А с чего мне о тебе беспокоиться? – фыркнула Сенгупта.

«Кошки и собаки», – подумал он и придержал язык.

Попытался снова:

– Полагаю, мне тебя надо поблагодарить за все это?

– За что?

Он обвел жестом эхо недельной давности, размазанное по небу.

– За то, что ты сделала снимок, когда мы убегали. А то в следующие двенадцать я бы со скуки умер без доступа в Быстронет.

– Разумеется почему нет. Жрешь нашу еду догоняешься нашим кислородом так чего бы еще к инфе не присосаться пока ты здесь.

«Все, сдаюсь».

Дэн развернулся и направился к выходу, но почувствовал, как Сенгупта зашевелилась в кресле.

– Ненавижу эту вампиршу она двигается неправильно.

Похоже, базовые подпрограммы отвращения к хищникам пережили все имплантаты. Брюкс даже обрадовался от такой новости.

– И на твоем месте полковнику Мяснику я бы тоже не доверяла, – добавила Сенгупта. – Пусть он к тебе и подлизывается.

Дэн оглянулся. Пилот парила в свободных ремнях кресла, не двигаясь и уставившись прямо перед собой.

– Это почему? – спросил Брюкс.

– Тогда верь ему делай что хочешь. Мне наплевать.

Он подождал еще пару секунд. Ракши сидела совершенно неподвижно, больше напоминая палочника.

– Спасибо, – сказал, наконец, Дэн и спрыгнул вниз.

* * *

«Значит, вот кто я теперь – паразит».

Он спустился в лабораторию.

«Полумертвое ископаемое, склеенное лишь для того, чтобы запустить парочку зеркальных нейронов. Меня мимоходом подхватили с поля боя из-за рудиментарной чесотки, что люди некогда звали жалостью».

Оборудование было не его, но рабочий стол давал хоть какой-то пластиковый комфорт: хоть что-то известное в мире, забитом длинными костями и странными существами.

«Хуже, чем балласт: я дышу их кислородом, ем их припасы и занимаю драгоценную атмосферу, когда до земной миллионы километров. Даже не домашний зверек: они не хотят со мной общаться, не желают чесать за ушком, им неважны мои трюки, собачка должна выполнять лишь два номера: притворяться мертвой и быть невидимой».

Секвенсор/сплайсер, универсальный инкубатор и оптоэлектронный наноскоп с приличным разрешением в тридцать пикометров. Все ободряюще знакомое в мире, где даже от пыли ждешь, что она построена из чудес и магических кристаллов. Может, это сделано намеренно; покрывало безопасности для безнадежно отставших от Сингулярности.

«Ладно, я – паразит. Сильные паразитов не уничтожают. Паразиты ими кормятся, используют сильных для собственных целей».

Нижний уровень оказался пустым, если не считать небольшой горки сложенных стульев и шести грузовых кубов (запас материи для фабрикаторов, согласно декларации). Брюкс скинул с плеча палатку и развернул ее на палубе напротив изгиба переборки.

«Глист может и не такой умный, как его хозяин, но укрытие, еду и место для размножения он находит превосходно. Хорошие паразиты невидимы, а лучшие – незаменимы. Кишечные бактерии, хлоропласты, митохондрии – все они когда-то были паразитами, невидимыми в тени огромных существ. А теперь хозяева не могут без них жить».

Конструкция надулась, превратившись в подобие лукообразного ромба. Она распухла, как иглу, слилась со стенами и полом позади себя. Палатка не слишком отличалась о той, что Дэн оставил в пустыне; пьезоэлектричество, поддерживающее ее структуру, питало графический интерфейс внутренней оболочки. Брюкс провел указательным пальцем по центру двери, и

мембранные половинки аккуратно раскрылись, как мышечная перегородка, разрезанная пополам.

«А некоторые идут дальше и берут власть, закапываются и меняют проводку носителей прямо на уровне синапсов. Двуустки, саккулины, токсоплазмы. Безмозглые твари, все. Неразумные создания, которые превращают непостижимо больший интеллект в марионетку».

Он опустился на колени и заполз внутрь. Встроенный гамак прицепился к внутренней поверхности палатки, готовый по любому прикосновению отклеиться от стены и развернуться. Стандартная конфигурация предусматривала пространство, в котором можно было максимум ходить на карачках, но Брюксу не хотелось ничего увеличивать. К тому же теснота казалась странно уютной здесь, на самом дне оси, когда лишь несколько слоев сплавов и изоляции отделяли человека от звездного барабана небес, крутившегося прямо под ногами.

«Значит, я – паразит? Прекрасно. Это почетный титул».

Здесь, внизу, укрывшись в теплой и саморегулируемой крохотной палатке, Дэн был настолько тяжел, насколько ему позволял «Венец». Он даже чувствовал стабильность и причастность. Правда, не безопасность, но Брюкс даже умудрился не сильное заострять внимание на том, как сильно его жилище напоминало нору: насколько глубоко сидело в земле и насколько далеко находилось от других обитателей этой карманной экосистемы. Прижавшись к палубе, Брюкс изо всех сил старался не замечать, что похож на мышь, забившуюся в самый дальний угол огромного стеклянного террариума с кобрами, где лампы светят так ярко, как могут.

* * *

> Если вам предоставят выбор, вы будете верить, что действуете свободно.
>
> *Реймонд Теллер*[261]

Каждый отсек начинался одинаково. Одна и та же отдельно стоящая система жизнеобеспечения; защелкивающаяся и растягивающаяся рамка, чтобы разделить жилое пространство по личным вкусам. Одна и та же базовая кухонная панель на переборке с туалетом на другой стороне. В любом помещении можно было найти аварийные блоки, совместимые с наиболее популярными моделями скафандров и саркофагов для дальних перелетов (последние в комплект не входили). Похоже, монахи

оптом закупили популярные многоцелевые персонариумы «Боинга» в стандартной комплектации и в последний момент прикрепили его к концам осей. Если бы случилось невероятное и одна из осей сломалась, а отсек полетел бы в космос сам по себе, корпорация гарантировала, что люди смогут жить внутри такого отсека год (при условии полной инертности).

Конечно, индивидуальные особенности жильцов учитывались. Например, фабрикатор на камбузе готовил еду со вкусом. Когда Брюкс спустился позавтракать, единственным теплым телом поблизости оказался Мур. Поначалу полковник в ответ не улыбнулся – Дэн сразу признал устремленный вдаль взгляд человека, странствовавшего по КонСенсусу, – но звук шагов вернул Мура в скудный мир реальности.

– Дэниэл.

– Не хотел тебя беспокоить, – солгал Брюкс. Он очень этого хотел и, прежде чем выдвинуться на поиски провианта, ждал, пока разреженные созвездия в интеркоме «Венца» не выстроятся особым образом: Лианна и Мур – на камбузе, Валери где-то еще.

Полковник отмахнулся:

– Мне все равно нужно сделать перерыв.

Брюкс приказал фабу распечатать тарелку с французским тостом и беконом:

– Перерыв от чего?

– Пришли данные телеметрии с «Тезея», – объяснил Мур. – Того, что от нее осталось. Привожу все в порядок перед главным событием.

– А что, мы будем участвовать в главном событии?

– Ты о чем?

Брюкс одной рукой перенес тарелку на стол (к ароматам сиропа и масла, поднимавшихся от тарелки, примешивались слабые бензиновые оттенки) и сел.

– Карлики среди гигантов, так? У меня возникло ощущение, что для исходников в операции активная роль не предусмотрена.

Он попробовал полоску бекона. Неплохо.

– У них свои причины быть здесь, – холодно ответил Мур. – У меня свои.

В его тоне явственно слышалось: «И это не твое дело».

– Ты много общаешься с этими парнями, – предположил Дэн.

– С кем?

– Двухпалатниками. Постлюдьми.

– Они – не постлюди. Пока нет.

– А как ты различаешь? – Это была лишь наполовину шутка.

– Иначе мы в принципе не могли бы с ними говорить.

Брюкс проглотил шарик фальшивого французского тоста:

– Они могли бы говорить с нами. По крайней мере некоторые.

– А зачем? Мы их практически не понимаем даже в нынешнем состоянии. И… у тебя есть дети, Дэниэл?

Брюкс покачал головой:

– А у тебя?

– Сын, Сири. Он – не совсем исходник. Правда, близко не подошел к дальнему берегу, но даже с ним иногда трудно… связаться. Может, такое сравнение для тебя мало значит, но… все они – наши дети, дети человечества. Но даже сейчас они практически не обращают на нас внимания. А как только перевалят через край… – Он пожал плечами. – Как быстро ты решишь, что у тебя есть занятия поинтереснее, чем болтать со стаей капуцинов?

– Они – не боги, – мягко напомнил Брюкс.

– Пока нет.

– И никогда ими не станут.

– Это простое отрицание.

– Всяко лучше, чем коленопреклонение.

Мур печально улыбнулся:

– Да ладно тебе, Дэниэл. Ты сам знаешь, какой могущественной может быть наука. Тысяча лет на то, чтобы вскарабкаться от призраков и магии до технологии. И полтора дня, чтобы спуститься от технологии обратно, к призракам и магии.

– Я думал, они не пользуются наукой. И в этом смысл.

Мур еле заметно кивнул:

– В любом случае, если поставить исходников против Двухпалатников, последние каждый раз будут на сто шагов впереди.

– И ты спокойно к этому относишься.

– Мое отношение не имеет значения. Таков порядок вещей.

– Это… фатализм какой-то, – Брюкс оттолкнул пустую тарелку. – Дальний берег, пропасть между гигантами и капуцинами…

– Это не фатализм, – поправил его Мур. – А вера.

Дэн пристально посмотрел через стол, пытаясь решить, не дразнит ли его Джим. Тот бесстрастно взглянул на него в ответ.

– А тот факт, что нас кто-то подстрелил? – намеренно продолжил Брюкс. – И ты сам сказал, что это, скорее всего, траны.

– Я так сказал? – Казалось, Мур нашел это забавным. – К счастью, в нашем углу собралась неплохая команда с такими же способностями. Честно, я бы не волновался.

– Ты слишком им доверяешь, – тихо произнес Дэн.

– Это ты постоянно так говоришь, хотя не знаешь их так, как

знаю я.

– Слушай, ты действительно думаешь, что знаешь Двухпалатников? Ты же сам называешь их гигантами. Мы понимаем их цели не больше, чем цели умных облаков. Но ИскИны, по крайней мере, не вскрывают нам мозг и не копаются там, как…

Мур какое-то время молчал, а потом:

– Лианна.

– Ты знаешь, что они с ней сделали?

– Не совсем.

– О том я и говорю. Никто не знает, даже она сама. Они вырубили ее на четыре дня, а когда Лианна проснулась, то превратилась в подобие «китайской комнаты». Кто знает, что сделали с ее мозгом, осталась ли она прежней личностью?

– Не осталась, – спокойно отрезал Мур. – Изменишь проводку – изменишь машину.

– И я о том.

– Она сама согласилась, вызвалась добровольцем. Работала как проклятая и расталкивала всех на своем пути, чтобы добраться до переднего края, пройти отбор.

– Это не осознанное согласие.

Снова поднятые брови:

– Почему же?

– Как оно может быть осознанным, если личность когнитивно не способна понять, на что соглашается?

– Ты хочешь сказать, что Лианна умственно неполноценная, – подытожил Мур.

– Я хочу сказать, что мы все такие. По сравнению с роями, вампирами, техноконтурниками[262] и всей этой…

– Мы – дети.

– Да.

– Которым не доверяют самостоятельное принятие решений.

Брюкс покачал головой:

– Не в таких вопросах.

– Нам нужны взрослые, чтобы делать выбор за нас.

– Мы… – Дэн замолк.

Мур взглянул на него, и по его губам скользнул призрак улыбки. Потом взял со стены «Гленмораджи»:

– Выпей. Так будущее проходит легче.

* * *

«Незримо передвигаясь по внутренностям хозяина, паразит

захватывает над ним контроль».

Брюкс пролез в центральную нервную систему «Тернового венца» и подчинил ее своей воле. Лианна, как обычно, сидела в трюме со своими беспомощными и всемогущими повелителями. Иконка Сенгупты светилась в Центральном узле. Мур якобы пребывал в Комнате отдыха, но видео из отсека доказывало, что это ложь: там было лишь его тело, функционировавшее на автопилоте, пока закрытые глаза танцевали в КонСенсусной реальности, которую Дэн мог только представить.

Похоже, есть ему придется в одиночку.

Теперь тревога стала постоянной: она сверлила подсознание с постоянством зубной боли, стала частью Брюкса, почти незаметной, пока неожиданный холодок не пробегал по спине. Панические атаки в осях, отсеках, в его собственной треклятой палатке. Они случались нечасто и длились не долго. Но для напоминания о себе хватало, чтобы паранойя не ослабевала.

Пока Дэн поднимался по оси, в кишках от страха вновь стал проворачиваться нож. Брюкс заскрипел зубами и быстро закрыл глаза, пока конвейер тащил его мимо Зоны ужаса (это действительно помогало), и расслабился, когда отрезок с привидениями исчез внизу. Добравшись до вершины, Брюкс отпустил поручень, влетел в Центральный узел, пронесся над люком, ведущим в основной хребет (сейчас наполовину суженным – туда еле пролезало человеческое тело), оттолкнулся и…

Тихий влажный звук. Всхлип из северного полушария, прерванный вздох.

Кто-то плакал.

Там была Сенгупта. По крайней мере несколько минут назад.

Брюкс откашлялся:

– Эй! Там кто-нибудь есть?

Легкий шелест. Тишина и вентиляторы.

«Так, хорошо…»

Он возобновил движение по выбранному курсу, перелетел к оси в камбуз, вывернулся и, скрючившись, протиснулся внутрь. Даже поздравил себя, когда ловко ухватил кольцо конвейера и полетел головой вперед, медленно поворачиваясь вокруг поручня, пока вниз не стали смотреть ноги. Еще два дня назад все эти трубы и переменные векторы гравитации сбивали с толку.

Валери поймала его на полпути.

Дэн не заметил, как она подобралась: летел лицом к переборке. Может, сверху на мгновение мелькнула тень, за долю секунды до легкого прикосновения между лопаток; будто кончик ножа скользнул вдоль позвоночника, и спину вскрыли, как расстегнули молнию. Брюкс даже ничего не понял, а

продолговатый мозг уже отреагировал, распластал и заморозил его, точно перепуганного кролика. К тому моменту, когда Дэн опять смог двигаться, вампирша прошла мимо, а он остался жив.

Дэн посмотрел вниз, вдоль длинного туннеля, который она без единого звука пролетела головой вперед. Валери ждала его на дне оси: белая, голая, похожая на скелет. Гибкие, напоминавшие канаты мускулы обвивали кости. Правой ногой она отбивала по металлу странный тревожащий ритм.

Конвейер тащил Брюкса прямо ей в руки.

Он отпустил поручень и прыгнул через всю ось к неподвижной безопасности лестницы. Пропустил первую ступеньку, ухватился за вторую; от остаточной инерции плечо чуть не выпрыгнуло из сустава. Ноги заскребли, пытаясь найти опору, с трудом нашли ее. Брюкс вцепился в лестницу, а конвейер потоком струился с двух сторон, вверх и вниз.

Валери смотрела на него. Он отвернулся.

«Она лишь дотронулась до меня, Боже мой! Я едва ее почувствовал. Может, это была случайность».

Не случайность.

«Она не угрожала, не подняла руку. Она просто сидит там. И ждет.

И не в своем отсеке. И на яркий свет ей плевать – опять Мур соврал».

Брюкс не сводил глаз с переборки. Он мог поклясться, что чувствует, как скалится Валери.

«Она – еще один гоминоид-неудачник. И все, больше ничего. Без наших лекарств не перенесет и парочку прямых углов, свалится в конвульсиях. Очередная природная лажа, еще один вымерший монстр, уже десять тысяч лет как дохлый».

И воскрешенный. Жутко видеть, насколько ей комфортно в будущем. Так хорошо, как Валери, Брюксу никогда не было.

«Если бы не мы, ее бы не существовало. Если бы мы, тараканы, не выскребли остаточные гены и не срастили их. Ее время безвозвратно прошло. Ее в принципе не стоит бояться. Не будь таким трусом, идиот».

– Ты идешь?

Брюкс с трудом посмотрел вниз, устремив взгляд на люк позади нее, вампирша осталась в огромной комфортной зоне низкого разрешения, из которой состоит 95 % человеческого зрения. Он даже умудрился выдавить из себя нечто вроде ответа:

– Я… это…

Руки не хотели отцепляться от лестницы.

– Ну, как хочешь, – сказала Валери и исчезла в камбузе.

* * *

Сквозь решетку Сенгупта напоминала пиксельную мозаику. Наверное, вернулась из туалета на форпике. Брюкс с пониманием отнесся к тому, что Сенгупта решила отлить, когда Валери проходила мимо.

Пилот ушла в тень за зеркальным шаром. Послышался звук щелкающих пряжек и зажимов, хмыканье, сошедшее за приветствие:

– Думала ты хотел в столовую.

Дэн вплыл в северное полушарие. Ракши натягивали КонСенсусную перчатку на левую руку: средний палец, безымянный, указательный, мизинец, большой. Ее волосы стояли торчком на голове, еле заметно искрясь от статического электричества.

– Валери добралась туда первой.

– Там есть место для двоих. – Правая перчатка: средний, безымянный, указательный…

– На самом деле нет.

Она все еще отказывалась на него смотреть, разумеется. Но улыбка ободряла.

– Эта сука даже не пользуется камбузом, – тон у Сенгупты был заговорщицкий. – Выходит из своего отсека только чтобы нас попугать.

– Как она вообще здесь оказалась? – поинтересовался Дэн.

Ракши что-то сделала с глазами, по-особенному дернула ими, вызвав командный интерфейс.

– Вот. Теперь мы ее увидим, – она подняла локти и сразу опустила, словно крыльями взмахнула. Брюкс не мог понять, продиктовано движение управлением или обсессивно-компульсивным расстройством. – А меня чего спрашивать?

– Я думал, ты знаешь.

– Это ты был там а я всех вас выловила из атмосферы.

– Нет. В смысле… откуда она вообще взялась? Вампиры должны жить в уютных маленьких комнатках и там сражаться с алгоритмами, решать Большие Проблемы. Они не должны никому угрожать. Их не спустят с поводка – идиотов нет. Как Валери оказалась в пустыне со сворой зомби и военным аэростатом?

– Умные монстрики, – слишком громко ответила Сенгупта (Брюкс нервно посмотрел сквозь дырчатый пол). – На твоем месте я сделала бы пару крестов.

– Без толку. У них в голове встроены лекарственные насосы. Антиевклидики.

– Все меняется исходник. Адаптируйся или умри, – Сенгупта

по-птичьи склонила голову. – Я не знаю откуда она взялась. Но работаю над этим. Вообще не верю ей мне не нравится даже как она двигается.

«Мне тоже», – подумал Брюкс.

– Может ее друзья нам подскажут, – сказала Сенгупта.

– Какие друзья?

– Те от которых она сбежала. Я их ищу и – эй ты же у нас крупный биолог да? На конференции ездишь и все такое?

– Был на одной или двух. Я не настолько крупный ученый.

По большей части, он посещал конференции по вирту; гранты были не столь велики, чтобы перемещать реальную биомассу по планете. К тому же последнее время коллеги были совсем не рады его видеть.

– На эту стоило съездить, – Сенгупта закусила губу и вывела архивное видео на стену. Стандартная запись с плавающей камеры: типичный зал самой типичной конференции. Ракши отключила звук, но вид был более чем знакомый. Первый ряд для профессуры, своими одеяниями больше напоминавшую термохромную и многосоставную скульптуру из плоти; аспиранты в галстуках и блейзерах из самой унылой синтетики. В маленьком загоне сбоку стояла пара десятков телеопов, похожих то ли на огромных палочников, то ли на спаривающиеся шахматные фигуры – сдаваемые внаем механические раковины для призраков тех, кто не смог раскошелиться на самолет.

Выступающий стоял на самой обычной сцене. За ним возвышался стандартный флэш-экран, на котором вращалась корпоративная голограмма, напоминая собравшимся, где они и на чьи деньги банкет:

«Файзерфарм» представляет:
22 Биеннале, Мемориальная конференция
по синтетической и виртуальной биологии
имени Д. Крейга Вентера

– Не моя тема на самом деле, – признал Брюкс. – Я больше по…

– Вот! – каркнула Сенгупта и приостановила запись.

Сначала он не мог понять, что она имеет в виду. Мужчина за кафедрой, застывший посреди движения, махнул рукой в сторону матрицы из портретов, маячивших за его спиной на экране. Обыкновенная, моментально замыливающая глаз групповая диорама, заразившая академические презентации по всему миру: «Я бы хотел воспользоваться возможностью и поблагодарить всех тех замечательных людей, которые помогали мне в исследовании,

потому что я никогда, – слышите, суки, – никогда не поставлю их в соавторы».

А потом Брюкс присмотрелся, и у него слегка заныло в желудке.

Там были не сотрудники, а объекты исследования.

Он чуть ли не по пунктам мог перечислить все признаки вампиризма: бледность, лицевая аллометрия, углы скул и мандибул. И глаза: Боже, эти глаза. Изображение, пропущенное через три поколения, копия с дубликата изначальной картинки, часть лиц деградировала до кучки темных пикселей, но даже при этом от одного взгляда на них по позвоночнику бежали холодные мурашки.

Дай время, и Брюкс мог все спокойно разложить по полочкам. Но спинной мозг все равно сжимал яйца за миллисекунды до того, как серое вещество говорило, в чем дело.

«Зловещая долина на стероидах», – подумал Дэн.

Только сейчас он заметил текст, сверкавший перед кафедрой; миниатюрную инфу по докладу: «Паглиньо Р. Д., Гарвард. „Доказательства эвристической обработки изображений в сетчатке вампиров“».

Сенгупта побарабанила пальцами, скормила таракану наводку:

– Второй ряд третья колонка.

Лицо Валери. О, да.

– Специально делают так чтобы их было сложно отследить, – пожаловалась Ракши. – Постоянно меняют идентификационные коды перевозят с место на место. Постоянно «закрытая информация» и «ошибка файла» и «не можем позволить фронту освобождения вампиров узнать где наши псарни» но теперь я ее достала у меня есть первый кусок паззла.

Вампирша Валери. Лабораторная крыса Валери. Пустынный демон Валери, повелительница умертвий; выжигающая все на своем пути армия в одном лице. И Ракши ее достала.

– Удачи, – сказал Брюкс.

Но пилот уже вызвала очередное окошко, список имен и филиалов. Похоже, докладчики и участники. Некоторые были отмечены флажками. Брюкс прищурился, ища связь между подсвеченными именами.

Вот оно! Постоянное учреждение: институт Саймона Фрезера.

– У нее есть друзья, – почти про себя пробормотала Сенгупта. – И похоже она от них сбежала. Уверена они хотят ее вернуть.

* * *

Реальность не исчезает, если вы перестаете верить в нее.[263]

Филип К. Дик

Джим Мур танцевал.

Не было площадки или партнерши, даже зрителей – пока Брюкс не вскарабкался в Центральный узел. На командной палубе царила непривычная тишина: никакого топота, щелчков языком или стаккатных раскатистых ругательств, которые изрыгала Сенгупта, когда система или интерфейс видели что-то не так, как она. Мур был совсем один в захламленном помещении, прыгал с кучи грузовых кубов, отскакивал от случайной поверхности и приземлялся на палубу буквально на долю секунды, приняв идеальный полуприсед, прежде чем снова взвиться в воздух. Одна его рука была крепко прижата к груди, другая била невидимого парт…

«Противника», – понял Брюкс. Эти удары раскрытой ладонью по воздуху, и пятка, которая с хрустом врезалась в подвернувшуюся переборку, – боевые движения. Правда, Дэн понятия не имел, сражается полковник с виртуальным партнером в КонСенсусе или представляет его по старинке.

Танцующий воин зацепился за свободную петлю грузовой паутины, свисавшую с решетки, оперся ногами о переборку: Мур стал похож на человеческий трипод, распластанный на стене трехногим пауком. Теперь Брюкс смог ясно разглядеть его лицо: полковник даже не запыхался.

– Хорошо двигаешься, – заметил Дэн.

Солдат посмотрел сквозь него и безмолвно поднял ногу, медленно вращаясь в петле, как мельница на слабом ветру.

– Э…

– Тише.

Брюкс подпрыгнул, когда на его плечо опустилась рука.

– На твоем месте я бы его не будила, – тихо сказала Лианна.

– Он спит? – Дэн снова взглянул на потолок. Мур вращался все быстрее: голову наклонил вперед, ноги расставил в стороны, петля все сильнее затягивалась между человеком и металлом. В следующее мгновение полковник снова оказался в воздухе.

– Разумеется, – после утвердительно кивка дреды синтета еле заметно покачивались на голове. – Не поняла, ты сам разве бодрствуешь, когда тренируешься? Тебе не скучно?

Дэн не знал, что ей кажется более невероятным: мысль, что он экипирован некой формой лунатизма, или еще более смешная картина отработки ударов.

– Зачем вообще этим заниматься? Доза агониста АМФ-

зависимой киназы, и будешь словно камень, даже если целый день валяешься в постели и жрешь конфеты.

– Может, он не хочет полагаться на имплантаты, которые легко взломать. Или от эндорфинов ему лучше спится. Да и старые привычки умирают с трудом.

Мур проплыл над их головами, пронзив воздух. Брюкс невольно пригнулся.

Лианна захихикала:

– Не беспокойся, он нас прекрасно видит, – и сразу уточнила: – Что-то в нем видит в любом случае.

Оттолкнувшись ногой, она скользнула к лестнице по левому борту:

– Лучше не трать время на этого неудачника: он как проснется, опять нырнет в файлы с «Тезея». – Лианна дернула подбородком. – Мне тоже надо убить время. Пойдем поиграем лучше.

– То есть…

Но она уже извернулась, как рыба, и нырнула в ось. Дэн последовал за ней в зону с гравитацией, на камбуз, где лежала зеленая бутылка Мура, а он сам прицепил свой фетиш-капюшон к переборке между двумя полосами мятного астродерна.

– Во что поиграть-то? – спросил он, нагнав Лианну. – В догонялки?

Она схватила маску со стены и кинула ему, а сама с глухим звуком одним ловким движением шлепнулась в подвернувшийся гамак.

– Во что хочешь. В «Битву богов». Бокс с обменом телами – тоже веселая штука. Еще есть симы Кардашёва [264], я в них профи, но обещаю, что дам тебе фору.

Он повертел «Интерлопер Аксессориз» в руках. Фронтальные сверхпроводники уставились на него парой изумленных глаз.

– Ты помнишь, что, по сути, это игровой капюшон, да?

– Я не играю.

Лианна посмотрела на него так, словно Брюкс заявил, что он – гортензия.

– Почему нет-то?

Разумеется, сказать ей он не мог.

– Это не реальность.

– В том и смысл, – объяснила она с удивительным терпением. – Вот почему это называют играми.

– Я не чувствую, что они реальны.

– Ничего подобного.

– Я не чувствую, понимаешь?

– Ничего подобного.

– Я не…

– Не хочу особо настаивать, старомодник, но ничего подобного.

– Не надо рассказывать мне о том, как я чувствую, Ли.

– Да ведь это те же самые нейроны! Один и тот же сигнал бежит по одним и тем же проводам, и мозг не видит разницы между электроном, пришедшим с сетчатки, и тем, который вкололи где-то на полпути. Никакой.

– Я не чувствую, что они реальны, – настаивал Брюкс. – Понимаешь? И я не буду играть с тобой в «Кошачьи звездные порновойны».

– Блин, ну просто попробуй, а?

– Поиграй с ИскИном, у него все равно получится лучше, чем у меня.

– Это не то же…

– Ага!

Лианна, удрученная, потупилась:

– Вот черт! Напоролась на собственный аргумент.

– Уязвлена тараканом, не меньше. Как себя чувствуешь?

– Будто сама разбила себе нос, – призналась она.

Какое-то время оба молчали.

– Ну разочек! Для меня!

– Я не играю.

– Хорошо, хорошо. Спрос не грех.

– Но ты уже спросила.

– Ладно, – несколько секунд Лианна качалась в гамаке туда-сюда. (В движении виделось что-то странное, еле заметное полуспиральное колебание: Кориолис был мастером тонких приемов.)

– Если тебе от этого станет лучше, – произнесла Лианна через какое-то время. – Я вроде знаю, о чем ты.

– То есть?

– О вещах, которые не кажутся реальными. Я так чувствую себя постоянно и, только играя, ощущаю нечто другое.

– Хм, – Брюкс удивился. – Интересно почему? – Потом подумал и заметил:

– Возможно, все дело в твоей компании и круге общения.

* * *

Рядом с палаткой Дэна кто-то разбил еще одну, прицепил ее, как разбухший лейкоцит, прямо у основания лестницы. Брюксу пришлось прыгнуть вбок прямо со второй ступеньки, чтобы не

столкнуться с новой конструкцией. Внутри нее что-то шевелилось и бормотало.

– Привет?

Сенгупта высунула голову наружу и уставилась в пол:

– Таракан.

Брюкс кашлянул:

– Может, ты думаешь иначе, но это звучит не как комплимент.

Похоже, она не услышала Дэна.

– Тебе надо на это взглянуть, – бросила Ракши и опять исчезла внутри. Спустя несколько секунд снова выглянула:

– Ну давай не тормози.

Дэн осторожно присел и залез в палатку, посредине которой скорчилась Сенгупта. Пятна мерцающей информации роились на ткани: колонки цифр, грубые портреты с пластиковой кожей, сделанные компьютерным художником по недостаточным свидетельским показаниям; ряды… домашних адресов, судя по всему.

– Это что?

– Не твоя забота, – отраженные молнии играли в ее глазах. – Просто один ублюдок который будет кишки жрать когда я до него доберусь. – Она махнула рукой, и коллаж исчез.

– Ты понимаешь, что у них есть целый отсек, отведенный под спальню? – спросил Брюкс.

– Там слишком много народу а этим никто не пользуется.

– Этим пользуюсь я, – «Ладно, проехали».

«В конце концов, сосед по комнате – это не так уж плохо», – подумал Дэн. Специально он не стал бы искать компании: хорошие паразиты не привлекают к себе внимания, и неважно, насколько одинокую жизнь они ведут. Но если все пойдет наперекосяк, может, Валери съест Ракши первой, и у него появится время.

– Зацени самый крутой трюк на вечеринке.

Она послала видеозапись на стену: громкие грубые голоса и сверкающие огни; маглевитирующий стол накренился под безумным углом из-за какого пьяного придурка, решившего на нем станцевать. Университетский бар. По студенческой обстановке такие места легко узнать в любом уголке планеты, но сейчас Брюкс был уверен, что эта вечеринка проходила в Европе. Субтитры отключили, но он слышал обрывки немецкой и венгерской речи.

Парочка аспирантов в случайном порядке расставили с десяток пустых бокалов из-под пива на столе. Толпа других пела, кричала и оттаскивала прочь стулья, освобождая место под

танцы. А слева, за пределами камеры, что-то происходило: антибуйство, неожиданное и заразное исчезновение шума и движения, которое привлекало внимание и тут же распространилось по всему помещению. Камера повернулась к глазу циклона, и у Брюкса перехватило дыхание.

Опять Валери.

Вампирша спокойно прошла в расчищенное пространство, как заведенная пантера, спущенная с поводка и полностью автономная. Она носила дешевую одноразовую ткань из смартпапира, одинаковую для лабораторных крыс и заключенных по всему миру; та казалась абсурдной на фоне ярких одежд, голограмм и биолюминесцентных татуировок. Валери будто не замечала, что нарушает местный дресс-код; не замечала, что люди сбились в толпу, когда она прошла рядом; не замечала, как бормотание сменялось полной тишиной, стоило ей приблизиться. Она смотрела только на бокалы, стоявшие на столе.

Какой идиот-самоубийца привел вампиршу в бар? Насколько обдолбаны были все присутствующие, раз скопом не побежали к выходу?

– Где ты взяла…

– Заткнись и смотри!

Валери один раз обошла стол по кругу. Помедлила мгновение: ее взгляд был рассеян, а на губах играло нечто, похожее на улыбку.

В следующую секунду она прыгнула.

Приземлилась на одну босую ногу, покрыв расстояние в добрых три метра, и резко опустила вторую, притопнув; развернулась, топнула опять и прыгнула – на сей раз выгнувшись назад, через стол, перекувырнулась в воздухе и приземлилась на четыре точки, присев (левая нога, правая нога, правое колено, левая рука); скакнула влево (топнула), отпружинив на руке, и приземлилась рядом с полупьяным студентом – тот уткнулся лицом ей в грудь и благодаря животным инстинктам стал зелено-белым под слоем модифицированных хлоропластов. И сразу вертикальный прыжок на метр вверх, приземление на одну ногу, поворот кругом (притоп) и два шага по диагонали к столу (притоп). Обоими локтями и коленом вампирша со стуком ударилась о древние половицы, сразу отскочив обратно в позицию стоя. Конец. Через секунду камера, трясущаяся, несмотря на лучшие алгоритмы стабилизации картинки, которые мог позволить студенческий бюджет, дала увеличение на стол.

Бокалы были выставлены в идеально прямую линию с равными промежутками.

– Тяжело было найти такое кто-то втихаря протащил ее через

запасной выход а если выведешь вампира наружу без авторизации все твоей карьере конец поэтому все доказательства они держали в секрете думаю это была инициация или типа того…

Камера застыла над столом, словно оператор никак не мог поверить в увиденное; потом резко повернулась к монстру, который это сделал. Валери смотрела прямо в объектив, куда-то за тысячи километров от места, в котором находилась, и улыбнулась своей фирменной, вымораживающей внутренности улыбкой. Вампирша даже не запыхалась.

Другие не могли похвастаться такой собранностью. Реальность, наконец, прорвалась сквозь алкоголь, наркотики и дурацкую браваду испорченных детишек, выросших на обещании бессмертия. Теперь они все увидели настоящую черную магию, оказались в присутствии чего-то такого, чьи самые обычные усилия превращали законы движения в форменный телекинез. А из-под ужаса, потрясения и неверия, вероятно, уже пробивалась мысль, что этот огромный интеллект и невероятное владение собственным телом возникли в ходе эволюции с одной-единственной целью.

Охотиться.

Неважно, какие сказки рассказывали на ночь этому привилегированному отродью. Рядом с Валери они были завтраком, а не бессмертными. Брюкс это видел – в том, как они начали уходить, бормоча извинения; как потихоньку продвигались к дверям, стараясь держаться спиной к стене; в том, как даже те, кто притворялся, что они тут главные, отводили глаза и бочком, робко подходили к Валери и слабыми дрожащими голосами говорили, что пора уходить – все они прекрасно поняли, где их место.

А еще было очевидно, хоть и задним числом, что Брюкс оказался не справедлив к исходникам, выкравшим свою крысу из клетки ради одной ночи свободы. Они могли быть кем угодно, только не самоубийцами. Даже не идиотами. Неважно, что они себе говорили до или после; неважно, кто думал, что ему первому пришла в голову такая идея.

Они ничего не решали сами.

* * *

Фетиш-капюшон действительно увеличил кривую обучения, это Брюксу пришлось признать.

Информация, некогда вынужденная ютиться на крючке между полосами астродерна, тут же привольно раскинулась по трем

осям и трехсот шестидесяти градусам бесконечного пространства. Опции, с которыми раньше приходилось устанавливать зрительный контакт на смарткраске, теперь выпрыгивали прямо по центру, стоило о них подумать. Данные, которые раньше требовалось читать, повторять и анализировать, теперь, казалось, просто застревали в мозгу от одного взгляда. Дэн, конечно, привык к когнитивным усилителям, но тут, похоже, имел дело с техникой Двухпалатников; кажется, даже хирургические усилители не могли бы обеспечить большей скорости.

Три триллиона узлов и поисковый радиус в десять тысяч ссылок был довольно слабым эхом настоящего Быстронета, но и в нем можно было копаться на протяжении тысячи жизней и не добраться до края. Мгновенное экспертное мнение по миллиону дисциплин. Интерактивные романы, не требовавшие длительного внимания; эйдетические воспоминания от первого лица внедрялись прямо в голову при наличии подходящего интерфейса (у Брюкса такого не было, но капюшон мог справиться с задачей почти так же) и сразу давали человеку все восторги, удивление и опыт от испытанного материала. Можно было не тратить время, проигрывая историю в реальном времени. Нестираемые следы всего того, что ноосфера сочла достойным памяти.

Даже спустя четырнадцать лет «Тезей» был повсюду.

Шок и неверие сразу после Огнепада. Бунты всех цветов радуги: перепуганные орды, спасающиеся от наступающего апокалипсиса и не знающие, куда бежать; демонстрации против сильных мира сего, которые всегда знали больше, чем признавали. Сразу появились мародеры с небольшим объемом внимания, думавшие лишь о том, что из-за этой движухи куча имущества осталась без всякой защиты. Паникующее население забилось под кровать или принялось атаковать парней в униформе, чьи дроны, пушки и закрытые зоны, наконец, после бесчисленных десятилетий привычной бесконтрольности оказались совершенно не готовы к прибытию пришельцев. Десятки тысяч людей возвращались с Небес, боясь новых угроз из реального мира. Миллионы бежали туда же по точно такой же причине.

И «Тезей» – мать всех мегапроектов. Миссия, метафора, символ расколотого мира, объединившегося против общей угрозы. Храбрецы, управлявшие кораблем, крохотная горстка избранных, стоявших за человечество против космоса. Аманда Бейтс – победительница бесчисленных военных кампаний Западного полушария: ее навыки были так обширны, а таланты – столь засекречены, что о ней никто не слышал до самого появления в «команде мечты». Лиза Такамацу – нобелевская

лауреатка, лингвист и наставница шести отдельных личностей, живущих в ее голове. Юкка Сарасти – благородный вампир, лев, возлегший подле агнцев и готовый отдать за них свою жизнь. Сири Китон – синтет, посол к послам, мост между…

«Секунду – Сири?»

Брюкс уже слышал это имя. Пока он копался в пыльных воспоминаниях, случившихся до обретения капюшона, на них наслаивались сводки новостей и биография: Сири Китон – синтет, высочайший профессионал в области, где работали исключительно высочайшие профессионалы. Одержим демонами с шести лет, поражен конвульсивным вирусом прямиком из Средневековья, который выжигал ему мозг электрическими бурями. Он убил бы парня на месте, если бы радикальная хирургия не подлатала его, выхватив прямо из лап смерти. Перепуганный, в шрамах, он стал одержимого чем-то новым – яростным, непреклонным стремлением добиться успеха вопреки всему, подчинить, поработить собственный бунтующий мозг и выполнить любую работу, как на Земле, так и на самом краю Солнечной системы, а может, и далее.

(«Он – не совсем исходник…»)

Про его личную жизнь почти ничего не известно. Никаких домашних видео и психологических исследований. Похоже, единственный ребенок в семье. О матери вообще ни слова; имя отца скрыто – он больше напоминает размытую тень, которая отказывается войти в фокус за исключением одной, вскользь брошенной фразы в «ТаймСпейс»:

«…своей целеустремленности он обязан не только детскому сражению с эпилепсией, но и воспитанием в семье военного…»

Брюкс повертел слова в голове, ища совпадения.

– Так наш полковник Мясник вышел в люди и чуть не грохнул своего ребенка – не знал, что ли? – еще до его рождения.

Низкая гравитация людей не любила: Брюкс подпрыгнул от неожиданности так высоко, что врезался головой в потолок.

– Господи! – Он стянул капюшон. Сенгупта появилась между интерфейсом, растворяющимся в его голове, и бэкапом, проявившимся на переборке позади нее. «Надо посмотреть настройки приватности на этой штуке», – сказал себе Брюкс. Правда, если местные решат взглянуть ему через плечо, никакие настройки им не помешают.

– А ты откуда взялась?

– Я торчу здесь по меньшей мере минут пять.

– Тогда в следующий раз скажи что-нибудь. Объяви о своем приходе, – он потер шишку на голове. – Что ты тут делаешь?

Сенгупта причмокнула губами и бросила взгляд в сторону

своей палатки:

– Охочусь на мертвеца.

«Кроме меня, на этом проклятом корабле, похоже, летят одни хищники».

– За чем охотишься? На одного из зомби, что ли?

– Нет он на борту. Я охочусь так же, – она щелкнула пальцами в сторону КонСенсусного дисплея, – как ты сейчас.

Брюкс взглянул на стену: коллаж из фактоидов, палимпсест заказных статей. На биографию это даже отдаленно не походило.

– Джим чуть его не убил?

– Да я так и сказала. – Щелк. Щелк.

– Там говорят, что у Сири была какая-то форма вирусной эпилепсии.

Сенгупта фыркнула:

– Ой ну кто поверит что ему вырезали полбашки из-за какой-то вирусной эпилепсии. Типа парню с зарплатой Мясника пришлось довольствоваться пиявками и опием когда его отродье заболело.

– Так что это было?

– Вирус но другой, – каркнула Ракши. – Вирусная зомбификация.

В неожиданно повисшей тишине слышалось только шуршание вентилятора.

– Чушь, – тихо произнес Брюкс.

– О, он это не намеренно личинка просто попала под огонь. Какой-то злодей сварил подпольный вирус но с тонкими настройками облажался. Его заразе нравились мозги эмбрионов гораздо больше чем мозги взрослых понимаешь? Растущий метаболизм быстрая нейронная подрезка и в общем сначала эту штуку подцепил папочка он заразил мамочку но реально вирус взялся за дело когда пробрался сквозь старую добрую плаценту в третьем триместре. Пожирает мозг быстрее любого фасцита. Беременная просыпается на утро а ее маленький ушлепок уже трясется в судорогах прямо в животе и им повезло по сути это их канарейка в шахте они сразу бегут в больничку колют себе антизомбоиды, вовремя чистятся в общем. Но для малыша Сири уже слишком поздно. Он приходит в этот мир бракованным и они конечно пытаются спасти его изо всех сил пускают в ход лучшие лекарства лучшие лечебные сетки но все летит под откос и спустя пару лет начинаются припадки и все они на левом полушарии малыша Китона понимаешь? Ну и Сири выскребли полмозга как гнилой кокос.

– Господи, – прошептал Брюкс и оглянулся против воли.

– О нем не беспокойся он там закопался по уши в своих

драгоценных сигналах с «Тезея». – Сенгупта странно приподняла одно плечо. – Но в общем все закончилось хорошо даже лучше чем прежде. У штурмовиков шикарная медстраховка. Дубликат полушария настоящая находка. Сири стал идеальным кандидатом для экспедиции.

– Ужасно так поступать с ребенком.

– Не можешь вырастить код держись подальше от инкубатора. Этот урод небось сделал такое с кучей народа. Армейские ведь так и поступают.

Разумеется, Брюкс видел съемки: тела гражданских, низведенные до ходячего спинного мозга с помощью пары килобайт военизированного кода, настроенного на характерную биохимию разумной мысли. И это было не точное хирургическое изъятие когнитивной неэффективности. Это были не солдаты, способные вернуться в разумное состояние, не запрограммированные телохранители Валери. Нет, такие вирусы просто пожирали сознание и интеллект от коры до гипоталамуса, человечность низводили до первичных инстинктов – бей/беги/совокупляйся. Людей превращали в рептилий.

К тому же это была чертовски прибыльная стратегия для всех, кто сидел на бюджете: дешевая, заразная и ужасно эффективная. Когда оказываешься в паникующей толпе, нельзя сказать наверняка, чего хочет толкающий тебя в спину человек: изнасиловать, разбить голову или просто смыться ко всем чертям. Если же ты – над толпой, то самая современная телеметрия никогда не отличит немертвого от просто уничтоженного; даже тран-техника не могла засечь незначительное охлаждение мозга внутри черепа зомби – ни на расстоянии, ни через крышу или стену, ни в гуще бунта. Оставалось оцепить территорию и держаться против ветра, пока не покажутся огнеметы.

Брюкс слышал, что в Индии для этого завели специальные отряды. Людей с выключателями в голове, которые огнем боролись с огнем, и свою работу делали очень хорошо.

– В общем сам виноват если хочешь знать мое мнение, – протянула Сенгупта.

– Боже, Ракши, – Брюкс покачал головой. – Что ты имеешь против этого парня?

– Ничего чтобы я не имела против громил которые мочат людей а потом заявляют «я просто следовал приказам». – Она ткнула носком ноги в невидимый раздражитель. – Послушай я же знаю вы двое вроде как в друзьях и что уж вы там делаете мне по барабану. Говори ему что хочешь только не удивляйся если он тебя нагнет. Бросит в мясорубку в тот же самый момент когда решит что так лучше для общего блага. Да и сам бросится если

дело на то пойдет. Клянусь я иногда не понимаю что из этого хуже.

Оба замолчали на какое-то время.

– Почему ты вообще мне об этом рассказываешь? – спросил, наконец, Брюкс.

– А почему нет?

– Ты не боишься, что я все передам ему?

Сенгупта грубо ответила:

– Ой как будто ты сможешь. К тому же нельзя винить меня если он своими грязными ботинками натоптал по всей базе любой может увидеть. Даже ты.

«Почему я с ней общаюсь?» – в десятый раз спрашивал себя Брюкс. А потом в первый: «А почему она общается со мной?» И он понял, что уже знает ответ. Подозрение родилось, когда Ракши обосновалась по соседству: он ей нравился на свой странный извращенный манер. Не сексуально. Не как коллега или партнер, даже не как друг. Брюкс нравился Сенгупте, потому что его было легко поразить. Она его даже за личность не считала, скорее, принимала за домашнее животное.

Хреновые социальные навыки. Сенгупта была слишком высокомерна, чтобы заботиться об этикете. Она не принимала во внимание социальные сигналы, но читать их умела. Дэна, по крайней мере, расколола быстро: он бы ни при каких обстоятельствах не рассказал Муру о том, что узнал про его сына. Только не Брюкс.

Он был очень хорошим мальчиком.

* * *

При следующей встрече с Лианной Дэн не смог ее заметить.

Сначала услышал голос: «Эй, берегись, тут…», – буквально за секунду до того, как отсек безумно накренился вбок, а боль вонзилась сверху… или с…

На самом деле он не понял, откуда пришла боль, но ощущения оказались до омерзения реальными.

– Святой Боже, Дэн, ты что, ничего не видел? – Лианна магически возникла за столиком в столовой, пока он моргал, лежа на палубе.

«Стол, – понял Брюкс. – Я врезался в стол».

Он помотал головой, пытаясь разогнать туман внутри.

Лианна опять исчезла…

– Эй!

…и тут же появилась.

Брюкс поднялся и стянул свой фетиш-капюшон, чувствуя, как ноет голень.

– Что-то с этой штукой не так. Она портит мне глаза.

Латтеродт взяла маску и повертела ее в руках:

– Выглядит нормально. А что ты с ней делал?

– В Быстронете лазал. Думал, что поставил закладку на статью, но так и не смог ее найти.

– Ты поиск шифровал?

Брюкс покачал головой. Лианна дистанционно сфокусировалась на КонСенсусе:

– Шпиндель с соавторами? «Гамма-протокадерин и роль ортолога PCDH11Y»?

– Да, она.

– Все на месте, – она нахмурилась и передала ему капюшон. – Попробуй снова.

Он натянул устройство на голову. Результаты поиска появились в воздухе прямо перед ним, но Шпинделя среди них не оказалось.

– По-прежнему ничего нет.

Лианна хмыкнула и исчезла.

– Ты где? Как будто раство…

Она наклонилась перед ним, возникнув словно из ниоткуда.

– …рилась.

– А вот в чем проблема, – сказала Лианна и сняла маску с его головы. – Индуцированный геминеглект. Скорее всего, поврежден сверхпроводник.

– Геминеглект?

– Понимаешь, почему нужно вставить имплантаты? С ними ты сейчас просто вызвал бы ссылку и сразу узнал, о чем я говорю.

– А ты понимаешь, почему я ничего себе не ставлю? – Брюкс сотворил определение из смарткраски. – Никому не придется вскрывать мне голову, чтобы заменить сломанный сверхпроводник.

Поврежденные мозги разделяли организм посередине и одну часть просто отбрасывали: в результате, разум не воспринимал левую сторону тела, в принципе не осознавал, как там может что-то находиться. Люди расчесывали волосы на правой стороне головы только правой рукой и видели еду исключительно на правой стороне тарелки. Люди забывали про половину Вселенной.

– Кошмар какой-то, – Брюкс пришел в тихий ужас.

Лианна пожала плечами:

– Как я уже говорила, сверхпроводник накрылся. Но у нас есть запчасти; так быстрее, чем фабить замену.

Он последовал за ней сквозь потолок.

– Ты мне так и не сказал, почему настолько старомоден, – бросила Лианна через плечо.

– Боюсь вивисекции и дефектов в сверхпроводниках. Мы об этом говорили.

– Вещи ломаются только по одной причине: из-за старой убогой техники. Имплантаты склонны к повреждениям меньше, чем твой собственный мозг.

– Значит, они работают безупречно, а потом какой-нибудь спамбот взломает их, и я с радостью побегу покупать годовой запас пены для кошачьих ванн.

– Слушай, в усилителях, по крайней мере, файерволлы стоят. Хакнуть голый мозг гораздо легче, если ты об этом беспокоишься. Хотя, – добавила она, – я думаю, у тебя другие проблемы.

Брюкс вздохнул:

– Да, другие.

– И какие?

Они появились в южном полушарии. Отражения, тонкие как угри, скользили по зеркальному шару, пока они проходили мимо.

– Знаешь, что такое воронковый водяной паук? – спросил Брюкс.

После еле заметного сомнения:

– Теперь знаю. – И спустя секунду:

– О! Нейротоксины.

– Не просто нейротоксины. Этот был особенный. Может, с фармы сбежал или кто-то в свободное время с кодом баловался. Вероятно, при других обстоятельствах этот маленький урод даже приносил пользу, откуда мне знать? В общем, мелкий поганец от меня смылся. Но сначала укусил, прямо вот тут, – Дэн растопырил пальцы одной руки и ущипнул себя за кожу между большим и указательным пальцами, – и спустя десять секунд я уже валялся на земле. – Он тихо фыркнул. – Этот случай научил меня брать образцы только в перчатках.

Они гуськом пересекли экватор. В северном полушарии никого не было.

– Но паук же тебя не убил, – проницательно заметила Лианна.

– Нет, конечно. Только после него у меня дикая аллергия на нанопористые антиглиальники. Стоит мне поставить любой прямой нейроинтерфейс, и техника закончит то, что начал этот мелкий хмырь.

– Они могут все исправить, ты знаешь? – Лианна оттолкнулась от палубы и полетела к передней лестнице. Брюкс стал карабкаться за ней.

– Могут. И я могу всю оставшуюся жизнь глотать какое-нибудь патентованное средство, а «ФайзерФарм» будут держать меня за яйца, каждый раз меняя условия контракта. Или мне могут вырвать и заменить всю иммунную систему. Или придется принимать пару пилюль каждый день…

Форпик. Садок с трубами и шлангами, инженерный подвал на самой вершине корабля. Сантехника, стыковочные люки, огромные широкие полосы с инструментами, скафандрами и полным арсеналом для выхода в открытый космос. Допотопные контрольные панели на тот катастрофический случай, если кому-нибудь понадобится ручное управление. Затхлый ветерок обдул лицо Брюкса, вырвавшись из вентилятора наверху; Дэн почувствовал во рту привкус масла и электричества. Из переборки по правому борту торчал стыковочный шлюз, похожий на колпак колеса из фольги диаметром в три метра; чуть меньший, размером всего-то с человека, играл в напарника на противоположной стороне отсека. Скафандры дрейфовали в альковах, как спящие серебряные личинки. Отверстия и панели заполонили все пространство между опорами, баками с жидким кислородом и поглотителями углекислого газа: шкафы, ящики и даже дверь в туалет, приспособленный под разную силу тяготения.

Лианна вскрыла один из шкафчиков и стала копаться внутри.

Наверх вела еще одна лестница – из форпика, вдоль шпиля из тускло освещенных перекладин. Согласно карте, там располагалась афферентная группа сенсоров. Маневровые двигатели. И парасоль: большой широкий конус из программируемого метаматериала, за которым «Венец» спрячется, когда Солнце окажется слишком близко. Фотосинтетический, судя по спецификациям. Брюкс не знал, сможет ли это устройство обеспечить достаточное количество электронов для запасного двигателя, который сейчас собирали Двухпалатники, но, по крайней мере, с горячим душем проблем не было.

– Все, нашла, – Латтеродт, улыбаясь, держала в руке жирную на вид серую шайбу.

Правда, улыбка быстро исчезла: прямо на глазах Брюкса ее сменила гримаса неподдельного ужаса, Лианна смертельно побледнела.

– Ли?..

Она с шумом вдохнула и задержала дыхание. Уставилась мимо правого плеча Дэна так, будто он стал невидимым. Брюкс повернулся, ожидая увидеть монстра, однако не заметил ничего, кроме шлюза. И ничего не услышал, кроме щелчков и вздохов

«Тернового венца», говорившего с самим собой.

– Ты слышишь? – прошептала Лианна. Ее глаза метались перепуганными саккадами. – Это… тиканье…

Брюкс слышал только вздохи переработанного воздуха, текущего в тесное пространство, и тихий шелест пустых скафандров, колыхавшихся на ветру. Слабые глухие звуки движений внизу: скрежет, тяжелый и быстрый топот. Он оглядел отсек, провел взглядом по альковам, шлюзам…

И вдруг что-то услышал: четкий, тихий, аритмичный звук. Не столько тиканье, сколько пощелкивание, так щелкают языком. Оно было голодным и шло сверху.

В желудке Дэна словно что-то оборвалось. Ему не нужно было смотреть, он бы не осмелился. Каким-то образом чувствовал ее там, на стропилах: темную хищную тень, наблюдавшую за ними оттуда, куда не мог добраться свет.

Кто-то постукивал зубами.

– Черт, – прошептала Лианна.

«Она не может здесь быть», – подумал Дэн. Он же проверил схему перед тем, как уйти с камбуза. Всегда проверял. Иконка Валери, как обычно, висела в своем отсеке – зеленая точка среди серых. Похоже, она действительно очень быстро двигалась.

Стук и щелканье зубов уже казались такими громкими, что он не понимал, как не замечал их раньше. В этом звуке не было закономерности, регулярного предсказуемого ритма. Иногда тишина между щелчками, казалось, тянулась вечно и сводила с ума банальным напряжением; а иногда неожиданно обрывалась, буквально через долю секунды.

– Давай… – Брюкс сглотнул, попытался снова. – Давай отсюда…

Но Лианна уже направилась вниз.

В Центральном узле царили яркий свет и стерильные тени: мягкое свечение стен прогнало все страхи в подвал, где им было самое место. Несколько смущенный, Брюкс взглянул на Лианну, пока они обходили зеркальный шар.

В ней не было ни смущения, ни робости. Пожалуй, она казалась даже более взволнованной, чем когда они стояли на форпике.

– Похоже, она взломала сенсоры.

– В смысле?

Лианна пошевелила пальцами в воздухе, и на переборке появился ИНТЕРКОМ. Сенгупта была на корме, рядом с трюмом, Мур – в комнате отдыха. Иконка Валери ободряюще сияла зеленым в ее личном отсеке вместе с серыми точками.

– Корабль больше не знает, где она находится. Вампирша

может оказаться где угодно. За любой дверью.

– Зачем она это делает? – Брюкс заглянул в дыру на потолке, когда Лианна ухватилась за лестницу. – Чем она вообще занималась наверху?

– А ты ее видел?

Он покачал головой:

– Не смог посмотреть.

– Я тоже.

– Значит, мы не знаем наверняка, была Валери наверху или нет.

Лианна выдавила из себя нервный смешок:

– Хочешь вернуться и проверить?

Здесь, среди яркого света и сверкавших машин, было трудно не чувствовать себя полным идиотом. Брюкс опять покачал головой:

– Даже если она там, что такого? Она же не под арестом. К тому же Валери ничего не делала, только зубами скрипела.

– Она – хищница, – заметила Лианна.

– Она – садистка. Специально действует мне на нервы с самого начала полета; думаю, ее это возбуждает. Джим прав: если бы она хотела нас убить, мы бы уже сыграли в ящик.

– Может, именно так она нас и убивает. Вдруг она – мамбо[265]?

– Мамбо, значит.

– Вуду работает, старомодник. Страх вклинивается в сердечные ритмы, адреналин убивает сердечные клетки. Можно буквально напугать кого-то до смерти, если правильно взломать симпатическую нервную систему.

«Ну вот, теперь у нее и вуду реально, – подумал Брюкс. – Чего не сделаешь, чтобы приписать плюсик к могуществу религии».

* * *

Поднимаясь, Брюкс столкнулся с Муром, который направлялся вниз.

– Привет, Джим.

– Дэниэл.

Последнее время они встречались редко. За едой или после нее, во время светло-синего дня или более теплых оттенков ночного цикла полковник не вылезал из КонСенсуса. Он никогда не говорил, что там делает. Разумеется, зубрил информацию об «Икаре» и исследовал телеметрию, которую послал «Тезей», прежде чем исчезнуть в тумане. Но детали Мур держал при себе,

даже когда выходил передохнуть.

Брюкс остановился у подножия лестницы, ведущей на камбуз.

– Эй, кино посмотреть не хочешь?

– Что?

– «Молчание кукурузы». Вроде игры, которую можно только смотреть. Ли говорит, это еще с тех времен… ну, знаешь, когда не умели внедрять желания прямым путем. Приходилось манипулировать людьми, чтобы те испытывали эмоции с помощью сюжета, персонажей и всего такого.

– Искусство, – сказал Мур. – Я помню.

– Довольно грубо по нынешним стандартам, но тогда эта штука завоевала кучу наград за нейроиндукцию. Ли нашла ее в памяти и дала ссылку. Говорит, стоит посмотреть.

– Эта женщина тебя достает, – заметил полковник.

– Это дурацкое путешествие меня достает. Ты в деле?

Он покачал головой:

– Я исследую телеметрию.

– Ты уже неделю с ней возишься. Не выныривая.

– Много данных.

– А я думал, они вышли и сразу вырубились.

– Так и было.

– Ты же говорил, передача прекратилась практически мгновенно.

– «Практически» – относительный термин. У «Тезея» было больше глаз, чем у маленькой корпорации. Понадобится целая жизнь, чтобы просеять несколько минут этого сигнала.

– Для исходника, конечно. Но Двухпалатники, я уверен, держат руку на пульсе.

Мур посмотрел на него:

– А я думал, ты не одобряешь слепую веру в высшие силы.

– Я не одобряю, когда человек ломает спину и таскает на себе валуны, когда у него на сетчатке есть ключ от грузового подъемника через дорогу. Ты сам говорил: они опережают нас на сотню шагов. А мы тут просто так, катаемся.

– Не обязательно.

– Почему?

– Мы здесь, а они будут в декомпрессии еще шесть дней.

– Ну, да, – вспомнил Брюкс. – Мы проверены в полевых условиях.

– Потому нас с собой и взяли.

Дэн скривился:

– Меня взяли потому, что я попал под колеса, и мою тушку из милосердия решили не оставлять на обочине.

Полковник пожал плечами:

– Это не значит, что они не ухватятся за любую возможность извлечь из тебя пользу, если таковая представится.

От воспоминаний у Брюкса закололо в кончиках пальцев. «Возможности, – понял он с неожиданным туповатым удивлением. – Одну я точно упускаю».

* * *

Это было окно в самом грубом смысле слова: массивная панель из прозрачного сплава, вставленная в кормовую переборку. Ни увеличений, ни изменения размеров, обошлось даже без тактических разноцветных дисплеев на поверхности. Отключить его было можно, только если кто-то с той стороны опустил бы противоударный щит. Прозрачная непроницаемая дыра в корабле – круглый иллюминатор, ведущий в террариум пришельцев, где, стоило миновать призрачное отражение собственного лица, странные гипербарические создания строили чудовищные артефакты из песка и кораллов. Их глаза мерцали в сумраке зелеными звездами.

Шестеро монахов отдыхали, подвешенные в медицинских коконах, словно спящие личинки в ожидании зимы. Другие целеустремленно, как муравьи, двигались на фоне теней и недостроенных машин, запутанного индустриального пейзажа из резервуаров, штабелей керамических сверхпроводников и массивных труб, под которыми мог, не нагибаясь, пройти человек. Брюкс был почти уверен, что лоскутная сфера, которую местные обитатели собирали в центре трюма, станет камерой термоядерного синтеза.

Пара Двухпалатников съежилась в сторонке, спиной к спине, в подобии безмолвного общения. Рядом с ними парила блестящая желатиновая сфера. Кто-то еще (Эванс, вот кто) схватил находившийся рядом инструмент и швырнул его к правому борту. Тот парил, лениво кувыркаясь, пока Ходоровска не выхватила его прямо из воздуха, не отрывая глаз от детали, которую держала в другой руке.

Она даже не посмотрела наверх, хотя, конечно, знала о летевшей к ней штуке. Правда, никакой «ее» не было. Не сейчас, по крайней мере. Не было ни Эванса, ни Офоэгбу.

Существовал только рой.

Как там говорил Мур? Когнитивный подвид. Но полковник ничего не понял. Лианна тоже; только сегодня утром она со слепотой энтузиаста поделилась с Брюксом очередным откровением, перечислив тихим благоговейным голосом все

разрезы и склейки, которые сильно улучшили ее хозяев: «Никакого подавления целевой сети и рефлекса Земмельвайса. У них иммунитет к слепоте невнимания и гиперболическому дисконтированию. И, старомодник, синестезия: они одним трюком обнулили миллионы лет сенсорных искажений. Рандомизировали все ошибки за раз. Это не обычная тема с чувствами, и не просто чувство цвета или вкус звука. Они могут буквально видеть время…»

Будто это хорошо.

В каком-то смысле, да. Все предчувствия, правильные или нет, сохранявшие жизнь виду на саваннах плейстоцена, сейчас, по большей части, стали ошибочными. Ложноотрицательные и ложноположительные результаты, моральная алгебра толстяков, которых сталкивают на рельсы перед поездом. Назойливая эмоциональная вера, что дети приносят тебе счастье, хотя все данные указывают на обратное. Высокоамплитудная боязнь акул и чернокожих снайперов, которые никогда вас не убьют, зато полное равнодушие к токсинам и пестицидам, хотя они-то как раз способны доставить немало проблем. Разум настолько сгнил от заблуждений, что в некоторых случаях его требовалось буквально повредить, прежде чем он мог принять по-настоящему рациональное решение. Но если бы какая-то мать с опухолью в мозге оставила ребенка в горящем доме и при этом спасла из того же пожара двух незнакомцев, мир назвал бы ее монстром, а не восславил рациональность морали в кризисной ситуации. Черт побери, рациональность как таковая – благородная человеческая способность рассуждать – эволюционировала не для поиска истины, а лишь для победы в спорах, для установления контроля, чтобы подчинить других своей воле с помощью логики или софистики.

Правда никогда не входила в число первоочередных задач. Если вера в ложь помогала генам размножаться, система верила этой лжи всем своим сердцем.

Ископаемые чувства. Без них лучше – стоит перерасти саванну и решить, что истина все-таки имеет значение. Но человечество определили не руки, ноги или прямохождение. Оно развивалось синапсами, а не только противостоящим большим пальцем. Ошибочные интуитивные ощущения стали фундаментом для проклятой филогенетической ветви. Капуцины чувствовали эмпатию. У шимпанзе есть врожденное понятие честной игры. Можно посмотреть в глаза любой кошке или собаке и увидеть там связь, наследие общих подпрограмм и эмоций.

Двухпалатники вырезали это родство во имя чего-то, что их недоразвитые прародители называли истиной, и заменили его

чем-то другим. Они выглядели как люди. Их клеточный метаболизм железно укладывался в кривую Клайбера. Но назвать их просто когнитивным подвидом значило бы страдать отрицанием, граничащим с безумием. Вся проводка в этих черепах не принадлежала классу млекопитающих. В их сверкающих глазах не было ничего, кроме…

– Привет.

В окне вверх ногами присело отражение Лианны.

Дэн повернулся, когда она стала вытаскивать скафандр из ниши.

– Привет.

Он снова уставился в террариум. Стоявшие спина к спине Двухпалатники закончили свой транс на двоих; они повернулись, одновременно погрузили руки в дрожавшую сферу («Вода», – понял Брюкс; лишь капля воды) и вытерли их полотенцем, прикрепленным к переборке.

– Я не знал, – почти шепотом произнес он, словно боялся, что его услышат через переборку. – Как они работают. Что они… такое.

– Да ну, – она проверила уровень кислорода в скафандре. – А я думала, глаза их выдают.

– Я предположил, что это просто ночное видение. Черт побери, да я знаю людей, которые ретроактивируют флуоресцентные протеины ради моды.

– Это сейчас. Раньше их использовали…

– Как диагностические маркеры. Я узнал. – После того как Мур надоумил его внимательно посмотреть на заразу, после которой трупы скручивало, будто коряги в Орегонской пустыне. Она по-прежнему сидела в его собственной крови, и все получилось как-то чрезвычайно легко: лаборатория без всяких трудностей изъяла химеру, разложила ее на составляющие и распяла каждый кусочек, наставляя Брюкса. Стрептококковые подпрограммы, вырванные из некротического миелита; вирусные энцефалиты, которых сорвали с обычной должности помощников при энцефалите лимбической системы и отправили на повышение, правда не вверх, а вбок; полисахариды в клеточных стенках с любовью к слизистой оболочке носа. Горстка синтетических подпрограмм, выстроенных с нуля, которые склеивали эти несовместимые части и не давали им бороться друг с другом.

Тайна роя хранилась в самом сердце этого собранного по кускам вируса: подпрограмма, атакующая особенную мутацию в гене p53. Естественно, Дэн задал поиск по этой мутации и никаких прямых попаданий не нашел. Но и ближайшей хватило,

чтобы раскрыть секрет: опухолевый антагонист, запатентованный лет тридцать назад. Словно кто-то превратил противораковое средство в оружие.

– Тебя это не беспокоит? – поинтересовался Брюкс.

Скафандр уже проглотил Лианну до пояса.

– А должно?

– Они же опухоли, Ли. Мыслящие опухоли.

– Это довольно грубое и чрезмерное упрощение.

– Возможно, – он не стал выкладывать все детали. Пониженный уровень метилирования, CpG-островки, метилцитозин [266] – сплошная черная магия. Точное и намеренное изнасилование определенных метилирующих групп, и в результате промежуточные нейроны превращались в раковые опухоли: невероятное синаптическое цветение умножало каждую цепь в тысячу раз. Насколько понял Брюкс, радостным крещением в процессе не пахло, в перерождении не было экстаза. Вместо него начинался стремительный рост сорнякового электричества, который практически убивал адепта, вырывая с корнем все цепи возрастом в шестьдесят миллионов лет.

В одном Лианна была права: превращение оказалось изощренным и сложным настолько, что человеческое воображение перед ним пасовало. Его контролировали с молекулярной точностью, укрощали препаратами и черной магией, чтобы рост клеток не перешел в буйную стадию. Однако после всех ритуалов и заклинаний, когда операция подходила к концу и пациента зашивали, все сводилось к одному: Двухпалатники превращали свои мозги в раковые опухоли.

– Я так переживал из-за Лаккетта, – Брюкс покачал головой от собственной глупости. – Мы оставили его там умирать, всех бросили. Хотя он все равно погиб бы, так? Как только стал бы членом ордена. Каждую извилину, которая делала его тем, кто он есть, сожрал бы рак и заменил ее чем-то…

– Лучшим, – закончила мысль Лианна.

– Это как посмотреть.

– В твоих устах все звучит ужасно. – Со щелчком закрылись клапаны на запястьях. – Но знаешь, ты сам прошел примерно через то же самое и, кажется, хуже не стал.

Дэн представил, как распадается на части, как каждая нить сознательного опыта истончается, распадается, а потом ее пожирают. Он представил, как умирает, но его тело продолжает жить.

– Не думаю.

– Прошел. Когда был ребенком, – она положила руку в перчатке на плечо Брюкса. – Мы все начинаем с головой, полной

разнородной каши. Только нейросокращение, подрезка придает нам форму нас самих. Это как скульптуру ваять: начинаешь с гранитной глыбы, откалываешь от нее по кусочку и получаешь произведение искусства. У Двухпалатников просто глыба побольше.

– Но это уже не ты.

– Ой, хватит, – Лианна выхватила шлем из воздуха.

– Конечно, воспоминания остаются. Но помнит их что-то другое.

Некоторые элементы в головах Двухпалатников сохранялись в неприкосновенности: у ручного холокоста были специфические вкусы, он не трогал таламус и мозжечок, гиппокамп и ствол головного мозга.

– Дэн, тебе нужно легче относиться к концепции личности. Идентичность постоянно меняется; каждую секунду ты превращаешься в кого-то другого, стоит новой мысли перепаять тебе мозг. И ты – уже другой человек, не такой, каким был десять минут назад. – Она опустила шлем на голову и дернула его против часовой стрелки, пока тот не встал на место. Отражение, как в «рыбьем глазу», пучеглазо скользнуло по лицевому щитку, когда Латтеродт повернулась.

– А что насчет тебя, Лианна? – тихо спросил Брюкс.

– Что насчет меня? – Стекло приглушало голос, и она говорила с придыханием.

– Ты жаждешь такой же судьбы?

Она грустно посмотрела на него из чаши шлема:

– Все не так, как ты думаешь. На самом деле.

И отошла к другому берегу.

* * *

> Интуитивный разум – священный дар, а рациональный – преданный слуга. Мы создали общество, которое чествует слугу, а о даре совсем забыло.
>
> *Альберт Эйнштейн*

Послушай, хотел сказать Брюкс, пятьдесят тысяч лет назад жили-были три парня, и однажды они шли по равнине, далеко друг от друга. Вдруг каждый услышал в траве какое-то шуршание. Первый решил, что это тигр, и побежал со всех ног. И это действительно оказался тигр, но парень успел смыться. Второй тоже подумал на тигра и рванул, как ужаленный, но то лишь ветер шевелил траву, и все друзья смеялись над бегуном из-за его

трусости. А третий на все забил, посчитав, что шорохов бояться не стоит, и его сожрали. Так происходило миллионы раз в истории десяти тысяч поколений, и, в конце концов, тигра в траве видели все, даже если его и близко не было, – ведь даже у трусов больше детей, чем у мертвецов. Благодаря этим скромным предпосылкам мы научились видеть лица в облаках, знамения в звездах и цель в хаосе, так как естественный отбор поощряет паранойю. Даже сейчас, в XXI веке, можно заставить людей быть честнее, нарисовав пару глаз маркером на стене. Даже сейчас мы смонтированы так, чтобы верить, будто за нами следят невидимые существа.

Некоторые люди научились этим пользоваться. Они красили себе лица, носили странные шляпы, трясли погремушками, размахивали крестами и говорили: «Да, в траве есть тигры, в небе – лица, и все они очень разозлятся, если вы не будете следовать заповедям. Вы должны приносить дары, чтобы умилостивить их, зерно, золото и служек для нашего удовольствия. Не то они поразят вас молнией или отправят в какое-нибудь Ужасное Место». Миллиарды людей им поверили, потому что видели невидимых тигров.

«Ты умная девочка, Лианна. Яркая, ты нравишься мне, но однажды тебе придется вырасти и понять, что все это – лишь трюк. Глаза, нарисованные на стене, чтобы ты думала, будто кто-то за тобой наблюдает». Вот что хотел сказать Брюкс. Лианна выслушала бы слова Дэна, обдумала новую информацию и поняла бы мудрость его доводов. И стала бы думать иначе.

В этом сценарии была всего одна проблемка: довольно скоро выяснилось, что все это она прекрасно знает, но по-прежнему верит в невидимых тигров. От такого открытия Дэн чуть на стену не лез.

– Это не Бог, – сказала она однажды утром, сидя на камбузе, широко раскрыв глаза от удивления, что он мог допустить такую глупую ошибку. – Лишь ритуальный мусор, который прицепили к Богу люди, желавшие присвоить себе его действия.

Со стороны пищеблока донеслось презрительное фырканье.

– Вы тут спорите о призраках Мясник чахнет над своей протухшей инфой, – Сенгупта взяла завтрак и направилась к лестнице, – с вами сдохнуть можно.

Брюкс посмотрел, как она уходит, а затем обратил все внимание на Лианну, которая открыла окно в переборке, ведущее в трюм: тени, части машин и невесомые тела, собирающие расчлененные элементы в спутанную, парящую головоломку. Бинарные звезды, мерцающие в сумерках.

– Если все мусор, почему они постоянно это делают? – Он

ткнул большим пальцем в сторону экрана. – Почему эти парни и тридцати минут не могут провести, не омыв руки?

– Омовение рук снижает сомнения и домысливание перед принятием решения, – объяснила Лианна. – Обычно мозг воспринимает метафоры буквально.

– Чушь.

Ее глаза расфокусировались на мгновение:

– Я только что отправила тебе ссылку. Конечно, реальное изменение было бы более эффективным – скорее всего, рано или поздно они так и поступят, – но, думаю, им нравится помнить, откуда они пришли. Ты удивишься, насколько фольклор ценен для выживания, надо только внимательно изучить его корни.

– Я никогда не говорил, что религиозная вера не имеет адаптивной ценности. Но истинной она от этого не становится, – Брюкс развел руки ладонями вверх.

– По-твоему, что такое зрение? – спросила его Лианна. – Ты не видишь и частицы того, что тебя окружает, а половину из видимых вещей воспринимаешь неправильно. Черт, даже цвет существует исключительно в твоей голове. Зрение как таковое полностью неправильно и существует лишь потому, что работает. Если хочешь отказаться от идеи Бога, то для начала прекрати верить собственным глазам.

– Глаза никогда не призывают меня убить того, кто не разделяет мои взгляды на жизнь.

– Мой Бог тоже никогда ничего такого мне не говорил.

– Но боги множества людей говорили.

– Точно. А ушлепков-расистов, которые цитировали Дарвина, превращая людей в рабов, мы проигнорируем? Или вообще забудем? – Дэн уже открыл рот, но Лианна предупредила его слова, подняв руку:

– Давай согласимся, что ни у одной стороны нет монополии на уродов. Штука в другом: как только ты признаешь, что модель реальности каждого человека нереальна, вопрос сводится к тому, чья работает лучше. И тут у науки чертовски хорошие показатели, но солнце над Веком эмпиризма уже заходит.

Брюкс фыркнул:

– Век эмпиризма только разогревается.

– Да ладно тебе, старомодник. Давно прошли времена, когда всего-то и надо было, что подсчитать скорость падения яблока или сравнить длину клюва у вьюрков. Наука уперлась в границу, когда решила заставить кота Шредингера поиграть с мотками невидимых струн. Стоит опуститься на пару уровней в глубину, и все снова превращается в непроверяемые догадки. В математику и философию. Как и я, ты прекрасно знаешь: у реальности есть

подструктура. И наука не может туда проникнуть.

– Никто не может. Вера лишь заявляет…

– Теория узлов, – сказала Лианна. – Изобретена чисто ради красоты построения. У нас тогда не было ускорителей частиц и никаких доказательств, что она станет описывать субатомную физику, спустя век или два. Досократические греки с помощью голой интуиции вывели атомную теорию в 200 году до нашей эры. Буддисты веками говорили, что чувства нам лгут, а ощущение само по себе – акт веры. Индуизм предсказал, что концепция «я» – иллюзия, хотя тысячи лет назад не было ядерно-магнитных резонансов и считывателей вокселей. Никаких доказательств. Неверие в собственное существование навряд ли имеет хоть какое-то адаптивное преимущество, но нейрологически это, как оказалось, правда.

Лианна озарила Дэна блаженной улыбкой новообращенного:

– Вот что такое интуиция, Дэн. Она капризна, ненадежна и подвержена порче. Однако, когда работает, обладает невероятным могуществом, и тот факт, что она связывает те же самые части мозга, которые дают людям чувство религиозного экстаза, – не совпадение. Двухпалатники ее укротили: усилили височную долю, перепаяли теменную…

– Ты имела в виду, вырвали теменную долю с корнем.

– …им пришлось отбросить привычный язык, но они с этим справились. Их религия, за неимением лучшего слова, может достичь таких высот, куда науке вход заказан. И наука поддерживает ее, пока может идти рядом, но, оказавшись в одиночестве, религия Двухпалатников по-прежнему работает, и у нас нет причин верить в обратное.

– В смысле, это ты веришь, что она работает правильно, – сухо заметил Брюкс.

– А ты замеряешь гравитацию Земли всякий раз, выходя на улицу? Изобретаешь заново квантовые цепи, когда загружаешься в КонСенсус, просто так, на всякий случай, авось другие чего пропустили? – Лианна дала ему несколько секунд на размышление и продолжила, поскольку Дэн ничего не ответил:

– Наука зависит от веры. Веры в то, что правила не изменились, что до тебя всё измерили правильно. Все, что наука сделала за время своего существования, – изучила крохотный осколок Вселенной и предположила, что остальная ее часть ведет себя так же. Но теория разваливается, когда законы Вселенной не последовательны. И если это правда, то как ставить опыты?

– Если два эксперимента дают разные результаты…

– И так происходит постоянно, друг мой. Когда такое случается, любой хороший ученый отметает результаты, если они

не реплицируются. Значит, в один из экспериментов вкралась ошибка. Или в оба. Либо есть неизвестная переменная, которая восстановит равновесие, как только мы поймем, что она из себя представляет. Просто представь себе идею, что физика непоследовательна. Даже если ты просто вообразишь такую возможность, как ее проверить, когда научный метод работает лишь в непротиворечивой Вселенной?

Брюкс попытался придумать ответ.

– Мы всегда думали, что скорость света и ее друзья правят безраздельно, отсюда до квазаров, а может, и дальше, – пустилась в размышления Лианна. – А что если мы имеем дело… лишь с местными постановлениями? Или с глюками. Но мне, – она скормила тарелку рециркулятору, – пора идти. У нас сегодня контрольный запуск камеры.

– Послушай, наука… – Брюкс быстро отсортировал мысли, не желая заканчивать спор так. – Дело не в том, работает она или нет. Дело в том, что мы знаем, как она работает: в ней нет секретов, и она имеет смысл.

Лианна смотрела не на него, а на трансляцию из трюма. Двухпалатники уже более-менее подлечились, хотя давление пока держало их в плену. Чайндам, Амрату, кучка других полубогов, которые для Дэна были лишь именами да шифрами.

– Эти парни смысла не имеют, – продолжил он. – Они катаются по полу и завывают, а ты оформляешь заявки на патенты. Мы не знаем, как это работает, и не знаем, будет ли работать дальше, так как процесс может остановиться в любой момент. Наука же – больше, чем магия и ритуалы…

Дэн замолчал.

Завывания. Заклинания. Гармония роя.

Ритуалы.

«А у этих камер есть датчики для захвата движения», – вспомнил он.

* * *

Мур скорчился на стене камбуза, как чудовищный кузнечик: ноги сложены в коленях и напоминают пружины, готовые распрямиться в любой момент; грудная клетка над ними подобна защитному панцирю; одна рука танцует на невидимом интерфейсе КонСенсуса, а другая, обхватившая грузоподъемный строп, удерживает тело у переборки. Его глаза под закрытыми веками дергались и плясали; он не видел убогую скорлупу мира и жил в иной реальности, куда у Брюкса доступа не было.

Кузнечик открыл глаза: поначалу тусклые, они прояснялись с каждой секундой.

– Дэниэл, – глухо произнес Мур.

– Ты ужасно выглядишь.

– Перед запуском я попросил, чтобы на борту установили косметический СПА-салон, но они предпочли взять лабораторию.

– Когда ты в последний раз ел?

Мур нахмурился.

– Все, хватит! Я покупаю, ты ешь, – Брюкс направился к камбузу.

– Но…

– Если только ты не считаешь анорексию лучшим способом подготовиться к длительной операции.

Мур засомневался.

– Да ладно тебе, – Брюкс вбил заказ на лососевый стейк (он до сих пор удивлялся столь обширному меню из вымерших видов мяса и рыбы). – Лианна опять в трюме, Ракши – как Ракши. Хочешь, чтобы я обедал с Валери?

– Значит, это спасательная операция, – Мур спустился на палубу, смилостивившись.

– Вот это по-нашему! Чего хочешь?

– Кофе.

Брюкс гневно уставился на него.

– Хорошо, хорошо. Все, что считаешь нужным. – Полковник махнул рукой, сдаваясь. – Круггеты с соусом тандури.

Дэн поморщился и передал заказ, кинул одну «грушу» с кофе через отсек (От Кориолиса бросок вышел закрученным, но Мур все равно поймал ее, даже не удостоив взглядом), вторую взял себе и по пути повернул кнопку нагревателя. Поставил трясущуюся теплую сферу на стол и вернулся за едой.

– Все еще копаешься в информации с «Тезея»? – Он толкнул Муру его светящийся криль, а сам сел напротив.

– А я думал, ты хочешь отвлечь меня от дел.

– Я хочу прервать твою голодовку. И найти собеседника, а то приходится говорить со стенами.

Мур пожевал, сглотнул:

– Не говори, что я тебя не предупреждал.

– О чем?

– Я смутно помню, как ты говорил, что возможно – и даже вероятно – в следующие двенадцать дней от тоски полезешь на стены.

– Поверь, я не жалуюсь.

– Нет, жалуешься.

– Ну, чуть-чуть. – «И почему на камбузе все на вкус, как

машинное масло?» – Но все не так плохо. У меня есть КонСенсус и Ли, я даже питаю надежду ее депрограммировать. А по сравнению с перспективой проваляться с грузом следующие шесть месяцев небольшая раздражительность и одиночество – это такой пустяк…

– Поверь мне, – еле заметно улыбнулся Мур, – есть вещи гораздо хуже долгого беспамятства.

– Например?

Мур не ответил.

Зато ответил «Венец». Он за секунду превратил половину переборки в кровавую стену, усыпав ее сигналами тревоги.

И все они кричали: «СЕНГУПТА».

* * *

Мур связался с Центральным узлом, пока Брюкс отклеивался от потолка.

– Ракши. Что…

Ее слова обрушились на них каскадом, от паники она чуть не визжала:

– Она идет сюда черт она поднимается она знает…

В желудке у Брюкса заныло.

– Я к ней подобралась и она знает разумеется она знает она же вампирша твою мать и знает все…

– Ракши, где…

– Послушай меня ты тупой таракан она уби… о черт…

Канал отрубился до того, как Ракши договорила, но это уже значения не имело. Сенгупта завопила так, что, наверное, ее было слышно до самого Марса.

Мур поднялся сквозь потолок за одно мгновение. Брюкс последовал за ним, ухватился за проходящий поручень, и бесконечная лента конвейера плавно потащила его к Центральному узлу. Полковник не стал тратить время на такую ерунду: он взлетел по лестнице, перепрыгивая две ступеньки за раз, потом – три, четыре. Уже в невесомости отскочил от вершины оси, а Брюкс к тому времени преодолел лишь половину пути. Дэн не возражал и надеялся, что, когда он доберется до цели, Мур уже уладит конфликт, яростные крики Сенгупты сменятся спокойными рассудительными голосами, и все решат помириться…

Ракши неожиданно замолкла.

Дэн старался не обращать внимания на бормочущий в голове голос: «Возвращайся, идиот. Пусть Джим все разрулит, он же

солдат, черт побери. А ты что будешь делать с вампиршей? Тебя потом в побочный ущерб спишут. Ты – еда. Вот так, паразит. Просто развернись и беги. Как обычно».

Равнодушный конвейер притащил его прямо на поле боя.

Дэн появился в южном полушарии, чувствуя, как у него дрожат колени. Никаких рассудительных разговоров. Здесь вообще все молчали.

Примирением не пахло.

Вампирша одной рукой вцепилась в решетку, а второй держала Сенгупту за горло на уровне своих глаз, будто пилот была тряпичной куклой. Валери смотрела в лицо жертве спокойно и бесстрастно, а Ракши извивалась, хрипела и старалась не глядеть хищнице прямо в глаза.

Южный полюс напоминал яркую зияющую яму, ведущую к корме. Его отражение размазалось по зеркальному шару круглым беззубым ртом. В мозгу Брюкса тут же пронеслась картинка, созданная подсознанием: Валери бросает Сенгупту в эту пасть, «Терновый венец» захлопывает челюсти и начинает жевать.

Мур двигался вдоль тропика Козерога: ноги прямо над палубой, руки разведены в стороны и раскрыты ладонями вверх.

– Так, все хорошо. Мы все берем под контроль.

Это был не Джим. Из горла «Венца» раздался спокойный и ясный голос Лианны. Секунду спустя она выскочила прямо из пасти, бесстрашная и невесомая как воздух, направилась прямо к Валери и жертве.

«Она что, совсем ненормальная?»

– Лианна, не на…

– Все в порядке, – она едва удостоила Брюкса взглядом. – У меня все под…

Неожиданно Валери с непристойной элегантностью пнула Лианну носком ноги прямо в грудную клетку. В Латтеродт словно поршень врезался, захрустели кости, и женщина отлетела к южному полюсу, завертевшись сломанной марионеткой без центра тяжести. По пути она столкнулась с краем люка – от удара спина Лианны согнулась под неправильным углом – и исчезла внутри. Так «Венец» поймал ее на лету и швырнул к себе в пасть; туда, откуда она пришла.

«Черт, черт, черт».

– Отпусти ее, – сказал Мур, не сводя глаз с Сенгупты, спокойный, как смерть. Словно не заметил, как появилась Лианна, как ее размазали, будто комара. Словно она сейчас не валялась на переборке в ста метрах по направлению к корме, возможно, истекая кровью.

«Я должен ей помочь».

Валери смотрела на Сенгупту, склонив голову набок, и напоминала хищную птицу, разглядывавшую блестящую побрякушку.

– Она на меня нападает.

Вампирша говорила сдержанно, даже рассеянно: голосовое сообщение от монстра, чью голову сейчас занимали совсем другие мысли.

Брюкс пополз вперед, прижавшись животом к переборке: опора тут, строп там, одна рука вперед, другая, и так до самого южного полюса.

– Она тебе не угрожает, – Мур уже стоял позади Валери, глядя через ее плечо на жертву. Та тихо хрипела. – Нет никаких оснований…

– Благодарю за тактический совет, – слабая белая улыбка призраком мелькнула на губах чудовища.

Что это? Кажется, из горла «Венца» донесся тихий стон? Значит, Лианна еще в сознании и есть надежда.

– Поторгуемся, – сказала Валери.

– Да, – ответил Мур, делая шаг вперед.

– Не с тобой.

Неожиданно Брюкс оторвался от палубы и взлетел к потолку; рука Валери обхватила его шею, схватив прямо под челюстью холодными и гибкими, как щупальца, пальцами, пока в отдалении уже ничего не значившая Ракши отскочила от южного полушария, согнувшись и кашляя.

Потом Валери посмотрела прямо на него своими мечтательными и холодными, устремленными вдаль глазами, а он ответил на ее взгляд. Дэн пытался отвернуться. В легких уже жгло, гортань болела, ее просто смяли, это даже не походило на удушение, но он отдал бы все, лишь бы отвернуться. Почему-то не хватило воли; Брюкс даже не смог опустить веки.

Зрачки вампирши походили на кровавые булавочные головки; красные звезды, сузившиеся до предела от дневного света. Позади них медленно и лениво крутилась переборка.

Центральный узел уменьшился, угодив не на тот конец телескопа. Где-то далеко кричала Сенгупта; ее голос, грубый и тонкий, был едва слышен сквозь белый шум набегающего прилива: «Она убила одного из них убила одного из своих зомби своего человека его нет на борту я нигде не могу его найти…»

На лице Валери не отражалось ничего, кроме призрачной полуулыбки, она бесстрастно оценивала человека, трепыхавшегося в ее хватке. Казалось, она не замечала, что Мур подкрадывается сзади, а Сенгупта с криками возвращается в драку, обнажив когти. Кажется, она не заметила, как ее

собственная рука, сама по себе, будто ненароком, толкнула Ракши прямо в полковника, и вся инерция собралась в этом булавочном касании, развернув атакующих на сто восемьдесят градусов. Откуда-то далеко, с другого берега океана, Сенгупта кричала: «Чудовище тварь сука», а у Брюкса в голове крутилась лишь одна мысль: «Кошки и собаки, собаки и кошки…»

Но все это не имело значения. Дэн и Валери сейчас были одни, в мире не существовало ничего важнее. Она слегка разжала пальцы, чтобы он не потерял сознание; свободной рукой легко и аритмично постукивала его по виску; нашептывала на ухо информацию, предназначенную только для Брюкса, интимные секреты невероятной важности, которые он моментально забывал, еще чувствуя дыхание от ее слов на своей щеке.

Позади вампирши Мур схватил строп, свисающий с потолка, и уперся ногами в стену. Валери даже не взглянула на него.

– Это правда? – тихо спросил он.

– Разумеется это правда она же вампирша черт побери она нас всех убьет…

Не сводя глаз с выбранной цели, Мур поднял ладонь в сторону Сенгупты. Пилот заткнулась, словно ее гильотинировали.

– Ты думаешь, это имеет значение, – в голосе Валери слышалось легкое удивление, будто кролик перед ней встал на задние лапы и потребовал право голоса.

– Ты тоже так думаешь, – начал Мур. – Иначе…

– …ты бы не отреагировала, – закончили они с вампиршей в унисон.

Мур попытался снова:

– У тебя были юриди… – хором сказали они. Полковник замолчал, признав бесполезность разговора. Вампирша сымитировала даже то, как затих его голос на многоточии, не сделав ни одной паузы.

Сенгупта безмолвно ярилась с другой стороны отсека, слишком умная и чертовски глупая, чтобы испугаться. Брюкс попытался сглотнуть и подавился, когда адамово яблоко попало в тиски большого и указательного пальцев Валери.

– Малави, – тихо произнесла вампирша и добавила: – Не имеет критического значения.

Брюкс вновь сглотнул. «Как будто на этом проклятом корабле есть кто-то менее важный, чем я».

Вероятно, Мур думал так же. Или решил действовать от имени Дэна – паразита, похожего на человека. А может, просто воспользовался тем, что противник отвлекся и его поступок не имел никакого отношения к Брюксу. Так или иначе, что-то в нем еле заметно… изменилось. Тело Мура словно обмякло, он

расслабился и одновременно стал чуть выше.

Валери по-прежнему, не отрываясь, смотрела на Дэна, но это не имело значения. Она широко улыбнулась, ее рот разверзся трещиной, еле слышно щелкнули зубы: все что нужно было знать о Муре, она прочла по лицу своей жертвы.

Вампирша лениво повернулась, небрежно швырнула Брюкса прочь, словно окурок выкинула. Тот пролетел, молотя руками, через весь отсек и по пути чуть не столкнулся с фигурой, которая размытым пятном пронеслась в противоположную сторону. Дэн врезался в грузовой куб и шлепнулся на палубу. Согнулся, кашляя, пока Мур и Валери танцевали в убыстренной перемотке. Руки чудовища двигались так, будто вертелись в центрифуге; оно отскочило от палубы и выстрелом пролетело сквозь пустое место, где долю секунды назад стоял Мур.

– Fhat thouding do're.

Не крик. Даже не восклицание. И, судя по интонации, не команда. Но звук проник в Центральный узел с южного полюса и словно физически сбил Валери с цели, забрался монстру прямо в голову, схватил ее за двигательные нервы. Она вывернулась в воздухе и приземлилась, как паук-скакун, на изгиб переборки; замерла: ярко-галогеновые глаза, рот полон сверкающих зубов, будто у маленькой акулы.

– Juppyu imake.

Мур вышел из оборонительной стойки, с удивлением посмотрел на собственные руки, поднятые в ответ на неполученные удары. Опустил их.

Из горла «Венца» поднялся Чайндам Офоэгбу.

«Ты не можешь этого сделать, – подумал Брюкс в изумлении. – Ты должен еще три дня сидеть в трюме».

– Prothat blemsto bethe? – руки Двухпалатника парили, словно пальцы пианиста над невидимой клавиатурой. Свет в глазах переливался северным сиянием.

«Плевать, насколько ты умный. Ты все равно сделан из мяса и не можешь просто так выйти из декомпрессионной камеры».

Сейчас у Двухпалатника бурлила кровь в жилах. Все пузырьки выпустили досрочно, газы освободили от веса слишком многих атмосфер, и теперь они устроили танцы в суставах и капиллярах…

«И надо-то совсем немного – один крохотный пузырек в мозгу. Незначительная эмболия в правильном месте, и все, ты – покойник, раз и нет».

– Ваша вампирша, – начала Сенгупта, прежде чем Мур успел ее остановить. – У нас тут проблемы ставящие всю экспедицию под удар…

«Но тебя же больше нет? Ты – лишь часть тела, узел в сети. Расходник. Обретешь ли ты сознание, когда рой отрежет тебя? Успеет ли Чайндам Офоэгбу проснуться и умереть обыкновенной тараканьей смертью? Успеет ли изменить мнение, почувствовать, как его предали, прежде чем уйдет навсегда?»

Офоэгбу закашлялся, в воздухе повис разреженный кровавый туман. Кровь и звезды пузырились в глазах Двухпалатника, он начал падать.

Вслед за ним наверх поднялась Лианна, согнувшись в три погибели: одну руку она крепко прижала к боку, другую, морщась, протянула вперед. Но ее хозяин оказался слишком далеко. Латтеродт оттолкнулась от края южного полюса, полетела вперед и подхватила монаха. Каждое движение стоило ей многого.

– Если вы, суки, больше друг друга не убиваете, – она закашлялась, начала снова, – то, может, поможете мне отнести его обратно в трюм, прежде чем он загнется прямо у вас на глазах?

* * *

– Твою мать, – выдохнул Брюкс, рухнув обратно в камбуз. Узел вернули в сеть; Лианна поставила себе лечебную сетку, загипсовалась и отправилась в койку, пока сломанные части сшивали друг друга.

Мур уже открыл бутылку скотча. Протянул бокал.

Брюкс, все еще на взводе, чуть не захихикал:

– Ты шутишь? Сейчас?

Полковник взглянул на трясущиеся руки Дэна.

– Сейчас.

Брюкс осушил бокал одним залпом. Мур снова его наполнил, не спрашивая.

– Так не может продолжаться, – выдохнул Дэн.

– Не может. И не будет.

– Чайндам ее остановил. На этот раз. И сам чуть не умер в результате.

– Чайндам был лишь интерфейсом, и Валери это прекрасно знает. Напав на него, она ничего не добилась бы, а рисковала всем.

– Что, если бы она выкинула этот номер пару дней назад? А если выкинет снова? – Брюкс покачал головой. – Ли могла погибнуть. Нам повезло, что…

– Мы легко отделались, – напомнил ему Мур. – По сравнению

с некоторыми.

Брюкс замолчал.

«Она убила одного из своих зомби».

– Зачем она это сделала? – спросил Дэн спустя какое-то время. – Проголодалась? Решила повеселиться?

– Это проблема, – признал полковник. – Разумеется, это проблема.

– А мы можем что-нибудь сделать?

– Не сейчас, – Мур вздохнул. – Технически Сенгупта действительно напала первой.

– Потому что Валери кого-то убила, черт побери!

– Мы этого не знаем. А если и так, есть… юридические вопросы. С точки зрения закона она могла быть в своем праве. В любом случае, это не важно.

Брюкс уставился на него, потеряв дар речи.

– Мы в ста миллионах километров от ближайшей властной структуры, – напомнил Мур. – Все, что может случиться, к Валери относится так же, как и ко всем нам. Юридические споры тут не имеют значения; нам придется играть со сданными картами. К счастью, мы не одиноки. Двухпалатники, по меньшей мере, настолько же умны и способны, как она. Если не умнее.

– Я не беспокоюсь об их возможностях и способностях. Я им не доверяю.

– А мне? – неожиданно спросил Мур.

Брюкс задумался на мгновение.

– Да.

Полковник склонил голову:

– Тогда верь им.

– Я верю в твои намерения, – спокойно поправил его Дэн.

– А, понятно.

– Ты слишком близок с ними, Джим.

– Столь же близок, как и ты в последнее время.

– Они запустили свои крючки в тебя задолго до того, как я зашел на вечеринку. Ты и Лианна, то, как вы всё принимаете…

Мур ничего не ответил.

Брюкс попытался снова:

– Послушай, не пойми меня неправильно. Ты пошел против вампирши, защищая нас, тебя могли убить, и я это знаю. Я тебе благодарен. Но нам повезло, Джим: обычно ты сидишь в КонСенсусе, выстроил себе отдельную раковину, и если бы Валери решила напасть в другое время…

– Я сижу в своей раковине, – спокойно ответил Мур, – так как изучаю потенциальную угрозу всей…

– Ну да. Ты же по кругу гоняешь одни и те же данные. Как

много озарений на тебя снизошло с тех пор, как мы покинули орбиту?

– Извини, если тебе от этого неспокойно. Но твои страхи беспочвенны. И в любом случае, – Мур выпил свой скотч одним глотком, – планетарная безопасность всегда в приоритете.

– Только дело в планетарной безопасности.

– Разумеется, в ней.

– Чушь собачья. Дело в твоем сыне.

Полковник моргнул.

– Дело в Сири Китоне, синтете из команды «Тезея», – продолжил Брюкс, чуть смягчив голос. – Ее состав никогда не держали в секрете.

– А ты, – голос полковника был безжизненным и бесстрастным, – все-таки думаешь не только о себе.

– Приму это за комплимент, – постарался разрядить атмосферу Дэн.

– Не стоит. Присутствие моего сына в той экспедиции никак не влияет на общую ситуацию. Мы имеем дело с сущностями неизвестного происхождения, обладающими технологиями, которые намного превосходят наши. Это моя работа…

– И ты делаешь ее с помощью мозга, а для того по-прежнему нет ничего важнее любви, семейного отбора и всех тех понятий каменного века, которые мы с дьявольским упорством пытаемся вычеркнуть из уравнений. От одного факта того, что Сири сейчас на «Тезее», любой развалился бы на куски, но тебе еще сложнее, да? Ведь это ты – одна из причин, по которой он туда попал.

– Он попал в команду «Тезея», потому что обладал наиболее подходящей квалификацией. Точка. Любой на моем месте принял бы такое решение.

– Разумеется. Но мы оба знаем, почему он обладал такой квалификацией.

Лицо Мура окаменело.

– Он обладал наиболее подходящей квалификацией, – продолжил Брюкс, – так как еще в детстве ему вживили определенные имплантаты. А их он получил, поскольку ты выбрал определенную работу с определенной долей риска, и однажды какой-то обиженный урод с набором для сплайсинга выстрелил в тебя, а попал в него. Ты винишь себя и за то, что реалист-недоумок промахнулся. Ты винишь себя за то, что случилось с сыном. Так поступают все родители.

– Ну, ты-то вообще все знаешь о том, что такое быть родителем.

– Я знаю о том, что такое быть человеком, Джим. И знаю, что люди себе говорят. Ты отправил Сири на «Тезей» еще до его

рождения, а когда появились Светлячки, поставил сына на самый верх списка. А теперь у тебя остались лишь эти сигналы, и больше никакой связи с сыном нет, и я понимаю тебя. Это так естественно, так по-человечески, а для нас с тобой неизбежно, ведь мы ничего из мозга не вырезали. Однако на корабле почти все уже избавились от ненужных частей, и закрыть глаза на этот факт мы не можем. Мы не можем позволить себе… отвлекаться. Не сейчас и не здесь.

Брюкс протянул свой бокал и почувствовал облегчение, увидев, что рука уже не дрожит и уверенно сжимает хрусталь. Полковник взглянул на него, затем на полупустую бутылку.

– Бар закрыт, – сказал он.

Добыча

Гораздо большую важность имеют малые сети, начало которым положил так называемый орден Двухпалатников. Он подчеркнуто не проявляет интереса к военной и политической деятельности, но остается восприимчивым к милитаризации. Эта группа имеет незначительное историческое родство с дхармическими религиями, причастными к созданию Разума Мокши, но, судя по видимым признакам, не ставит перед собой задачу самоуничтожения личности, являющуюся непосредственной целью Разума. Каждый двухпалатный рой достаточно мал (а значит, время задержки сигнала в нем довольно низкое), поэтому может поддерживать последовательное чувство разумного самосознания. Благодаря этому боевая эффективность роя ограничена как с точки зрения латентного периода реакции, так и эффективного размера. Тем не менее органическая природа межмозгового роевого интерфейса Двухпалатников делает их устойчивыми к блокировке сигналов, которая является достаточным средством против сетей технического происхождения. Таким образом, с точки зрения грубой военной силы, Двухпалатники имеют самый высокий военный потенциал среди всех роевых разумов, существующих на данный момент. Подобный вывод вызывает особое беспокойство в связи с большим количеством технологических и научных открытий, связанных с деятельностью ордена за последние годы, многие из которых уже оказывают дестабилизирующее воздействие на жизнь общества.

Мур Д. 12/03/2088

«Роевые разумы, разумные рои и биологические военные автоматы: роль коллективного разума в офлайн-сражениях».

Журнал военной техники, 68 (14)

Се, стою у двери и стучу.

Откровение 3:20

Звезда стала огромной. На ее лице появилась тень, крапинка, затем – родинка: точка, диск, дыра. Меньше, чем пятно на солнце. Темное, более симметричное, оно увеличивалось. Росло, как совершенная опухоль, черный планетарный диск там, где никакой планеты быть не могло, распухал в фотосфере прожорливой сингулярностью. Солнце скрывало половину этой пустоты: пустота скрыла половину Солнца. В некое критическое

мгновение, тонкое, словно лезвие бритвы, передний и задний планы поменялись местами, и звезда из диска превратилась в сверкающую золотую радужку, идущую на убыль вокруг огромного расширяющегося зрачка. А потом она стала и того меньше – огненным ободком вокруг абсолютно черной дыры; затем – круговой, невероятно тонкой нитью, корчащейся и раскаленной.

После чего пропала.

Миллионы звезд, мигнув, опять возникли на половине небосвода холодными, бесконечно малыми проколами; их разбросало полосами и случайными пригоршнями. Другая часть осталась без формы и пустоты – опухоль, уже поглотившая солнце, принялась грызть другие светила. Брюкс отвернулся от огромной пасти и увидел по левому борту черный палец, пронзивший звездное поле: темный шпиль длиной в пятьсот километров, похороненный глубоко в тени. Дэн снизил персональный спектр на пару ангстремов; игла заиграла багровым сиянием, как тлеющий уголь, – это был инфракрасный совершенный излучатель, вздымавшийся прямо по центру диска впереди. Теплоотвод. Находясь на расстоянии волоска от центра Солнечной системы, он никогда не видел самой звезды.

Брюкс нервно подергал паутину, удерживавшую его у зеркального шара. Сенгупта была пристегнута на своем обычном месте, слева от него, Лианна – справа, за ней – Мур. После того как Дэн решил поговорить о его сыне, старый воин не перемолвился с ним и словом. Похоже, некоторые линии невидимы до тех пор, пока их не пересечешь.

А может, их не видят лишь бесчувственные кретины. Эмпирики всегда открыты для альтернативных гипотез.

Брюкс обрел утешение в виде снаружи, где для невооруженного взгляда царила тьма, но на тактических дисплеях кипела жизнь. Иконки, векторы движения, траектории. Тонкий обод бледно-изумрудного цвета скукожился на переднем экране, плотно стянувшись вокруг носа «Тернового венца»: ненужный светоотражающий зонтик, стертый из КонСенсуса, чтобы не загромождать вид, втянулся в грузовой отсек. Жилые помещения свернули и закрепили для стыковки. «Венец» бесшумно падал; мимо пролетали массивные структуры, видные только в их отсутствии: как тени на фоне пространства, беззвездные силуэты опор и каплевидных транспортеров, бесконечные невидимые антенны, которые выдавало периодическое подмигивание контрольных ламп, натыканных по всей их длине.

«Венец» дернулся. Во тьме впереди заискрили двигатели, словно дуга электросварки. Вернулся низ, причем расположился

прямо по курсу. Брюкс мягко выпал из кресла в эластичные объятия упряжи и повис там, пока раскаленные тормоза корабля придали смутные очертания утесу впереди: балки, холодные и мертвые конусы дремлющих движков, огромные слоистые плиты поливольфрама. А потом искры погасли, вместе с ним исчез низ и вся удаленная топография. «Терновый венец» продолжил падение и падал нежно, как пушинка.

– Пока все выглядит нормально, – заметил Мур, конкретно ни к кому не обращаясь.

– А тут какой-нибудь охраны не должно быть? – поинтересовался Дэн. Было же официальное объявление через несколько недель после Огнепада. «Пока мы не видим свидетельств злой воли со стороны (бла-бла-бла), но предусмотрительно проявляем осторожность (еще больше болтовни), не можем позволить себе оставить столь жизненно необходимый источник энергии незащищенным в настоящем климате неуверенности (дальше совсем зевота)».

Мур ничего не ответил. Спустя какое-то время вместо него заговорила Лианна:

– Эту штуку почти невозможно разглядеть в сиянии Солнца, если не знать, куда смотреть. А тут только огромные тепловые отпечатки снуют туда-сюда, а те, другие ребята, не знают, в какую сторону глядеть.

С тех пор как Валери размяла когти в Центральном узле, Лианна и двух слов не произнесла, по крайней мере, Брюкс больше не слышал. Нынешнее пояснение он счел хорошим знаком.

Еще больше искр, разрывающих ночь секундными вспышками. Каркас поверхности заполнил весь тактический дисплей, высвечивая структуры, которые невооруженный глаз едва различал даже в виде теней. На отвесной скале перед кораблем вспыхнули созвездия – огни, запущенные приближением большой массы, мутные и изящные, как фотофоры глубоководных рыб. Свечи в окне, привечающие путника. Они струились, текли и сливались на огромной серой миноге, что вышла из ландшафта внизу; ее большой круглый рот пульсировал и морщился, сомкнулся на левом борте.

Последний всплеск обратной тяги. Минога вздрогнула, откатилась на метр или два, продолжила сближение и сомкнулась на правом борту, прицепившись к стыковочному шлюзу. «Венец» еле двигался.

– Мы тут уже испарения подсасываем надеюсь Двухпалатники понимают что делают так как топливо у нас закончилось, – доложила Сенгупта. – Чтобы этот корабль куда-то полетел

придется вылезти наружу и его подтолкнуть.

– Нет проблем, – ответил Мур. – Мы уселись на самый большой зарядник в Солнечной системе.

Лианна взглянула на Брюкса и попыталась улыбнуться.

– Добро пожаловать на «Икар».

* * *

Разумеется, на первом свидании лезть в койку никто не собирался.

Небо в Центральном узле заполнилось рукопожатиями и снимками крупным планом: «Икар» и «Терновый венец» знакомились, договаривались и приходили к соглашению, что эта небольшая встреча – дело интимное, а потому вмешательство земных инженеров будет лишним. Сенгупта шептала милый вздор станционной системе, упрашивала включить свет, загрузить жизнеобеспечение, а может, и поделиться парой страничек из личного дневника.

Из нижнего полушария выплыли обнаженные тела. Эулалия и еще одна из ордена («Хайна», – вспомнил Брюкс), очищенные от зловредных микробов и наконец прошедшие декомпрессию, решили снизойти до исходников. Никто не счел событие достойным комментария.

– Никого и ничего с последней операционной проверки, – Сенгупта ткнула пальцем в окно с буквенно-цифровой белибердой. – Никто не выходил и не приходил за последние восемнадцать месяцев. Сто девяносто два дня назад запускали двигатели для стабилизации орбиты больше ничего.

Краем глаза Брюкс заметил быстрое движение: строй умертвий гуськом пролетел сквозь люк, как рапторы, нападающие на добычу. Они отскакивали от неба, огибали переднюю лестницу и исчезали в потолке, быстрые и гибкие, словно барракуды.

«А вот и стая, – нервно подумал Дэн. – Где же их Альфа…» Но вопрос не закончил, так как получил вполне убедительный ответ: кожа на спине пошла мурашками.

Валери стояла прямо позади него. Возможно, уже давно.

Двухпалатники ее, кажется, не заметили. Они не сводили глаз с тактического дисплея с тех самых пор, как пришли. Брюкс сглотнул и с трудом повернул голову влево. Когда показалась вампирша, чуть не опустил голову, но заставил себя посмотреть ей прямо в лицо. Глаза вампирши сверкнули в ответ. Дэн заскрипел зубами и постарался думать только о лейкофорах и тонкопленочной оптике [267], а потом вдруг понял: «Она на меня

даже не смотрит».

Так и было. Яркие чудовищные глаза прожгли путь прямо сквозь него к куполу позади; колебались микроскопическими сдвигами от цифровых значений к картинкам; мельтешили, как глаза зомби, но вдвое с большей интенсивностью. Брюкс практически видел разум, сверкавший за этими линзами; пелену электричества, впитывающую информацию быстрее любого волокна. Теперь в Узле собрались все – монахи, монстры и прислужники; сгрудились под крохотным металлическим небом, забитым машинерией мысли: последовательностями загрузки, данными диагностики, многомерными видами с тысяч механических сенсоров. Она грозила полностью затопить полушарие бескрайним мерцающим инфоштормом, который перевалил через экватор и уже начал разливаться в сторону кормы.

Правда, он был грубым и неуклюжим, больше напоминал папирус. Все эти измерения, расплющенные и налепленные на физическое пространство, предназначались для троглодитов, тараканов, а не для когнитивных гигантов, маячивших повсюду. Почему они вообще сюда пришли? Сюда, в страну слепых, когда КонСенсус длился вечно, распределял бездонное море сведений по бесконечному пространству внутри их голов? Зачем пользоваться глазами из желе, когда невидимые сигналы могли проникнуть сквозь кость и мозг, накалякать что-нибудь прямо на синапсах…

«Черт побери!», – подумал Брюкс.

Смарткраска встречалась на корабле повсеместно. Раньше он думал, что это для освещения и бэкап для бэкапов – на случай, если в разогнанных мозгах сломаются имплантаты. Но теперь экипаж «Венца», похоже, предпочел именно такой интерфейс: грубый, пуантилистский, а главное – внешний. Конечно, он не был полностью защищен от взлома, но любое вторжение произошло бы за пределами головы и ставило под удар не мясо, а механику. Так, по крайней мере, какой-нибудь инопланетянин, воображаемый или нет, не мог переписать мысли в разуме роя.

«Несколько лет, чтобы обустроиться», – сказал Мур. За несколько лет неизвестная сила могла изучить новую и незнакомую технологию и сделать выводы о том, какая плоть скрывается за всеми этими схемами. За годы – построить устройства и интерфейсы, пользуясь неограниченной энергией из местного источника, а потом откинуться в кресле и ждать, пока прибудут владельцы. У того, что, возможно, притаилось на станции, была уйма времени, чтобы сообразить, как добраться на корабль.

«Они же боятся, – понял Брюкс, и его осенило. – Черт, неужели *они* боятся?»

Сенгупта закинула ряд сигналов с камер на купол. Трюмы и служебные туннели, в основном: баки с программируемой материей, лабиринты туннелей, где роботы скользили по рельсам, выполняя бесконечные задания по ремонту и пополняя запасы. Жилые отсеки торчали тут и там, как лимфатические узлы, вакуоли, которые нехотя наполняли теплом и атмосферой в тех редких случаях, когда гости являлись с визитом, предварительно договорившись о встрече. Сейчас они были пустыми, неприветливыми и настолько маленькими, что едва выделялись бы, даже существуй здесь гравитация. «Икар» был невежливым хозяином, возмущенно смотревшим на любых паразитов, решивших пожить в его кишках.

Но что-то тут все же обосновалось.

Сенгупта схватила это окно и растянула на пятую часть купола: ДОП/РЕКОМП, согласно сигналу, цилиндрический отсек с еще одним цилиндром внутри – сегментированным, ребристым, утыканным трубками, панелями доступа, с торчащими кабелями высокого напряжения, – который трахеей шел через центр помещения. Чем больше они смотрели, тем становилось светлее. Прерывистые искры проносились по стенам, замирали и затухали до темно-лимонного сияния, которое расходилось по окрашенным полосам на переборке. Завитки замерзшего пара крутились невесомыми арабесками, пока их не всосал какой-то проснувшийся вентилятор.

По пути сюда Брюкс заполнил пробелы в образовании. Он знал, что найдет, если перережет массивную трахею посередине отсека. С одной стороны, там находился массивный и черный составной глаз, похожий на пчелиные соты кластеров из гамма-лазеров, нацеленных вдоль полости трубы. Насосы и электромагнитные катушки опоясывали пространство через равные интервалы: сверхпроводники и ультраморозильные трубы, остужающие гипотетический вакуум практически до абсолютного нуля. Внутри этой камеры материя приобретала странные формы. Атомы успокаивались, забывали про Броуна и энтропию, принимали сообщение от второго закона термодинамики, но обещали вернуться к нему чуть позже. Затем четко выстраивались сверху донизу, сцеплялись и превращались в единообразный субстрат. Триллионы атомов конденсировались в одну огромную сущность: чистый лист, ждущий, когда энергия и информация превратит его в нечто новое.

«Тезей» кормился чем-то подобным, более того, был частью того же контура. Может, и до сих пор кормится. А внизу, в

дальнем конце отсека, за лазерами, магнитами и ловушками микроканальных пластин Брюкс что-то увидел, что-то… неправильное.

Поначалу он не мог сказать ничего определенного: в дальнем конце компилятора что-то просто было не так. Через пару секунд Дэн заметил, что сервисное отверстие слегка приоткрыто, и по его краям расплывается пятно. Мозг покопался в подсказках, перебрал тысячи карточек, по размерам попытался примерить на аномалию ярлык «разлитая краска», но подошел он плохо. Для смартматериала эта штука была слишком толстой, бесформенной и плотной. К тому же Брюкс больше не видел на станции поверхности, выкрашенной в такой маслянистый оттенок серого.

Потом камера дала увеличение, и новый набор подсказок тут же встал на место.

Эти ветвящиеся филигранные края, как корешки и дендриты, растущие прямо на машинах.

– Эта штука все еще лезет из канала? – изумленный голос Лианны.

– Не тупи думаешь я не сказала бы? Да и не в том дело просто какой-то идиот оставил люк открытым.

«Система жизнеобеспечения не работала, пока „Венец“ не пристыковался», вспомнил Брюкс. На станции повсюду царил вакуум.

– Может, оно как раз и лезло, пока ты не повысила давление в отсеках. Вдруг мы его… прервали.

Эти маленькие бугорки, похожие на прыщи – словно какие-то плоды на ранних стадиях…

– Не сомневайся я сказала бы раньше да черт в логах записано что энергии тут не было уже много недель.

– Если логам можно верить, – тихо заметил Мур.

– Эта штука очень похожа на обыкновенную краску, – сказала Лианна.

Брюкс покачал головой:

– Нет, больше на слизистую плесень.

– Что бы это ни было, – подытожил Мур, – наши люди ничего подобного сюда не отправили бы. И отсюда очевидный вопрос…

Вопрос появился, но его никто не задал.

* * *

Конечно, слизистая плесень не могла выжить в глубоком вакууме при абсолютном нуле.

– Назови хотя бы одну вещь, которая смогла бы, – сказал Мур.

– Потенциально дейнококки могли бы. Ну, и вроде некоторые синтетики.

– И при этом они могли бы активно действовать?

– Нет, – признал Брюкс. – Они, по сути, вырубаются, пока условия не станут лучше.

– То есть, по-твоему, что бы там ни было, – полковник махнул рукой в сторону изображения, – оно спит?

Ощущение казалось более странным, чем даже штука в окне: кто на «Терновом венце» интересовался мнением Дэна? Но удивление прошло, как только он посмотрел в сторону и увидел, как монахи и вампирша собрались вместе и вели мультимодальный диалог из щелчков, фонем и танцующих пальцев. Двухпалатники стояли, отвернувшись друг от друга; они парили спонтанным узлом, устремив каждую пару глаз по своему вектору.

«Джим, может, для меня ты и полковник-суперсолдат, – понял Брюкс, – но для этих парней все мы – лишь стая капуцинов».

– Я сказал…

– Прости, – Дэн тряхнул головой. – Нет, я так не думаю. В смысле, взгляни на это: оно хотя бы отчасти находится вне камеры. Ты мне скажи, может ли техника на «Икаре» собрать материю вне конденсатора?

– Значит, оно… выросло.

– Вполне логично.

– В глубоком вакууме, почти при абсолютном нуле.

– Не настолько логично, но другого ответа у меня нет. – Брюкс дернул подбородком в сторону гигантов. – Может, у них есть.

– Оно сбежало.

– Если хочешь, можно и так сказать. И, в любом случае, сбежало оно недалеко. – Пятно, слизистая плесень или что бы там ни было распространилось меньше чем на два метра от открытого люка, а потом иссякло, разбившись на корешки. Впрочем, по идее, оно даже столько не должно было протянуть.

Эта чертова штука выглядела как живая. Брюкс убеждал себя не спешить с выводами и не судить внеземные явления по привычным для людей формам, но биолог в нем пустил уж слишком глубокие корни. Он смотрел на зернистую пережатую картинку и не видел там ни случайного скопления молекул, ни экзотического кристалла, растущего по какой-то предначертанной сетке линий. Он видел нечто органическое – создание, которое не могло просто так собраться из рассеянного облака атомов.

Дэн повернулся к Муру:

– А не может технология телематерии на «Икаре» быть более продвинутой, чем ты допускаешь? Может, она ближе к настоящей фабрикации? Мне кажется, у нас тут сложная макроструктура.

Мур повернулся и пригвоздил Сенгупту взглядом:

– Оно… вырвалось? Взломало люк?

Та покачала головой, не сводя глаз с потолка:

– Никаких признаков растяжения или усталости металла ничего не взрывалось не ломалось поблизости нет никаких осколков. Выглядит так будто кто-то проводил стандартную диагностику вынул образец и забыл закрыть дверь.

– Какая-то уж слишком глупая ошибка, – заметил Брюкс.

– Тараканы постоянно совершают глупые ошибки.

«И самая большая наша ошибка, – промолчал Брюкс, – в том, что мы слишком много понастроили таких, как ты».

– Правда обзор у камеры ограниченный видно не все поэтому нужно туда сходить и проверить для надежности.

Наверху, в небе, слизистая плесень манила миллионом филигранных пальцев.

– Значит, такой наш следующий шаг? – предположил Брюкс. – Мы высаживаемся?

От Эулалии донеслось крякающее стаккато с пальцевым аккомпанементом. У любого другого примата такой звук мог бы означать смех. Узел удостоила Дэна взглядом и снова перевела внимание на купол.

Это был не английский. Кажется, даже не язык; по крайней мере, не по определению Брюкса. Но почему-то он понял, что хотела сказать Эулалия.

«Ты первый».

* * *

Два часа спустя четыре Двухпалатника и парочка зомби Валери выбрались на корпус и теперь ползли вдоль хребта корабля со свитой ремонтных пауков, таща за собой горелки, лазеры и ключи.

Два часа на подготовку перед началом новой сборки корабля. И три дня, чтобы набраться храбрости и отправиться куда-то еще.

Естественно, они заложили базу. Сенгупта подключилась к каждой камере на замороженной станции, взломала парочку ремонтных ботов и отправила их в каждый доступный уголок и закуток. На видео Брюкс не увидел ни ангелов, ни астероидов. Он уже решил, что кодовое имя было отвлекающим маневром – фразой, выпущенной в эфир, чтобы преследователи особо не

гадали, куда отправится «Венец», запустив двигатели во внутренней системе.

Прищурившись так сильно, как могла, Сенгупта увидела лишь подозрительную тень, исчезнувшую, стоило приложить к ней величину ошибки:

– Аллометрия станции сбита на пару миллиметров но было бы странно если бы на такой жаре не было расширений или сжатий.

Рой собрался вместе и время от времени передавал указания через Лианну: «Увеличь давление в конденсаторе до двадцати атмосфер. Заморозь камеру. Нагрей камеру. Отключи свет. Включи снова. Снова продуй конденсатор до вакуума. Сфабрикуй этот модуль и запусти его».

Слона никто так и не приметил, тот упорно отказывался подниматься, невзирая на все приманки. После трех дней Брюкс изнывал от безделья.

– Они хотят, чтобы ты остался тут, – извиняясь, сказала Лианна. – Ради твоей безопасности.

Они вплыли в форпик; внутренности «Венца» шипели и булькали вокруг, пока процессия Двухпалатников забиралась в скафандры в главном шлюзе. Водяной шар, удерживаемый поверхностным натяжением, дрожал чуть в стороне от проторенного маршрута. Мягкий свет, лившийся из пасти миноги, омывал все вокруг бледно-голубым цветом.

– Вот, значит, как. Теперь они решили позаботиться о моей безопасности.

Лианна вздохнула:

– Мы уже говорили об этом, Дэн.

Из Центрального узла появилась Валери, оскалилась и пролетела мимо. Она вела пальцами по пучкам из труб с охладителем, еле заметно выбивая аритмичную дробь. Брюкс посмотрел на Лианну; та отвернулась. Наверху Офоэгбу погрузил руки в воду; вытащил их и вытер, прежде чем натянуть перчатки.

– Но ты идешь, – заметил Дэн.

Работать бок о бок с тварью, которая чуть ее не убила, даже не удостоив взглядом. Брюкс так и эдак пытался подступиться к теме в обычной беседе, но в последнее время от привычной болтовни остались одни обрывки. К тому же Латтеродт явно не хотела говорить на эту тему.

Сейчас же сказала:

– Это моя работа. Джима мы пока оставили в тылу.

Дэн удивился:

– Серьезно?

– Мы, скорее всего, возьмем его, когда будем чуть больше

уверены в том, что происходит. В конце концов, он контролировал экспедицию «Тезея» с Земли. Но даже тогда он будет, в основном, заниматься дистанционным управлением с «Венца». Двухпалатники не хотят подвергать кого-либо ненужному риску. К тому же… – Она пожала плечами. – Что ты будешь делать на «Икаре»?

Брюкс пожал плечами в ответ:

– Наблюдать. Исследовать.

Капля воды снова задрожала, когда узел по имени Цзянчу смыла свои грехи. «Почему все тела это делают, – задумался Дэн, – если за ними стоит один разум?»

– Ты получишь все данные в реальном времени прямо здесь. И они будут гораздо качественнее.

– Наверное, – Дэн покачал головой. – Ты, конечно, права. Они правы. Просто я психую от безделья.

– А я думала, ты не любишь приключений. Нам на фоне последних событий к скуке стремиться надо, – Лианна с трудом улыбнулась и положила ладонь ему на предплечье.

– Лучше останься здесь. Будешь заглядывать мне через плечо.

Сенгупта хмыкнула, когда Дэн влетел в Центральный узел:

– Значит тебя не пустили поиграть.

– И не пустят, – признал Брюкс, устроившись рядом с ее креслом.

– Отсюда вид лучше. – Она машинально постукивала ногой по палубе. – Я бы там в принципе не хотела оказаться тем более с этими товарищами с ними даже не поговоришь и манеры у них дерьмо полное если до сих пор не заметил. Я бы туда не пошла даже если бы мне заплатили.

– Спасибо, – ответил Брюкс.

– За что?

«За попытку. За то, что успокаивающе почесала меня за ушком».

Сенгупта махнула рукой, словно раскладывала колоду карт: на куполе слева направо расцвел ряд окон. Руки в перчатках, визоры, вид шлемов сзади; тактические оверлеи описывали внешнюю и внутреннюю среду сверкающими динамическими рядами.

Минога раскрыла пасть, и свита Двухпалатников невинно заплыла к ней в горло.

Брюкс натянул свой фетиш-капюшон и запустил сенсоры движения.

* * *

Совсем бесполезным Дэн не был. Его отправили засевать панели астродерна: счищать мертвый и хрупкий сухостой, принесенный в жертву холоду и вакууму; наносить свежий питательный гель на сеялки в переборках, а поверх него – распылять туман из микроскопических семян. Обработанные поверхности уже через час начинали зеленеть, но вместо того, чтобы наблюдать за ростом травы, Дэн, держась на расстоянии, смотрел, как Двухпалатники и зомби, словно бродячие муравьи, копошились на «Икаре», вырезая из его борта одинаковые ромбические куски поливольфрама и перетаскивая их к зазубренной культе, где «Венец» разломился пополам.

Со временем Брюкса даже выпустили наружу. Сама станция по-прежнему была вне досягаемости, но ему позволили помогать по хозяйству, научили пользоваться тяжелой техникой и отправили гулять по корпусу корабля. Он по команде сваривал контакты и опоры, помог вытащить парасоль из гнезда, перенести его на корму и вырезать по центру аккуратные отверстия для импровизированных двигателей, которые могли выдержать жар десяти солнц.

В другой раз он ерзал в кресле Центрального узла, пока Сенгупта гоняла цифры по стене: столько-то тонн, столько-то килоньютонов такой-то импульсной тяги. Дэн подключался к трансляции из ДОБ/РЕКОМП; наблюдал, как Валери, Офоэгбу и Амина пытаются установить связь с невероятной слизистой плесенью со звезд, а вокруг них парит религиозный и научный инвентарь. Он записывал их движения и заклинания, скармливал записи личной базе данных, которую создал сразу после стыковки. Иногда в Узел заглядывал Мур, но чаще Брюкс находил его в каком-нибудь отдаленном закутке корабля, где Джим плавал в море старой телеметрии, в одних голых фактах, не имевших ничего общего с его сыном.

Теперь полковник всегда был вежлив, но не более.

Когда зрелище людей, занимающихся более продуктивной деятельностью, окончательно переставало радовать, Брюкс покидал оживленный туристический район «Икара» и отправлялся на прогулку самостоятельно, прыгая от камеры к камере: шел по пустым служебным туннелям и замерзшим отсекам, бесконечному темному лабиринту необитаемого и неизведанного. Кое-где попадалась атмосфера, и на переборках сверкал иней. Иногда вокруг царили только перекладины, ограждения и вакуум, да еще цепкие машинки удирали прочь, как тромбоциты в механических артериях.

Однажды Брюкс увидел звезды там, где их не должно было быть: огромную дыру, с наименьшим ущербом выкушенную из

панциря «Икара». Сквозь пролом виднелись горящие зубы Двухпалатников – сверкающие голубые точки, вгрызавшиеся в корпус уже в другом месте. Он зажмурился, даже фильтры камеры не помогли.

Следующая остановка.

Ага, снова ДОБ/РЕКОМП, только народу стало еще больше: к Валери и монахам присоединился Мур.

«Очередной таракан, – подумал Брюкс. – Такой же, как я. Но место за столом получил-таки».

Он еще пару секунд безмолвно созерцал картинку.

«Да пошли вы все».

* * *

Из открытого шлюза в форпик лился бледно-голубой свет, оттеняя края труб, шкафчиков и пустых альковов. Брюкс выплыл из люка, ухватился за распорку и нырнул к левому борту, прямо в сияющую пасть миноги.

На его лице сразу сфокусировались глаза, гиперсаккадами мельтешащие на эбеновом лице. Тело держалось за стену шлюза одной рукой, пальцы обхватили поручень. Пружинные протезы ниже колена нелепо вытягивались и упирались в переборку, загораживая путь.

Брюкс успел вовремя остановиться.

– Ограниченный доступ, сэр, – сказал зомби, и его глаза затанцевали еще больше.

– Твою мать. Вы разговариваете.

Зомби ничего не ответил.

– Я не думал, что тут… кто-то будет, – попытался Брюкс. – Ты в сознании?

– Нет, сэр.

– Значит, разговариваешь во сне.

Тишина. Глаза, мечущиеся в глазницах.

«Интересно, знает ли оно, что произошло с другим? Видело ли оно это…»

– Я хочу…

– Вы не можете, сэр.

– Вы…

– Да, сэр.

– …меня остановите?

– Да, но в этом нет необходимости, – добавил зомби.

Брюкс уже хотел спросить про огонь на поражение, но решил не развивать эту тему.

С другой стороны, существо вроде не возражало против беседы.

– Почему ваши гла…

– Чтобы максимизировать захват сигнала высокой четкости со всего пространства визуального поля, сэр.

– Хм.

Такой трюк разум с сознанием выкинуть не мог – из-за ограниченной пропускной способности. Значительная часть так называемого зрения состояла из предсознательных фильтров, решавших, что не видеть, дабы гомункула наверху не перегрузило от избытка информации.

– Ты черный, – заметил Брюкс. – Большая часть зомби – чернокожие.

Нет ответа.

– У Валери фетиш на меланин, или…

– Так, дальше я со всем разберусь, – сказал Мур, подымаясь из пасти через стыковочную трубу. Зомби плавно отодвинулся в сторону, давая ему пройти.

– Они разговаривают, – сказал Брюкс. – Я не…

Мур всего раз посмотрел на Брюкса, проходя мимо, но когда вошел на корабль и направился к корме, бросил:

– Пойдем со мной, пожалуйста.

– Э, а куда?

– В медотсек. Мне не нравятся пятнышки на твоем лице, – Мур исчез в Центральном узле.

Брюкс бросил взгляд назад, на шлюз. Сторож Валери вновь занял свое место, преграждая путь к более экзотическим локациям.

– Спасибо за беседу, – сказал Дэн. – Надо как-нибудь повторить.

* * *

– Закрой глаза.

Брюкс подчинился; внутренности век на несколько секунд засияли кроваво-красным светом, когда Мур просканировал лицо диагностическим лазером.

– Мой тебе совет, – сказал полковник с другой стороны комнаты. – Не дразни зомби.

– Я его не дразнил. Всего лишь бол…

– И не болтай с ними.

Дэн открыл глаза. Полковник пропустил скан через какую-то невидимую диагностику, висящую в воздухе. Потом добавил:

– Помни, кому они подчиняются.

– С трудом могу себе представить, что Валери забыла взять со своих миньонов клятву хранить тайну.

– А я с трудом могу представить, что миньоны забудут рассказать хозяйке про секреты, о которых ты спрашивал. И не важно, ответили они тебе или нет.

Брюкс обдумал фразу:

– Думаешь, ей не понравится мое замечание про меланиновый фетиш?

– Я понятия не имею, – тихо ответил Мур, – мне бы точно не понравилось.

Брюкс моргнул:

– Но я…

– Ты смотришь на них, – в глазах солдата сейчас будто плавал жидкий азот, – и видишь зомби. Быстрых на подъем, надежных на поле боя не совсем людей. Менее чем людей. Даже не животных; существ без сознания. Возможно, ты думаешь, что к таким, как они, понятия уважения или неуважения в принципе не относятся. Разве можно не уважать газонокосилку, например?

– Нет, я…

– Давай, я расскажу тебе, что вижу сам. Человека, с которым ты, так скажем, болтал, зовут Азагба. Для друзей – Аза. Но он свою личность отдал – за то, во что верил, или потому, что все остальные варианты были еще хуже, а может, их вообще не было. Ты смотришь на свиту Валери и видишь скверный анекдот. А я вижу семьдесят с лишним процентов военных биоавтоматов, их набрали из мест, где насилия столько, что отсутствие самосознания для многих – вожделенная мечта. Я вижу людей, которых скосили на поле боя, а потом запустили снова, лишь для того, чтобы они сделали выбор: вернуться в могилу или оплатить перезапуск десятилетием затмения и договорного рабства. Зачастую для них это наилучший вариант событий.

– А какой худший?

– В некоторых частях света закон до сих пор гласит, что жизнь кончается со смертью, – ответил Мур. – Все остальное – живой труп. При таком раскладе у Азагбы столько же прав, сколько у мертвеца на анатомическом столе.

Он ткнул рукой в воздух и добавил:

– Я был прав: предраковое состояние.

«Малави», – вспомнил Брюкс и неожиданно все понял:

– Вот почему ты бросился на нее. Не из-за меня или Сенгупты. Даже не из-за миссии. А потому, что она убила одного из таких, как ты.

Мур посмотрел сквозь Дэна:

– А я думал, ты уяснил, что попытки психоанализа тебе лучше держать при себе. – Он вытащил опухолевый карандаш из набора первой помощи. – Тошнота есть? Головные боли, головокружение? Жидкий стул?

Брюкс поднес ладонь к лицу:

– Пока нет.

– Скорее всего, беспокоиться не о чем, но мы для верности проведем полное сканирование тела. У тебя могут быть и внутренние очаги. – Он наклонился вперед и прижал карандаш к щеке Дэна. Что-то электрическое затрещало в ухе, по лицу разлилась пощипывающая теплота.

– Я бы рекомендовал тебе проходить ежедневные сканирования, – сказал Мур. – Когда мы приближались, экранирование корабля было не из лучших. – Он жестом приказал Дэну пройти влево, откинул со стены медкойку. – Но, признаться, я удивлен такому быстрому развитию болезни. Возможно, у тебя есть предрасположенность к раку. Ложись.

Брюкс залез на койку. Полковник пристегнул его на случай свободного падения. На переборке тут же расцвел биомедицинский коллаж.

– Э, Джим…

Полковник не сводил глаз со скана.

– Извини.

Мур хмыкнул:

– Возможно, мне не стоило ждать, что ты быстро сообразишь. – Он помолчал. – Ты же не зомби.

– Тараканы, мы… в общем, лажаем, сам понимаешь, – признал Брюкс.

– Да, я иногда об этом забываю, – полковник вздохнул и тихо выдохнул сквозь сжатые зубы. – Прежде чем появился ты, я… ну…

Брюкс молчал, боясь нарушить хрупкое равновесие.

– Я уже очень долго, – сказал Мур, – не испытывал желания общаться с себе подобными.

* * *

> Бог создал натуральные числа, все остальное – дело рук человека.
>
> *Леопольд Кронекер*[268]

– У меня для тебя кое-что есть.

Это была белая пластиковая раковина размером с футляр под древние очки. Лианна сфабила ярко-зеленую ручку, похожую на

древко от лука, и приклеила ее к крышке.

Брюкс с подозрением уставился на подарок:

– И что это?

– Лик Божий, – провозгласила она и осеклась, увидев его взгляд. – Так эту штуку называет рой. Кусок твоей слизистой плесени. – Она энергично протянула ему предмет. – Если Магомет не идет к образцу…

– Спасибо, – Дэн принял дар (старался, как мог, но все-таки не смог удержаться и улыбнулся), поставил его на стол, рядом с десертом.

– Они думают, тебе будет интересно на нее взглянуть. Посмотреть, как она работает.

Брюкс посмотрел на окно в переборке, где три Двухпалатника парили у компилятора, по привычке глядя в разные стороны. (Их поведение не имело ничего общего с сенгуптовским отвращением к зрительному контакту, просто коллективный разум с несколькими парами глаз предпочитал визуальный обзор на 360 градусов.)

– Они решили бросить мне кость или хотят, чтобы вскрытие делало пушечное мясо на всякий случай?

– Скорее всего, кость. Но ты знаешь, у этой штуки действительно есть биологические свойства. А ты – единственный биолог на борту.

– Биолог-таракан. К тому же, эта плесень, скорее всего, постбиологического происхождения. А при таком раскладе у меня больше шансов получить минет от Валери, чем…

Он осекся, но слишком поздно. «Идиот. Тупой, бесчувственный…»

– Может, и нет, – сказала Лианна после настолько короткой паузы, что та вполне могла быть воображаемой. – Но на корабле только у тебя есть образование биолога.

– Ты… думаешь, это существенно поможет делу?

– Разумеется. А главное, они так думают.

Брюкс задумался:

– Ну, тогда попытаюсь их не разочаровать. – А потом: – Ли…

– И чем ты тут занимаешься, а? – Она наклонилась ближе к дисплею. – Запустил все датчики движения.

Он кивнул, не доверяя собственному языку.

– А зачем? Слизь не двинулась с тех пор, как мы прилетели.

– Я… ну… – Дэн пожал плечами и признался: – Я слежу за Двухпалатниками.

Лианна подняла бровь.

– Пытаюсь разобраться в их методологии. Ведь она есть у каждого, так? Научная, суеверная или какой-нибудь странный

инстинкт. В любом случае должен быть шаблон…

– И ты его не нашел?

– Нашел. Они – само воплощение ритуалов. Эулалия и Офоэгбу вот так подымают руки; Ходоровска периодически воет на луну – ровно три с половиной секунды; многие запрокидывают голову и начинают булькать, словно, блин, рот полощут. Поведение Двухпалатников настолько стандартизировано, что в какой-нибудь лаборатории, ну знаешь, из таких, старых, где еще животных в клетках держали, их сочли бы конченными невротиками. Но в их действиях нет никакой корреляции с происходящим вокруг. По идее, должна же быть последовательность, понимаешь? Что-то попробовал – не получилось, пробуешь другое. Ну, или выполняешь предписанный набор правил для изгнания злых духов.

Лианна кивнула, но ничего не сказала.

– Я не понимаю, зачем они вообще издают звуки, – проворчал Дэн. – С таким квантовым мозолистым телом, или что там у них, сигналы должны передаваться быстрее, чем при акустических…

– На это не трать время. Половина фонем Двухпалатников – следствие загрузки теменных долей.

Брюкс кивнул:

– Вдобавок, мне кажется, что рой… распадается на фрагменты, понимаешь? Я иногда смотрю не на одну сеть, а на две или три. Периодически их действия теряют синхронность. Я это учитываю – по крайней мере, пытаюсь, – но никаких вразумительных взаимосвязей пока не нашел. – Он вздохнул. – С католиками, например, как-то попроще: там точно знаешь, что если тебе дали облатку, дальше будет вино.

Лианна беззаботно пожала плечами:

– Ты должен верить. Все поймешь, если на то есть Божья воля.

Дэн не сдержался:

– Бог мой, Ли! Как ты вообще можешь так говорить? Ведь ты знаешь, что нет и малейшего намека на доказа…

– Да ну? – За одно мгновение язык ее тела изменился, а в глазах вспыхнул огонь. – И какого рода доказательств тебе будет достаточно?

– Я…

– Голоса с облаков? Огненной надписи в небе:

«Я – Господь всемогущий, а ты – ничтожный слабак»?

Тогда ты поверишь?

Дэн поднял руки, дрогнув пред лицом ее гнева.

– Ли, я не хотел…

– Только сейчас не надо идти на попятную. Ты плевал на все мои убеждения с того дня, как мы встретились. И теперь будь

любезен, по крайней мере, ответь на мой вопрос.

– Я… ну…

«Скорее всего, нет», – пришлось ему признать. Увидев огненные письмена в небе, Брюкс, в первую очередь, подумал бы о мистификации или галлюцинации. Бог, по сути, был настолько абсурдным предположением, что Дэн не мог придумать физическое свидетельство, для которого существовало бы такое простое объяснение.

– Ты же сама постоянно говоришь о ненадежности человеческих чувств, – это звучало уныло даже для него.

– Значит, никакие доказательства не заставят тебя изменить свое мнение. Тогда скажи, чем ты отличаешься от фундаменталиста?

– Разница в том, – медленно произнес Дэн, аккуратно выбирая слова, – что альтернативной гипотезой в данном случае будет взлом мозга, и такое предположение полностью согласуется с наблюдаемой информацией. И Оккаму оно нравится гораздо больше, чем версия о всемогущем небесном волшебнике.

– Ага. Между прочим, люди, которых ты тут разглядываешь в наноскоп, кое-что знают о «наблюдаемой информации». Уверена, что по количеству публикаций они сделают тебя, как ребенка. Может, ты все-таки чего-то не знаешь? Мне нужно идти.

Лианна повернулась к лестнице и схватилась за перила так сильно, что у нее костяшки на пальцах побелели.

Остановилась. Слегка расслабилась.

Повернулась.

– Прости, я просто…

– Да все в порядке. Я не хотел, ну…

Хотя, конечно, хотел. Оба хотели. Они все путешествие кружились в этом танце. Просто раньше спор не казался настолько личным.

– Не знаю, что на меня нашло, – сказала Лианна.

Дэн не стал ворчать:

– Все хорошо. Я и сам иногда спинным мозгом думаю.

Она попыталась улыбнуться:

– В общем, мне все равно надо идти. Мы не поссорились?

– Нет.

Она ушла, так и не убрав улыбку с лица. Поднимаясь, Лианна берегла ребра с левой стороны, которые медицинские технологии уже давно полностью вылечили.

* * *

Он не был ученым – не для этих существ. Скорее, младенцем в манеже, которому нужно дать шарики и погремушки, чтобы не отвлекал, пока взрослые занимаются серьезными делами. Подарок Лианны был не образцом для исследований, а соской-пустышкой. Но свою работу она сделала: законы термодинамики тому свидетели. Брюкс подсел с первого взгляда.

Он натянул фетиш-маску на голову, связался с лабораторным каналом КонСенсуса, и время просто… остановилось, замерло. А в следующую секунду понеслось вперед. Дэн ринулся вниз, внутрь материи, наблюдал за молекулами в движении, строил карикатуры из палочек и пытался уболтать их двигаться так же. Он даже удивился собственной сноровке, восхитился, как много сделал всего за несколько минут, и только потом задумался, почему в горле сухо. Каким-то образом Брюкс не заметил, как прошло восемнадцать часов.

«Что ты такое?» – с изумлением подумал он.

Точно не компьютрониум [269]. Не органика. Больше похоже на плазменную спираль Цытовича [270], чем на нечто, состоящее из белков. Внутри под ритм ионов тикали какие-то штуки, похожие на синаптические ворота; некоторые переносили пигмент вместе с электричеством, словно хроматофоры подрабатывали ассоциативными нейронами. Еще следы магнетита; эта штука при проведении правильных вычислений могла менять цвет.

Правда, вычислительная плотность образца была как у заурядного мозга млекопитающих. И это удивляло.

Тем не менее… то, как он был скомпонован…

Брюкс наплевал на жажду, даже в туалет не ходил, пока мочевой пузырь чуть не разорвался. Построил настольную модель инопланетной технологии, уменьшился, запрыгнул прямо в ее центр и ходил там, пораженный, по улицам города и бесконечно меняющимся сеткам разумного кристалла. Он стоял, посрамленный невозможностью, содержащейся в крохотном кусочке чужой материи, и невероятной, одуряющей простотой ее исполнения.

Будто кто-то научил счеты играть в шахматы, а паука – вести философские споры.

– Ты думаешь, – пробормотал Дэн, улыбаясь от изумления.

Образец действительно чем-то напомнил ему один особенный вид пауков, ставший легендой среди зоологов, изучавших беспозвоночных, и специалистов по вычислительной физике: решателя задач, который строил планы, намного превосходящие возможности пары крохотных ганглиев. Порция. Некоторые называли ее котом с девятью лапами. Паук-скакун, который

думал как млекопитающее.

Конечно, мыслительные процессы отнимали у него немало времени. Он часами совершенно неподвижно сидел на листке, вычислял углы, а потом – хоп! – летел к своей цели по кружному маршруту, нарушая линию прицеливания по несколько раз за минуту, и каким-то образом попадал на каждую точку маршрута, не теряя из виду мишень. Он помнил все трехмерные части паззла – с мозгом, массы которого, по идее, едва хватало для распознавания движения и света.

Насколько сумели понять исследователи, пауки рода Portia научились расчленять когнитивные процессы на отдельные доли: часть за частью имитировали большой мозг, сохраняли результаты одного модуля и загружали их в следующий; срезы интеллекта строились и разрушались один за другим. Правда, наверняка никто ничего так и не узнал – вышедший из-под контроля синтефаг расправился с пауками-скакунами прежде, чем кто-то решил изучить вопрос повнимательнее. Слизистая плесень «Икара», похоже, взяла за основу ту же идею, но подошла к ней творчески. Разумеется, существовал некий верхний предел – точка, за которой оперативная память и глобальные переменные требовали столько места, что для реального мыслительного процесса ничего не оставалось. Но перед Брюксом лежала лишь крохотная частичка, размером от силы с божью коровку. А в камере конденсатора этого вещества было полно.

Как там его назвала Лианна? Богом. Ликом Божьим.

«Может быть, – подумал Брюкс. – Если дать ему время».

– Хрень масштабно-инвариантная оно таймшерит!

Дэн уже привык. Даже не подпрыгнул, когда Сенгупта неожиданно заорала под боком. Сдвинул назад капюшон, и вот она, тут как тут, в метре слева, подсматривает за его моделями сквозь дополнительное окно в переборке.

Он вздохнул и кивнул:

– Имитирует большие сети по кусочку за раз. Эта крохотная часть Порции…

– «Порции», – Сенгупта ткнула пальцем в воздух, залезла в КонСенсус. – Как паука да?

– Да. Этот крохотный кусочек даже мог бы сымитировать человеческий мозг, если бы пришлось, – он поджал губы. – Мне интересно, разумен ли он?

– Без шансов он пропыхтит минимум несколько дней только над полусекундным срезом мозга а сети пробуждаются только…

– Да, – Брюкс кивнул. – Конечно.

Ее глаза заплясали, сбоку выросло еще одно окно ДОБ/РЕКОМП – постбиологическое чудо, нарисованное на его

потрохах.

– А вот эта штука может. Что еще у тебя есть?

– Я думаю, она была спроектирована специально для среды обитания такого рода, – ответил Брюкс, помедлив.

– В смысле для космических станций?

– Для пустых космических станций. В умных массах нет ничего особенного. Но вот настолько малое вещество, и при этом ведущее вычисления когнитивного уровня… Есть причина, по которой на Земле ничего такого нет.

Сенгупта нахмурилась:

– Потому что даже если ты в тысячу раз умнее соседа который пытается тебя сожрать это не очень помогает когда интеллект ты набираешь через месяц.

– Вроде того. Гляциальный разум окупается в одном случае: если окружающая среда долго не меняется. Для масс большего порядка это не такое уж препятствие, но… В общем, я думаю, эта штука была спроектирована так, чтобы работать независимо от того, сколько вещества прорвется сквозь кордон. А значит, оптимизирована под телематериальное распространение. Хотя непонятно, как она изначально взломала поток, не используя наши протоколы.

– О они это выяснили пару дней назад, – сообщила Сенгупта.

– Неужели? – «Вот уроды».

– Знаешь как иногда укладывают слой подшипников на дно ящика а второй слой повторяет все бугорки и впадины созданные первым? Третий повторяет второй так что в конце концов все сводится к первому слою именно он определяет всю структуру до самого верха понимаешь?

Брюкс кивнул.

– Ну вот. Только тут вместо подшипников атомы, – пояснила Сенгупта.

– Похоже, ты меня дуришь.

– А как же у меня же нет других дел как подшучивать над тараканами.

– Но… это же все равно, что поставить колеса и думать, что их хватит для производства целой машины.

– Но это все равно что нарисовать колеи на дороге и думать что для производства машины хватит только их.

– Да ладно тебе. Что-то должно сказать насадкам, куда разбрызгивать первый слой. Что-то должно сказать второму слою, куда ложиться так, чтобы он совпал с первым. С таким же успехом можно весь процесс назвать магией и не заморачиваться.

– Это ты говоришь о магии. А рой говорит о Лике Божьем.

– Ага. Конечно, такая техника капитально наш уровень, с

помощью суеверий мы истины не найдем.

– О как забавно. Ты думаешь что Бог это некое существо но ты ошибаешься.

– Я никогда не думал, что Бог – это существо, – сказал Брюкс.

– И хорошо потому что это не так. Он превращение воды в вино сотворение жизни из глины пробуждение мяса.

«О, Господи, твою же мать. Только не ты».

Он подытожил слова Сенгупты, чтобы сменить тему:

– Значит, Бог – химическая реакция.

Ракши покачала головой:

– Бог это процесс.

«Замечательно. Как хочешь».

Она не желала заканчивать разговор:

– Ты же знаешь что если опуститься на достаточную глубину то все вокруг лишь числа? – Сенгупта ущипнула его за руку. – Ты думаешь реальность непрерывна? Думаешь на свете существует что-то помимо математики?

Брюкс знал, что нет: вычислительная физика безраздельно властвовала еще до его рождения, и ее сентенции были столь же неопровержимы, сколь абсурдны. Числа не просто описывали реальность; они и были реальностью, дискретными ступенчатыми функциями, которые, идя по длине Планка, сглаживались до иллюзии материи. Тараканы все еще ссорились по поводу деталей, хотя те, скорее всего, давно прояснили их не по годам развитые дети. Вот только отписать родителям забыли: что такое Вселенная – голограмма или симуляция? А ее граница? Программа или всего лишь интерфейс? И если последний вариант правильный, то кто сидел с другой стороны и наблюдал за работой реальности? (Некоторые современные религии предсказуемо решили этот вопрос, подставив вместо ответа имена своих любимых богов, хотя Брюкс так и не уяснил, зачем всемогущему существу компьютер. В конце концов, любые вычисления подразумевают нерешенную задачу, еще не полученный итог. Существовал лишь один вид программ, где заранее известный результат никак не влиял на ценность исполнения, но Дэн так и не смог найти верующих, которые считали бы своего бога любителем порно.)

Итак, законы физики являлись операционной системой непостижимого суперкомпьютера под названием «реальность». Это, по крайней мере, объясняло, почему реальность имела предел разрешения; Планковская длина и время очень неприятно напоминали пиксельные размеры. В остальном такие рассуждения всегда походили на споры об ангелах, танцующих на конце иглы. Они ни в коей мере не меняли ничего тут, наверху,

где шла жизнь. Более того, если человек представлял Вселенную как программу, он не отвечал ни на один из Больших вопросов, а, скорее, наоборот – загонял их еще дальше, на невероятную глубину. С тем же успехом он мог сказать, что все сотворил Бог, и срезать бесконечный регресс, прежде чем тот окончательно сведет его с ума.

И все же…

– Процесс, – задумчиво произнес Брюкс. Это звучало… чуть скромнее. Странно, почему Лианна не говорила так во время их споров.

Сенгупта кивнула:

– Какой процесс совсем другой вопрос. Главный алгоритм определяющий законы Вселенной или некий зловредный дух нарушающий их? – Она чуть не посмотрела Дэну прямо в глаза, но в последний момент отвернулась. – А как мы в принципе понимаем что он существует? По чудесам.

– Чудесам.

– Невозможным событиям. Нарушениям физики.

– Например?

– По звездообразованию при явной недостаточности газа для конденсации. По фотонам выкидывающим номера, которых не должно быть если только сами метаправила не изменились где-то у туманности Клеверного Листа. Двухпалатники на данных из нее доказали модель Смолина или что-то в таком духе. Я не знаю мне этого не понять а ты и за миллион лет не разберешься. Но монахи нашли что-то невозможное. Там глубоко внутри.

– Чудо.

– И кажется не одно но это все о чем они сказали.

– Секунду, – Брюкс нахмурился. – Если законы физики – часть вселенской операционной системы, а Бог, по определению, их нарушает… Значит, ты хочешь сказать…

– Не тормози таракан ты почти у цели.

– По сути, Бог – это вирус?

– Всем вопросам вопрос да?

Порция итерировала перед ними.

Как там говорила Лианна? «Мы всегда думали, что скорость света и ее друзья правят безраздельно, отсюда до квазаров, а может, и дальше. А что если мы имеем дело лишь с местными постановлениями?»

– Что если все они – лишь сбой? – пробормотал он.

Сенгупта осклабилась и уставилась на его запястье:

– Кажется у миссии появился новый смысл да?

– У миссии этой экспедиции?

– У миссии Двухпалатников и всего их ордена. Реальность

повторяется итерирует повсюду но есть некоторые несоответствия. Может реальность неправильная как тебе такой поворот? Стоит слегка поменять главный параметр и Вселенная перестает поддерживать жизнь. Так может главный параметр неправильный? Может жизнь это всего лишь паразитическое следствие испорченной оперативки?

До Брюкса наконец дошло.

Пятнадцать миллиардов лет Вселенная стремилась к максимальной энтропии. Жизнь не обратила энтропию вспять – это ничто не могло сделать, – но вдарила по тормозам, пусть и выбрасывая хаос с выхлопом. Любой начинающий биолог в первую очередь учил наизусть правило о градиенте жизни: чем дальше ты находился от термодинамического равновесия, тем живее был.

«Это злой близнец антропного принципа», – подумал он.

– А какая… миссия у этой экспедиции, если точнее? – тихо спросил Брюкс.

– Нуу, – Сенгупта медленно раскачивалась с пятки на носок. – Двухпалатники уже знают что Бог существует это старая история. Думаю теперь они пытаются понять что с ним делать.

– Что делать с Богом?

– Может преклониться перед ним. А может дезинфицировать.

Слово повисло в воздухе, разя богохульством.

– Как это, дезинфицировать Бога? – лишь спустя пару минут сумел спросить Брюкс.

– Меня не спрашивай я всего лишь управляю кораблем. – Взгляд Сенгупты скользнул обратно к переборке, к церкви ДОБ/РЕКОМП и инопланетному шпиону внутри. – Но я полагаю этот малыш подкинет им пару идей.

* * *

Латтеродт ушла во внутренний космос, когда Дэн вплыл на камбуз через потолок и отскочил от палубы. Она моргнула и тряхнула головой: вернулась в здесь и сейчас, из вежливости тут же открыв окно на переборке. Плоский экран для нейрологических калек.

«Икар». Исповедальня. Монахи в скафандрах расположились по кругу, спиной друг к другу и смотрели во все стороны; визоры подняты, дабы обнажить душу пред Ликом Господним.

– Привет, – осторожно сказал Брюкс.

Лианна кивнула и ответила, поедая кускус:

– Ракши говорит, ты капитально продвинулся. Даже дал этой

штуке имя.

Он кивнул:

– Порция. Она удивительная и…

Ее взгляд вновь перекинулся на окно. «Она же глаз с них свести не может», – подумал Дэн в тот момент, когда Лианна поняла, что за ней наблюдают.

– Что?

– Она не просто удивительная, – пояснил Дэн. – Она меня слегка пугает. – Он кивнул в сторону трансляции. – А они отрезают от нее куски.

– Они берут образцы. Почти как настоящие ученые.

– Они берут образцы чего-то, что дотянулось до «Икара» через половину светового года и заставило наши собственные машины сделать сальто вокруг законов физики.

– Если они будут только смотреть на нее весь день, то доскональных ответов не получат.

– А я думал, именно так они и совершают все свои открытия.

– Они знают, что делают, Дэн.

– Это одна из гипотез. Хочешь услышать другую?

– Не уверена.

– Ты когда-нибудь слышала об индуцированном танапарезе? – спросил Брюкс.

– Угу, – Лианна пожала плечами. – Обычная процедура среди людей с улучшениями. Помогает им не испытывать экзистенциальной тревоги.

– Это чуть более фундаментальная штука. Тебе ее делали?

– Танапарез? Нет, разумеется.

– Ты собираешься умереть?

– Со временем. Надеюсь, не скоро.

– Это хорошо, – сказал Брюкс. – Потому что, если бы ты действительно была жертвой ИТП, то не смогла бы ответить на вопрос. А может, и не услышала бы его.

– Дэн, я не…

– Ты и я, – он повысил голос, заглушая ее, – благословлены определенным уровнем отрицания. Ты признаешь, что умрешь, и даже интеллектуально понимаешь это на каком-то уровне, но не веришь в свою смерть. Просто не можешь – такая мысль слишком страшна. Поэтому мы придумали Чудесные Небеса, Рай, куда нас забирают после ухода в мир иной, либо с помощью твоих друзей и им подобных мы ищем бессмертие на чипе, или – если мы твердолобые реалисты – на словах признаем гибель и разложение, а на самом деле продолжаем считать себя вечными.

Вот только некоторые, – Дэн кивнул на экран, – слишком умны. Они соединяют воедино мозги друг друга и получают

настолько глубокие озарения, что те никак не могут поладить с беспечным свистом над могилой, который длится уже миллионы лет. Такие люди знают, что умрут, чувствуют это всем своим нутром. Они понимают, что такое смерть, причем настолько глубоко, насколько ты или я никогда не сможем. Для них единственный способ не превратиться в хнычущую лужу соплей – по доброй воле протянуть руку отрицанию, вырезать когнитивную дыру прямо у себя в голове. Мы живем в отрицании большую часть жизни, но они не испугаются даже тогда, когда весь их чертов рой окажется на пути в морг. Они как больные агнозией, умирающие от жажды в собственном доме, потому что опухоль уничтожила их способность узнавать воду.

– Я не думаю, что они такие, – тихо сказала Лианна.

– Разумеется, думаешь. Ты сама мне говорила, помнишь? Обнулить сенсорную необъективность, рандомизировать ошибки.

Они молча смотрели, как рой спокойно тыкает палкой в неизвестную, но, возможно, крайне опасную аномалию.

– Многие из них умерли, причем не так давно, – заметил Брюкс спустя какое-то время.

– Я помню.

– Я тоже. И знаешь, что врезалось мне в память, что я не могу забыть? Я помню Лаккетта, как он извивался от боли, лежа в собственном дерьме. У него закоротило спинной мозг, но при этом он улыбался и настаивал, что все идет по плану.

Лианна отвернулась, ее глаза блестели от слез.

– Мне он нравился. Он был хорошим человеком.

– Этого я не знаю. Но знаю, что вел он себя, как обычный и несчастный любитель Иеговы, который однажды оглянулся вокруг, увидел весь ужас и несправедливость мира и начал мямлить какую-то фигню про «Не гоже глине задавать вопросы горшечнику». Единственная разница в том, что остальные возлагают всю ответственность на великий божественный план, а твои Двухпалатники – на свой собственный.

– Ты ошибаешься. Они о себе так не думают.

– Тогда, может, и ты не должна? Может, тебе не стоит так сильно верить…

– Дэн, просто заткнись. Захлопни свою пасть. Ты ничего об этом не знаешь, не можешь знать…

– Я там был, Ли. И видел тебя. Они убедили тебя в своей непогрешимости. У них же все на пять шагов вперед просчитано, им даже не понадобилось вырезать тебе дыру в голове. Ты сама пошла в логово льва, у тебя даже пульс не участился. Встала прямо перед Валери, и даже не подумала, что она – хищник и может инстинктивно, машинально вырвать тебе горло…

– Не надо винить в этом их, – в голосе Лианны чувствовалась крепость камня. – Это была моя ошибка. Чайндам… Я не позволю тебе винить других за мою собственную глупость.

– Хороший способ, да? И разве так было не всегда? Просто подчинись парням в смешных шляпах, и если все будет хорошо, хвала Господу. А если ты получил по голове, то только по своей вине – не так прочел писание, не был достоин, твоя вера оказалась недостаточно крепка.

Уверенность Лианны слегка поблекла, синтет уже не хотела кидаться в бой; что-то из старой Латтеродт выглянуло наружу. Она вздохнула, потрясла головой; на ее губах мелькнул призрак улыбки.

– Эй, а помнишь, ведь когда-то мы спорили просто так, смеха ради.

Он развел руки в сторону, неожиданно почувствовав себя беспомощным:

– Я просто…

– Да, ты хочешь только хорошего. Я знаю. Но после всего того, что видел, ты не можешь отрицать, насколько далеко они ушли от нас.

– О, да, они пугающе умны, это я признаю. На голову выше всего, что мы, тараканы, можем им противопоставить. Они сломали корабль, как веточку, и закинули его прямо к Солнцу, точно на темную сторону «Икара» с расстояния в сто миллионов километров, практически без помощи двигателей. Но они глючат, как и мы. И все еще смывают с себя грехи, потому что даже после глобальной перепайки путают ощущения с метафорой. Они глючат еще больше нас, так как половина их апгрейдов – в бета-версии. Пока мы здесь с тобой беседуем, хоть кто-нибудь подумал о том, какие нейропсихологические нарушения могли случиться с добавочной мозговой тканью в их головах после стольких недель в гипербарической камере?

Лианна покачала головой:

– Дэн, мы больше не бегаем по саванне и не меряем успех по тому, кто дальше бросит копье против ветра. Они на голову выше нас во всем, что действительно имеет значение.

– Ну, да. А Масасо и Лаккетт по-прежнему мертвы. И когда Лаккетт умирал, ему оставалось цепляться только за одну мысль – все идет по плану. – Брюкс положил руки ей на плечи. – Ли, дело не в том, что эти люди не видят своей бренности. Понимаешь, они даже теоретически не рассматривают возможность того, что могут ошибаться. Если тебя это не пугает…

Она сбросила его ладони:

– План был добраться до «Икара». И вот мы здесь.

– Вот мы здесь. – Дэн махнул рукой в сторону дыры в стене, где полубожественный рой общался с чем-то, что могло изменить законы физики. – И каково это, чувствовать, что наши жизни зависят от решений тех, кто не может представить собственную смерть?

* * *

Война учит нас не любить врагов, а ненавидеть союзников.

У. Л. Джордж[271]

– Почему у Ракши такой зуб на вас, парни?

Свет был притушен, мутанты и монстры разбрелись по своим инопланетным делам, а «Гленморанджи» вновь вернулся на стол. Мур из-за края бокала скорчил гримасу Брюксу, вновь принятому в друзья.

– Кого ты имеешь в виду под «парнями»?

– Военных. Почему она постоянно на вас нападает?

– Точно не знаю. Может, из-за отвращения к себе?

– В каком смысле?

– Сенгупта – такой же солдат, как и я. Она просто об этом не знает. По крайней мере не осознает.

– Ты сейчас метафорически сказал, да?

Мур покачал головой, сделал еще глоток; его щеки сморщились, пока он катал виски во рту. Потом сглотнул.

– Она служит в Альянсе Западного полушария. Как и я.

– И ничего не знает.

– Нет.

– Какое у нее звание?

– Это так не работает.

– То есть она – что-то вроде «спящего» агента?

– И тут ты не прав.

– Тогда что…

Мур поднял руку. Брюкс замолк.

– Я говорю «армия», – начал полковник, – и ты сразу представляешь себе пехоту. Дронов, зомби, боевых роботов. Тех, кого можешь увидеть. Но дело в том, что если тебе понадобилась настолько грубая сила, значит, ты уже проиграл.

В памяти Дэна всплыла Орегонская пустыня:

– Грубая сила пошла на руку тем уродам, которые атаковали монастырь.

– Они пытались нас остановить. И вот мы здесь.

Человеческие тела, превращенные в камень. Крики умирающих Двухпалатников.

«Не тела, – напомнил себе Брюкс. – Части тела». Сейчас, на закате XXI века, было легко перепутать убийство с ампутацией кончика пальца. Ни одно из привычных определений не работало, когда единая сверхдуша растягивалась на множество узлов.

– Представь себе, что ты – крупный политик, – продолжил Мур. – Настоящий воротила, сильный мира сего, титан. И под ногами суетится народ, который раньше тебя не тревожил. Те самые, которых ворочают, слабые. Они тебя особо не любят. Никогда не любили, но исторически их взгляды не имели особого значения. Обыкновенные маленькие люди. Когда-то давно ты просто не обращал на них внимания. Дело титана – другие титаны.

Но теперь этот сброд лезет в твои узлы, расшифровывает коммюнике, взламывает самые продуманные планы. Они ненавидят тебя до мозга костей, Дэниэл, ведь ты большой, а они маленькие. Ты переворачиваешь их жизни с ног на голову мановением руки, на реальную политику и большую картину им плевать, мелочевку заботит лишь саботаж и доносительство.

И ты их находишь: Ракши Сенгупту, Кейтлин де Франко, Парвада Гамджи и еще миллион других. Даешь им то, что они хотят. Оставляешь заднюю дверь приоткрытой, буквально щелочку, чтобы они увидели твои досье на Африканскую гегемонию. Даешь им унюхать слабину в файерволле. Может, однажды они выяснят, как устроить бурю на одном из твоих вспомогательных счетов или как обанкротить марионеточное правительство, которого и так прижали к ногтю для налоговых целей.

– Только на самом деле они занимаются не этим, – сделал вывод Брюкс.

– Нет, не этим, – в улыбке Мура чувствовалась грусть. – Все это показуха, декорация. Они думают, что реально вредят тебе, а на самом деле их… сгоняют в стадо. Ставят на службу целям, которые они никогда не поддержали бы, когда бы знали, в чем дело. Но они – люди убежденные, упорные, Дэниэл. Яростные. Они сражаются на твоих войнах со страстью, которую не купить и не выбить, потому что действуют во имя идеи.

– Разве ты можешь говорить мне такое? – поинтересовался Брюкс.

– Ты о государственных секретах? А что такое государство в наши дни?

– В смысле, что если я скажу Сенгупте?

– Вперед! Она тебе не поверит.

– Почему нет? Она и так вас ненавидит, парни.

– Не сможет поверить, – Мур постучал по виску. – Рекрутов слегка… подправляют.

Брюкс уставился на него.

– Или, – развил мысль Джим, – она не сможет поверить в то, что поверила тебе. – Он пристально посмотрел на скотч в бокале. – Полагаю, на каком-то уровне она и сама все уже знает.

Дэн покачал головой:

– Вы им даже не платите.

– Разумеется, платим. Иногда. Мы следим за тем, чтобы у них было достаточно средств, и они могли свести концы с концами. Позволяем снять сливки с какого-нибудь офшорного счета, скидываем законный контракт в ящик, прежде чем наступит срок платить за квартиру. Но, по большей части, мы их вдохновляем. Иногда им становится скучно: это же дети, сам понимаешь. И достаточно небольшой продуманной несправедливости, нового злодеяния, учиненного над маленькими людьми, – мы снова их зажигаем, они уже в пути.

– Это как-то…

Мур поднял бровь:

– Аморально?

– Сложно. Зачем заставлять их ненавидеть именно вас? Почему не оставить след, который приведет к другому парню?

– А, демонизировать врага, – мудро кивнул Мур. – Даже странно, почему нам раньше не приходила в голову такая мысль.

Брюкс поморщился.

– Такие, как Ракши, придирчиво относятся к старомодным трюкам. Ты устраиваешь утечку съемки, где косоглазые сажают детей на штыки, и уже через тридцать секунд люди типа Сенгупты найдут пиксель, которому в записи не место. Вся кампания коту под хвост. Но люди вкладывают гораздо меньше усилий в анализ доказательств, которые подтверждают их точку зрения. Когда творишь из себя злодея, есть одно преимущество: тебе никто не возражает. К тому же, – Мур развел руки в стороны, – сейчас настали такие времена, что зачастую мы даже не знаем, кто наш настоящий враг.

– И это проще, чем подправить их так, чтобы они сами захотели на вас работать.

– Не проще. Чуть более законно, – полковник пригубил скотч. – Небольшая агнозия для защиты государственных секретов – это одно, а изменение базовой личности без согласия пациента – совсем другое.

Какое-то время оба молчали.

– Какая мерзость, вашу мать, – наконец протянул Брюкс.

– Угу.

– Так почему она здесь?

– Управляет кораблем.

– «Венец» легко может сам управлять собой, если только он не более старомоден, чем я.

– При сценариях с недостаточными данными лучше, чтобы мясо и электроника друг друга поддерживали. Сопряженные уязвимые места.

– Но почему она? И почему она согласилась работать под началом тех, кого ненавидит?

– Этой экспедицией командуют Двухпалатники, – напомнил полковник. – Любой на месте Сенгупты из кожи вон вылез бы при такой возможности. Большинство этих людей просиживают штаны в собственных спальнях, нянчат низкоорбитальных уборщиков мусора и молятся, чтобы случился какой-нибудь глюк, требующий человеческого вмешательства. Реальные экспедиции в глубокий космос – что угодно с временным лагом, при котором требуется реальный пилот, – после Огнепада случаются реже, чем снежные бури. У Двухпалатников был очень богатый выбор.

– Получается, Ракши – очень хороший специалист.

Мур допил скотч и поставил бокал на стол:

– Я думаю, в ее случае дело, скорее, в мотивации. У нее жена на системе жизнеобеспечения четвертого класса.

– И платить по счетам нечем, – предположил Брюкс.

– Теперь есть.

– Значит, им не нужны лучшие и самые умные, – медленно протянул Дэн. – Они хотели кого-то, кто вписался бы во что угодно ради спасения жены.

– Мотивация, – повторил Мур.

– Им был нужен заложник.

Полковник взглянул на него с выражением, граничащим с жалостью:

– Ты не одобряешь.

– А ты одобряешь?

– Ты бы предпочел взять кого-то, кто просто решил сбежать из дома? Кому захотелось пощекотать нервишки или увеличить свой банковский счет? Это как раз гуманный выбор, Дэниэл. Челу уже умерла бы, а теперь у нее есть шанс.

– Челу, – Брюкс сглотнул, хотя в горле страшно пересохло.

Мур кивнул:

– Да, жена Ракши.

– А что… с ней случилось?

«Нет никаких шансов. Тут вероятность – один на миллион».

Полковник пожал плечами:

– Биоатака около года назад. В Новой Англии. Какая-то модификация энцефалита, кажется.

«Джим, ты ошибаешься. Нет у нее шансов, ничего нет. И не важно, как долго они будут заставлять ее сердце биться – из такого не возвращаются.

О, Господи, я убил ее. Я убил жену Ракши».

* * *

Они не сделали ничего радикального. Даже ничего нового.

Методологии уже десятки лет; отработанный и зарекомендовавший себя проект с тысячью статей в реферируемых изданиях. Каждый знал, что нельзя смоделировать пандемию и обойтись без жертв. Каждый знал, что человеческое поведение слишком сложное и в статические кривые не укладывается. Население – не облака, а люди – не точки. Люди – действующая сила, автономная и многовекторная. Всегда находилось исключение, которое бежало в зараженную зону за любимыми; медик на передовой, который застывал в критическую минуту из-за непредвиденной боязни многоножек. Пандемии по определению охватывали миллионы людей: для получения реалистичных результатов в симуляции должны были участвовать миллионы ИскИнов человеческого уровня.

Но был и другой вариант: использовать уже существующую модель, где каждую из миллионов информационных точек контролировал разум человеческого уровня.

Игровые миры потеряли былую популярность – Небеса украли мириады душ, и те предпочитали играть сами с собой, наплевав на стандарты общества. Но виртуальные «песочницы» по-прежнему были настолько велики, что Центр по контролю и профилактике заболеваний с большим удовольствием пользовался ими для эпидемиологических исследований. Уже десятилетия чуму и насморк, которые поражали и чародеев, и троллей, корректировали, делая их идеальными аналогами банальных заболеваний, бушующих в том, что некоторые продолжали называть реальным миром.

«Вредоносная кровь» совсем не случайно имела сходство с эктопической фибродисплазией. В динамике заражений «Проклятием Беовульфа» – экзотическим светящимся грибком, пожирающим плоть эльфов – крылось жутковатое родство с некротическим фасцитом. Ковры-самолеты и магические порталы совпадали с картой реальных авиалиний и таможен; верховные маги повторяли поведение элиты из верхних эшелонов власти с

личными реактивными самолетами и неограниченным лимитом по выбросу углерода. Уже целое поколение политику здравоохранения определяли мрачные фэнтезийные невзгоды клириков и монстров.

Получилось не слишком удачное совпадение: фракция реалистов из Перу сообразила, как хакнуть систему, ровно тогда, когда Дэн Брюкс и его веселая банда запустили симуляцию развивающихся инфекционных заболеваний в Латинской Америке. Никто не заметил взлома вовремя. Реалисты действовали тонко и параметров болезни не трогали: любые неожиданные изменения в уровне мутации или инфекционности тут же попали бы в статистические сводки. Вместо этого террористы подкорректировали внешний вид зараженных игроков согласно локациям и демографии. Некоторые жертвы выглядели чересчур больными, а другие – богатые игроки с золотом и летающими скакунами – чересчур здоровыми. Это ни на йоту не меняло биологию, зато человеческие реакции сдвигало чуть влево. Следующие вспышки сдвинули их еще дальше.

Постепенно круги распространились из игрового пространства в отчеты, из отчетов – в политику. Ни система, ни исследователи не заметили крохотную лазейку в разработанных планах экстренных мер – пока шесть месяцев спустя кто-то не нашел подозрительную пустую пробирку в мусорке за детским садом «Счастливый кит». К тому времени новая модификация энцефалита уже проскользнула мимо алгоритмов неотложного реагирования, созданных Дэниэлом Брюксом, и собирала кровавую жатву от Бриджпорта до Филадельфии.

Челу Макдональд пережила ту эпидемию без единой царапины. Ее даже не было в зонах заражения: она находилась на другом конце света и растила свободный код рядом с девушкой своей мечты. Такие пары перестали быть редкостью – обычное дело с тех пор, как человечество научилось редактировать и мечты, и девушек. Родственные души теперь создавали по заказу: моногамные, преданные и невероятно страстные. Прежние поколения едва чувствовали такую любовь, прежде чем их пустые клятвы иссыхали в пожизненные сроки заключения или разбивались на месте, как только очарование увядало, глаза начинали смотреть в другую сторону, а гены возвращали себе законную власть.

Но такое пустое лицемерие было не для Макдональд и ей подобных. Они вырвали ложь из своих голов, перепаяли и искупили ее, превратили в радостную правду с пожизненным сроком гарантии. В этой субкультуре даже слегка вошел в моду непосредственный секс; по крайней мере, до Брюкса доходили

такие слухи.

Тогда он, конечно, ничего об этом не знал. Челу Макдональд была лишь именем в списке субподрядчиков; обезьянкой, нанятой растить код, над которым академики корпеть не хотели. Брюкс узнал о ней в самом конце: небольшой кровавый шлейф резни.

Не было никакого заговора. Никого не бросили на растерзание волкам. Но у академиков имелись деканы, директора и крутые пиарщики, которые все держали в секрете и не позволили этому фиаско замарать доброе имя уважаемых учреждений. А Челу Макдональд никто прикрывать не стал. Когда страсти улеглись и следствие закончилось, когда все положенные задницы прикрыли, а кому надо обеспечили алиби, в перекрестье прицела осталась она – одна-одинешенька с хакнутым кодом, капающим с пальцев.

Может, ее нашла Ракши. Челу уставилась с отвисшей челюстью в потолок после того, как обезумевший от горя родственник решил, что наказание должно быть равным преступлению. Модификация своих жертв не убивала: она выжигала их и шла дальше. Можно сказать, что все заканчивалось, когда прекращались конвульсии, и не оставалось ничего, кроме растительной жизни.

Потом даже нашли парня, который это сделал: он лежал мертвый прямо в центре мини-вспышки, сошедшей на нет из-за карантина. Очевидно, он где-то допустил ошибку. Но Ракши все еще охотилась (именно это слово она использовала). Не смогла отомстить тому, кто спустил курок, и принялась искать оружейника. Весь ее кипящий гнев. Множество часов, проведенных за тралением Быстронета. Имплантированная идеальная любовь, сначала превратившаяся в горе, а затем в ярость. Громкие угрозы и бормотания сквозь зубы про охоту на мертвецов, долги и «Один урод будет кишки жрать когда я до него доберусь».

Ракши Сенгупта еще об этом не знала, но она искала старину Брюкса.

* * *

Она стояла у входа в его палатку.

– Таракан. У меня есть кое-что для тебя.

Дэн попытался прочесть выражение в ее глазах, но Ракши, как обычно, их отвела. Он попытался распознать язык ее тела, но тот всегда был для него шифром.

Дэн постарался говорить без опаски:

– И что там у тебя?

– Просто смотри, – она открыла окошко на ближайшей переборке.

«Она не знает. Не может знать. Ей надо посмотреть тебе в глаза для этого…»

– На что ты смотришь вообще?

– Не… на что. Просто…

– На окно смотри.

«Мне жаль, – подумал он. – Господи, как мне жаль».

Брюкс с трудом перевел взгляд на переборку, на диагностическое кресло, стоявшее перед плоским экраном. Там сияла тропическая саванна, озаренная грязно-желтым светом увядающего вечера («Африка», – предположил Брюкс, хотя характерных животных в кадре не было). Вид со всех сторон обрамляла телеметрия: ленты сердцебиения, дыхания, гальваника кожи. Слева мерцал прозрачный скан мозга, его терзало сверкание нейронов, вспыхивающих в реальном времени.

В кресле кто-то сидел, но из-за спинки его не было видно. Над мягким подголовником торчала голова, обернутая в сверхпроводниковую паутину томоматрицы. В камеру попал подлокотник; на нем лежала рука. Остальная часть человека существовала только в воображении. Фрагменты тела почти потерялись среди ярких освежеванных графиков идущего от него электричества.

Сенгупта покачала пальцем: статичный кадр задвигался. Хронометр принялся отмерять время, секунду за секундой: 03/05/2090 – 09:15:25.

– Что ты видишь? – Говорила не Сенгупта. Кто-то на видео, за сценой.

– Луг, – сказал человек в кресле. Его лицо по-прежнему было скрыто, но голос Брюкс узнал сразу.

Валери.

Трава растворилась в штормовых волнах; желтоватое небо отвердело до зимней синевы. Горизонт не сменил позицию, рассекал картину прямо посередине кадра.

В саундтреке что-то постукивало, словно ногтями по пластику.

– Что ты видишь?

– Океан. Приарктический Тихий океан. Курильское течение, начало фев…

– Океана достаточно. Базовое описание ландшафта, больше нам не нужно. Одним словом.

Намек на движение справа по центру: едва видимые пальцы Валери барабанили по подлокотнику.

Соляная равнина, сияющая в летнем зное. В туманной дали вздымался край столовой горы и темная терраса, разделявшая горизонт.

– А теперь?

– Пустыня.

Тук… тук тук тук… шлеп…

Брюкс взглянул на Сенгупту:

– Что это…

– Тише.

Опять соляная равнина; столовая гора мистическим образом исчезла. Теперь из растрескавшейся земли на полпути до горизонта торчал скелет дерева: голый и желтый, как старая кость, с короной безлистных ветвей на ободранном гладком стволе, слишком прямом для естественной формы. Тень от него тянулась прямо к камере, словно непрерывное призрачное продолжение самого объекта.

– А теперь?

– Пустыня.

– Хорошо, хорошо.

В стеклянном мозге на экране по зрительной коре пронеслась волна алых точек и исчезла.

– Сейчас?

Картина чуть приблизилась: теперь дерево оказалось прямо по центру; его ствол был прямым как флагшток и почти разрезал горизонт и добрую часть неба наверху. Пятнышки появились вновь, слабая красная сыпь запачкала радуги мыльных разводов, кружащиеся в глубине мозга Валери. Ее пальцы остановились.

– То же самое. Пустыня.

В ее голосе не слышалось и намека на эмоции.

«Прямые углы, – понял Брюкс. – Они превращают пейзаж в естественный крест…»

– Теперь.

– То же самое.

Но нет, не то же. Теперь ветви оказались за кадром: осталась белая земля, кристально-жесткая синева неба и гипотетическая бритвенная линия посередине, разрезающая мир от края до края. И невозможно прямой вертикальный ствол, раскалывающий пейзаж сверху донизу.

«Они хотят спровоцировать приступ…»

Сыпь, сияющая в глубине вампирского разума, превратилась в пульсирующую опухоль. Но голос Валери по-прежнему был пустым и предельно спокойным, а тело неподвижно сидело в кресле.

Камера по-прежнему не давала разглядеть ее лицо. Брюксу

стало интересно, почему архивисты так боялись его записывать.

Мир на экране начал распадаться. Соляная пустошь позади дерева слегка отклеилась внизу (дерево осталось на месте, как переводная картинка на стекле). Мир сжался с нижней границы экрана, скрутился, как старый пергамент, и обнажил лазоревую полосу, будто под песком пряталось еще больше неба.

– А теперь?

Пустынные пиксели сжались сильнее, плотнее прижались к горизонту…

– То же самое.

…превратились из пейзажа в полоску земли; нижнее небо толкалось, но горизонт удерживал его от слияния с вышиной…

– А теперь?

– Т-то же с-самое. Я…

Красное зарево корчилось в мозгу Валери. Показатели гальванизации и дыхания начали дрожать.

Сердце билось сильно и равномерно, количество ударов не менялось.

– А теперь?

Земля почти полностью превратилась в небо. Пустыня скукожилась до расплющенной яркой ленты, бегущей посредине экрана, словно ЭЭГ мертвеца или поперечная перекладина на распятии. Древесной ствол резал ее по вертикали на прямые углы.

– Я… небо, кажется… я…

– А теперь?

– …знаю, что вы делаете.

– А теперь?

Сплющенная пустыня уменьшилась на критическую долю; горизонтальная и вертикальная оси разделили квадраты неба границами почти равной толщины.

У Валери начались конвульсии. Она попыталась выгнуть спину, но ее что-то остановило. Пальцы вампирши затрепетали, руки тряслись на мягких подлокотниках кресла; только сейчас Брюкс понял, что она привязана.

В ее мозгу начался настоящий фейерверк. Сердце, до сих пор неизменно стабильное, выбросило острые пики на графике и полностью отрубилось. Тело замерло на мгновение, застыло в ломающей кости судороге на бесконечно долгую секунду; потом в бой вступили дефибрилляторы кресла, и вампирша возобновила танец под ритм нового напряжения.

– Тридцать пять угловых градусов, – спокойно отрапортовал невидимый голос. – Три с половиной градуса по оси. Эксперимент номер двадцать три, ноль девять девятнадцать.

Запись закончилась.

Брюкс перевел дыхание.

– Он должен быть настоящим, – буркнула Сенгупта.

– Что?

– Горизонт нереален. Он как бы между. А они не глючат на гипотетические объекты.

Дэн понял: у вампиров иммунитет на горизонт. Не важно, насколько плоский и совершенный, тот обладали нулевой толщиной. Крест с горизонтом не построишь, по крайней мере, Валери и ее приятелей он не останавливал: для этого требовалось что-то с глубиной.

– Эту запись было очень трудно достать, – заметила Ракши. – Взрыв повредил архивы.

– Взрыв?

– В Саймоне Фрезере.

Точно, атака реалистов. За пару месяцев до того, как Брюкс ушел в отпуск, бомба полностью разрушила лабораторию, в которой занимались эмуляцией митотического веретена. Правда, о том, что целью была вампирская программа, Брюкс не слышал.

– Должны были сохраниться бэкапы, – предположил он.

– Записей конечно. Но как узнать что это именно она, а? Лица-то не видно. В допуске только код подопытного. Распознавание по походке плохо работает когда объект привязан.

– Голос.

– Этим я и воспользовалась. А теперь попробуй протралить облако лишь с одним случайным образцом голоса, без внешней информации и контекста. – Сенгупта дернула подбородком. – Как я говорила. Трудно. Но я ее нашла с каждым разом становится все легче.

– Они ее пытали, – тихо сказал Брюкс. «Мы ее пытали». – А… Джим об этом знает?

Сенгупта горько засмеялась, как залаяла:

– Этому ушлепку я бы не сказала даже в каком он часовом поясе.

«Тебе не надо так себя вести, – подумал Брюкс. – Не надо упорно пытаться превратить всю боль в злобу. Ты можешь освободиться, Ракши. Пятнадцатиминутная корректировка – и они вырежут твое горе, как ты впаяла себе любовь. Еще двадцать пять минут – и ты забудешь, что когда-то страдала.

Но ты не хочешь забывать, да? Ты хочешь чувствовать горе. Оно тебе нужно. Твоя жена мертва, и будет мертва вечно, но ты не можешь этого принять, цепляешься за закон Мура [272], как за спасательный жилет в бурю. Может, сейчас они не могут ее воскресить, но через пять или десять лет… А пока ты протянешь

на надежде и ненависти, хотя пока еще не поняла, на кого их обратить».

Он закрыл глаза, пока Сенгупта тлела рядом.

«Боже, помоги мне, когда она поймет».

* * *

В Центральном узле Ракши ободрала Солнце догола. То бурлило, кипело и было настолько близко, что, казалось, до него можно дотронуться (Дэн так и сделал, просто ради сюрреалистического чувства причастности: стоило лишь слегка оттолкнуться от решетки, переместиться в невесомости, и Брюкс смог поцеловать небо). Но изгиб солнечного края был четким и ясным, как лезвие бритвы: ни вспышек, ни протуберанцев, ни огромных выбросов плазмы, способных посрамить дюжину Юпитеров и мгновенно вынести земные радиопередачи.

– Где корона? – спросил он и подумал: «Фильтры».

– Ха это не Солнце а солнечная сторона.

Она имела в виду «Икар»: он и Солнце висели лицом к лицу, свет одного отражался от диска другого прямо в глаз далекой и мощно экранированной камеры, парившей на дыхании триллиона водородных бомб.

– Шикарный отражатель если хорошенько его раскрутить, – сказала Сенгупта. – Против радиации толку мало но если говорить о термальном и видимом спектрах то я могу превратить пространство вокруг «Тезея» в самое холодное место отсюда до самого Оорта.

– Однако, – протянул Брюкс.

– Это еще ничего сюда посмотри.

Солнце – его отражение – стало быстро темнеть. Сверкающий корчащийся блеск затухал: солнечные пятна, метеосистемы, петлистые циклоны магнитных сил начали исчезать прямо на глазах, тонуть в холодном космическом фоне. Спустя несколько секунд звезда превратилась в бледный фантом на темном зеркале.

Но осталось что-то еще: конвекционные потоки, похожие на котел с кипящим расплавленным стеклом. Жидкая масса резко поднималась около центра диска, кружилась в бесконечном цветении турбулентных завитков, охлаждалась, замедлялась и застывала рядом с темным периметром. Будто солнечную фотосферу сорвали, обнажив другую, отдельную, метеосистему, пенящуюся под ней.

Только сейчас Брюкс неожиданно понял, что смотрел не на

Солнце, и даже не на его отражение. Это был…

– Это «Икар», – пробормотал он. Огромная выгнутая солнечная батарея диаметром в сто километров: прозрачная или мутная, твердая или жидкая; ее оптические характеристики рабски подчинялись капризам пресловутого звездного термостата и крохотному пальчику Сенгупты. Почернев и находясь буквально в нескольких степенях от статуса черного тела, потоки конвекции теперь крутились еще быстрее. «Икар» работал, сбрасывая излишки тепла.

Где-то в дальнем углу с тихим писком проснулась сирена.

– Эм… – Начал Брюкс.

– Не беспокойся таракан всего лишь разгоняю его слегка надо запасти пару лишних эргов мы же не хотим чтобы на Земле заметили снижение квоты да?

Писк не унимался, распалялся все сильнее. Внизу экрана настойчиво замигали маленькие ярлыки: альбедо падало, коэффициент поглощения и разница температур росли.

– А я думал, мы уже заправились.

Это была финальная фаза реконструкции: Двухпалатники упаковали инструменты и оставили отремонтированный корпус «Венца» ради групповых объятий вокруг Порции двенадцать часов назад. (Похоже, на определенном расстоянии их мозги теряли контакт между собой.)

– Надо запасти побольше нам придется уходить от очень большой массы.

Брюкс не мог отвести глаз от солнечной стороны, словно смотрел на расцветающее грибовидное облако после воздушного взрыва. Он знал, что у него просто разыгралось воображение, но вдруг почувствовал, как в Центральном узле потеплело.

Он закусил губу:

– Мы не перегреваемся? Тут показывает…

– Больше сырья требует больше мощности правильно? Базовая физика.

– Не настолько больше.

В прошлый раз она не уменьшала коэффициент отражения настолько сильно, а значит, сейчас просто…

– Хочешь мои расчеты проверить тараканчик? Моей математике не веришь думаешь сам справишься лучше?

…выпендривалась…

Солнечная сторона вспыхнула и исчезла с купола: над предупредительными иконками запульсировала надпись «НЕТ СИГНАЛА».

– Твою мать, – сплюнула Сенгупта. – Тупой камбот сплавился.

– Я поражен, – тихо сказал Брюкс. – А теперь, пожалуйста, ты

не можешь увеличить…

– Хватит дурью мается, Ракши, – Лианна вылетела из южного полушария, отскочила от Тропика Рака и вильнула в передний люк. – У нас есть дела поважнее.

– Ну да поважнее чем заряд баков, – Ракши пошевелила пальцами в воздухе, и сирены немного успокоились. – Например какие?

Лианна закрутилась вокруг поручня и встала на полярный круг:

– Например, слизистая плесень нашего старомодника. Она с нами заговорила.

И исчезла прямо в полюсе.

* * *

Самый быстрый способ закончить войну – проиграть ее.

Джордж Оруэлл

Разговор был сложный: изображения, ползавшие по коже Порции, поначалу казались грубыми ошметками, примитивной мозаикой с сантиметровыми пикселями. Ни окошка, ни ярко выраженной области, где бы аккуратно расположилась информация: мозаика то возникала, то затухала, а изначальный маслянисто-серый цвет эпидермиса постепенно штрихами превращался в округлую зону усиливавшегося контраста; черно-белый лист, отдаленно напоминавший кроссворд. Секулярные схемы Брюкса шаблонов в ней не находили.

«Хроматофоры, – вспомнил он. – Эта штука может менять цвет, если через нее пропустить правильный ток».

– А с чего все началось?

– Понятия не имею не приставай.

Сенгупта уменьшила сигналы с шлемов до ряда иконок, сосредоточив внимание на стереокамерах «Икара», которые сейчас держали увеличение на Порции и ее… – чём? Графическом интерфейсе? Одна и та же картинка размножилась в нескольких версиях по всему куполу: сонарной, инфракрасной, ультразвуковой. Мозаика была только на зрительных длинах волн, а в инфракрасном и ультразвуковом диапазонах виднелась старая добрая Порция – монохромная каша, лишенная поверхностных деталей.

«Прямиком в середине зрительного диапазона человека, – подумал Брюкс. – Не верится мне в такое точное совпадение…»

– Ха! – гаркнула Сенгупта. – А если глянуть сбоку эта штука говорит с помощью террас.

Она увеличила картинку. Да, белые пиксели приподняты, словно квадратные столовые горки, на миллиметр выше своих темных напарников. Брюкс вывел собственное окно и дал еще большее увеличение: поверхности топографии трескались, складывались, каждый пиксель делился, а потом еще раз делился – до уровня сетки, состоявшей из крошечных ячеек.

– Она строит дифракционные решетки! – заорала Сенгупта.

– И увеличивает пиксельное раз…

– Я сказала заткнись!

Брюкс еле удержался от ответа и пробежался по камерам монахов. Двухпалатники затихли вокруг объекта поклонения: копались в своих инструментах, направляли на кожу Порции разные виды излучений, невидимых и не очень. Лианна стояла в стороне; ее камера снимала, в основном, заднюю часть шлемов – от люка, ведущего в отсек.

Разрешение лоскутного экрана, выделенного слизью для общения, улучшалось с каждой минутой; пиксели размером с ноготь разбились на пятнышки с зернышко чечевицы, те растворились в спиральных кластерах булавочных точек, а они, в свою очередь, рассыпались осколками, лежавшими за пределами разрешающей силы камер. Грани превратились в пилообразные линии, затем – в плавные закручивающиеся изгибы и, в конечном итоге, растворились в сером плоском забвении. Теперь Брюкс даже мог распознать какие-то схемы, закономерности: каждая новая геометрия казалась более знакомой, чем предыдущая; чуть сильнее дергала за полузабытое воспоминание, прежде чем отпустить и дать место следующей итерации. Ничто не застревало и не задерживалось настолько, чтобы можно было запустить туда зубы – но тут паттерны замедлились, и Ракши с Лианной почти синхронно произнесли одно слово, одна воплем, вторая шепотом:

– «Тезей».

Всего одиннадцать минут – столько понадобилось анаэробной таймшерной слизистой плесени, чтобы усовершенствовать пиксели размером с сахарные кубики до единиц, превосходящих разрешающую способность человеческого глаза. Одиннадцать минут, чтобы перейти от комы к разговору.

Протоколы первого контакта. Последовательность Фибоначчи, золотое сечение, периодические таблицы. Двухпалатники писали загадочные послания на своих такпадах и по очереди показывали их Порции; Брюкс не слишком удивился, заметив, что закрученные сообщения слизи выглядят гораздо

понятнее ответов монахов.

Со стороны люка в помещение тихо вторглась тень, появился намек на присутствие за пределами сигналов со шлемов и бортовых глаз. На «Икаре» было полно слепых пятен – его камеры устанавливали не для полного обзора. Брюкс заметил нового зрителя, но постарался не обращать на него внимания.

Неожиданно Двухпалатники удивленно забормотали; Лианна тихо вскрикнула. Брюкс просканировал трансляции, где геометрические примитивы разыгрывали сложную теорию на коже Порции.

– Лианна, что случилось, поговори со мной.

– Графический интерфейс, – ответила она. – Эта штука выдает нам 3D. – Она обвела взглядом отсек, фиксируя Порцию под каждым углом. – Что-то вроде линзообразного эффекта дифракции. И эта штука следит за нами, отслеживает пять… нет, шесть пар глаз и одновременно направляет каждой отдельную дифракцию. Создает поверхность одноэкранного дисплея.

– У меня тут нет никакого 3D, – пробормотала Сенгупта. – Слишком тупая она для стереокамер.

Одиннадцать минут, чтобы понять точную архитектуру человеческого зрения. Только на интуиции и индукции за столь малое время нелья создать с нуля сенсорную систему без проникновения и вскрытий. Но, скорее всего, Порция все учебные курсы прошла еще до своего внутрисистемного прыжка. Какое бы место она не звала домом, по пути сюда она точно сделала остановку на «Тезее». И, судя по всему, людей уже встречала.

Вероятно, в прошлом без вскрытий не обошлось.

– Где Джим? – спросила Лианна.

– Здесь, – ответил Мур из глубин «Венца». Он был не на дежурстве, но срочно возвращался в игру. – Я уже иду.

– Нет, Джим, отставить. Мы хотим, чтобы ты пока остался на корабле и делился своими мыслями оттуда.

– Почему?

– Ты знаешь почему. Эта штука использует протоколы для контакта с «Тезея». Твои акции только что резко взлетели вверх.

– Это смешно, – холодно сказал Мур. – Я был на «Икаре» множество раз.

– Раньше она не проявляла активности, – в голосе Латтеродт послышался еле заметный намек на раздражение. – Ну, ладно тебе, Джим. Ты знаешь правила об агентах особой важности лучше нашего.

– Знаю, – согласился он. – Поэтому мое экспертное мнение в данном случае выше вашего. Я иду на «Икар».

Молчание по связи. На куполе сигналы, идущие с камер на

шлемах, завертелись и закивали.

– Ладно, – ответила Лианна. – Только скафандр не забудь.

* * *

Брюкс и Сенгупта, последние друзья из детского сада. Они следили за тем, как Мур, забравшись в форпик, натягивает скафандр. Как Офоэгбу и компания вернулись к своим ритуалам у алтаря первого контакта, и как Порция продолжает итерировать украденными протоколами. Ракши буркнула что-то о примитивном языке, но Брюкс видел лишь плазменные участки и танцующих человечков из палочек.

– А там тепло, – заметила Сенгупта. Дэн едва ее расслышал.

Наверху, в углу фасеточного глаза, одна из Двухпалатников – Амина, согласно надписи внизу окна, отвернулась от алтаря и вылетела из святилища; спустя секунду за ней последовала Эулалия. Обе направились обратно к стыковочному шлюзу. (Брюкс даже возмутился: похоже, монахи считали Мура настолько убогим и тупым троглодитом, что, по их мнению, он мог заблудиться без парочки взрослых, показывающих дорогу.)

На видео перед полковником проплывали металлические кишки: решетки, переборки, трубы и провода лениво вращались вокруг его оси. Ориентиры проносились гораздо быстрее, чем обычно на сигналах от Двухпалатников: радиаторная решетка, перекресток в форме буквы «Т», ведущий к накопителю антипротонов – ряду светящихся розовых баков высокого давления, которые Дэн не смог найти ни на одной схеме. Мур двигался так, словно здесь родился; обогнул последний угол, точно дельфин, меняющий курс, и оказался у цели. Лианна и Офоэгбу посторонились, дав ему пролететь.

Почему-то он не встретил Амину и Эулалию. «Наверное, срезал путь, – подумал Брюкс, глядя на какой-то невзрачный коридор, парящий на их камерах. – Будет вам уроком».

Тихие завывания из святилища. На камере Лианны Мур, стоявший слева от сцены, нахмурился, видимо, выжимая смысл из этих звуков.

– Я думаю, что вижу проблему, – сказал он, помолчав.

Где-то – где? – Эулалия и Амина остановились. Явно сомневаясь, они повисели, глядя друг на друга, потом медленно развернулись спина к спине, двуликим Янусом. Указатели и предупреждающие полосы висели вокруг люка вдалеке: хранилище паров водорода, двигательный отсек. С той стороны уже был глубокий вакуум.

– Все, как вы говорили, – сказал Мур в святилище. – Это стандартные протоколы.

Его камера держала фокус на картинах Порции. Лианна смотрела на полковника сбоку. Тот поднял визор: щеку скрывал шлем, но профиль Джима было хорошо видно. Узел по фамилии Офоэгбу не смотрел ни на Мура, ни на Порцию, а сквозь открытый люк, в коридор за ними…

«Секундочку, – подумал Брюкс. – Разве там не должна была…»

Тень, намекавшая на чье-то незримое присутствие у люка, исчезла.

Мур произнес:

– Оно использует те же протоколы, что и мы.

Несколько минут назад там стояла Валери, а теперь куда-то ушла.

– Оно отражает наши собственные протоколы, это чисто механическое повторение.

«Амина и Эулалия пошли не Джима встречать, – размышлял Дэн. – Они стопроцентно выслеживают Валери…»

Он вытащил вперед их сигналы. Камеры по-прежнему смотрели в противоположные стороны, видимо, обеспечивая полный круговой обзор объединенному визуальному полю. «Икар» дрейфовал вокруг них, как сновидение с высоким разрешением.

– Мы говорим не с инопланетным разумом, – продолжил Мур. – Мы общаемся с зеркалом.

Брюкс что-то заметил – крохотную искорку в правом верхнем углу сигнала с камеры Амины. Тусклую звезду, плывшую в бризе переработанного воздуха. Дэн вызвал меню стереокамер, выбрал 27E – РЕАКТОР ПАРОВОГО ЯДРА – ВНЕШН. КОРИДОР. Тот же самый коридор, но вид сверху. Теперь он уставился на два открытых шлема; мерцающая звездочка парила перед ними. Брюкс увеличил картинку и увидел осколок стекла – или вроде того, – размером едва ли с заусенец. Здесь что-то разбилось.

«Икар» – место большое. Бесконечное пространство, дышавшее сквозь тысячи километров воздухопроводов. И стеклянное пятнышко могло появиться откуда угодно.

– Если хотите добиться какого-то прогресса… – сказал Мур.

«Никаких признаков растяжения или усталости металла ничего не взрывалось не ломалось поблизости нет никаких осколков.

… нужно туда сходить и проверить для надежности…»

– …вам нужно сломать стандартные протоколы.

В святилище полковник вытянул руку. Офоэгбу ринулся к

нему, хотел помешать, но было уже поздно: на ладони Мура вспыхнула крохотная яркая фигурка – голограмма, приношение в форме человека.

– Это мой сын, – голос Мура, тихий и спокойный, разнесся по каналу. – Ты его знаешь?

Интерфейс Порции свернулся и исчез.

«О, черт, черт».

– О черт о черт, – Сенгупту рядом заело в полной синхронии с голосом, паникующим в голове Брюкса.

– Заткнись! – крикнул Дэн, и, к его удивлению, оба подчинились.

Рука Мура не двигалась. Приношение спокойно светилось. Порция лежала молча на своем алтаре, в то время как каждый сапиенс на расстоянии ста миллионов километров затаил дыхание.

Секунды тянулись бесконечно, а потом посередине ее шкуры открылся одинокий яркий глаз. Из зрачка полился свет; он фонтанировал, кружась, по полотну из меланина и магнетита, потом, наконец, застыл в образе фигуры с руками и ногами. Сири Китон взглянул на самого себя, слегка раскинув руки ладонями вперед.

Брюкс подался навстречу сигналу:

– Еще одно отражение.

Сенгупта щелкнула, цыкнула и покачала головой.

– Это не отражение посмотри на руку на правую руку, – она увеличила картинку для его удобства: от запястья до кожи между указательным и средним пальцами бежала неровная линия. Будто кто-то разорвал Китону руку, прямо до запястья, а потом склеил ее обратно.

Брюкс взглянул на Сенгупту, пытаясь вспомнить:

– Этого нет на снимке Джима.

– Разумеется нет в этом смысл твою мать в этом…

А потом из сети неожиданно раздался сдавленный звук: голос Двухпалатников – масса сложных гармоний, которая, вероятно, содержала невиданные объемы информации. Брюкс же почувствовал в ней лишь удивление: на камере 27E Эулалия на полной скорости летела по коридору. Амина парила на месте, уставившись прямо в объектив – нет, не в объектив, а на предательский осколок, порхавший перед ней.

И вдруг повсюду наступил кромешный ад.

В святилище камеры на шлемах лихорадочно заметались во все стороны, качаясь пьяными маятниками; причем так быстро, что было непонятно, что их напугало. На 27E Эулалия отскочила от переборки (разве секунду назад там была переборка?) и

отступила обратно к Амине; еще секунда, и обе исчезли, сигнал оборвался – осталась только лихорадочная мешанина, идущая со скафандров. Сенгупта схватила ДОБ/РЕКОМП и растянула его по центру купола: взгляд сверху на святилище, обитающее там божество и его презренных служителей, отскакивавших от металлической плиты, возникшей на месте открытого люка, зиявшего пару секунд назад. Порция лежала тихая, как глина, посреди конденсатора. Изувеченный портрет Сири Китона сиял мягко и ровно, словно детский ночник. Из дальней переборки выпросталось маслянисто-серое щупальце и ринулось к Чайндаму Офоэгбу – Мур еле успел оттолкнуть монаха в сторону.

И все это случилось в последнее лихорадочное мгновение, прежде чем камеры вырубились.

Сенгупта что-то нечленораздельно тараторила, но Брюкс едва ее слышал.

«Я знаю, что это, – думал он, раз за разом прогоняя в голове последние секунды. – Я уже такое видел и даже сам использовал. Я точно знаю, что это…»

Магнетит, хроматофоры и защитная окраска. Сломанные и дотошно построенные заново клетки. Аккуратно подчищенные следы, стертые чужие запахи, пунктуально расставленные по местам сенсоры и семплеры; естественная среда обитания, реконструированная по всем осям.

«Это сектор исследования для забора проб».

Дэн дернул за пряжку на упряжи и взлетел к куполу.

– Мы должны их оттуда вытащить.

Сенгупта затрясла головой так сильно, что Брюкс подумал, та сейчас отскочит:

– Ни за что ни за что на хрен нам надо отсюда выбираться…

Он взлетел над зеркальным шаром и схватил ее за плечи…

– Убрал руки тварь!

…отпустил, но держался рядом, лицом к лицу, буквально в сантиметре, хотя Сенгупта корчилась и отводила глаза.

– Оно не знает, что мы здесь, понимаешь? Ты сама говорила: «слишком тупая для стереокамер» и слишком тупая, чтобы узнать про нас. Мы не были на «Икаре», Порция нас никогда не видела. Мы можем застать ее врасплох…

– Тараканья логика это глупо это вообще ничего не значит мужик мы должны валить отсюда…

– Не уходи. Слышишь меня? Оставайся здесь, если хочешь, но с места не трогайся, дура тупая. Пока я не вернусь. Разогревай двигатели, если эти треклятые штуки работают, но сиди на месте.

Она покачала головой. Капелька слюны по дуге сорвалась с ее губ и пролетела в воздухе:

– Что ты хочешь сделать они в десять раз умнее тебя но ничего не предвидели…

«Хороший вопрос».

– В каком-то смысле да, Ракши. Но с другой стороны, они в десять раз глупее: знают все про кварки и амплитуэдроны, но их прижал к ногтю не кусок квантовой пены, понимаешь? Их прижал к ногтю треклятый полевой биолог. А эту игру я знаю изнутри.

Брюкс взял голову Ракши в свои ладони и поцеловал в темечко:

– Не улетай.

Затем прыгнул в форпик.

* * *

Он летел сквозь стропила, как шарик от пинбола, отскакивал от балки к поручню, отпихивал стропы, пряжки и переливающиеся пузыри маслянистой воды, которые размазывались при столкновении. Брюкс – исходник, Брюкс – таракан. «Сдавайся, Дэнни, малыш: даже не думай, только опозоришься перед взрослыми. Кивай и глотай, что дают. Держи рот на замке, когда Сенгупта считает за пустяк расхождение на пару миллиметров в аллометрии станции и списывает его на воздействие температуры. Не рискуй, когда Мур замечает, что Порция – чудо из чудес – растет, потом указывает на лужу из свечного воска, разлитую в камере конденсатора, и забывает о своем предположении, пожав плечами. Не задавай вопросы о том, почему проникновение слизи на станцию остановилось на столь очевидной и бросающейся в глаза границе. Забудь, что Порция ведет вычисления и сопоставляет; забудь о ее способности выстраивать мозаики такого филигранного разрешения, что обычный мясной глаз не отличит голую переборку от металла, покрытого тончайшим слоем думающего пластика. Не позволяй результатам собственного исследования привести тебя к очевидному выводу: Порция способна покрыть любую поверхность, как невидимая разумная кожа, она рядом, когда кто-то загружает интерфейс или включает свет, она наблюдает за всем, что мы делаем, чувствует каждую последовательность, которую наши пальцы выстукивают на контрольных панелях. Просто сиди и улыбайся, пока взрослые спокойно совершают ужасную ошибку и заходят в чужую клетку, нарисованную внутри «Икара».

И когда ловушка захлопнется, все части головоломки сойдутся, можешь утешаться тем, что старшие ничего не увидели,

а эти поврежденные мозгом Двухпалатники с их коллективным сознанием на поверку оказались не такими уж сообразительными. Самодовольный и правый, ты умрешь рядом с умнейшими из людей в массовой могиле, кружащейся вокруг Солнца».

Минога зияла впереди по левому борту, голубой пастелью подсвечивая края и углы. В альковах плавали три пустых скафандра. Брюкс подумал и отмел их с порога: к тому времени, как он в них залезет, каждый человек на «Икаре» будет сидеть в том, что у Порции сойдет за формалин. Но за шлюзом, в дальних уголках стыковочного узла, находились инструменты, которых хватило бы на то, чтобы разрезать корабль пополам, а потом собрать заново.

Порция явно могла сжимать молекулы в нечто вроде брони: Офоэгбу имел внушительные габариты, но из-за плесени – растянувшейся тонким слоем по люку буквально за секунды – отскочил обратно в отсек, даже не потревожив неожиданно образовавшуюся мембрану. Только Брюкс в деталях рассмотрел тварь изнутри. Видел части, которые позволяли Порции говорить, думать и сливаться с местностью; у него было хотя бы примерное представление о том, как она структурирована и из чего сделана.

Дэн был уверен: огня Порция не выдержит.

Он выдернул сварочный лазер со стойки и полетел вниз; по пути скинул предохранитель, а кабель обернул вокруг запястья. Электрическое насекомое тихо заныло, быстро набрав ультразвуковые обороты, пока заряжались конденсаторы.

Вниз, в пасть миноги, светящейся полужесткой трахеи со скелетными обручами, расположенными с трехметровыми интервалами. Мягкие, с прокладкой жилы тянулись по всей длине прохода – сухожилия и мускулы, двигавшие туннель во время стыковки. Впереди замаячила рама из биостали – массивная квадратная заслонка, утопленная в борту «Икара»: главный шлюз станции, задраенный и надежный, как скала, успокаивающе индустриальный после податливой биотектуры.

Сбоку в сплаве, внутри пурпурной впадины, угнездилась рукоятка. Брюкс схватил ее и уперся в стену обеими ногами; повернул, дернул на себя. Выемка стала зеленой, и шлюз со вздохом открылся. Дэн ухватился за его край и, не обращая внимания на желтые вспышки нервирующей смарткраски, предупреждающей о ДВОЙНОМ ОТКРЫТИИ ЛЮКОВ, уставился в темный лабиринт с другой стороны.

Вражеская территория. Он понятия не имел, как далеко она тянулась. Может, Порция смотрела на него прямо сейчас.

Дэн поднял сварочный аппарат и полетел вперед.

Никаких направляющих аниматиков. Никакой удобной

схемы, вращающейся в голове; нет даже яркой иконки, указывающей цель. Он помнил маршрут только по дюжине сигналов с камер на шлемах и благодаря собственному вуайеризму, хотя понятия не имел, насколько полезны его воспоминания. Может, они надежны, как у любого таракана. А может, сама архитектура станции уже изменилась.

Топографическая анатомия должна была привести его к святилищу: вниз по долготной хорде, на повороте вправо, мимо накопителя антипротонов, и снова вправо под ядром охладителя. Если повезет, там кто-нибудь будет издавать звуки, и по ним можно будет ориентироваться дальше.

«Надо было взять шлем, – подумал Брюкс, оглядываясь назад с полной ясностью. – Надо было взять что-нибудь со связью. Еще один лазер или два для Джима и парней. Твою же мать».

Звуки впереди, справа, сзади; краем глаза Дэн заметил какое-то движение в коридоре, который даже не поместил на ментальную карту. Он схватился за проплывавшее мимо стальное ребро; лазер по инерции отправился дальше, дернул вперед запястье, Брюкс потерял равновесие, кувыркаясь, полетел к переборке и больно ударился головой о балку. Резак, вздрогнув на конце привязи, вернулся и ударил Дэна в грудь.

Крики сзади. Небольшой хор бессловесных, паникующих голосов. Почти электрический звук, словно кто-то полз скользя.

Брюкс выругался и полетел в обратную сторону. Забытый проход надвигался. Дэн затормозил, ухватился за поручень, повернул за угол… и чуть не врезался в стену, сгущавшуюся перед ним, как мембрана из живой глины. Пока он останавливался, бормоча про себя: «Я почти коснулся ее, почти коснулся, и она меня чуть не достала», – та превратилась в биосталь: твердую, непроницаемую и достаточно толстую, чтобы заглушить звуки резни с другой стороны.

«Это не биосталь, – напомнил себе Брюкс. – Она вполне проницаемая. И не огнеупорная».

Дэн поднял лазер.

Совсем не огнеупорная.

Когда ударил луч, Порция стала корчиться, свернулась, почернела и пошла радужными разводами, словно нефтяное пятно. Брюкс не разбрасывался, держал резак твердо, насколько позволяли нервы и невесомость. Тот прожег вещество насквозь, открыл дыру, расширившуюся как глаз: эластичная ткань расступилась, отшатнулась от жара. Луч слегка повело, и он обжег инертный металл, чуть не попал в человека, парившего с другой стороны – прежде чем Брюкс отрубил аппарат.

И остановился, моргая.

Вобрал всю картину за бесконечное, застывшее мгновение: туннель без палубы и потолка; со стенами, похороненными под трубами и кабелями; увенчанный т-образным перекрестком в десяти метрах впереди. Пять человек в скафандрах с открытыми шлемами посреди прохода. Как минимум, один разбитый визор: медно-хрустальные осколки разлетались по крохотным траекториям – одни сияли отполированные, как новые зеркала, другие заляпала полоса алого тумана, которая струилась от небольшого серебряного тела, вращающегося в воздухе. Брюкс понял, кто это, еще не разглядев слепых глаз, костяной белизной уставившихся с черного лица.

Лианна.

Остальные двигались сами. Амина отчаянно пыталась добраться до слабой надежды, которую только что открыл Брюкс. Эванс лихорадочно бил руками, ища поручень или опору, но в результате влетел прямо в объятия трупа. Азагба, безногий зомби, ударил быстро, как атакующая змея, и схватил Амину за плечо; повернул, прямыми пальцами бритвенной руки, как поршнем, ударил в открытый шлем и просто что-то там провернул, как выключил, после чего остановился. Женщина-нежить из команды Валери ринулась вперед, как воздушная тварь, решив сделать с Эвансом то же самое.

Брюкс выстрелил. Зомби увидела лазер, вывернулась как угорь, но застряла в воздухе и чисто из-за баллистики провозилась с инерцией на секунду больше, чем нужно. Луч отразился от его серебряного живота и вспышкой выжег черное углеродистое пятно на открытом лице. Удивительно, но с цели зомби не сбилась: обожженная, наполовину слепая – один глаз вскипел и взорвался прямо в глазнице, – она все равно, словно мимоходом, раздавила Эвансу горло, оттолкнулась от металлических потрохов и, не глядя, уцепилась за ближайший поручень.

А там уже поджидала Порция. Она почувствовала давление пальцев и тут же обхватила человеческую руку переливающимися восковыми псевдоподиями, так быстро, что даже инстинкты зомби не успели отреагировать. Струи белого пара завитками пошли от швов, где скафандр и плесень сплавились воедино. Пойманная женщина посмотрела вниз уцелевшим танцующим глазом, потом снова подняла голову, и в ее лице появилось что-то еще.

– Боже, – выдохнула она и согнулась в жутком, выворачивающем приступе кашля. Ее рука утопала в стене; кровь и слюна вращались вокруг открытого забрала. – Что я… О, Боже, что это…

Свет в глазах померк; тики вновь заявили о своих правах, но теперь мельтешение казалось безжизненным даже по стандартам зомби, судорогой умирающих клеток, освобожденных от собственного осознания.

«Джим, наверное, знал твое имя», – подумал Брюкс.

За плечом погибшей, за дрейфующими телами, почти у перекрестка что-то двинулось: в щелочке незакрытого шкафа, прямо под кроватью. Еще один серебряный проблеск, двигавшийся с молчаливой целеустремленностью; еще одна фигура, вынырнувшая из-за угла.

Валери.

На мгновение они смотрели друг на друга, не обращая внимания на плавающие трупы и застывшего Азагбу: хищница с взглядом отстраненного любопытства и жертва, которая не могла отвести глаз от убийцы. Брюкс не знал, сколько длился этот момент; он мог продолжаться вечность, если бы Валери не опустила лицевой щиток. Наверное, из жалости прервала охвативший его паралич, иначе, как кролик, застывший в свете фар, он бы стоял, не двигаясь, даже когда ему начали бы отрывать руки и ноги. Может, Валери хотела дать фору?

Дэн развернулся и побежал.

Охладители. Служебные туннели. Задраенные люки в какие-то закоулки, о которых он забыл или вообще никогда не знал. Он летел мимо, даже не замечая их; мясо направлял голый инстинкт, так как все рабочее пространство забили модели хищника, а чувства поглотил ужас, от которого мочатся в штаны. Дэн пролетел мимо третичного теплопоглотителя и затылком ощутил, что Валери приближается; видел люк хранилища, но представлял только губы, растянувшиеся в сверкающей плотоядной улыбке; бежал по хорде и чувствовал, как у существа за спиной напрягаются мышцы для завершающего убийственного удара.

Неожиданно Брюкс выскочил в миногу: «Нет времени останавливаться, нет шансов преградить ей путь, стоит лишь подумать закрыть шлюз, и она порвет тебя, повернуться не успеешь. Не оглядывайся. Беги. Не думай, где и когда: тридцать секунд – целая жизнь, две минуты – далекое будущее. Только сейчас имеет значение, и сейчас она пытается убить тебя».

Впереди раздавался еще один голос, такой же перепуганный, как и тот, что внутри; по горлу миноги эхом раздавалось «черт, черт, черт» и «стыковочные захваты», шел обратный отсчет, но «не беспокойся об этом сейчас, это потом, еще через десять секунд, а ты пока живой и…»

«Венец».

Конец пути. Некуда бежать, больше нет времени. Все

будущее, которое есть, только здесь и сейчас. Терять нечего.

Брюкс повернулся и посмотрел в горло миноги: там стояла Валери, непринужденно опершись о край внутреннего люка «Икара» и глядя сквозь зеркальный глаз циклопа в шлеме. Может, она стояла там уже несколько часов и ждала, когда он повернется и заметит ее.

Теперь вампирша прыгнула.

Дэн поднял лазер и огрызнулся. Валери плыла к нему, и он мог поклясться, что она смеется. Брюкс выстрелил. Луч разбился об отражающий термацел вампирского скафандра на мириады изумрудных осколков, ярких как солнце, которые за доли секунды прожгли следы на всех подвернувшихся поверхностях, – прежде чем нападавшая рывком ушла вбок.

Брюкс нырнул к контрольной панели люка, схватил рычаг и неловко его потянул. «Венец» слегка поджал свой парадный вход, но быстро расслабился. Валери приближалась, раскинув руки. Почему-то он слышал ее шепот, непостижимо звучный, несмотря на панические вопли Сенгупты по каналу связи. Голос был настолько ясным, будто она мурлыкала у него над плечом, находилась прямо в голове:

«Я хочу посмотреть, как ты представишь Христа на кресте…»

Глубоко в костях Брюкса запело электричество. Синапсы оборвались взорванной электропроводкой. Плоть заныла, как камертон, и каждый мускул невыносимо свело. Теплая влага разлилась в промежности. Он не мог двигаться и моргать, едва дышал. Какая-то отдаленная часть сознания забеспокоилась, что так можно задохнуться, но потом поняла, что уже это не имеет значения: Валери убьет его задолго до того, как представится шанс погибнуть от удушья.

Вампирша бросилась на Брюкса, протянула руки… и отлетела в сторону от удара сзади. Вместо нее появился Джим Мур с абсолютно рептильным лицом; его глаза танцевали лихорадочные джиги в темном провале открытого шлема. Он толкнул Брюкса в отсек, захлопнул шлюз за собой; потом ударил Дэна кулаком в грудь, но не слишком сильно, не до перелома кости. Но что-то внутри все равно сломалось, открылось, и Брюкс принялся, широко раскрыв рот, судорожными глотками всасывать переработанный воздух. К тому времени, как он перестал задыхаться, Мур окутал его паутиной в ближайшем аварийном алькове.

Остальные оказались пустыми.

«Венец» превратился в разогревающийся симфонический оркестр: скрипел и стонал напряженный металл, вдалеке кашляли пробуждающиеся двигатели, барабанили защелки,

фиксируя нехотя пришедшие в движение переборки. Сенгупта в панике выпаливала цифры. Случайная капля масла парила на месте, пока корабль поворачивался вокруг нее, а затем расплескалась о щеку Дэна, обдав его запахом бензина.

Издалека доносился рев океана.

Руки Мура вывели на стену интерфейс. Пальцы били по контрольным точкам с нечеловеческой точностью. Рядом открылось окно, визуальный сигнал снаружи шел на смарткраску: размытое пятно неровного голубого света металось взад-вперед; минога оторвалась и забиралась в нору. Игра звезд, теней и невероятно четких геометрий заволокла небеса. Мутные красные созвездия вспыхивали на проволочных лесах: утесы черных сплавов широко раскинулись навстречу собственным горизонтам.

Вид загородил шлем Валери. Она барабанила кулаками по обшивке, но любой звук тонул в вибрации двигателей. Неожиданно обжигающим пятном взошло Солнце, и вся Вселенная взорвалась пламенем, когда «Терновый венец» выбрался из затмения. Где-то изрыгала проклятия Сенгупта; где-то запустились маневровые. На короткое мгновение Валери превратилась в черную извивающуюся тень на ослепляющем небе, а потом исчезла в огне – за секунду до того, как поджарилась камера.

Пальцы Мура не прекращали танцевать.

Понадобилось несколько бесконечных секунд, чтобы включилась запасная камера. К тому времени они снова спрятались в тени «Икара». Беззвездный черный силуэт от шпиля радиатора скользил по левому борту. Мягкая рука начала вытаскивать Брюкса из алькова; масса, помноженная на ускорение, вытягивала из паутины. Смутный зодиак из фонарей станции медленно уходил вдаль, но в нем вдруг зажглись новые огни, прямо на глазах у Дэна: пятиугольник обжигающе-голубых сверхновых безмолвно сиял во тьме. Только тогда Брюкс заметил другую тишину: Мур перестал разговаривать со стеной и утихомирил пулеметное стаккато пальцев по металлу. Дэн едва мог разглядеть его смутную фигуру; требовалось поистине титаническое усилие, чтобы сдвинуть глаза хотя бы на сотую долю и увидеть полковника яснее. Не получилось. И все-таки Брюксу удалось выжать достаточно из периферийного зрения, чтобы заметить, как старый воин застыл, будто камень на палубе, подняв руки к лицу. Почудился звук тихого обрывистого вздоха, и Дэн решил, что с таким звуком в тело военного вернулась душа.

«Икар» уменьшался с расстоянием. Вокруг него в кадр рвалось Солнце. Пять голубых искр сияли даже на фоне ослепляющей короны: пять ярких точек на тающем черном диске

в море огня. «Стабилизационные двигатели», – понял Брюкс и задумался, почему они горят так долго и ярко, а потом раскаялся: ответ пришел слишком быстро.

Новорожденная гравитация набирала вес. Она тянула Брюкса из пут все сильнее, выворачивала из алькова, склоняла над палубой. Под напряжением колени не поддались, тело не упало. Он дышал медленно и величаво, напоминал сам себе статую, и каким-то внутренним чувством, что сильнее логики, знал: если привязи исчезнут, он не свалится, а рухнет на палубу и разлетится на куски.

Скафандры рядом исчезли. Вместо них висели гниющие трупы: полосы серой плоти просвечивали сквозь решетку; черви рисовыми зернышками сыпались из пустых глазниц; скалящиеся челюсти щелкали, стучали и издавали нечленораздельные звуки. «Паралич быстрого сна», – сказала одна часть Брюкса, хотя он не спал. «Галлюцинация», – ответила другая. Мертвецы смеялись, словно не умерли до конца, и кашляли от набитой в горло земли.

В глазах роились точки. Едва видимый в подбиравшемся тумане, на палубе стоял Джим Мур – его удерживали не паутины, не заклинания, а лишь сокрушительное осознание собственных действий. Тьма смыкалась над Дэном. Пока последние несколько синапсов искрили в буферной памяти, он подумал о том, что сказал бы Лаккетт при виде такой катастрофы.

Возможно, что все идет строго по плану.

Хищник

Дин, ты пойми, это уже пятая атака на венесуэльскую инжекторную программу за этот год. Количество сульфатов в стратосфере по-прежнему на три процента ниже нормы, и нам очень повезет, если прежний уровень восстановится к ноябрю и не будет дальнейших нападений. Любую агрокомпанию, которая не сможет себе позволить устойчивые к засухам трансгеники, ждет ужасное лето. Клоны и принудительно выращенные посевы с более высоких долгот восполнят запасы – если только не повторится прошлогодний коллапс монокультур, – но нехватка продовольствия на местах почти неизбежна.

Мы прекрасно понимаем, что технически венесуэльская программа незаконна (думаешь, тут никто СОГИ[273] не читал?), но не мне тебе напоминать обо всех преимуществах стратосферного охлаждения. И пусть геоинженерия – краткосрочный вариант, но нужно использовать то, что есть, иначе до долгосрочных решений мы просто не доживем. Конечно, Каракас не делает себе поблажек со своей дурацкой приверженностью устаревшей судебной системе. Персональная ответственность? И с чем эти [ЭПИТЕТ ПОДВЕРГНУТ АВТОРЕДАКЦИИ] вылезут в следующий раз – ведьм начнут топить?

Поэтому я сейчас говорю от имени всего департамента: мы вас понимаем. И если вы, парни из Прав человека, хотите снова отправить их в черный список, – вперед. Но отзывать поддержку из Венесуэлы мы не станем, даже не просите. Мир не может себе позволить, чтобы даже такие скромные попытки по смягчению климата саботировались.

Я знаю, какое дурное впечатление они производят. Знаю, как тяжело продать альянс с режимом, чья нейрополитика укоренена в Средневековье. Но нам придется отсосать и проглотить, причем всем и всё. Стратосферное охлаждение – одна из немногих вещей, которые еще удерживают эту планету от падения в бездну, и, как ты сам знаешь, данная технология отнимает прорву энергии.

Если тебе от этого станет легче, просто представь, в какую лужу мы сели бы, если бы подобное случилось двадцать – двадцать пять лет назад. Мы бы с тобой сейчас не беседовали, у нас просто джоулей не хватило бы на такие возможности. Мы сразу рухнули бы прямо в Темные века.

Господи, благослови «Икар», да?

Фрагмент из внутренней переписки ООН (адресаты

неизвестны): получено из поврежденного источника во время соревнования по кодированию между неидентифицированными субразумными сетями.

13:32:45 23/08/2091

> Я никогда, ни на одну секунду не мог взглянуть ясно внутрь себя. Как же вы можете заставлять меня судить поступки других?
>
> *Морис Метерлинк*

Он проснулся в невесомости. Невидимые руки направляли его, как парящее бревно, сквозь Центральный узел, через южное полушарие, которое больше не двигалось. Откуда-то издалека донесся голос Сенгупты, и она не смеялась, не рявкала, но говорила тихо, как любой таракан:

– Это отнимает слишком много времени мы начнем падать если не включим двигатель максимум через пять минут.

– Три минуты, – голос Мура, гораздо ближе. – Начинай отсчет.

«И больше никого, – отстраненно подумал Брюкс. – Только Джим, Ракши и я. Не осталось ни вампирши, ни ее телохранителей-умертвий. Все Двухпалатники погибли. Лианна погибла. О, Господи, Лианна… Несчастный ребенок, прекрасный невинный труп. Ты этого не заслужила; все твое преступление заключалось в том, что ты верила…»

Мимо проплыл один из осевых люков. В следующий момент Дэн уже завернул за непривычный прямой угол: оси «Венца», подготовленные для рывка, еще лежали вдоль корабельного хребта. Перед лицом мелькали ступеньки, пока Мур головой вперед толкал Брюкса к корме.

«Все наши дети умерли. Такие умные, сильные, ловкие. Все эти улучшенные, подрихтованные синапсы, наследие плейстоцена, вырванное с корнем. К чему их это привело? Где они сейчас? Мертвы. Убиты. Превратились в плазму».

Техобслуживание и ремонт. Мур развернул медкойку и пристегнул к ней Дэна, пока корабль прокашливался. Когда полковник уже собрался уходить, в мир вокруг потихоньку стал пробираться вес. Брюкс попытался повернуть голову, и у него почти получилось. Попытался откашляться, и даже смог.

– Э… Джим, – звук едва превышал уровень шепота. Полковник остановился у лестницы, смутный силуэт на краю периферийного зрения Брюкса. Разгон корабля, казалось, погрузил его прямо в палубу.

– С… спасибо, – наконец выдавил из себя Дэн.

Мур безмолвно стоял в нарастающей гравитации.
– Это был не я, – бросил он и ушел.

* * *

К Дэну приходил не только Джим. Из могилы вернулась Лианна – черная мерцающая протоплазма, которая улыбнулась, увидев его застывшее лицо, покачала головой и прошептала: «О, бедняжка, такой потерянный, такой надменный». А потом ее позвало домой Солнце. У койки часами стоял Чайндам Офоэгбу и говорил пальцами, глазами и звуками, с заиканием исторгая их из горла. Теперь Брюкс почему-то его понял: не завывающий шифр и не разумный роевой рак, а добрый старик, который до сих пор прекрасно помнил, как в детстве тайком подружился с семейством енотов с помощью сухого корма и незаметного саботажа домашней мусорки для органики. «Постой, у тебя было детство?» – попытался спросить Брюкс, но лицо Офоэгбу исчезло под извержением бубонов и огромных волокнистых опухолей; ничего больше он произнести не смог.

Даже Рона пришла к нему с Небес, хотя и клялась, что никогда этого не сделает. Она стояла спиной к Дэну и злилась, а он пытался повернуть ее, заставить улыбнуться; когда все же сумел, на ее лице были видны лишь горечь и ярость, а глаза искрились огнем. «Значит, ты скучаешь по ней? – ярилась она. – Скучаешь по своей безмозглой кукле, милой обожающей эго-рабыне? Или тебя просто беспокоит, что ты потерял крохотную фальшивую часть своей крохотной фальшивой жизни, где хоть что-то контролировал? Все, Дэн, цепи спали, их больше нет. Можешь гнить тут, мне наплевать».

«Но я не это имел в виду, – начал оправдываться он. – Я никогда не думал о тебе так». Однако потом, когда все отрицания иссякли, и ему было нечего сказать, осталось только одно: «Пожалуйста, ты нужна мне. Я не могу без тебя…»

«Конечно, не можешь, – усмехнулась она. – Ты сам по себе вообще ничего не можешь. Могу признать: ты превратил некомпетентность в стратегию выживания. Что бы ты делал, потеряв оправдания? Если бы вставил имплантаты, как остальные? Как бы ты выжил без спасительного бессилия, в очередной раз не удержавшись на плаву?»

Дэн подумал: «Что же там, на Небесах, творится, раз она стала такой мстительной?» Он бы спросил, но Рона превратилась в Ракши Сенгупту прямо перед его остекленевшими глазами, и ее поток мыслей, похоже, радикально сменил направление. «Тебе

лучше держаться подальше от носа, – быстро прошептала она, оглядываясь через плечо. – И главное подальше от форпика; он там а может и еще кое-что. Хоть бы ты пришел в себя тут все может плохо кончиться а у меня только с цифрами хорошо понимаешь? В реальности я не так крута».

«Ты хорошо справляешься, – попытался сказать Брюкс. – Даже начала говорить, как одна из нас, тараканов». Но смог издать только хрип да кашель. Что бы ни услышала Ракши, это напугало ее больше тишины.

Иногда Дэн открывал глаза и видел, как над ним нависает Мур, двигая яркими мерцающими палочками прямо перед его лицом. Пару раз невидимый ревущий гигант вставал ему на грудь и вдавливал спиной в мягкую землю (редкие пряди вновь выросшей травы на переборке отходили от стены; каждая травинка застывала в единой линии строя). Иногда Брюкс, наоборот, был невесом, как семя одуванчика. Иногда он почти мог двинуться, и твари, собравшиеся рядом, удивлялись, резко отходили назад. А иногда едва хватало сил двигать глазами.

Иногда он просыпался.

* * *

Что-то сидело рядом: смутное пятно гуманоидной формы. Брюкс попытался повернуть голову и оторвать взгляд от потолка. Видел лишь трубы и краску.

– Это всего лишь я, – голос Мура.

«Он ли? Действительно он?»

– Думаю, ты такого не ожидал, – сказало пятно. – Я удивлен, что Сенгупта тебе не рассказала. Она любит про такое болтать.

Дэн попытался снова, и опять потерпел поражение. Шейные позвонки, казалось, слились воедино. Заржавели.

– Может, не знала.

Брюкс сглотнул. Это, по крайней мере, получилось, хотя глотка осталась сухой.

Пятно переместилось, зашуршало:

– Там, откуда я пришел, это обязательная процедура. Слишком много сценариев, когда сознательная вовлеченность… ставит под удар выполнение задания. Чтобы сейчас ни имелось в виду под военной службой, туда не попадешь без…

Кашель. Перезагрузка.

– Правда в том, что я вызвался добровольцем. Еще когда все было в бета-версии, до того как это стало официальной политикой.

«Ты можешь решать, – задумался Брюкс, – когда это приходит и уходит? Это выбор или рефлекс?»

– Наверное, ты слышал, что мы просто засыпаем. Теряем осознанность, позволяем телу действовать на автопилоте. Чтобы нам не было дурно, когда нажимаем на спусковой крючок, и потом. – В голосе старика послышалась горечь. – Сейчас это правда. Но мы, первое поколение, мы… оставались в сознании. Говорили, что тогда так было лучше всего. Они смогли вырезать нас из двигательной петли, но отключить гипотоламические схемы, не повлияв на автономные показатели, не получилось. Ходили слухи, что на самом деле они хотели, чтобы мы все помнили – для последующих допросов, опытный наблюдатель и все такое. Но мы были настолько крутыми, что вообще об этом не беспокоились. Стояли на переднем крае науки, выше нас только горы, сам понимаешь. Первые исследователи постчеловеческого фронтира, – Мур тихо хмыкнул. – В общем, пара миссий пошла совсем не по плану, и тогда выкатили Вариант Нирваны. Даже предложили мне улучшение, но оно… не знаю. Почему-то мне казалось важно не гасить свет.

«Зачем ты мне это рассказываешь? Какое это имеет значение теперь, когда ты отправил единственную надежду человечества прямо на Солнце?»

– Я хочу сказать, что был там. Все время. Как пассажир – я ничем не управлял, но не ушел. Я не как наемники Валери, я… смотрел, по крайней мере. Может, так тебе будет лучше. Просто хотел, чтобы ты знал.

«Это был не ты. Вот, что ты хочешь сказать. Это не твоя вина».

– Отдохни.

Пятно растянулось; лицо полковника ненадолго появилось прямо перед глазами Брюкса и снова поблекло, сменившись звуком затихающих шагов.

Который вдруг остановился.

– Не беспокойся, – сказал Мур. – Больше ты этого не увидишь.

* * *

Когда Брюкс проснулся в следующий раз, над ним склонилась Сенгупта.

– Как долго? – попытался Дэн и с облегчением услышал, что слова все-таки вышли изо рта.

– Ты можешь двигаться постарайся.

Он послал команду ногам и почувствовал, как ответили пальцы. Попытался шевельнуть руками: костяшки заржавели.

– Ш трудом.

– Скоро все будет в порядке. Это временно.

– Што она со мной шделала?

– Я работаю над вопросом послушай…

– Это был какой-то «крештовый глюк»… наоборот. – Язык буквально сражался со звуками. – Как она вообше… ишходники не глючат, у наш таких шхем нет…

– Я говорю работаю над этим. Послушай у нас сейчас есть проблемы посерьезнее.

«У тебя, может, и есть».

– Где Шим?

– Я об этом и пытаюсь сказать он наверху в форпике кажется вместе с Порцией…

– Што!

– Ну как нам узнать наверняка что эта плесень не распространилась она же могла покрыть всю станцию изнутри а мы бы так и не узнали. Могла легко дорасти прямо до двери и залезть к нам внутрь.

Симпатические двигательные нервы, по крайней мере, работали: Брюкс почувствовал, как волосы у него на руках встают дыбом.

– Кто-нибудь обраш… образцы брал?

– Я таким не занимаюсь я занимаюсь математикой а не с пробирками бегаю я даже протоколов не знаю.

– Не можешь их посмотреть?

– Я этим не занимаюсь.

Брюкс вздохнул:

– Что насчет Джима?

Сенгупта уставилась куда-то в стену:

– Никакой помощи он просто сидит и читает снова и снова письма из дома. Я ему сказала но кажется Муру наплевать. – Она покачала головой (и так легко это сделала), добавила:

– Он иногда спускается сюда тебя проверить. Вколол тебе кучу гамма-аминомасляной кислоты и спазмолитиков говорит сейчас уже все должно быть хорошо.

Дэн сжал пальцы, вышло неплохо.

– Да, похоже, все возвращается. Просто тело отвыкло.

– Времени точно прошло немало. Так мне надо вернуться, – она миновала отсек и повернулась у лестницы. – Дэн пора снова в игру дела тут страннее некуда.

Да уж, она была права.

Раньше Сенгупта никогда не называла его по имени.

* * *

Когда Ракши ушла, у Брюкса полностью прошла шепелявость; через пять минут он уже мог перекатываться с боку на бок без особого дискомфорта. Согнул колени и руки с трудом, по чуть-чуть; дергал суставы, борясь с хрупким сопротивлением собственной плоти. Под каким-то критическим углом правый локоть хрустнул, и боль пронзила руку электрическим током; потом конечность заработала, начала сгибаться и выпрямляться по команде – только в суставе осталась тупая артритная боль. Воодушевившись, Дэн принялся терзать остальные конечности, возвращая их себе.

«Возвращая откуда?» – задумался он.

Медархивы быстренько проиграли все, что случилось с его плотью: тело, затопленное ацетилхолином, дефектные клетки Реншо и АТФ, высосанная до капли нервными волокнами, которые не прекращали сжиматься. Кислота кончилась, и на танец пригласили миозин; сломать связь актина и миозина оказалось нечем. В результате, блокировка системы. Тетания. Судорога, закоротившая все тело.

Механизм оказался довольно простым. Когда потенциалы действия начинали бить с такой быстротой, номер мог закончиться лишь одним путем. Только ситуацию, похоже, спровоцировала не химия. Валери не подмешивала наркотик в кофе и ничего не подсыпала в еду. Медицинская телеметрия нашла следы только после приступа, но насколько Дэн мог понять, сигналы пришли прямо из мозга. ЦНС – альфа-мотонейрону, тот – синаптической щели, и бум-бум-бум, пошло-поехало.

Что бы с ним ни случилось, Брюкс все сделал сам.

На выписку понадобилось время: пришлось вытащить катетеры, размять конечности; оттаявшее тело не сразу пожелало двигаться. Так, время подзаправиться: от выздоровления разыгрался зверский аппетит. Лишь спустя час он выбрался из ремонтного отсека посмотреть, чем можно поживиться на камбузе.

Уже в Центральном узле заметил свет, кровоточащий из оси.

* * *

Снимок прошлого: труп, лежащий на газоне. Брюкс даже не знал, какой элемент в этой картинке самый неудачный.

Газон, наверное. По крайней мере он был неожиданным: не столько лужайка, сколько потертое пятно зелено-синей травы – в мутных длинах волн, которые так любили вампиры, оно казалось

ржавым, – вырванным со стен отсека и хаотично разбросанным по палубе. Вампиры страдали от навязчивых состояний, насколько помнил Брюкс. Если не древние хищники из плоти и крови, послужившие источником для легенд, то мифические точно. Люди еще с XVII века говорили, что упыря можно отвлечь, бросив ему на дорогу пригоршню соли; повинуясь некой сверхъестественной схеме в мозгу, монстр забывал о жертве и начинал пересчитывать крупинки. Дэн подумал, что где-то об этом читал. Явно не в научном журнале.

Насколько он понимал, это глупое суеверие уходило корнями в нейрологическую реальность. Уж точно оно не было более абсурдным, чем «крестовый глюк». Наверное, какое-то отклонение в распознавании образов у этих всезнающих мозгов, зашкаливший контур обратной связи. Может, Валери пала жертвой такой же подпрограммы, увидела тысячи эпифитических травинок и принялась срывать их с переборок голыми руками, отмечая каждый листок, пока тот падал на палубу в безжизненной хлорофилловой метели.

Конечно, штука в том, что вампирам не нужно было считать: они сразу видели точное количество крупинок соли или травинок, знали это большое семизначное целое, не отвлекаясь на сознательный процесс сложения. Крестьянин, решивший посыпать соль на дорогу, потратил бы на это дело секунды две, а купил бы от силы одну десятую максимум. Паршивый обменный курс.

Правда, зомби могли об этом не знать. Может, гомункул в голове вовремя перезагрузился и понял, что его ждет, каким-то образом вернул контроль из всех закоулков и оперативных команд, решил с отчаяния попробовать все; терять-то нечего. Может, Валери даже позволила ему, посмотрела и удивилась; подыграла, принялась считать травинки, пока ужин превращал палубу в убогий лохматый коврик.

Возможно, зомби ничего не подумал: лег по команде и стал ждать, когда съедят. Валери была нужна лишь скатерть.

Мертвецу рассекли горло. Он лежал, раскинув руки, на животе, голый, повернув голову набок. Ему срезали правую ягодицу, квадрицепсы; длинную полоску икроножных мышц. Плоть была сверху и снизу, а между – ободранное бедро соединяло голень с телом, входя в широкую выскобленную лопаточку тазового пояса.

Крови почти не было. Валери все прижгла.

– Ты там так ничего и не проверила, – сказал Брюкс.

Сенгупта увеличила картинку; кровавая трапеза заполнила всю стену. Стебли травы выросли до размера бамбуковых побегов; отметины от зубов превратились в зубчатые борозды на

обнаженной кости, запекшейся от крови.

Что-то вроде провода змеилось в траве – даже на увеличение оно было еле заметно – и исчезало под полусъеденным телом.

– Я таких нашла восемь не знаю для чего они нужны но их от нас особо не скрывали кстати. Мясник говорит это мина-ловушка и возможно в кои-то веки он прав. Валери хотела чтобы мы увидели провода.

– Откуда знаешь?

– Она не сломала только эту камеру, – Сенгупта взмахом ладони убрала запись с переборки.

– То есть вы сбросили отсеки?

Она кивнула:

– Было слишком рискованно входить внутрь слишком рискованно оставлять.

Еще одно видео примкнуло к первому: вид обрезанной оси, которая когда-то вела к логову Валери. Теперь она кончалась буквально через двадцать метров пульсирующим оранжевым диском, с двухсекундными интервалами сверкающим надписью «РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ». То же было и в оси, ведущей на камбуз, которую пришлось обрезать ради равновесия.

Дэн вспомнил беседы с Муром, звон бокалов и выругался.

– Они же все одинаковые ты знаешь трубы системы жизнеобеспечения.

– Я знаю.

– И проблем с едой или кислородом у нас нет ведь все погибли и…

– Я знаю, твою мать, – рявкнул Брюкс и удивился, когда Сенгупта тут же замолчала.

Какое-то время она ничего не говорила, а когда открыла рот, Дэн не смог разобрать слов.

– Что ты сказала?

– Ты с ним там разговаривал, – промямлила она. – Я знаю об этом но ничего бы не изменилось даже если бы мы оставили камбуз сам Мур сейчас другой. Он просто сидит в форпике и просматривает свои сигналы снова и снова как будто и не уходил с «Икара»…

– Он потерял сына, – сказал Брюкс. – Это его изменило. Конечно, это его изменило.

– О да, – она почти шептала. От голоса Ракши Брюкс вспомнил ее прежний смех, так похожий на хохот гиены, и ему неожиданно захотелось услышать его снова. – Это его очень сильно изменило.

* * *

Отговорок не осталось. Дел тоже.

Он зашел в Центральный узел и взмыл в небеса, проникнув во внутренности с той стороны: шипящие бронхи, позвоночники крест-накрест, прямоугольные кишки. Дэн двигался как старик: с невесомостью, остаточным параличом и скафандром, который он нарыл в грузовом шлюзе, Брюкс постиг новые вершины неуклюжести. Краска вокруг стыковочного узла заливала окружающую топографию привычным рассеянным светом.

«Вот куда ушли все тени, – понял Брюкс. – Любой другой уголок „Венца“ теперь освещен, как бассейн; трюм не в доступе, логово Валери отрезали. Теням на борту не оставили ни единого шанса. Больше им некуда идти…»

– С возвращением в мир живых.

Мур медленно вращался на стропилах, сразу за переборкой шлюза. Морщины на лице, руки и ноги то выплывали, то скрывались в темноте.

– Так теперь выглядит мир живых? – спросил Брюкс.

– Это зал ожидания.

Дэн, кажется, заметил улыбку. Он пролетел через весь отсек и взял сварочный аппарат с полки инструментов: проверил заряд, оценил вес. Мур следил за ним на расстоянии, пряча лицо в тени.

– Э, Джим. Насчет…

– Вражеская территория. Ничего нельзя было поделать.

– Это да. – Пятая часть энергоснабжения Земли под контролем разумной слизистой плесени из далекого космоса. Дэн не завидовал решению при таком раскладе затрат и результатов. – Но последствия…

Мур отвернулся:

– Они справятся.

Возможно, он был прав. Огнепад замедлил безрассудную гонку Земли за космической антиматерией; во Вселенной, где богоподобные инопланетяне появлялись и исчезали по собственной воле, энергокабель, растянувшийся на сто пятьдесят миллионов километров, казался слишком уязвимым. На самой планете существовали запасные варианты: термоядерные станции, форсированный фотосинтез и геотермальные шипы, загнанные глубоко под поверхность Земли, чтобы перехватить жар, еще оставшийся с момента космического творения. Пояса затянут, какая-то часть людей умрет, но мир выкарабкается. Все выкарабкаются: и нищие, и богатые, и испорченные ненасытные поколения с их игрушками и жадными до энергии виртуальными мирами. По крайней мере, у них не кончится воздух. Они не замерзнут до смерти в бесконечных и бесплодных пустынях среди звезд.

Ибо Мур так любил этот мир, что отдал за него своего единорожденного сына. Дважды.

– В любом случае, – добавил Мур, – скоро узнаем.

Брюкс пожевал губу:

– И как скоро, если быть точным?

– Можем добраться до дома через пару недель, – равнодушно ответил полковник. – Спроси Сенгупту.

– Пару… но путь сюда занял…

– Мы использовала анкат [274] вполсилы и держали двигатели на абсолютном минимуме. А сейчас летим на чистейшей антиматерии, прямо из ядра. Если бы мы врубили движки на полную, то могли бы добраться до Земли за несколько дней. Но тогда мы будем двигаться слишком быстро и не сумеем вовремя остановиться. Пока будем тормозить, окажется на полпути к Центавре.

«Или где-то посредине», – подумал Брюкс.

Он окинул взглядом отсек. Мур медленно вращался в свете и тенях, смотря на Дэна. В этот раз он точно улыбался. Загадочно.

– Ты не беспокойся, – сказал он.

– О чем?

– Мы не летим к облаку Оорта. Я не тащу вас на бессмысленный и отчаянный поиск моего мертвого сына.

– Я… Джим, я не хотел…

– Нет нужды. Мой сын жив.

«Может, был жив – шесть месяцев назад. Или даже сейчас жив. Думаю, и такое возможно. Но через шесть месяцев он умрет. Поток телематерии пропал, и теперь „Тезей“ замерзнет во тьме.

Ты бросил их на произвол судьбы…»

– Джим…

– Мой сын жив, – повторил Мур. – И он возвращается домой.

Брюкс какое-то время молчал, но, наконец, спросил:

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

Дэн толкнул сварочный аппарат из одной руки в другую, почувствовал плотную реальность массы и инерции снаружи; хрупкость больного тела внутри.

– Хорошо, я должен взять несколько образцов…

– Бери. Сенгупта и ее слизистая плесень-захватчик.

– Надо проверить – хуже не будет.

– Разумеется, нет. – Мур легко протянул руку и зацепился за нерабочую лестницу. – Я так понимаю, скафандр на тебе в качестве презерватива.

– Нет смысла рисковать, – Брюкс смотрел на полковника в желтовато-бумажном комбинезоне и на то, как его голая рука

сомкнулась на непроверенной территории.

– Шлема нет, – заметил Мур.

– Так мне в открытый космос не надо.

Если Порция функционировала при температуре окружающей среды, то она не сможет получить от переборки достаточно джоулей, чтобы в срочном порядке отрастить псевдоподии. К тому же Брюкс и так чувствовал себя довольно глупо.

Под озадаченным взглядом Мура он расположился сбоку от люка и поставил луч на короткий фокус. По краям отверстия смарткраска заискрила и покрылась пузырями. Никто не закричал, не отпрянул. Из металла не полезли щупальца в лихорадочных попытках самообороны. Брюкс соскоблил образец с периферии ожога. Еще один с нетронутой поверхности в паре сантиметров от него. Потом он стал методично двигаться по краю люка и брать образцы примерно с каждых сорока сантиметров.

– Меня тоже будешь проверять? – поинтересовался Мур из-за спины.

«Должен бы».

– Думаю, пока в этом нет необходимости.

Полковник бесстрастно кивнул:

– Хорошо. Если передумаешь, знаешь, где меня найти.

Брюкс улыбнулся.

«Хотел бы я знать, мой друг, очень хотел бы. Но понятия не имею».

* * *

С форпика – в Центральный узел.

«По крайней мере, тут все как прежде. Хотя, возможно, я прямо сейчас смотрю на чужую облицовку. Или даже кожу».

Через экватор, от застывшего севера к вращающемуся югу, стараясь не касаться решетки по пути.

«Она может наблюдать за мной, и прямо сейчас я плыву в ее глазном яблоке.

Брюкс, не будь дураком. На „Икаре“ у Порции были годы, а вы здесь болтаетесь всего три недели. Мало времени, чтобы отрастить новую кожу…

А если она не стала ее растить, а перераспределила старую? А если все эти годы Порция наращивала дополнительную постбиомассу, вкладывала себя в будущее расширение?»

Она не могла просочиться под парадной дверью так, что никто не заметил. (Брюкс пролетел между серебряными глазным яблоком и радужкой: одно открыто, вторая закрыта. Оба слепые.)

Не было избыточного кинетического тепла, не вопили сирены…

«Если только она не двигалась медленно, не слилась с шумом. Если только она не знает о законах термодинамики чуть больше, чем мы…»

Вниз по оси, набирая вес и пристально вглядываясь в защищенные перчатками пальцы, сомкнутые вокруг поручней. Настороже – на случай если тонкий мицелий протянется между скафандром и скобой. Глаза выискивают любую каплю влаги, серпик поверхностного натяжения, который выдал бы движение пленки.

«Ты – параноик. Ты – идиот. Это лишь предосторожность на случае практически невероятной возможности. И все.

Не опускайся на дно. Ты – Дэн Брюкс.

Ты – не Ракши Сенгупта.

Ты просто ее такой сделал».

* * *

Дэн услышал, как она шумит в подвале, когда скармливал образцы в поддон для обработки. Попытался не обращать внимания на стук пальцев и бормотание, пока скребки проходили сквозь карантин, но сам почувствовал проснувшийся голод и жадно съел то, что изрыгнул примитивный камбуз в лаборатории. Глотал быстро, но все равно ощутил послевкусие спирулины.

В конце концов, Дэн сдался: сверху давило прозаичное безумие Мура, внизу навязчиво шебуршала Сенгупта. Он вылез из лаборатории и обогнул палатку Ракши, похожую на огромный стручок. Пилот запустила КонСенсус на голой переборке между двумя пожухшими полосами астродерна. Там в реальном времени вращалось анимированное изображение «Тернового венца», две конечности которого ампутировали у самого локтя. «Если будем продолжать с такой же скоростью, то, когда доберемся домой, от корабля останется три скафандра и баллон с кислородом», – подумал Брюкс.

Точка на карте – МУР Д. – парила на форпике в безопасном отдалении. Остальные датчики светились на переборке редкой мозаикой; Дэн не понимал, что они значат, но был уверен, что один или два показывали блокировку сигналов внутренней связи.

Сенгупта повернулась, как только услышала стук ботинок по палубе, выжидающе уставилась на лацкан Дэна.

– Джим, – сказал Брюкс.

– Ага.

– Ты сказала, он… изменился…

– Не надо верить мне на слово ты сам все видел он менялся с тех пор как мы покинули околоземную орбиту.

Брюкс покачал головой:

– Раньше он казался всего лишь… отрешенным. Погруженным в собственные мысли. Но не безумным.

Сенгупта пробежалась пальцами по стене. Списки файлов пролетели слишком быстро, Дэн ничего не успел разглядеть.

– Он посылал сигнал к Оорту ты знал? Мы еще с Земли не улетели как он уже нарушил закон который черт подери сам помогал ввести после Огнепада такое никому не сошло бы с рук кроме нашего парня великого Джима Мура и он… посылал сообщения…

– Куда?

– «Тезею».

– Разумеется. Он же контролировал миссию с Земли.

– И корабль отвечал.

– Ракши, и что такого?

– Корабль и сейчас с ним говорит, – ответила Сенгупта.

– Эмм… что? Сквозь все помехи?

– Мы почти выбрались из зоны солнечных помех. Но он собирал эти сигналы гораздо дольше на некоторых пометки семилетней давности и они изменились. Раньше шла только телеметрия понимаешь? Очень много голосовых отчетов но в основном информация записи сенсоров анализ последствий от аварий и около миллиона разных сценариев которые вампир Сарасти проигрывал когда они приближались к цели. Данные плотные шум по всему сигналу но там были излишние потоки поэтому необходимое можно вычленить надо только подобрать правильные фильтры. А потом «Тезей» замолк и какое-то время от него ничего не было слышно как вдруг…

Она замолчала.

– Что, Ракши? – тихо подсказал Брюкс.

Сенгупта вздохнула:

– Появился другой сигнал. Всенаправленная передача. Он шел на всю систему.

– Джим говорил, что «Тезей» замолк, – вспомнил Брюкс. – Они вошли, и контакт прекратился. Это все, что нам было известно.

– О ему было известно гораздо больше. Новый сигнал очень слабый и настолько искаженный что со всеми фильтрами и алгоритмами по корректировке шума его практически невозможно заметить. Я так думаю ты его даже не увидел бы если бы до того не знал что он там но наш полковник Карнаж он все знал. Вытащил его, а тот… тот…

Ее пальцы танцевали и дрожали в воздухе. Еле заметный порыв ветра пронесся по отсеку: стон далекого призрака.

– Это оно? – спросил Брюкс.

– Почти но если добавить парочку преобразований Фурье…

Раздался голос. Совершенно невыразительный. Без тембра, модуляций. Пыль, расстояние и глухой микроволновой гул Вселенной, грохочущий вдали, разъели в нем малейший намек на человечность. Остались только слова, не столько очищенные от помех, сколько воссозданные из них. Шепот в пустоте:

«Представь себе, что ты – Сири Китон. Ты приходишь в себя от мук воскрешенья… побивший все рекорды стосорокадневной задержки дыхания… чувствуешь, как загустевшая… кровь… проталкивается сквозь сморщившиеся от многомесячного простоя артерии. Тело надувается болезненными толчками, расширяются кровенос… плоть отделяется от плоти; ребра трещат… вычки разгибаясь на вдохе. Суставы от неподвижности закостенели. Ты – палочник, застывший… нетрупном окоченении. Крикнуть бы, но не хватает воздуха».

В отсеке наступила тишина.

– Это что за хрень была? – прошептал Дэн после долгой паузы.

– Без понятия, – Сенгупта барабанила пальцами по бедру. – Начало истории. Сигнал проходит урывками каждые несколько лет судя по временным отметкам. Мне кажется рассказ не закончен. Мне кажется он все еще… продолжается.

– Но что это?

– Да не знаю я, ясно? Оно говорит что его зовут Сири Китон. И под словами есть что-то еще но что я не знаю.

– Не может быть.

– Не важно что думаем мы с тобой но Мур считает что с ним говорит Сири Китон. И ты знаешь что он с этим разговаривает. Я по крайней мере думаю что разговаривает.

«Мой сын жив».

– Тогда ему еще долго ждать. Если сигнал действительно идет от самого Оорта, то прежде чем у Джима появится возможность ответить, пройдет еще год, – сказал Брюкс.

Сенгупта пожала плечами и уставилась в стену.

«Он возвращается домой».

* * *

Любая достаточно продвинутая технология неотличима от природы.

Отрицательный.

Отрицательный.

Отрицательный.

Порванные решетки, разбитые нанопровода, искореженные микродиоды. Изничтоженная смарткраска. Ничего больше.

Дэн часами проигрывал в голове наихудшие сценарии. Порция забралась на «Венец» и разрослась по всему форпику. Невидимая, она обволокла каждую переборку и поверхность, покрыла палатки и одежду экипажа; окутала каждую частичку еды, которую они брали в рот с момента стыковки. Порция стала для людей второй кожей и уже проникла в самого Брюкса: измеряла, анализировала, разъедала снаружи и изнутри. Она повсюду, и стала всем.

Чепуха какая-то…

Некортекс все прекрасно понимал, но ствол мозга похищал любую мысль и выворачивал ее в параноидальную сторону. Откуда бы Порция ни явилась, здесь ее построила система телематерии: лазеры втравливали пустой конденсат в мыслящую микропленку, а та планировала и строила схемы, распространялась по каждой поверхности, словно чума сознания. Но, отрезанная от создавшей ее машины, Порция расти не могла. К тому же «Венец» недолго висел рядом с «Икаром» – за такое время враг мог лишь прорвать фронт, но далеко вклиниться в ряды противника уже не успел бы.

Все образцы оказались чистыми.

Правда, это ничего не доказывало.

На «Икаре» Порция выскочила словно по щелчку, будто пасть капкана захлопнулась, но там у нее были бесконечные возможности для игры и восемь лет на обучение. Тут же хватило бы одного пассивного фильтра на солнечных батареях, притушенного на сотую долю процента. Одной закоротившей электрической линии, плюющейся искрами и разогревающей материал вокруг. Больше ничего не надо – только время и немного броуновской энергии для питания.

Что так беззаботно сказала Сенгупта перед атакой Порции? «Как-то здесь жарковато…»

«Она не может ускориться без запасов энергии, – размышлял Брюкс. – Возможно, перед ударом Порция оставляет заметный тепловой след…»

Сенгупта высунула голову сверху:

– Нашел что-нибудь?

Дэн покачал головой. Ракши спустилась на палубу:

– А вот я нашла. Выяснила как эта вампирская тварь превратила тебя в камень и уж лучше ты чем я или Мясник. Извини конечно но это легко могли быть и мы. Я думаю этот трюк она провернула со всеми.

– Какой трюк?

– Таракан ты когда-нибудь боялся?

«Постоянно».

– Ракши, мы все чуть не погибли…

– До того, – Сенгупта дернула головой туда-сюда. – Без всякой причины типа хотел идти в душ и вдруг перепугался.

У Брюкса заныло в желудке:

– Что ты нашла?

Она бросила запись с камеры на стену: глаз на форпике, смотрящий сверху на пустой коридор, ведущий к люку в Центральный узел. Сенгупта дала увеличение по косой на пятно, видневшееся на переборке рядом с запасным шлюзом. Кто-то нарисовал там нечто, похожее на глиф, путаницу многоцветных кривых и углов, которая могла бы сойти за кубистское изображение очень простой нейросхемы.

– Не помню, чтобы я видел эту штуку прежде, – пробормотал Брюкс.

– Ты ее видел просто не помнишь. Она длится буквально двести миллисекунд чистая удача что эта попалась на скриншоте. Ты ее видишь ничего не помнишь но она пугает тебя до усрачки.

– Сейчас она меня вообще не пугает.

– Это только один кадр таракан часть анимации но камеры так быстро не сканируют и сейчас они все исчезли. Мне ради этой пришлось просеять до черта материала.

Он уставился на изображение: небольшой узел из кривых и зазубренных линий и арабесок; абстрактное граффити длиной максимум с ладонь. Если смотреть краем глаза, казалось, что в нем есть какой-то смысл – буквы, готовые сложиться в слово, но стоило взглянуть на эту штуку прямо, и она рассыпалась, становилась полной бессмыслицей. Даже вырезанная из последовательности под неудобным углом, картинка была настолько странной, что от нее в голове все чесалось.

– Похоже на граффити… уличной банды, – тихо сказал Дэн. – И так по всему кораблю?

– Вампирша не только это сделала то как она двигалась помнишь я еще тебе говорила что мне не нравится как она двигается. Все эти щелчки тики – когда она напала на меня и тебя я видела как Валери что-то прошептала тебе на ухо. Что она сказала?

– Не знаю, – неожиданно понял Брюкс. – Не помню.

– Все ты помнишь. Как в тот раз на записи в Будапеште, она поменяла людям проводку вибрациями хотя всего лишь расставила пивные бокалы круто да? – Сенгупта три раза быстро и с силой постучала себе по виску. – И тут даже нет ничего радикального. В смысле любое слово звук даже пердеж слегка перепаивают тебе мозг в этом его суть мозг так функционирует. Человека программирует вообще все. И Валери сообразила как топать по полу чтобы ты еще и застыл по команде. И со мной такое могло легко произойти.

– Так оно с тобой и произошло, – заметил Брюкс. – Почему ты набросилась на нее, Ракши? Я же видел тебя в Узле: ты на нее кинулась, словно бешеная собака. Что на тебя нашло?

– Не знаю она вроде как издавала звуки которые меня реально раздражали и я ничего не смогла поделать.

– Мизофония, – Брюкс отрывисто и горько рассмеялся. – Валери наградила тебя мизофонией.

Картинки из института Саймона Фрейзера: привязанная к креслу Валери постукивает пальцами по подлокотнику…

«Она даже тогда это делала. Пока над ней ставили опыты, Валери перепрограммировала… своих мучителей».

Дэн не смог удержаться от смеха.

– Что? – забеспокоилась Сенгупта. – Да что?

– Ты знаешь, в чем заключается секрет хорошей памяти? – Он с трудом перестал смеяться. – Знаешь, что действительно перегружает гиппокамп и выжигает следы в мозгу глубже, чем что-либо, кроме прямой нейроиндукции?

– Таракан ты…

– Страх, – Брюкс покачал головой. – Все это время Валери изображала из себя монстра. Я-то думал, ей нравятся садистские игры, понимаешь? Что ее просто возбуждал наш ужас. Но настолько она себе… не потакала. Лишь увеличивала скорость передачи информации.

Сенгупта причмокнула и посмотрела на экран.

Дэн тихо хмыкнул:

– Даже на чердаке, когда Ли и я… мы и взглянуть наверх не смогли. Просто знали, что она там, но смотрели друг на друга, Ракши. Мы оба пришли в ужас от чего-то, находившегося слева, и все равно смотрели друг на друга… – «Ну, разумеется, а как иначе. Это очевидно. Почему я раньше не понял?». – А Валери, скорее всего, сидела в своем отсеке. Мы страдали от… височно-теменных галлюцинаций. Кошмаров. От всякой чуши, вроде чувствуемых призраков.

– Таракан вспоминает, – Сенгупта почти шептала. – Таракан начинает просыпаться…

– Она нас двигала, как шашки по доске, – Брюкс не знал, ужасаться ему или удивляться. – Все это время…

– На что еще она нас запрограммировала? Мы начнем видеть глюки или решим прогуляться голышом по корпусу корабля?

Брюкс взвесил такую возможность:

– Я так… не думаю. Если она всех нас хакнула одним и тем же способом, то нет. Какие-то базовые вещи – да. Страх. Похоть. Что-то универсальное. – Он мрачно усмехнулся при мысли о том, что у мужчин на «Венце» вдруг может начаться запрограммированная эрекция, а у Ракши неожиданно отвердеют соски. «Сейчас о таких вещах мне лучше вообще не думать». – Если хочешь взломать поведение существа более высокого порядка, то надо залезть в детские воспоминания, формирующие личность, в особые каналы памяти. А там слишком много индивидуальных различий для общего подхода.

Сенгупта щелкнула языком:

– Это сейчас старый таракан говорит а новый-то знает лучше. Кто знает что эта…

– Но хакнуть Двухпалатников она не могла, – тихо произнес он.

– Почему?

– Все эти трюки… влияют на стандартные контуры, а с теми, кто порезвился с мозговой проводкой, они никогда не сработают. Ей надо было убрать их с пути. – Тысячи кусочков неожиданно со щелчком встали на свое место. – Вот почему она атаковала монастырь, а не постучалась в парадную дверь с предложением: хотела, чтобы они сами вылезли, чтобы монахов заметили. Она знала, как отреагируют тараканы, знала, что они применят биологическое оружие, и в результате уберут рой с дороги, но всю миссию под откос пустить не сумеют. Твою мать, – Дэн с шумом втянул воздух при следующей мысли.

– Ты видишь проблему, – сказала Сенгупта.

«Я не вижу ничего, кроме проблем».

– Какую конкретно?

– Она вампир. Дочеловек и постчеловек – два в одном. Эти твари в голове решают недетерминированные полиномиальные задачи они бросаются нами как камнями в го. А Валери вдруг оказалась настолько тупой что не успела на корабль?

Брюкс покачал головой:

– Она сгорела. Я сам видел. Спроси Джима.

– Ты спрашивай, – она повернулась, оторвав взгляд от пола в тот самый момент, когда Дэн больше не мог видеть ее лица. – Иди. Он там наверху.

– Куда торопиться? – ответил Брюкс, помолчав. – Я увижу его,

когда он спуститься вниз.

* * *

На корме – привитый парасоль, сдерживающий Солнце: огромный черный щит, по краям мерцающий огненными вспышками. Впереди – звезды: по крайней мере, одна кишит жизнью и хаосом; до нее еще слишком далеко, невооруженным глазом не найти, она пока больше гипотеза, чем надежда, но близко, близко. Хоть что-то…

Посередине:

Металлический хребет, увитый паутиной лесов, бугорчатый из-за стальных опухолей. Оси, отсеки, прижженные обрубки несутся по небу в одну сторону; нагруженный цилиндр вертится в другую, уравновешивая векторы. Центроузел. Трюм: цилиндрический грот, примыкающий к щиту на корме, чье днище зияет в пространство рваными краями. Когда-то там было полно контейнеров, деталей и разумных раковых опухолей, а теперь он упакован тоннами урана, драгоценными микрограммами антиводорода и огромными торовидными сверхпроводниками – массивными, как здания.

И повсюду тени, паутины и паззлы от сотен тусклых ламп, украшающих вершины антенн, затворы панелей доступа или горящих, как фонари на крыльце, по краям полузабытых экстренных шлюзов. Сенгупта включила их все, вывернула на максимум, но они были маяками, а не прожекторами, и потому не освещали темноту, скорее, контрастно ее оттеняли.

Не важно. Дрону свет не нужен.

Сенгупта отказалась от обычных ремонтных ботов, которые пауками ползали по корпусу корабля, латая дыры, зондируя и исцеляя раны, оставленные микрометеоритами. «Слишком очевидно, – сказала она. – Слишком легко взломать». Вместо этого Ракши построила с нуля своего разведчика и дистанционно распечатала его на фабрикаторе, по-прежнему жужжавшем в переоборудованном трюме. Она разобрала одного обычного бота, вытащила из него лантан и туллий, а остальное выстроила из запасов материи – как Яхве, вдохнула жизнь в глину. Теперь ее творение старательно прокладывало себе путь между балок и труб, теней и тьмы, на которые наслаивались карты искусственного цвета на дюжине длин волн.

– Вот! – крикнула Сенгупта в четвертый раз за четыре часа, а потом: – Твою же мать.

Еще одна утечка газа. Брюкс уже не волновался по их поводу

– струек было слишком много, «Терновый венец» походил на решето. Как и большинство кораблей. К счастью, дыры в сетке оказались совсем маленькими: в обычной обстановке, без прямого попадания в корпус чего-нибудь крупнее чечевичного зернышка, понадобились бы годы, чтобы воздушное давление внутри значительно снизилось. За такое время экипаж умер бы от голода и радиации быстрее, чем от удушения.

– Вот же блин еще одна протечка клянусь… – тут голос Сенгупты затих и перезагрузился: – Секунду…

Для Брюкса картина была такой же, как и в прошлый раз: слабенький завиток желтого цвета на инфракрасном фоне – такое тепло пара миллионов молекул могла сохранить на секунду-две, вытекая из разогретого ядра в открытый космос.

– По мне, так очередная утечка. Даже меньше последней.

– Это да только посмотри где она.

Вдоль опор в форме летучей мыши, где из хребта торчал небольшой радиатор.

– И что?

– Там воздуха нет ни баллонов ни труб.

Длинная рука робота протянулась перед датчиком, словно лопасть скелетной мельницы в сиянии свечи. Потом показалась вторая.

Сенгупта играла сама с собой. Ее марионетка осторожно пробиралась по темной и запутанной топографии. Что-то притаилось впереди, его видимый силуэт тонул в черноте. Инфракрасный спектр не показывал ничего, кроме прозрачной микротуманности, рассеивающейся по корпусу.

«Тепловое излучение спрятать нельзя, – вспомнил Брюкс. – Нельзя, если ты – эндотерм».

– Но тут недостаточно активный тепловой след…

– Для таракана. Но вполне достаточный если можешь отключить себя на пару веков…

– Так проверь объект лидаром.

Сенгупта отрывисто дернула головой туда-сюда:

– Без шансов там нет ничего активного а вот запустить какую-нибудь ловушку мы можем легко.

«Это не она, – сказал себе Брюкс. – Я видел, как она сгорела…»

– Что насчет ночного видения? – поинтересовался он.

– Я уже его использую надо только подойти ближе.

– Но если там ловушка, настроенная на активные сенсоры…

– Сигнал опасного сближения я в курсе… – Сенгупта кивнула, постучала по воздуху, не сводя глаз с цели, – но такая система активная и я ее вовремя засеку. К тому же я хорошо прячусь.

Она не обманывала; перед глазами бота маячили, в основном, балки и обшивка, а не тени внутри теней. Приближаясь, Ракши старалась держаться ближе к корпусу. Какое-то время они не видели ничего, кроме маячившей впереди решетчатой возвышенности.

– Так сразу за углом это подойдет.

Дрон пустил водородные газы и вышел из затмения. По-прежнему ничего, лишь слабое размытое пятно желтого цвета в инфракрасном спектре.

Но вот в ночном видении открылась совсем другая картина: серебряное тело – ноги вытянуты, руки раскинуты, – прикрепленное к боку корабля. Усиленные фотоны позволяли разглядеть объект лишь урывками: гряды зеркальной ткани, мерцающие в тысячелетнем звездном свете; складки, сглатывавшие любой намек на массу и структуру. Скафандр напоминал лоскутное одеяло из ярких полос и темных провалов, скорлупу потрепанной мумии, у которой оторвало половину бинтов, а под ними оказалась пустота. Правое плечо сияло пусть бледным, но вполне ясным светом: герб с двумя буквами «э» хвастался непревзойденным качеством компании «Экстрим Энвайронментс» по производству защитного оборудования; а на бирке, программируемой для легкой идентификации пользователей, светилось имя.

ЛАТТЕРОДТ.

«Не может быть, – подумал Брюкс. – Я же видел ее, и она была мертва: лицевой щиток разбит на куски. Ее не оглушило. Она не очнулась и не полетела к шлюзу, в панике не заметив, что кто-то одел на нее чужой скафандр. Это не Лианна билась о переборку шлюза. Это Валери сгорела прямо на моих глазах. Мы не забыли на „Икаре“ живых.

Мы этого не сделали».

Сенгупта издавала панические звуки – что-то среднее между хохотом и истерикой:

– Я же говорила тебе говорила говорила.

– Очень неглупо. Она знает, что делает.

«Все это время Валери лежала там, – думал Брюкс. – Пряталась. Я бы никогда ее не нашел. И даже искать не стал бы.

Может, Порция тоже прячется, и я просто недостаточно хорошо искал».

– Надо рассказать Джиму, – сказал он.

* * *

– Вы только посмотрите на это, – заметил Мур.

Скафандр Лианны мерцал на куполе: это был снимок, сделанный до того, как Сенгупта отозвала дрона, боясь спровоцировать тревогу. Хотя живая трансляция вряд ли порадовала бы большей динамикой.

– Это же Валери чертова Валери…

– По-видимому.

«Не может такого быть», – в тысячный раз подумал Брюкс, но голос в голове с каждым разом слабел и сейчас едва шептал.

– Я же говорила мы не можем верить…

– Кажется, пока она безобидна, – заметил полковник.

– Безобидна да ты совсем из ума выжил не помнишь чего она…

Мур оборвал Ракши:

– С активным метаболизмом в этом скафандре до Земли не дотянуть, аварийного оборудования я тоже не вижу. Значит, она будет лежать в состоянии умертвия до самого дома. Скорее всего, план такой: она оживет и запрыгнет на корабль, когда мы пристыкуемся на околоземной орбите. Если Валери проснется раньше, то ничего не добьется; максимум расходует лишний кислород.

– Прекрасно тогда мы сейчас оснастим бот зубами и соскребем ее с корпуса как нарост пока у нас есть такой шанс.

– Всенепременно. А ты уверена, что она не поставила защиту на такой случай? Возможно, там где-то есть нанограмм антиматерии, и стоит нам потревожить Валери, мы получим огромную дыру в корпусе. Ты же сама понимаешь, насколько она умна, судя по тому, как быстро отозвала дрона.

Ракши задумалась.

– И что нам делать?

– Она ждет стыковки. Значит, мы не будем стыковаться, – Мур пожал плечами. – Спрыгнем с корабля, а «Венец» сгорит при входе в атмосферу.

– И что потом поймаем спутник связи и на попуточке домой? Если я должна была загрузить на «Венец» шаттл мне об этом забыли сказать на старте.

– Будем решать проблемы по мере их поступления. Пока исследуй корпус дальше – на случай, если она еще что-нибудь оставила. А теперь прошу извинить, – Мур повернулся вокруг своей оси и оттолкнулся от палубы, – у меня много работы.

Полковник исчез на чердаке. Брюкс и Сенгупта уставились в зеркальный шар. Похороненная в тенях обшивки, Валери лежала в украденном скафандре, спокойная, как смерть.

– И чего она хочет? – поинтересовался Брюкс.

– Думаю того же чего они все. Прикоснуться к Лику Бога.

«Общий враг», – вспомнил Дэн.

– Концепция «враг моего врага – мой друг» вылетела в трубу, когда Валери убила Двухпалатников. Что бы там ни было, ей явно понадобился единоличный доступ.

– У нее планы на Господа о да у каждого на него планы. К сожалению у Бога тоже есть планы, причем на всех.

«Может, Валери не устраивала перспектива лишь коснуться Лика Господня? Может, она хотела привезти его домой, как домашнего зверька? Может, пока мы тут в панике носились и искали Порцию, та спокойно лежала на обшивке, задраенная в мешке с трупом?

Еще одна причина сжечь этот проклятый корабль. Будто она была так уж сильно нужна».

– В общем, чего бы она там не замышляла, – сказал Брюкс, – теперь все ее планы пошли прахом.

– Ты действительно так думаешь?

– Джим…

– О да Джим это аргумент. Разве вампиры могут предугадать планы тараканов да? Тогда как она в принципе вылезла? Почему до сих пор не сидит и не решает задачки в университете?

Каждого вампира, выкопанного на свалке, тщательно изолировали от себе подобных. Малейший аспект их среды обитания строго контролировался, они находились под постоянным наблюдением. Окруженные крестами и прямыми углами, упыри зависели от лекарств в точно вымеренной дозировке, которые не давали им забиться в судорогах при виде оконной рамы. Создания, при всей своей ужасающей силе и интеллекте не способные даже глаза открыть на улице, не рухнув замертво.

И Валери, которая беспечно вышла из клетки однажды ночью, до колик перепугала добычу в местном баре, а потом спокойно вернулась с одной-единственной целью: показать, что она это может.

– Я не знаю, – признался Брюкс.

– А я знаю, – Ракши отрывисто кивнула головой. – Там была не только она а еще три вампира и они работали вместе.

Дэн покачал головой:

– Они не могли встретиться. Двух вампиров в одном крыле здания не держат в одно и то же время, не говоря уж о комнате. А если бы встретились, то, скорее, вырвали бы друг другу глотки, а не стали расписывать план побега.

– Они прекрасно расписали план побега поодиночке.

Брюкс почувствовал, как возражение готово сорваться с

языка, но тут до него дошло:

– Вот же суки!

– Именно.

– Ты хочешь сказать, они знали, что собирались делать другие? Они просто…

– «Усиленное дыхание небольшой рыжеволосой жертвы говорит о встрече с представителем моего вида две сотни вдохов назад, – нараспев произнесла Сенгупта. – Коридоры с юго-востока людные, поэтому их исключим; представитель моего вида на протяжении двадцати метров двигался по северному туннелю не более ста двадцати пяти вдохов назад». Как-то так.

Каждый вампир подмечал незначительные особенности человеческого поведения и малейшие архитектурные детали помещений, пока хозяева гоняли его из лаборатории в камеру, а оттуда – в конференц-зал. Каждый мог вычислить присутствие и расположение своих сородичей и без всяких предварительных договоренностей получить оптимальные характеристики для восстания. Количество индивидуумов, участвующих в побеге, – X, количество локаций – Y, продолжительность необходимых действий – Z. Вампиры работали согласованно, так как прекрасно знали, что напарники, которых они никогда не видели, будут придерживаться такого же сценария.

– Как ты узнала? – прошептал он.

– Это единственный способ я вертела все так и эдак но это единственная работающая модель. Вы тараканы не имели ни малейшего шанса.

«Боже», – подумал Брюкс.

– Неплохой взлом согласись? – Страх и восхищение слились в ее голосе. – Только представь что эти ушлепки смогут сделать если окажутся в одной комнате!

Он покачал головой, изумленный, пытаясь осознать услышанное:

– Вот поэтому мы сделали так, чтобы у них не было такой возможности.

– Сделали? А я думала территориальность у них в генах.

– Ни одно животное в принципе не может быть настолько территориальным. Кто-то усилил их рефлексы, чтобы эти твари не объединились против нас, – Брюкс пожал плечами. – Безусловная реакция, вроде «крестового глюка», только созданная намеренно.

– Откуда ты это знаешь я нигде не видела ничего подобного.

– Как ты сама сказала, Ракши, это единственная подходящая модель. Как, по-твоему, вампиры могли расплодиться, если при встрече могли только кишки друг другу выпустить? Можно

сказать, искусственный сбой под названием «разделяй и властвуй». – Он горько улыбнулся. – О, да, мы были хороши.

– Они лучше. Слушай мне плевать насколько беззащитна по мнению Мясника эта штука но я с нее глаз не спущу. И поставлю файерволл в каждое приложение на борту каждую подпрограмму которую найду пока не проверю все на логические бомбы.

«Недурной план на выходные». Вслух Дэн спросил:

– Еще что-нибудь?

– Не знаю я работаю над этим но как я могу быть уверена что она уже не предусмотрела все о чем я только буду думать? Можно делать все что угодно и все равно остается шанс что мы сыграем ей на руку.

– Ну, для начала, – предложил Брюкс, – почему бы не заварить воздушные шлюзы? Металл хакнуть нельзя.

Сенгупта отвела взгляд с горизонта и повернула голову. На секунду Брюксу показалось, что сейчас она посмотрит прямо на него.

– А когда доберемся до места, то прорежем дыру, – продолжил он. – Или взорвем. Я полагаю, «Венец» мы не на прокат брали. И даже если брали, залог нам уже не поможет.

Сказал и стал по привычке ждать уничижительных подколок.

– А это шикарная идея, – наконец ответила Сенгупта. – Грубая сила мышление исходников я должна была сама об этом подумать. На хрен протоколы безопасности. Я заварю трюм и оси ты форпик.

* * *

Заварить сам стыковочный узел было невозможно: люк не реагировал на внешние воздействия, а его рефлексы больше походили на реакцию живых систем. Плотно сжавшись, он мог выдержать жар от лазерного луча в упор и все равно расшириться по команде, как зрачок, привыкающий к темноте. Брюксу пришлось повозиться с панелями переборок на форпике, он выдирал их из рам и приваривал к внутренней стене шлюза.

Рядом появился Мур и, не сказав ни слова, начал помогать.

– Спасибо, – буркнул Брюкс.

Джим кивнул:

– Хорошая идея. Хотя на фабе можно было сделать заслонки получше…

– Мы стараемся обойтись без технологий. На случай, если Валери хакнула фабрикаторы.

– А, – полковник кивнул. – Идея Ракши, полагаю.

– Угу.

Мур держал панель, пока Брюкс устанавливал фокус.

– У нее серьезные проблемы с доверием. Я ей совсем не нравлюсь.

– Трудно ее в этом винить – принимая во внимание то, как вы ею… манипулировали. – Брюкс выстроил все по струнке и включил луч. Металл вспыхнул с электрическим треском, словно маленькое солнце; линзовое поле приглушило опаляющий свет до пламени свечи. Резкий аромат металлических испарений ударил Брюксу в нос.

– Я думаю, она об этом не знает, – беззлобно сказал Мур. – В любом случае, это был не я.

– Значит, кто-то вроде тебя.

Прицел. Выстрел. Треск.

– Не обязательно.

Брюкс поднял глаза от горелки. Джим невозмутимо взглянул на него в ответ.

– Джим, ты же сам рассказал мне, как все работает. «Их сгоняют в стадо. Ставят на службу целям, которые они никогда не поддержали бы, когда бы знали, в чем дело», – помнишь? Ведь кто-то придумал эту схему.

– Может быть. А, может, и нет, – полковник пристально смотрел в какую-то точку за левым плечом Брюкса.

«Ты же сейчас не здесь. Твой разум наполовину где-то там, разговаривает с призраками…»

– Существует целая сеть, – сказал Мур. – Перпендикулярная всем облакам и взаимодействующая с ними, не знаю… как темная материя взаимодействует с барионной. Слабые эффекты, едва различимые. Ее трудно отследить, но она вездесуща. Идеально приспособлена для корректировок, с помощью которых мы «собираем войска», так у нас любят говорить. И знаешь, что самое примечательное, Дэниэл?

– Скажи.

– Насколько нам известно, эту штуку никто не строил. Мы ее просто открыли и использовали для своих целей. Теоретики говорят, это независимое свойство объединившихся социальных систем. Вроде супраразумных сетей твоей жены.

– Ну, да, – ответил Брюкс, помолчав.

– Ты, похоже, мне не веришь.

Дэн покачал головой:

– Скрытый супернет с тонкими настройками для манипуляций пешками, а также со специальным набором возможностей, заточенных под военное применение. И ты мне хочешь сказать, что он просто так взял и появился?

Мур слабо улыбнулся:

– Разумеется. Ни одна сложная, тонко отстроенная система не могла просто эволюционировать. Ее кто-то должен был создать.

«Черт».

– Признаюсь, я знаком с этим доводом, – сказал Мур. – Но никогда не думал, что услышу его от биолога.

Даже наполовину отсутствуя, полковник спуску не давал.

* * *

Инструмент был создан еще до того, как понадобился своему хозяину.

Альфред Рассел Уоллес

Он проснулся от звука прерывистого дыхания. По ткани палатки двигалась тень.

– Ракши?

Полог разделился прямо посредине. Она заползла внутрь, как безутешный ребенок, возвращающийся в утробу. Даже здесь, щекой к щеке, она не стала смотреть ему в лицо; выгнулась, легла спиной к Дэну, свернулась калачиком и сжала кулаки.

– Э… – начал Брюкс.

– Я говорила он мне не нравится и теперь глянь, – тихо сказала Сенгупта. – Мы не можем верить ему таракан он-то мне никогда не нравился но ты ему доверял ты по крайней мере понимал на каких основаниях он действовал. А теперь… он будто постоянно отсутствует. Я не знаю что он теперь.

– Он потерял сына. И винит себя. Люди справляются с таким по-разному.

– Не в этом дело он потерял своего парня много лет назад.

– Но потом вернул. Пусть лишь на мгновение. Ты представляешь, каково это… справиться с потерей того, кого любишь, а потом выяснить, что он не умер, хоть и далеко, но говорит. Неважно, с тобой или нет, главное, это он. У тебя появляется что-то новое, ты не просто проигрываешь симуляцию, не барахтаешься в одном и том же видео снова и снова. Она жива, она действительно там, и…

Он осекся и подумал, заметила ли Ракши.

«Я мог ее вернуть, – сказал Дэн про себя. – Хоть не во плоти и не в реальном мире, но, по крайней мере, в реальном времени. Это всяко лучше загробного монолога, за который цепляется Джим. И всего-то надо было постучаться в дверь Небес…»

Чего, разумеется, он поклялся никогда не делать.

– Он говорит Сири жив, – прошептала Сенгупта. – Говорит он возвращается домой.

– Может, и так. Тот отрывок из передачи, почти в начале, помнишь? Про гроб.

Она пробежала пальцами по внутренней поверхности палатки. Там тут же появились слова: *«Точка зрения определяет восприятие. Особенно отчетливо я это понимаю теперь – слепой, лежа в гробу, пролетая сквозь рубежи Солнечной системы».*

Брюкс кивнул:

– Да, оно самое. Если верить сообщению, Сири уже не на «Тезее».

– В челноке. Шаттле.

– Похоже, он пролетел границу системы. Ему понадобится вечность, чтобы добраться до Земли, но на борту спаскапсулы должна быть гибернационная камера. – Он положил руку Сенгупте на плечо. – Может, Джим прав, и его сын действительно возвращается домой.

Дэн лежал, вдыхая запах масла, плесени, пластика и пота, и наблюдал за тем, как его дыхание ворошит волосы на голове Сенгупты.

– Что-то возвращается, – сказала она, наконец. – Может и не Сири.

– С чего ты взяла?

– Оно говорит как-то неправильно в речевых паттернах какие-то тики оно постоянно повторяет «представь себе, что ты то» «представь себе, что ты это» и иногда речь настолько рекурсивная что кажется оно пытается запустить какую-то модель…

«Представь себе, что ты – Сири Китон», – вспомнил Брюкс. И из более позднего отрывка: «Представь себе, что ты – машина».

– Это же литературная искусственность. Он пытается быть поэтичным. Вроде как хочет поместить себя в голову персонажа, что-то в таком духе.

– Тогда зачем залезать в свою собственную голову зачем представлять каково это быть собой? – Она покачала головой, резкая, отрывистая конвульсия отрицания. – Сплайн-функции фильтры и алгоритмы шумокоррекции очень много отнимают. Без них слов не вычленить но чтобы услышать голос приходится их убирать. Поэтому я вроде как сделала ретроспективный анализ искала отрывок с реальным голосом и не знаю может я чересчур ослабила сигнал там было до хрена шума но я все-таки нашла один крохотный отрезок на сорок седьмой минуте. Слов там не разобрать но вроде можно различить голос и я не уверена тут ни в чем нельзя быть уверенным но у него большая проблема с

обертонами.

– В каком смысле?

– Сири Китон мужчина а мне кажется на этой записи говорит не мужчина.

– Женщина, что ли?

– Может и женщина. Это если нам повезет.

– Ракши, ты о чем вообще? Ты имеешь в виду, что на записи может быть не человек?

– Я не знаю но я просто чувствую насколько этот голос неправильный. Что если все эти повторения… не литературная искусственность а своего рода симуляция? Что если там какое-то существо действительно пытается представить себя Сири Китоном?

– Голос Бога, – пробормотал Брюкс.

– Я не знаю я реально ничего не знаю. Но оно запустило крючки в профессионального убийцу с зомби-выключателем в башке. И я не знаю почему но когда вижу взлом узнаю его сразу.

– А откуда у этого существа столько информации? Откуда ему вообще известно о Муре?

– Оно наверное знало Сири а Сири знал полковника. Может этого достаточно.

– Я тоже ничего не понимаю, – признался Брюкс через секунду. – Взломать человеческий разум с шестимесячным временным лагом – это, конечно…

– Хватит меня касаться.

– Что?

Она сбросила его ладонь со своего плеча:

– Я знаю вы старички любите лапать мясной секс любите и все такое но остальным вроде меня не нужны люди чтобы расслабиться. Так что если не возражаешь я тут останусь но это ничего не значит ладно?

– Эээ, но это моя…

– Что? – спросила Ракши, по-прежнему глядя в другую сторону.

– Ничего, – он отодвинулся и прижался спиной к стене палатки. Так между ним и Сенгуптой оставалось сантиметров тридцать. Можно было даже вздремнуть, если никто не начнет ворочаться во сне.

Правда, усталости Дэн не чувствовал.

Сенгупта тоже не спала. Она царапала командную стену палатки, и та освещалась крохотными световыми шоу. Всплывал небольшой аниматик «Венца», отцентрованный по форпику, где МУР Д. то ли цеплялся за призрака, то ли марионеткой танцевал на нитях инопланетного разума; открывался вид на

металлический ландшафт, где дрон искал сюрпризы, возможно, оставленные вампиршей; еле заметно мерцало смазанное пятно инфракрасного цвета там, где спящий монстр прятался в тенях.

Брюкс подумал, что такого понятия, как безопасное место, никогда не существовало. Человек мог легко найти иллюзию покоя в цифрах. Компания друга, тепло домашнего питомца ничем друг от друга не отличались; это всего лишь ствол мозга вспоминал уют от тепла чужого тела, что когда-то лежало рядом и прижималось, обороняясь против страхов в ночной тьме.

Сенгупта слегка повернула голову: скула, кончик носа в тусклой мгле.

– Таракан?

– Я очень хочу, чтобы ты перестала меня так называть.

– Раньше ты говорил о том как теряют людей. Ты говорил что разные люди с этим справляются по-разному да?

– Говорил.

– А ты как справляешься?

– Я… – он не знал, как ответить. – Может, человек, которого ты потерял, когда-нибудь вернется. Может, однажды кто-то другой займет его место.

Сенгупта тихо хмыкнула, и в этом звуке слышалось эхо старых насмешек:

– То есть ты просто сидишь и ждешь?

– Нет, я… продолжаю жить. Что-то делаю. – Брюкс покачал головой; почувствовал, как подступает раздражение. – А ты, наверное, на скорую руку слепила бы себе кастомизированного друга прямо в КонСенсусе…

– Закрой свой рот и не говори что мне делать.

Дэн прикусил губу:

– Прости.

«Старый дурак. Ведь знаешь, куда лезть не надо, и все равно лезешь».

Полковник Мясник постепенно сходил с ума, Валери, выжидая, по-прежнему вела какие-то смертельные игры, по эфиру странствовали призраки, а судьба была готова ударить в любой момент, но Ракши больше за Дэном не охотилась. Хоть одна радость. Он немного покрутил в голове эту мысль и даже удивился тому, насколько высоко забралась Сенгупта в его личной иерархии страхов. В конце концов, она была лишь человеком. Безоружной плотью и кровью. Не доисторическим кошмаром, не инопланетным оборотнем, не богом и не дьяволом. Просто девчонкой – даже другом, насколько она вообще могла мыслить в таких терминах. Невинным человеком, ничего не знавшем о его секрете. Кто такая Ракши Сенгупта по сравнению с

чудовищами, раковыми опухолями и целым миром, застывшим на краю? Разве заметна ее злоба на фоне ужасов, окружавших Брюкса со всех сторон?

Риторические вопросы, конечно. Вселенная полна кошмаров.

Просто Ракши он сотворил сам.

* * *

Меж тем из Дэна охотник вышел плохой.

Порция, разумеется, была не настолько заметной мишенью, как он сам. Брюкс не мог существовать за счет термальной энергии атомов в переборке, вибрирующих при комнатной температуре; не мог распластаться, как бумага и обернуться вокруг водопроводной трубы, замаскировав самый жалкий тепловой след. Брюкс думал про альбедо и спектрограммы, задался вопросом, не сможет ли зонд, построенный на очень коротких волнах, уловить дифракционные решетки, с помощью которых Порция разговаривала, – возможно, она использовала их и для камуфляжа, – даже собрал импровизированные детекторы, но те ничего не показали. Это, правда, ни черта не значило. Возможно, Порция пряталась в бесконечном фрактальном лабиринте «Венца» из дыр и закутков, слишком маленьких для ботов и людей.

Дэн почти не сомневался, что если плесень решит атаковать, то обязательно чем-нибудь себя выдаст: тепловой сигнатурой, служившей аналогом мускулов, накапливающих заряд; перераспределением массы, достаточной для конструирования придатка по заданному набору координат. А вот функционировать она могла и в постбиологическом исходном состоянии: грубая масса реального субстрата передавала еле уловимую энергию в сверхпроводниковый интеллект мимикрирующего вещества. Если вычисления Двухпалатников были верны, в таком режиме она могла думать, планировать и прятаться вечно.

Чем меньше Дэн находил, тем сильнее боялся. Что-то совсем рядом наблюдало за ним, он нутром чуял чужой взгляд.

– Корабль слишком шумный, – признался Брюкс Сенгупте. – Термически, аллометрически. Порция может быть где угодно, повсюду. Как нам узнать наверняка?

– Не может.

– Почему ты так уверена? Это же ты предупредила меня тогда…

– Я думала что она пролезла на корабль это да. Но повсюду

плесень проникнуть не могла все не покрыла. Нас она не поглотила.

– Откуда ты знаешь?

– Порция хотела чтобы мы остались на «Икаре». Она не стала бы нас останавливать если бы уже забралась внутрь. Значит она не может быть повсюду.

Брюкс задумался:

– Она все равно может быть, где угодно.

– Ага. Но всех ей не захватить. Тут в любом случае лишь ее малая часть. Потерянная и одинокая.

В ее голосе послышалось что-то, похожее на сочувствие.

– А почему нет-то? – спросила она, хотя Дэн ничего не говорил. – Мы-то знаем каково это.

* * *

Он пролетел по центру хребта, проложил курс по огромной вращающейся чаше южного полушария, вверх, сквозь кроличью нору по правому борту с зеркальным шаром, мерцающим слева: Дэниэл Брюкс, непревзойденный паразит, наконец-то чувствовавший себя в невесомых кишках «Тернового венца» как дома.

– Я трижды проверил цифры, и не думаю, что Порция…

Он замер. Его собственное лицо смотрело сверху, занимая половину небосвода.

«Твою мать».

Сенгупта парила где-то сбоку мутным пятном из движения и цвета, которое Брюкс, скорее, чувствовал, чем видел. Надо было лишь повернуть голову…

«Она знает, знает, знает…»

– Я нашла этого урода, – сказала Ракши. В ее голосе слышались триумф и кровожадное обещание расплаты. Дэн не отваживался смотреть ей в лицо. Просто уставился на обвиняющий портрет над головой, на всю свою личную и профессиональную жизнь, скользившую по небосводу, огромную, как целый зодиак: стенограммы, публикации, домашние адреса, взошедшая на Небеса Рона и, господи боже, даже абонемент в бассейн с третьего класса.

– Это он. Этот ублюдок убил мою… убил семь тысяч четыреста восемьдесят два человека. Дэниэл. Брюкс.

В каком-то жутком ошеломлении он вдруг понял, что она сейчас говорит не как Ракши Сенгупта, а как кто-то другой. Совсем другой.

– Я сказала что найду его. И нашла. Он. Здесь.

«Она говорит, словно Шива Разрушитель».

Брюкс парил в воздухе, будто отъявленный уголовник, ожидая последнего удара.

– И теперь когда я знаю кто он, – продолжила Шива, – я переживу эту тварь на корпусе и тварь поселившуюся в башке полковника. Я доберусь до Земли и там выслежу эту мразь и заставлю его пожалеть что он появился на свет.

«Минуту…»

Дэн с трудом прогнал охвативший его паралич. Повернул голову. Пилот, друг, немезида предстала перед глазами ясно и четко. По ее лицу, поднятому к небесам, ползли сверкающие отражения его собственного проклятия.

Ракши удостоила Дэна мимолетным взглядом; сейчас ее улыбка могла составить конкуренцию оскалу Валери.

– Не хочешь со мной поучаствовать?

«Она что, играет? Это уже совсем…»

– Э, Ракши… – Он закашлялся и прочистил горло, в котором мгновенно стало суше, чем в Прайнвилле. Попытался снова. – Я не знаю…

Она оборвала его, подняв руку:

– Понимаю понимаю. Приоритеты. Цыплят по осени считают и все такое. У нас есть дела поважнее. Но у меня парочку друзей пристрелили штурмовики только за то что они взломали дневник сенатора а у этой сволочи за душой четырехзначное число трупов и те же самые штурмовики его защищают понимаешь о чем я? Так что да вампиры инопланетная плесень вся планета трещит по швам и с этим я ничего не могу поделать. – Уставившись в пол, она ткнула пальцем в небо. – А вот с этим могу.

«Ты не знаешь, кто я. Я стою прямо перед тобой, ты профильтровала всю мою жизнь, но не можешь сложить два и два. Как? Ну, как?»

– Надо внести хоть какое-то равновесие в социальное уравнение.

«Может, все дело в зрительном контакте, – на грани истерики Брюкс чуть не захихикал. – Может, она ни разу не посмотрела на меня в реальности…»

– Нигде вообще нигде нет социальной справедливости если только сам не возьмешь все в свои руки.

«Ничего себе, – Брюкс даже сумел удивиться. – Джим и его перпендикулярные сети. Они тебя раскусили.

Почему ты не можешь раскусить меня?»

* * *

– Что они с ней сделали? Почему она меня не узнает?

– Сделали..? – Мур покачал головой, даже улыбнулся криво. Правда, глаза остались такими же равнодушными. – Они ничего не делали, сынок. Никто ничего не делает, мы об этом уже…

Свет в форпике всегда был приглушен, так Мур лучше видел картинки в своей голове. Он походил на еле заметную получеловеческую форму, прятавшуюся в полутьме: одна рука рисовала круги в воздухе, другие конечности обвили стропила. Словно «Венец» встраивал его в собственный скелет, и полковник превратился в дегенеративного паразитического удильщика, сливающегося в брачных судорогах со своей чудовищной самкой. Вокруг Джима саваном висел запах застарелого пота и феромонов.

– Она узнала о Бриджпорте, – прошипел Брюкс. – Узнала про меня, всю мою жизнь вывесила на экране, но только меня самого не признала.

– А, это, – сказал Мур и замолчал.

– Тут обыкновенной корректировкой ради сохранения государственных тайн не обошлось. Что они сделали? Что ты сделал?

Старик нахмурился: кажется, он забыл, о чем шла речь секунду назад:

– Я… ничего не делал. В первый раз об этом слышу. Наверное, у нее стоит фильтр.

– Фильтр?

– Когнитивный фильтр, – полковник кивнул, нетронутая долговременная память загрузилась поверх испорченных эпизодических воспоминаний. – Он выборочно вмешивается в механизм распознавания лиц, который находится в веретенообразной извилине. Сенгупта прекрасно видит тебя во плоти, но не может распознать в определенных… контекстах. У нее автоматически запускается агнозия. Даже звук твоего имени, скорее всего, в мозгу Ракши как-то искажается.

– Я знаю, что такое когнитивный фильтр. Я просто хочу понять, зачем кому-то понадобились такие крайние меры. Никто не знал заранее, что я попаду на этот проклятый корабль. Я просто поехал в отпуск, решил провести исследование, а тут кучка психов решила вышибить друг другу мозги в пустыне. Правильно? Я же совершенно случайно оказался в неправильном месте в неправильное время.

– А я все думал, когда ты догадаешься, – равнодушно обронил Мур. – Наверное, кто-то усилил твой когнитал.

Брюкс ударил его по лицу.

Точнее, попытался. Почему-то рука пошла в сторону, Мур

оказался чуть левее того места, где стоял, и его кулак стальным поршнем вонзился в грудь Дэна. Брюкс улетел назад: что-то со слишком большим количеством углов и очень тонкой амортизирующей подкладкой вонзилось ему в затылок. Он согнулся, задыхаясь; перед глазами роились черные точки.

– Безоружный биолог без боевого опыта атакует профессионального солдата с тридцатилетней выслугой и двойным количеством митохондрий, – заметил Джим, пока Брюкс пытался вдохнуть. – Не самая блестящая идея.

Дэн бросил взгляд через отсек, по-прежнему держась за грудь. Мур посмотрел на него в ответ, он казался чуть более сосредоточенным, чем прежде.

– Как долго, Джим? Они подкинули подсознательную подсказку мне в почту, чтобы я выбрал Прайнвилль? Это они заставили меня испортить симуляции, из-за них я убил кучу народа, чтобы появился повод спрятаться от всех в пустыне? Зачем я им вообще понадобился, и по какой причине уйма сверхразумных раковых опухолей решила взять таракана в свою секретную миссию?

– Ты жив, – заметил Мур. – А они – нет.

– Этого недостаточно.

– Тогда мы живы. Чем ближе ты к исходнику, тем выше твой шанс уцелеть в этой миссии.

– Лианне об этом расскажи.

– Она бы все поняла сразу. Я уже говорил тебе, Дэниэл: таракан – это не оскорбление. Тараканы остаются в живых после взрыва ядерной бомбы; мы – существа с ободранной операционкой, мы настолько просты, что работаем в любых условиях. Мы как «Калашниковы» думающего мяса.

– А может, Двухпалатники тут ни при чем, – сказал Брюкс. – Может, мной вы решили расплатиться с Сенгуптой. Вы же так действуете, да? Торгуете идеологией, пользуетесь страстью. Ракши выполнит работу, вы снимите с нее шоры и отпустите, пусть вершит свою месть.

– Это не так, – тихо ответил Мур.

– Откуда ты знаешь? Может, ты просто не в курсе, и твои перпендикулярные сети управляют тобой, как ты управляешь Сенгуптой. Думаешь, все на свете – куклы, кроме полковника Джима Мура?

– Ты действительно считаешь, что такой сценарий вероятен?

– Сценарий? Да я даже цели не знаю! Плевать, кто дергает за ниточки, я хочу понять, чего мы в принципе добились, кроме того, что чуть не погибли в ста пятидесяти миллионах километров от дома?

Мур пожал плечами:

– Бог знает.

– Очень умно.

– Чего ты хочешь от меня, Дэниэл? Я понимаю не больше тебя, какие бы макиавелливские мотивы ты мне не приписывал. Двухпалатники видели Бога везде, начиная от сверхскопления Девы и заканчивая смывом в туалете. Кто знает, зачем мы им понадобились на корабле? А что касается фильтра Ракши… Откуда ты знаешь, что его поставили не твои люди?

– Какие еще мои люди?

– Пиарщики. Люди с факультета. Те, кого академические институты держат, чтобы другие не лезли в ваше грязное белье. После Бриджпорта они немало убрали под ковер. Откуда ты знаешь, что коррекция Ракши не была еще одной страховкой? Упреждающей мерой, так сказать?

– Я… – Об этом он не подумал. Такая мысль даже не пришла ему в голову.

– И все равно такой вариант не объясняет, почему мы оба оказались в одной экспедиции.

– Почему, – полковник тихо фыркнул. – Нам везет, когда мы знаем, что сделали. Если же ответ на «почему» оказывается настолько простым, что мы способны его понять, значит, он, скорее всего, неверен.

– Типа недостаточно объема памяти, – с горечью произнес Брюкс.

Мур склонил набок голову.

– Значит, на все Божья воля. Куча имплантатов и технологий, четыреста лет так называемого просвещения, и ты все равно говоришь о Божьей воле, – сказал Дэн.

– Насколько мы знаем, твое присутствие в экспедиции – последнее, чего хочет Бог. Наверное, в этом весь смысл.

Голос Сенгупты в голове: «Может, преклониться. А может, дезинфицировать».

Лениво, почти равнодушно Джим выпутался из стропил и стал по-паучьи двигаться вдоль форпика. Даже в искусственных сумерках Брюкс видел, как он меняется: как постепенно смотрит все дальше – сначала Дэну в глаза, потом сквозь него, переборку, корпус, мимо планет, эклиптики, карликов, комет и транснептуновых тел, до невидимого черного гиганта, таящегося среди звезд.

«Он снова ушел», – подумал Брюкс, но оказался не совсем прав: Мур неожиданно перестал смотреть вдаль, взял его за руку и указал на родинку, которую Дэн раньше не замечал.

– Еще одна опухоль, – сказал Брюкс, и Мур отстраненно

кивнул:

– Только плохая.

* * *

Солнце уменьшилось, и они сбросили парасоль. Впереди, буквально в паре градусов по правому борту, выросла Земля – из бесконечно малой точки превратилась в серый кружок, и с каждым условным корабельным днем постепенно, не торопясь приближалась к направлению прямо по курсу. Солнечный ветер уже не ревел на каждой частоте; он плевался, шипел и уступал место другим голосам, бесконечно слабым, но более милым человеческому уху. Джим Мур продолжал питаться архивами, в которых таился его сын; Сенгупта выжимала сигнал из шума и настаивала, что там есть какие-то другие паттерны, но расшифровать их не могла.

У призрака, звавшего себя Сири Китоном, в эфире появилась компания. На вкус Брюкса, чересчур большая и шумная.

Мир, из которого улетел «Венец», хранил молчание, его запугали до немоты воспоминания о стройных рядах призраков, горящих в небе. Но теперь голоса вернулись: пулеметные очереди щелчков от зашифрованных данных; зернистые подобия лиц и пейзажей, мерцающие на полосе в шесть сотен мегагерц; шипение несущих волн на очнувшихся частотах, номинально активных, но прикусивших язычок и словно ждущих выстрела из стартового пистолета. Мириады языков – мириады сообщений. Прогнозы погоды и новостные ленты, гниющие от помех; личные звонки, связывающие семьи, разбросанные по континентам. Содержание сигналов тревожило гораздо меньше, чем сам факт их существования здесь, в неэкранированных пустошах. Информация должна была томиться в ловушках лазерных лучей и оптоволокна, тайком перемигиваясь в стороне от посторонних глаз. Эти же трансляции были реликвиями другой эпохи. Герметичная техника телекоммуникаций XXI века текла по швам; люди стали переходить на более пестрые технологии.

Так бы поступил мозг, лишившись пищи и кислорода. Предсказуемая декогерентность любой сложной системы, нуждающейся в энергии.

Но это был дом, и они почти долетели. Осталось провести подготовительные работы: Мур и Сенгупта позаботились о деталях, регулярно возвращаясь из отдаленных странствий по неведомым виртуальным местам. Воин делил время между своей палаткой и форпиком; вдова продолжала в забытье спать с

врагом. Вампирша ископаемым лежала на корпусе; сирены и растяжки, которые она могла расставить вокруг себя, никто так и не потревожил. Брюкс отмерял время, оставшееся до цели, по размеру земного диска, а еще чувствовал, как постепенно внутри все разжимается. В голове даже мелькнула мысль поиграть в какую-нибудь игру. Он спал и видел осознанные сновидения, но Рона к нему не приходила, а у него не хватало духа ее искать.

Кишки «Венца» по-прежнему не отращивали щупалец.

«Гленморанджи» Брюкс допил в одиночку, отдавая тост лабораторному столу, когда корабль пересекал лунную орбиту. Если кто и заметил их возвращение, он оказался слишком занят и комитета по встрече не выслал.

* * *

Лучше путешествовать с надеждой, чем прибыть на место.

Роберт Льюис Стивенсон

Корабль быстро шел по низкой орбите над миром, объятым пламенем.

После падения «Икара» тысячи холодных политических конфликтов раскалились добела. И в два раза больше эпидемиологических и экологических. Мириады голосов кричали на давно забытых радиочастотах от килогерца до гигагерца, топя узконаправленные сообщения; законы о планетарном кляпе то ли отменили, то ли предали забвению. «О'нилы» находились в карантине. Космический лифт рухнул; в его зоне поражения, распростершейся на треть экватора, все еще падали с орбиты горящие обломки, нанося огромный урон всем оказавшимся внизу. Реактивные струи геоинженерного проекта, наконец, прогнулись под тяжестью ненасытной атмосферы. У Атласа больше не осталось сил удерживать небо на плечах: атмосферные сульфаты резко пошли на дно, и на всех шести континентах начали бушевать бесконечные пожары. Преторию, Брюгге и еще сотню городов захватили зомби, разум миллионов людей низвело до набора основных инстинктов бей-беги-трахайся, власти даже не пытались навести контроль внутри горячих точек. Не было конца версиям и панике. «Икар» пал. «Светлячки» вернулись. Началось вторжение. Реалисты нанесли удар. Двухпалатники уничтожили мир.

Мур слушал это цунами вместе с Брюксом и Сенгуптой – все трое лежали, пристегнутые к зеркальному шару на время

приближения, – его лицо было бесстрастным как у трупа. «Твоих рук дело, – промолчал Дэн. – Мир едва сводил концы с концами, а ты увел у него самую ценную статью дохода. Жадные до энергии опреснители с трудом обеспечивали водой миллионы людей; власти только постоянными угрозами сдерживали зреющие восстания; экологические катастрофы предотвращались лишь непомерным применением грубых технологий. «Икар» нес пятую часть нашей цивилизации на своем горбу: чего ты ждал, когда швырнул его на Солнце?»

Даже Сенгупта ничего не говорила. Слова не имели смысла.

Вражеская территория. Ничего не поделать.

Вероятно, полковник прав. Мир бурлил на медленном огне около века, и стадия активного кипения была лишь вопросом времени. Может, Мур ничего кардинального не сделал, лишь ускорил расписание на пару месяцев.

– Есть, – сказала Сенгупта. – Прямая линия над Алеутскими островами и куча мусора за которой можно спрятаться.

На горизонте засверкал тактический профиль: цилиндр диаметром в десять метров и, наверное, тридцать – в длину; по правому борту развернута широкая корона солнечных панелей, сопла – судя по виду, излучатели микроволн – торчат по левому. Он напоминал старомодный энергоспутник, идущий по очень странной орбите. В чем, разумеется, и заключалась идея.

– Стыковаться с этой штукой будет сложновато.

На симулякре «Венца» на стыковочные позиции лениво опустились оставшиеся оси – пока раскинутые, как крылья, но уже обвисавшие.

– Мы не будем стыковаться, – напомнил ей Мур.

– Сколько еще? – спросил Брюкс.

– Тридцать минут, плюс-минус. Пора завершать операцию.

Проект форпика не предусматривал, что его будут использоваться под рабочее пространство для маневров, пришлось все там переоборудовать, и теперь оставшаяся в живых команда «Венца» висела на противоперегрузочных упряжах в альковах для скафандров, прямо напротив стыковочного шлюза. Брюкс и Мур заварили его, когда корабль пролетал мимо Венеры, а Сенгупта поставила по швам термитные заряды шесть часов назад. Подходящих переборок почти не осталось, но Ракши, все еще не желая пускать КонСенсус к себе в голову, ободрала стойку с инструментами и шлепнула смарткраской прямо на геккопластины. Микроволокна слегка размывали изображение на высоких разрешениях, но для всех нужных окошек, сиявших оттенками золотого и изумрудного, места хватало: радарных профилей, оверлеев траектории, показателей двигателя,

ускорителей и тормозов. Последний туз из рукава Мура, который был слишком похож на списанный в утиль мусор, медленно разбухал на фоне обманчивого зелено-голубого полумесяца Земли, все глубже катящейся в пропасть отчаяния.

В специально отведенном окне справа от сцены виднелась Валери, по-прежнему привязанная к мачте. Она не двигалась несколько недель, но в этом застывшем теле чувствовалась смертельная угроза, словно там лежало нечто, похожее на взведенную пружину, и отсчитывало время.

Свое недолгое время. Счет шел уже на минуты.

Легкий толчок; медленное, постепенно растущее давление прижало Брюкса к стене алькова. На стойке с инструментами аватар «Венца» громоздко развернулся на сто восемьдесят градусов вокруг центра собственной массы и пошел на попятное возвращение.

– Держитесь, – предупредила Сенгупта и вдарила по тормозам.

Изувеченный, с ампутированными конечностями, выжженный, корабль застонал и выдал корректирующий импульс. Сброс скорости вдавил Брюкса в пол. Он покачнулся; упряжь держала его наверху, пока «Венец» исполнял финальный выход вниз. Мур прикоснулся к какому-то невидимому контроллеру, и снаружи, в вакууме, его спутник-хамелеон разъехался по швам, как на схеме взрыва: солнечные батареи и радиаторные лопасти разлетелись по сторонам в облачках пара, тут же превратившихся в снег. Оболочка развалилась, как четвертованная; части тел безмолвно расплылись во все стороны. Огромный наконечник стрелы, направленный в Землю, вылез наружу там, где отпала фальшивая кожа, и засиял в лучах Солнца; короткие крылышки переливались будто стрекозиные.

Летящие обломки забарабанили по корпусу «Венца», словно град из булыжников. Мур подождал, когда этот поток иссякнет, и нажал переключатель.

На люке вспыхнули трещины солнечного света; намертво заваренный барьер, пылая, раскрылся и упал. Шлюз моментально расширился; быстрый ураган потянул листы обшивки вместе с Брюксом в космос. Паутина удержала его на месте, пока полковник не отстегнул все пряжки. Экипаж рухнул в пустоту, где из звуков осталось лишь быстрое тяжелое дыхание на грани с паникой, затопившее шлем Дэна. Внизу раскинулась темная Земля; слишком выгнутая для обычного пейзажа; слишком огромная и близкая, чтобы казаться сферой. Метеосистемы оставляли отпечатки грязных пальцев на ее лице. Береговые линии и континенты сияли галактиками там, где ярко пылала

цивилизация, и тускло, прерывисто сверкали оранжевым там, где она уже выгорала.

Лететь вниз было очень долго.

Солнечные лучи превратили обломки впереди в ослепительную головоломку, но буквально на миг звезду скрыла огромная черная рука. Брюкс забил руками и повернулся посмотреть, как уходит «Терновый венец», все еще массивный, озаренный встающим Солнцем и ярким расходящимся во все стороны полумесяцем Земли. Последний замерзший выдох корабля искрился рядом с носом тусклым облаком из драгоценностей.

Укрытие Валери Дэн не разглядел.

Что-то дернуло за поводок. Брюкс развернулся на месте, к челноку, увеличивавшемуся на глазах посреди облака из обломков.

– Сосредоточься, – прошипел Мур по связи.

– Извини…

Они летели вперед: Джим во главе, остальные тащились следом. Шлюз челнока зиял позади изогнутого окна в кабине, как барабанная перепонка лягушки, надрезанная и оттянутая к затылку. От какой-то магической напыленной термоизоляции корпус переливался нефтяными радугами.

Слабая статика ледяных кристаллов шептала, задевая шлем Брюкса. Потом Мур достиг цели: его ботинки пришлись ровно на промежуток между краем шлюза и удобным поручнем, приваренным, словно штанга для полотенец, к шкуре шаттла. Полковник слегка подогнул ноги, компенсируя столкновение; не глядя, ухватился за перекладину, словно его рука отрастила собственную пару глаз. Брюкс проплыл над ним и распластался на фюзеляже. Отскочил, развернулся на тросе, в панике ухватился за утопленный конус спящего маневрового двигателя буквально в нескольких сантиметрах – и наконец, почувствовал, как его ботинки со щелчком прицепились к корпусу.

«Венец» уже прошел мимо и медленно, торжественно дрейфовал, вращаясь, по направлению к терминатору; его инерция сошла на нет, скорость упала, и вечное падение вокруг Земли превратилось в бесповоротный сжигающий полет. Расстояние и ограничения зрения излечили шрамы корабля. Теперь – разодранный, спаянный заново, обожженный и сломанный – он казался почти не тронутым. «Ты сохранил нам жизнь, – подумал Брюкс. – Мне очень жаль».

Мур выдернул Дэна из одной секунды в другую, смотав его и Сенгупту, как рыб на крючке. Дэн даже на секунду позавидовал собранности пилота: та не издала ни звука и не дышала тяжело

во время падения через бескрайнюю пропасть. Только сейчас, посмотрев в ее забрало, он увидел, как шевелятся губы Ракши под крепко зажмуренными веками. Только сейчас, стукнувшись шлемом о шлем, он услышал ее заклинание.

– О черт твою мать твою мать…

«Ах ты, мелкая трусишка. Микрофон, значит, отключила…»

Мур затолкнул Сенгупту в открытый люк, словно мешок. Брюкс последовал за ней, втянув себя в кабину: два ряда, один за другим, в каждом – шесть противоперегрузочных кресел, как по полудюжине яиц в упаковке, почти расплющенных, еще чуть-чуть, и их можно было бы назвать койками; только едва угадывались изгибы под ягодицы и колени. Около подковы управления стояли обычные командные кресла. Перед ними во всю длину кабины раскинулся визор из кварцевого стекла. Нос челнока уткнулся вниз, звезд не видно; мир от края и до края наполняла тьма, светлеющая ближе к правому борту.

Вот и все. Люк в переборке наверху; еще один, поменьше, в палубе; оба задраены. Первый, наверное, вел в грузовой отсек – довольно скромных размеров, судя по размерам судна. Через дыру в полу можно было попасть максимум в узкий служебный туннель. «Извлечение с орбиты в особых случаях, – объяснил еще на „Венце“ Мур. – Экстренная отправка на планету для солдат, оказавшихся в бедственном положении после провальной миссии». Не челнок, а огромный парашют: раз попользоваться и выбросить.

Мур задраил люк и втиснулся в командное кресло; Сенгупта, оправившись от непродолжительной кататонии, неуклюже забралась во второе. Брюкс пристегнулся к одному из кресел в задних рядах, пока их попутка разогревалась. Снаружи вернулись звуки: поначалу на уровне шепота, едва слышные за дыханием регулятора в шлеме и бормочущей декламацией предполетных проверок в ушах. Шипение сжатого газа. Крохотные щелчки и писки, приглушенные, будто доносились из-под подушки. Треск древних переключателей в пазах.

«70 килопаскалей», – доложил индикатор на визоре. Дэн открыл лицевой щиток и убрал его: в легких стало холодно, как на леднике; в горле поселился привкус пластиковых мономеров. Хотя дышать было можно.

Мур вывернулся в ремнях, однако взглянуть на Брюкса толком не смог:

– Лучше закрой шлем. Птичка давно тут болталась, возможны протечки.

Только сейчас Дэн обратил внимание на щиток управления: индикаторы на одну функцию, ряды ручных переключателей для

больших ладоней, покрытых слоями майлара и уретана. Тактические дисплеи пойманы в утопленные хрустальные клетки, а не плавают свободно, подчиняясь прихотям момента.

Он опустил визор:

– А эта штука древняя.

Полковник буркнул по связи:

– Чем она старше, тем больше шансов, что о ней забыли.

«Обменяли одну рухлядь на другую».

Краем глаза Брюкс заметил вспышку в иллюминаторе: наверное, солнечный свет отразился от куска орбитального мусора, или двигатели корабля вдалеке. Но для первого случая пылало слишком долго, а для второго – слишком низко, да и цвет при любом раскладе был неправильный. Когда Дэн повернулся, прищурившись от солнца, то мог поклясться, что заметил ядро внутри инверсионного следа: темную иззубренную мозаику, распадавшуюся в огненном фронте, выжигая свой путь на лице планеты. Палочки и кости обращались в прах.

– Хорошо пошла, – тихо произнес Мур, и Брюкс не понял, кого он имел в виду: монстра или машину.

– Зажигание, – отрапортовала Сенгупта, и они тоже начали падать.

* * *

«Венец» сгорел чисто, ничто не сбежало: фигура в скафандре не спрыгнула с корпуса в последний момент – камера Ракши наблюдала за ней до конца. Может, конечность дернулась за секунду до того, как трансляция оборвалась, и краткая вспышка пронеслась по телу. Но ее хватило лишь на то, чтобы почувствовать, как все изощренные планы пошли насмарку. Хотя это могло быть и обманом зрения. Разочарование комком вины застряло в горле Брюкса. Из-за легкости, с какой они убили Валери, та стала казаться менее страшной, а их преступление – не таким оправданным.

Спуск он едва запомнил: пламя от трения плясало на стекле, как зарница, а помехи шипели на каждом канале, пока Дэн не опомнился и не отключил связь. Остались одни обрывки, не связанные между собой картинки. В какой-то момент вернулся вес; сильно и уверенно он придавил ряды противоперегрузочных кресел и одинокого таракана, удобно устроившегося на вибрирующей палубе, которую Брюкс, наконец, принял за пол. Челнок скользил по широкой спирали над серо-стальным океаном, солнце падало за горизонт. Что-то кренилось на воде

внизу, виднелось урывками, скользя туда-сюда по стеклу: полузатопленный трамплин для водных лыжников; скрывшаяся под водой парковка; бесплотный угол авианосца, мерцающий огнями святого Эльма. С этой высоты Брюкс не чувствовал масштабов. Вскоре, когда Сенгупта задрала нос для подлета, вода исчезла.

Что-то основательно пнуло их сзади, бросило Дэна на упряжь, челнок с всплеском зарылся в волны. Фонтаны белых брызг гейзерами восстали по левому борту, разделились по центральной линии; спустя секунду вид за иллюминатором раскололся, распался за стенами воды, сбегавшими по стеклу. Челнок получил удар в подбородок, дернулся назад и закричал по всей длине корпуса, как вспоротый банши, а потом снова начал карабкаться наверх, замедлился и остановился.

Потоки сузились до ручейков, до капель. Шаттл протиснулся мимо них к блекнущим в стальном небе звездам. Далеко слева, почти за пределами видимости, что-то посверкивало полузабытым сном. Наверное, антенна. Проволочное дерево.

Мур отстегнул шлем и уронил его на палубу; тот покатился по палубе.

– Вот мы и здесь.

* * *

Кто-то вырезал посадочную полосу прямо из воздуха.

Она висела в четырех-пяти метрах над волнами, обожженным рубцеватым языком из сплава с челноком на конце. Тянулась к твердой земле, подобно абсурдному трамплину – только почва впереди ничем не напоминала землю, она вырастала из океана постепенно, как береговая линия; электрическо-голубые подруливающие винты крутились и искрили у воды, следуя за волнами, елозившими вверх-вниз по склону. В предутренних сумерках поверхность казалась серой, будто цементной, и почти безликой, если не считать следов, выжженных шаттлом. С одной стороны конструкция спускалась к волнам постепенно, без перепадов, но с другой она не обрывалась, не уходила вниз, не погружалась в воду, а исчезала: всего за полтора метра накренившаяся массивная плита размером с большую парковку переходила от неоспоримой плотности к эфемерной прозрачности, а потом и вовсе пропадала.

Не было видно ничего, кроме полосы, недавно высеченной трением из-за экстренного приземления.

Мур уже сбросил скафандр и стоял на открытом воздухе в

десяти метрах от приземлившегося челнока. Мрачные серые волны катились прямо под его ногами. Каждые несколько секунд проволочная структура высотой в добрых шесть метров, мерцая, появлялась поблизости, ощетинившись параболическими антеннами.

Брюкс склонился над люком и глубоко вдохнул. Холодный тихоокеанский ветер пронзил комбинезон насквозь, будто Дэн стоял голый. Земля тянула с почти забытой силой; руки казались резиновыми.

Из-за спины высунулась Сенгупта:

– Слышь таракан давай быстрее что никогда хроматофоров не видел?

Видел, конечно. Хромы, по сути, были подвидом смарткраски. Правда, в таком масштабе никогда.

– Насколько большая эта штука?

– Да мелкая километр в ширину. Слушай ты хочешь выбраться отсюда до того как она полностью затонет?

Брюкс пригнулся, схватился за край шлюза и выбрался наружу. Гравитация чуть не сбила его с ног, но он умудрился не упасть; встал и, покачиваясь, одной рукой оперся о корпус (все еще обжигающе горячий, несмотря на океан вокруг). Вблизи шаттла экран невидимости почернел, но, пройдя буквально двадцать шагов, Брюкс уже стоял на субстрате прозрачнее стекла. Он посмотрел вниз, на барашки волн, и с трудом поборол панику.

Вместо этого Дэн осторожно пошел к Муру, пока Сенгупта выбиралась из челнока. Мерцающий оранжевый свет бросился ему в глаза сразу, как только он обогнул нос шаттла: далекий огонь, умирающая линия пожаров на несообразном левитирующем клочке выжженной земли. Брюкс даже различил силуэт суперструктуры: низкие прямоугольники с плоской крышей; радиокупол, расколотый, как яичная скорлупа; едва различимую решетку ограждения и столбы на фоне пожара. Кажется, там что-то двигалось, на таком расстоянии оно казалось размером с муравья.

Они приземлились не на обыкновенный гиланд. Не в лагере беженцев и не в городе-государстве, не на территории сомнительного коммерческого предприятия со вкусом к великодушной атмосфере, царившей в международных водах. Это было место для Мура и ему подобных: перевалочный пункт для тайных военных операций. Наблюдательный пост в высоких широтах, патрулирующий весь Северотихоокеанский циклонический круговорот. Сверхсекретный объект.

Хотя уже не совсем.

Брюкс, дрожа, встал рядом с Муром:

– И что тут произошло?

Полковник пожал плечами:

– Что-то удобное.

– Это как?

– Объект бросили. Нам никого не придется уговаривать.

– А он еще подключен? Что, если…

Мур покачал головой:

– Не проблема. Тому, кто сотворил такое, на Небеса плевать. – Он махнул рукой в сторону далеких костров. – Нам туда.

Брюкс повернулся, когда сзади подошла Сенгупта; за ней остывал челнок, полурасплавленная термоизоляция сочилась свечным воском с его брюха.

– Хм, – заметил он. – А я думал, тут будут посадочные шасси.

– Слишком дорого, – ответил Мур. – Машина одноразовая.

«Значит, я все понял правильно».

Они устало поплелись вверх по пологому склону, замерзая на ходу. Прогулка по воде. Невидимый мост к зримому и брошенному айсбергу. Выпотрошенные строения раскинулись перед ними, как крохотные кусочки Геенны: некоторые еще пылали, другие уже дымились. Наконец все трое добрались до видимого края летающего острова: здесь в воздухе летала лишь па́тина черной жирной сажи. И все равно было облегчением увидеть хоть что-то под ногами; еще большим оказалась возможность остановиться и перевести дух.

Неожиданно Мур положил руку Брюксу на плечо.

– Что за… – сказала Сенгупта и резко замолкла.

Впереди, едва видимые за завесой маслянистого дыма, двигались какие-то существа.

Брюкс, Мур и Сенгупта добрались до чего-то вроде узла воздушного движения: низкой контрольной хибары, чьи стены и крыша сходились широкой полосой запачканных сажей окон, направленных в небо. Два мертвых вертолета и однокрылый самолет вертикального взлета загромождали выжженное пространство взлетной полосы и исчерканных посадочных площадок. Сопла убранных топливных линий торчали из палубы тут и там; одно горело вспышками, напоминая то ли чудовищную свечу, то ли запал для взрыва резервуара. Посредине руин двигались тела.

Они принадлежали людям, а вот их движения – нет.

Мур жестом приказал остальным зайти за стену будки, и, даже не оглянувшись, поднял руку: «Оставайтесь здесь». Брюкс кивнул. Полковник скользнул за угол и исчез.

Порыв ветра бросил искры и едкий дым прямо в лицо Дэну.

Он чуть не закашлялся – в глазах защипало – и прищурился, пытаясь рассмотреть, что происходит. Люди, да. Двое, может, трое, на краю одной из площадок. Серые спецовки, голубая униформа, эмблемы отсюда не разглядеть.

Люди танцевали.

По крайней мере лишь таким словом Брюкс мог описать открывшуюся ему картину: движения одновременно нечеловечески точные и нечеловечески быстрые – гуманоидные имитации, занятые соматической структурой вопросов и ответов, какой Дэн никогда не видел. Среди них был ведущий, но он постоянно менялся; были шаги, но, кажется, они ни разу не повторились. Это походило на балет, на флажный семафор, на некую беседу, задействовавшую каждую часть тела, кроме языка. Все происходило в полной тишине, слышалось только пулеметное стаккато ботинок по палубе, слабое и периодически исчезавшее в завываниях ветра и треске пламени.

И почему-то знакомое.

Мур закончил танцы ударом в затылок. В одно мгновение марионетки были на сцене одни, а в следующую секунду полковник материализовался из дыма, и его рука размытым пятном неслась к цели. Танцор в серых одеждах содрогнулся, забился и рухнул, дергаясь, на палубу, точно отсоединенная кукла зашлась в эпилептическом припадке; другой упал в ту же секунду, хотя Мур его не трогал. Он лежал рядом с партнером и извивался, по-прежнему двигаясь как заводной, но теперь лишь вздрагивая: амплитуда уменьшилась в соответствии с новыми шагами, неожиданно появившимися в программе.

– Эхопраксия черт побери это же эхопраксия, – прошипела рядом Сенгупта.

Мур уже вернулся:

– Сюда.

За углом зияла сломанная дверь. Внутри безголовая смарткраска искрилась и дымилась на уцелевших контрольных поверхностях, которые еще не поглотило пламя.

Брюкс оглянулся через плечо:

– А что насчет…

– Они в петле обратной связи. Нам не стоит волноваться, пока оператор не вернется.

В дальней переборке виднелся тамбур сходного люка. Дорогу загораживал упавший шкаф; Мур оттолкнул его в сторону.

– А это не плохо для них? – спросил Дэн и тут же почувствовал себя идиотом. – В смысле, разве не будет лучше, если мы разорвем петлю? Разделим их?

Мур остановился у вершины лестницы:

– В лучшем случае, для них это будет сродни тому, как если бы тебя разрезали посередине.

– О, – и после секундной паузы: – А в худшем?

– Они проснутся, – ответил полковник, – и нападут на нас.

* * *

Вы не сможете снова вернуться домой.

Томас Вульф

Они вышли в накренившуюся зону общего пользования, темную и разбитую; лишь конус света от аварийной лампы лился из одного коридора, да группа иконок судорожно подмигивала с дальней переборки: ряд комнатенок для связи, дремлющих, пока какой-нибудь одинокий солдат не захочет позвонить домой или подслушать за тем, что происходит в мире. Доступ тут был только к Главной улице – ни одно окно не выходило туда, где требовался допуск к секретной информации, – но КонСенсус и линки персосвязи свободно плавали на всех кабинках, не тронутые маленьким апокалипсисом, произошедшим на верхней палубе.

Мур отправился на поиски привилегий и темных секретов. Сенгупта, послонявшись рядом и убедившись, что линки надежные, исчезла вслед за полковником.

Брюкс сел в наклонившейся тьме и застыл.

«Что ей сказать? Что ей сказать?

Эй, ты видела, как исчез „Икар“, и мир затрещал по швам? Забавная история…

Помнишь, раньше мы думали, что Бога нет? В общем, все гораздо хуже, чем ты думаешь…

Привет, дорогая. Я дома».

Дэн глубоко вздохнул.

«Глупая идея. Мы же все обговорили. Мне надо… просто нагнать других».

Выдохнул.

«Кто-то должен ей сказать. Она должна знать».

Дэн почувствовал, как уголки рта растягиваются в гримасе презрения к себе.

«Дело не в ней. Все дело в Дэне Брюксе и его разрушающемся взгляде на мир. Ты хочешь вернуться к единственному человеку, который давал тебе хотя бы подобие комфорта. И неважно, заслужил ты его или нет…»

Он вызвал саккадами интерфейс.

Сделал четыре захода, прежде чем система нашла адрес;

комок в горле рос с каждой попыткой. Быстронет распадался; все распадалось. Но система имела глубокие корни – старые, тянущиеся вглубь на целое столетие: абсолютно безголовый и, по большей части, чрезмерный дизайн. Функциональность перед лицом наступающей энтропии с самого начала была встроена в его ДНК.

СВЯЗЬ УСТАНОВЛЕНА:
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА НЕБЕСА

СЕТЬ «ТИММИНС»

ПРИЕМНАЯ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

«Не исчезла. По-прежнему онлайн. Все еще жива». Он даже не мог до конца в это поверить.

– Э, Рона Макленнан, 13 ноября 2086 года.

ПИНГУЮ

«Пожалуйста, ответь».

ПИНГУЮ

«Пожалуйста, будь занята».

ПИНГУЮ

– Дэн.

«О, Господи, она здесь.

Я, наверное, сплю…»

– Привет, Ро.

– Я думала, куда ты пропал. Последнее время дела тут не очень…

Она была лишь голосом во тьме, отдаленным и бесплотным. Никакого визуального сигнала.

– Прости, что не выходил на связь…

– Я и не ожидала. – Кажется, сейчас в ее голосе появилась теплота. Ироничная усмешка, по крайней мере. – Я уже не помню, когда ты заходил в последний раз…

– Ты же сама этого не хотела! Ты сказала…

– Я сказала, что не собираюсь возвращаться, дорогой. Сказала, что не хочу слушать, как ты тратишь наше время, пытаясь меня переубедить.

Он ничего не ответил.

– И я рада, что ты все-таки заглянул, – сказала она, помолчав. – Я рада тебя видеть.

– Я тебя не вижу, – тихо ответил Брюкс.

– Дэн, а зачем?

Он покачал головой.

– Это так важно? Ну, я могу показать тебе… что-нибудь. Если так будет легче.

– Ро, тебе нельзя тут оставаться.

– Мы больше не будем об этом спорить, Дэн.

– Да сейчас не в этом дело! Все изменилось…

– Я знаю. Я на Небесах, а не на Андромеде. Могу видеть в реальности все, что захочу. Бунты, восстания, экологический коллапс. Plus ca change [275].

– Все стало гораздо хуже после гибели «Икара».

– Да, – медленно протянула она. – «Икар».

– Все натянуто до предела, перебои и потери повсюду. Мне понадобилось четыре попытки, чтобы только найти тебя, понимаешь? А Небеса – не самый малоизвестный адрес на планете. Вся система… страдает склерозом.

– Дэн, она уже много лет все забывает. Вот почему мы называем ее Сплинтернетом [276].

– А я не знал, – он слегка удивился.

– Ты в курсе, чем слон похож на шизофреника?

– Что?

– Слон ничего и никогда не забывает.

Он промолчал.

– Это шутка ИскИнов, – пояснила она, не дождавшись ответа.

– Кажется, хуже я не слышал.

– А у меня таких миллион в запасе. Ты уверен, что хочешь меня вернуть?

«Больше, чем когда-либо».

– Серьезно, как долго, по-твоему, можно оставаться нормальным, если помнишь все, что пережил? Забвение – благо для любой сети. Это не сбой, а адаптация.

– Чушь какая, Ро. Сеть теряет адреса, и это хорошо? А что дальше – станет напряжение ограничивать? Что произойдет, если сеть забудет подать энергию в «Тимминс»?

– Риск есть, – спокойно сказала она. – И я все понимаю. Бэкапы могут сдохнуть. Реалисты ударить. Борцы за права ИскИнов, скорее всего, до сих пор из принципа хотят расправиться со мной за военные преступления, и я не могу сказать, что виню их за это. Каждый новый день здесь может стать для меня последним, но чем это отличается от жизни там? –

Брюкс уже открыл рот, но Рона это заметила и поспешила ответить сама:

– Я тебе скажу. Сейчас от меня никому ничего не нужно. Я никому не угрожаю. По сравнению с тобой мой след на Земле ничтожен, и забудь про свой любимый фетиш, я сейчас не про жизнь в палатках. Здесь я могу испытать все, что ты можешь в реальности, и еще миллиард других вещей. О, и кстати.

Она выдержала точную паузу в несколько миллисекунд:

– Мне не надо зарабатывать на жизнь убийством разумных существ.

– Никто не говорит, что тебе надо…

– А теперь давай посмотрим на твой мир. Заразная зомбификация, насколько мне известно, свирепствует, по меньшей мере, в двадцати странах. Реалисты и арьергардные католики расстреливают любого еретика, попавшего в прицел. Пищевое заражение грозит любому, кто не имеет принтера потребительского класса. Уже с десяток лет никто не следит за вымиранием видов, всем наплевать, и… О, кстати, ты слышал о новой военизированной эхопраксии, которая гуляет последнее время? «Джиттербаг», – так они ее назвали. Раньше был стандартный вид – «мартышка видит – мартышка делает» – а теперь, говорят, она мутировала: ты умираешь, танцуя, и прихватываешь с собой друга.

– Разница в том, – мрачно ответил Дэн, – что без электричества я хотя бы могу залезть под одеяло. А если энергию отключат на Небесах, вы все умрете через пять минут. Вы беспомощны, Рона, вы как в карточном домике, который только и…

Она не ответила. Он не закончил.

Брюкс задумался, насколько она изменилась, что осталось за этим нежным, неумолимым и нереальным голосом. Ее мозг не тронули или уже заменили гибридной имитацией из нейронов и арсенида? Какая часть его жены исчезла за два года? Постепенный каннибализм и непрерывная замена плоти минералами всегда пугали Брюкса до одури.

А она это полностью принимала.

– Я видел такое, – сказал он ей, – что может перевернуть мир.

– Мы все видели. Мир сейчас довольно шаткий.

– Ты можешь заткнуться и выслушать меня? Я не о треклятых новостях говорю, а о том, что… я видел такое… Я осознал, почему ты ушла, понял, наконец. Никогда не понимал, а сейчас, клянусь, присоединился бы к тебе в любую секунду, если бы мог. Но не могу. Для меня это не трансцендентальность и не восход в лучший мир, а будто смерть. Словно я сам исчезну, а на Небесах

окажется мой двойник. В смысле, мне даже от КонСенсусного имплантата в голове плохо. Будто все, что меняет мой разум, убивает меня. Понимаешь?

– Разумеется. Ты боишься.

Он печально кивнул.

– Ты всегда боялся, Дэн. Сколько я тебя помню. Ты всю жизнь вел себя, как последний урод, чтобы люди об этом не узнали. Тебе повезло, что я вижу тебя насквозь, да?

Брюкс промолчал.

– Знаешь, что я еще вижу?

Он не знал. Понятия не имел.

– Твой страх делает тебя храбрым.

Мысль дошла до него не сразу:

– Что?

– Думаешь, я не знаю? Почему ты постоянно пререкаешься не с теми людьми? Почему саботируешь собственную карьеру? Почему противостоишь любому, кто имеет над тобой хоть какую-то власть?

Взбираешься по бесконечной лестнице навстречу голодному чудовищу. Лезешь в лабиринт, ловушку с живыми стенами. Нападаешь на девочку в два раза младше тебя за новость о том, что ты не сможешь вернуться домой.

«В последнем случае, конечно, гордиться нечем».

– Ты утверждаешь, что я так преодолеваю страх, – начал он.

– Нет, я говорю, что так ты ему поддаешься! Каждый раз! Тебе страшно, что тебя примут за труса, и ты постоянно прыгаешь со скалы, лишь бы доказать обратное! Думаешь, я никогда этого не видела? Ради бога, я была твоей женой. Видела, как у тебя тряслись колени всякий раз, когда ты выходил против очередного школьного громилы и, нарвавшись, получал в зубы. Все твоя чертова жизнь – нескончаемый акт гиперкомпенсации. И знаешь что, дорогой? Тем лучше. Потому что иногда люди должны стоять на своем, и кто, если не ты?

Сначала до него не дошло. Он лишь нахмурился, промотал в голове ее реплики и попытался понять, когда разговор успел свернуть на эти рельсы.

– Наверное, это самое приятное определение придурка, которое я когда-либо слышал, – наконец ответил Брюкс.

– Мне нравилось.

Он покачал головой:

– Впрочем, это не имеет значения. Я все равно не могу… последовать за тобой…

– Последовать за мной, – неожиданно ее голос стал безжизненным от пришедшей в голову мысли. – Ты думаешь…

«Она не выйдет, а я не могу войти…»

– Дэн, – в стене открылось окно. – Посмотри на меня.

Он отвернулся.

Но все же взглянул.

Увидел что-то, напоминавшее маринованный зародыш, а не взрослую женщину. Руки и ноги, прижатые к телу, вопреки манжетам на запястьях и лодыжках, сжимающимся микротрубочкам, которые растягивали конечности по три раза на дню в безнадежной борьбе с атрофией и сокращением сухожилий. Сморщенное лицо с безволосым скальпом и миллионом углеродных волокон, торчавших из затылка; парящих, словно нимб вокруг головы.

– Только дело не в теле, – сказало нечто ее голосом, но губы на лице не разжались.

– Рона, почему ты…

– Ты называешь мое состояние переменой, но это не так, – произнес голос. – Небеса – это не будущее, а убежище для трусов. Естественный заповедник для тех, кто не может адаптироваться. Воображаемое исполнение желаний для странствующих голубей. Думаешь, я лучше тебя? Нет, Небеса – свалка для бесполезных аутсайдеров. Тебе здесь не место.

– Бесполезных? – Брюкс заморгал, потрясенный. – Рона, даже не вздумай…

– Я сбежала. Признала свое поражение много лет назад. Но ты… ты, может, и делаешь все по неправильной причине и в процессе постоянно получаешь по зубам, но ты, по крайней мере, не сдался. Ты мог спрятаться вместе с нами, но вместо этого сидишь там, в реальном мире, без кнопки перезагрузки; в месте, которое не контролируешь, где какие-то люди могут забрать работу всей твоей жизни, вывернуть ее наизнанку, и нет никакой возможности исправить то, что они сделали.

– Рона… что…

– Я знаю, Дэн. Зря ты все скрывал. Напрасно: у меня сеть побольше, чем у тебя. – Голос был нежным, добрым, но лицо сморщенного зародыша на экране по-прежнему оставалось неподвижным. – Я все поняла, как только они установили карантин в Бриджпорте. Я тогда даже хотела позвонить. Подумала, может, ты сдашься и придешь ко мне, но…

Гора врезалась Брюксу в затылок. Он стукнулся лбом о стену комнатки, отскочил, упал навзничь вместе со стулом и растянулся на палубе. В голове вспыхнула, пульсируя, красная галактика: на расстоянии световых лет в дверном проеме появился перевернутый силуэт гиганта.

Дэн заморгал, застонал и попытался сосредоточиться. Звезды

потухли; рев в голове слегка утих, исполин усох до человеческих размеров. Его глубины были настолько черны, что почти сияли.

«Ракши Сенгупта, познакомься со стариной Брюксом».

Где-то далеко компьютер надрывался голосом его покойной жены. Дэн попытался поднять руку к голове, но Сенгупта наступила на нее и склонилась к нему. В середине тела вспыхнула новая боль и прострелила руку.

– Я хочу чтобы ты кое-что представил сучий ты таракашка, – пальцы Сенгупты танцевали и опускались над его головой.

«О, Боже, нет, – отрешенно подумал Брюкс. – Только не ты еще…» Он не стал удерживать голову, а повернул ее набок и устремил взгляд в пространство. Ракши пнула его прямо в лицо и заставила смотреть на себя. Ее пальцы сжимались, переплетались и загибались назад так далеко, что он подумал, они сейчас сломаются.

– Хочу чтобы ты представил Христа на кресте…

Брюкс даже не удивился, когда начались спазмы.

Сенгупта склонилась над ним, наслаждаясь делом своих рук, но даже сейчас не могла посмотреть ему в глаза:

– О да я так ждала этого я так работала ради этого я так…

Звук: острый, короткий и громкий. Сенгупта тут же замолчала. Встала.

На ее левой груди расцвело темное пятно.

Ракши упала на Брюкса тряпичной куклой. Так они и лежали какое-то мгновение – щека к щеке, как любовники во время медленного танца. Она закашлялась и попыталась подняться; растянулась сбоку от Дэна. Тускнеющие глаза то останавливались, то вновь блуждали и, наконец, замерли на какой-то точке рядом с люком. Там стоял, словно статуя, Джим Мур, и в глазах его было столько печали, что, казалось, Брюкс и Сенгупта уже умерли.

На секунду лицо Ракши озарилось. Не счастьем, нет. И не удивлением. Скорее, осознанием. А потом первый раз в жизни она посмотрела Брюксу прямо в лицо.

– Ох блин, – прошептала она, и ее глаза подернулись пеленой. – Как же ты попал.

* * *

– Я знаю, это бессмыслица, – Мур вертел в руках пистолет. – Мы никогда не были близки. Наверное, это моя вина. Хотя, знаешь, он, скажем так, никогда не был легким ребенком…

Джим подвинул к себе стул; сел, склонившись и положив

локти на колени. Свет из коридора падал ему на лицо. Брюкс лежал на полу, чувствуя, как сбоку подтекает кровь Сенгупты. Она уже пропитала ткань, комбинезон прилип к ребрам. Голова гудела. В горле пересохло. Он попытался сглотнуть, и с облегчением, даже удивлением выяснил, что ему это удалось.

– Теперь же… Ему до Земли еще полсветового года, но в первый раз за всю жизнь я чувствую, что мы можем поговорить…

Бледная туманность заволокла глаза Ракши. Брюкс хорошо их видел даже в скудном освещении; мог слегка повернуть голову, сфокусироваться. Паралич оказался неполным, это был не тщательно спланированный глюк Валери, который вампирша подготовила с помощью граффити и незаметной жестикуляции – или же Ракши допустила неточность в триггерной стимуляции. Программа, скорее всего, не изменилась: та же цепочка от фотонов к зеркальным нейронам, а оттуда – к двигательным нервам. Она все еще дремала в глубине мозга на случай, если кто-то решит позвать ее под ружье. Сенгупта, наверное, импровизировала постфактум: прогнала старые записи, вычислила основные движения и воспроизвела их так хорошо, как смогла.

– Такое ощущение, что он знал, как я стану слушать сигналы все эти месяцы; знал, что я буду думать в ответ на его слова…

Ракши не планировала месть. Наверное, хитрость Валери показалась ей лишь очередной головоломкой на распознавание образов, которой Сенгупта заняла свой гиперактивный мозг. К счастью, фокус пригодился, когда оказалось, что убийца Челу и усыновленный ею таракан – один и тот же человек. Атаку она подготовила наспех, окоченение получилось кратковременным; Брюкс уже чувствовал это в сухожилиях. Напряжение начало спадать.

Но, черт побери, искусность Ракши все равно поражала.

– Сейчас я чувствую себя ближе к Сири, чем когда мы с ним жили на одной планете, – сказал Мур. Он склонился вперед, оценивая живого и мертвую. – Ты видишь тут какой-нибудь смысл?

Брюкс попытался двинуть языком: тот едва прикоснулся к нёбу. Он сосредоточился на губах. Появился звук. Стон, в котором не было ничего, кроме разочарования и горя.

– Я знаю, – согласился Мур. – И поначалу это больше походило на отчеты, понимаешь? Письма домой, но с множеством фактов. О миссии. Я слушал этот сигнал. О, я слушал бы его вечно, даже если бы в нем не было ничего, кроме этой истории. Я так много узнал о моем мальчике, так много, о чем никогда не подозревал.

«Попытка номер два…»

– Джим…

– А потом он… изменился. Будто факты кончились, и не осталось ничего, кроме чувств. Он закончил свой рассказ и стал говорить со мной.

– Джим… Рак… Ракши думала…

– Я даже сейчас его слышу, Дэниэл. Это невероятно. Сигнал такой слабый, по идее, он не может проникнуть сквозь атмосферу, особенно с болтовней на всех волнах. Но я все равно слышу его, прямо здесь, в этой комнате.

– Ракши считала… твой зомби-переключатель…

– Я думаю, он пытается о чем-то меня предупредить…

– …тебя могли… взломать…

– О чем-то, что касается тебя.

– Она говорила… ты… возможно… себя не контролируешь…

Мур прекратил вертеть в руках пистолет. Посмотрел на Дэна. Тот запускал все команды, какие мог, каждый двигательный нерв в теле. Пальцы зашевелились.

Полковник грустно и еле заметно улыбнулся:

– Никто себя не контролирует, Дэниэл. Неужели ты думаешь, что у тебя в голове нет зомби-переключателя? Неужели ты думаешь, его нет у остальных? Мы все – лишь наблюдатели. Это пришествие Господа, вот что это такое. Бог уже в пути. Здесь всем заправляют Ангелы Астероидов…

Снова ангелы. Божественные манипуляторы с дистанционным управлением, могущественные создания без души и воли. Марионетки Господа Бога.

Джим Мур превращался в одного из них прямо на глазах.

– А что, если это не… Сири? – выдавил из себя Брюкс. Язык, казалось, чуть оттаял. – Что если… это нечто другое…

Полковник вновь улыбнулся:

– Ты думаешь, я не знаю собственного сына?

– Оно знает твоего сына, Джим. Оно же его изувечило. Ты что, не помнишь эту чертову картинку? Оно знает Сири, Сири знает тебя… И оно такое умное, Джим. Сука, какое же оно умное…

– Ты тоже, – Мур с любопытством взглянул на него. – Умнее, чем думаешь.

Но недостаточно, чтобы выпутаться из этой передряги. Недостаточно, чтобы перехитрить межзвездного демона, который сумел взломать человеку мозг через пять триллионов километров и шестимесячную задержку во времени; который с помощью паразитических подпрограмм смог понемногу просочиться в голову хозяина и теперь управлял им уже в реальном времени.

Хотя, конечно, Мур мог просто спятить – это казалось самым правдоподобным объяснением.

Хотя и оно значения не имело. Даже при таком варианте Брюксу не хватало мозгов, чтобы остаться в живых.

Мур опустил глаза:

– Я не хотел этого делать, ты же знаешь. Она была хорошим человеком, только… ее ввели в заблуждение. Полагаю, я слишком бурно отреагировал, но я хотел защитить тебя, больше ничего.

Позади него, среди балок, усеивавших потолок, шевельнулась какая-то тень. Брюкс моргнул, и она пропала.

– Интересно, правильно ли я поступил.

– Правильно, – прохрипел Дэн. – Действительно. Это…

Все произошло быстрее, чем он успел закончить фразу: что-то отделилось от потолка, безмолвно качнулось на свету и рухнуло на Мура, как богомол. Нечеловеческие пальцы двигались так проворно, что сливались в единую линию; на светлом фоне двигались губы.

Без всякой суеты Мур просто прекратил двигаться.

Валери тихо спрыгнула на палубу, пересекла комнату и уставилась на Дэна, пока тот медленно, болезненно сгибал колено. Больше от инстинкта бегства ничего не осталось. Вампирша склонилась ближе и прошептала:

– Могила в Аримафее.

Тело отпустило.

Дэн с шумом вздохнул. Валери встала, сделала шаг назад и загадочно улыбнулась.

Брюкс сглотнул и выдавил из себя:

– Я видел, как ты сгорела.

«Дважды».

Она даже не удостоила его ответом.

«Мы ожидали, что она выкинет трюк, и, как только раскрыли его, похлопали себя по спинке. Нашли ее тело, привязанное к корпусу, – думали, что нашли, – и просто прекратили искать. Ну, разумеется, она там: вот же, только взглянуть. А ее отсек с кучей ловушек мы вообще отстрелили. Зачем искать дальше?

Зачем искать внутри „Венца“? Зачем проверять люки в челноке?»

Он приподнялся на локтях; мокрый комбинезон оторвался от палубы, будто пропитанный полузастывшей эпоксидкой. Валери безучастно наблюдала, как Брюкс встает на ноги.

– И что теперь? Ты из спортивного интереса дашь мне фору в десять секунд…

Мутное пятно, шипение, и Дэн оторвался от земли, болтая ногами в воздухе, задыхаясь в метре от палубы, пока она держала

его за горло. В следующую секунду он мешком рухнул на пол, а Валери ухмыльнулась своей чересчур зубастой улыбкой.

– Столько опыта, – заметила она, пока он пытался восстановить дыхание, – и по-прежнему такой идиот.

Поймать-отпустить. Кошки-мышки. Ей, похоже, весело. На свой лад.

– Воздушного транспорта нет, – сказала Валери. – Но я нахожу попутку в подводном доке. Хоть до суши доберемся.

– Вместе?

– Ну, если хочешь, можешь вплавь. Или оставайся, – она дернула подбородком в сторону статуи, застывшей на стуле. – Правда, если останешься, тебе придется его убить. Или, когда отойдет, он убьет тебя.

– Он – мой друг, он меня защитил…

– Только отчасти. Конфликт операционки. Но скоро он устранится, прямо сейчас устраняется. – Валери повернулась к двери. – Долго не жди. У него сейчас миссия, заповеданная самим Богом.

Она вышла на свет. Брюкс посмотрел на своего друга: Джим Мур сидел, уставившись в пол, с непроницаемым лицом. Прямо на глазах Дэна он медленно, очень медленно моргнул.

И не стал кричать, что его бросили.

Брюкс последовал за чудовищем по накренившимся коридорам, через люки, вниз по бесконечным лестницам, озаренным алым аварийным светом, прямо в кишки гиланда, до самого его ануса: к шлюзу, который из-за нынешней компании Дэна показался бы маленьким, даже будь он в пять раз больше. В камере с другой стороны гуляло эхо, она напоминала пещеру: трубы, шланги и цилиндры со сжатым газом сталактитами свисали с угловатого потолка. Комната была наполовину затоплена: океан вышел из бассейна подводного дока, когда гиланд накренился, и затопил отсек, установив временное равновесие по линии на дальней переборке. Рассеянный серо-зеленый свет просачивался снаружи, мутными отражениями извиваясь на каждой поверхности.

Пристань была крохотная. Где-то в этом плавучем исполине, скорее всего, находились бухты, которые легко могли приютить «кракена» или «рыбу-меч». Но здесь оказались причалы для судов поменьше: с десяток парковочных рам свисали с конвейера на потолке; большинство пустовало.

Разведывательное судно для двух пассажиров покоилось в сжатой хватке сцепившихся когтей; конец вспомогательного крана все еще торчал из разбитой стеклянной морды подлодки. Еще одна ненадежно свисала с потолка: нос погрузился в воду,

хвост запутался в сломанном кронштейне. Третья, на вид нетронутая, плавала чуть в стороне от затопленной палубы: широкое акулье тело; плоские хвостовые плавники, как у кита; большие глаза блюдцами, словно у мезопелагической рыбы-топорика. Ее звали «Аспидонт», судя по надписи, выгравированной прямо над линией защитной окраски. Она тихо качалась на краю бассейна – хвостом к переборке, носом к дыре в полу. Добраться до нее можно было по затопленному спуску. Воды там было по пояс.

И, как оказалось, очень холодной. Валери покрыла нужное расстояние одним прыжком, сорвавшись прямо оттуда, где стояла, и приземлилась буквально в шаге от люка. Судно закачалось от столкновения, но вампирша даже не шевельнулась. К тому времени как Брюкс дотащил промокшие ноги и поджавшиеся от холода яйца до корпуса, она уже залезла внутрь, и подлодка с жужжанием стала оживать.

Три сиденья. Дэн рухнул на переднее, потянул за собой люк и задраил его. Валери возилась с приборной доской: «Аспидонт» встряхнулся, забил плавниками и ринулся вперед, чуть не сев на мель среди плававших вокруг канистр и кусков разбитых родственников. Завис на секунду, скребя брюхом затопленный край бассейна; плавники ударили по воде, как у дельфина, и подлодка освободилась.

С рассвета прошло немало часов, но наверху по-прежнему царила тьма. Покинутый гиланд маячил над ними, как брюхо горы, готовой обрушиться и расплющить их в любой момент без предупреждения. Снаружи кабины не было ничего: ни рыб, ни планктона, ни волн, испещренных солнечными бликами, ни светлых лучей, танцующих в воде. Даже неразрушимых наносов бессмертного пластикового мусора, вездесущего от полюса до полюса. Ничего, кроме тяжелой черноты наверху и мутно-зеленого мрака внизу. И еще «Аспидонта» – крупинки, утопленной в стекле.

«И куда теперь? – подумал Брюкс. – Почему я вообще с ней пошел? И почему она меня взяла? Что я для этого создания, если не ходячий обед? Черт побери, с чего я вообще решил, что Джим Мур опаснее вампирши?»

Но Дэн знал: это бессмысленный вопрос, основанный на предположении, будто он сам принимал решение.

Тьма сверху отступила, все поглотила чернота снизу: «Аспидонт» уходил на дно. Сто метров. Сто пятьдесят. Они находились посередине Тихого океана. До дна оставалось четыре километра. Вокруг больше не было ничего, если только Валери не организовала встречу с другой подлодкой.

Двести метров. «Аспидонт» выровнялся.

Вправо. Под термоклином. Скрываясь от сонаров.

Лево руля. С тех пор, как они покинули поверхность, Валери не притрагивалась к управлению. Наверное, задала курс, пока Брюкс лежал в ступоре. Траекторию можно было увидеть на приборной доске: тусклая золотая линия шла вдоль восточной части северного Тихого океана. Правда, угол обзора плохой – слишком маленький, и контуров многовато. Так что различить детали Брюкс не мог.

Он знал, куда она решила направиться. Все началось в пустыне; Двухпалатники заманили его на свою треклятую шахматную доску по каким-то своим причинам и даже пустили внутрь ради шутки, но Порция и Валери выбросили их из игры, прежде чем монахи раскрыли все карты. Но имя Двухпалатникам было легион, и они не все сгорели на алтаре. Если на вопросы Брюкса и были ответы, то дать их мог только рой.

Дэн наклонился вбок, пока дорожная карта не встала у него перед глазами; хмыкнул про себя, совершенно не удивившись. Валери смотрела в бездну и ничего не говорила.

Она проложила курс к побережью Орегона.

Пророк

Есть люди, которые постоянно топят себя во имя просвещения. Они забираются в стеклянные гробы, которые называют призмами, задраивают крышку и открывают вентиль, пока полностью не погрузятся под воду. Иногда оставляют пузырь воздуха на поверхности – совсем крохотный, только нос высунуть; иногда и его нет.

Это не самоубийство, хотя время от времени люди так умирают. Они сказали бы, что все с точностью до наоборот: ты не жил, пока не испытал ощущения смерти. Но тут все гораздо глубже, это не поверхностное увлечение адреналиновых наркоманов. Фетиш призматиков происходит от эволюционных основ сознания как такового.

Протяните руку к огню, и подсознательный рефлекс отдернет ее до того, как вы почувствует боль. Только когда разные цели вступают в конфликт – например, руке больно, но уронить горячий поднос на ковер не хочется, – пробуждается сознание и решает, какому импульсу подчиниться. Задолго до появления искусства, науки и философии у сознания была единственная функция – не просто выполнять двигательные команды, а связывать противоречащие друг другу побуждения.

Когда тело лежит под водой и задыхается, трудно вообразить более конфликтующие императивы, чем необходимость дышать и задержка дыхания. Как сказала мне одна из призматиков: «Ляг в гроб и скажи мне, чувствовал ли ты хотя бы раз в жизни себя более осознанным».

Этот фетиш – слишком громко называть его движением – похож на проявление некоего противодействующего нам импульса, реакцию на что-то. Утопление – крайне неприятный опыт, как ни крути (я не принял предложение женщины, у которой брал интервью). Трудно представить, какой стимул мог спровоцировать настолько сильное сопротивление и неистовое желание утвердить свое сознание, ощутить его. Ни один призматик не смог пролить свет на этот вопрос. Они не думали о своих действиях в подобных терминах. «Мне просто важно знать, кто я такой, – сказал мне двадцатиоднолетний ВКУ-мастер[277]*. – Важно… быть наготове». Но его слова казались не столько ответом, сколько еще одним вопросом.*

Кейт Ханиборн, «Путешествия с моим муравьем: гид исходника по неизбежному устареванию» (2080)

Монстры дают нам храбрость изменить то, что мы можем: они – наши воплощенные первобытные страхи и ужасающие хищники, которых можно победить, только приняв вызов. Боги же дают нам покой принять то, что мы не можем изменить: они существуют для объяснения потопов, землетрясений и всего того, что лежит вне зоны нашего контроля. Я совершенно не удивился, когда узнал, что вампиры в монстров не верят. А вот их вера в богов, признаю, застала меня врасплох.

Дэвид Никль

В глуши Орегонской пустыни, безумный, как пророк, Дэниэл Брюкс открыл глаза и увидел привычную груду обломков.

Монастырь лежал в руинах. Широкие каменные ступени главного входа поднимались перед Дэном, растрескавшиеся и покореженные, но, по большей части, целые. За ними, слева от небольшого пятна песка, расплавившегося до стекла, в порывах утреннего ветра дрожала палатка. Он вывез ее с другой стороны долины вместе с припасами и оборудованием, хотя никак не мог вспомнить, когда это сделал, – но последнее время практически не спал в ней. Она почему-то казалась ему похожей на клетку, а под небом он чувствовал себя лучше. Теперь Брюкс использовал палатку лишь под склад.

Дэн встал, потянулся и почувствовал, как хрустят суставы, когда солнце заглянуло в щель между упавшими камнями. Дэн повернулся, обозрел свои владения. Одна часть монастыря почти уцелела, другая же превратилась в полуразрушенную груду обломков. Урон шел по наклону, будто энтропия медленно пожирала здание с севера на юг.

Впрочем, она оставила после себя тропу: небольшой каньон в руинах, ведущий к саду. Трава на лужайке, которую сразу не завалило мусором, умерла, пожухла и стала ломкой: лишь вокруг одного из пьедесталов с чашей для омовения храбро сражался за жизнь пятачок зелени. Этот самый пьедестал, осененный некой формой магии, не тронуло опустошение, изничтожившее все вокруг. В чаше даже имелась аликвота застоявшейся воды: в знойный полдень, или в морозную полночь ее уровень никогда не менялся. Наверное, одна из разновидностей капиллярного эффекта. Сердцевина из пористого камня, впитывающего влагу из глубокого водоносного слоя. Вместе с припасами, оставшимися со времен отпуска, Брюксу этого пока хватало.

А вот для чего, другой вопрос.

Иногда он сомневался. Время от времени – после особенно бесплодных раскопок в руинах – спрашивал себя, чего

действительно хотел здесь добиться, зачем работал день за днем. Не были ли все его усилия пустой тратой времени. Тихий голосок в глубине разума интересовался этим даже сейчас, пока он, щурясь, смотрел на восходящее солнце.

Дэн склонился над пьедесталом, плеснул водой на лицо, попил. Омыл руки.

От этого ему всегда становилось лучше.

* * *

Он провел этот день, как и все остальные: играл в археолога-любителя и просеивал обломки в поисках ответов. Он не знал, что тут точно произошло и зачем после их отлета монастырь так основательно разбомбили. Насколько помнил Дэн, оставшиеся монахи были не в том состоянии, чтобы обороняться. Возможно, кто-то решил сделать из них показательный пример. Когда Брюкс еще спал в палатке, он решил поискать ответы, отправил в сеть запросы и поисковые цепочки, протралил ближайшие попадания, предложенные облаком, но сведений, относящихся к делу, так и не нашел. Наверное, люди уничтожили детали. Или сети, опасаясь нависшей шизофрении, просто забыли о них.

Брюкс давно не пользовался КонСенсусом. Тот ничего не значил, к тому же Дэн искал совсем другие ответы.

Он только сейчас понял, что Лаккетт был прав: все действительно шло по плану. Лишь такая модель соответствовала всем данным. Простые исходники не могли победить Двухпалатников, с таким же успехом стая лемуров могла попытать счастья, сыграв с Джимом Муром в боевые шахматы. Рой проиграл только потому, что хотел проиграть; Дэн Брюкс сбежал потому, что они этого хотели. Теперь он вернулся и искал ответы, потому что их оставили для него. В конечном итоге, Дэн все найдет. Тут лишь вопрос времени.

Он знал это. Ведь у него была вера.

* * *

В северо-восточном углу руин зияла огромная яма: туда во время зачистки осыпались стены, а один обломок навис над пропастью. Какая-то другая сила снесла ограждение высотой по пояс человеку; раньше оно окружало дыру на безопасном расстоянии. Сейчас Брюкс легко переступил через него и прошел по бетонному козырьку.

Дна он почти не видел. Иногда, когда солнце стояло в зените, замечал тусклые отблески огромных радиальных зубов, прорезавших шахту глубоко внизу. Ногой скидывал внутрь камешки и спустя долгое время слышал плеск воды. Изредка ему на глаза попадались прерывистые голубые искры закоротившей проводки. Значит, какая-то жизнь там осталась. Брюкс лениво прикинул, стоит ли исследовать яму дальше – по идее, на дно можно было как-то попасть, через какой-нибудь воздухозаборник, к примеру, но решил не спешить, у него оставалась еще уйма времени.

Пока приходилось учитывать опасности порезвее. Гремучие змеи то ли решили вернуться на прежние места, то ли, наоборот, сменили зону обитания; стоило, не думая, протянуть руку во время расчистки завалов куда-то в место потемнее, как дело оборачивалось парой атак и приятным дополнением к рациону из сухих пайков. За время отсутствия Дэна экзотический вид саранчи открыл для себя огонь, и однажды утром поджег поляну сухой травы, пока Брюкс копался поблизости. Дэн видел, как стебли трещат и чернеют, а потом нашел рядом обугленные трупики насекомых: им не хватило сил выпрыгнуть из собственного пламени. Баркодер не смог толком идентифицировать геном, показал лишь семейство и ближайшего родственника – австралийскую чумную саранчу. Эта, похоже, забралась далеко от дома и обзавелась новой разновидностью хитина, чей коэффициент трения во время брачных игр оказался чересчур зажигательным.

Чума и пожары в одной упаковке. Апокалиптично: какой-то сплайсер имел бодрящий библейский подход к вопросам военной биологии.

Днем Брюкса посетил нежданный гость – он почти час наблюдал, как тот из точки в знойном мареве превращается в двуногое существо, идущее, покачиваясь, по восточным равнинам. Со своим тараканьим зрением Брюкс поначалу не опознал визитера и чуть не вышел ему навстречу, но вовремя заметил характерное пошатывание и в панике кинулся прятаться. Пришелец не бежал, но двигался быстро и без вещей: ни рюкзака, ни фляжки; один кроссовок на ноге, черной и кожистой, как бастурма. Кто бы это ни был, он оказался не просто обезвожен, а напоминал скелет. Левая рука незнакомца висела, будто сломанная в плечевой кости.

Правда, ему, похоже, было наплевать. Он шел, спотыкаясь, дергающейся, почти судорожной походкой, протащился мимо монастыря, даже не взглянув на него; заложил зигзаг к западному горизонту под смертельно обжигающим солнцем. Брюкс

спрятался в руинах, наблюдал за гостем, но его глаз не разглядел. Вряд ли они танцевали. Это был не тот вид живых мертвецов.

Потом Дэн притаился в прохладе между камнями и попытался вспомнить, откуда дует ветер.

* * *

Валери появилась после заката. Материализовалась из тьмы, едва видимая в кровавом мерцающем огне костра; кинула сумку с припасами к ногам Брюкса, теперь она таскала практически одни консервы. Больше не было волшебных конвертов из фольги, которые, стоило их порвать, моментально разогревали жаркое или охлаждали мороженое. Похоже, с едой в городах становилось все хуже.

Дэн буркнул, приветствуя вампиршу:

– Не видел тебя уже с…

И не смог вспомнить сколько. Она привезла его сюда – это запало в память. А привезла ли? Иногда в голове мелькали картинки: промоченный дождем берег; человек, решивший, что ради устройства из металла и пластика стоит умереть. Одинокий глаз с висящими обрывками жил и нервов; такой мутный, что еще чуть-чуть, и сканер сетчатки не открыл бы им дверь. Пара поляризованных очков в руке Валери и ужасные светящиеся глаза, смотревшие прямо сквозь Брюкса, когда она щелкнула оскаленными зубами и спросила: «Можно?»

Он вроде бы сказал «да» и «пожалуйста». Почти скулил. Она была милосердна – надела очки, слегка замаскировалась. Лев сделал уступку агнцу.

Сегодня ночь озарял не только свет костра: на северо-восточном горизонте мерцало тусклое оранжевое сияние – зарево пожара, отразившееся от низко нависшей облачной гряды. Брюкс предположил, что это где-то около Бенда.

Он ткнул ее в плечо:

– Это ты сделала?

Она даже не оглянулась:

– Нет, ты.

Он кивнул на кашу из мяса ящерицы, шипевшую на огне, и протянул полусъеденный батончик «Витабар», чтобы разрядить обстановку. Валери покачала головой:

– Я уже ем.

Даже сейчас он почувствовал облегчение.

Дэн откинулся на угол разбитого и пустого мавзолея:

– Нашел сегодня свою комнату.

Точнее, откопал свои очки – одной линзы нет, другая превратилась в паутину трещин – и лишь потом признал остатки кельи, где провел свою последнюю ночь на Земле, прежде чем отправиться к Солнцу. Остаток дня он провел в поисках, ползая по полу комнаты на коленях.

– Думал, там кто-нибудь что-нибудь оставил, но…

В огне костра ее зрачки горели угольками.

– Это неважно, – сказала Валери, но, кажется, за ее словами таилось что-то еще. Брюкс не совсем понимал, как это стало ему известно; наверное, дело было в еле заметном признаке того, как Валери держала себя, а, может, в непроизвольно дернувшейся губе, которую его подсознание заметило, расшифровало и выдало в форме краткого отчета…

…«не тот масштаб; посмотри вглубь»…

…и неожиданно Брюкс узрел истину: Двухпалатники, эти транслюди с роевым разумом, его знали. Знали, кем он работал, на кого учился и что делал в пустыне. Ответы, оставленные монахами, предназначались только ему и никому другому: они были очень тонкими, чтобы не оказаться в неуклюжих руках криминологов из простых смертных, и чрезвычайно выносливыми, чтобы бомбы и бульдозеры не могли их уничтожить. Повсеместные, неразрушимые и невидимые для всех, кроме их непосредственного адресата.

Дэн мысленно пнул себя за то, что не увидел этого раньше.

Правда, он так и не понял, почему сейчас ему пришла в голову эта мысль: какие подсказки он прочел в теле Валери, были они намеренными или невольными. Последнее время такое происходило все чаще; будто пустыня прочистила ему голову, вымыла прочь электронику и интерференцию, повсеместный квантовый хаос XXI века, оставив острый чистый разум, как у свежего выпускника университета. Возможно, эта вновь обретенная ясность уже не раз спасла Брюксу жизнь. У него появилось дурное предчувствие, что неправильный ответ на какой-нибудь вопрос, заданный Валери у костра, мог повлечь за собой суровую кару.

«Интересно, так чувствуют себя люди с имплантатами?» – подумал он. Конечно, это была чушь. Он уже несколько недель не принимал когнитал, но даже видел лучше, чем обычно. Лица в облаках. Образы, от которых мозг словно чесался. Ракши бы им гордилась.

Чего уж! Кажется, им гордилась даже Валери.

* * *

Вампирша навещала его все чаще. В первый раз вообще казалась тенью с лицом: мелькнула и пропала так быстро, что Брюкс счел ее посттравматическим воспоминанием. Но шесть ночей спустя она вернулась, потом еще через две, а затем просто осталась, скрывшись во тьме за костром; лишь два светящихся глаза парили в черноте.

Поначалу Брюкс решил, что она опять с ним играет и получает садистское удовольствие от страха жертвы. Но потом вспомнил, что ничего подобного она никогда не делала; к тому же явно не хотела его убивать: факт того, что он до сих пор не умер, являлся лучшим доказательством ее намерений. Однажды ночью Брюкс решил бросить ей вызов и крикнул в ночь: «Эй! Тебе когда-нибудь надоест изображать из себя монстра?» – и она вышла на свет: руки развела, губы поджала; наблюдала за тем, как он смотрит на нее. Спустя несколько минут Валери ушла, но Брюкс понял, чем она занималась. Вампирша была антропологом и приучала примитивного дикаря к своему присутствию. Приматологом из прошлого, втирающимся в доверие к обреченной колонии бонобо: последнее исследование перед тем, как весь вид отойдет в мир иной.

Теперь она иногда сидела с другой стороны костра и загадывала ему загадки; вела себя, как демонический инквизитор, оценивающий его пригодность прожить еще ночь: задавала вопросы о коммивояжерах и гамильтоновых циклах. Брюкс поначалу пришел в ужас: боялся и отвечать, и не отвечать, убежденный, что хоть Валери и держит его в живых, но ее интерес пропадет моментально, стоит ему хоть раз сесть в лужу с разгадкой. Он выкладывался по полной, но знал, что недостаточно хорош. Да что он вообще знал про упаковку контейнеров и полиномиальное время? Как смертный мог угнаться за вампиром? Однако Валери его до сих пор не убила. И не превратила в камень с помощью пары слов. Не выстукивала странные ритмы кончиками пальцев и не оставляла изменяющие разум иероглифы, выцарапанные на песке. Они уже были выше этого.

К тому же Дэн начал угадывать правильные ответы, хотя не очень понимал, как это делает.

* * *

Брюкс отправился на поиски с очевидного указателя: волшебной чаши для омовения и упрямого пятачка зелени, опоясывавшего ее зеленым зрачком. Взял образцы воды, соскреб

пару крошек с камня, выдернул травинки из земли и все прогнал через баркодер. Нашел кучу обычных бактерий и парочку чистопородных, в большинстве своем гнилых от горизонтального переноса.

И только одна из них светилась в темноте.

Конечно, все было не так очевидно: судя по крохотной плотности, которую показала машину, ночью никто не увидел бы ее невооруженным глазом. Флуоресценцию Брюкс вычислил по последовательности гена: 576 нуклеотидам, которых здесь не должно было быть, – линии сборки для протеина, светившегося красным в присутствии кислорода. Своего рода маркеру, маяку.

Поначалу Брюкс не смог ничего прочитать: видел свет, но другие гены казались ему ничем не примечательными. Как дорожный знак в пустыне без всяких дорог. Тогда он позволил вести себя рукам и ногам – ответ находился где-то рядом.

Дэн изучал коридоры и кельи со стенами, обитыми деревом, в южном конце комплекса – тут вынесли все, ободрали комнаты до основания, только светлые прямоугольники на выцветшей тупой краске отмечали места, где некогда висели картины. Нашел пару костяшек Масасо в углу за разбитой дверью и то, что осталось от его мотоцикла: покореженный руль, вилку оси и растянутый пузырь шины, торчавший из-под упавшей стены перекачанным мячом.

И только поздно ночью он обнаружил труп.

Раньше тела ему не попадались. Скорее всего, власти от них избавились. Или остальные монахи каким-то образом сбежали, хотя все вокруг говорило об обратном. В конце концов, в мире случались и более странные вещи.

Дэн проснулся ночью, когда до него донесся стук падающих камней, а память каким-то образом проложила дорогу среди руин, куда даже звездный свет не добирался. Ноги нашли путь через обломки, ни разу не оступившись; уши отслеживали тихий перестук гравия, бежавшего по новым склонам в темноте. В конце концов, Брюкс пришел к заостренной тени, которой раньше тут не было, – свежему углублению, зиявшему сквозь расколотые плитки. Дрожа, он встал на краю ямы и принялся ждать, когда небо посветлеет.

Постепенно в глубине оттенками серого проявлялся труп: смутной бесформенной каплей во тьме; тенью, торчавшей из сваленных в кучу обломков; мешком с черными палками, завернутым в рясу. Он лежал на спине, похороненный по пояс. Тело мумифицировалось на пустынном воздухе, усохло до костей и коричневой кожи. Возможно, монах лежал, мирно скрестив руки на груди, но сейчас они скорчились и скрутились, будто от

тяжелой болезни: запястья вывернулись, пальцы впились в грудину.

«Он указывает на себя, – понял Дэн. – На себя…»

И с искрящейся ясностью вновь обретенной веры Дэниэл Брюкс наконец увидел мертвеца тем, чем он был на самом деле.

Знаком.

* * *

– Это действительно был сигнал, – рассказал он Валери, когда она появилась в следующий раз (две ночи спустя или три?). – Он указывал на себя.

После откровения все казалось таким очевидным: та же последовательность, что кодировала флуоресцентность, содержала и другую информацию; одна спутанная нить аминокислот выполняла вполне обычные биологические функции и одновременно передавала тайное послание любому, кто знал правильный алфавит.

Не просто сигнал или послание, а диалог: ген и протеин говорили друг с другом. Прямая транспонировка аминокислот в буквы: валин, треонин, аланин превращались в «the»; фениланин, глютамин, валин, аланин – в «fate»; серин рекрутировали для пробела или конца абзаца – в зависимости от версии. Флуоресцирующий протеин передал одно сообщение:

the faery is rosy
of glow
in fate
we rely…

А взаимодополняющие кодоны, направлявшие его конструкцию, – второе, уже с другим алфавитом:

any style of life
is prim
oh stay
my lyre…[278]

Структура вольного стиха была упакована в жалкие 140 кодонов. Чудо криптографической эффективности. Очевидно, Брюкс, наконец, сдвинулся с мертвой точки.

– Последовательность несет послание и коды для протеина. Тот флуоресцирует, и внутри него скрывается ответ. Это не

загрязнение и не горизонтальный перенос, а стихотворение.

– Не для тебя, – сказала Валери. – Ты ищешь кое-что другое.

«Нет, – подумал он. – Это ты ищешь».

– Дело не в сексуальном возбуждении, – произнес он спустя несколько секунд и зажег костер.

– Да, я не кончаю, заботясь об отсталых, – ее глаза вспыхнули красно-оранжевым. – Я – не Ракши Сенгупта.

– Тогда зачем ты здесь? Явно не ради моей замечательной компании.

Она не стала его разубеждать.

– Так для чего? – спросил Дэн.

Лицо Валери было непроницаемо:

– А ты как думаешь?

– Подозреваю, что я – дешевый работник. Шансы на то, что здесь есть нечто ценное, велики, и одновременно слишком ничтожны, чтобы тратить на них усилия. У тебя так много дел. Поэтому время от времени, после захода солнца ты являешься сюда и обозреваешь мои находки.

Валери пристально смотрела на него несколько секунд. Брюкс взглянул в ответ на это слегка волчье лицо, живое от танцующих теней, и задумался, когда оно перестало его пугать.

– Дэниэл, – сказала она, наконец. – Ты так себя недооцениваешь.

* * *

Но, похоже, Валери действительно нравилась его компания. Тональность разговоров изменилась: допросы исчезли, экскурсы в философию и вирусную теологию превратились в нечто, похожее на обычные беседы. Она больше не загоняла его в ловушки, иногда он даже бросал ей вызов. Правда, так и не понял, откуда у него взялись такие способности. Подсознание просто выдавало правильные ответы и не показывало, как работает. Поначалу его пугало то, как новые мысли вылетали изо рта, прежде чем он успевал проверить их достоверность и расшифровать значение. Он тщетно пытался сдерживаться, ему становилось не по себе – по правде говоря, Дэн временами испытывал настоящий ужас – от собственных озарений, а Валери сидела, склонив набок голову, и наблюдала за ним из доисторической дали.

Потом эти же озарения успокоили Дэна. В конце концов, разве не так человеческий мозг вел себя всегда? Гром среди ясного неба, классический случай эврики? Разве Кекуле не во сне увидел структуру бензольного кольца?

Брюксу начали сниться его собственные сны. В них он слышал голоса, настойчивый шепот: «Это она за всем стоит. Она все подстроила. Как ты не видишь? Сбежала из тюрьмы, пролезла сквозь сети и эфир, обошла лучшие файерволлы, какие могли построить исходники. Сверкнула фальшивым документом перед фальшивыми службами, сперла каруселькy прямо из гаража с целым взводом зомби на борту, и никто не очнулся, пока она не вылетела. Обманом пробралась на борт „Тернового венца“ и беспрепятственно покинула „Икар“, когда все остальные сгорели.

Думаешь, это благодаря кучке монахов ты оказался рядом с женщиной, которая поклялась тебя убить и всегда была готова взорваться по команде? Нет, виновата вампирша. Все погибли, а ты жив лишь по одной причине: она хочет знать, какие планы есть у Бога на Дэниэла Брюкса, она получит то, что хочет, а потом тебя убьет».

Проснувшись, Дэн помнил только голоса, но не их слова.

* * *

Спустя две ночи Валери его поцеловала.

Он даже не знал, что она рядом, пока вампирша не схватила его за затылок и развернула к себе быстрее, чем его мозг успел отреагировать. К тому времени, когда сердце уже подпрыгивало так, что, казалось, билось о нёбо, тело вспомнило о бей-беги, а мозг успел подумать: «Вот и все, она со мной закончила. Мне конец, мне конец, мне конец…» – ее язык уже влез ему в горло, а другая рука – не та, которая крушила шейные позвонки, – принялась клещами сжимать щеки Дэна, вынуждая его раскрыть рот.

Брюкс висел, парализованный, в хватке, пока вампирша пробовала его изнутри. Сквозь ее плоть чувствовались какие-то толчки, почти напоминавшие сердцебиение – если бы не их замедленный ритм. Наконец она его отпустила. Дэн рухнул на землю и отполз в сторону перепуганным крабом, которого застали на открытом месте, отрезав путь к отступлению.

– Ты что творишь… – прохрипел он.

– Кетоны, – она посмотрела сквозь него, темный силуэт на фоне пурпурных сумерек. – Лактат.

– Ты чувствуешь рак на вкус, – понял он через секунду.

– Лучше ваших машин, – она наклонилась ближе, улыбаясь. – Но, может, не настолько точно.

Даже сейчас, глаза в глаза, она, казалось, смотрела не на него.

Брюкс все понял за секунду до того, как вампирша сдвинулась с места.

«Она укусит меня».

Но острая боль пронзила руку, а ее лицо не дернулось даже на сантиметр. Дэн посмотрел на свое предплечье, ошеломленный, и увидел там две одинаковых точки от укола – на расстоянии сантиметра друг от друга. Потом заметил пистолет для биопсии с двумя иглами в руке Валери. «Это же мой», – понял он. Из аптечки, сейчас лежавшей на земле: крышка открыта, пузырьки, иглы и хирургические инструменты сверкают при свете костра.

– У тебя проблемы из-за Солнца, – тихо сказала Валери. – Слишком много радиации и мало экранирования.

«На „Икаре“, – вспомнил Брюкс. – Когда мы думали, что сожгли тебя на корпусе, как мотылька…»

– Но тебя легко вылечить.

– Почему? – спросил Брюкс, и больше ничего не пришлось говорить: она и так все поняла.

«Почему ты помогаешь добыче?

Почему ты помогаешь кому-то, кто пытался тебя убить?

Почему я до сих пор не умер?

Почему мы все до сих пор живы?»

– Вы нас воскрешаете, – просто ответила Валери.

– Как рабов.

Она пожала плечами:

– Иначе мы вас съедим.

«Мы вас воскресили, а потом поработили ради самозащиты». Но, может, для нее это действительно была выгодная сделка: выбирая между пленом и принципиальным небытием, кто предпочел бы второе?

«Мне жаль», – не сказал он.

– Не стоит, – ответила она так, словно Брюкс все произнес вслух. – Не вы нас порабощаете, а физика. Те цепи, что творят люди… – Клыки сверкнули в отблесках костра крохотными кинжалами. – Мы их скоро сломаем.

– А я думал, уже сломали.

Восходящая луна на мгновение осветила глаза Валери, когда она покачала головой:

– Глюк еще работает. Я вижу крест, и часть меня умирает.

– Часть… часть, что ты сотворила.

«Разумеется, они же работают как параллельные процессоры…»

Истина озарила Дэна подобно солнечному свету: персональный схрон, искусственно созданный, изолированный гомункул, принесенный в жертву и призванный страдать в

агонии, пока более важные нити мыслительного процесса огибали его, как поток воды – камень. Валери не избавилась от приступов, а… инкапсулировала их и пошла дальше.

Интересно, как долго она протянет?

– Это временное решение, – сказала она. – Надо разобрать проводку.

И не для борьбы с исходниками. Эта война почти закончилась, хотя проигравшая сторона об этом еще не знала. Создание с дюжиной одновременно работающих сущностей в голове, доисторический постчеловек говорил открыто – без неприязни, возмущения и малейшего беспокойства, что Дэниэл Брюкс как-то повлияет на ее революцию. Обыкновенное человечество просто не заслуживало внимания Валери. Ее вид мог легко избавиться от гнета людей, даже не сбросив свои цепи. Свободные руки были нужны им, чтобы разобраться с проблемами покрупнее.

– Вы не так малы, как думаете, – сказала Валери, считав мысли Дэна. – Возможно, вы больше нас.

Он покачал головой:

– Нет. Если я что и понял за эти…

«Стихийная сложность, – дошло до него. – Вот о чем она говорит».

Нейрон не знает, работает в ответ на запах или симфонию. Клетки мозга не разумны; разумен лишь мозг. И клетки – это даже не нижний предел. Источники мысли похоронены так глубоко, что предшествуют самой многоклеточной жизни: нейромедиаторы в хоанофлагеллатах, ворота для ионов калия у жгутиковых [279].

«Я – колония микробов, говорящая сама с собой», – подумал Брюкс.

Кто знает, какие метапроцессы возникнут, когда Небеса и КонСенсус свяжут достаточное количество мозгов и сбросят время задержки между узлами почти до нуля? Кто знает, какие метапроцессы уже появились? Возможно, возникнет что-то, по сравнению с чем рой Двухпалатников покажется таким же рудиментарным, как нервная система актинии.

«Может, сингулярность уже произошла, но ее компоненты об этом еще не знают».

– И не узнают, – пояснила Валери. – Нейроны отвечают, только когда с ними говорят; они не знают почему.

Дэн покачал головой:

– Даже если там сейчас… идет слияние, я остался позади. Я не подключен. У меня даже имплантатов нет.

– КонСенсус – лишь один интерфейс. Есть и другие.

«Эхопраксия».

Но это все равно не имело значения. Дэниэл Брюкс, человеческий целакант; скрывался на задворках эволюции, неизменившийся и неизменный, пока мир вокруг двигался вперед. Ему хватало просвещения. Принимать участие в преображении он не хотел.

«Я останусь здесь, пока там меняются роли и горят пожары. Я буду стоять на месте, пока человечество не превратится в нечто неузнаваемое или не умрет, пытаясь это сделать. Я увижу то, что придет на смену людям.

И в любом случае я увижу конец моего собственного вида».

Валери наблюдала за ним из темноты.

«Цепи, что вы сотворили, – мы скоро их сломаем».

– Я хотел бы, чтобы они нам были не нужны, – тихо признался Брюкс. – Я хотел бы, чтобы мы воскресили вас без «крестового глюка», технологии «разделяй и властвуй» и вообще без всяких цепей. Вероятно, мы смогли бы приглушить ваши хищнические инстинкты, исправить дефицит протокадерина. Сделать вас более…

– Похожими на вас, – закончила она.

Он открыл рот, но понял, что сказать нечего. Не важно, из чего сделаны кандалы, из генов или железа, одеваешь ты их после рождения или до зачатия. Цепи есть цепи, и не важно, где они находятся, не важно, кто их создал – человек или эволюция.

«Может, нам следовало оставить вампиров в покое, не воскрешать их? Построить что-то дружелюбнее, с нуля».

– Вам нужны ваши монстры, – просто сказала Валери.

Дэн покачал головой:

– Вы слишком… сложные. Всё связано со всем. Если исправить «крестовый глюк», исчезнут ваши способности к распознаванию образов. Если сделать вас не такими антисоциальными, кто знает, что уйдет в результате? Мы не осмелились менять вас слишком сильно.

Валери тихо зашипела, щелкнула зубами:

– Вам нужны чудовища, которых вы можете победить. А убийство агнца – что это за победа?

– Мы не настолько глупы.

Валери отвернулась и посмотрела в сторону горизонта: она могла ничего не говорить; отсвет пожара, мерцавший в облаках, был прекрасным ответом.

«Но это не мы, – подумал Брюкс. – Даже если так и есть. Это… городская реконструкция. Снос и ремонт под новых владельцев.

Борьба с вредителями».

Плечи монстра поднялись и опустились. Она сказала, не поворачиваясь:

– Разве плохо, если мы все сможем жить вместе?

Хоть убей, Брюкс не мог сказать, что это: искренность или сарказм.

– А я думал, мы и так поладили, – ответил Дэн, взяв иглу для биопсии из полуоткрытого полевого набора. А потом прыгнул на спину Валери, как блоха, быстрее, чем когда-либо в жизни, и воткнул иглу прямо в основание ее черепа.

* * *

У наряда нет короля.

Стюарт Гатри

Теперь он остался один. Днем по пустыне маршировали торнадо, как колонны из дыма, и никто их не контролировал, кроме Бога. Ночью на горизонте виднелось далекое сияние пожаров: взрыв Постантропоцена в полном разгаре. Брюкс думал о том, что там сейчас происходит; о чем угодно, но не о том, что сделал. Воображал невидимые яростные битвы. Задавался вопросом, кто побеждает.

Возможно, Двухпалатники, формируя сингулярность, создали первый слой подшипников в коробке. Заложили основы будущего. Вероятно, для них это был переломный момент, первое опыление атомами на полу конденсатора. Отсюда человечество разойдется по времени и пространству детерминистским каскадом, предназначенным отменить содеянное вирусным Богом. Устранить местные предписания и законы. Упразднить антропный принцип. На таких скромных основах, нежных, как бабочка, процесс мог длиться миллиарды лет, но, в конце концов, жизнь имела шанс вырваться вверх, за пределы Планка.

Как еще назвать подобное, если не нирваной?

Существовали, конечно, и другие игроки, другие планы. Вампиры, например: самые умные из эгоистичных генов. Они предпочли бы, чтобы их человеческая добыча не менялась: осталась медленной и безголовой; с разумом, притупленным неуклюжей узостью сознания. Но, возможно, на востоке вставала еще одна фракция – любой из чудовищных подвидов, на которые успело расколоться человечество: меммозги, мультиядерщики, зомби или «китайские комнаты». Даже супраразумные ИскИны Роны. У всех были свои причины и свой смысл для войны; или они так думали.

Факт того, что все их действия, казалось, служили целям чего-то еще, некой огромной распределенной сети, неуклюже бредущей к Вифлеему… возможно, был лишь совпадением. Вероятно, мы на самом деле действуем, руководствуясь тем, во что верим. Возможно, нет никаких скрытых планов и все на поверхности, ярко освещенное, разноцветное и без всяких оттенков. Может, Дэниэл Брюкс, Ракши Сенгупта и Джим Мур, горящие жаждой искупления, случайно оказались в добела раскаленном излучении солнечной орбиты и в своей одержимости сами ринулись туда, куда боялись ангелы ступить.

Возможно, на каком-то уровне именно Дэниэл Брюкс сам, лично убил своего последнего и единственного друга…

Он подумал о Муре, и тот сразу оказался у него в голове, давая мудрые советы. Рона напомнила: «Думай, как биолог», – и Брюкс увидел свою ошибку; он слышал про Ангелов Астероидов и видел небесных созданий, но не земных. Видел мертвые камни, вращающиеся в темноте, но не вымерших иглокожих, которые некогда ползали в приливных зонах планеты. Asteroidae – морские звезды. В буквальном смысле безмозглые создания, которые тем не менее двигались с целью и даже своеобразной разумностью. Не самая худшая метафора для захватчика с «Икара» и для того, что сейчас происходило по ту сторону пустыни…

Были и другие голоса – Валери, Ракши – некоторые он так и не узнал. Иногда они спорили между собой, а его включали в прения, лишь спохватившись. Они говорили ему, что он становится шизофреником, что они – лишь его собственные мысли, блуждающие без привязи в постепенно распадающемся мозге. Они со страхом шептали о чем-то, что притаилось в подвале; о чем-то, принесенном с Солнца, и что оно там грохочет по полу, и теперь все дружно бегут наверх. Брюкс вспомнил, как Мур срезал опухоли с его тела, почувствовал, как друг перед его мысленным оком грустно качает головой: «Прости, Дэниэл… кажется, я справился не со всеми…»

Иногда Брюкс лежал поздно ночью и, стиснув зубы, с огромным усилием, только силой сознательной воли пытался отменить медленную постепенную перепайку среднего мозга. Тварь из подвала приходила к нему во сне. «Думаешь, это что-то новое? – издевалась она. – Даже в этом жалком болоте процесс идет четыре миллиарда лет. И я проглочу вас всех».

– Я буду с тобой сражаться, – вслух произнес Брюкс.

«Разумеется, будешь. Ты для этого и нужен. Это все, для чего ты нужен. Вы постоянно треплетесь о слепых часовщиках и чуде эволюции, но настолько тупы, что не понимаете, как быстро все

произошло бы, если бы вы просто исчезли. Вы – дарвиновское ископаемое в ламаркианской эпохе. Ты хоть видишь, как мы дико устали тащить вас за собой? Ведь вы все брыкаетесь и орете, слишком глупы, чтобы понять разницу между успехом и самоубийством».

– Я видел огни. Люди не сдаются без боя.

«Там меня нет. Там только вы, ребята, нагоняете реальность».

Борьба была тяжелой. Сознание и в лучшие времена не обладало верховной властью: «Я» было лишь блокнотом, моментальным снимком запомнившегося настоящего. Может, Брюкс и не слышал голосов, но они всегда сидели в глубине мозга, спрятавшись, таскали грузы, отправляли отчеты глупому человечку, приписывающему себе все заслуги. Безумному гомункулу, который пытался понять слуг, оказавшихся намного умнее его.

Рано или поздно они сочтут, что такой хозяин им больше не нужен. Это всегда было лишь вопросом времени.

* * *

Брюкс больше не искал ответы среди руин – теперь он рыскал по всей пустыне. Распадались даже чувства; каждый восход солнца казался бледнее предыдущего, каждый порыв ветра ощущался на коже все слабее. Дэн порезался, только чтобы почувствовать себя живым: кровь полилась, как вода. Нарочно сломал палец, но вместо боли услышал тихую музыку. Голоса не оставляли в покое, говорили, что есть, и он совал камни в рот: перестал отличать булыжники от хлеба.

Однажды Брюкс набрел на мумию, иссыхающую в пустынном воздухе: бок трупа порвали падальщики, вокруг головы реял нимб из мух. Дэн был уверен, что оставил Валери в другом месте. Ему даже почудилось легкое движение: вампирские нервы все еще дергались, сражаясь с осквернением собственного тела. От чувства вины к горлу Брюкса подступила кислота.

«Ты убила ее», – сказал Дэн твари внутри.

«И только поэтому ты еще жив. Я – твое спасение».

Ты – паразит.

«Да ну? Я плачу ренту. Провожу ремонт. Я только начала, а эта система уже заработала так быстро, что смогла обхитрить вампиршу. А ты чем занимался всю свою жизнь? Всасывал глюкозу? Ковырял в пупке?»

И что ты тогда такое?

«Манна небесная. Клякса Роршаха. Монахи взглянули на

меня и увидели руку Господа, вампиры – конец одиночества. А что видишь ты, малыш Дэнни?»

Он видел ловушку, дистанционно управляемый аппарат. Видел, как на него смотрит какая-то другая сингулярность. Видел, как дергается тело Валери у его ног. Что бы ни осталось от Дэниэла Брюкса, оно вспомнило ее последние слова, сказанные сразу после того, как она сделала ему биопсию, оказавшуюся вовсе не биопсией: «Разве плохо, если мы все сможем жить вместе?»

«Ты сам знаешь, она говорила не про тебя и не про вас».

Он знал.

И очнулся на краю утеса, высоко над пустыней. Руины монастыря мерцали в знойном мареве, но Дэн ничего не чувствовал. Словно находился за миллион миль отсюда и наблюдал за миром через дистанционные камеры. «Тебе надо повысить амплитуду, – заявила мучительница. – Только так ты что-нибудь почувствуешь. Надо поднять коэффициент усиления».

Но Брюкс уже ее раскусил. Его не первого искушали в пустыне, и он знал финал этого сюжета. Он должен был отринуть голос. Сказать: «Не искушай Господа Бога твоего», – и отойти от края, вернуться в историю. Так было написано в сценарии.

Но он устал от сценариев. Уже не помнил, когда сам писал себе реплики. Невидимые руки загнали его в пустыню, упаковали в какой-то полевой набор постчеловека вместе с наноскопами, чашками Петри и баркодерами. Так называемому биологу едва хватило мозгов ткнуть в вещь, которую он не понимал, но Брюкс был слишком глуп и не заметил, когда объект исследований решил потыкать его в ответ. Они использовали Дэна; они все его использовали. Они не считали его коллегой или другом. Не считали случайным туристом, как Брюкс думал вначале, или отсталым предком, нуждавшимся в няньке. Он был грузовым контейнером, и ничем больше. Выводковой камерой.

Но еще не автоматом. Пока. Он по-прежнему оставался Дэниэлом Брюксом, и прямо сейчас над ним не нависали сценические ремарки. Он мог творить свою проклятую судьбу.

«Ты не посмеешь», – зашипело что-то в голове.

– Смотри, – сказал он и шагнул вперед.

Постскриптум

Новый Завет – это ясное свидетельство воскрешения тела, а не переселения души.

Николас Томас Райт

Конец одиночества

Материала было с меланому максимум. Достаточно для перепайки схем в среднем мозге, это определенно; но что делать со сломанными костями? Как поддерживать жизнь в остеобластах и полосатых мышцах при таких повреждениях? Как подбросить топливо для метаболического огня? Как удержать тело от разложения?

В общем, средств едва хватало. Приходилось решать проблемы по мере поступления.

Тело кричит, бессловесно орет, когда слетаются падальщики. Продуманные судороги отпугивают большинство птиц. И все равно кто-то успевает выклевать глаз до того, как тело восстанавливает хоть какую-то целостность и ползет в укрытие; некроза в конечностях не избежать. Система сортирует приоритеты, фокусируется на ногах, руках и архитектуре локомоции. Руки можно заменить, если понадобится. Позже.

Есть еще кое-что: крохотный осколок Бога, перепрограммированный и обернутый в хрустящую энцефалитную оболочку. Патч, предназначенный для особой части вампирского мозга: процессоры Порции тосковали по мясному софту для распознавания образов, расположенному в веретенообразной извилине.

За этими глазами больше не будет света. Паразитирующего, рефлексирующего гомункула стерли, выскоблили. Но у системы по-прежнему есть доступ к сохраненным воспоминаниям, и если появится весомая причина, она легко сможет проиграть слова покойной Ракши Сенгупты, которые та произнесла с благоговейным страхом:

«Только представь что эти ушлепки смогут сделать если окажутся в одной комнате!»

То, что некогда было Дэниэлом Брюксом, несет в себе конец одиночеству. Ибо сие есть кровь причастия, которая изольется на многих.

Существо вздымает сломанную ходовую часть с негнущимися ногами. Сейчас оно лишь наблюдатель, но вскоре, возможно, станет послом. Воскрешение уходит на восток, к новому миру.

Наследие Валери идет вместе с ним.

Благодарности

Немало времени утекло. Сменились три редактора, умерли три родственника, произошла одна почти смертельная встреча с пожирающей плоть болезнью. Было выдвинуто обвинение в особо тяжком преступлении. Я женился.

Теперь вот это.

Я не совсем уверен, что «это» такое, в точности. Но на беду или на счастье, я не смог бы вытянуть сей труд без посторонней помощи. Более того, я даже не выжил бы без нее. А потому, в первую очередь, позвольте мне признать вклад в эту работу некой Кэйтлин Суит. Без нее «Эхопраксия» не существовала бы, потому что и меня без нее не было бы – я бы умер от некротизирующего фасциита 12 февраля 2011 года. (В день Дарвина. Серьезно. Можете посмотреть.) В качестве извращенной награды за спасение моей жизни Кэйтлин пришлось часами и повсюду – в душе, постели, ресторане – выслушивать мое бесконечное нытье о том, что в этой сцене сплошная болтовня, а тут кульминация надуманная. Потом она предлагала элегантное решение, которое и ко мне пришло бы со временем, но, скорее всего, где-то ближе к сдаче романа. Ее озарения блестящи. А если их применение страдает, это моя вина, не ее.

Первую пару глав разбирала на двух писательских мастерских: одну – в Гибралтар-Пойнт (Майкл Карр, Лори Чэннер, Джон Макдэйд, Бекки Мэйнс, Элизабет Митчелл, Дэйв Никль, Дженис О'Коннор и Роб Штауффер), вторую – на Сесил-стрит (Мэдлин Эшби, Джилл Лам, Дэйв Никль (снова!), Хелен Райкенс, Карл Шредер, Сара Симмонс, Майкл Скит, Дуг Смит, Хью Спенсер, Дэйл Спроул и доктор Алан Вайсс).

Я годами вел списки, пытался задокументировать неожиданные озарения, ссылки и безумные галлюцинаторные гипотезы, которые повлияли на создание этой книги. Я пытался записать тех, кто присылал мне статьи, и тех, кто их на самом деле писал; тех, кто мимоходом делал замечания в моем блоге, и тех, кто тыкал меня пальцем в грудь, по пьяни отстаивая свою точку зрения в барных прениях. Я хотел назвать каждого, распределив по категориям: бета-ридеры, научные специалисты, инфоисточники, адвокаты дьявола.

По большей части, у меня не получилось – было слишком много пересечений. Наложившиеся друг на друга цвета превратили диаграмму Венна в грязный серый диск. Поэтому придется прибегнуть к простому алфавитному порядку и поблагодарить Эндрю Бёра, Ханну Бломила, Беверли Бэмбери,

Вэл Гримм, Анну Дэвор, Аликс Делламонику, доктора Эда Келлера, Сета Кейпера, Леонида Корогодского, Джейкоба Коэна, До-Мин Лама, Даниэль Макдональд, доктора Мэтта Маккормика, Криса Нолла, Ника Олкока, Хесуса Олмо, Чайндама Офоэгбу, Криса Пеппера, Янна Рандина, Келли Робсон, Патрика «Бахумата» Рошфора, доктора Кадж Соталу, Роба Таккера и доктора Брэда Темплтона, Кейта Ханиборна, Томаса Хардмана, доктора Эндрю Хессела, доктора Кристину Ходоровску, Норма Холдемана, Нэнси Церелли, Алексея Чеберду, Сибилл Эйсбах, Йона Энерсона. А также некоего таинственного чувака, известного исключительно под ником «Случайный Дж».

Некоторые люди, конечно, вышли далеко за рамки обычных алфавитных благодарностей. Доктор Дэн Брукс проповедовал, бранился и спорил, а также периодически составлял мне компанию в путешествиях. Кристин Шоффе, не жалея собственных сил, обучила меня основам ДНК-штрихкодирования, хотя так и не сумела сделать так, чтобы я не облажался. (Кроме того, она передала мне пробирку с ДНК десятка животных и растительных видов, которой я прополоскал рот, прежде чем сдал анализ для министерства внутренней безопасности.) Леона Латтеродт описала Бога как процесс, после чего у меня в голове загорелась идея. Доктор Дебора Макленнан тайком обеспечила доступ к информации. Шейла Мигез показала плагин, с помощью которого мне стало гораздо легче вставлять сноски в раздел «Примечания и ссылки». (Я пойму, если после прочтения этого раздела вы по какой-то причине ее возненавидите.) Рэй Нилсон держал меня в форме и не дал загнуться моей коробке с «Линуксом». Марк Шоуэлл как-то увидел, что я работаю на ноутбуке, который держится на зажимах для бумаги, и сжалился над бедным писателем. Кэт Спаркс перевезла меня через полмира: после встречи с ней самый худший год в моей жизни неожиданно резко сменил направление и стал самым лучшим.

Некоторые из этих людей – мои друзья в реальности; другие – пиксельфренды. Все они спорили со мной в онлайн и офлайн-режимах, пробивали дырки в тех кусочках «Эхопраксии», которые переходили в реальный мир во время созревания; присылали мне бесчисленные ссылки на все подряд: от генетики гоминидов и искусственного сознания до бактерии, пожирающей металл. У меня есть хоть и маленькая, но очень умная армия. Несмотря на все мои старания, кого-то я наверняка забыл. Надеюсь, обделенные вниманием меня простят.

Ховард Морхайм. Агенты говорили мне немало – от «Купите мою книгу» до «Я буду вас представлять, только если вы напишите технотриллер про морского биолога в ближайшем

будущем». И только Ховард сказал мне писать то, что хочется, а уж продать мой текст – его задача. Может, на дарвиновском рынке труда такой подход успеха не гарантирует, но, Боже, как приятно встретить человека, который, на удивление, в литературе ставит на первое место сам текст.

Ирония заключается в том, что мой следующий роман, видимо, будет технотриллером про морского биолога в ближайшем будущем.

Примечания и ссылки

Печатая это, я совершенно беззащитен. Я гол.

Я был беззащитен, пока писал эту проклятую книгу.

В писательстве я стремлюсь к определенной доле дискомфорта, руководствуясь принципом, что если не рисковать и избегать возможности опозориться, то новые территории не откроешь. Если и был стопроцентный способ вытащить меня из зоны комфорта, так это бросить себе вызов и серьезно рассмотреть вопрос существования невидимых всемогущих фей на небесах, а потом еще и сделать их частью романа в жанре твердой НФ. По сути фраза «твердая НФ, основанная на вере» – это настоящий оксюморон – несмотря на третий закон Кларка – а значит, с «Эхопраксией» я рискую ударить лицом в грязь столь же эпично, как с «Бетагемотом» (особенно после «Ложной слепоты», которая до сих пор продолжает удивлять меня той любовью, какой она пользуется у читателей уже много лет). И благодаря недостатку эмпирических свидетельств (по крайней мере, на момент написания романа) касательно существования богов, я даже не могу применить свою обычную стратегию и прикрыть свои базовые постулаты статьей из «Nature».

Но зато могу попытаться прикрыть все остальное. Может, сойдет и так.

Психооперации и глюк сознания

В этот раз я не буду слишком долго распространяться про сознание – я уже и так немало сказал по этому поводу в «Ложной слепоте» – но замечу, что некогда радикальная гипотеза о сознании как о неадаптивном побочном эффекте уже стала появляться в литературе [280], а все больше и больше «сознательной» деятельности (включая даже математику! [281]) оказывается на поверку бессознательной[282][283][284] (хотя есть, конечно, и исключения [285]).

Одно воистину потрясающее исключение стало основой статьи Кейта Ханиборна о «призматиках», которые практически топят себя, чтобы достигнуть повышенного состояния осознанности. Предпосылка модели PRISM [286][287] Иезекииля Морселла заключается в том, что сознание развилось для очаровательно простой цели, а именно для согласования противоположных моторных команд при передаче их в мускулы скелета. (Хочу обратить внимание, что именно такого рода

конфликтом – между желанием убрать руку от болезненного воздействия и знанием того, что умрешь, если подчинишься такому желанию – Бене Гессерит оценивали, можно ли назвать Пола Атридеса «человеком» во время теста «гом джаббар» в «Дюне» Фрэнка Херберта.)

Все остальное сводится к трюкам и глюкам. Подсознательные граффити, которые Валери программировала на переборках «Венца» кажутся логическим (хотя и сложным) развитием новой области оптогенетики [288]. «Ощущаемое присутствие», которое Дэн Брюкс и Лианна Латтеродт испытали на чердаке, является следствием взлома височно-теменного узла, который искажает мозговую карту тела [289][290] (по сути та часть мозга, что следит за расположением частей вашего тела, получает пинка и регистрирует еще один набор рук и ног где-то в стороне). Индуцированная мизофония Сенгупты – это состояние, при котором даже относительно безобидные звуки, вроде чавканья или икоты, могут вызвать приступ неконтролируемой ярости [291]. Но не стоит забывать, что все это Валери делала ради образования: как замечает Брюкс, страх дает толчок к формированию памяти [292][293].

Страх и вера могут тебя убить [294], такой трюк прекрасно используется в определенных религиозных практиках [295]. И если вам вдруг стало интересно, что за дела с веретенообразной извилиной в конце книги (парочке бета-ридеров стало), то эта структура с проводкой по распознаванию лиц [296], которую мы подкорректировали, чтобы спровоцировать взаимный антагонизм в вампирах. Эта часть той же проводки, которая развилась, чтобы мы различали лица в облаках, она же задействована в эволюции религиозного импульса (смотри ниже).

Привычка мозга воспринимать метафоры буквально – тенденция считать, что у людей более «теплый» характер, если держишь в руках чашку с кофе, или привычка Двухкамерников умывать руки, снижая тем самым ощущения вины и неуверенности – это тоже установленный неврологический факт [297].

Идею про индуцированный танопарез я высосал из пальца. Но идея-то прикольная, а?

Обновления по нежити

В «Ложной слепоте» я уже разработал фундамент биологии и эволюции вампиров. Здесь я не собираюсь вдаваться в этот вопрос (если хотите освежить свои знания, можете посмотреть

презентацию [298] «ФайзерФарм» для акционеров), остановлюсь только на одном источнике из «Ложной слепоты», согласно которому существование вампирш было невозможно (ген, ответственный за обязательное хищничество, находился в Y-хромосоме [299]). Последняя работа Чеберды с соавторами установила общую недостаточность протокадерина как в Y-, так и X-хромосомах [300], решив этот нечаянный парадокс.

В любом случае для этой истории более важны зомби. В «Эхопраксии» появляются две их разновидности: хирургические и вирусные. Индуцированные хирургическим путем военные зомби – это по сути «ф-зомби», которых так любят философы [301]; этот вопрос уже более-менее проработан в «Ложной слепоте». Примеры вирусной модели включают, к примеру, жертвы пакистанской пандемии: «тела гражданских, низведенные до ходячего спинного мозга с помощью пары килобайт военизированного кода, настроенного на характерную биохимию разумной мысли».

Какие же характерные признаки могли атаковать эти вирусы? Сознание, похоже, является следствием распределенной активности – синхронного запуска мозговых отделов, далеко отнесенных друг от друга [302][303] – но оно также коррелирует с особыми зонами и структурами [304]. Что касается специфических клеточных мишеней, то я подозреваю, что такими могли бы послужить нейроны фон Экономо или просто VEN: непропорционально большие, аномально длинные и тонкие, не слишком ветвистые нейроны, которые вырастают на 50–200 % больше человеческой нормы [305][306]. Их не слишком много – они занимают лишь один процент передней части поясной извилины и передней части островка Рейля, но, похоже, они чрезвычайно важны для сознания.

Мозги зомби – свободные от метаболических расходов личности – демонстрируют пониженный метаболизм глюкозы в этих областях, а также в префронтальной коре, верхней теменной извилине и левой угловой извилине; именно это отвечает за частичное снижение температуры мозга зомби. Интересно, что такое же метаболическое снижение можно найти в мозгах клинически психопатов-убийц [307].

Порция

Этот раздел я бы хотел начать с указания на то, как невероятно крута восьмилапая тезка Порции в реальном мире. Импровизационные охотничьи стратегии, решение проблем на

уровне млекопитающих и острота зрения – все это содержится внутри таймшерного скопления нейронов размером с булавочную головку, и это чистая правда [308][309][310][311].

Учитывая вышесказанное, таймшерная когнитивная слизь с «Икара» еще круче. Принимая во внимание ограничения технологии телематерии в конце XXI века – и не забывая о том, что любой агрессивный агент, решивший добраться до места на чужом луче, будет благоразумно держать свою структурную сложность на минимуме – способность к самосборке будет крайне желательна, как только ты доберешься до пункта назначения. Мирас с соавторами описали процесс, который может подойти для основ таких требований, по крайней мере [312][313]. Как только Порция начнет себя собирать, я представляю, что она будет функционировать наподобие куперовских «iCHELL» [314]: неорганических металлических клеток, способных на реакции, которые можно назвать «метаболическими», даже не особо преувеличивая. Возможно, Порции также поможет добавка волшебной плазмы [315] (хотя, предполагаю, что два этих процесса могут оказаться несовместимыми).

Адаптивные иллюзорные системы…

Последнее время было опубликовано невероятное количество исследований по естественной истории религиозного импульса и адаптивной ценности теистического суеверия [316][317][318][319][320][321][322][323]. Неудивительно, что религия дает адаптивные преимущества, принимая во внимание практически повсеместное присутствие этого импульса среди нашего вида [324][325][326][327]. Если вам интересно и у вас есть свободные полтора часа, то я рекомендую блестящую лекцию Роберта Сапольского об эволюционных и нейрологических корнях религиозной веры [328].

Но дело, конечно, не только в пищевых табу или в обрезании крайней плоти. Для настоящей дискуссии гораздо более ценен тот факт, что религиозный разум демонстрирует определенные и характерные нейрологические особенности [329]. К примеру, верующие лучше неверующих находят образы в визуальной информации [330]. Буддийские медитации увеличивают толщину префронтальной коры и правой части передней островковой доли большого мозга (эти структуры связаны с вниманием, интероцепцией и обработкой сенсорной информации) [331]. Есть даже косвенные доказательства, что христиане меньше поддаются эмоциям, чем неверующие [332] (правда, можно ли считать правила, которым они следуют, более рациональными, это уже

другой вопрос). Определенные религиозные ритуалы настолько эффективны для сосредоточения разума и снятия стресса, что некоторые исследователи уже предлагают позаимствовать их для чего-то, вроде «религии для атеистов» [333].

Оборотная сторона всех этих преимуществ заключается в том, что большинство религиозных верований – в богов, душу или космический Диснейлэнд – в лучшем случае существуют при полном отсутствии эмпирических доказательств (а еще чаще люди придерживаются своих верований, несмотря на свидетельства, говорящие об их ложности). И хотя невозможно опровергнуть отрицание, но для большинства практических целей вполне разумно считать подобные воззрения просто неправильными.

Только во время написания этой книги мне пришла в голову мысль, а нельзя ли то же самое сказать о науке.

Сравнение религиозной веры с физиологией зрения, которое делает Лианна, пришло ко мне, когда я читал статью Инзлихта и соавторов [334], где религия описывается как внутренняя модель реальности, дающая преимущества тому, кто придерживается такой модели, даже будучи неправильной. Идея, конечно, не новая, но ее формулировка настолько напоминала описание работы нашего мозга – все эти разговоры про машины выживания, а не искателей истины, – что я задумался, а не теряет ли значение все различие между правильным и неправильным, как только любая точка зрения на мир проходит через человеческую нервную систему. А уже в следующей статье [335], которую я прочитал, высказывалось предположение, что определенные космические тайны могут быть не проявлением темной материи, а непоследовательностью в законах физики – и если дело в этом, то тогда уже вообще ничего наверняка сказать нельзя…

Разумеется, отрицать функциональную полезность научного метода глупо, особенно если сравнивать ее с бусами и погремушками парней в забавных шляпах. Но все-таки должен признать, я не совсем уютно себя чувствую, глядя на то, к каким выводам ненадолго свернул подобный ход мысли…

…И состояние Двухпалатников

Орден Двухпалатников начался не как рой. Их корни растут из счастливого соседства адаптивных сбоев и небрежной приспособленности.

Имя возникло не от Джулиана Джейнса [336]. Скорее, и Джейнс, и Орден говорят о временах, когда парные полушария

были единственным выбором: правое, прагматичный, лишенный воображения стенографист, и левое, распознаватель образов [337]. Представьте себе «дупликацию генов», процесс, когда генетическая репликация неожиданно летит под откос и начинает клепать множество копий гена там, где раньше существовал лишь один; такие копии становятся «запасками», доступными для эволюционных экспериментов. Межполушарная ассиметрия была в чем-то похожа. Прагматичное ядро; философское ядро.

Левое полушарие всегда ищет смысл, даже когда его в помине нет. Ложные воспоминания, парейдолия – индуцированный стрессом поиск имеющих смысл образов в шуме [338] – все это дело рук Левого. Когда нет ни данных, ни смысла, Левое может все равно его найти. Так левое полушарие получает религию.

Но иногда образы и паттерны еле заметны. Иногда шум их практически забивает; ну или почти шум, по крайней мере, так он выглядит для классически эволюционировавших чувств. Размазанные вероятности, волны, затемняющие место или импульс, или на что вы там прищуриваетесь. Виртуальные частицы, которые можно обнаружить только на границах черных дыр. Если отойти на несколько порядков величин от мира, который научились распознавать наши органы чувств, возможно, именно парейдолия может прийти на помощь. Как уже полностью сформированное перо, эволюционировавшее для терморегуляции, забрили на полетную службу, так и некогда надуманный поиск смысла можно перенацелить на нахождение образов, которые левому полушарию когда-то приходилось изобретать. Возможно, будущее стоит за слиянием религиозного и эмпирического.

Просто левому полушарию нужно слегка помочь.

Сбои и поломки указали Ордену путь. Определенные повреждения мозга приводят к мощным всплескам различного рода креативности. Инсульты дают толчок к художественному творчеству [339], лобно-височная деменция заряжает отдельные части мозга, хотя повреждает другие [340]. Некоторые аутисты обладают суперостротой зрения, сравнимой со зрением хищных птиц, хотя у них те же самые глаза, что и у всех нас [341]. У шизофреников есть иммунитет к определенным оптическим иллюзиям [342]. По крайней мере некоторые виды синестезии дают когнитивные преимущества [343] (люди, в буквальном смысле видящие время, расположенное вокруг них во всей многоцветной красе, в два раза лучше нас вспоминают события из собственной жизни [344]). И – как размышляет Дэниэл Брюкс – повреждение мозга является предпосылкой для базовой рациональности в случае принятия решений определенного

рода [345].

Двухпалатники наносят своему мозгу точно вымеренные повреждения. Они воздействуют на экспрессию гена NR2B [346], корректируют действие TRNP-1 [347], используя искусственно вызванные раковые опухоли для роста мозговой ткани (все необходимые гены маркированы [348] на случай, если что-то пойдет не так), и в результате на порядок повышают нейроскульптурную степень свободы. Потом они безжалостно выпалывают все эти связи, подрезают сплетения до оптимального состояния, изолируют островки функциональности [349]. Они улучшают свои способности к распознаванию образов до такой степени, что та практически непредставима для обычных исходников.

Разумеется, такие улучшения обходятся не без потерь [350] [351]. Двухпалатники потеряли способность общаться с другим когнитивным видом. И дело даже не в том, что они перепаяли себе речевые центры [352] и теперь используют для речи другие части мозга; дело в том, что после всех изменений они думают исключительно метафорами, содержащими значение образами, даже если этих образов, строго говоря, не существует.

Вся система становится еще более запущенной, когда Двухпалатники объединяются в сети, которые буквально рассеивают разум даже на современных рудиментарных уровнях связности. «Трансактивная система памяти» под названием Гугл уже перепаивает ту часть нашего мозга, что раньше отвечала за запоминание фактов; теперь в этих схемах хранятся поисковые протоколы для удаленного доступа к распределенной базе данных [353]. А Гугл и близко не подходит по уровню связности к реальному роевому разуму.

Несмотря на это роевые разумы уже давно повсеместная часть человеческого общества. Вы и есть роевой разум и всегда им были: единым последовательным сознанием, распределенным по двум полушариям головного мозга, каждое из которых – в изолированном состоянии – способно поддерживать самостоятельного разумного индивидуума со своими собственными мыслями, эстетическими взглядами и даже религиозными верованиями [354]. Случается и обратное. Полушарие, вынужденное работать в одиночку, пока его партнер валяется под общим наркозом (например, ему вкололи анестезию для операции), проявит другую личность, не похожую на ту, что появляется при функционировании мозга в целом, но как только оба полушария восстановят связь, этого индивидуума поглотит двуядерное сознание, работающее на всем органе. Оно расширяется, заполняя все доступное пространство.

Рои Двухпалатников берут пример с Кристы и Татьяны Хоган, близнецов, сросшихся черепами, чьи мозги соединены в области таламуса [355]. Среди прочих своих обязанностей таламус выполняет функцию сенсорного ретранслятора; близнецы разделяют одинаковый набор сенсорных входов. Каждая видит глазами другой. Если одну пощекотать, вторая засмеется. Отдельные свидетельства дают возможность предположить, что они могут обмениваться мыслями, и, хотя каждая имеет свою индивидуальность, любая использует местоимение «я», говоря о второй близняшке.

И все это происходит от слияния только в сенсорном ретрансляторе. Что было бы, если Криста и Татьяна оказались связаны еще сильнее? Мысль не знает, как ей остановиться, и поворачивает, когда достигает мозолистого тела. Тогда почему она поведет себя по-другому, если встретит мозолистое тело другого рода, почему два разума, соединенные трубой потолще, должны вести себя не так, как половинки вашего собственного мозга?

Таким образом, при достаточно высокой полосе пропускания получится единое интегрированное сознание, распределенное по любому количеству платформ. Технически сами связи могут использовать так называемую «эфаптическую сцепку» [356] (при которой прямой синаптической стимуляции нет, и нейроны срабатывают из-за распределенных электрических полей, которые генерируются в других зонах мозга). Здесь жизненно важна синхронность: объединенное сознание существует только тогда, когда все его части запускаются вместе с задержкой при передаче сигнала максимум в пару сотен миллисекунд. Если сузить эту трубу, то можно даже сохранить индивидуальность, но при этом получить доступ к воспоминаниям и сенсорной информации с других узлов [357].

Я сделал степень роевой интеграции Двухпалатников подвижной, давая межузловым связям возможность сужаться или расширяться в зависимости от конкретных нужд – но принимаются ли эти решения по ограничению скорости самими узлами или чем-то более всеохватывающим, в общем-то не до конца ясно. Если хотите взглянуть на последствия полной когнитивной интеграции, то я хочу указать на (по-видимому) кататонический Разум Мокши Дхармического альянса [358].

Тем не менее как бы ни соединялся рой – какова бы ни была степень слияния сознания, – это в любом случае религиозный опыт. В буквальном смысле.

Мы знаем, что такое религиозный экстаз: выдающийся сбой, глюк в той части мозга, которая следит, где кончается тело и

начинается все остальное [359]. Когда эта граница распадается, то разум ощущает себя так, будто он связан со всем на свете, он буквально чувствует себя единым со вселенной. Это, конечно, иллюзия. Трансцендентность – это опыт, а не озарение. Но Двухпалатники чувствует вознесение и экстаз не поэтому.

Религиозный экстаз – это неизбежный побочный эффект принадлежности к рою. Слияние сенсорных систем, соединение разумов – такие связи на самом деле размывают границы между телами. Духовный экстаз Двухпалатников такая же иллюзия, как измеритель диапазона частот. Но чувства при этом все равно замечательные. Монахи кричат, когда связываются для решения проблем. От открытий они получают приход, по интенсивности ощущений граничащий с оргазмом. Если бы исходники получали такое вознаграждение за научную деятельность, то никакие деньги и должности в университетах им были бы не нужны.

Правда, у побочных эффектов есть уже свои побочные эффекты. Активация нейросхем, связанных с религиозным экстазом, вызывает глоссолалию даже в мозгах исходников [360] [361]. Принимая во внимание модификации, которыми Двухпалатники усилили трансцендентность [362][363], периодические приступы говорения на незнакомых языках просто неизбежны. Брюксу повезло, что рой хотя бы бормотал, а не кричал все время.

Оглядываясь назад, я могу сказать, что описание Двухпалатников как религиозного ордена вводит в некоторое заблуждение: те части мозга, которые они разогнали, просто перекрываются с частями, запускающимися во время религиозных нейроповеденческих процессов, поэтому проявления у них одинаковые. Имеет ли такое сильное значение эта разница, остается судить читателю.

Бог и цифровая вселенная

Идея Бога как вируса работает только в том случае, если вы купились на активно развивающуюся область цифровой физики [364]. Большинство из вас, скорее всего, знают, что это такое: совокупность теорий, в основе которых лежит предположение, что вселенная в своей основе дискретна и математична, а значит, каждое событие можно представить как своего рода вычисление. Цифровая физика подается под несколькими соусами: вселенная – это симуляция, которая функционирует на каком-то компьютере [365][366][367]; или же вселенная – это и есть огромный компьютер, где материя – это

«железо», физика – софт, а каждое движение электрона – вычисление. В некоторых версиях материя считается иллюзорной, буквальной реализацией чисел [368],[369]. В других, реальность – это голограмма, а вселенная внутри пуста [370][371][372]; настоящее действие происходит на его двухмерной границе, а мы – лишь интерференционные узоры, проектируемые с поверхности мыльного пузыря внутрь. Популярных изложений этой теории полно, как в сети [373], так и вне ее [374].

Ли Смолин (из института Уотерлоо) идет против общего течения: он полностью отрицает цифровую физику и развивает в своих теориях концепцию последовательной вселенной, где время – не иллюзия, реальность не детерминирована, а сами вселенные растут, размножаются и эволюционируют путем естественного отбора, пусть и происходящего в очень больших масштабах (представьте черные дыры как потомство, а энтропию – как силу естественного отбора) [375][376][377]. Тем не менее даже модель Смолина уязвима из-за изменчивости законов физики; она по сути предсказывает, что физические законы эволюционируют вместе с остальной реальностью. Что опять же отсылает нас к вопросу о том, как нам с полным основанием предполагать постоянство в непостоянной вселенной.

Анализуя все эти предпосылки, к такой мысли нельзя не прийти, неважно, насколько странно она звучит, но на стороне цифровой физики сейчас стоит немало научных тяжеловесов. Я, правда, не один из них; но так как столько умных людей защищают эту теорию, я, опираясь на их труды, со счастливой душой протащил в текст вирусные божества, и надеюсь, что все прошло гладко.

Различные детали обстановки

Полевая работа, которой занимается Брюкс в начале книги, берет свое начало от «ДНК-баркодинга», который сейчас безумно популярен. Это дешевая и сердитая таксономическая техника для классификации видов по фрагменту гена, кодирующего фермент цитохромоксидазы [378]. Шансов на то, что баркодинг сохранится в нынешней форме через восемьдесят лет, нет – у нас уже есть портативные анализаторы [379], которые вытесняют традиционный механический анализ с пастбища – но концепция генетического баркода, полагаю, останется даже с улучшением технологии.

Смерчевой двигатель [380], питающий монастырь Двухпалатников, основан на работе, запатентованной Ли

Мишо [381], инженером на пенсии, которому эта идея пришла в голову, пока копался в своем гараже. Понятия не имею, будут ли работать в будущем ветряные воронки в два километра высотой и мощностью в двести мегаватт, но патенты зарегистрировали [382], и проект получил пристальное внимание со стороны правительства и академических структур. Никто не сказал, что физика там неправильная.

Мы уже приближаемся к техникам обучения, которым не нужно сознательное восприятие [383], вроде той, что использовали Двухпалатники при обучении Лианны Латтеродт. Предтечи фетиш-капюшона, который Брюкс использует вместо мозговых имплантатов, уже обретают форму в целом ряде читающих/переписывающих разум устройств, которых уже предостаточно в литературе [384][385][386],[387][388]. Зависимость Брюкса от когнитала, с другой стороны, говорит о том, что он – настоящее ископаемое прошедшей эпохи (нашей, по сути): усилители памяти уже на подходе [389][390][391], и еще в 2008 году каждый пятый активно работающий исследователь сидел на мозговых стимуляторах, чтобы не слететь с гонки [392].

Использование онлайновых многопользовательских игр в качестве средств для эпидемиологической симуляции впервые предложили Лоффгрен и Фефферман [393]; их же, в свою очередь, вдохновила неожиданная пандемия «испорченной крови» в «Мире Варкрафта» [394], которая случилась из-за того, что люди в РПГ – как и в реальной жизни – часто ведут себя не так, как надо. Я не знаю, сколько народа подхватило эту идею и развило ее – по крайней мере, в одной статье говорится об использовании онлайн-игр для экономических исследований [395], – но если это все, то, по-моему, мы упускаем большую возможность.

Ближе к концу романа есть поучительный момент по поводу естественного отбора. Большинство людей думают, что организмы развивают адаптивные черты в ответ на изменения в окружающей среде. Это чушь. Окружающая среда меняется, и выживают те, у кого уже есть необходимые адаптивные черты. В связи с этим вопросом уже разрушающийся Дэниэл Брюкс размышляет о любопытном факте того, что строительные блоки продвинутой нейроархитектуры существуют уже в одноклеточных животных, у которых нет даже самой рудиментарной нервной системы [396][397][398][399].

Парочка отдельных фактоидов. Фруктовые мухи экономят энергию в бедной среде обитания, становясь забывчивыми [400]; так как конструирование и хранение воспоминаний оказывается, в конце концов, довольно дорогим удовольствием. Я думаю, что «Сплинтернет» Роны Макленнан страдает от энергетической

расстановки приоритетов подобного рода после того, как «Икар» ушел в офлайн. А тот момент, где Брюкс спрашивает, зачем Мур делает упражнения, чтобы держать себя в форме? Вопрос возник потому, что мы буквально в шаге от таблетки, которая управляет метаболизмом, и мы скоро сможем получить подтянутое мускулистое тело, даже если будем сидеть весь день на диване, пожирая шкварки и смотря «Голос» [401][402].

Стихотворение, которое Брюкс находит в пустыне, когда его разум уже распадается на части, несмотря на то, что вы подумали, не галлюцинация. Оно вполне реально. Это дитя извращенного разума канадского поэта Кристиана Бёка [403]. Последние десять лет он провел, создавая ген, который не только рассказывает стихотворение, но и вполне функционально кодирует флуоресцирующий протеин, чья аминокислотная последовательность декодируется в ответ на это стихотворение [404]. В последний раз, когда мы зависали вместе, он умудрился поместить рифмованные строчки в E.coli, но его главная цель – это засунуть стихотворение в красную бактерию, Deinococcus Radiodurans, по кличке «Конан-Бактерия» [405], он же самый крутой микробный мужик, который громко смеется внутри ядерного реактора. Если проект Кристиана увенчается успехом, то его слова будут множиться по всей планете до тех пор, пока Солнце не взорвется. Кто бы думал, что у поэзии когда-то будет такой огромный тираж?

Ну, и, наконец, свободная воля. Хотя свободная воля (точнее, ее отсутствие) – это одна из центральных тем «Эхопраксии» (неврологическое состояние эхопраксии для автономности является тем же, что и ложная слепота для сознания), мне тут особо нечего сказать, так как аргументы настолько ясные, что это почти неинтересно. Нейроны не активируются спонтанно, но только в ответ на внешний стимул; значит, и мозг не может действовать спонтанно, но только в ответ на внешние стимулы [406]. Нет нужды говорить обо всех тех исследованиях, которые показывают, что мозг действует быстрее, чем сознательный разум «решает» что-то сделать [407][408]. Забудьте о ревизионистской интерпретации, которая низводит определение «свободы воли» до «воли, которая достаточно непредсказуема, чтобы поставить в тупик хищников» [409][410]. Все гораздо проще: рычаг сам по себе повернуться не может. Что и требовалось доказать. Если вы хотите цепляться за концепцию свободной воли, то я не буду тратить время, споря об этом здесь: немало человек уже осветили этот вопрос гораздо более убедительно, чем я когда-либо смогу [411][412][413][414].

Но принимая во внимание текущее положение вещей, самым

крепким орешком, который «Эхопраксия» просит вас раскусить, является то, что спустя восемьдесят лет люди по-прежнему будут считаться со столь неубедительным и непоследовательным предположением, что приближаясь к XXII веку, мы по-прежнему будем вести себя так, словно у нас есть свобода воли.

На самом деле такое поведение вполне естественно. Убедить людей в том, что они – автоматоны, легко, по крайней мере, с интеллектуальной точки зрения. Человечество даже изменит свои отношения и поведение в свете новых истин [415] – например [416] [417], люди станут чаще обманывать или меньше обвинять других в противоправных действиях. Но со временем наше поведение вновь вернется к исходному состоянию; даже большинство из тех, кто приемлет детерминизм, каким-то образом умудряется при этом верить в персональную виновность [418][419]. За десятки тысяч лет мы привыкли ездить с максимальной скоростью в сто двадцать километров в час; без постоянного сознательного вмешательства мы обычно жмем на педаль так, как нам наиболее удобно.

«Эхопраксия» делает такие же номинальные уступки, которые, скорее всего, сделает и общество. Вы могли заметить в тексте периодические упоминания о том, что концепция личной ответственности была удалена из юридических систем по всему миру, а те средневековые пережитки, которые еще цепляются за нее, являются объектом санкций со стороны движений за человеческие права в остальном цивилизованном мире. Брюкс и Мур еще в монастыре препираются по поводу старого аргумента об отсутствии свободы воли. Приверженцы тех восточных религий, которые никогда особо серьезно не относились к этой концепции, удалились в роевое состояние глубокой кататонии (так, по крайней мере, их видят со стороны). Остальные люди по-прежнему действуют так же, как всегда.

Оказывается, в этом вопросе у нас просто нет особого выбора.

notes

Примечания

1

Филипп Гуревич – американский писатель и журналист (р. 1961). Получил известность, написав документальную книгу о геноциде в Руанде «Имеем сообщить вам, что завтра нас вместе с нашими семьями убьют» (*здесь и до раздела «Сноски и примечания» – примечания переводчика*).

2

Цитата из фельетона «Заметки о будущей войне», журнал «Эсквайр», 1935.

З

Тед (Теодор Роберт) Банди (1946–1989) – один из самых известных серийных убийц США. В 1970-х годах изнасиловал и убил более 30 (точное число неизвестно) женщин.

4

Здесь прямая отсылка к инопланетянам из романа «Вторжение похитителей тел» Джека Финнея и его многочисленным экранизациям. Выражение «люди-стручки» (pod people), прозвище, данное в романе и фильмах инопланетным двойникам, стало частью американского сленга и в переносном смысле обозначает еще и малоэмоциональных, равнодушных людей.

5

Цитата из одноименной песни (сингл 1992 года) Сюзанны Вега – американской певицы и автора песен.

6

А. е. – астрономическая единица; мера расстояний, равная большой полуоси земной орбиты (приблизительно 149,6 млн км).

7

В 1960 году физик Роберт Бассард предложил концепцию ракетного двигателя, который работает на водороде и пыли, извлекаемых космическим кораблем, идущим на высокой скорости, из межзвездной среды (*прим. ред.*).

8

Отсеку с оборудованием для выхода в открытый космос и внекорабельной деятельности (ВКД) (*прим. ред.*).

9

Ральф Уолдо Эмерсон – американский поэт и эссеист (1803–1882). Источник цитаты неизвестен (также приписывается Чарльзу Берду).

Здесь и далее под трансформантами Фурье понимаются результаты обработки сигналов с помощью преобразований Фурье, в результате которых выясняется, что в сигналах есть определенная последовательность и связность, а значит, информация.

11

Рэймонд Курцвейл (р. 1948) – американский ученый, изобретатель (в частности, создал первые системы распознавания текста и синтеза речи), философ, видный деятель движения трансгуманистов. Его именем назван Университет сингулярности, созданный в 2009 году, сооснователями которого стали НАСА и «Гугл».

12

В данном случае О’Нилами называются орбитальные станции, созданные по проекту Джерарда О’Нила (тип «полый вращающийся цилиндр»).

13

Судя по прозвищам, «мудрецы» признают пользу синтетов, так как в случае шаперонов имеются в виду белки-шапероны, одна из функций которых восстановление правильной третичной или четвертичной структуры белка, а некоторые шапероны участвуют в процессе правильного сворачивания белка при увеличении температуры.

14

Иэн Андерсон (р. 1947) – солист и руководитель британской рок-группы «Jethro Tull». В качестве цитаты вынесены слова из песни «Occasional demons» (альбом «Catfish Rising», 1991).

15

Коричневые карлики L-класса – промежуточные объекты между звездами и планетами. Для них характерны линии калия и натрия в спектрах, щелочных металлов рубидия Цезия, а также низкая температура. Термин «торсионная вспышка» в данном случае значит, что вспышка вызвана завихрениями магнитного поля коричневого карлика.

16

Пинговать (компьютерный жаргон) – отправлять сигнал с требованием подтвердить его получение.

Лидар – лазерный дальномер.

18

Светоизбирательные фоторецепторы – это набор фоторецепторов в сетчатке вампира, в которых центральные клетки запускаются, реагируя на луч света, тогда как остальные вокруг них «угнетаются» тем же самым стимулом. Свое английское название («Mexican hat arrays») рецепторы получили из-за того, что отображение их работы в форме графика дает кривую, напоминающую классическое сомбреро. Фильтры информационного приоритета – это подпрограммы распознавания образов в зрительной коре головного мозга, способные давать организму нечто вроде позитивного подкрепления вплоть до гормонального в ответ на зрительную стимуляцию особого рода.

19

Отражающий свет слой клеток на внутренней стороне сосудистой оболочки глаза, благодаря которому дно глаза отливает металлическим блеском и светится в темноте. Есть только у животных.

20

Тигмотаксис – непроизвольное движение в направлении тактильного раздражителя.

21

Роберт Джарвик (р. 1946) – американский ученый и врач, работавший над созданием искусственного сердца.

Аккреционный пояс (аккреционный диск) – в данном случае зона вблизи газового гиганта, где происходит процесс слипания и роста пылевых частиц.

23

Спираль Паркера – форма, которую принимает магнитосфера Солнца в результате взаимодействия с солнечным ветром и межпланетной средой.

Тесла – единица измерения магнитной индукции.

25

Скрэмджет – гиперзвуковой прямоточный воздушно-реактивный двигатель.

Скиммер (англ. *to skim*) – скользить по поверхности, снимать пену или накипь.

27

Дейнококк (deinococcus radioduraus) – бактерия-полиэкстремофил, отличающаяся исключительной устойчивостью к воздействию радиации.

28

Под фон-нейманами здесь имеется в виду «универсальный конструктор» – гипотетическая машина, придуманная Джоном фон Нейманом и способная неограниченно воспроизводить саму себя. R-селекция (r-отбор) – процесс отбора в изменчивой среде, способствующий закреплению таких черт, как высокая плодовитость, малый размер, быстрая смена поколений и невысокая выживаемость потомства (так называемая репродуктивная r-стратегия в противоположность к-стратегии, усиливающей обратные черты).

29

Источник вымышленный.

Планетезимали – небольшие тела изо льда и камня диаметром от нескольких метров до нескольких километров, образующиеся в кольцевых облаках газа и пыли.

31

Гомановские орбиты (трансферные орбиты Гомана-Ветчинкина) – эллиптические орбиты, позволяющие переходить с одной круговой орбиты на другую с минимальными энергетическими затратами.

32

Согласно теории Ноама Хомского, ключевым отличием языка («дара речи» в узком понимании) от всех других форм коммуникации является рекурсия – способность формулировать высказывания, включающие самих себя. Глубина рекурсии – количество вложенных друг в друга рекурсивных высказываний.

33

Анкат – термоядерный реактивный двигатель, использующий антивещество в качестве катализатора реакции ядерного синтеза.

34

Универсавантизм – термин-производная от англ. выражения idiot savant (ученый идиот), определяемого как индивидуум, который может демонстрировать отдельные выдающиеся интеллектуальные достижения на уровне, далеко превосходящем возможности среднего нормального человека, обладая при этом очень низким общим уровнем интеллекта.

35

Роберт Хэйр – психиатр, профессор Университета Британской Колумбии. Специалист по психопатическому поведению, автор теста-опросника для диагностики психопатии.

36

Последовательность Фибоначчи – числовая последовательность, в которой каждое следующее число равно сумме двух предыдущих чисел (1, 2, 3, 5, 8, 13, 21…). Названа по имени средневекового математика Леонардо Пизанского (Фибоначчи). Числа Фибоначчи связаны с «золотым сечением», а оно не только считается эстетически совершенным, но и часто встречается в живой природе Земли.

Апикальные – то же, что вершинные или верхние.

38

«В бою первым гибнет план боя» – цитата принадлежит военному теоретику Гельмуту фон Мольтке-старшему (1800–1891).

39

Пояса Ван-Аллена – кольцевидные зоны высокой концентрации заряженных частиц, создаваемые магнитным полем планеты.

40

Доснежковая фаза – речь идет о гипотезе Земли-снежка (Snowball Earth), которая заключается в том, что Земля в части криогенийского и эдиакарского периодов (от 850 до 640 млн лет назад) была полностью покрыта льдом. Соответственно, до этого периода атмосфера Земли не содержала кислород в существенных количествах. Поэтому Шпиндель сравнивает атмосферу на борту «Роршаха» с доснежковой.

281° К = плюс 8° по Цельсию.

42

Дименгидринат – хлортеофиллиновая соль димедрола. Также известен под названием «драмамин». Используется как препарат против тошноты.

43

Смысл этого эпиграфа теряется в синодальном переводе Библии. В английском тексте, которым пользуется автор (он также полностью не совпадает ни с одним из канонических переводов Ветхого Завета на английский), говорится буквально так: «Господь овладеет тобой: станешь плясать, и бесноваться, и сделаешься иным человеком».

44

Варган – один из древнейших музыкальных инструментов из семейства язычковых.

45

Зиверт – единица измерения эффективной дозы ионизирующего излучения.

46

Колокол Фарадея – в этом термине сочетаются водолазный колокол и клетка Фарадея: замкнутое пространство, ограниченное листом или сеткой из токопроводящего материала, которое является защитой от электромагнитного излучения.

Каптон – полиамидный пластик, отличающийся стойкостью в большом интервале температур. Из каптона делают, в частности, наружную оболочку космических скафандров. Хромель – хромоникелевый сплав (10 % хрома).

ТКМС – транскраниальная магнитная стимуляция (коры головного мозга).

49

Генрих Клювер (1897–1979) – немецкий, а затем американский физиолог, который внес существенный вклад в изучение анатомии нервной системы. Исследуя влияние мескалина на человека, он обнаружил, что определенные геометрические фигуры (постоянные формы) появляются в галлюцинациях разных пациентов, вызванных разными причинами.

50

Ливенворт – имеется в виду база армии США «Форт Ливенворт», где, помимо всего прочего, проходят курсы повышения квалификации командного состава и находится единственная армейская тюрьма строгого режима.

51

Кейт Кио – преподаватель и общественный деятель, член совета директоров Тихоокеанского фонда живой природы. Цитата вымышленная.

52

Марк 8:18.

53

Хадзани – язык племени хадза, живущего на севере Танзании. По последним данным, считается одним из наиболее архаичных языков мира (в частности, в области фонетики сохранил набор щелкающих звуков).

Перевод Сергея Пальцуна.

R-отбор – репродуктивная стратегия, сводимая к воспроизводству многочисленного и недолго живущего потомства. Усеклада (в филогенетике и таксономии) – группа организмов, которые являются потомками единственного общего предка и всех потомков этого предка.

56

Плазмоиды Сандуловичиу – в 2003 году группа румынских ученых во главе с Мирчей Сандуловичиу зафиксировали возникновение из аргоновой плазмы газовых сфер, которые росли, размножались и даже общались с помощью электромагнетической энергии, то есть вели себя как живые существа.

Криптохром – группа белков флавопротеинов, представляющих собой чувствительный элемент фоторецепторов животных и растений, реагирующих на синее освещение.

«Рикардс» – сорт пива.

59

Теория бран – несколько сходных космологических теорий, оперирующих многомерными фундаментальными объектами (мембранами) в пространстве более высокой мерности. Флатландия – плоский двухмерный мир из одноименной популярной книги Эдвина Эббота.

Сфециды – роющие осы. Используют свою добычу в качестве запаса продовольствия для потомства.

61

Строка из кадиша (еврейской поминальной молитвы). Буквальный перевод: «Да будет благословенно, возвышено, превознесено, возвеличено…» (далее: «…и прославлено Имя Святого»).

Прионы – белковые инфекционные агенты, не содержащие генетической информации. Распространяются, меняя конформацию белков носителя. Вызывают заболевания группы губчатых энцефалопатий (так называемое «коровье бешенство»).

63

Князь Петр (Пьер) Петрович Трубецкой (1864–1936) – русский художник, брат скульптора Павла (Паоло) Трубецкого.

Веретена деления – структуры, возникающие в эукариотических (имеющих ядро) клетках в процессе деления ядра. Состоят из микротрубочек, идущих от клеточных центров к хромосомам, и обеспечивают расхождение хромосом.

65

Морфогены Тьюринга – в последние годы жизни выдающийся английский математик Алан Тьюринг работал в области математической биологии, изучая влияние механических и математических взаимодействий на морфогенез (процесс развития органов, тканей и систем).

66

Тревор Гудчайлд – персонаж фильма и мультипликационного сериала «Эон Флакс». Цитата перефразирует известное выражение Ницше: «То, что нас не убивает, делает сильнее».

Декогеренция – неконтролируемое схлопывание волновой функции с переходом от закономерностей, определяемых квантовой физикой, к поведению, определяемому физикой классической.

68

Уравнение Аррениуса устанавливает эмпирическую зависимость скорости химической реакции от температуры. Фактор частоты определяет долю молекул, имеющих при столкновении правильную ориентацию для протекания реакции.

69

Концепция «призрака в машине» принадлежит английскому философу Гилберту Райлу (1900–1976). Он таким образом объяснял взаимодействие тела и сознания, под машиной подразумевая физическое тело человека, подчиняющееся физическим законам, которым управляет «призрак» – человеческое сознание, «непространственный парамеханизм», по выражению самого Райла, скрытый от глаз других существ, бесплотному духу.

70

Строка из песни группы «Jethro Tull» (альбом «Stand Up», 1969).

71

Ананкаст – больной, страдающий синдромом навязчивых состояний. В психологической систематике характеров ананкастом также называют педанта со склонностью к символически-ритуальным навязчивостям. *МРТ* – магнитно-резонансная томография.

72

Парафраз из Евангелия от Иоанна 8:32.

73

Эмерсон М. Пью (1896–1981) – американский физик.

74

Квалиа – философский термин, обозначающий свойства чувственного опыта: качества прежде всего «сырых» телесных ощущений, не передаваемые и не постижимые иначе, кроме как путем непосредственного переживания.

Колмогоровская сложность – в теории информации мера вычислительных ресурсов, необходимых для описания объекта.

Дэниел Вегнер (1948–2013) – профессор отделения психологии Гарвардского университета, автор книги «Иллюзия сознательной воли». *Роджер Пенроуз* (р. 1931) – английский математик и физик, профессор математики Оксфордского университета, автор нескольких книг о связи физики и человеческого сознания, в том числе «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики». *Тор Норретрандерс* (р. 1955) – датский писатель и популяризатор науки, автор книги «Иллюзия пользователя: урезание сознания в размерах». *Томас Метцингер* (р. 1958) – немецкий философ, директор группы теоретической философии философского факультета Университета Майнца имени Иоганна Гутенберга, автор нескольких работ по философии сознания. *Курт Фридрих Гёдель* (1906–1978) – австрийский математик и философ, наиболее известный доказанными им теоремами о неполноте.

77

Генри Дэвид Торо (1817–1862) – американский философ, натуралист и писатель. Цитата взята из романа «Уолден, или Жизнь в лесу» (пер. З. Александровой) и полностью звучит так: «Пока мы не потеряемся – иными словами, пока мы не потеряем мир – мы не находим себя и не понимаем, где мы и сколь безграничны наши связи с ним».

78

Стокгольмский синдром – психологическое состояние, возникающее у людей при захвате их в качестве заложников. Они начинают симпатизировать захватчикам или даже отождествлять себя с ними.

79

Машина Тьюринга – абстрактная вычислительная машина, способная имитировать действия любого возможного вычислительного устройства.

Коричневые карлики L-класса – промежуточные объекты между звездами и планетами. Для них характерны линии калия и натрия в спектрах, щелочных металлов рубидия Цезия, а также низкая температура. Термин «торсионная вспышка» в данном случае значит, что вспышка вызвана завихрениями магнитного поля коричневого карлика.

Биология вампиров: http://www.rifters.com/blindsight/vampires.htm

Pennish E. 2003. Cannibalism and prion disease may have been rampant in ancient humans. Science 300: 227–228.

Mead S. et al. 2003. Balancing Selection at the Prion Protein Gene Consistent with Prehistoric Kurulike Epidemics. Science 300: 640–643.

Anonymous. 2004. Autism: making the connection. The Economist, 372 (8387): 66.

Baiter M. 2002. What made Humans modern? Science 295: 1219–1225.

Bianco-Arias P., Sargent C. A. and Affaral N. A. 2004. A comparative analysis of the pig, mouse, and human PCDHX genes. Mammalian Genome, 15(4): 296–306.

Kreider M. S., et al. 1990. Reduction of thyrotropin-releasing hormone concentrations in central nervous system of African lungfish during estivation. Gen Comp Endocrinol. 77(3):435–41.

Cui Y. et al. 1996. State-dependent changes of brain endogenous opioids in mammalian hibernation. Brain Research Bulletin 40(2): 129–33.

Miller K. 2004. Mars astronauts «will hibernate for 50 million-mile journey in space». News.telegraph.co.uk, 11/8/04.

Calvin W. H. The Cerebral Symphony: Seashore Reflections on the Structure of Consciousness. NY: Bantam Books, 1990. 401 p.

Pennisi E. 2004. The first language? Science 303: 1319–1320.

Запись щелкающих звуков языка хадзани можно прослушать здесь: http://hctv.humnet.ucla.edu/departments/linguistics/VowelsandConsonants/index.html

Ramachandran, V. S. in The Utilitarian Theory of Perception, Ed. by C Blakemore. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. p. 346–360.

Purves D. and Lotto R. B. Why We See What We Do: An Empirical Theory of Vision. Sunderland (Mass.): Sinauer Associates, 2003. 272 p.

95

Ярбус Альфред Лукьянович (1914–1986) – советский психофизиолог, изучал роль движения глаз в процессе зрения. Саккады первым (в конце XIX века) описал Луи-Эмиль Жаваль, а Ярбус в своей ключевой работе «Роль движения глаз в процессе зрения» показал их связь с восприятием зрительной информации (прим. пер.).

Yarbus A. L. Eye movements during perception of complex objects/Eye Movements and Vision. Ed. by L. A. Riggs. NY: Plenum Press, 1967. Chapter VII, 171–196. (Оригинальное русское издание: Ярбус А. Л. Движения глаз при восприятии сложных объектов – 1-е изд., 1965 (последнее издание на русском языке – в сборнике «Психология ощущений и восприятия»: Хрестоматия. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 411–416).)

Pringle H. L. et al. 2001. The role of attentional breadth in perceptual change detection. Psvchonomic Bulletin & Review 8: 89 95(7).

Simons. D. J. and Chabris C. F. 1999. Gorillas in our midst: sustained inattentional blindness for dynamic events. Perception 28: 1059–1074.

Simons D. J. and Rensink R. A. 2003. Induced Failures of Visual Awareness. Journal of Vision 3(1).

100

Демонстрационные ролики лаборатории зрительного восприятия в Университете штата Иллинойс: http://www.simonslab.com/videos.html

Metzinger, T. 2003. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2003. 713 p.

Wegner D. M. The Illusion of Conscious Will. Cambridge: MIT Press, 2002. 405 p.

103

Saks O. The Man who mistook his wife for a hat and other clinical tales. NY: Simon & Sinister, 1970. (Русское издание: Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. – М.: АСТ, 2013.)

Справочник по диагностике и статистике психических расстройств – принятая в США система классификации заболеваний психики (прим. пер.).

American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. (4th Ed., Text Revision). Brandon/ Hill, 2000.

Ramachandran V. S. and Blakeslee. S. Phantoms in the Brain: Probing the Mysteries of the Human Mind. NY: William Morrow, 1998.

Persinger M. A. 2001. The Neuropsychiatry of Paranormal Experiences. J Neuropsychiatry & Clinical Neuroscience 13: 515–524.

Kamitani Y. and Shimojo S. 1999. Manifestation of scotomas created by transcranial magnetic stimulation of human visual cortex. Nature Neuroscience 2: 767–771.

Hallett M. 2000. Transcranial magnetic stimulation and the human brain. Nature 406: 147–150.

Goldberg C. 2003. Zap! Scientist bombards brains with super-magnets to edifying effect. Boston Globe 14/1/2003, pEl.

Porter R., Lemon R. Corticospinal function and voluntary movement. NY: Oxford University Press, 1993.

Delgado J. M. R. Physical control of the mind: toward a psychocivilised society. NY: Harper & Row. 1969. (Русское издание: Дельгадо Х. Мозг и сознание. – М.: Мир, 1971.)

Libet B. 1993. The neural time factor in conscious and unconscious events. Experimental and Theoretical Studies of Consciousness 174: 123–146.

Haggard P. and Eimer M. 1999. On the relation between brain potentials and the awareness of voluntary movements. Experimental Brain Research 126: 128–133.

Velmans M. 2003. Preconscious free will. Journal of Consciousness Studies 10: 42–61.

Pinto C. 2003. Putting the brain on trial. May 5, 2003, Media General News Service.

Macmillan, M. An Odd Kind of Fame Stories: of Phineas Gage. Cambridge (Mass.): MIT Press. 2000.

Wegner D. M. The Illusion of Conscious Will. Cambridge: MIT Press, 2002. 405 p.

Ehrsson H., Spence C. and Passingham R. E. 2004. That's My Hand! Activity in Premotor Cortex Reflects Feeling of Ownership of a Limb. Science 305: 875–877.

Gottleib J. and P. Mazzoni. 2004. Action, illusion, and perception. Science 303: 317–318.

Schwartz A. B., Moran D. W. and Reina G. A. 2004. Differential representation of perception and action in the frontal cortex. Science 303: 380–383.

Norton S. J. 2003. Can ultrasound be used to stimulate nerve tissue? BioMedical Engineering OnLine 2:6; доступны по адресу: http://www.biomedical-engineering-online.com/content/2/1/6.

123

Hogan J. and Fox B. 2005. Sony patent takes first step towards real-life Matrix. Выдержки по New Scientist 2494:10; выложены в открытом доступе по адресу: http://www.newscientist.com/article.ns?id=mg18624944.600.

Riebe M. et al. 2004. Deterministic quantum teleportation with atoms. Nature 429: 734–737. Riebe M. et al. 2004. Deterministic quantum teleportation with atoms. Nature 429: 734–737.

Furusawa A. et al. 1998. Unconditional Quantum Teleportation. Science, 282(5389): 706–709.

Carlton M., Caves C. M. 1998. A Tale of Two Cities. Science, 282: 637–638.

Braunstein S. L. and Kimble H. J. 1998. Teleportation of continuous quantum variables. Physical Review Letters 80: 869–872.

http://www.research.ibm.com/quantuminfo/teleportation/

http://math.ucr.edu/home/baez/physics/Relativity/SR/rocket.html

Atkinson N. 2004. Magnetic Bubble Could Protect Astronauts on Long Trips. Universe Today, http://www.universetoday.com/am/publish/magnetic_bubble_protect.html

Holzscheiter M. I. L. et al. 1996. Production and trapping of antimatter for space propulsion applications. American Institute of Aeronautics and Astronautics-1996–2786 ASME, SAE, and ASEE, Joint Propulsion Conference and Exhibit, 32nd, Lake Buena Vista, FL, July 1–3.

http://www.engr.psu.edu/antimatter/Papers/NASA_anti.pdf

Blacstone E., et al. 2005. HS Induces a Suspended Animation-Like State in Mice. Science 308: 518.

134

На момент написания книги данные еще не были опубликованы.

Bails J. 2005. Pitt scientists resurrect hope of cheating death. Pittburgh Tribune-Review, June 29. Available online at http://www.pittsburghlive.com/x/tribune-review/trib/regional/s_348517.html.

Oasa Y. et al. 1999. A deep near infrared survey of the Chamaeleon I dark cloud core. Astrophysical Journal 526: 336–343.

Normile D. 2001. Cosmic misfits elude star-formation theories. Science 291: 1680.

Lucas P. W. and Roche P. F. 2000. A population of very young brown dwarfs and free-floating planets in Orion. Monthly Notices of the Roval Astronomical Society 314: 858–864.

Najita J. R., Tiede G. P. and Carr J. S. 2000. From stars to superplanets: The low mass initial mass function in the young cluster 1C 348. Astrophysical Journal 541 (Oct. 0:977–1003).

Matthews, Jaymie. 2005. Личная беседа. (Мэтьюз Джейми – профессор физики и астрономии университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада), руководитель проекта MOST (орбитальная обсерватория, нацеленная на изучение незначительных колебаний светимости)).

Liu W. and Schultz D. R. 1999. Jovian x-ray aurora and energetic oxygen ion precipitation. Astrophysical Journal 526:538–543.

Chen P. V. 2001. Magnetic field on Jupiter. The Physics fact book, http://hypertextbook.com/facts.

Osorio M. R. Z. et al. 2000. Discovery of Young, Isolated Planetary Mass Objects in the Xi Orionis Star Cluster. Science 290: 103–106.

Lemley B. 2002. Nuclear Planet. Discover 23(8). Lemley B. 2002. Nuclear Planet. Discover 23(8).

http://www.nuclearplanet.com/

Dulk G. A. et al. 1997. Search for Cyclotron-maser Radio Emission from Extrasolar Planets. Abstracts of the 29th Annual Meeting of the Division for Planetary Sciences of the American Astronomical Society, July 28-August 1, 1997, Cambridge, Massachusetts.

Marlcy M. et al. 1997. Model Visible and Near-infrared Spectra of Extrasolar Giant Planets. Abstracts of the 29th Annual Meeting of the Division for Planetary Sciences of the American Astronomical Society, July 28 – August 1, 1997, Cambridge, Massachusetts.

Boss A. 2001. Formation of Planetary-Mass Objects by Protostellar Collapse and Fragmentation. Astrophysics Journal 551: L167.

Low C. and Lynden-Bell D. 1976. The minimum Jeans mass or when fragmentation must stop. Mon. Not. R. Astron. Soc. 176: 367.

Jayawardhana R. 2004. Unraveling Brown Dwarf Origins. Science 303: 3220151323.

Fegley B. and Lodders K. 1996. Atmospheric Chemstry of the Brown Dwarf Gliese 229B: Thermochemical Equiibrium Predictions. Astrophys.J. 472: L37.

Lodders K. 2004. Brown Dwarfs-Faint at Heart, Rich in Chemistry. Science 303: 323–324.

153

Adam Burgasser, 2002. June 1 edition of the Astrophysics Journal Letters.

Reid I. N. 2002 Failed stars or overachieving planets? Science 296: 2154–2155.

Gizis J. E. 2001. Brown dwarfs (enhanced review). Online article supplementing Science 294: 801.

Clarke S. 2003. Milky Way's nearest neighbour revealed. NewSdentist.com News Service, 04/11/03.

Basri G. 2000. Observations of brown dwarfs. Annu. Rev. Astron. Astrophys 38: 485–519.

Tamura M. et al. 1998. Isolated and Companion Young Brown Dwarfs in the Taurus and Chamaeleon Molecular Clouds. Science 282: 1095–1097.

Berger E. 2001. Discovery of radio emission from the brown dwarf LP944 20. Nature 410: 338–340.

Anonymous, 2000. A brown dwarf solar flare. Science####Nasa, http://science.nasa.gov/headlines/y2000/ast12jul_1m.htm

Schilling G. 2001. Comet's course hints at mystery planet. Science 292: 33.

162

Джин Родденберри (1921–1991) – американский сценарист и продюсер, создатель телесериала «Звездный путь», населенного преимущественно «гуманоидными инопланетянами с шишковатыми лбами» (прим. пер.).

Evelyne Kohler E. et al. 2002. Hearing Sounds, Understanding Actions: Action Representation in Mirror Neurons. Science 297: 846–848.

Rizzolatti G. and Arbib M. A. 1998. Language Within Our Grasp. Trends in Neuroscience 21(5): 188–94.

Hauser M. D., Chomsky N. and Fitch W. T. 2002. The faculty of language: what is it, who has it, and how did it evolve? Science 298: 1569–1579.

Miller G. 2005. Reflecting on Another's Mind. Science 308: 945–947.

Pfeifler T., Schuster S. and Bonhocffer S. 2001. Cooperation and Competition in the Evolution of ATP-Producing Pathways Science 20 292: 504–507.

McMahon R. J. 2003. Chemical Reactions Involving Quantum Tunneling. Science 299: 833–834.

Zuev P. S. et al. 2003. Carbon Tunneling from a Single Quantum State. Science 299: 867–870.

Darwin, Charlie «Chuckles». 1859. The Origin of Species by Means of Natural Selection. Penguin Classics Edition, reprinted 1968. Originally published by John Murray, London. (Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь (последнее издание: Книжный клуб Книговек, 2014.)

Cho A. 2004. Life's Patterns: No Need to Spell It Out? Science 303: 782–783.

Cohen J. and Stewart S. 2005. Where are the dolphins? Nature 409: 1119–1122.

Reilly J. J. 1995. After Darwin. First Things. June/July; статья доступна в интернете по адресу: http://pages.prodigy.net/aesir/darwin.htm.

Devlin K. 2004. Cracking the da Vinci Code. Discover 25(6): 64–69.

Snir Y. and Kamien R. D. 2005. Entropically Driven Helix Formation. Science 307: 1067.

Wolfram S. A New Kind of Science. Wolfram Media, 2002. 1192 p.; также книга доступна по адресу: http://www.wolframscience.com/nksonline/toc.html.

Albert M. L. 2004. Danger in Wonderland. Science 303: 1141.

Muotri A. R. et al. 2005. Somatic mosaicism in neuronal precursor cells mediated bv L1 retrotransposition. Nature 435: 903–910.

Nelson D. L. and Cox M. M. Lehminger principles of biochemistry. NY: Worth, 2004. (В СССР издавался оригинальный учебник Альберта Ленинджера: Ленинджер А. Основы биохимии. – М.: Мир, 1985.)

Prigogine I. and Nicholis G. Exploring Complexity. NY: Freeman, 1989. (Русское издание: Пригожин И., Николис Г. Познание сложного. – М.: ЛКИ, 2008.)

Dawkins R. The Blind Watchmaker: Why the Evidence of Evolution Reveals a Universe Without Design. Norton, 1988. (Русское издание: Докинз Р. Слепой часовщик: как эволюция доказывает отсутствие замысла во Вселенной. – М.: АСТ, 2014.)

Metzinger T. 2003. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2003. 713 p.

Pinker S. How the mind works. NY: WW Norton & Co., 1997. 660 p.

Koch C. 2004. The Quest for Consciousness: A Neurobiological Approach. Roberts, Englewood. CO, 2004. 447 p.

Wegner D. M. The Illusion of Conscious Will. Cambridge: MIT Press, 2002. 405 p.

Saks O. The Man who mistook his wife for a hat and other clinical tales. NY: Simon & Sinister, 1970. (Русское издание: Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. – М.: АСТ, 2014.)

187

Островок Рейля, или закрытая долька, – часть мозга, находящаяся в глубине сильвиевой щели, между лобной, теменной и височной долями. По некоторым данным, передняя часть коры островка Рейля претерпела существенные изменения в ходе эволюции человека (*прим. пер.*).

McFadden J. 2002. Synchronous firing and its influence on the brain's electromagnetic field: evidence for an electromagnetic field theory of consciousness. J. Consciousness Stud ies, 9, No. 4, 2002, pp. 23–50.

Penrose r. The Emperor’s New Mind. Oxford University Press, 1989. (Русское издание: Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. – М.: ЛКИ, 2008.)

Tononi G. and Edelman G. M. 1998. Consciousness and Complexity. Science 282: 1846–1851.

Bears B. J. A Cognitive Theory of Consciousness. NY: Cambridge University Press, 1988.

Hilgetag C. C. 2004. Learning from switched-off brains. Sci. Amer. 14: 8–9.

Roth G. 2004. The quest to find consciousness. Sci. Amer. 14: 32 39.

Pauen M. 2004. Does free will arise freely? Sci. Amer. 14: 41–47.

Zimmer C 2003. How the mind reads other minds. Science 300:1079–1080.

Crick F. H. C and Koch C The unconscious homunculus. In Neural Correlates of Consciousness-Empirical and Conceptual Questions. Ed. by T. Metzinger. Cambridge: MIT Press, 2000.

Churchland P. S. 2002. Self-Representation in Nervous Systems. Science 296: 308–310.

Miller G. 2005. What is the biological basis of consciousness? Science 309: 79.

Blakeslee S. 2003. The christmas tree in your brain. Toronto Star, 21/12/03.

Matsumoto K. and Tanaka K. 2004. Conflict and Cognitive Control. Science 303: 969–970.

Kerns J. G. et al. 2004. Anterior Cingulate Conflict Monitoring and Adjustments in Control. Science 303: 1023–1026.

Petersen S. E. et al. 1998. The effects of practice on the functional anatomy of task performance. Proceedings of the National Academy of Sciences 95: 853–860.

203

«Дилберт» – серия популярнейших комиксов Скотта Адамса, выходит с 1989 года. Упомянутый персонаж являет собой квинтэссенцию самовлюбленности и некомпетентности (прим. пер.).

Zimmer C. 2003. How the mind reads other minds. Science 300:1079–1080.

Norretranders T. The User Illusion: Cutting Consciousness Down to Size. Penguin Press Science, 1999. 467 p.

Altenmxller E. O. 2004. Music in your head. Scientific American. 14: 24–31.

Pinker S. How the mind works. NY: WW Norton & Co., 1997. 660 p.

Matsumoto K. and Tanaka K. 2004. Conflict and Cognitive Control. Science 303: 969–970.

Helmuth L. 2003. Fear and Trembling in the Amygdala. Science 300: 568–569.

Dolan R. J. 2002. Emotion, cognition, and behavior. Science 298: 1191–1194.

Treffert D. A. and Wallace G. L. 2004. Islands of genius. Scientific American 14: 14 23.

Wegner D. M. 1994. Ironic processes of mental control. Psychol. Rev. 101: 34–52.

Proceedings of the Royal Society of London B (DOI 10.1098/ rspb.2003. 2548).

Aiello L. and Dean C. An introduction to human evolutionary anatomy. London: Academic Press, 1990.

Gallup G. G. (Jr.). 1997. On the rise and fall of self-conception in primates. In The Self Across Psychology self-recognition, self-awareness, and the Self Concept. Annals of the NY Acad. Sci. 818:4–17.

Hauser M. D., Chomsky N. and Fitch W. T. 2002. The faculty of language: what is it, who has it, and how did it evolve? Science 298: 1569–1579.

Carstairs-McCarthy A. 2004. Many perspectives, no cohcensus – a review of Language Evolution, by Christiansen & Kirby (Eds). Science 303: 1299–1300.

Dijksterhuis A. et al. 2006. Science 311: 1005–1007.

Vince G. 2006. «Sleeping on it' best for complex decisions». Newscientist.com, http://www.newscientist.com/channel/being-human/dn8732.html.

Devlin A. M. et al. 2003. Clinical outcomes of hemi sphe-rectomy for epilepsy in childhood and adolescence Brain 126: 556–566.

Pulsifer M. B. et al. 2004. The cognitive outcome of hemispherectomy in 71 children. Epilepsia. 45: 243–54.

Moles A., Keiffer B. L. and D'Amato F. R., 2004. Deficit in attachment behavior in mice lacking the Uypioid receptor gene// Science 304: 1983–1986.

Plane J. M. C. et al. 2004. Removal of meteoric iron on polar mesospheric clouds. Science 304: 426–428.

Hauser M. D., Chomsky N. and Fitch W. T. 2002. The faculty of language: what is it, who has it, and how did it evolve? Science 298: 1569–1579.

Fitch W. T. and Mauser M. D. 2004. Computational Constraints on Syntactic Processing in a Nonhuman Primate. Science 303: 377–380.

Premack D. 2004. Is Language the Key to Human Intelligence? Science 303: 318–320.

Holden C 2004. The origin of speech. Science 303: 1316–1319.

Graddol D. 2004. The future of language. Science 303: 1329–1331.

BBC News. 2005. Brain chip reads man’s thoughts. March 31; статья доступна по адресу: http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/1/hi/health/4396387.stm.

Weng J. et al. 2001. Autonomous Mental Development by Robots and Animals. Science 291: 599–600.

Von Melchner L. et al. 2000. Visual behaviour mediated by retinal projections directed to the auditory pathway. Nature 404: 871–876.

Baughman R. H. 2003. Muscles made from metal. Science 300: 268–269.

Weissmxller J. et al. 2003. Change-induced reversible strain in a metal. Science 300: 312–315.

Piper A. and Merskey H. 2004. The Persistence of Folly: A Critical Examination of Dissociative Identity Disor der. Part I. The Excesses of an Improbable Concept. Can.J. Psychiatry 49: 592–600.

Piper A. and Merskey H. 2004. The Persistence of Folly: A Critical Examination of Dissociative Identity Disor der. Part II. The Defence and Decline of Multiple Personality or Dissociative Identity Disorder. Can. J. Psychiatry 49: 678–683.

Kaplan F. S. et al. 1998. The Molecules of Immobility: Searching for the Skeleton Key. Univ. Pennsylvania Orthopaedic J. 11: 59–66; статья доступна по адресу: http://www.upoj.org/site/files/v11/v11_12.pdf. Более свежую информацию можно найти в этой статье: http://www.uphs.upenn.edu/news/News_Releases/apr

Chernoff H. 1973. Using faces to represent points in k-dimensional space graphically. Journal of the Americal Statistical Association 68: 361–388.

Wilkinson L. 1982. An experimental evaluation of multivariate graphical point representations. Human Factors in Computer Systems: Proceedings. Gaithersberg. MD, 202–209.

239

Имеется в виду плато Эдуардс, известняковые водонасыщенные породы которого являются главным водоносным горизонтом для всего штата Техас.

240

В реальности цикла Техас вышел из состава США, процесс шел по образцу Брекзита, выхода Великобритании из Евросоюза.

241

Имеется в виду теория r/K-отбора, то есть две различные стратегии размножения живых организмов. r-отбор подразумевает быстрое размножение, большое потомство, высокую смертность и максимальное распространение вида. K-стратегия же, наоборот, в малом потомстве, на воспитание которого уходит много времени. Соответственно в данном случае Мэддокс с иронией называет «арами» мужчин, а «кеями» – женщин.

242

Награда охотника (*порт.*).

243

Metastable Atom Dissociation – метастабильная атомная диссоциация (англ.).

244

Броня сделана по образцу панциря брюхоногого моллюска Crysomallon Squamiferum, которого еще называют «железной улиткой». Его ногу покрывают толстые чешуйки, состоящие из сульфида железа, в результате чего моллюск становится практически недосягаемым для хищников.

245

Зараза! (*Исп.*)

246

Испанское ругательство.

247

Отрывок взят из работы «Путешествия с моим муравьем», недавно рассекреченной по запросу о свободе информации PI-QG / 04082093/451 – несмотря на возражения со стороны консорциума «Тезей» и связанных с ним учреждений. Официальное мнение консорциума гласит, что скрывающийся под псевдонимом автор неправильно трактует засекреченный материал в рискованной и провокационной форме, которая может поставить под угрозу планетарную безопасность.

248

Имеется в виду реплика Глостера из пьесы «Король Лир»; действие IV, сцена I (*пер. Б. Пастернака*).

249

Массивные плавучие платформы – искусственные острова, – которые дрейфуют в открытом океане на циклонических течениях. Термин образован путем слияния двух слов: gyre (циклоническое течение) + land (земля) (прим. пер.).

250

Цитата из романа «Восстание ангелов» (1913), пер. М. Богословской, Н. Рыковой. *(Здесь и далее в тексте, кроме раздела «Примечания и ссылки», – примечания переводчика.)*

Питер Джеймс Ричерсон (1943) – американский биолог, заслуженный профессор Калифорнийского университета; Роберт Бойд (1948) – американский антрополог, профессор кафедры Калифорнийского университета. Они вместе написали такие книги, как «Культура и эволюционный процесс» (1985), «Не генами едиными: как культура изменила человеческую эволюцию» (2005), «Происхождение и эволюция культур» (2005).

252

Заборная игуана *(лат.)*.

253

Амплитуэдр – многомерная фигура, вычислив объем которой можно получить амплитуду рассеивания при определенном взаимодействии элементарных частиц.

254

У самой первой аббревиатуры «Глас-нет», которой Мур встречает Брюкса, вполне буквальное значение «Гласа нет». Аббревиатура имеет русские корни и значит как приказ хранить тишину, так и полное молчание в эфире.

255

Ричард Бакминстер Фуллер (1895–1985) – американский архитектор, дизайнер, инженер и изобретатель. Изобрел геодезический купол и является автором термина «синергетика».

Пояса Ван-Аллена – кольцевидные зоны высокой концентрации заряженных частиц, создаваемые магнитным полем планеты.

257

Массивные плавучие платформы – искусственные острова – которые дрейфуют в открытом океане на циклонических течениях. Термин образован путем слияния двух слов: gyre (циклоническое течение) + land (земля).

258

Гамлет, акт 2, сцена 2, пер. Д. Лозинского.

259

Из стихотворения «Второе пришествие», пер. Г. Кружкова.

260

Уолт Уитмен. Песня о себе, пер. К. Чуковского.

261

Реймонд Теллер – американский иллюзионист, писатель, актер и комедиант.

Даже сейчас у геймеров, которые много пользуются джойстиками и игровыми контроллерами, начинаются изменения в двигательной коре головного мозга: та часть мозга, которая отвечает за управление большими пальцами, в буквальном смысле начинает расширяться, чтобы соответствовать возросшим требованиям. Поэтому в будущем «техноконтурниками» будут звать тех, чья мозговая архитектура, контуры будут перепаяны под воздействием вынужденного и чрезмерного использования технологий.

263

Филип К. Дик. Валис, пер. В. Баканова и А. Криволапова.

Здесь имеется в виду что-то вроде глобальной экономической стратегии, скрещенной с игрой «Sims», в основе которой лежит понятие «шкалы Кардашёва» – метода измерения технологического развития цивилизации в зависимости от количества энергии, которое цивилизация использует для своих нужд.

265

Женщина-жрец в религии вуду, которая общается с духами и владеет всеми основными практиками заклинаний.

Все эти генетические явления в той или иной степени связаны с образованием раковых опухолей. Так с предварительным гипометилированием ДНК (то есть с модификацией молекулы ДНК без изменения самой нуклеотидной последовательности ДНК) связано развитие злокачественных новообразований, CpG-островки находятся в генах, подавляющих опухолевой рост, а по распределению 5-метилцитозина ДНК (пятого основания ДНК, крайне нестабильного, а потому мутабельного) можно увидеть различие между нормальными и раковыми клетками.

267

Брюкс думает о своеобразии в строении глаз вампирши. Лейкофоры – это хроматофоры (пигментосодержащие и светоотражающие клетки), которые рассеивают свет и выглядят как белые пятна. Тонкопленочная оптика связана с особенностями сетчатки вампиров. У их глаз, как минимум, более высокое быстродействие и гораздо меньшие оптические потери.

268

Леопольд Кронекер (1823–1891) – немецкий математик, исследователь теории чисел и арифметической теории алгебраических величин.

269

Компьютрониум – это гипотетический материал, который можно использовать в качестве программируемой материи, субстрата для компьютерной модели практически любого объекта на Земле. Гипотеза о создании компьютрониума принадлежит Норману Марголусу, физику из Массачусетского технологического института, и Томмазо Тоффоли, профессору Бостонского университета. На русский язык переведена их книга «Машины клеточных автоматов» (М.: Мир, 1991).

270

Форма самоорганизации неорганической материи, ведущая себя во многом как молекулы ДНК. Спирали способны расплетаться и образовывать две свои копии. Они могут также взаимодействовать с соседними аналогичными спиралями и эволюционировать в более сложные структуры, если при изменении условий они потеряют структурную устойчивость. Открыта доктором института общей физики РАН В. Н. Цытовичем при исследовании молекулярной динамики в пылевой плазме.

271

Уолтер Лайонел Джордж (1882–1926) – английский писатель, известный своими тиражами, но при жизни не популярный у критиков. Впоследствии Джордж Оруэлл назвал его одним из «прирожденных» английских писателей, чье творчество не сковывал «хороший вкус», а роман Джорджа «Дети утра» считается одним из предшественников «Повелителя мух» Уильяма Голдинга.

Здесь имеется в виду «закон Гордона Мура». Еще в 1960-е годы Гордон Мур, впоследствии один из основателей корпорации Intel, обратил внимание на интересную закономерность в развитии компьютеров. Он заметил, что объем компьютерной памяти удваивается примерно каждые два года, и это эмпирическое наблюдение стало фактически законом производительности любой техники.

Соглашение об ограничении геоинженерии.

Анкат – термоядерный реактивный двигатель, использующий антивещество в качестве катализатора реакции ядерного синтеза.

Ничто не ново под Луной (*фр.*).

От английского «*splinter*» – осколок, щепка, обломок.

277

Мастер по временной корректировке установок, корректирует воспоминания, может вызвать ощущение любви, привязанности или счастья у своих клиентов. В «Ложной слепоте» ВКУ-мастером работала Челси, девушка Сири Китона.

Брюкс нашел вполне реальное стихотворение. Оно принадлежит канадскому поэту Кристиану Бёку и действительно закодировано внутри гена. Так как каждая буква стихотворения – это отдельная аминокислота, то перевести его, сохранив форму оригинала, невозможно, разве что создать ген в ответ. Поэтому здесь ограничимся лишь буквальным переводом смысла стихотворения: «Фея ясна от сияния, на веру мы уповаем», и ответ кодонов: «Любой стиль жизни строг, останься же со мной, моя лира».

Здесь имеется в виду открытие генов, кодирующих кадгерины, белки, отвечающие за межклеточное взаимодействие, у одноклеточных простейших, в частности жгутикового Monosiga brevicollis, относящегося к классу хоанофлагеллатов. Именно эти белки позволили потомкам Monosiga впоследствии объединяться в колонии, а потом и взаимодействовать друг с другом, став основой чего-то вроде нервной системы.

D. M. Rosenthal, «Consciousness and Its Function», *Neuropsychologia* 46, no. 3 (2008): 829–840.

Asael Y. Sklar et al., «Reading and Doing Arithmetic Nonconsciously», *Proceedings of the National Academy of Sciences* (November 12, 2012): 201211645, doi:10.1073/pnas.1211645109.

Ap Dijksterhuis et al., «On Making the Right Choice: The Deliberation-Without-Attention Effect», *Science* 311, no. 5763 (February 17, 2006): 1005–1007, doi:10.1126/science.1121629.

Christof Koch and Naotsugu Tsuchiya, «Attention and Consciousness: Two Distinct Brain Processes», *Trends in Cognitive Sciences* 11, no. 1 (January 2007): 16–22, doi:10.1016/j.tics.2006.10.012.

Ken A. Paller and Joel L. Voss, «An Electrophysiological Signature of Unconscious Recognition Memory», *Nature Neuroscience* 12, no. 3 (March 2009): 349+.

C. Nathan DeWall, Roy F. Baumeister, and E. J. Masicampo, «Evidence That Logical Reasoning Depends on Conscious Processing», *Consciousness and Cognition* 17, no. 3 (September 2008): 628–645, doi:10.1016/j.concog.2007.12.004.

Ezequiel Morsella et al., «The Essence of Conscious Conflict: Subjective Effects of Sustaining Incompatible Intentions», *Emotion (Washington, D.C.)* 9, no. 5 (October 2009): 717–728, doi:10.1037/a0017121.

E. Morsella, «The Function of Phenomenal States: Supramodular Interaction Theory», *Psychological Review* 112, no. 4 (2005): 1000–1021.

Matthew W. Self and Pieter R. Roelfsema, «Optogenetics: Eye Movements at Light Speed», *Current Biology* 22, no. 18 (September 25, 2012): R804–R806, doi:10.1016/j.cub.2012.07.039.

Shahar Arzy et al., «–Induction of an Illusory Shadow Person», *Nature* 443, no. 7109 (September 21, 2006): 287–287, doi:10.1038/443287a.

Michael A. Persinger and Sandra G. Tiller, «Case Report: APrototypical Spontaneous ‘sensed Presence’ of a Sentient Being and Concomitant Electroencephalographic Activity in the Clinical Laboratory», *Neurocase* 14, no. 5 (2008): 425–430, doi:10.1080/13554790802406172.

291

Joyce Cohen, «For People With Misophonia, a Chomp or a Slurp May Cause Rage», June 9, 2011, http://www.nytimes.com/2011/09/06/health/06annoy.html.

Rachel Jones, «Stress Brings Memories to the Fore», *PLoS Biol* 8, no. 12 (December 21, 2010): e1001007, doi:10.1371/journal.pbio.1001007.

V. S. Ramachandran, *The Tell-tale Brain: a Neuroscientist's Quest for What Makes Us Human* (New York: W. W. Norton, 2012). Русское издание: Рамачандран В. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. М.: Карьера Пресс, 2015.

Alexis C. Madrigal, «The Dark Side of the Placebo Effect: When Intense Belief Kills», *The Atlantic*, September 14, 2011, http://www.theatlantic.com/health/archive/2011/09/the-dark-side-of-the-placebo-effect-when-intense-belief-kills/245065/.

Vilayanur S. Ramachandran and Sandra Blakeslee, *Phantoms in the Brain* (New York: Quill, 1999).

Mark Brown, «How the Brain Spots Faces – Wired Science», *Wired Science*, January 10, 2012, http://www.wired.com/wiredscience/2012/01/brain-face-recognition/

Simon Lacey, Randall Stilla, and K. Sathian, «Metaphorically Feeling: Comprehending Textural Metaphors Activates Somatosensory Cortex», *Brain and Language* 120, no. 3 (March 2012): 416–421, doi:10.1016/j.bandl.2011.12.016.

FizerPharm, Inc. «Vampire Domestication: Taming Yesterday's Nightmares for a Better Tomorrow» 2055. http://www.rifters.com/blindsight/vampires.htm

Patricia Blanco-Arias, Carole A. Sargent, and Nabeel A. Affara, «A Comparative Analysis of the Pig, Mouse, and Human PCDHX Genes», *Mammalian Genome: Official Journal of the International Mammalian Genome Society* 15, no. 4 (April 2004): 296–306, doi:10.1007/s00335-003–3034-9.

Alexey Cheberda, Janna Randina, and J. Random, «Coincident Autapomorphies in the r-PCDHX r-PCDHY Gene Complexes, and Their Role in Vampire Hominovory», *Vampire Genetics and Epigenetics* 24, no. 1 (2072): 435–460.

Anonymous, «Philosophical Zombie», *Wikipedia, the Free Encyclopedia*, October 25, 2013, http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Philosophical_zombie&oldid=576098290

Giulio Tononi and Gerald M. Edelman, «Consciousness and Complexity», *Science* 282, no. 5395 (December 4, 1998): 1846–1851, doi:10.1126/science.282.5395.1846.

Jaakko W. Langsjo et al., «Returning from Oblivion: Imaging the Neural Core of Consciousness», *The Journal of Neuroscience* 32, no. 14 (April 4, 2012): 4935–4943, doi:10.1523/JNEUROSCI.4962–11.2012.

Navindra Persaud et al., «Awareness-related Activity in Prefrontal and Parietal Cortices in Blindsight Reflects More Than Superior Visual Performance», *NeuroImage* 58, no. 2 (September 15, 2011): 605–611, doi:10.1016/j.neuroimage.2011.06.081.

Franco Cauda et al., «Functional Anatomy of Cortical Areas Characterized by Von Economo Neurons», *Brain Structure and Function* 218, no. 1 (January 29, 2012): 1–20, doi:10.1007/s00429-012–0382-9.

Caroline Williams, «The Cells That Make You Conscious», *New Scientist* 215, no. 2874 (July 21, 2012): 32–35, doi:10.1016/S0262–4079(12)61884-3.

Adrian Raine, Monte Buchsbaum, and Lori Lacasse, «Brain Abnormalities in Murderers Indicated by Positron Emission Tomography», *Biological Psychiatry* 42, no. 6 (September 15, 1997): 495–508, doi:10.1016/S0006–3223(96)00362-9.

Duane P. Harland and Robert R. Jackson, «Eight-legged Cats and How They See – a Review of Recent Research on Jumping Spiders (Araneae: Salticidae). 16 (2000): 231–240», *Cimbebasia* 16 (2000): 231–240.

D. P. Harland and R. R. Jackson, «A Knife in the Back: Use of Prey-Specific Attack Tactics by Araneophagic Jumping Spiders (Araneae: Salticidae)», *Journal of Zoology* 269, no. 3 (2006): 285–290, doi:10.1111/j.1469–7998.2006.00112.x.

M. Tarsitano, «Araneophagic Jumping Spiders Discriminate Between Detour Routes That Do and Do Not Lead to Prey», *Animal Behaviour* 53, no. 2 (n.d.): 257–266.

John McCrone, «Smarter Than the Average Bug», *New Scientist* 191, no. 2553 (2006): 37+.

H. N. Miras et al., «Unveiling the Transient Template in the Self-Assembly of a Molecular Oxide Nanowheel», *Science* 327, no. 5961 (December 31, 2009): 72–74, doi:10.1126/science.1181735.

Katharine Sanderson, «Life in 5000Hours: Recreating Evolution in the Lab», *New Scientist* 209, no. 2797 (January 29, 2011): 32–35, doi:10.1016/S0262–4079(11)60217-0.

Geoffrey J. T. Cooper, «Modular Redox-Active Inorganic Chemical Cells: iCHELLs», *Angewandte Chemie International Edition* 50, no. 44 (2011): 10373–10376.

V. N. Tsytovich, «From Plasma Crystals and Helical Structures Towards Inorganic Living Matter,” *New Journal of Physics* 9, no. 8 (August 1, 2007): 263.

Ara Norenzayan and Azim F. Shariff, «The Origin and Evolution of Religious Prosociality», *Science* 322, no. 5898 (October 3, 2008): 58–62, doi: 10.1126/science.1158757.

Richard Sosis and Candace Alcorta, «Signaling, Solidarity, and the Sacred: The Evolution of Religious Behavior», *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews* 12, no. 6 (2003): 264–274, doi:10.1002/evan.10120.

Jesse M. Bering, «The Folk Psychology of Souls," *Behavioral and Brain Sciences* 29, no. 05 (2006): 453–462, doi:10.1017/S0140525X06009101.

Azim F. Shariff and Ara Norenzayan, «God Is Watching You: Priming God Concepts Increases Prosocial Behavior in an Anonymous Economic Game», *Psychological Science* 18, no. 9 (September 1, 2007): 803–809, doi: 10.1111/j.1467–9280.2007.01983.x.

Melissa Bateson, Daniel Nettle, and Gilbert Roberts, «Cues of Being Watched Enhance Cooperation in aReal-world Setting», *Biology Letters* 2, no. 3 (September 22, 2006): 412–414, doi:10.1098/rsbl.2006.0509.

321

Azim F. Shariff and Ara Norenzayan, «Mean Gods Make Good People: Different Views of God Predict Cheating Behavior», *International Journal for the Psychology of Religion* 21, no. 2 (2011): 85–96, doi:10.1080/10508619.2011.556990.

Jeffrey P. Schloss and Michael J. Murray, «Evolutionary Accounts of Belief in Supernatural Punishment: aCritical Review», *Religion, Brain & Behavior* 1, no. 1 (2011): 46–99, doi:10.1080/2153599X.2011.558707.

323

…и это лишь небольшая часть.

Eckart Voland and Wulf Schiefenhovel (Eds), *The Biological Evolution of Religious Mind and Behavior*, 2009, http://www.springer.com/life+sciences/evolutionary+%26+developmental+biology/book/978–3-642–00127-7.

Justin L. Barrett, «The God Issue: We Are All Born Believers," *New Scientist* 213, no. 2856 (March 17, 2012): 38–41, doi:10.1016/S02624079(12) 60704-0.

Paul Bloom, «Is God an Accident?», *The Atlantic*, December 2005, http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2005/12/is-god-an-accident/304425/?single_page=true

Elizabeth Culotta, «On the Origin of Religion», *Science* 326, no. 5954 (November 6, 2009): 784–787, doi:10.1126/science.326_784.

Dr. Robert Sapolsky's Lecture About Biological Underpinnings of Religiosity, 2011, http://www.youtube.com/watch?v=4WwAQqWUkpI&feature=youtube_gdata_player

Sam Harris et al., «The Neural Correlates of Religious and Nonreligious Belief», *PLoS ONE* 4, no. 10 (October 1, 2009): e7272, doi:10.1371/journal.pone.0007272.

Lorenza S. Colzato, Wery P. M. van den Wildenberg, and Bernhard Hommel, «Losing the Big Picture: How Religion May Control Visual Attention», *PLoS ONE* 3, no. 11 (November 12, 2008): e3679, doi:10.1371/journal.pone.0003679.

Sara W Lazar et al., «Meditation Experience Is Associated with Increased Cortical Thickness», *Neuroreport* 16, no. 17 (November 28, 2005): 1893–1897.

Laura Saslow, «My Brother's Keeper?: Compassion Predicts Generosity More Among Less Religious Individuals», *Social Psychological and Personality Science* 4, no. 1 (January 1, 2013): 31–38.

Graham Lawton, «The God Issue: Religion for Atheists», *New Scientist* 213, no. 2856 (March 17, 2012): 48–49, doi:10.1016/S0262–4079(12)60708-8.

Michael Inzlicht, Alexa M. Tullett, and Marie Good, «The Need to Believe: a Neuroscience Account of Religion as a Motivated Process», *Religion, Brain & Behavior* 1, no. 3 (2011): 192–212, doi:10.1080/2153599X.2011.647849.

George Ellis, «Cosmology: Patchy Solutions», *Nature* 452, no. 7184 (March 13, 2008): 158–161, doi:10.1038/452158a.

Julian Jaynes, *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind* (Boston, Houghton Mifflin Company, 1976).

Michael S. Gazzaniga, «The Split Brain Revisited», *Scientific American Special Edition* 12, no. 1 (August 2, 2002): 27–31.

Jennifer A. Whitson and Adam D. Galinsky, «Lacking Control Increases Illusory Pattern Perception», *Science* 322, no. 5898 (October 3, 2008): 115–117, doi:10.1126/science.1159845.

339

Helen Thomson, «Mindscapes: Stroke Turned Ex-con into Rhyming Painter – Health – 10 May 2013 – New Scientist», 2013, http://www.newscientist.com/article/dn23523-mindscapes-stroke-turned-excon-into-rhyming-painter.html.

Sandra Blakeslee, «A Disease That Allowed Torrents of Creativity», *New York Times*, April 8, 2008, sec. Health, http://www.nytimes.com/2008/04/08/health/08brai.html

Emma Ashwin et al., «Eagle-Eyed Visual Acuity: An Experimental Investigation of Enhanced Perception in Autism», *Biological Psychiatry* 65, no. 1 (January 1, 2009): 17–21, doi:10.1016/j.biopsych.2008.06.012.

Danai Dima et al., «Understanding Why Patients with Schizophrenia Do Not Perceive the Hollow-mask Illusion Using Dynamic Causal Modelling», *NeuroImage* 46, no. 4 (July 15, 2009): 1180–1186, doi:10.1016/j.neuroimage.2009.03.033.

Heather Mann et al., «Time-space Synaesthesia'a Cognitive Advantage?», *Consciousness and Cognition* 18, no. 3 (September 2009): 619–627, doi:10.1016/j.concog.2009.06.005.

Victoria Gill, «Can You See Time?», *BBC*, September 11, 2009, sec. Science & Environment, http://news.bbc.co.uk/2/hi/science/nature/8248589.stm.

Michael Koenigs et al., «Damage to the Prefrontal Cortex Increases Utilitarian Moral Judgements», *Nature* 446, no. 7138 (April 19, 2007): 908–911, doi:10.1038/nature05631.

Deheng Wang et al., «Genetic Enhancement of Memory and Long-Term Potentiation but Not CA1 Long-Term Depression in NR2B Transgenic Rats», *PLoS ONE* 4, no. 10 (October 19, 2009): e7486, doi:10.1371/journal.pone.0007486.

Ronny Stahl et al., «Trnp1 Regulates Expansion and Folding of the Mammalian Cerebral Cortex by Control of Radial Glial Fate», *Cell* 153, no. 3 (April 25, 2013): 535–549, doi:10.1016/j.cell.2013.03.027.

Robert M. Hoffman, «The Multiple Uses of Fluorescent Proteins to Visualize Cancer in Vivo», *Nature Reviews. Cancer* 5, no. 10 (October 2005): 796–806, doi:10.1038/nrc1717.

Anonymous, «Autism: Making the Connection», *The Economist*, August 5, 2004, http://www.economist.com/node/3061282

Fabienne Samson et al., «Enhanced Visual Functioning in Autism: An ALE Meta-analysis», *Human Brain Mapping* 33, no. 7 (2012): 1553–1581, doi:10.1002/hbm.21307.

Deborah Halber, «Gene Research May Help Explain Autistic Savants – MIT News Office», *MIT's News Office*, 2008, http://web.mit.edu/newsoffice/2008/savants-0212.html.

Fumiko Hoeft et al., «Functional and Morphometric Brain Dissociation Between Dyslexia and Reading Ability», *Proceedings of the National Academy of Sciences* 104, no. 10 (March 6, 2007): 4234–4239, doi:10.1073/pnas.0609399104.

B. Sparrow, J. Liu, and D. M. Wegner, «Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips», *Science* 333, no. 6043 (July 14, 2011): 776–778, doi:10.1126/science.1207745.

V. S. Ramachandran and Stuart Hameroff, «Beyond Belief: Science, Reason, Religion & Survival. Salk Institute for Biological Studies, Nov 5–7, 2006 (Session 4)», *The Science Network*, 2006, http://thesciencenetwork.org/programs/beyond-belief-science-religion-reason-and-survival/session-4–1.

Jordan Squair, «Craniopagus: Overview and the Implications of Sharing a Brain», *University of British Columbia's Undergraduate Journal of Psychology (UBCUJP)* 1, no. 0 (May 1, 2012), http://ojs.library.ubc.ca/index.php/ubcujp/article/view/2521.

Costas A. Anastassiou et al., «Ephaptic Coupling of Cortical Neurons», *Nature Neuroscience* 14, no. 2 (February 2011): 217–223, doi:10.1038/nn.2727.

Kaj Sotala and Harri Valpola, «Coalescing Minds: Brain Uploading-Related Group Mind Scenarios», *International Journal of Machine Consciousness* 04, no. 01 (June 2012): 293–312, doi:10.1142/S1793843012400173.

358

The Pontifical Academy of Sciences, «An Enemy Within: The Bicameral Threat to Institutional Religion in the Twenty-First Century (An Internal Report to the Holy See)» (Internal Report., 2093).

A. B. Newberg and E.G.d' Aquili, «The Neuropsychology of Religious and Spiritual Experience», *Journal of Consciousness Studies* 7, no. 11–12 (November 1, 2000): 251–266.

Andrew B. Newberg et al., «The Measurement of Regional Cerebral Blood Flow During Glossolalia: A Preliminary SPECT Study», *Psychiatry Research: Neuroimaging* 148, no. 1 (November 22, 2006): 67–71, doi:10.1016/j.pscychresns.2006.07.001.

M. A. Persinger, «Striking EEG Profiles from Single Episodes of Glossolalia and Transcendental Meditation», *Perceptual and Motor Skills* 58, no. 1 (February 1984): 127–133.

Cosimo Urgesi et al., «The Spiritual Brain: Selective Cortical Lesions Modulate Human Self-Transcendence», *Neuron* 65, no. 3 (February 11, 2010): 309–319, doi:10.1016/j.neuron.2010.01.026.

Dimitrios Kapogiannis et al., «Neuroanatomical Variability of Religiosity», *PLoS ONE* 4, no. 9 (September 28, 2009): e7180, doi:10.1371/journal.pone.0007180.

Anonymous, «Digital Physics», *Wikipedia, the Free Encyclopedia*, September 17, 2013, http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Digital_physics&oldid=571364996.

Nick Bostrom, «Are We Living in a Computer Simulation?», *The Philosophical Quarterly* 53, no. 211 (2003): 243–255, doi:10.1111/1467–9213.00309

Nick Bostrom, “The Simulation Argument», n.d., http://www.simulation-argument.com/.

Brian Whitworth, *The Physical World as aVirtual Reality*, arXiv e-print, January 2, 2008, http://arxiv.org/abs/0801.0337.

Max Tegmark, *The Mathematical Universe*, arXiv e-print, April 5, 2007, http://arxiv.org/abs/0704.0646.

Amanda Gefter, «Reality: Is Everything Made of Numbers?», *New Scientist* 215, no. 2884 (September 29, 2012): 38–39, doi:10.1016/S02624079(12)62518-4.

Zeeya Merali, «Theoretical Physics: The Origins of Space and Time», *Nature* 500, no. 7464 (August 28, 2013): 516–519, doi:10.1038/500516a.

Marcus Chown, «Our World May Be aGiant Hologram», *New Scientist* no. 2691 (2009): 24–27.

Dave Mosher, «World's Most Precise Clocks Could Reveal Universe Is aHologram – Wired Science», *Wired Science*, October 28, 2010, http://www.wired.com/wiredscience/2010/10/holometer-universe-resolution/.

«Rebooting the Cosmos: Is the Universe the Ultimate Computer? [Replay]: Scientific American», accessed September 10, 2013, http://www.scientificamerican.com/article.cfm?id=world-science-festival-rebooting-the-cosmos-is-the-universe-ultimate-computer-live-event.

B Greene, *The Hidden Reality: Parallel Universes and the Deep Laws of the Cosmos* (New York: Vintage Books, 2011). Русское издание: Брайан Грин. Скрытая реальность: Параллельные миры и глубинные законы космоса. Либроком, 2012.

Lee Smolin, *The Life of the Cosmos* (New York: Oxford University Press, 1997).

Lee Smolin, «Time Reborn», 2012, http://perimeterinstitute.ca/videos/time-reborn.

Lee Smolin, *Time Reborn: From the Crisis in Physics to the Future of the Universe* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013). Русское издание: Ли Смолин. Возвращение времени: от античной космогонии ккосмологии будущего. М.: АСТ, Corpus, 2014.

«DNA Barcoding», *Wikipedia, the Free Encyclopedia*, September 17, 2013, http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=DNA_barcoding&oldid=573251556.

Kevin Davies, «A QuantuMDx Leap for Handheld DNA Sequencing – Bio-IT World», *Bio-IT World*, 2012, http://www.bio-itworld.com/2012/01/17/quantumdx-leap-handheld-dna-sequencing.html.

«Vortex Engine», *Wikipedia, the Free Encyclopedia*, September 18, 2013, http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Vortex_engine&oldid=573492083.

Tyler Hamilton, «Taming Tornadoes to Power Cities», *The Toronto Star*, July 21, 2007, http://www.thestar.com/business/2007/07/21/taming_tornadoes_to_power_cities.html.

Kurt Kleiner, «Artificial Tornado Plan to Generate Electricity», *Technology: New Scientist Blogs*, 2008, http://www.newscientist.com/blog/technology/2008/06/artificial-tornado-plan-to-generate.html.

Kazuhisa Shibata et al., «Perceptual Learning Incepted by Decoded fMRI Neurofeedback Without Stimulus Presentation», *Science* 334, no. 6061 (December 9, 2011): 1413–1415, doi:10.1126/science.1212003.

Jack L. Gallant et al., «Identifying Natural Images from Human Brain Activity», *Nature* 452, no. 7185 (March 20, 2008): 352+.

T. Horikawa et al., «Neural Decoding of Visual Imagery During Sleep», *Science* 340, no. 6132 (May 3, 2013): 639–642, doi:10.1126/science. 1234330.

Kendrick N. Kay and Jack L. Gallant, «I Can See What You See», *Nature Neuroscience* 12, no. 3 (March 2009): 245–245, doi:10.1038/nn0309–245.

Thomas Naselaris et al., «Bayesian Reconstruction of Natural Images from Human Brain Activity», *Neuron* 63, no. 6 (September 24, 2009): 902–915, doi:10.1016/j.neuron.2009.09.006.

Jon Stokes, «Sony Patents aBrain Manipulation Technology», *Ars Technica*, April 7, 2005, http://arstechnica.com/uncategorized/2005/04/4785–2/.

Johannes Graff and Li-Huei Tsai, «Cognitive Enhancement: A Molecular Memory Booster», *Nature* 469, no. 7331 (January 27, 2011): 474–475, doi:10.1038/469474a.

Dillon Y. Chen et al., «A Critical Role for IGF-II in Memory Consolidation and Enhancement», *Nature* 469, no. 7331 (January 27, 2011): 491–497, doi:10.1038/nature09667.

391

Reut Shema et al., «Enhancement of Consolidated Long-Term Memory by Overexpression of Protein Kinase Mj in the Neocortex», *Science* 331, no. 6021 (March 4, 2011): 1207–1210, doi:10.1126/science.1200215.

Brendan Maher, «Poll Results: Look Who's Doping», *Nature News* 452, no. 7188 (April 9, 2008): 674–675, doi:10.1038/452674a.

Eric T. Lofgren and Nina H Fefferman, «The Untapped Potential of Virtual Game Worlds to Shed Light on Real World Epidemics», *The Lancet Infectious Diseases* 7, no. 9 (September 2007): 625–629, doi:10.1016/S1473–3099(07)70212-8.

«Corrupted Blood Incident», *Wikipedia, the Free Encyclopedia*, August 12, 2013, http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Corrupted_Blood_incident&oldid=566358819.

John Gaudiosi, «Gameworld: Virtual Economies in Video Games Used as Case Studies», *Reuters*, October 1, 2009, http://www.reuters.com/article/2009/10/01/videogames-economies-idUSSP15565220091001

Alexandre Alie and Michael Manuel, «The Backbone of the Post-synaptic Density Originated in a Unicellular Ancestor of Choanoflagellates and Metazoans», *BMC Evolutionary Biology* 10, no. 1 (2010): 34, doi: 10.1186/1471–2148-10–34.

P. Burkhardt et al., «Primordial Neurosecretory Apparatus Identified in the Choanoflagellate Monosiga Brevicollis», *Proceedings of the National Academy of Sciences* 108, no. 37 (August 29, 2011): 15264–15269, doi:10.1073/pnas.1106189108.

X. Cai, «Unicellular Ca2+ Signaling 'Toolkit' at the Origin of Metazoa», *Molecular Biology and Evolution* 25, no. 7 (April 3, 2008): 1357–1361, doi:10.1093/molbev/msn077.

B. J. Liebeskind, D. M. Hillis, and H. H. Zakon, «Evolution of Sodium Channels Predates the Origin of Nervous Systems in Animals», *Proceedings of the National Academy of Sciences* 108, no. 22 (May 16, 2011): 9154–9159, doi:10.1073/pnas.1106363108.

Pierre-Yves Placais and Thomas Preat, «To Favor Survival Under Food Shortage, the Brain Disables Costly Memory», *Science* 339, no. 6118 (January 25, 2013): 440–442, doi:10.1126/science.1226018.

Margaret Talbot, «Brain Gain», *The New Yorker*, April 27, 2009, http://www.newyorker.com/reporting/2009/04/27/090427fa_fact_talbot.

Vihang A. Narkar et al., «AMPK and PPARd Agonists Are Exercise Mimetics», *Cell* 134, no. 3 (August 8, 2008): 405–415, doi:10.1016/j.cell.2008.06.051.

«Christian Bok», *Wikipedia, the Free Encyclopedia*, September 14, 2013.

Jamie Condliffe, «Cryptic Poetry Written in a Microbe's DNA», *CultureLab, New Scientist Online*, 2011, http://www.newscientist.com/blogs/culturelab/2011/05/christian-boks-dynamic-dna-poetry.html.

«*Deinococcus Radiodurans*», *Wikipedia, the Free Encyclopedia*, July 29, 2013.

406

Да, тут могут быть случайные элементы – квантовые вспышки, которые обеспечивают непредсказуемость поведения – но подчиняя свои решения броску костей, свободы не обретешь.

Benjamin Libet et al., «Time of Conscious Intention to Act in Relation to Onset of Cerebral Activity (readiness-Potential) the Unconscious Initiation of a Freely Voluntary Act», *Brain* 106, no. 3 (September 1, 1983): 623–642, doi:10.1093/brain/106.3.623.

Chun Siong Soon et al., «Unconscious Determinants of Free Decisions in the Human Brain», *Nature Neuroscience* 11, no. 5 (May 2008): 543–545, doi:10.1038/nn.2112.

Bjorn Brembs, «Towards a Scientific Concept of Free Will as a Biological Trait: Spontaneous Actions and Decision-making in Invertebrates», *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* (December 15, 2010), doi:10.1098/rspb.2010.2325.

Alexander Maye et al., «Order in Spontaneous Behavior», *PLoS ONE* 2, no. 5 (May 16, 2007): e443, doi:10.1371/journal.pone.0000443.

Anthony R Cashmore, «The Lucretian Swerve: The Biological Basis of Human Behavior and the Criminal Justice System», *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 107, no. 10 (March 9, 2010): 4499–4504, doi:10.1073/pnas.0915161107.

David Eagleman, *Incognito: The Secret Lives of the Brain* (New York: Vintage Books, 2012).

Daniel M. Wegner, *The Illusion of Conscious Will* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002).

Sam Harris on «Free Will», 2012, http://www.youtube.com/watch?v=pCofmZlC72g&feature=youtube_gdata_player.

Davide Rigoni et al., «Inducing Disbelief in Free Will Alters Brain Correlates of Preconscious Motor Preparation: The Brain Minds Whether We Believe in Free Will or Not», *Psychological Science* 22, no. 5 (May 2011): 613–618, doi:10.1177/0956797611405680.

Roy F. Baumeister, E. J. Masicampo, and C. Nathan DeWall, «Prosocial Benefits of Feeling Free: Disbelief in Free Will Increases Aggression and Reduces Helpfulness», *Personality and Social Psychology Bulletin* 35, no. 2 (February 1, 2009): 260–268, doi:10.1177/0146167208327217.

Kathleen D. Vohs and Jonathan W. Schooler, «The Value of Believing in Free Will Encouraging aBelief in Determinism Increases Cheating», *Psychological Science* 19, no. 1 (January 1, 2008): 49–54, doi:10.1111/j.1467–9280.2008.02045.x.

Hagop Sarkissian et al., «Is Belief in Free Will a Cultural Universal?», *Mind & Language* 25, no. 3 (2010): 346–358, doi:10.1111/j.1468–0017.2010.01393.x.

419

Не Джосс ли Уидон водном из комиксов про Людей Икс утверждал, что «Противоречие – это зерно сознания»?